МНОГОЛИКИЙ
ТВОРЕЦ
МИРОВ

Джордж Р. Р.
МАРТИН

Стеклянный цветок

ТЕНЬ ЗВЕЗД,
СВЕТ НОЧЕЙ,
ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Эксмо

Джордж Р. Р.
МАРТИН

Стеклянный цветок

Джордж Р. Р.

МАРТИН

Стеклянный цветок

Джордж Р. Р.
МАРТИН

GRRM:

A RRetrospective

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Джордж Р. Р.

МАРТИН

Стеклянный цветок

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 29

George R.R. Martin
GRRM: A RRetrospective
© 2002 by George R.R. Martin

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Мартин Дж. Р. Р.

М 29 Стеклянный цветок: Фантастические произведения / Джордж Р. Р. Мартин; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 752 с.: ил. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-26789-7

Книга «Стеклянный цветок» продолжает панорамный обзор творчества Джорджа Р. Р. Мартина, автора многих культовых произведений современной фантастики, в том числе таких, как знаменитый роман-мозаика «Дикие карты» и мощнейшее фэнтезийное полотно «Песнь Льда и Огня».

Писатель представлен разными гранями своего творчества: в книге вы найдете и авантюрные рассказы о похождениях космического торговца Хэвиланда Тафа, и сценарии для голливудского телесериала «Сумеречная зона», и рассказы, сделанные в жанре высокой фэнтези («Межевой рыцарь»), и кошмарные истории в духе Стивена Кинга («Шесть серебряных пуль»; Всемирная премия фэнтези 1989 года).

Большинство произведений, представленных в сборнике, переведены на русский язык впервые.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Н. Виленская, И. Гурова, В. Гольдич и И. Оганесова, А. Жаворонков, О. Колесников, П. Поляков, И. Тетерина, Т. Черезова, перевод с английского, 2008
© ООО «ИД «Домино», 2008
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-26789-7

Часть первая

Вкус Тафа

Мой литературный путь усыпан останками мертвых серий.

Я начал серию о звездном кольце, написав «Второй вид одиночества», «Немногоцветные огни звездного кольца», после чего потерял к ним интерес — третий рассказ так и не появился.

За «Побочным делом» должны были последовать новые приключения звездных кораблей «Мьёльнир» и «Достойный корабль “Леденец”». Но ни один из этих рассказов так и не вышел в свет — я их просто не написал.

Серия о дрессировщике трупов состояла из трех рассказов. «Никто не покидает Нью-Питсбург» ее начинал, затем следовала «Перегрузка», а «Человек с мясной фабрики» если и не заканчивал серию, то должен был ее вывести на финишную прямую. Четвертый рассказ существует в виде четырехстраничного фрагмента, а у меня в файлах есть идеи еще на дюжину. Когда-то я намеревался написать их все, напечатать в журналах, а потом собрать в книге под названием «Песни, которые поют мертвецы». Но четвертый рассказ я так и не закончил, а остальные даже не начал. Когда я все-таки использовал название «Песни, которые поют мертвецы» для сборника, вышедшего в 1983 году («Темная жатва»), «Человек с мясной фабрики» оказался в нем единственным рассказом о мертвецах.

Несколько лучше у меня получилось с серией «Гавань ветров», возможно, благодаря совместной работе с Лизой Таттл: было кому подстегнуть, когда соки моего творчества начинали иссякать (Лиза добавила и своих творческих соков). Сначала мы намеревались написать короткий рассказ, который превратился в повесть «Шторм в гавани ветров» (она номиниро-

валась на «Небьюлу» и «Хьюго», но проиграла),— по подсказке редактора «Аналога» Бена Бовы. За ним последовали еще две повести — «Однокрылый» и «Падение». Потом мы с Лизой собрали их вместе, добавили пролог и эпилог и опубликовали «Гавань ветров», классический пример «собранного» романа, получившегося из напечатанных ранее коротких рассказов или повестей.

Однако «Гаванью ветров» серию не предполагалось заканчивать. Мы с Лизой собирались продолжить историю в двух новых книгах, чтобы показать результаты перемен, затеянных Марисом в «Шторме в гавани ветров», и проследить судьбы следующих двух поколений. Вторая книга получила название «Раскрашенные крылья». Главным героем должна была стать маленькая девочка, которая появилась в «Падении», а теперь выросла.

Мы так и не написали эту книгу. Мы *говорили* о ней в течение нескольких лет, но нам не удалось выбрать подходящий момент, чтобы ее сочинить. Когда был свободен я, Лиза заканчивала очередной роман. Когда освобождалась она, я оказывался в Голливуде, или занимался «Дикими картами», или писал собственный роман. Даже в самые благоприятные моменты нас разделяли тысячи миль; потом я перебрался на запад (в Санта-Фе и Лос-Анджелес), а она — на восток (в Англию и Шотландию), и мы виделись все реже и реже. К тому же мы старели, наши взгляды на мир и стили становились все более разными, что заметно усложняло совместную работу. По-моему, литературное сотрудничество — игра для молодых писателей или для старых, циничных, пытающихся извлечь деньги из своих имен. Поэтому «Раскрашенные крылья» так и не отправились в полет.

Другие мои серии оказались и того короче, как я уже не раз упоминал в этих комментариях: «Железные ангелы» (один рассказ), серия о Шарре (один рассказ), о Серой Элис (один рассказ), «Во и Шейд» (один рассказ), «Шесть серебряных пуль» (один рассказ). Вполне достаточно, чтобы поставить диагноз: *creatis interruptus**.

* Прерванная работа *(лат.)*.

Но тут появился Таф, Хэвиланд Таф, экологический инженер, хозяин «Ковчега» и главный герой «Путешествий Тафа», которые можно рассматривать и как собрание коротких рассказов, и как «собранный» роман — все зависит от того, являетесь вы критиком или издателем. Именно Таф снял с меня раз и навсегда заклятие на написание серий, открыв ворота для «Диких карт» и «Песни льда и огня».

Как и у всякого читателя, у меня есть любимые сериальные герои. В фэнтези меня привлекали Элрик Муркока и Соломон Кейн Говарда, а еще я просто обожал лихих мошенников Фрица Лейбера — Фафхрда и Серого Мышелова. В научной фантастике я люблю Ретифа*, Доминика Фландри, Элайджа Бейли и Р. Дэниэла Оливо. Но мой самый любимый герой — галактический бродяга Магнус Ридольф, созданный Джеком Вэнсом, и толстый интриган, принц звездных торговцев Николас ван Рийн Пола Андерсона.

Как писатель я продолжаю мечтать о создании собственной популярной «долгоиграющей» серии. У меня даже появилась подходящая идея. Шел 1975 год, и у всех на устах было слово «экология». Мне пришло в голову, что серия о инженере-биогенетике, который перемещается с одного мира на другой, решая (или, как в некоторых случаях, создавая) экологические проблемы, может получиться попросту бесконечной. Предмет исследования позволит изучить множество самых любопытных вопросов... но самое главное — насколько мне известно, никто не пытался писать на похожие темы.

Кем будет мой герой? Я понимал, что придумал великолепную идею, но для настоящей серии необходим еще и не менее великолепный персонаж, общением с которым читатель будет наслаждаться, с нетерпением переходя от одной истории к другой. И с этими мыслями я обратился к тем героям, которых любил как читатель: уже упомянутый Николас ван Рийн, Конан, Шерлок Холмс, Маугли, Трэвис Макги**, Горацио Хорнблауэр***, Элрик из Мельнибонэ, Бэтмен, Ретиф, Норт-

* Персонаж американского писателя Кейта Лаумера.

** Персонаж серии детективных романов американского писателя Джона Д. Макдональда.

*** Персонаж романов английского писателя Сесила Скотта Форестера.

вест Смит*, Сьюзен Кэлвин, Флэшмен**. Конечно, они совсем разные, однако я попытался отыскать у всех общую черту — и она нашлась.

Я обратил внимание на две вещи. Во-первых, у них превосходные имена, которые им очень подходят. Запоминающиеся, единственные в своем роде. Едва ли вы встречали двух Горациев Хорнблауэров. В телефонной книге Мельнибонэ вы не найдете четырех Элриков. Нортвесту Смиту не нужны еще инициалы, чтобы отличаться от других Нортвестов Смитов.

Во-вторых, каждый из них больше, чем сама жизнь. Среди них нет обычных парней и нет такой опасности, от которой кто-либо из них станет прятаться под обои. Многие из них лучшие в сферах своей деятельности, будь то военно-морские сражения (Хорнблауэр), дедукция (Холмс), рукопашный бой (Конан) или трусость и похоть (Флэшмен). Конечно, в литературе есть место для маленьких, обычных людей, вполне реалистических персонажей, но только не в тех случаях, когда речь идет о главном герое долгоиграющего сериала.

«Ладно,— сказал я себе,— я это сумею».

Так родился Хэвиланд Таф, большой лысый купец, любитель кошек, вегетарианец, пьющий вино из грибов, претендующий на роль бога, суетливый и официальный, и не столько уникальный, сколько эксцентричный. В нем есть немного от Холмса и Ридольфа, щепотка Николаса ван Рийна, капля Эркюля Пуаро, зато много от Альфреда Хичкока... и совсем чуть-чуть от меня самого. Из всех моих персонажей Таф меньше всех похож на меня (хотя у меня и есть кот по имени Дакс, к счастью, не обладающий способностью к телепатии).

Что касается Хэвиланда, это имя я заметил в таблице шахматного чемпионата, в организации которого принимал участие. Откуда появился Таф? Теперь уже не помню. Но как только я сложил их вместе, то сразу понял, что это *он,* вне всякого сомнения.

* Персонаж американской писательницы Кэтрин Мур.

** Персонаж сериала американского писателя и сценариста Джорджа Макдональда Фрэзера.

В семидесятые годы я все еще пытался пристраивать свои рассказы в самые разные издательства. Мне хотелось доказать, что я способен продать свою работу любому, а не нескольким избранным редакторам. Кроме того, я считал, что всякий раз, когда мне удается пробиться на новый рынок, у меня появляются новые читатели, которые захотят почитать другие мои книги.

Опираясь на эту теорию, я продал первый рассказ из сериала про Хэвиланда Тафа в британскую антологию под названием «Андромеда», редактором которой был Питер Уэстон. Возможно, «Зверь для Норна» привлек к моему творчеству легионы новых британских читателей; но, к сожалению, лишь немногие мои американские читатели узнали о существовании этого рассказа, пока он не был напечатан в американском издании «Андромеды» три года спустя. К этому моменту я уже успел опубликовать второй рассказ о Тафе, «Зовите меня Моисеем», который купил Бен Бова. С тех пор Таф стал часто появляться на страницах «Аналога». Бен и его преемник, Стэнли Шмидт, получили право первыми прочитать очередного Тафа и всякий раз его покупали.

Впрочем, их было не так уж и много. Таф доставлял мне удовольствие, но был не единственной рыбкой на моей сковородке. В конце семидесятых годов я продолжал преподавать в колледже Кларка, поэтому не мог все свое время посвящать писательской работе, к тому же мне хотелось рассказывать и другие истории. А когда в конце 1979 года я перебрался в Санта-Фе и попытался зарабатывать себе на жизнь только писательским трудом, мое внимание переключилось на романы. «Грезы Февра» заняли почти весь 1981 год, «Шум Армагеддона» был написан в 1982 году, «Все черное, белое и красное» — в 1984 году. Так или иначе, серия о Тафе истощилась бы на трех или четырех рассказах, если бы не Бэтси Митчелл.

Бэтси работала заместителем редактора в «Аналоге» при Стэне Шмидте, но в 1984 году ушла из журнала и стала редактором в «Баэн Букс». Вскоре после перехода в «Баэн» она позвонила мне и спросила, не думал ли я о сборнике приключений Хэвиланда Тафа. Я думал, конечно, но в неопределенном времени, когда-нибудь в будущем, когда соберется доста-

точное количество рассказов о Тафе. В лучшем случае у меня была готова половина книги. И все же я не мог отклонить предложение Бэтси, потому что в тот период моей карьере угрожала серьезная опасность. Читатели полностью проигнорировали «Шум Армагеддона», в результате чего никто из редакторов не решался взять «Все черное, белое и красное». А теперь у меня появился шанс вернуться обратно в игру. Я вполне мог написать несколько рассказов о Тафе, продать права на всю серию Стэну Шмидту в «Аналог», а потом собрать их в книгу для Бэтси.

Так я написал «Чумную звезду», историю о том, как Таф стал владельцем «Ковчега», после появился триптих, который лег в основу книги. «Путешествия Тафа» вышли в «Баэне» в феврале 1986 года. Мой пятый роман, как говорят некоторые, хотя я сам всегда считал «Путешествия Тафа» сборником коротких рассказов. (В моем сознании «Все черное, белое и красное» навсегда останутся моим пятым романом, пусть неудачным и незаконченным.)

Любой разговор о моей пестрой карьере не может быть проведен без упоминаний о Тафе, поэтому я включил в этот сборник два рассказа из этой серии. Тот, кто захочет продолжить знакомство, может обратиться к «Путешествиям Тафа».

«Зверь для Норна» — самый ранний рассказ о Тафе, я написал его в 1976 году. Когда в 1985 году настало время собирать для Бэтси «Путешествия Тафа», следовало принять во внимание то обстоятельство, что за десять лет Хэвиланд Таф изменился, и прежний персонаж не вполне укладывался в новый образ. В «Путешествиях Тафа» была напечатана новая версия «Зверя для Норна». Однако для этой ретроспективы я посчитал разумным вернуться к исходной версии Тафа. Таким образом, здесь представлен первый вариант «Зверя для Норна», напечатанный в «Андромеде» в 1976 году.

«Хранители» были опубликованы в «Аналоге» в 1981 году. По опросам «Локуса», он стал лучшим рассказом года и был номинирован на премию «Хьюго». Однако тогда его опередил великолепный «Вариант единорога» Роджера Желязны. (Роджер был моим близким другом, и однажды, когда мы ехали в Альбукерке на ужин, я в шутку предложил ему идею «Варианта». Желязны не забыл об этом, назвав главного героя Мартином, а потом взял и перехватил у меня премию «Хьюго».)

Одно время я собирался написать вторую книгу о Тафе. «Путешествия Тафа» имели неплохой успех, поэтому Бэтси Митчелл предложила мне придумать продолжение: еще один сборник коротких рассказов или настоящий роман. В файлах у меня имелись идеи еще на дюжину рассказов, так что мы подписали контракт, более того, книга была объявлена в «Локусе». Рабочее название — «Дважды Таф», но если бы я написал роман, он назывался бы «Крутая посадка Тафа».

Однако из нашего проекта ничего не вышло. Вмешался Голливуд, и я оказался в Лос-Анджелесе, где за две недели заработал больше денег, чем получил бы за год работы над «Дважды Тафом». В то время я ужасно нуждался в деньгах: все еще сказывались неудачные продажи «Шума Армагеддона» и то обстоятельство, что мне так и не удалось продать «Все черное, белое и красное».

Когда пришел срок сдачи книги, а я так ничего и не написал, я предложил Бэтси, что возьму соавтора, который напишет рассказы по моим наброскам. Я всегда серьезно относился к контрактам и намеревался выполнить свои обязательства, но, честно говоря, идея с соавтором мне казалась неудачной. Бэтси Митчелл она также не понравилась, и она меня отговорила, за что я ей благодарен. Рассказы о Тафе, написанные кем-то другим, разумеется, и были бы совсем другими. Я бы обманул «Баэн букс», своих читателей и себя самого. Кончилось тем, что я передал «Баэн букс» права на мои старые книги, в результате все остались довольны, за исключением почитателей Тафа. Они пишут мне письма, в которых уговаривают прекратить работу над «Дикими картами», или телевизионными шоу, или над толстыми романами из фэнтезийного сериала, а написать несколько рассказов про Хэвиланда Тафа. Поэтому я отвечаю: «Быть может, однажды, когда вы будете меньше всего этого ожидать...»

Зверь для Норна

Хэвиланд Таф расслаблялся в таверне на Тэмбере. Он сидел в одиночестве в самом темном углу тускло освещенного зала, положив локти на стол, макушка его лысой головы почти касалась деревянной балки потолка. Перед ним стояли четыре пустых кружки, на дне которых оседала пена, пятая, наполовину полная, покоилась в мозолистых руках.

Если Таф и замечал любопытные взгляды других посетителей таверны, то виду не подавал, продолжая методично заглатывать эль, а его лицо — белое, точно кость, и совершенно лишенное волос, как и все тело,— сохраняло непроницаемое выражение. Он был человеком героических пропорций, Хэвиланд Таф, великан с могучим ударом, и его мощная фигура одиноко высилась в углу.

Однако он был не совсем один, потому что его черный кот Дакс темным меховым шаром лежал перед ним на столе. Таф изредка ставил на стол кружку с элем и рассеянно поглаживал своего спутника. Кот был столь же велик по сравнению со своими собратьями, как и Таф по сравнению с другими людьми, и, между прочим, даже не думал шевелиться, хотя его окружали пустые кружки.

Когда худой мужчина подошел к столику Тафа, тот поднял глаза и моргнул, дожидаясь, когда незнакомец заговорит.

— Вы Хэвиланд Таф, продавец животных,— сказал невероятно худой мужчина.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Его одежда — черная кожа с отделкой из серого меха — висела на нем мешком. Тем не менее он явно был человеком состоятельным, поскольку его голову под копной темных волос украшала узкая бронзовая диадема, а на пальцах сверкали кольца.

Таф погладил Дакса и, глядя на кота, заговорил, очень медленно произнося слова, его низкий голос казался совершенно равнодушным.

— Я Хэвиланд Таф, продавец животных. Или меня таковым считают.— Потом он перевел взгляд на худого мужчину, нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу.— Сэр, я действительно Хэвиланд Таф. И я действительно торгую животными. Однако я считаю себя не продавцом животных, а экологическим инженером.

Незнакомец раздраженно махнул рукой и устроился за столом напротив Тафа.

— Насколько мне известно, вы владеете кораблем-сеятелем древнего Экологического корпуса, но это еще не делает вас экоинженером, Таф. Вот уже несколько столетий все экоинженеры мертвы. Но если вы предпочитаете, чтобы вас называли экологическим инженером, я не против. Мне нужны ваши услуги. Я хочу приобрести у вас монстра, огромного злобного зверя.

— Ага.— Таф вновь обратился к коту.— Он хочет купить монстра, этот незнакомец, который уселся за мой стол.

— Меня зовут Хирольд Норн, если вас волнует мое имя,— сказал худой мужчина.— Я старший звероусмиритель моего Дома, одного из Двенадцати Великих Домов Лайроники.

— Лайроника,— кивнул Таф.— Я слышал о Лайронике. Следующий от нас мир в сторону Фринджа, славится своими игровыми аренами?

Норн улыбнулся.

— Да-да,— ответил он.

Хэвиланд Таф почесал Дакса за ухом, его рука двигалась в каком-то необычном ритме, и кот медленно потянулся, зевнул и посмотрел на худого мужчину. Волна уверенности нахлынула на Тафа; как оказалось, у этого мужчины самые честные намерения — если верить Даксу. До определенной степени

все коты обладают телепатией. А Дакс был особенным котом: генетические волшебники исчезнувшего Экологического корпуса об этом позаботились. Он читал чужие мысли для Тафа.

— Что ж, дело проясняется,— заметил Таф.— Хирольд Норн, возможно, вы хотите кое-что уточнить?

Норн кивнул.

— Конечно, конечно. Что вам известно о Лайронике? И в частности, об игровых аренах?

Тяжелое гладкое лицо Тафа сохраняло невозмутимость.

— Незначительные детали. Скорее всего, слишком мало, если я соглашусь с вами работать. Расскажите мне все, что пожелаете, а мы с Даксом подумаем.

Хирольд Норн переплел пальцы и вновь кивнул.

— Дакс? Ну да... конечно. Ваш кот — красивое животное, хотя меня никогда не интересовали существа, которые не умеют драться. Истинная красота заключена в убойной силе, так я говорю.

— Необычный подход,— сказал Таф.

— Нет-нет. Вовсе нет. Надеюсь, что работа здесь не заразила вас щепетильностью тэмберийцев.

Таф молча осушил свою пятую кружку, а потом знаком попросил принести еще две и вопросительно взглянул на собеседника.

— Продолжайте.

— Вероятно, вы знаете, что Двенадцать Великих Домов Лайроники состязаются на игровых аренах. Видите ли, Дома контролируют огромные территории, разбросанные по планете, а поскольку земли мало населены, животный мир процветает. Много лет назад повелители Великих Домов начали устраивать бои между животными. Это приятное развлечение, уходящее своими корнями в глубокую историю,— быть может, вам известно о древних петушиных боях? А еще на Старой Земле, на огромных аренах, народ, называвшийся римлянами, устраивал бои между разными животными. Что и говорить, прежде Дома воевали, а сейчас гораздо лучше: семейная честь остается на высоте, возникают новые состояния, и никто не получает ран.

Норн помолчал и выпил немного эля, дожидаясь ответа, но Таф лишь поглаживал насторожившегося Дакса и ничего не ответил.

— Так начал развиваться этот вид спорта на нашей планете,— продолжал худой обитатель Лайроники, вытирая рот тыльной стороной ладони.— У каждого Дома имеются свои земли, на которых обитают свои животные. Земли Дома Варкура, к примеру, расположены на жарком болотистом юге, и они обычно отправляют на игровые арены огромных зверощеров. Феридиан, горное царство, заработал целое состояние разведением скальных обезьян, которых мы, естественно, называем феридианами. Мой собственный Дом расположен на травянистых равнинах большого северного континента. Мы посылаем сотни различных зверей для сражений на игровых аренах, но славимся своими сталезубами.

— Сталезубами,— повторил Таф.

Норн хитро улыбнулся.

— Как старший звероусмиритель я обучил тысячи сталезубов,— с гордостью произнес он.— О, какие это чудесные животные! Ростом с вас, с роскошным синевато-черным мехом, свирепые и безжалостные.

— Однако вы хотите получить от меня монстра.

Норн сделал большой глоток эля.

— Вы правы, правы. Люди с дюжины ближайших миров прилетают на Лайронику, чтобы посмотреть бои наших зверей на аренах. Они делают ставки на исход боев. Чаще всего они собираются на Бронзовой арене, в Городе Всех Домов. Здесь происходят самые замечательные бои. Благополучие наших Домов и всего мира зависит от них. Без этих боев богатая Лайроника станет такой же бедной, как фермерский Тэмбер.

— Это точно.

— Но вы должны понимать, что богатство пропорционально чести Дома, зависящей от его побед. Дом Арнет стал самым великим и могущественным благодаря смертоносным зверям, которые водятся на их землях; остальные Дома занимают места в соответствии с результатами боев на Бронзовой арене. Доход от каждого матча — все деньги, заплаченные зрителями, и ставки на исход боя — достается победителю.

Хэвиланд Таф вновь почесал за ухом у Дакса.

— Дом Норна занимает самое последнее место среди Двенадцати Великих Домов Лайроники,— сказал он, и легкий импульс, посланный котом, сообщил Тафу, что он не ошибся в своем предположении.

— Вы знаете,— вздохнул Норн.

— Это было очевидно. Но разве этично покупать зверя с другой планеты? И не противоречит ли это правилам вашей Бронзовой арены?

— Прецеденты уже имеются. Около семидесяти стандартных лет назад прилетел игрок со Старой Земли с существом, которое называлось лесной волк. Дом Колина поддержал его — наверное, в приступе безумия. Несчастный зверь вышел против сталезуба и ничего не смог ему противопоставить. Бывали и другие случаи. К сожалению, в последние годы наши сталезубы стали плохо плодиться. Дикие особи вымирают, а те немногие, что остались, теперь практически неуловимы, нашим всадникам не удается их отлавливать. Несмотря на все усилия звероусмирителей, занимавших эту должность до меня, наши домашние сталезубы заметно сдали. В последнее время Норн одержал совсем мало побед, и я буду вынужден подать в отставку, если ситуация не изменится. Мы обеднели. Когда стало известно, что на Тэмбер прибыл корабль-сеятель, я решил разыскать вас. С вашей помощью я начну новую славную эру Дома Норна.

Хэвиланд сидел, сохраняя полную неподвижность.

— Я понимаю. И все же я не продаю монстров. «Ковчег» — древний биокорабль-сеятель, построенный Земной империей тысячи лет назад для уничтожения в эковойне харганов. Я могу выпустить на свободу тысячу болезней, а в моих хранилищах содержатся клетки животных для клонирования с великого множества миров. Однако вы неправильно понимаете сущность эковойны. Самые страшные враги — это вовсе не крупные хищники, а крошечные насекомые, несущие гибель посевам, или прыгающие мелкие твари, которые так стремительно размножаются, что очень скоро вытесняют любую другую жизнь.

Судя по выражению лица Хирольда Норна, он явно упал духом.

— Значит, у вас ничего нет?

Таф погладил Дакса.

— Немного. Миллион видов насекомых, сотни тысяч видов небольших птиц, примерно столько же рыб. Но монстров, чудовищ совсем немного — никак не больше тысячи. Их используют редко, чаще всего по психологическим причинам.

— Тысяча монстров! — Худощавый мужчина вновь оживился.— Но это более чем достаточно для выбора! Конечно, среди тысячи мы сумеем найти зверя для Норна!

— Возможно.— Таф пожал плечами.— Дакс, а каково твое мнение? — спросил он своего кота.— Вот как? Ладно! — Он вновь посмотрел на Норна.— Ваша история меня заинтересовала, Хирольд Норн. К тому же я уже завершил свою работу здесь, тэмберийцы получили птицу, которая сможет остановить засилье червя, пожирающего корни растений. Так что мы с Даксом слетаем на «Ковчеге» на Лайронику, посетим ваши арены и решим, как можно вам помочь.

Норн улыбнулся.

— Замечательно! Теперь пришел мой черед ставить выпивку.

Сияющий вид Дакса говорил Хэвиланду Тафу, что худой человек преисполнился предвкушением победы.

Бронзовая арена находилась в самом центре Города Всех Домов, в том самом месте, где, словно куски огромного пирога, сходились сектора, контролируемые Двенадцатью Великими Домами. Каждый сектор окружали каменные стены, над которыми гордо трепетал на ветру флаг.

Однако арена вовсе не была целиком сделана из бронзы, ее построили главным образом из черного камня и полированного дерева. Впечатляющее сооружение — лишь немногие шпили башен и минаретов превосходили ее высотой. Арену венчал сияющий бронзовый купол, полыхавший оранжевыми сполохами во время заката солнца. Из узких окон, украшенных бронзой и кованым железом, выглядывали горгульи.

Огромные двери в черных каменных стенах также были сделаны из металла, всего их имелось двенадцать, и каждая выходила в один из двенадцати секторов Города Всех Домов. Гравировка ворот точно соответствовала геральдическим символам определенного Дома.

Солнце Лайроники превратилось в оранжевый кулак пламени, разящий западный горизонт, когда Хирольд Норн привел Хэвиланда Тафа на состязания. Всадники уже зажигали газовые фонари на металлических обелисках, похожих на темные зубы, и огромное древнее здание оказалось в кольце сине-оранжевого пламени.

В толпе, состоявшей из профессиональных игроков и зрителей, Таф следовал за своим проводником по пустынным переулкам окраин сектора Норна; наконец они ступили на каменные серые плиты главной улицы, по обеим сторонам которой застыли двенадцать бронзовых сталезубов. Улица заканчивалась у широких ворот, украшенных слоновой костью и бронзой. Стража, одетая в черную кожу и серый мех, как и Хирольд Норн, узнала звероусмирителя и, поприветствовав, беспрепятственно пропустила их; остальным приходилось платить за вход золотыми и железными монетами.

Место для боевых поединков оказалось не очень глубокой ямой с засыпанным песком полом, ее окружали каменные стены высотой в четыре метра. Далее начинались места для зрителей, которые уступами поднимались вверх. Здесь могло разместиться тридцать тысяч человек, хотя с последних рядов вряд ли удавалось разглядеть подробности состязания, к тому же некоторым зрителям мешали мощные железные колонны. Повсюду располагались кабинки — в них принимали ставки на исход боев.

Хирольд Норн отвел Тафа на лучшие места в секторе их Дома, где лишь каменный парапет отделял зрителей от четырехметровых стен. Кресла были сделаны не из скрипучего дерева и железа, как в верхних рядах, а представляли собой просторные троны, обтянутые мягкой кожей (по утверждению Норна, животных, что обрели достойную смерть на арене), так что даже мощное тело Тафа могло разместиться с удобством.

Внизу одетые в голубые комбинезоны служители арены тащили к одному из выходов тело какого-то костлявого, покрытого перьями животного.

— Боевая птица Дома Рэя Хилла,— указал на нее Норн.— Рэйский звероусмиритель выставил ее против звероящера Варкура. Не самый удачный выбор.

Хэвиланд Таф ничего не ответил. Одетый в серую виниловую шинель со сверкающими погонами, доходящую до самых щиколоток, и зелено-коричневый шлем, украшенный золотой «тетой» экологических инженеров, он сидел неподвижно и очень прямо, его большие грубые руки с переплетенными пальцами лежали на выпирающем животе.

Между тем Хирольд Норн продолжал объяснять происходящее. Его прервал многократно усиленный голос распорядителя, раскатившийся по всей арене.

— Пятая пара,— объявил он.— Дом Норна представляет самец сталезуб, возраст — два года, вес — два и шесть квинтала*, дрессировщик — младший звероусмиритель Керс Норн. Первый бой на Бронзовой арене.

Раздался скрежет металла по металлу, и существо из кошмара выскочило на арену. Сталезуб оказался косматым гигантом с запавшими красными глазами и двойным рядом кривых зубов, с которых капала слюна. Волк-переросток, скрещенный с саблезубым тигром, его толстые, как ствол молодого дерева, лапы, изящество могучих мускулов прирожденного убийцы скрывал сине-черный мех. Сталезуб оскалился и зарычал, по арене прокатилось звонкое эхо. Его приветствовали громкие крики зрителей.

Хирольд Норн улыбнулся.

— Керс — мой кузен, один из самых многообещающих младших звероусмирителей. Он сказал, что этот зверь — наша гордость. Да-да. Мне нравится, как он выглядит, вы согласны?

— Поскольку я впервые здесь, мне не с чем сравнивать,— спокойно ответил Таф.

Мощный голос вновь разнесся над ареной.

* 45,36 кг.

— Дом Арнета в Золоченом лесу представляет обезьяну-душителя, возраст — шесть лет, вес — три и одна квинтала, дрессировщик — старший звероусмиритель Дэйнел Ли Арнет. Трижды побеждал на Бронзовой арене.

С противоположной стороны открылись другие ворота, украшенные золотыми и алыми цветами,— и на арену выскочил зверь на двух коротких, толстых лапах. Обезьяна-душитель была невысокой, но невероятно широкой, с треугольным торсом и головой в форме пули, глаза прятались под мощными надбровными дугами. Длинные мускулистые руки волочились по песку арены. С головы до пят животное было лишено волос, если не считать редких пятен темно-красного меха на грязно-белой коже. И она пахла. Даже на таком расстоянии Хэвиланд Таф ощутил сильный запах мускуса.

— Она потеет,— объяснил Норн.— Дэйнел Ли привел обезьяну в состояние бешеной ярости. Его зверь, вы же понимаете, имеет преимущество, так как более опытен, не говоря уже о том, что обезьяна-душитель — невероятно свирепое существо. В отличие от своего родича, горного феридиана, она является хищником и практически не поддается дрессировке. Сталезуб Керса значительно моложе. Нам предстоит интересный бой.

Звероусмиритель Норн наклонился вперед, но Таф по-прежнему сохранял неподвижность и спокойствие.

Обезьяна повернулась и глухо зарычала, расставив в стороны свои длинные руки, сталезуб сине-черной стрелой помчался по арене к врагу. Таф успел заметить, как несущийся на врага сталезуб отделился от земли и прыгнул вперед. Звери столкнулись и покатились по песку, сплетаясь в яростный клубок, над ареной разразилась настоящая какофония.

— Горло! — кричал Норн.— Разорви ей горло! Разорви ей горло!

Неожиданно животные отскочили друг от друга. Сталезуб принялся медленно кружить вокруг обезьяны, одна из его передних лап была сломана, и он перемещался на оставшихся трех, но достаточно быстро. Обезьяна-душитель не давала ему возможности атаковать, поворачиваясь мордой к противнику. Из длинных глубоких царапин на ее груди, где клыки стале-

зуба оставили свой жуткий след, сочилась кровь, однако зверь Арнета не выглядел ослабевшим. Хирольд Норн начал что-то бормотать себе под нос.

Зрителям надоело смотреть на арену, где наступило затишье, и они начали ритмично и монотонно петь; постепенно звук становился громче, поскольку все новые и новые люди присоединялись к хору, в том числе и Хирольд Норн, его худое тело стало ритмично раскачиваться. Таф сразу же заметил, как пение подействовало на животных. Они зарычали, из их глоток вырвался боевой клич, обезьяна принялась переступать с одной лапы на другую, начав жуткий танец, а по челюстям сталезуба потекла обильная слюна. Пение становилось все громче — и звери на арене пришли в неистовство. Неожиданно сталезуб вновь бросился в атаку, и длинные руки обезьяны встретили его в воздухе. Сила прыжка отбросила душительницу назад, но Таф успел заметить, что челюсти сталезуба щелкнули в воздухе, а обезьяна сомкнула руки вокруг сине-черного горла. Сталезуб отчаянно рванулся в сторону, звери покатились по песку. Раздался жуткий оглушительный треск, и волк свесил голову набок, превратившись в неподвижную тряпку.

Зрители смолкли, послышались аплодисменты и свист. Затем вновь распахнулись ворота, украшенные золотыми и алыми цветами, и обезьяна-душитель покинула арену. Четверо мужчин в черно-серых цветах Дома Норна вышли, чтобы унести тело сталезуба.

— Еще одна потеря,— мрачно заметил Хирольд Норн.— Я поговорю с Керсом. Его зверь не нашел горла врага.

Хэвиланд Таф встал.

— Вы уходите? — с беспокойством спросил Норн.— Но еще слишком рано! Предстоит пять схваток. В следующей гигантский феридиан будет сражаться с водяным скорпионом с острова Эймар!

— Я видел все, что мне нужно. Пришло время кормить Дакса, я возвращаюсь на «Ковчег».

Норн поспешно вскочил и положил руку на плечо экологического инженера, очевидно намереваясь остановить его.

— Значит, вы продадите нам монстра?

Таф небрежно стряхнул руку звероусмирителя со своего плеча.

— Сэр, я не люблю, когда ко мне прикасаются. Я должен изучить свои файлы. «Ковчег» остался на орбите. Прилетайте ко мне на челноке послезавтра. Возникла проблема, и мне нужно время для ее решения.

И не сказав более ни слова, Хэвиланд Таф повернулся и зашагал прочь.

Хирольд Норн не был готов к тому, что он увидел на «Ковчеге». После того как его черно-серый челнок произвел стыковку и Таф провел его по кораблю, звероусмиритель даже не пытался скрыть изумление.

— Мне бы следовало сообразить,— повторял он.— Размеры корабля, размеры... Нет, мне бы определенно следовало догадаться.

Хэвиланд спокойно стоял, держа Дакса на руках и медленно поглаживая кота.

— Старая Земля строила корабли, которые размерами превышали некоторые современные миры,— равнодушно заметил он.— «Ковчег» — биокорабль-сеятель и должен быть большим. В прежние времена его команда состояла из двухсот человек. Теперь сократилась до одного.

— Вы *единственный* член экипажа? — удивился Норн.

Кот предупредил Тафа об опасности: вот как, у звероусмирителя появились враждебные намерения!

— Да,— ответил экологический инженер.— Но еще есть Дакс. И кроме того, защита корабля запрограммирована таким образом, что никто не сумеет взять его управление на себя.

Согласно Даксу, враждебность посетителя увяла, как нераспустившийся цветок.

— Понятно,— пробормотал он, но тут же оживился.— Ну, вам удалось подобрать что-нибудь для нас?

— Идите за мной,— вместо ответа велел Таф.

По узкому коридору они прошли в небольшой зал, где уселись на трехколесную повозку и поехали по длинному туннелю, вдоль стен которого высились всевозможные стеклянные резервуары, наполненные булькающей жидкостью,— от раз-

меров с человеческий ноготь до такого, в котором могла бы поместиться Бронзовая арена. Огромный сосуд пустовал, но в остальных шевелились какие-то темные силуэты.

Таф с Даксом, удобно устроившимся у него на коленях, смотрел вперед, Норн удивленно вертел головой. Наконец туннель закончился, и они оказались в небольшом помещении с множеством компьютеров. Четыре больших кресла с панелями управления, вмонтированными в ручки, стояли по углам, в центре комнаты, на полу, находилась круглая плата из синего металла. Хэвиланд Таф посадил Дакса в одно из кресел, а сам устроился в другом. Норн выбрал кресло напротив Тафа.

— Я должен кое о чем вас предупредить,— начал экологический инженер.

— Да-да? — Звероусмиритель уставился на него.

— Монстры стоят дорого,— продолжал Таф.— Где-то по сто тысяч стандартов.

— Что? Это неслыханно! Нам потребуется сто побед на Бронзовой арене, чтобы компенсировать такую сумму. Я же говорил вам, мы — бедный Дом.

— Что ж, быть может, более богатый Дом охотно выложит требуемую сумму. Корпус экологических инженеров исчез много столетий назад. Из всех его кораблей лишь «Ковчег» остался в рабочем состоянии. Большая часть научных достижений забыта. Техника клонирования и генная инженерия в своих прежних формах практикуются теперь лишь на Прометее и Старой Земле, где секреты науки тщательно охраняются. Однако на Прометее не осталось стасисного поля, поэтому им приходится следить за ростом клонов до тех пор, пока они не достигнут естественной зрелости.— Таф посмотрел на Дакса, озаренного мерцающим светом мониторов.— И все же, Дакс, Хирольд Норн находит мою цену слишком высокой.

— Пятьдесят тысяч стандартов,— сказал Норн.— Даже такую сумму мы сможем набрать с огромным трудом.

Хэвиланд Таф молчал.

— Тогда восемьдесят тысяч! Больше я заплатить не смогу. Дом Норна станет банкротом! Они снесут наших бронзовых сталезубов и запечатают ворота.

Молчание затягивалось.

— Будьте вы прокляты! Сто тысяч, да-да. Но только в том случае, если ваш монстр будет отвечать нашим требованиям.

— Вы заплатите мне всю сумму сразу же после его доставки.

— Невозможно!

Таф вновь промолчал.

— Ладно, идет.

— Что касается самого монстра... Здесь, на борту «Ковчега», в замороженных отсеках тысячи хищников, в том числе и те, что давно вымерли. Однако лишь немногие из них удовлетворяют требованиям Бронзовой арены. Есть и другие критерии отбора — например, они должны успешно размножаться на землях Дома Норна. Существо, которое не способно плодиться, едва ли станет удачным вложением капитала. Каким бы непобедимым оно ни оказалось, со временем животное состарится и умрет, и победы Норна закончатся вместе с его смертью.

— Верное замечание,— кивнул звероусмиритель.— Мы периодически пытались разводить звероящеров, феридиан и других животных Двенадцати Домов, но всякий раз нас постигала неудача. Климат, растительность...— Он махнул рукой.

— Совершенно верно. Вот почему я сразу же отбросил формы жизни, основанные на кремнии, которые не смогут существовать в вашем углеродном мире. А также животных с планет, атмосфера которых существенно отличается от Лайроники, или привыкших к другому климату. Вы должны понимать, с какими серьезными трудностями мне пришлось столкнуться.

— Да-да, переходите к делу. Что вам удалось найти? Каков он — этот монстр за сто тысяч стандартов?

— Можете выбрать из тридцати животных. Прошу!

Экологический инженер коснулся блестящей кнопки на ручке своего кресла, и в следующее мгновение на пластине из синего металла появился зверь: двухметровый, с эластичной розово-серой кожей, покрытой редкой белой шерстью. Среди других его особенностей можно было отметить свиное рыло и пару изогнутых рогов, на лапах виднелись жутковатые когти, больше похожие на кинжалы.

— Я не стану забивать вам голову научными названиями животных, поскольку на Бронзовой арене царит неформальный

подход,— сказал Хэвиланд Таф.— Это так называемая крадущаяся свинья с Хэйдея, которая прекрасно чувствует себя как в лесах, так и на равнине. Питается главным образом падалью, но с удовольствием ест и свежее мясо. Если ее атакуют, она сражается с удивительной яростью. Считается достаточно разумной, но не поддается приручению. Эти свиньи прекрасно размножаются. Двести лет назад колонисты с Гулливера были вынуждены покинуть поселения на Хэйдее из-за этого животного.

Хирольд Норн поскреб голову под бронзовым венцом.

— Нет. Слишком она худая и слишком легкая. И посмотрите на ее шею! Представляете, что с ней сделает феридиан?! — Он решительно покачал головой.— Кроме того, она уродлива. И мне не нравятся любители падали, какими бы эффективными бойцами они ни оказались. Дом Норна разводит гордых бойцов, которые сами убивают свою дичь!

— Понятно,— кивнул Таф.

Он нажал на кнопку, и свинья исчезла. На ее месте возникло огромное существо, едва поместившееся на пластине, более всего похожее на гору доспехов.

— Его родина даже не получила имени, там никогда не было поселений. Отряд со Старого Посейдона когда-то посетил планету и взял там образцы флоры и фауны. Животные жили в зоопарках, но плохо размножались. Этого зверя назвали катитараном. Взрослые особи весят около шести тонн. На равнинах своей родины катитараны достигают скорости пятьдесят километров в час, они давят свою добычу. Зверь, можно сказать, состоит из одной громадной пасти. Таким образом, поскольку каждый участок его кожи выделяет пищеварительные ферменты, ему достаточно просто присесть на свою добычу — и та будет поглощена.

Хирольд Норн, не сводивший взгляда с впечатляющей голограммы, удовлетворенно покачал головой.

— О да. Это гораздо лучше! Ужасное существо. Быть может... нет! — Его настроение неожиданно изменилось.— Нет-нет, этот нам тоже не подойдет. Существо весом в шесть тонн, развивающее такую высокую скорость, может вырваться за пределы Бронзовой арены и прикончить сотни зрителей. Кроме того, кто согласится платить серьезные деньги, чтобы посмотреть, как такая штуковина раздавит звероящера или обезьяну-душителя? Никакой честной борьбы. К тому же ваш катитаран слишком уродлив.

Таф со спокойным видом нажал кнопку. Огромная серая туша уступила место гладкой оскалившейся кошке, размерами не уступающей сталезубу, с узкими желтыми глазами и могучими мускулами, перекатывающимися под темно-синим мехом. Кое-где мех украшали полосы — длинные тонкие серебристые линии шли вдоль боков грациозного существа.

— А-а-а-а-ах! — простонал Норн.— Какая красота! Правда-правда.

— Кобальтовая пантера с Селии,— пояснил Таф,— ее часто называют кобальтовой кошкой. Одна из самых крупных и опасных хищных кошек или их аналогов. Зверь является превосходным охотником, обладает настолько развитыми чувствами, что ее можно признать чудом генной инженерии. Она способна видеть в инфракрасном свете, идеальная ночная охотница, а ее уши — обратите внимание на размер и разворот, звероусмиритель,— невероятно восприимчивы. Поскольку она относится к семейству кошачьих, кобальтовая кошка обладает способностью к телепатии. В данном случае она особенно ярко выражена. Страх, голод и жажда крови действуют на них возбуждающе, и тогда кобальтовые кошки начинают читать мысли.

Норн заметно удивился.

— Что?

— Парапсихологические способности. Кобальтовые кошки особенно опасны потому, что знают намерения своего противника еще до того, как тот начинает двигаться. Зверь предвидит действия врага. Вы понимаете?

— Да! — Норн был возбужден.— Превосходно, превосходно! Могу ли я предположить, что мы сумеем дрессировать этих животных так же, как сталезубов? Да? И они *читают мысли!* Превосходно! Даже цвета подходящие, темно-синий, вы же знаете, наши сталезубы имеют сине-черную шкуру, так что кошки будут вполне норническими!

Хэвиланд Таф посмотрел на Дакса, и кот, на которого не произвел ни малейшего впечатления парад фантомов, подтвердил, что энтузиазм худого мужчины является искренним. Экологический инженер коснулся кнопки, и кобальтовая кошка исчезла.

— Что ж, тогда нет смысла продолжать. Ваш заказ будет доставлен через три стандартных недели — если вас устроит такой вариант. За названную сумму я представлю вам три пары: два комплекта детенышей, они обеспечат вам разведение, и одну пару взрослых особей, их вы сможете сразу же направить на Бронзовую арену.

— Так скоро,— начал Норн.— Хорошо, но...

— Я пользуюсь стасисным полем, сэр. Если его реверсировать, создается искажение времени, или, говоря проще, время ускоряется. Обычная процедура. Технология, которая используется на Прометее, потребовала бы значительного времени — клоны должны были бы вырасти естественным путем, что довольно часто доставляет большие неудобства. Кроме того, должен добавить следующее: хотя Дом Норна получит шесть животных, представлены будут три различных индивидуальности. На «Ковчеге» имеется лишь тройная клетка для этих кошек. Я дважды клонирую каждую из них, самца и самку. Будем надеяться, что этого разнообразия окажется достаточно для создания жизнеспособного потомства на Лайронике.

Дакс наполнил сознание Тафа диковинной смесью триумфа, смущения и нетерпения — выходит, звероусмиритель ничего не понял из сказанного ранее, во всяком случае Таф это трактовал именно так.

— Отлично, как скажете! — заявил Норн.— Я обязательно пришлю корабли с клетками. И тогда же мы расплатимся с вами.

Дакс тут же сообщил об обмане, недоверии и тревоге.

— Вы полностью расплатитесь со мной до получения животных.

— Но вы же сказали, что платить нужно после...

— Верно. Однако я подвержен смене настроения — и теперь намерен сначала получить деньги, а лишь потом отгрузить животных.

— Хорошо.— Норн пожал плечами.— Не могу не заметить, что ваши требования избыточны и отличаются непостоянством. Однако с вашими кобальтовыми кошками мы быстро вернем вложенные деньги.— Он собрался встать с кресла.

Хэвиланд Таф поднял один палец.

— Один момент. Вы ничего не рассказали мне об экологии Лайроники и землях, принадлежащих Дому Норна. Возможно, у вас хватает дичи. Но я должен предупредить, что кобальтовые кошки хорошо размножаются только в том случае, если есть хорошая охота. Они нуждаются в подходящей добыче.

— Да-да, конечно.

— Я должен сделать вам еще одно предложение. За дополнительные пять тысяч стандартов я готов клонировать для вас прыгунков с Селии — симпатичных меховых травоядных, славящихся на дюжине миров своим изумительным мясом.

Хирольд Норн нахмурился.

— Вы должны отдать их нам в качестве бонуса. Отбирая у нас огромную сумму...

Таф встал.

— Этот человек оскорбляет меня, Дакс,— сказал он своему коту.— Что мне делать? Я стараюсь честно заработать на жизнь.— Он перевел взгляд на Норна.— Мое настроение вновь изменилось. Я чувствую, что вы не согласитесь на мое предложение, даже если я предложу хорошие скидки. Поэтому я решил уступить. Вы получите прыгунков бесплатно.

— Превосходно! — Звероусмиритель направился к двери.— Мы заберем их вместе с кобальтовыми кошками и выпустим на свободу в наших владениях.

На обратном пути до челнока не было сказано ни слова.

Дом Норна отправил плату за животных за день до срока доставки. На следующее утро дюжина мужчин в черно-серых одеждах высадилась на «Ковчеге». Они отнесли шесть усыпленных кобальтовых кошек из питательных резервуаров Тафа в приготовленные клетки. Таф равнодушно распрощался с ними и больше не входил в контакт с Хирольдом Норном. Однако корабль оставался на орбите Лайроники.

Не прошло и трех коротких дней (по местному времени), когда Тафу стало известно, что его клиенты объявили о готовности выставить кобальтовую кошку на Бронзовой арене. В назначенный вечер экологический инженер постарался изменить свою внешность — насколько это вообще было возможно,— приклеив фальшивую бороду и воспользовавшись рыжим париком. Кроме того, он надел канареечного цвета костюм с пышными рукавами, а голову украсил меховым тюрбаном. В таком невероятном наряде Хэвиланд Таф прибыл в Город Всех Домов, рассчитывая, что не привлечет к своей особе внимания.

Когда объявили интересующий его бой (он стоял третьим в расписании), Таф, заплатив несколько железных монет, уже сидел в задних рядах арены, касаясь спиной грубого камня стены. Узкое деревянное сиденье с трудом выдерживало его огромный вес.

— Третий бой,— объявил распорядитель, и рабочие арены уволокли прочь останки проигравшего второй бой.— Дом Варкура представляет самка звероящера, возраст — девять месяцев, вес — один и четыре квинтала, дрессировщик — младший звероусмиритель Эммари-и-Варкур Отени. Победила в одном бою на Бронзовой арене.

Зрители, сидевшие поблизости от Тафа, принялись кричать и размахивать руками — они оказались его соседями, так как он воспользовался воротами Варкура. Для этого ему пришлось сначала прогуляться по зеленой бетонной дороге, а затем пройти сквозь гигантскую разверстую пасть чудовищной золотой ящерицы.

Между тем далеко внизу поползла вверх изукрашенная зелеными и золотыми цветами дверь. Таф запасся биноклем. Он поднес его к глазам и увидел, что на арену выскочил звероящер — двухметровая зеленая чешуйчатая рептилия с мощным хлыстообразным хвостом, втрое превышавшим ее длину, и рылом аллигатора Старой Земли. Челюсти беззвучно раскрылись, обнажив ряды впечатляющих зубов, и закрылись.

— Дом Норна представляет доставленная с других миров для нашего удовольствия кобальтовая кошка. Возраст... возраст — три недели...— Распорядитель немного помолчал, затем

поправился: — Возраст — три года, вес — два и три десятых квинтала, дрессировщик — старший звероусмиритель Хирольд Норн. Первый бой на Бронзовой арене.

Раздался оглушительный рев сектора Дома Норна, все места которого были забиты людьми в серо-черных костюмах.

Из темноты, двигаясь с удивительным изяществом, медленно вышла кобальтовая кошка, и ее огромные желтые глаза оглядели арену. Зверь полностью соответствовал обещаниям Тафа: сгусток смертельных мышц, запертый в грациозном теле, шкура темно-синего цвета с единственной серебристой полосой. Рык зверя был едва слышен — слишком далеко от арены находился Таф, но сквозь бинокль он увидел, как пантера зевнула.

Звероящер также увидел противника и, переваливаясь короткими чешуйчатыми лапами по песку, устремился вперед, в то время как его невозможно длинный хвост изогнулся над ним, точно жало чудовищного скорпиона. Затем, когда кобальтовая кошка обратила свои прозрачные глаза на врага, звероящер быстро опустил могучий хвост вперед и вниз. Раздался щелчок, подобный удару хлыста, но кошка изящно скользнула в сторону, и хвост ударил по песку.

Затем кошка, мяукая, принялась перемещаться по кругу. Звероящер вновь поднял хвост, разинул пасть и прыгнул вперед. Кобальтовая кошка вновь избежала зубов и удара хвоста. Вновь и вновь щелкал хвост, но кошка двигалась слишком быстро. Кто-то из зрителей начал напевать мелодию песни смерти, остальные ее подхватили. Таф повернул бинокль и увидел, как раскачиваются представители Дома Норна. Звероящер оскалил зубы и принялся наносить один мощный удар хвостом за другим.

Кобальтовая кошка, почувствовавшая, что у нее появилась возможность для решающей атаки, совершила изящный и легкий прыжок и оказалась за спиной врага. Прижав его мощной лапой к арене, она одним ударом острых как бритва когтей разорвала ему бок и живот. Звероящер еще успел сделать несколько слабых ударов хвостом, а потом затих. Норны принялись оглушительно орать. Больше смотреть было не на что, и Хэвиланд Таф — огромный, бородатый и одетый, точно клоун,— решительно поднялся и направился к выходу.

Прошли недели, «Ковчег» оставался на орбите вокруг Лайроники. Хэвиланд Таф по корабельному коммуникатору узнавал о результатах боев на Бронзовой арене. Кобальтовая кошка неизменно одерживала верх в поединках. Изредка Хирольд Норн проигрывал бои — как правило, в тех случаях, когда выставлял сталезуба,— но эти поражения не могли перевесить многочисленных побед.

Таф сидел со свернувшимся на его коленях Даксом, пил большими кружками темный эль с пивоварни «Ковчега» и ждал.

Примерно через месяц после дебюта кобальтовой кошки к «Ковчегу» причалил изящный челнок с узким носом, окрашенный в золотые и зеленые цвета. После коротких переговоров по коммуникатору экологический инженер встретил своих гостей с Даксом на руках. Кот посчитал, что намерения посетителей вполне дружелюбны, поэтому Таф не стал активировать защиту.

Их было четверо, все в металлических доспехах из чешуйчатого золотого металла, украшенного зеленой глазурью. Трое стояли по стойке «смирно». Четвертый — тучный, с красным лицом, в золотом шлеме с ярко-зеленым плюмажем — выступил вперед и протянул Тафу мясистую руку.

— Я оценил ваши намерения,— сказал экологический инженер, продолжавший держать на руках Дакса.— Но предпочитаю не вступать в телесный контакт. Буду рад узнать ваше имя и цель визита.

— Моро-и-Варкур Отени...— начал толстяк.

Таф жестом остановил его.

— Понятно. Значит, вы — старший звероусмиритель Дома Варкура и приехали ко мне, чтобы купить какого-нибудь зверя. Должен признаться, что я с самого начала ожидал такого развития событий. Мне лишь хочется знать — а я часто поступаю, повинуясь импульсу,— готовы ли вы сказать мне правду.

Звероусмиритель недоуменно открыл рот.

— Ваши люди должны остаться здесь,— продолжал экологический инженер.— Следуйте за мной.

Хэвиланд Таф не позволил своему визитеру говорить, пока они не оказались в комнате с компьютерами. Здесь они уселись по диагонали, друг напротив друга.

— Вы узнали о моем существовании от Норнов,— наконец прервал молчание Таф.— Я не ошибся?

Моро-и-Варкур широко улыбнулся, обнажив превосходные зубы.

— Совершенно верно. Людям из Дома Норна пришлось рассказать нам, откуда появились кобальтовые кошки. К нашей радости, «Ковчег» все еще на орбите Лайроники. Похоже, вы находите Лайронику забавной?

— У вас неприятности, и я надеюсь помочь. Взять хотя бы вас... Насколько мне известно, Варкур сейчас занимает одно из последних мест среди Двенадцати Великих Домов. Ваши звероящеры не произвели на меня впечатления. По моим сведениям, ваши территории главным образом представляют собой заболоченные земли, поэтому выбор бойцов для арены ограничен. Правильно ли я изложил суть проблемы?

— Хм-м-м. Да, безусловно. Вы меня опередили — что ж, тем лучше. До вашего вмешательства наши дела шли неплохо, ну а после появления вашего зверя мы не выиграли ни одного матча у Норна, а они были нашими главными жертвами. Несколько жалких побед над Рэем Хиллом и островом Эймара, удача в поединке с Феридианом, а также ничья — оба участника схватки погибли на арене — с Арнетом и Син Дуном, вот и все наши успехи за последний месяц. Тьфу! Мы не выживем. Если я не изменю ситуацию, меня назначат племенным мастером и отправят в поместье.

Таф поднял руку, заставив Моро-и-Варкура замолчать.

— Нет нужды продолжать. Я вижу, что вы сильно расстроены. Исключительно для тренировки ума я решил последовательно заняться проблемами каждого из Великих Домов. Не стоит попусту тратить время. Мне по силам решить ваши нынешние сложности. Однако это будет дорого стоить.

Моро-и-Варкур ухмыльнулся.

— Я неплохо подготовился. Мне известна ваша цена. Она высока, но я не стану спорить, мы готовы заплатить, если вы сможете...

— Сэр,— прервал его Таф.— Я человек отзывчивый. Норн был бедным Домом, а Хирольд производил впечатление нищего. Вот почему я сделал ему огромные скидки. Владения

Варкура богаче, стандарты выше, а победы известны на всей Лайронике. Для вас цена должна составить триста тысяч стандартов, чтобы я мог компенсировать потери, понесенные после сделки с Домом Норна.

Моро-и-Варкур потрясенно забулькал, а чешуйки его доспехов зазвенели, когда он заерзал в своем кресле.

— Это слишком много, слишком много,— запротестовал он.— Я умоляю вас, мы и в самом деле выше Дома Норна, но наше положение далеко не такое прочное, как вам кажется. Чтобы заплатить такую цену, нам придется голодать. Звероящеры прорвутся за наши бастионы. Наши города осядут в болота, дети начнут тонуть.

Таф смотрел на Дакса.

— Вы говорите правду,— сказал он, когда его взгляд вернулся к Моро-и-Варкуру.— Вы меня тронули. Двести тысяч стандартов.

Моро-и-Варкур Отени вновь начал упрашивать экологического инженера, но тот сидел молча, пока краснолицый звероусмиритель не исчерпал свои доводы и не замолчал. Увы, ему ничего не оставалось, как согласиться.

Таф нажал на кнопку. Между ним и Моро-и-Варкуром материализовалось изображение ящера. Трехметровый гигант, покрытый серо-зеленой чешуей, стоял на двух толстых когтистых лапах. Голова на короткой шее была непропорционально большой, а челюсти столь велики, что могли единым махом откусить человеческую голову и плечи. Но еще большее впечатление производили передние лапы: короткие мускулистые конечности заканчивались метровой длины костяными шпорами.

— Трис нирей с Кейбла,— сказал Таф,— во всяком случае, так его называли колонисты с Финдии, появившиеся на Кейбле на тысячелетие раньше людей. В переводе его имя означает «живой нож». Еще его называют «клинок тирана», поскольку он напоминает известного людям тираннозавра, или тираннозавра, давно вымершую рептилию со Старой Земли. Конечно, речь может идти только о поверхностном сходстве. Трис нирей гораздо более мощный хищник, чем тираннозавр, благодаря своим ужасным передним лапам, настоящим костяным мечам, коими он пользуется с ужасающей свирепостью.

Моро-и-Варкур так наклонился вперед, что кресло под ним затрещало, и Дакс наполнил сознание Тафа яростным восторгом.

— Превосходно! — воскликнул звероусмиритель.— Хотя все эти имена показались мне слишком нудными. Мы будем называть их мечезаврами, идет?

— Называйте, как хотите, мне все равно. Эти животные имеют ряд существенных преимуществ для Дома Варкура,— ответил Таф.— Если вы их возьмете, я добавлю к ним — без дополнительной платы — необходимое количество слизней с Катадейна. Вы скоро убедитесь...

Таф продолжал следить за новостями с Бронзовой арены, хотя больше ни разу не спускался на поверхность Лайроники. Кобальтовые кошки одерживали одну победу за другой, сметая всех противников на своем пути; один из зверей Норна прикончил лучшую обезьяну-душителя и мясолягушку с острова Эймар во время тройного боя.

Однако дела Варкура также заметно улучшались; новый боец, названный мечезавром, произвел настоящую сенсацию. Зрители были в восторге от оглушительных воплей и тяжелого топота, не говоря уже о безжалостных костяных мечах. Первые три боя против огромного феридиана, водяного скорпиона и паукокота с Гнетина он выиграл почти сразу после начала поединка. По слухам, Моро-и-Варкур Отени находился на верху блаженства. На следующей неделе мечезавр должен был сразиться с кобальтовой кошкой, никто не сомневался, что арена будет заполнена до отказа.

Тафу позвонил Хирольд Норн.

— Таф,— суровым тоном начал он,— вам не следовало продавать ваших зверей в другие Дома.

Хэвиланд Таф спокойно сидел, глядя на встревоженное лицо Норна и поглаживая Дакса.

— В нашем с вами разговоре об этом не было речи. Ваш зверь выступает превосходно. Теперь вы жалуетесь на то, что везет другим?

— Да! Нет. Но это же... ладно, не имеет значения. Вероятно, я не могу вас остановить. Впрочем, если другие Дома получат бойцов, способных побить наших котов, вам придется обеспечить нас новыми зверями, которые победят тех, что вы продаете другим Домам. Вы меня понимаете?

— Конечно.— Он посмотрел на Дакса.— Хирольд Норн ставит под сомнение мои умственные способности.— Затем он вновь повернулся к экрану.— Я всегда продаю, если есть возможность получить хорошие деньги.

Норн нахмурился.

— Да-да. Наши победы позволят нам найти требуемую вами сумму.

— А в остальном все в порядке? — поинтересовался Таф.

— И да, и нет. На арене, да-да, тут нет никаких сомнений. Но... четверо молодых кошек почему-то не хотят плодиться. И наш племенной мастер постоянно жалуется, что они теряют вес. Он полагает, что они заболели. Но я сам не могу сказать ничего определенного, поскольку нахожусь в городе, а животные — на равнинах Дома Норна. Но тревога меня не оставляет. Конечно, кошки на свободе, но мы их пометили, чтобы иметь возможность...

— Сейчас не сезон спаривания для кобальтовых кошек. Почему вы об этом не подумали?

— Ага. Нет-нет, мы не догадались. Тогда все понятно. Это просто дело времени. Но вот прыгунки... Мы отпустили их на свободу — и у них не возникло никаких проблем с размножением. Луга Дома Норна почти полностью лишились травы. Это нас тревожит. Они прыгают повсюду. Что нам делать?

— Разводить кобальтовых кошек,— предложил Таф.— Они превосходные хищники и легко справятся с избыточным количеством прыгунков.

На лице Хирольда Норна недоумение смешалось с тревогой.

— Да-да...

Он хотел сказать что-то еще, но Таф поднялся с кресла.

— Прошу прощения, я вынужден закончить наш разговор. Какой-то челнок стыкуется с «Ковчегом». Быть может,

вы его узнаете. Сине-стального цвета с треугольными серыми крыльями.

— Дом Рэя Хилла! — воскликнул Норн.

— Поразительно.— Таф пожал плечами.— Удачного дня.

Звероусмиритель Денис Лон Рэй заплатил триста тысяч стандартов за своего монстра, огромного могучего арсойда, обитающего в горах Вагабонда. В качестве бонуса Хэвиланд Таф выдал ему пару яиц скаперлота.

На следующей неделе «Ковчег» посетили четверо мужчин в оранжевых шелковых одеждах и огненно-красных шляпах. Они вернулись в Дом Феридиана, обеднев на четыреста пятьдесят тысяч стандартов, но с контрактом на поставку шести могучих ядолосей и подарком в виде стада травяных свиней с Хрангана.

Гигантский змей привлек внимание звероусмирителя Син Буна; эмиссара острова Эймар Таф осчастливил годзиллой. Комитет в составе двенадцати старейшин Дэнта в молочно-белых костюмах, украшенных серебряными пряжками, пришел в восторг от могучего гаргоула, и Таф вручил им в придачу маленький подарок.

Так, один за другим, представители Великих Домов Лайроники навестили Тафа — и каждый получил своего монстра, а цены все росли и росли...

К этому моменту обе взрослые кобальтовые кошки были мертвы — первую рассек надвое мечезавр, а вторую прикончили массивные когтистые лапы арсойда из Дома Рэя Хилла (впрочем, в последнем случае арсойд также умер на арене). Участь остальных кошек, еще остававшихся в живых, была очевидна. Хирольд Норн ежедневно звонил Тафу, но компьютер всякий раз сообщал, что Хэвиланд Таф занят.

Наконец, когда одиннадцать Домов стали его клиентами, Хэвиланд Таф оказался в комнате с компьютерами в компании Дэйнела Ли Арнета, старшего звероусмирителя Дома Арнета в Золоченом лесу, когда-то самого великого из Двенадцати Домов Лайроники, а теперь самого последнего из них. Арнет был необычайно высоким человеком, не уступавшим в росте самому Тафу, но не таким толстым, со скуластым лицом

цвета слоновой кости и носом, подобным клюву коршуна. Звероусмиритель был одет в золотую тунику с алым поясом, сапоги и крошечный алый берет, который едва держался на коротких седых волосах. Он пользовался хлыстом дрессировщика как тростью для ходьбы.

Дакс сразу же определил, что гость полон ненависти, предательства и едва сдерживает ярость. Поэтому Хэвиланд Таф спрятал под просторной черной курткой маленький лазер.

— Сила Дома Арнета в Золоченом лесу всегда заключалась в разнообразии,— сразу же заявил Дэйнел Ли Арнет.— Когда Дома Лайроники тратили целые состояния на дрессировку одного зверя, наши отцы и деды работали с дюжиной. И против каждого противника у нас имелась оптимальная стратегия. В этом и состояло наше величие, этим мы гордились. Но мы ничего не можем противопоставить твоим демоническим зверям, торговец. Любой из нашей сотни бойцов, посланный против них, покидает арену мертвым. Мы вынуждены иметь с тобой дело.

— Вовсе нет,— возразил Хэвиланд Таф.— Я никого не принуждаю. И все же взгляните на мои запасы. Быть может, фортуна вернет вам ваше стратегическое преимущество.

Он коснулся кнопки на своем кресле, и перед глазами звероусмирителя Арнета стали появляться и исчезать одно чудовище за другим. Существа, покрытые мехом, чешуей и броней, звери холмов и лесов, озер и равнин, хищники и любители падали, смертельно опасные травоядные всех размеров и форм. И Дэйнел Ли Арнет, поджав губы, заказал по четверке из двенадцати самых крупных и опасных видов, заплатив за них два миллиона стандартов.

Когда они ударили по рукам, Арнет получил бонус — как и другие Дома: дюжину мелких безобидных животных. Впрочем, это никак не изменило к лучшему настроения звероусмирителя.

— Таф,— сказал он,— ты умный и коварный человек, но меня ты не обманешь.

Хэвиланд Таф ничего не ответил.

— Ты стал невероятно богатым, и ты обвел вокруг пальца всех, кто покупал у тебя, мечтая о прибыли. Например, кобальтовые кошки Норнов уже ничего не стоят. Они и раньше были бедным Домом; заплаченные тебе деньги поставили их на грань банкротства, как, кстати, и все остальные Дома. Они рассчитывали компенсировать свои потери. Ха! Теперь у Дома Норна не будет побед! Каждый следующий Дом, который делал у тебя покупку, получил преимущество перед предыдущими клиентами. В результате Арнет, заключивший последнюю сделку, вновь станет самым сильным Домом. Наши монстры учинят настоящее опустошение. Пески Бронзовой арены потемнеют от крови более слабых зверей.

Руки Тафа неподвижно лежали на огромном животе. Лицо оставалось бесстрастным.

— Ты ничего не изменил! Великие Дома остаются, Арнет — первый, Норн — последний. Ты лишь сделал нам серьезное кровопускание, заработав огромные деньги, как и положено спекулянту; теперь все Дома должны сохранять режим строжайшей экономии. Дома будут ждать побед, молиться о победах, зависеть от них, но все победы достанутся Арнету. Лишь мы не окажемся в дураках, поскольку я покупаю последним, а значит, получаю лучший товар.

— Что ж,— сказал Хэвиланд Таф.— Вы мудрый и дальновидный звероусмиритель. И все же я утверждаю, что никого не обманул.

— Не играй словами! — взревел Арнет.— Впредь ты больше не станешь торговать с Великими Домами. У Норна нет денег, но даже если они и найдут их, ты не станешь ничего продавать. *Ты меня понимаешь?* Ты не будешь продолжать это, круг за кругом.

— Конечно,— ответил экологический инженер. Он посмотрел на Дакса.— А теперь Дэйнел Ли Арнет ставит под сомнение мой интеллект. К сожалению, меня часто неверно понимают.— Его спокойный взгляд вновь устремился на разозленного звероусмирителя в красно-золотых одеждах.— Ваши доводы весьма убедительны. Возможно, для меня пришло время покинуть Лайронику. В любом случае я не стану больше иметь дело с Домом Норна, а также с другими Великими Домами. Это глупый импульс — поступив таким образом, я теряю огромные прибыли,— но я мягкий человек, которому

свойственны причуды. И я повинуюсь требованиям уважаемого Дэйнела Ли Арнета.

Дакс безмолвно доложил, что Арнет удовлетворен и успокоен; он напугал Тафа и выиграл сражение для своего Дома. Его противники не получат новых чемпионов. И вновь исход схваток на Бронзовой арене станет предсказуемым. Арнет улетел, крайне довольный переговорами с Тафом.

Три недели спустя прибыла флотилия из двенадцати челноков, на борту которых находилась дюжина групп рабочих в золотых и красных одеждах, чтобы забрать покупки Дэйнела Ли Арнета. Хэвиланд Таф, поглаживая сидевшего у него на руках ленивого Дакса, проследил за погрузкой, после чего по длинным коридорам «Ковчега» вернулся в рубку управления, где наконец ответил на звонок Хирольда Норна.

Худой звероусмиритель превратился в настоящий скелет.

— Таф! — воскликнул он.— Все ужасно. Вы должны нам помочь.

— Ужасно? Но я же решил вашу проблему.

Норн состроил гримасу и почесал голову под бронзовой диадемой.

— Нет-нет, послушайте. Кобальтовые кошки или мертвы, или больны. Четверо из них нашли смерть на Бронзовой арене — мы знали, что вторая пара была еще слишком молодой, но первая проиграла, и нам ничего не оставалось делать. В противном случае нам бы пришлось вернуться к сталезубам. А теперь у нас остались только две кобальтовые кошки. Они почти ничего не едят — изредка ловят прыгунков, и все. И мы не можем их дрессировать. Как только дрессировщик входит в загон, они знают, что он намерен сделать. Они всегда его опережают, ну, вы меня понимаете? А на арене никак не реагируют на боевую песнь. Это ужасно. Но самое худшее то, что они не спариваются. Нам нужны новые особи. Иначе нам будет некого выставить на арене.

— Но сезон случки кобальтовых кошек еще не начался,— напомнил Таф.

— Да-да. А когда он начнется?

— Хороший вопрос. Как жаль, что вы не задали его раньше! Насколько мне известно, у самки кобальтовой пантеры

течка начинается каждой весной, когда на Селии расцветает снежный цветок. Это как-то связано с биологическими стимулами.

— Я... послушайте, Таф. Вы все это *спланировали.* На Лайронике нет снежных цветов. А теперь вы намерены взять с нас целое состояние за них.

— Конечно же нет, я бы с радостью отдал их вам. Ваше положение вызывает у меня сочувствие. Я встревожен. Однако я должен признаться, что дал обещание Дэйнелу Ли Арнету, что больше не буду иметь никаких дел с Великими Домами.— И он беспомощно пожал плечами.

— Мы одержали немало побед при помощи ваших кошек! — с отчаянием воскликнул Норн.— Наша казна наполнялась — сейчас в ней около сорока тысяч стандартов. Они ваши. Продайте нам эти цветы. Или, еще того лучше, новое животное. Более крупное и злобное. Я видел гаргоулов Дэнта. Продайте нам что-нибудь в таком же роде. Иначе мы не сможем выходить на Бронзовую арену!

— Неужели? А как же ваши сталезубы? Вы же говорили, что они гордость Норна?

Хирольд Норн нетерпеливо отмахнулся.

— Понимаете, у нас возникли проблемы. Эти ваши прыгунки пожирают все подряд. Они вышли из-под контроля. Их миллионы, они едят траву и посевы. Да, кобальтовые кошки успешно на них охотятся, но у нас слишком мало этих хищников. А дикие сталезубы и близко не подходят к прыгункам. Наверное, им не нравится их вкус. Я не знаю. Но вы же понимаете, все остальные травоядные покинули наши земли, их заставили уйти прыгунки, и вместе с ними ушли сталезубы. Мы не знаем куда. Их нет. Наверное, на невостребованные земли, за пределами Норна. Там есть какие-то поселения, но живущие там фермеры ненавидят Великие Дома.

— Понятно,— кивнул экологический инженер.— Но у вас ведь осталась ваша псарня?

— Нет,— развел руками Норн. Он был очень раздражен.— Я приказал ее закрыть. Сталезубы проигрывали все бои, в особенности после того, как вы начали продавать своих зверей другим Домам. Зачем тратить средства на подготовку слабых

бойцов? Нам необходимо платить за пользование ареной, а в последнее время мы вынуждены покупать продукты в Тарабере. Вы не поверите, но прыгунки уничтожили все посевы!

— Сэр,— оскорбленно заявил Таф,— вы меня обижаете. Я эколог. Я очень много знаю о прыгунках и их привычках. Насколько я понял, вы закрыли псарни, где выращивались сталезубы?

— Да-да. Мы отпустили на свободу этих дармоедов, и теперь они исчезли вместе со своими дикими собратьями. Что нам делать? Прыгунки заполонили наши равнины, кошки не желают спариваться, а наши деньги очень скоро иссякнут, если мы будем продолжать ввозить продукты питания и платить за арену без всякой надежды на победу.

Таф сложил руки.

— Да, вы и в самом деле столкнулись с рядом проблем. И я тот самый человек, который может помочь вам их решить. К сожалению, я связан обещанием, которое дал Дэйнелу Ли Арнету.

— Значит, наше положение безнадежно? Таф, я вас умоляю, скоро мы будем вынуждены полностью отказаться от участия в играх. У нас не останется средств для выплаты налогов, не говоря уже о ставках и животных, которые могли бы принести нам победы. Мы прокляты, от нас отвернулась удача. Ни один из Великих Домов не оказывался в таком положении, даже Феридиан во время Двенадцатилетней Засухи. Дом Норна запятнает свою гордую историю, посылая на арену собак и кошек, которые потерпят позорное поражение от огромных монстров, проданных вами другим Домам.

— Сэр,— сказал Таф,— если позволите мне произнести дерзкие слова — впрочем, у меня есть на это некоторое право,— я выскажу свое мнение. У меня есть предчувствие — м-м-м... *предчувствие,* да, самое подходящее слово,— что монстров, которых вы так боитесь, в ближайшие месяцы и даже недели будет не хватать. К примеру, молодые арсойды с Вагабонда могут очень скоро погрузиться в спячку. Дело в том, что им еще не исполнилось и года. Надеюсь, что повелители из Дома Рэя Хилла не слишком тревожатся, хотя, по слухам, они в панике. Вагабонд, как вы, я надеюсь, знаете, обладает необычной орбитой, так что зима продолжается там двадцать стандартных лет. Арсойды приспособились к этому циклу. Скоро все их жизненные процессы замедлятся — некоторые даже путают спящего арсойда с мертвым, ну, вы меня понимаете,— и я не думаю, что их будет легко разбудить. Быть может, дрессировщики Рэя Хилла — люди высоких достоинств и проницательного ума, в таком случае они справятся с этой нелегкой задачей. Но боюсь, они будут заняты другими проблемами — в частности, им будет непросто накормить свое население, учитывая ненасытный аппетит скаперслотов. Точно так же представители Дома Варкура будут вынуждены бороться с бурным ростом слизней с Катадейна. Древесные слизни поразительные существа. В определенный момент своего жизненного цикла они превращаются в настоящие губки, удваивая свои размеры. Достаточно крупная группа слизней способна осушить огромное болото.— Таф помолчал, и его толстые пальцы принялись выбивать на солидном животе барабанный ритм.— Я несу всякую чепуху, сэр. Но вы меня поняли? Направление моих рассуждений?

Хирольд Норн стал похожим на мертвеца.

— Вы безумец! Вы нас уничтожили! Наша экономика, экология... но *почему?* Мы честно вам платили. Дома, Дома... у нас нет зверей, нет денег. Как будут продолжаться игры? *Никто* не сможет посылать бойцов на Бронзовую арену!

Хэвиланд Таф в ужасе всплеснул руками:

— Неужели?

Потом он выключил коммуникатор и, улыбнувшись, заговорил с Даксом.

Хранители

Биосельскохозяйственная выставка Шести миров принесла Хэвиланду Тафу большое разочарование.

Он провел на Бразелорне долгий и утомительный день, бродя по просторным выставочным залам и то и дело останавливаясь, чтобы одарить своим вниманием новый злаковый гибрид или генетически улучшенное насекомое. Хотя клеточная библиотека его «Ковчега» включала клон-материалы буквально миллионов растительных и животных видов с неисчислимого количества миров, Хэвиланд Таф постоянно зорко следил за всякой возможностью где-нибудь что-нибудь высмотреть и расширить свой фонд стандартов.

Но лишь немногие экспонаты на Бразелорне показались ему многообещающими, и, по мере того как шло время, Таф чувствовал себя в спешащей и равнодушной толпе все тоскливее и неуютнее. Повсюду кишели люди. Фермеры-туннельщики с Бродяги в темно-каштановых шкурах, украшенные перьями и косметикой землевладельцы с Арина, мрачные жители ночной стороны и облаченные в светящиеся одежды жители вечного полдня с Нового Януса, также было большое количество туземцев-бразелорнцев. Все они производили страшный шум, окидывали Тафа любопытными взглядами, а некоторые даже толкали, отчего на его лице появлялось мрачное выражение.

Наконец, стремясь вырваться из толпы, Таф решил, что проголодался. С исполненным достоинства отвращением он

© Перевод О. Колесникова.

протолкался сквозь толпу посетителей ярмарки и вышел из купола пятиэтажного птоланского павильона. Снаружи, между большими зданиями, сотни торговцев установили свои ларьки. Мужчина, продающий паштет из трескучего лука, казалось, менее других осаждался покупателями, и Таф решил, что паштет — именно то, о чем он мечтал.

— Сэр,— обратился он к торговцу,— я хотел бы паштет.

Продавец паштетов был круглым и розовым человеком в грязном фартуке. Он открыл свой ящик для подогрева, сунул в него руку в перчатке и вынул горячий паштет. Подняв взгляд от ящика на Тафа, он удивился.

— Ох,— сказал он.— Но ведь вы же такой большой.

— В самом деле, сэр,— ответил Таф.— Поэтому дайте мне две порции.

Со своими двумя с половиною метрами он почти на целую голову возвышался над всеми остальными людьми на этой планете, а со своим большим, выпирающим вперед брюхом он к тому же был вдвое тяжелее любого из них. Таф взял паштет и спокойно откусил.

— Вы — с другого мира,— заметил торговец.— И вероятно, весьма отдаленного.

Таф в два приема съел свой паштет и вытер салфеткой жирные пальцы.

— Вы совершенно правы, сэр, но об этом нетрудно догадаться,— сказал он. Таф не только был намного выше любого туземца, он и выглядел, и одет был совершенно иначе. Он был молочно-белым, и на его голове не было ни волоска.— Еще один,— сказал Таф и поднял вверх длинный мозолистый палец.

Поставленный на место торговец без дополнительных замечаний вынул еще один паштет и дал Тафу относительно спокойно съесть его. Наслаждаясь корочкой из листьев и терпким содержимым паштета, Таф оглядывал посетителей ярмарки, ряды ларьков и пять больших павильонов, возвышавшихся над окружающим ландшафтом. Покончив с едой, он с непроницаемым, как всегда, лицом опять повернулся к продавцу паштетов.

— Разрешите вопрос, сэр.

— Я вас слушаю,— скромно отозвался тот.

— Я вижу пять выставочных залов,— сказал Хэвиланд Таф.— И я посетил каждый из них по очереди.— Он показал рукой на залы.— Бразелорн, Вейл Арин, Новый Янус, Бродяга и Птола.— Таф опять аккуратно сложил руки на выпирающем животе.— Пять, сэр. Пять павильонов, пять миров. Несомненно, как чужак — а я здесь чужак,— я незнаком с некоторыми щекотливыми деталями местных обычаев, но тем не менее удивлен. В тех местах, где я до сих пор бывал, от встречи, которая называется биосельскохозяйственной выставкой Шести миров, ожидают, что она будет включать экспонаты шести миров. А здесь этого нет. Может быть, вы сможете мне объяснить, почему это так?

— Никто не прибыл с Намории.

— В самом деле? — сказал Хэвиланд Таф.

— Из-за некоторых трудностей,— добавил продавец.

— Все ясно,— сказал Таф.— Или если не все, то, по крайней мере, часть. Может, вы возьмете на себя труд подогреть мне еще один паштет и объяснить природу этих трудностей? Я чрезвычайно любопытен. Боюсь, это мой большой порок.

Продавец паштетов опять натянул перчатку и открыл ящик.

— Знаете, как говорят? Любопытство делает голодным.

— В самом деле? — сказал Таф.— Но должен сказать, что до сих пор ни от кого этого еще не слышал.

Человек наморщил лоб.

— Нет, я не так сказал. Голод делает любопытным, вот как. Но все равно. Мои паштеты вас насытят.

— Ах,— сказал Таф и взял паштет.— Пожалуйста, рассказывайте дальше.

И продавец паштетов очень подробно рассказал о трудностях планеты Намория.

— Теперь вы определенно понимаете,— закончил он наконец,— что они не могли прибыть, когда происходит такое. Им не до выставок.

— Конечно,— сказал Хэвиланд Таф, промокая губы.— Морские чудовища могут досаждать необычайно.

Намория была темно-зеленой планетой, безлунной и уединенной, исчерченной тонкими золотистыми облаками. «Ковчег», содрогаясь, затормозил и тяжеловесно вышел на орбиту. Хэвиланд Таф переходил от кресла к креслу в длинной и узкой рубке связи, изучая планету по десяти из находившихся в рубке сотни обзорных экранов. Его общество составляли три маленьких серых котенка, прыгавших через пульты и прерывавших это занятие только для того, чтобы сцепиться друг с другом. Таф не обращал на них никакого внимания.

Намория состояла в основном из воды и имела только один континент, правда, достаточно большой площади — с орбиты его было прекрасно видно. Увеличенное изображение показывало еще тысячи островов, разбросанных по темно-зеленому морю длинными серповидными архипелагами. Они были рассеяны по океану, как драгоценные камни. Другие экраны показывали свет десятков больших и малых городов на ночной стороне и пульсирующие, размытые, как клочки ваты, пятна энергетической активности там, где поселения были освещены солнцем.

Таф просмотрел все это, сел, включил еще один пульт и начал играть с компьютером в войну. Ему на колени вспрыгнул котенок и уснул. Таф старался не потревожить его, но чуть позже второй котенок подпрыгнул и упал на спящего, и они начали играть друг с другом. Таф согнал их на пол.

Прошло больше времени, чем предполагал Таф, но контактный вызов наконец пришел — впрочем, он знал, что этот вызов все равно в конце концов придет.

— Корабль на орбите,— гласил запрос,— корабль на орбите. Вызывает контрольная служба Намории. Назовите ваше имя и сообщите о ваших намерениях. Назовите, пожалуйста, ваше имя и сообщите о ваших намерениях. Высланы перехватчики. Назовите ваше имя и сообщите о ваших намерениях.

Вызов пришел с главного континента. «Ковчег» выслушал его. К этому времени он обнаружил приближавшийся к нему корабль — только один — и спроецировал его на другой экран.

— Я — «Ковчег»,— сообщил Хэвиланд Таф контрольной службе Намории.

Контрольную службу Намории представляла сидевшая у пульта круглолицая женщина с коротко подстриженными волосами, одетая в темно-зеленый с золотыми нашивками мундир. Она наморщила лоб и перевела взгляд в сторону — несомненно, на начальника или к другому пульту.

— «Ковчег»,— сказала она,— назовите ваш родной мир. Назовите, пожалуйста, ваш родной мир и сообщите о ваших намерениях.

Компьютер показал, что другой корабль установил связь с планетой. Засветились еще два обзорных экрана. На одном появилась стройная молодая женщина с большим крючковатым носом. Она находилась на мостике корабля, на другом экране — пожилой мужчина перед пультом. Оба были в зеленых мундирах и оживленно беседовали с помощью какого-то кода. Компьютеру потребовалось меньше минуты, чтобы его расшифровать.

— ...Будь я проклята, если знаю, что это такое,— сказала стройная женщина.— Боже мой, таких больших кораблей не бывает. Вы только посмотрите на него, вы что-нибудь понимаете? Он ответил?

— «Ковчег»,— снова сказала круглолицая женщина,— назовите, пожалуйста, ваш родной мир и ваши намерения. Говорит контрольная служба Намории.

Хэвиланд Таф вмешался в разговор, чтобы говорить сразу со всеми.

— Это «Ковчег»,— сказал он.— У меня нет родины, господа. Мои намерения исключительно мирные. Торговля и консультации. Я узнал о ваших трагических трудностях, и меня тронули ваши несчастья, поэтому я и хочу предложить вам свои услуги.

Женщина на корабле выглядела удивленной.

— Что вам нужно? — недовольно поинтересовалась она.

Мужчина тоже был не менее озадачен, но ничего не сказал и только пялился, открыв рот, на невыразительное белое лицо Тафа.

— «Ковчег», говорит контрольная служба Намории, мы закрыты для торговли,— сообщила круглолицая женщина.—

Повторяю, мы закрыты для торговли. У нас военное положение.

Тем временем стройная женщина на корабле овладела собой.

— «Ковчег»,— заявила она,— говорит хранительница Кевира Квай, командир корабля национальной гвардии «Солнечный клинок». Мы вооружены. «Ковчег», объяснитесь. Вы в тысячу раз больше любого торговца, которых я когда-либо видела. Объяснитесь, или мы открываем огонь.

— В самом деле? — сказал Хэвиланд Таф.— Угрозы не принесут вам пользы, хранительница. Я ужасно рассержен. Я проделал весь этот длинный путь с Бразелорна, чтобы предложить вам свою помощь, а вы встречаете меня угрозами.— На колени ему опять прыгнул котенок. Таф поднял его гигантской белой рукой, посадил на пульт перед собой, где его могли видеть наблюдатели, и озабоченно поглядел на него.— Нет больше доверия среди людей,— сказал он котенку.

— Не открывайте огня, «Солнечный клинок»,— приказал пожилой мужчина.— «Ковчег», если у вас мирные намерения, объяснитесь. Что вы такое? Нас все жестоко притесняют, потому что Намория — лишь маленький неразвитый мир. Мы никогда раньше не видели такого корабля, как у вас. Объяснитесь.

Хэвиланд Таф погладил котенка.

— Мне постоянно приходится мириться с недоверием,— ответил он пожилому.— Вам повезло, что я так мирно настроен, а то я бы просто улетел, предоставив вас вашей участи.— Он посмотрел прямо в лицо наблюдателю.— Сэр, это — «Ковчег». Я — Хэвиланд Таф, капитан, владелец и весь экипаж. Мне сказали, что вам досаждают большие чудовища, которые живут в ваших морях, вот я и хочу освободить вас от них.

— «Ковчег», говорит «Солнечный клинок». Как вы собираетесь это сделать?

— «Ковчег»— корабль-сеятель Общества экологической генетики,— сказал Хэвиланд Таф с твердостью.— Я экоинженер и специалист по биологическим методам ведения войн.

— Как же так,— удивился пожилой мужчина.— Ведь ОЭГ исчезло тысячу лет назад? Не сохранилось ни одного их корабля.

— Какая жалость,— сказал Таф.— Выходит, я просто миф. И теперь, раз вы сказали, что моего корабля не существует, я, несомненно, растворюсь в атмосфере.

— Хранители,— сказала Кевира Квай с «Солнечного клинка»,— возможно, эти корабли уже и не существуют, но я быстро приближаюсь к какому-то телу, о котором мои приборы говорят, что его длина почти тридцать километров. Вероятно, этот корабль действительно не миф, а реальность.

— Я тоже еще не растворился,— сообщил Хэвиланд Таф.

— Вы действительно можете нам помочь? — спросила круглолицая женщина из контрольной службы Намории.

— Почему мне никогда не верят? — спросил Таф маленького серого котенка.

— Лорд-хранитель, мы должны дать ему возможность доказать то, о чем он говорит,— сказала контрольная служба Намории.

Таф бросил взгляд на экран.

— Как бы ни был я оскорблен угрозами и сомнением в моей искренности, сочувствие к вам повелевает не оставлять задуманное дело. Может, я могу предложить «Солнечному клинку» причалить к моему кораблю? Хранительница Квай могла бы взойти на борт и составить мне общество во время ужина, чтобы мы могли побеседовать. Конечно же, простая беседа не может вызвать ваших подозрений — это самый цивилизованный из всех человеческих способов убивать время.

Трое хранителей торопливо посовещались друг с другом и с несколькими людьми за пределами видимости, пока Хэвиланд Таф, откинувшись в кресле, играл с котенком.

— Я назову тебя Недоверием,— сказал он ему,— чтобы помнить об оказанном мне здесь приеме. А твои братья и сестры будут Сомнением, Враждебностью, Неблагодарностью и Глупостью.

— Мы принимаем ваше предложение, Хэвиланд Таф,— сказала хранительница Кевира Квай с мостика «Солнечного клинка».— Готовьтесь, мы придем к вам на борт.

— Отлично,— сказал Таф.— Вы любите грибы?

Посадочная палуба «Ковчега» была большой, как поле космопорта, и выглядела почти как свалка старых космических кораблей. Собственные корабли «Ковчега» стояли в своих стартовых боксах — пять одинаковых черных кораблей, элегантных, сигарообразных, с треугольными, скошенными назад крыльями для полетов в атмосфере — в довольно-таки приличном состоянии. Другие корабли выглядели менее впечатляюще. Каплевидный торговый корабль с Авалона устало опирался на раскинутые посадочные опоры рядом с поврежденным в бою курьером с целой системой двигателей и шлюпкой-львом с Каралео, богатые украшения которой давно исчезли. Вокруг стояли корабли странных, диковинных конструкций.

Большой купол сверху разделился на сотню секторов — как разрезанный торт — и раздвинулся, чтобы открыть взору маленькое желтое, окруженное звездами солнце. Матово-зеленый, похожий на морского ската, корабль опустился на посадочную палубу «Ковчега». Купол закрылся за «Солнечным клинком», звезды исчезли, атмосфера с шумом опять вернулась в купол, а немного позднее появился и сам Хэвиланд Таф.

Кевира Квай вышла из корабля с сурово поджатыми губами под большим крючковатым носом, но даже сильное самообладание не могло скрыть выражения почтительности в ее глазах. За ней следовали двое вооруженных мужчин в золотых с зеленым мундирах.

Хэвиланд Таф подъехал в открытой трехколесной машине.

— Боюсь, мое приглашение на ужин касалось только одной персоны, хранительница Квай,— сказал он, увидев ее эскорт.— Я сожалею о недоразумении, но вынужден подтвердить свои условия.

— Ну хорошо,— сказала она и повернулась к охранникам: — Подождите с оставшимися на корабле.— Усевшись рядом с Тафом, она обратилась к нему: — «Солнечный клинок» разнесет ваш корабль, если я не буду доставлена назад через два стандартных часа.

Хэвиланд Таф прищурился.

— Это какой-то ужас! Мое гостеприимство и тепло повсюду сталкиваются с недоверием и грубой силой.— Он тронул машину с места.

Они ехали молча сквозь лабиринт соединенных друг с другом коридоров и помещений и наконец попали в гигантскую темную шахту, тянувшуюся в обе стороны, казалось, вдоль всего корабля. Стену и палубу, насколько хватало глаз, покрывали прозрачные чаны различных размеров, большей частью пустые и пыльные, но некоторые наполненные разноцветными жидкостями, в них слабо шевелились едва видимые фигуры. Не было слышно ни звука, лишь влажно и липко что-то капало где-то далеко позади. Кевира Квай окинула все это взглядом и ничего не сказала. Они проехали вниз по шахте по меньшей мере километра три, пока Таф не повернул перед возникшей впереди стеной. Скоро они остановились и вышли из машины.

Великолепный ужин был сервирован в маленькой, обставленной по-спартански столовой, куда Таф привел хранительницу. Они начали с ледяного сахарного супа, сладкого, пикантного и черного, как уголь, сопровождаемого салатом из трав с имбирным соусом. Главное блюдо состояло из панированных в сухарях шляпок грибов — больших, как тарелки, на которых они были поданы,— окруженных десятком различных сортов овощей, каждый под своим соусом. Хранительница ела с большим наслаждением.

— Можно подумать, мой скромный стол вполне вам по вкусу.

— Стыдно признаться, но я так давно ничего не ела и очень голодна,— ответила Кевира Квай.— Мы на Намории всегда зависели от моря. Оно нас неплохо кормило, но с тех пор, как начались трудности...— Она подняла вилку с наколотыми на нее темными, неопределенной формы овощами в золотисто-коричневом соусе.— Что я ем? Очень вкусно.

— Рианнезианские грибные корешки в горчичном соусе,— ответил Хэвиланд Таф.

Квай проглотила корешок и отложила вилку.

— Но ведь Рианнезиан так далеко. Как вы?..— Она замолчала.

— Все эти продукты — с «Ковчега»,— сказал Таф, уткнув пальцы в подбородок и глядя ей в лицо.— Даже если они ког-

да-то и были вывезены с десятка различных миров. Может, еще немного пряного молока?

— Нет,— пробормотала Кевира, уставившись в пустую тарелку.— Итак, вы не обманывали. Вы тот, за кого себя выдаете, а это корабль-сеятель этого... как вы его назвали?

— Общества экологической генетики давно исчезнувшей Федеральной империи. У них было немного кораблей, и все они, кроме одного, разрушены превратностями войны. Только «Ковчег» выжил. Тысячу лет им никто не управлял. Я не буду вдаваться в детали — они вам неинтересны, достаточно сказать, что я нашел его и вернул к жизни.

— Вы его нашли?

— Мне кажется, именно так я и сказал, точно такими словами. Будьте любезны, слушайте внимательно. Я очень не люблю повторять. До того как найти «Ковчег», я зарабатывал себе скромные средства на жизнь торговлей. Мой старый корабль еще стоит на посадочной палубе. Может быть, вы случайно видели его?

— Тогда вы действительно лишь торговец.

— Извините! — возмущенно сказал Таф.— Я — экоинженер. «Ковчег» может переделывать целые планеты, хранительница. Конечно, я один, а корабль когда-то имел экипаж в двести человек, и у меня действительно не хватает того образования, какое несколько веков назад имели те, что носили золотую «тету», являвшуюся эмблемой экоинженеров. Но пока мне удается помаленьку жить этим. И если Намория соблаговолит воспользоваться моими услугами, то я не сомневаюсь, что смогу вам помочь.

— Почему? — спросила стройная хранительница.— Почему вы так стремитесь помочь нам?

Хэвиланд Таф беспомощно развел своими большими белыми руками.

— Я знаю, что могу показаться глупцом, но ничего не могу с собой поделать. Я по натуре человеколюб и очень сочувственно отношусь к нуждам и бедам людей. Я точно так же не могу бросить на произвол судьбы ваших осажденных сограждан, как и сделать что-то плохое моим кошкам. Другие экоинженеры были сделаны из более твердой породы, но мне уже не изменить свою сентиментальную натуру. Поэтому я и сижу здесь перед вами, готовый сделать все, что в моих силах.

— И вы ничего не хотите взамен?

— Я буду работать без вознаграждения,— кивнул Таф.— Конечно, у меня будут издержки, и поэтому я вынужден буду взять с вас небольшую плату, чтобы покрыть их. Скажем, три миллиона стандартов. Вы считаете это честным?

— Честным? — сказала она саркастически.— В высшей мере опасным, я бы сказала. Появлялись тут такие вроде вас, Таф. Торговцы оружием и авантюристы, которым удалось обогатиться на наших бедах.

— Хранительница,— укоризненно произнес Таф.— Вы ужасно несправедливы ко мне. «Ковчег» такой большой и такой дорогой. Я согласен и на два миллиона стандартов. Я не могу поверить, что вы не сможете дать мне даже такую мизерную плату. Или ваш мир стоит меньше?

Кевира Квай вздохнула, усталый взгляд придавал ее лицу измученное выражение.

— Конечно нет,— согласилась она.— Будет прекрасно, если вы сможете сделать все, что обещаете. Но мы небогаты. Мне нужно проконсультироваться с начальством, ведь я не могу сама принять такое решение.— Она резко встала.— Где ваши средства связи?

— За дверью налево и вдоль голубого коридора. Пятая дверь по правой стороне.

Она ушла, а Таф с тяжеловесным достоинством поднялся и начал убирать со стола.

Когда хранительница вернулась, он открыл графинчик ликера и сидел, поглаживая большую черно-белую кошку, по-домашнему разлегшуюся у него на коленях.

— Ваше предложение приняли, Таф,— сказала Кевира Квай и села.— Два миллиона стандартов. Но после того, как вы выиграете эту войну.

— Разумеется,— сказал Таф.— Давайте поговорим о том, что у вас происходит, под рюмочку этого прекрасного напитка.

— Алкогольный?

— Слабонаркотизирующий.

— Хранитель не имеет права принимать никакие возбуждающие или успокаивающие средства. Мы — боевой цех. Такие средства отравляют тело и замедляют реакции. Хранитель должен быть бдительным. Мы охраняем и защищаем.

— Похвально,— сказал Хэвиланд Таф и наполнил свою рюмку.

— «Солнечный клинок» здесь не нужен. Контрольная служба Намории отзывает его. Его боевая мощь нужнее там, внизу.

— Тогда я сейчас же распоряжусь, и ваш корабль покинет «Ковчег». Вы тоже возвращаетесь назад?

— Я откомандирована сюда,— сказала она и поморщилась.— Я сообщу вам ряд данных о ситуации на планете. Мне приказано инструктировать вас и выполнять обязанности офицера связи.

Вода — как спокойное и тихое зеленое зеркало от горизонта до горизонта. Жаркий день. Сияющее желтое солнце струит свой свет сквозь скопления тонких, с золотистыми краями облаков. Корабль неподвижно покоится на воде, блестя голубовато-серебристыми металлическими боками; его открытая палуба — маленький островок активности в океане покоя. Мужчины и женщины — маленькие, как насекомые,— обнаженные из-за жары до пояса, работают у черпалок и тралов. Из моря, истекая водой, поднимаются большие драги, полные ила и водорослей. Потом они опускают содержимое в открытый люк. В стороне жарятся на солнце сосуды с гигантскими молочными медузами.

Но вот вдруг возникло какое-то беспокойство. Несколько человек без всякой видимой причины бросили свою работу и побежали прочь, растерянно оглядываясь. Остальные работали, не обращая ни на что внимания.

Большие металлические когти, теперь открытые и пустые, снова качнулись над водой и нырнули вниз; одновременно на другой стороне корабля такие же когти поднялись вверх. Люди снова куда-то побежали. Двое мужчин столкнулись и упали на палубу.

Потом из-под корабля, извиваясь, появилось первое щупальце. Оно поднималось все выше и выше и было длиннее, чем когти черпалки.

Когда оно появилось из воды, то казалось похожим на человеческое туловище, было таким же толстым, а к концу утончалось до размеров руки. Щупальце было белым и каким-то слизистым. По всей его нижней стороне располагались яркорозовые круги размером с блюдце; круги вращались и пульсировали, когда щупальце изгибалось над большим кораблем — сборщиком урожая. Конец щупальца разветвлялся на более мелкие щупальца. Они были похожи на извивающихся темных змей.

Чудовище поднималось все выше и выше, потом изогнулось и обвило корабль. Под зеленью воды опять что-то зашевелилось, и появилось второе щупальце. Потом третье и четвертое. Одно боролось с когтями черпалки, другое намотало на себя, как вуаль, остатки трала. Люди в ужасе покидали корабль, кроме тех, конечно, кого щупальца успели схватить. Одно из них захлестнулось вокруг женщины, державшей топор. Она попыталась перерубить спрута, но тот сломал ей спину, и женщина затихла. Щупальце отпустило ее и схватило кого-то другого. Из зияющих ран его хлестала белая жидкость.

К кораблю присосались уже двадцать щупалец, и он внезапно наклонился на правый борт. Люди покатились с палубы в море. Потом что-то перевернуло корабль и потащило вниз. Через борта и в открытые люки хлынула вода. Кончилось тем, что корабль переломился пополам.

Хэвиланд Таф остановил проекцию, оставив изображение на большом обзорном экране: зеленое море и золотистое солнце, разбитый корабль, бледные, обнимающие его щупальца.

— Это первое нападение? — спросил он.

— И да, и нет,— ответила Кевира Квай.— Ранее таинственным образом исчезли другой корабль-сборщик и два морских пассажирских глайдера. Мы проводили расследование, но причины не выяснили. В этом же случае на обзорной площадке над ними находилась съемочная группа, передававшая изоб-

ражение для информационной телепрограммы. Эффект был потрясающим.

— В самом деле,— сказал Таф.

— Репортеры были в воздухе, на глайдере. Передача того вечера едва не вызвала паники. Но только когда погиб еще один корабль, этим явлением заинтересовались серьезно. Хранители поняли, что пришла большая беда.

Хэвиланд Таф с равнодушным видом смотрел вверх, на обзорный экран, его руки покоились на пульте. Черно-белый котенок играл с его пальцем.

— Иди со своими глупостями,— сказал он и осторожно ссадил котенка на пол.

— Увеличьте изображение одного из щупалец,— предложила сидящая рядом хранительница.

Таф безмолвно выполнил ее просьбу. Засветился второй экран и показал зернистое изображение большого бледного живого каната, обвившегося вокруг палубы.

— Обратите внимание на присоски,— сказала Квай.— Вон те розовые участки, видите?

— Они, кажется, с зубами?

— Да,— сказала Кевира Квай.— Они все с зубами. Наружные губы этой присоски — своего рода жесткая мясистая втулка-венец. Внутри она расширяется и образует что-то вроде вакуума — оторвать ее невозможно. Но каждая присоска одновременно и пасть. Внутри венца находится мясистый клапан, который, опадая, выпускает наружу зубы. Три ряда зубов. Острее пилы. Теперь давайте рассмотрим усики на конце щупальца.

Таф коснулся пульта и вывел увеличенное изображение извивающейся змеи на третий экран.

— Глаза,— сказала Кевира Квай.— На конце каждого усика. Щупальцам не приходится двигаться вслепую, на ощупь. Они могут видеть, что они делают.

— Очень увлекательно,— сказал Хэвиланд Таф.— А что находится под водой? Кому принадлежат эти гнусные щупальца?

— Позднее появились изображения и фотографии мертвых экземпляров, а также компьютерные модели. Бóльшая часть убитых особей была совершенно изуродована. Основное тело

этой штуки — своего рода перевернутая чашка, похожая на наполовину надутый пузырь. Чашка окружена кольцом костей и мышц, на которых крепятся эти щупальца. Пузырь наполняется водой и опорожняется, давая этой твари возможность подниматься на поверхность и опускаться в глубину. Принцип подводной лодки. И она в состоянии утащить вниз корабль. Сама весит немного, но обладает удивительной силой. Вот что делает это гигантское существо: опорожняет свой пузырь, чтобы подняться на поверхность, потом хватает и опять начинает наполняться. Емкость пузыря ошеломляющая. Когда существо полностью наполняется водой, оно в состоянии утащить на дно моря любой из имеющихся у нас кораблей. Если необходимо, оно может даже перегонять воду в эти щупальца и выпускать ее через пасти, чтобы залить корабль и ускорить его гибель. Таким образом, эти щупальца — и руки, и пасти, и глаза, и живые змеи одновременно.

— И вы говорите, что до этого нападения ваши люди не знали об этих существах?

— Именно так. Родственник этой штуки, наморский воин, был хорошо известен с первых дней заселения планеты. Это была своего рода помесь медузы и кракена. С двадцатью руками. Многие местные виды сотворены как бы по единому образцу — центральный пузырь, или тело, или оболочка, или как вы там назовете, с двадцатью ногами, или усами, или щупальцами вокруг. Воины были плотоядными, как и эти чудовища, хотя имели глаза, расположенные на кольце вокруг тела, а не на концах щупалец. Руки тоже не могли действовать как шланги, и они были намного меньше по размеру, примерно с человека. Воины выпрыгивали на поверхность на континентальных отмелях, над илистыми впадинами, где собирается стаями рыба. Рыба была их основной добычей, хотя несколько неосторожных пловцов нашли ужасную смерть в их объятиях.

— Можно спросить, что стало с воинами? — спросил Таф.

— Существа эти охотились в тех областях, которые были нужны нам: мелководья, богатые рыбой, водорослями и прочими плодами моря, участки над илистыми впадинами и склад-

ками дна, полные раковин-хамелеонов и фредди-скакунцов. Прежде чем мы научились по-настоящему выращивать и возделывать все это сами, нам приходилось по возможности избавляться от наморских воинов. Истребили почти всех. Сейчас воины встречаются крайне редко.

— Понимаю,— сказал Хэвиланд Таф.— А это ужасное существо, эта подводная лодка, этот пожиратель кораблей, ваша напасть — у него есть имя?

— Наморский разрушитель,— сказала Кевира Квай.— Когда он появился впервые, мы подумали, что он житель больших глубин, по ошибке выплывший на поверхность. Ведь Намория заселена всего около ста стандартных лет. Мы только начали исследовать глубокие районы моря, и у нас мало сведений об их жителях. Но когда уже большое число кораблей подверглось нападениям, стало очевидно, что нам придется воевать с целой армией разрушителей.

— С флотом,— поправил Хэвиланд Таф.

Кевира Квай наморщила лоб.

— Пусть так. Целая масса, а не отдельный, случайно попавший к нам экземпляр. Исходя из этого возникла теория, согласно которой глубоко в океане произошла катастрофа, выгнавшая этот вид на поверхность.

— Но вы не слишком верите этой теории,— сказал Таф.

— Никто не верит. Она уже опровергнута. Разрушители были бы не в состоянии выдержать давление на таких глубинах. И вот теперь мы не знаем, откуда они взялись.— Она поморщилась.— Знаем только, что они здесь.

— В самом деле,— сказал Хэвиланд Таф.— Несомненно, вы защищались.

— Конечно. Мужественно, но безнадежно. Намория — молодая планета, и у нас не хватает людей и средств для борьбы, в которую мы оказались втянутыми. Три миллиона наморцев живут более чем на семнадцати тысячах маленьких островов, разбросанных по морю. Еще миллион теснится на Нью-Атлантиде, нашем единственном маленьком континенте. Бóльшая часть нашего населения рыбаки и морские фермеры. Когда все это началось, численность наших хранителей едва достигала пятнадцати тысяч. Наш отряд ведет свой род от экипажей кораблей, доставивших колонистов со Старого Посейдона и Аквариуса сюда, на Наморию. Мы защищали жителей, но до появления разрушителей задача наша была куда проще. Планета у нас мирная, и за все время было всего несколько конфликтов. Несколько этнических споров между посейдонцами и акваритянами, но все закончилось по-доброму. Хранители имели в своем распоряжении «Солнечный клинок» и еще два таких же корабля планетарной защиты, но большая часть работы была с пожарами, наводнениями, катастрофами, ну, еще полицейская работа и тому подобное. У нас было около сотни морских патрульных лодок-глайдеров, и какое-то время мы использовали их в качестве защитных конвоев и даже нанесли разрушителям кое-какие потери, но по-настоящему бороться с ними мы не в состоянии: разрушителей намного больше, чем патрульных лодок.

— И патрульные лодки, я полагаю, не размножаются, как это делают разрушители,— сказал Таф. Глупость и Сомнение возились у него на коленях.

— Да. Но мы все-таки пытались бороться. Мы бросали в них глубинные бомбы, когда обнаруживали их под водой, мы торпедировали их, если они поднимались на поверхность. Мы убивали их сотнями. Но они появлялись в еще большем количестве, лодки же, которые мы теряли, заменить было нечем, так как на Намории нет высокоразвитой промышленности. В лучшие времена мы импортировали все необходимое с Бразелорна и Вейл Арина. Наш народ думал, что можно вести простую жизнь, близкую к природе. Да и планета сама не могла поддерживать промышленность. Она бедна тяжелыми металлами и почти не имеет ископаемого горючего.

— Сколько патрульных лодок у вас осталось? — спросил Хэвиланд Таф.

— Где-то около тридцати. Но мы уже боимся их использовать. В течение года после первого нападения разрушители полностью перекрыли наши морские пути. Были потеряны все большие корабли-сборщики, оставлены или разрушены сотни морских ферм, погибла половина частных промысло-

виков, а другая половина в ужасе толпится в портах. Ни один человек больше не осмеливается выйти в моря Намории.

— Ваши острова изолированы друг от друга?

— Не совсем,— ответила Кевира.— У хранителей двадцать вооруженных глайдеров, и есть еще примерно сотня глайдеров и летательных аппаратов в частной собственности. Мы их реквизировали и вооружили. Есть у нас и свои дирижабли. Глайдеры и самолеты здесь содержать очень трудно, так как у нас нет запасных частей и хорошо обученных техников. Поэтому большую долю тяжестей перевозили дирижабли. Дирижабли у нас большие, с солнечными двигателями. Наполнены они гелием. У нас примерно тысяча дирижаблей — довольно большой, по нашим представлениям, флот. Одни из них взяли на себя обеспечение маленьких островов, где голод стал реальной угрозой. Другие продолжали борьбу, как и глайдеры хранителей. Мы сбрасывали с воздуха химикалии, яды, взрывчатку и тому подобное. Уничтожили тысячи разрушителей, хотя за это пришлось заплатить невероятно большую цену. Чаще всего они скапливались вокруг наших рыбных промыслов и илистых гряд, поэтому мы вынуждены были взрывать и отравлять как раз те районы, которые нам нужнее всего. Но выбора не было. Одно время мы думали, что выиграли битву. Несколько рыбацких лодок даже выходили в море и опять возвращались назад в сопровождении глайдера-охранника.

— Очевидно, вам все же удалось как-то обуздать разрушителей,— сказал Хэвиланд Таф,— иначе мы не сидели бы и не говорили тут.— Сомнение крепко ударило Глупость по голове, и маленький котенок полетел с колен Тафа на пол. Таф нагнулся и поднял его.— Вот,— сказал он и протянул котенка Кевире Квай.— Не подержите ли его? Их маленькая война отвлекает меня от вашей большой.

— Я... Ну конечно...— Хранительница элегантно взяла в ладонь маленькое черно-белое животное. Котенок свернулся калачиком на ее ладони.— Что это? — спросила она.

— Кошка,— ответил Таф.— Она выпрыгнет, если вы будете держать ее, как гнилой плод. Лучше посадите ее себе на колени. Уверяю вас, она безобидна.

Кевира Квай пожала плечами и стряхнула котенка с ладони на колени. Глупость мяукнула, едва не свалившись на пол, но ее маленькие коготки вонзились в ткань мундира.

— Ай! — воскликнула женщина.— У нее когти.

— Коготки,— поправил Таф.— Маленькие и безобидные.

— Они не отравленные?

— Думаю, нет,— сказал Таф.— Погладьте ее, и она будет вас меньше беспокоить.

Кевира несколько раз неуверенно коснулась головы котенка.

— Простите,— сказал Таф.— Я сказал погладьте, а не похлопайте.

Хранительница поласкала котенка. Глупость тут же замурлыкала. Кевира замерла и испуганно посмотрела на животное.

— Кошка почему-то дрожит,— сказала она,— и издает какие-то звуки.

— Такая реакция считается дружественной,— заверил ее Таф.— Прошу вас продолжить свой рассказ о положении на планете. Пожалуйста.

— Разумеется,— сказала Квай, лаская Глупость, уютно разлегшуюся у нее на коленях.— Если вы снова включите проекцию.

Таф убрал с главного экрана изображение разрушителя и тяжело поврежденного корабля. Их сменила другая картина. Зимний день, ветреный и холодный даже с виду. Очень темная и подвижная вода, брызгающая пеной при порывах ветра. По бурному морю плывет разрушитель, раскинув вокруг огромные белые щупальца, что делает его похожим на гигантский раздувшийся цветок, танцующий на волнах. Потом над водой появились три дирижабля. Когда они пролетали над чудовищем, два его щупальца выскочили из воды, как змеи, и потянулись вверх, но дирижабль летел слишком высоко, и они его не достали. Однако чудовища продолжали преследовать дирижабли.

— Дирижабли «Душа Аквариуса», «Лила Д» и «Небесная тень»,— сказала Кевира Квай,— направляются с миссией помощи на один из маленьких островов, где свирепствует голод. Они отправились в путь, чтобы эвакуировать оставшихся в жи-

вых и доставить их на Нью-Атлантиду.— Голос ее стал жестким.— Эти съемки сделаны группой из службы новостей на «Небесной тени», единственном уцелевшем дирижабле. Смотрите внимательно.

Один из дирижаблей продолжал лететь дальше непоколебимо и торжественно. Потом прямо перед серебристо-голубой «Душой Аквариуса» в воде вдруг возникло какое-то движение. Под темно-зеленой поверхностью угадывалось чье-то большое тело. Но это не был разрушитель. Вода вспучилась, и что-то большое и черное, как эбеновое дерево, появилось из воды. Существо напоминало купол, он все рос и рос и вскоре стал похожим на поднявшийся из глубины остров — черный, кожаный и громадный,— окруженный двадцатью длинными черными щупальцами. Он вспухал все выше и выше, секунда за секундой, пока не вырвался из моря. Его щупальца обвисли вниз, с них текла вода, а он все поднимался и поднимался. Потом щупальца тоже начали подниматься и вытягиваться в стороны. Чудовище было таким же большим, как и приближающийся к нему дирижабль. Их встреча была как брачная случка двух небесных левиафанов. Черный гигант обрушился на большой серебристый дирижабль, его руки обвились вокруг него в смертельном объятии. Таф и Кивира увидели, как лопнула внешняя оболочка дирижабля, разорвались и смялись гелиевые ячейки. «Душа Аквариуса» извивалась и корчилась, как живая, сжимаемая черными объятиями «любовника». Когда все было кончено, темный гигант выронил остатки дирижабля в море.

Таф остановил изображение, чтобы внимательно рассмотреть маленькие фигурки, выпрыгивающие из обреченной гондолы.

— Другое такое же чудовище уничтожило на обратном пути «Лилу Д»,— сказала Кевира Квай.— «Небесной тени» удалось спастись, так что ее экипаж смог рассказать все, что с ними произошло, но из следующей миссии не вернулась и она. Только в первую неделю после появления огненных шаров было потеряно больше сотни дирижаблей и двенадцать глайдеров.

— Огненных шаров? — скептически переспросил Хэвиланд Таф и погладил Сомнение, сидевшее на пульте.— Но я не видел никакого огня.

— Мы так назвали эту проклятую тварь, когда впервые уничтожили одну из них. Глайдер хранителей дал по ней залп разрывных выстрелов, тварь взорвалась, как бомба, и, пылая, упала в море. Оказалось, они легко воспламеняются. Один лазерный выстрел, и они взрываются с грохотом.

— Водород? — сказал Хэвиланд Таф.

— Именно,— подтвердила хранительница.— Нам никогда не удавалось поймать ни одной твари, и мы собирали данные по крохам. Эти существа могут производить электрический ток. Они набирают воду и проводят своего рода биологический электролиз. Кислород выпускается в воду или в атмосферу, и таким образом эта тварь передвигается. Реактивный двигатель, если хотите. Водород заполняет мешки-баллоны и создает подъемную силу. Если тварь хочет опуститься в воду, то открывает сверху свой клапан — посмотрите, вон там — и огненный шар опять падает в море. Внешняя оболочка кожистая, очень жесткая. Они медлительны, но умны. Иногда прячутся в облаках и нападают на неосторожные глайдеры, летящие под ними. И мы скоро, к своему ужасу, обнаружили, что размножаются они не менее быстро, чем разрушители.

— Чрезвычайно интересно,— сказал Хэвиланд Таф.— Итак, из всего этого я могу себе позволить сделать вывод, что с появлением этих огненных шаров вы потеряли не только море, но и небо.

— Примерно так,— согласилась Кевира Квай.— Для сражения с огненными шарами наши дирижабли слишком неповоротливы. Мы попытались удержать ситуацию под контролем, посылая дирижабли под конвоем глайдеров и самолетов, но это тоже кончилось неудачей. Утро огненного рассвета... Я была там, командовала девятипушечным глайдером... Это было ужасно.

— Продолжайте,— сказал Таф.

— Огненный рассвет,— мрачно пробормотала она.— Мы... У нас было тридцать дирижаблей, защищенных десятком во-

оруженных глайдеров. Длительное путешествие от Нью-Атлантиды до Согнутой Руки, большой группы островов. Незадолго до рассвета второго дня похода, как раз только заалел восток, море под нами начало... кипеть. Как кастрюля с супом. Это были они, эти гады, выпускали кислород и воду. Их были тысячи, Таф. Вода безумно забурлила, и они поднялись, все разом — эти гигантские черные тени; они поднимались к нам, они были повсюду, насколько видел глаз. Мы атаковали лазерами, гранатами, всем, что у нас было. Огонь охватил все небо. Все эти твари раздувались от водорода, а воздух был насыщен кислородом, который они выпускали, и опьянял. Мы назвали это огненным рассветом. Ужасно. Повсюду скрежет, горящие воздушные шары, наши разрушенные дирижабли, падающие и горящие тела вокруг нас. А внизу ждали разрушители. Я видела, как они хватали плывущих людей, выпавших из дирижаблей, эти бледные щупальца, обвивающиеся вокруг тел и рвущие их. Из этой битвы вышли только четыре глайдера. И были потеряны все дирижабли, вместе с экипажами.

— Ужасная история,— сказал Таф.

В глазах Кевиры Квай была видна мука. Она в каком-то странном ритме похлопывала Глупость, губы крепко сжаты, взгляд прикован к обзорному экрану, где над падающей «Душой Аквариуса» парил первый огненный шар.

— С тех пор,— заговорила она наконец снова,— наша жизнь превратилась в непрерывный кошмар. Мы потеряли наши моря. На трех четвертях Намории люди вымерли от голода. Только Нью-Атлантида имеет еще в достатке продукты, так как только там занимались земледелием. Хранители продолжают бороться. «Солнечный клинок» и два других наших космических корабля вынуждены постоянно действовать — бомбардировать морские пути, разбрасывать яды и эвакуировать людей с мелких островов. Мы поддерживаем неустойчивую связь самолетами и скоростными глайдерами. Конечно, у нас есть радио. Но мы вряд ли выдержим. В течение последнего года замолчало более двадцати островов. Мы посылали патрули, чтобы расследовать полдюжины таких случаев.

Те, что возвращались, сообщали об одном и том же. Повсюду разлагающиеся на солнце трупы. Разрушенные, обвалившиеся здания. Грызуны и черви, пирующие на трупах. А на одном из островов они нашли нечто иное, еще более ужасное. Этот остров называется Морская Звезда. На нем жило почти сорок тысяч человек, и был даже небольшой космопорт, пока не прекратилась торговля. Когда с Морской Звездой прервалась связь, все испытали ужасный шок. Посмотрите следующий материал, Таф.

Таф нажал на пульте несколько светящихся кнопок.

На берегу, на синем песке лежало и гнило что-то мертвое.

Изображение было неподвижным. Хэвиланд Таф и хранительница Кевира Квай имели достаточно времени, чтобы рассмотреть мертвую тушу — распростершуюся, массивную, разлагающуюся. Вокруг царил хаос человеческих тел. Мертвое чудовище выглядело как перевернутое блюдо — большое, как дом. Его кожистая плоть, пятнисто-серо-зеленая, растрескалась и была покрыта потеками гнили. Вокруг на песке, как спицы колеса, раскинулись десять изогнутых зеленых щупалец со сморщенными бледно-розовыми пастями. И, чередуясь с ними, десять конечностей, жестких и твердых, почти черных и имевших суставы.

— Ноги,— сказала Кевира Квай.— Это чудовище передвигалось, пока его не убили. Мы нашли только один экземпляр, но этого достаточно. Теперь мы знаем, почему замолкают наши острова. Чудовища выходят из моря, Таф. Вот такие дела. Они, как пауки, бегают на десяти ногах, а десятью другими — щупальцами — хватают и пожирают людей. Панцирь у них толстый и прочный, и одной гранатой или лазерным выстрелом уничтожить такой экземпляр уже не так просто, как огненный шар. Теперь вы понимаете? Сначала в море, потом в воздухе, а теперь началось и на земле. На земле. Они тысячами вырвутся из моря и потоком поползут по песку. Только за последнюю неделю уничтожены два острова. Нас хотят стереть с лица планеты. Несомненно, кое-кто останется в живых на Нью-Атлантиде, в высокогорьях внутри материка, но это будет суровая жизнь — и короткая. И продлится она до тех пор,

пока не появится какое-нибудь новое кошмарное чудовище.— Ее голос стал истерически пронзительным.

Хэвиланд Таф отключил пульт, и все экраны погасли.

— Успокойтесь, хранительница,— сказал он и повернулся к ней.— Ваши страхи понятны, но не надо впадать в отчаяние. Теперь я хорошо представляю ваше положение. В самом деле трагическое. Но не безнадежное.

— Вы все еще уверены, что сможете помочь? Один? Вы и этот корабль? Нет, я не хочу вас отговаривать, ни в коем случае. Мы готовы ухватиться за любую соломинку. Но...

— Но вы не верите в мои возможности,— сказал Таф. С его губ сорвался легкий вздох.— Сомнение,— сказал он своему котенку, поднимая его на громадной белой ладони,— ты действительно по праву носишь свое имя.— Он снова перевел взгляд на Кевиру Квай.— Я снисходительный человек, а вы вытерпели столько мучений, поэтому я не обращаю внимания на то, что вы с пренебрежением относитесь к моим способностям и тем самым унижаете меня. А теперь прошу простить, у меня много дел. Я получил массу информации об этих тварях и о наморской экологии в целом. То, что я видел, чрезвычайно важно для понимания и анализа ситуации. Благодарю за ваше сообщение.

Кевира Квай наморщила лоб, подняла с колен Глупость, опустила ее на пол и встала.

— Очень хорошо,— сказала она.— Как скоро вы будете готовы?

— С какой-либо степенью точности я об этом сказать не могу, пока не удастся провести несколько опытов. Возможно, для этого понадобится день. Возможно, месяц. Но, возможно, и дольше.

— Если вам понадобится слишком много времени, то могут возникнуть трудности со сбором двух миллионов,— вздохнула она.— Мы просто все погибнем, и некому будет отдать вам вознаграждение за труд.

— В самом деле,— сказал Таф.— Я постараюсь предотвратить такой поворот событий. Если вы позволите мне приняться за работу. Мы еще побеседуем за ужином. Я приготовлю

густой суп по-арионски с шляпками торитийских огненных грибов для поднятия аппетита.

Квай громко вздохнула.

— Опять грибы,— пожаловалась она.— У вас уже были жареные грибы, и перечные стручки на обед, и обжаренные в сметане грибы на завтрак.

— Я очень люблю грибы,— сказал Хэвиланд Таф.

— А я сыта ими по горло,— сказала Кевира Квай. Глупость потерлась об ее ногу, и она мрачно посмотрела на нее.— Могла бы я попросить немного мяса? Или что-нибудь из морских продуктов? — Взгляд ее приобрел мечтательное выражение.— Я уже год не ела ильных горшочков. Они мне иногда даже снятся. Вообразите, расколешь раковину, высосешь жир, а потом ешь мягкое мясо... Вы не представляете, как было прекрасно раньше. Или саблевидные плавники. Ах, за саблевидные плавники с гарниром из водорослей я готова убить!

Хэвиланд Таф серьезно посмотрел на нее.

— Мы здесь не едим мяса животных,— сказал он и принялся за работу, не обращая на свою собеседницу никакого внимания.

Кевира Квай попрощалась. Глупость понеслась за ней большими прыжками.

Через четыре дня, когда за обедом и ужином было съедено огромное количество грибов, Кевира Квай начала приставать к Хэвиланду Тафу с вопросами.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она за завтраком.— Когда же наконец вы начнете действовать? Каждый день вы уходите к себе, а положение на Намории все хуже и хуже. Час назад я говорила с лордом-хранителем. Потеряны Малый Аквариус и Танцующие Сестры. А мы с вами сидим здесь и тянем время, Таф.

— Тянем время? — переспросил Хэвиланд Таф.— Хранительница, я не тяну время. Я никогда не тянул время и не собираюсь делать это сейчас. Я работаю. Ведь нужно переварить такую массу информации.

— Вы имеете в виду, переварить массу грибов,— фыркнула Кевира Квай и встала, сбросив с коленей Глупость. За по-

следнее время они с котенком подружились.— На Малом Аквариусе жили двенадцать тысяч человек,— вздохнула она,— и почти столько же на Танцующих Сестрах. Думайте об этом, Таф, пока перевариваете пищу.— Она повернулась и вышла из комнаты с гордо поднятой головой.

— В самом деле,— сказал Хэвиланд Таф и опять сосредоточился на своем сладком цветочном торте.

Прошла неделя, прежде чем они столкнулись снова.

— Ну? — спросила хранительница однажды в коридоре и загородила Тафу дорогу, когда он с большим достоинством шагал в свой рабочий кабинет.

— Ну,— повторил он.— Добрый день, хранительница.

— Какой там добрый! — проворчала она.— Контрольная служба Намории сообщила, что потеряны Острова Солнечного Восхода. Растоптаны. И дюжина глайдеров уничтожена при обороне, вместе со всеми стянутыми в те гавани кораблями. Что вы скажете на это?

— Чрезвычайно печально,— ответил Таф.— Сожалею.

— Когда вы будете готовы?

Он неопределенно пожал плечами.

— Не могу сказать. Вы поставили передо мной непростую задачу. Чрезвычайно сложная проблема. Сложная. Да, это самое подходящее слово. Я бы сказал даже, запутанная. Но уверяю вас, все мои симпатии на вашей стороне, и весь мой интеллект занят исключительно этой проблемой.

— И это все, не правда ли? Для вас это только проблема?

Хэвиланд Таф слегка наморщил лоб и сложил руки на выпирающем вперед громадном животе.

— Действительно, проблема,— сказал он.

— Нет, это не только проблема. Это не игра, в которую мы с вами играем. Там, внизу, умирают люди. Умирают, так как хранители оказались недостойными их доверия и так как вы ничего не делаете. Ничего!

— Успокойтесь. Ведь я заверил вас, что непрерывно занят вашим делом. Вы должны учитывать, что мое задание не такое простое, как ваше. Конечно, куда как легче бросать на разрушителей бомбы или стрелять гранатами в огненные шары, наблюдая, как они горят. Но эти простые, старомодные методы мало вам помогли, хранительница. Экоинженерия — намного более перспективное дело. Я изучаю сообщения ваших руководителей, морских биологов, историков. Я думаю и анализирую. Я разрабатываю различные методы и моделирую их на большом компьютере «Ковчега». Рано или поздно я найду ответ.

— Лучше рано,— жестким голосом сказала Кевира Квай.— Намория ждет результатов, и я их тоже жду. Совет хранителей теряет терпение. Лучше рано, Таф, а не поздно. Я вас предупреждаю.— И она отступила в сторону, давая ему пройти.

Следующие полторы недели Кевира Квай провела, стараясь по возможности избегать Тафа. Она часто пропускала ужин и мрачно отводила взгляд, когда видела его в коридорах. Каждый день она торчала в рубке связи, где вела длинные дискуссии с начальством, которое держало ее в курсе последних событий. А они были плохими.

Наконец, когда положение стало катастрофическим, разъяренная Кевира Квай, тяжело ступая, вошла в затемненную комнату, которую Таф называл «военной», и нашла его сидящим перед целым рядом компьютерных экранов. Он наблюдал, как красные и голубые линии гонялись друг за другом по какой-то решетке.

— Таф! — позвала его женщина.

Он выключил экран и повернулся к ней с явным неудовольствием. Окутанный тенью, он равнодушно рассматривал ее.

— Совет хранителей передал мне приказ,— сообщила Квай, бледная как полотно.

— Как кстати,— язвительно ответил Таф.— Я знаю, что вы в последнее время мучаетесь от безделья.

— Совет требует немедленных действий, Таф. Немедленных действий. Немедленных. Вы поняли?

Таф подпер ладонями подбородок, приняв позу молящегося.

— Неужели я должен терпеть не только враждебность и нетерпение, но и оскорбления в адрес моего интеллекта? Я по-

нимаю все, что должно быть понято о ваших хранителях, уверяю вас. Вот только своеобразной и странной экологии Намории я понять не могу. И пока я не добьюсь этого понимания, я не могу действовать.

— Вы будете действовать,— сказала Кевира Квай. В ее руке вдруг оказался лазерный пистолет, и она направила его в обширное брюхо Тафа.— Теперь вы будете действовать.

Хэвиланд Таф никак не отреагировал на ее выпад.

— Насилие,— сказал он с нежным упреком.— Может, вы дадите мне возможность все объяснить, прежде чем прожжете во мне дырку и приговорите свой мир к гибели?

— Давайте,— согласилась она.— Я выслушаю.

— Отлично. Хранительница, на Намории происходит что-то странное.

— Мы это заметили,— сухо произнесла она. Лазерный пистолет в ее руке замер.

— В самом деле? Вас истребляют существа, которых за отсутствием лучшего определения назовем морскими чудовищами. Менее чем за полдесятка стандартных лет возникло три вида. Каждый из этих видов, скорее всего, новый или, по крайней мере, не был известен ранее. Это представляется мне невероятным. Ваш народ живет на Намории уже около ста стандартных лет, но вы лишь недавно узнали об этих существах, которых назвали разрушителями, огненными шарами и бегунами. Такое впечатление, что против вас ведет войну мрачный двойник моего «Ковчега», но, очевидно, это не так. Новые или старые, но эти чудовища родом с Намории, продукт местной эволюции. Их близкие родственники населяют ваши моря — ильные горшочки, фредди-скакуны, студневые танцоры и воины. Так. К какому же выводу это нас приводит?

— Не знаю,— сказала Кевира Квай.

— Я тоже. Продолжаем рассуждать дальше. Эти морские чудовища ужасно расплодились. Море кишит ими, они заполнили небо, а теперь уничтожают плотно населенные острова. Они истребляют людей, но не убивают друг друга и, кажется, вообще не имеют естественных врагов. Преграды нормальной экосистемы не срабатывают. Я с большим интересом прошту-

дировал сообщения ваших ученых. Многое в этих морских чудовищах удивительно, но еще удивительнее тот факт, что мы знаем их только в их взрослом обличье. Гигантские разрушители бороздят моря и топят корабли, чудовищные огненные шары кружат в вашем небе. А где, вынужден спросить, маленькие разрушители, где детеныши огненных шаров? В самом деле, где они?

— Глубоко в море.

— Возможно, хранительница, возможно. Но вы не можете утверждать это на все сто процентов, я — тоже. Эти чудовища ужасны, но я видел не менее ужасных хищников и на других мирах. И они не исчислялись сотнями тысяч. Почему? Да потому, что их детеныши, или яйца, или мальки менее страшны, чем их родители, и большая часть их гибнет, не достигнув зрелости. Но на Намории ничего подобного не происходит. Почему? — Таф пожал плечами.— Этого я сказать не могу, но я продолжаю работать и думаю, что осилю задачку ваших переполненных морей.

Кевира Квай сморщилась.

— А мы тем временем погибнем. Мы погибаем, а вам до этого нет никакого дела.

— Протестую,— начал Таф.

— Тихо! — сказала она и качнула лазером.— Теперь говорить буду я. Вы свою речь произнесли. Сегодня мы потеряли связь с Согнутой Рукой. Согнутая Рука. Сорок три острова, Таф. Я даже боюсь подумать, сколько там погибло людей. Все исчезли, за один день. Несколько искаженных радиосигналов, истерия, а потом — тишина. А вы сидите тут без толку и рассказываете о загадках нашей планеты. Теперь я заставлю вас работать. Загадками природы займемся позже, а сейчас будем убивать этих гадов.

— Когда-то существовал мир,— сказал Хэвиланд Таф,— совершенно идеальный мир, если не считать одного маленького изъяна — насекомого размером с пылинку. Это было безобидное существо, но оно распространилось повсюду. Питалось микроскопическими спорами одного плавающего гриба. Люди этого мира ненавидели этих насекомых, которые иногда

летали целыми тучами, закрывая солнце. Когда граждане выходили на улицу, насекомые тысячами покрывали их тела живой второй кожей. И какой-то экоинженер-выскочка предложил решить их проблему. С другого далекого мира он завез другое насекомое, которое было крупнее и должно было охотиться за этими живыми пылинками. Новые насекомые размножались и размножались, так как не имели в этой экосистеме естественных врагов, и в какой-то момент местный вид полностью исчез. Был большой триумф. Но неожиданным и печальным образом возникли побочные явления. Оккупант, уничтожив эту местную форму жизни, начал нападать на другие, полезные виды. Было истреблено много местных видов насекомых. Тяжело пострадали и местные птицы, так как у них отняли их обычную добычу, а чужих насекомых они не могли переваривать. Растения уже не опылялись, как прежде. Изменялись и засыхали все леса. А споры гриба, что были пропитанием для местных мучителей людей, беспрепятственно рассеивались. Грибы росли везде: на зданиях, на полях, где выращивались продукты, и даже на животных. Короче говоря, экосистема была полностью выведена из равновесия. Если вы сегодня посетите эту планету, вы найдете совершенно мертвый, если не считать грибов, мир. Таковы плоды поспешных действий при недостатке знаний. Слишком велик риск, чтобы начинать, не разобравшись в проблеме.

— Но если не начать немедленно что-то делать, нас ждет неминуемая гибель,— упрямо продолжала Кевира Квай.— Нет, Таф. Вы рассказали ужасную историю, но мы отчаянный народ. Хранители примут на себя любой риск, какой только может возникнуть. У меня приказ. Если вы не сделаете то, о чем я вас просила, то я использую вот это.— Она кивнула на лазер.

Хэвиланд Таф скрестил руки.

— А если вы его используете,— сказал он,— значит, вы очень глупы. Несомненно, вы сможете научиться обслуживать «Ковчег». Со временем. Но эта задача отнимет годы, которых у вас, по вашему утверждению, нет. Я буду продолжать работу над вашей проблемой, прощаю вам ругань в мой адрес и угрозы, но начну действовать только тогда, когда буду к этому готов. Я экоинженер. У меня есть личная и профессиональная совесть. И я вынужден подчеркнуть, что без моей помощи у вас нет вообще никакой надежды. Совершенно. И так как об этом мы оба прекрасно знаем, давайте прекратим наши пререкания. И не пугайте меня, лазер вы не используете.

Кевира Квай растерялась на мгновение.

— Вы...— начала она, запинаясь; лазер лишь слегка качнулся. Но потом ее взгляд снова посуровел.— Я использую его.

Хэвиланд Таф ничего не сказал.

— Не против вас,— продолжала она.— Против ваших кошек. Я буду убивать каждый день по одной, пока вы не возьметесь за дело.— Ее запястье слегка шевельнулось, и лазер уже был направлен не на Тафа, а на маленькую фигурку Неблагодарности, носившуюся по комнате в погоне за собственной тенью.— Я начну с нее,— сказала хранительница.— Считаю до трех.

На лице Тафа не дрогнул ни единый мускул. Он продолжал неподвижно смотреть на Кевиру Квай.

— Раз,— произнесла женщина.

Таф сидел неподвижно.

— Два,— сказала она.

Таф скривил лицо, и на белом как мел лбу появились морщины.

— Три,— выпалила Квай.

— Нет,— быстро сказал Таф.— Не стреляйте. Я буду делать то, что вы требуете. В течение часа я начну работу с клонами.

Хранительница спрятала лазер в кобуру.

Итак, Таф начал войну.

В первый день он сидел в своей «военной» комнате перед большим пультом, молча сжав губы, вращал ручки и нажимал на светящиеся кнопки и призрачные голографические шифры. Где-то в «Ковчеге» текли и бурлили мутные жидкости разных цветов и оттенков, заливались в пустые чаны в сумрачной шахте, а в это время отбирались экземпляры из большой библиотеки клеток, омывались и перемещались крохотными за-

хватами, чуткими, как пальцы мастера-хирурга. Таф ничего этого не видел. Он оставался на своем посту и проводил клонирование за клонированием.

На второй день он занимался тем же самым.

На третий день он поднялся и медленно побрел вдоль многокилометровой шахты туда, где в чанах с прозрачной жидкостью начали расти его творения, бесформенные тела, слабо двигающиеся или совсем неподвижные. Некоторые чаны были размером с посадочную палубу «Ковчега», другие не больше ногтя. Хэвиланд Таф останавливался у каждого, внимательно рассматривал указатели и шкалы, с непреклонной настойчивостью заглядывал в светящиеся смотровые щели и иногда немного что-то корректировал. К концу этого дня он добрался только до половины длинной и гулкой галереи.

На четвертый день он завершил свою работу.

На пятый день он активировал стасис-поле.

— Время — раб этого поля,— рассказывал он Кевире Квай, когда она спросила его, что он делает.— Поле может его замедлять или подгонять. Мы его максимально ускорим, чтобы воины, которых я выращиваю, быстрее, чем в природе, достигли своей зрелости.

На шестой день он работал на посадочной палубе, перестраивая два своих корабля, чтобы перенести на планету созданных им тварей; он установил большие и малые танки и заполнил их водой.

Утром седьмого дня он присоединился за завтраком к Кевире Квай и сказал:

— Хранительница, мы готовы начать.

— Так быстро? — удивилась она.

— Не все мои бестии достигли полной зрелости, но все идет так, как должно. Некоторые чудовищно велики и должны быть отправлены в воду прежде, чем они достигнут взрослой стадии. Дальше клоны должны идти естественным путем. Нам нужно внедрить этих тварей в таком количестве, чтобы они были жизнеспособны. Но так или иначе, мы сейчас достигли той стадии, когда можно засевать моря Намории.

— Ну а какую вы изобрели стратегию?

Хэвиланд Таф отодвинул тарелку и поджал губы.

— Весьма грубую и поспешную, кроме того, она не подкреплена достаточными знаниями. Я не беру на себя ответственность ни за ее успех, ни за ее провал. Ваши ужасные угрозы вынудили меня к неподобающей спешке.

— И все же,— фыркнула она,— что вы будете делать?

Таф скрестил руки на животе.

— Биологическое оружие, как и любые другие средства борьбы, существует в самых разных формах и масштабах. Лучший метод убить врага-человека — один-единственный выстрел лазера, прямо в лоб. В биологическом отношении аналогом этому был бы подходящий естественный враг, или хищник, или какая-нибудь видоспецифичная инфекция. Но так как у меня нет времени, то я не могу выработать такое экологическое решение.

Все другие методы меня устраивают еще меньше. Я мог бы, например, занести болезнь, которая бы очистила ваш мир от разрушителей, огненных шаров и бегунов. И для этого существует много кандидатов. Но ваши морские чудовища близкие родственники многих других видов морских существ, и их двоюродные братья и дядьки пострадали бы тоже. Мои оценки показывают, что три четверти живущих в океане Намории существ пострадали бы от такой атаки. Альтернативой этому в моем распоряжении являются быстро размножающиеся грибки и микроскопические животные, которые буквально заполнили бы ваши моря и вытеснили из них всякую другую жизнь. Этот путь тоже неудовлетворителен. В конце концов у Намории была бы отнята всякая возможность поддерживать человеческую жизнь. Так вот, чтобы продолжить аналогию — этот метод логически соответствует тому, как если бы для убийства отдельного человека мы взорвали бы термоядерное устройство над целым городом, где он волею случая живет. Поэтому я отбросил эти методы. Вместо этого я выбрал нечто, что можно было бы назвать стрельбой по площадям. Я введу в вашу наморскую экосистему многочисленные новые виды, которые в состоянии сократить ряды ваших морских чудовищ. Некоторые из моих воинов — большие, смертельно опасные

бестии, они сумеют справиться даже с вашими ужасными разрушителями. Другие малы и проворны — полуобщественно живущие стадные охотники, быстро размножающиеся. И еще другие — совсем мелкие. Я надеюсь, что они начнут выслеживать детенышей ваших чудовищ, питаться ими и тем самым сокращать их ряды. Итак, вы видите, что у меня много стратегий. Я бью всей колодой, вместо того чтобы сыграть одной картой. Так как мне был поставлен ультиматум, это единственная возможность продвинуться вперед.— Таф покивал головой.— Я полагаю, что теперь вы удовлетворены, хранительница Квай.

Она наморщила лоб и ничего не сказала.

— Если вы покончили с этой вкусной кашей из сладких грибов,— сказал Таф,— мы могли бы начать. Вы, конечно, опытный пилот?

— Да,— фыркнула она.

— Отлично! — воскликнул Таф.— Тогда я покажу вам, в чем состоит особенность моих транспортников. Сейчас они уже полностью оснащены для нашего первого прорыва. Мы сделаем широкие облеты ваших морей и выгрузим наш груз в их неспокойные воды. Я полечу на «Василиске» над вашим северным полушарием, а вы возьмете себе «Мантикору» и южное полушарие. Если это приемлемо для вас, мы немедленно отправимся в путь по маршрутам, которые я запланировал.— И он с большим достоинством поднялся.

В течение следующих двадцати дней Хэвиланд Таф и Кевира Квай бороздили просторы небес Намории, педантично, по квадратам, засевая моря. Хранительница занималась этим с воодушевлением. Ей было приятно быть снова при деле, и к тому же ее переполняла надежда. Разрушители, огненные шары и бегуны теперь вынуждены будут и сами встретиться со своими кошмарами, с кошмарами, собранными на десятке различных планет.

Со Старого Посейдона были родом угорь-вампир, несси и плавающая паутина травы-сети — прозрачная, острая как бритва и убийственно опасная.

С Аквариуса Таф клонировал черных хищников, более быстрых красных хищников и вдобавок к этому ядовитых душителей и благоухающее плотоядное дамское проклятие.

С мира Джемисона были заложены чаны с песчаными драконами и дюжиной видов разноцветных больших и малых водяных змей.

Даже с Древней Земли клеточная библиотека «Ковчега» поставила больших белых акул, морских дьяволов, гигантских каракатиц и хитрых полуразумных орков.

Таф и Кевира засеяли моря Намории гигантскими серыми спрутами с Лиссадора и голубыми спрутами поменьше с Энса, колониями водяного желе с Ноборна, дарронийскими пауками-плетками и кровавыми шнурами с Катедея; гигантскими пловцами, такими как рыба-крепость с Дэм Таллиана, псевдокит с Гулливера и гхрин'д с Хрууна-2, или такими мелкими, как ласты-пузыри с Авалона, паразиты цесны с Ананды или смертоносные, плетущие сети и откладывающие яйца водяные осы с Дейдры. Для охоты за огненными шарами они создали бесчисленных летунов: мант-плетехвостов, ярко-красных мечекрылов, стаи мелких хищников, ревунов, живущих в воде и на земле, и ужасное бледно-голубое Нечто, полурастение-полуживотное, почти невесомое, переносимое ветром и подстерегающее свои жертвы в облаках подобно живой голодной паутине. Таф называл это травой-которая-плачет-и-шепчет и советовал Кевире Квай не летать сквозь облака.

Животные, растения и те, что были и тем и другим одновременно или ни тем ни другим; хищники и паразиты; существа, темные как ночь, или яркие и великолепные, или совершенно бесцветные; странные и прекрасные существа, для которых не подобрать слов и даже сама мысль о которых ужасна; с миров, имена которых ярко горели в человеческой истории, и с других миров, о которых мало кто слышал. И еще, и еще. «Василиск» и «Мантикора» день за днем носились над морями Намории — слишком быстро и убийственно для огненных шаров, взмывавших вверх, чтобы напасть на них,— и беспрепятственно разбрасывали свое живое оружие.

Каждый день после полетов они возвращались на «Ковчег», где Хэвиланд Таф с одной или несколькими кошками искал

уединения, а Кевира Квай обычно брала с собой Глупость и отправлялась в рубку связи, чтобы выслушать сообщения с земли.

— Хранитель Смит сообщает о диковинных существах в Апельсиновом проливе. Признаков разрушителей не обнаружено.

— У Бэтхерна видели разрушителя, вступившего в схватку с гигантским существом со щупальцами, превосходящим его размерами почти вдвое. Серый спрут, говорите? Мы запомним это имя, хранительница Квай.

— С побережья Маллидора сообщают, что семейство мантплетехвостов облюбовало место для жилья на скале неподалеку от берега. Хранительница Хорн рассказала, что они разрезают огненные шары, как живые ножи, так что те бьются в агонии, выпускают газ и беспомощно падают на землю. Чудесно!

— Сегодня получено сообщение с Синего побережья, хранительница Квай. Странная история. Три бегуна выскочили из воды, но это было не нападение. Они были будто вне себя, пошатывались, как от адской боли, и со всех их конечностей свисала какая-то пенистая субстанция. Что это?

— На Нью-Атлантиде волной выброшен на берег мертвый разрушитель. Еще один труп обнаружен «Солнечным клинком» во время патрулирования западной части континента — труп разлагался в воде. Какие-то странные рыбы рвали его на куски.

— «Звездный меч» вчера завернул к Огненным Пещерам и видел всего не более полудюжины огненных шаров. Совет хранителей намерен начать короткие перелеты к Жемчужным Раковинам. Что вы посоветуете, хранительница Квай? Рискнуть или еще слишком рано?

Каждый день сообщения шли потоком, и каждый день улыбка Кевиры Квай становилась все шире, когда она летела в своей «Мантикоре» к очередной цели. Но Хэвиланд Таф оставался молчаливым и равнодушным.

На тридцать четвертый день войны лорд-хранитель Лисан сказал ей:

— Знаете, сегодня обнаружен еще один мертвый разрушитель. Он, должно быть, дал бой своему противнику. Наши ученые исследовали содержимое его желудка: кажется, он питался исключительно орками и голубыми спрутами.

— На Борине сегодня выброшен на берег серый спрут,— сообщил ей через несколько дней лорд-хранитель Моэн.— Население жалуется на зловоние. Люди сообщают, что у него гигантские круглые рваные раны. Очевидно, их нанес разрушитель, который по размерам превосходит всех до сих пор известных.— Хранительница Квай неуютно поерзала в кресле.

— Кажется, из Янтарного моря исчезли все белые акулы. Биологи не могут этого объяснить. Что вы об этом думаете? Спросите об этом Тафа, ладно?

Она прислушалась к себе и почувствовала нарастающее беспокойство.

— Тут что-то особенное для вас обоих. Над Кохеринской впадиной замечено нечто, носившееся в воде взад и вперед. Сообщения поступили с «Солнечного клинка» и «Небесного кинжала», имеются также многочисленные подтверждения с патрульных глайдеров. Говорят, это что-то гигантское, настоящий живой остров, глотающий все на своем пути. Это один из ваших? Если да, то вы, возможно, перестарались. Говорят, что оно пожирает тысячами морских дьяволов, ласт-пузырей и иглы Лэндерса.

Кевира Квай помрачнела.

— У побережья Маллидора опять видели огненные шары. Сотни. Я едва верю этому сообщению, но они говорят, что манты-плетехвосты теперь от них просто отскакивают. Вы...

— Новые наморские воины — вы можете в это поверить? Мы думали, что они почти все истреблены. Их так много, и они глотают мелких рыб Тафа. Должно быть, они...

— Разрушители разбрызгивают воду, чтобы очистить небо от ревунов...

— Что-то новое, Кевира, летуны или планеры; они целыми стаями стартуют с верхней части огненных шаров. Они уже расправились с тремя глайдерами, а манты не могут с ними ничего поделать...

— Везде, говорю вам, эта штука, что прячется в облаках... шары просто рвут их на части, кислота ничего не может теперь им сделать, и шары сбрасывают их вниз...

— Все больше мертвых водяных ос, сотни, тысячи, и они все...

— Опять бегуны. Замолчал Замок Рассвета. Должно быть, все погибли. Мы не можем этого понять. Ведь остров был окружен целыми колониями кровавых шнуров и водяных желе. Они должны были быть в безопасности, если только...

— Уже неделю никаких сообщений с берегов Индиго...

— Тридцать или сорок огненных шаров видели прямо у Каббена. Совет опасается...

— Никаких сообщений с Лаббадуна...

— Мертвая рыба-крепость размером в пол-острова...

— Бегуны...

— Хранительница Квай, потерян «Звездный меч», разбился над Полярным морем; последняя их передача была прервана, но мы думали...

Кевира Квай, дрожа, едва не выскочила из рубки связи, где все экраны наперебой сообщали о смертях, разрушениях и поражениях. Сзади стоял Хэвиланд Таф, с непроницаемым бледным лицом, а на его широком левом плече сидела Неблагодарность.

— Что происходит? — спросила хранительница.

— Надо полагать, что это ясно любому нормальному человеку, хранительница. Мы проигрываем. Может быть, уже проиграли.

Кевира Квай едва сдерживалась, чтобы не завизжать.

— И вы не собираетесь бороться с этим? Это ведь ваша ошибка, Таф. Никакой вы не экоинженер. Вы торговец, который не знает, что творит, потому что...

Хэвиланд Таф поднял руку; жест, который заставил умолкнуть хранительницу.

— Пожалуйста,— сказал он.— Вы уже и так очень меня огорчили. Не надо и дальше оскорблять меня. Я кроткий человек, мирный и доброжелательный, но даже у меня можно вызвать гнев, а вы сейчас очень близки к этому.

Хранительница, я не несу никакой ответственности за этот печальный ход событий. Эта поспешная биовойна, которую мы ведем, была не моей идеей. Ваш нецивилизованный ультиматум вынудил меня к неумным действиям — только чтобы унять вас. К счастью, пока вы проводили свои ночи в радости по поводу преходящих и иллюзорных побед, я продолжал свою работу. Я картографировал ваш мир на своем компьютере и наблюдал за течением и потрясениями войны во всех ее разнообразных проявлениях. Я сдублировал в одном из моих больших чанов вашу биосферу и засеял ее образцами наморской жизни, клонированными из мертвых экземпляров — кусочек щупальца тут, кусочек панциря там. Я наблюдал и анализировал, и вот в какой-то момент я пришел к нескольким выводам. Предварительным, конечно, хотя последние события на Намории подтверждают мою гипотезу. Итак, хватит ворчать на меня, хранительница. После освежающего ночного сна я отправлюсь на Наморию и попытаюсь закончить эту вашу войну.

Кевира Квай уставилась на него, не смея поверить в то, что он говорит, ее страх снова превратился в надежду.

— Итак, вы знаете, что предпринять?

— Да, знаю. Разве я не сказал?

— Что это? Какое-то новое существо? Вы клонировали что-то другое, правда? Какую-нибудь заразу? Какого-то монстра?

Хэвиланд Таф поднял руку.

— Терпение. Сначала я должен убедиться, что действую правильно. Вы насмехались и постоянно издевались надо мной, поэтому я погожу откровенничать и раскрывать перед вами свои планы. Сначала я докажу их обоснованность. Подискутируем завтра. Вам нет нужды делать боевые вылеты на «Мантикоре». Вместо этого я хотел бы, чтобы вы доставили ее на Нью-Атлантиду и созвали Совет своих хранителей в полном составе. Доставьте тех, кто находится на отдаленных островах, пожалуйста.

— А вы? — спросила Кевира Квай.

— Я встречусь с Советом, если будет время. Сначала я возьму с собой на Наморию свои планы и свое творение. Мы

полетим на «Фениксе». Да. Он будет символизировать планету, которая скоро восстанет из пепла. Из довольно мокрого, но все же пепла.

Кевира Квай встретилась с Хэвиландом Тафом прямо перед ее запланированным отлетом на посадочной палубе. «Мантикора» и «Феникс» стояли на своих стартовых позициях среди громоздившихся тут и там непригодных ракет. Хэвиланд Таф набирал какие-то числа на укрепленном на запястье миникомпьютере. На нем была длинная виниловая мужская шинель с множеством карманов и широкими погонами. На голом черепе красовалась зеленовато-коричневая шапка с утиным козырьком и золотой «тетой» экоинженера.

— Я проинформировала контрольную службу Намории и штаб-квартиру хранителей,— сказала Квай.— Совет соберется. Я позабочусь о доставке лордов-хранителей из отдаленных районов. Как дела у вас, Таф? Ваше загадочное существо уже на борту?

— Скоро будет,— ответил Хэвиланд Таф, подмигнул и опустил глаза.

— Таф,— сказала Кевира.— Что это шевелится у вас в кармане? — Женщина насторожилась.

— Ах,— сказал Таф.— В самом деле.— И тут из его кармана выглянула голова и с любопытством огляделась. Это была голова котенка — маленького, черного как смоль и с нежно сияющими желтыми глазами.

— Кошка,— разочарованно пробормотала Кевира Квай.

— Ваша догадливость просто потрясает,— сказал Хэвиланд Таф, осторожно вынул котенка из кармана и подержал в большой белой ладони, щекоча его пальцем другой руки за ухом.— Это Дакс,— произнес он торжественно.

Дакс был почти вдвое меньше остальных, более старших котят, находившихся в «Ковчеге». Он выглядел шариком черного меха, странно сонным и ленивым.

— Чудесно,— ответила хранительница.— Дакс, говорите? Откуда он взялся? Нет, не отвечайте. Я должна угадать сама. Таф, а что, у вас нет дел важнее, чем играть с кошками?

— Не думаю,— сказал Хэвиланд Таф.— Вы недооцениваете кошек, хранительница. Они — самые цивилизованные из всех тварей. Ни один мир без кошек нельзя считать по-настоящему окультуренным. Знаете ли вы, что все кошки еще с немыслимых времен обладают пси-способностями? Некоторые цивилизации Древней Земли поклонялись кошкам как богам. Да-да, именно так.

— Давайте прекратим этот разговор,— перебила его Кевира Квай.— У нас нет времени для бесед о кошках. Неужели вы возьмете это маленькое бедное животное с собой на Намо-рию?

Таф прищурился.

— Непременно, ибо это маленькое бедное животное, как вы его по-отечески назвали,— спасение Намории.

Она уставилась на него как на сумасшедшего.

— Что? Дакс? Вы серьезно? О чем вы говорите? Ведь вы шутите, правда? Это безумная и злая шутка. Вы что-то погрузили на борт «Феникса», какого-нибудь гигантского левиафана, который очистит моря от этих разрушителей, что-то, чего я не знаю. Но вы не можете всерьез так считать. Вы не можете рассчитывать только на это.

— Именно на это, хранительница,— сказал Хэвиланд Таф.— Так утомительно объяснять очевидное — и не раз, а снова и снова. Я дал вам хищников, спрутов, плетехвостых мант — благодаря вашему упрямству. Они оказались бессильны. Поэтому я проделал большую мыслительную работу и клонировал Дакса.

— Котенка! — воскликнула женщина.— Вы используете крошечного котенка против разрушителей, огненных шаров и бегунов. Нет, это немыслимо.

— Посмотрим,— улыбнулся Хэвиланд Таф, наморщил лоб, посмотрел на женщину сверху вниз, сунул Дакса в просторный карман и быстро повернулся к ожидавшему его «Фениксу».

Кевира Квай нервничала. Двадцать пять лордов-хранителей, управлявших защитой всей Намории, в штаб-квартире Совета, высоко на башне волнолома на Нью-Атлантиде тоже беспокоились. Они ждали уже несколько часов, некоторые —

даже целый день. Длинный стол для заседаний был уставлен персональными переговорными устройствами, компьютерными терминалами и пустыми бутылками из-под воды. Стол уже дважды сервировался для еды и опять убирался. У широкого, выгнутого окна, занимавшего всю заднюю стену, дородный лорд-хранитель Элис что-то тихо и настойчиво говорил лорду-хранителю Лисану, худому и мрачному, и оба время от времени бросали многозначительные взгляды на Кевиру Квай. Позади них за окном садилось солнце, и на большую бухту опускались чудесные ярко-красные сумерки. Картина была такой тихой и прекрасной, что они вряд ли заметили маленькую яркую точку — патрульный глайдер хранителей.

Вечерние сумерки уже почти спустились на землю, члены Совета ворчали и нетерпеливо ерзали в больших мягких креслах, а Хэвиланд Таф все не появлялся.

— Когда, вы говорите, он обещал быть здесь? — в пятый раз спросил лорд-хранитель Кхем.

— Он точно не сказал,— в пятый раз с неудовольствием ответила Кевира Квай.

Кхем поморщился и откашлялся.

Запищало переговорное устройство, лорд-хранитель Лисан быстро подскочил к нему и поднял трубку.

— Да? — сказал он.— Понятно. Очень хорошо. Проводите его сюда.— Он опустил трубку, постучал ее краем по столу, требуя тишины и порядка. Все зашевелились в своих креслах, прекратили разговоры и выпрямились. В зале стало тихо.— Это патруль. Показалась ракета Тафа. Рад сообщить, что он уже в пути.— Лисан взглянул на Кевиру Квай.— Наконец-то.

Хранительница почувствовала себя еще неуютнее. И так уже достаточно скверно, что Таф заставляет их ждать. Она очень боялась того мгновения, когда он с шумом ввалится с выглядывающим из кармана Даксом. Квай не посмела рассказать своим начальникам о том, как Таф предложил спасти Наморию с помощью маленького черного котенка. Она вертелась от нетерпения в кресле и теребила свой большой крючковатый нос, чувствуя, что скоро ей придется очень плохо. Но случилось то, чего она даже не могла вообразить.

Все лорды-хранители ждали — окаменевшие, немые и прислушивающиеся,— когда двери распахнулись и вошел Хэвиланд Таф в сопровождении четырех вооруженных хранителей в золотых мундирах. Это была катастрофа. Его сапоги при каждом шаге издавали скрип, а шинель была вся перепачкана илом. Из левого кармана действительно торчал Дакс, уцепившийся лапами за край и внимательно смотревший на присутствовавших большими глазами. Однако лорды-хранители не заметили котенка. Смотрели они только на Тафа, который нес под мышкой грязный камень размером с человеческую голову. Камень был покрыт толстым слоем зеленовато-коричневой слизи, с которой на плюшевый ковер капала вода. В грязи был и сам Таф.

Не говоря ни слова, Таф прошел прямо к длинному столу и положил камень в его центре. И в это мгновение Кевира Квай увидела кольцо щупалец, бледных и тонких, как нити, и заметила, что это вовсе не камень. «Ильный горшочек»,— сказала она громко и удивленно. Неудивительно, что она не узнала его сразу. Ведь в своей жизни она видела ильные горшочки только с обрезанными щупальцами и после того, как они были вымыты и сварены. Обычно с ними подавались молоток и зубило, чтобы расколоть костистый панцирь, чашка с топленым маслом и пряности.

Лорды-хранители долго с удивлением смотрели на Тафа, а потом заговорили все разом, и зал совещаний наполнился встревоженным гулом.

— Это же ильный горшочек, и я не понимаю...

— Что это значит?

— Он заставил нас целый день ждать, а потом заявился, весь перепачканный грязью и илом. Достоинство Совета...

— Не ел ильных горшочков уже два, нет, три...

— Не похож на человека, который якобы спасет Наморию...

— С ума сойти, нет, вы только посмотрите...

— Что это за штука в его кармане? Вы поглядите только! Боже мой, оно шевелится! Оно живое, говорю я вам, я же видел...

— Тихо! — прогремел голос Лисана. В зале стихло. Лорды-хранители один за другим повернулись к нему.— Мы пришли по вашему знаку и зову,— ядовито сказал Лисан.— Мы ждали, что вы предложите нам средство для спасения. Вместо этого вы предлагаете нам ужин.

Кто-то захихикал.

Хэвиланд Таф мрачно оглядел свои испачканные руки и тщательно вытер их о шинель. Потом вынул из кармана Дакса и посадил сонного котенка на стол. Дакс зевнул, потянулся и зашагал к ближайшему лорду-хранителю, вытаращившему от испуга глаза и поспешно отодвинувшему свое кресло. Встряхнув мокрую и испачканную илом шинель, Таф поискал глазами, куда ее положить, и наконец повесил на лазерный пистолет одного из хранителей своего эскорта. И только потом повернулся снова к лордам-хранителям.

— Почтенные лорды-хранители,— сказал он,— то, что вы видите перед собой,— не ужин. Это посол расы, которая делит с вами Наморию и имя которой, к моему великому сожалению, слишком сложно для моих ничтожных способностей. Его народ очень обижен на вас за то, что вы ими питаетесь.

Лисану наконец кто-то принес молоток, и он долго и громко стучал им, чтобы привлечь к себе внимание. Возбуждение понемногу улеглось. Хэвиланд Таф все это время спокойно стоял с совершенно невыразительным лицом, скрестив руки на груди. И только когда снова воцарилась тишина, он сказал:

— Должно быть, мне придется рассказать вам обо всем подробнее и по порядку.

— Вы сошли с ума,— воскликнул лорд-хранитель Харван, переводя взгляд с Тафа на ильный горшок и обратно,— вы совсем сошли с ума.

Хэвиланд Таф взял со стола Дакса, посадил на руку и погладил.

— Даже в час победы нас высмеивают и оскорбляют,— пожаловался он котенку.

— Таф,— сказал Лисан, стоя во главе стола,— то, что вы говорите, совершенно невозможно. За то столетие, что мы на

этой планете, Намория достаточно исследована, и мы уверены, что на ней нет ни одной разумной расы, кроме нашей. На ней не было ни городов, ни дорог, ни каких-либо других признаков цивилизации или техники: ни руин, ни орудий труда — ничего. Ни на суше, ни в морях.

— Кроме того,— сказал другой член Совета, коренастая женщина с красным лицом,— ильные горшочки не могут быть разумными. Допустим, у них достаточно большой мозг, размером почти с человеческий. Но это и все, что у них есть. У них нет ни глаз, ни ушей, ни носа и почти никаких органов чувств — кроме осязания. У них только эти слабые щупальца, хватательные органы, в которых едва ли достаточно силы, чтобы поднять камешек. И эти щупальца на самом деле используются только для того, чтобы ухватиться за свое место на дне моря. Они гермафродиты и абсолютно примитивны, подвижны только в первый месяц жизни, пока не затвердеет раковина и не отяжелеет панцирь. И тогда они укореняются на дне, покрываются илом и никогда больше не двигаются. И сотни лет остаются на месте.

— Тысячи,— поправил Хэвиланд Таф.— Это удивительно долгоживущие существа. Все, что вы сказали, несомненно, но выводы ваши — заблуждение. Вы ослеплены войной и страхом. Если бы вы посмотрели на ситуацию со стороны и выдержали достаточную паузу, чтобы поглубже задуматься над этим, как это сделал я, то даже для вашего, военного, склада ума стало бы очевидно, что ваше печальное положение — не природная катастрофа. Трагический ход событий на Намории можно объяснить только действиями враждебного разума.

— Но вы же не ждете, что мы поверим...— начал кто-то.

— Сэр,— сказал Хэвиланд Таф,— я жду, что вы выслушаете меня с должным вниманием. Если вы перестанете перебивать меня, я объясню все. А потом вы сможете решить, верить мне или нет, в зависимости от вашего настроения.— Таф нагнулся к Даксу и шепнул ему: — Идиоты, Дакс. Нас повсюду окружают идиоты.— Он опять повернулся к лордам-хранителям и продолжил: — Как я установил, здесь определенно замешан разум. Трудность была в том, чтобы этот разум вы-

следить. Я изучил работы ваших наморских биологов, живых и умерших, прочел почти все о вашей флоре и фауне, воссоздал на «Ковчеге» многие из местных форм жизни. Но никого подходящего не мог найти. Традиционные признаки разумной жизни охватывают мозг, высокоразвитые биологические органы чувств и своего рода орган для манипуляций, как, например, отстоящий от остальных большой палец у нас. Нигде на Намории я не мог найти существо с такими атрибутами. Но моя гипотеза тем не менее продолжала оставаться корректной. Поэтому я вынужден был перейти на невероятных кандидатов — так как вероятных не было.

С этой целью я изучил историю вашей катастрофы, и мне кое-что пришло в голову. Вы считали, что морские чудовища вышли из темных глубин океана, но где они появились первый раз? На мелководье, у побережья. В тех районах, где были ваши рыбаки и фермеры. Что объединяет все эти районы? Конечно, изобилие живых существ. Но не одинаковых существ. Рыбы чаще всего водятся в водах Нью-Атлантиды, но не встречаются у Согнутой Руки. Но я нашел два интересных исключения из этого правила, два буквально повсюду встречающихся вида. Ильные горшочки, неподвижно лежащие долгие, неторопливые столетия в своих больших и мягких постелях. И — когда-то — существа, которых вы назвали наморскими воинами. Но старая туземная раса звала их по-другому. Она называла их хранителями.

После того как я глубоко все исследовал, появилась возможность разработки деталей и подтверждения моих предположений. Я пришел бы к этим выводам намного раньше, если бы не грубое вмешательство офицера по связи Квай, постоянно мешавшей сосредоточиться и в конце концов грубо заставившей меня потерять много времени на посылку серых спрутов, мечекрылов и прочих подобных им тварей на вашу планету. В будущем я вынужден буду отказаться от такой связи.

Но все же в известной степени эксперимент был полезным, так как подтвердил мою теорию относительно ситуации на Намории. И я, соответственно, продолжал последовательно работать. Географическое изучение показало, что чаще всего

чудовища появляются вблизи мест залегания ильных горшков. И самые тяжелейшие схватки бушевали именно в таких районах, дамы и господа хранители. Нашим ужасным противником однозначно были эти самые ильные горшочки, которых вы считали такими вкусными. Но как же это стало возможным? Эти существа обладают большим мозгом, да, но у них отсутствуют все остальные характерные признаки, которые нас научили связывать с наличием разума. И именно в этом было зерно всего! Они определенно должны быть каким-то образом разумными, но каким — неизвестно. Какой разум может жить глубоко под водой — неподвижный, слепой, глухой и лишенный всяких чувств? Я думал над этим вопросом. Ответ, господа, очевиден. Такой разум должен общаться с окружающим миром таким образом, каким не можем мы, должен иметь свои средства и возможности чувствовать и ощущать. Такой разум должен быть телепатом. В самом деле. И чем больше я над этим размышлял, тем очевиднее это становилось.

Но нужно было еще проверить мои выводы. Для этой цели я создал Дакса. Все кошки обладают слабыми пси-способностями, лорды-хранители. Как бы то ни было, много веков назад, в дни Великой войны солдатам Федеральной империи приходилось воевать с врагом, владевшим ужасным психоническим оружием,— хранганийскими духами и гитианками-душегубами. Чтобы осилить таких противников, генные инженеры работали с кошачьими, намного повышая и обостряя их пси-способности, чтобы они могли чувствовать в созвучии с нормальным человеком. Дакс — именно такое особое животное.

— Вы имеете в виду, что он читает наши мысли? — резко спросил Лисан.

— Если у вас есть, что читать,— ухмыльнулся Хэвиланд Таф,— да. Но, что более важно, с помощью Дакса я получил возможность проникнуть к древнему народу, который вы так оскорбительно назвали ильными горшками. Они, должен сказать, превосходные телепаты.

Неисчислимые тысячелетия они спокойно и мирно жили в морях этого мира. Это неторопливая, думающая, философ-

ская раса, и их были миллиарды живущих бок о бок, каждый был связан со всеми остальными, каждый был индивидуумом и одновременно частью единого целого всей расы, они были бессмертными, так как обладали опытом каждой отдельной особи, и смерть одного была для них ничто. Но опыт этот в неизменяющемся океане был ничтожным. Их долгая жизнь была большей частью раздумьями, философствованием, диковинными зелеными снами, которых по-настоящему не понять ни вам, ни мне. Это немые музыканты, можно сказать. И вместе они ткали великую симфонию сна, и эти песни длились вечно.

До того как на Наморию явились люди, у них уже миллионы лет не было настоящих врагов. Но так было не всегда. В начале этого морского мира океан кишел тварями, которым Мечтатели были так же по вкусу, как и вам. Уже тогда эта раса разбиралась в генетике и понимала законы эволюции. С их гигантской сетью сотканных воедино душ они были в состоянии манипулировать живой материей куда более ловко, чем все наши генные инженеры. И они создали своих хранителей, ужасных хищников с биологически заложенной программой защищать тех, кого вы называете ильными горшками. Это были их солдаты. С тех времен до наших дней они охраняли их лежбища, а Мечтатели вернулись к своей симфонии снов.

Потом с Аквариуса и Старого Посейдона пришли вы. Блуждая в своих снах, Мечтатели многие годы вас не замечали, пока вы занимались фермами, рыбачили, но вот вы открыли вкус ильных горшочков, и Мечтатели пришли в ужас. Всякий раз, когда вы опускали одного из них в кипящую воду, они все разом воспринимали эту беду. Для Мечтателей это было так, будто на суше — весьма малоинтересном для них месте — появился новый ужасный хищник. Они не имели никакого представления, что вы разумны, так как настолько же мало могли воспринимать нетелепатический разум, как и вы — их слепой, глухой, неподвижный и вызывающий аппетит. Для них существа, которые двигаются, чем-то занимаются и едят мясо,— животные, и ничто иное.

Остальное вы знаете, по крайней мере понимаете. Мечтатели — неторопливый народ, погруженный в свои длинные песни, и реагирует медленно. Сначала они просто игнорировали вас, надеясь, что экосистема сама скоро начнет сдерживать ваш аппетит. Но этого не произошло. Им показалось, что у вас нет естественных врагов. Вы размножались и постоянно расселялись, а тысячи их душ замолкали. И Мечтатели наконец вернулись к старым, почти забытым методам их прошлого и проснулись, чтобы защищаться. Они ускорили размножение своих хранителей, пока моря над их лежбищами не начали кишеть ими, но существа, которых когда-то было вполне достаточно для борьбы с другими врагами, против вас оказались бессильными. Тогда они начали новые мероприятия. Их души прервали большую симфонию и выглянули наружу, и тут они почувствовали и поняли, что им грозит, и начали формировать хранителей, которые были бы достаточно ужасными, чтобы защищать их от этой новой, большой напасти. Вот так все и началось. Когда пришел я с «Ковчегом» и Кевира Квай заставила меня выпустить множество новых угроз мирному царству Мечтателей, они сначала растерялись. Но война сделала их бдительными, и на этот раз они отреагировали быстрее, и за очень короткое время выдумали новых хранителей, и послали их воевать и побеждать тех тварей, что я выпустил. Именно сейчас, пока я говорю с вами в этой вашей весьма импозантной башне, под волнами в океане начинают шевелиться кое-какие новые ужасные формы жизни, и они скоро выйдут, чтобы сделать еще беспокойнее ваш сон в будущие годы. Конечно, если вы не придете к миру. Это полностью зависит от вас, а я лишь скромный экоинженер и даже во сне не осмелился бы указывать, как надо поступить таким людям, как вы. Но я настоятельно рекомендую это. Вот здесь вытащенный из моря посланник — вытащенный с большими для меня неудобствами, должен добавить. Мечтатели сейчас очень взволнованы, после того как почувствовали рядом с собой Дакса, а с его помощью — меня, их мир расширился в миллионы раз. Сегодня они узнали о звездах и о том, что они не одни в этой вселенной. Мне кажется, они будут

достаточно разумны, так как им не нужна суша и рыба. Здесь Дакс и я сам. Может быть, мы могли бы начать переговоры?

Когда Хэвиланд Таф смолк, довольно долго стояла тишина. Лорды-хранители сидели оглушенные, с пепельно-серыми лицами. Один за другим они переводили взгляды с равнодушного лица Тафа на покрытую илом раковину на столе.

Наконец Кевира Квай обрела голос.

— Чего они хотят? — нервно спросила она.

— Главным образом того, чтобы вы перестали употреблять их в пищу. Мне кажется, это вполне естественное требование. Каким будет ваш ответ?

— Двух миллионов стандартов недостаточно, вы должны заплатить мне пять,— сказал Хэвиланд Таф спустя некоторое время, уже сидя в рубке связи «Ковчега». Дакс лежал у него на коленях спокойно, так как он был совсем не такой шустрый, как другие котята. Где-то в рубке Недоверие и Враждебность носились друг за другом.

Черты Кевиры Квай на обзорном экране раздробились, взгляд стал мрачным и недоверчивым.

— Что вы имеете в виду? Ведь два миллиона это как раз та сумма, о которой мы договорились, Таф. Если вы попытаетесь обмануть нас...

— Обмануть? — Таф вздохнул.— Ты слышал, Дакс? После всего того, что мы для них сделали, нам ни с того ни с сего бросают такие ужасные обвинения. Да. В самом деле, ни с того ни с сего. Странная формулировка, если задуматься.— Он опять поглядел на экран.— Хранительница Квай, мне хорошо известна обговоренная цена. За два миллиона стандартов я решил вашу проблему. Я продумал, проанализировал, понял и снабдил вас переводчиками, в которых вы нуждались. Я оставил вам даже двадцать пять телепатических кошек, каждая из которых связана со своим лордом-хранителем, чтобы облегчить дальнейшую связь после моего отлета. И это тоже входит в условия нашего первоначального договора, так как необходимо для решения вашей проблемы. И так как в сердце я больше филантроп, чем торговец, я даже позволил вам оставить Глупость, которой вы почему-то — я не в состоянии объяснить почему — понравились. За это я тоже не беру никакой платы.

— Почему же вы тогда требуете дополнительно три миллиона? — спросила Кевира Квай.

— За ненужную работу, которую вы так грубо заставили меня проделать,— ответил Таф.— Вам нужны подробные расчеты?

— Да, я хотела бы их иметь.

— Отлично. За акул. За морских дьяволов. За гигантских каракатиц. За орков. За голубых спрутов. За кровавые шнуры. За водяное желе. По двадцать тысяч за каждый пункт. Пятьдесят тысяч стандартов за рыбу-крепость. За траву-которая-плачет-и-шепчет — восемьдесят...— Он перечислял очень долго.

Когда он закончил, Кевира Квай сурово поджала губы.

— Я представлю ваши расчеты Совету хранителей,— сказала она.— Но хочу сказать вам прямо, что ваши требования непорядочны и чрезмерны и что наш торговый баланс недостаточно велик, чтобы позволить выплатить такую сумму. Вы можете прождать на орбите лет сто, Таф, но не получите пяти миллионов стандартов.

Хэвиланд Таф протестующе поднял руку.

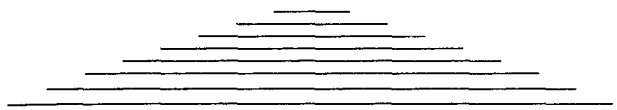
— Э,— сказал он.— Значит, я должен нести потери из-за моей доверчивости. Значит, мне не заплатят?

— Два миллиона стандартов,— сказала хранительница.— Как договорились.

— Ну что ж, полагаю, что вынужден буду смириться с этим ужасным и неэтичным решением и считать его суровым жизненным уроком. Ну прекрасно, так и быть.— Он посмотрел на Дакса.— Говорят, что тот, кто не учится на ошибках истории, будет вынужден повторять их. За такой скверный поворот событий я могу винить только себя. Ведь прошло только несколько месяцев с тех пор, как я посмотрел исторический фильм о точно такой же ситуации. Речь шла о корабле-сеятеле — таком же, как мой,— который освободил маленький мир от ужасной эпидемии только для того, чтобы потом выслу-

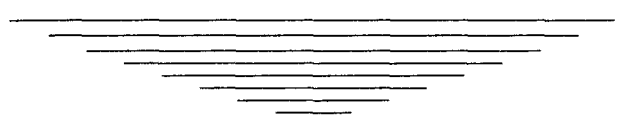
шать, как неблагодарное правительство планеты отказалось от оплаты. Будь я умнее, этот фильм научил бы меня потребовать плату вперед.— Он вздохнул.— Но я был неумным и должен поплатиться за это.— Таф опять погладил Дакса и замер.— Возможно, вашему Совету хранителей будет интересно посмотреть этот фильм, просто так, для отдыха. Он голографический, весьма драматичен и хорошо поставлен, дает увлекательный обзор функций и возможностей такого корабля, как мой, и, кроме того, рассказывает о том, как поплатился за свою жадность некий маленький мир. Весьма поучительно. Его название: «Гаммельнский корабль-сеятель». Настоятельно советую посмотреть.

Конечно же, Намория уплатила ему сполна.

Часть вторая

Песнь голливудской сирены

Когда я учился в седьмом классе, «Сумеречная зона» была моим любимым телевизионным сериалом, и я даже представить себе не мог, что когда-нибудь стану писать для него.

А теперь давайте проясним один момент — здесь мы говорим о двух разных сериалах. По-видимому, я выгляжу значительно старше, чем мне самому кажется, потому что, когда я упоминаю, что работал над «Сумеречной зоной», как правило, слышу следующее: «О, я просто обожал этот сериал. Ну, и как вам работалось с Родом Стерлингом?» (Самые невежественные обычно привносят букву «т» в фамилию «Серлинг».)

Мне тоже нравился тот сериал, но, к своему великому сожалению, должен признаться, что я никогда не работал ни с Родом Стерлингом, ни даже с Родом Серлингом. Однако мне довелось познакомиться с Филом Де Гуере, Джимом Крокером, Аланом Бреннертом, Рокни С. О'Бэнноном и Майклом Кэссатом, а также с целой группой прекрасных актеров и режиссеров во время работы над продолжением «Сумеречной зоны» 1985–1987 годов, которое прожило недолго и которое постигла печальная судьба. Назовем его «СЗ-2». (С тех пор появились еще две инкарнации этого фильма — «СЗ-3» и «СЗ-4», но мы предпочитаем не обсуждать их в приличной компании.)

Я обратил свое внимание на «Сумеречную зону» благодаря «Шуму Армагеддона». «Шум» увидел свет в 1983 году в издательстве «Посейдон пресс», и предполагалось, что он станет настоящим прорывом в моем творчестве, сделает меня автором бестселлеров. Я гордился этой книгой, мой агент и издатель тоже были о ней исключительно высокого мнения. «По-

сейдон» заплатил мне огромный аванс за права, и я тут же купил себе дом побольше.

«Шум» получил весьма благосклонную критику, его даже номинировали на Всемирную премию фэнтези, но он уступил великолепному произведению Джона М. Форда «Дракон ждет». А потом «Шум» умер. У него имелось все, что нужно для бестселлера,— кроме одного: никто его не покупал. В отличие от весьма успешных «Грез Февра» он плохо продавался в твердой обложке и совсем отвратительно — в мягкой. Истинные размеры катастрофы я осознал только в 1985 году, когда Кирби попытался пристроить мой незаконченный пятый роман «Все черное, белое и красное» и обнаружил, что ни «Посейдон», ни другие издательства не спешат заключить со мной контракт.

Однако, несмотря на то что «Армагеддон» закрыл для меня одну дверь, он распахнул другую. Даже наличие плохих продаж не помешало появлению поклонников. Одним из них стал Фил Де Гуере, создатель и исполнительный продюсер популярного телесериала «Саймон и Саймон». Де Гуере просто обожал рок, особенно «Грейтфул дэд», а когда мой агент показал ему книгу, Фил решил, что из нее можно сделать художественный фильм, и купил права на экранизацию. Он намеревался сам написать сценарий и снять фильм, а также пригласить на концертные эпизоды группу «Грейтфул дэд».

Я и прежде продавал права на экранизацию своих произведений, но, как правило, мое участие сводилось к подписанию контракта и получению денег по чеку. Фил Де Гуере все изменил. Не успели высохнуть чернила на нашем договоре, как он потребовал, чтобы я прилетел в Лос-Анджелес. Там он снял для меня номер в отеле, где мы могли поговорить о книге и о том, как лучше переделать ее в сценарий. Де Гуере написал несколько черновых вариантов сценария, но ему не удалось добиться финансирования, так что фильм так и не был снят. Однако за это время мы настолько подружились, что, когда в 1985 году ему в голову пришла идея возродить «Сумеречную зону» для Си-би-эс, он позвонил мне и предложил попробовать написать сценарий.

Как это ни удивительно, но я не сразу ухватился за предложенную возможность. Да, конечно, я вырос на телевизионных передачах, но никогда не писал для телевидения и никогда не *хотел* для него писать, поскольку ничего не знал про сценарии, даже не представлял, как выглядит киносценарий или телесценарий. Кроме того, про сценарии для Голливуда мне было известно только одно: это всегда ужасно. Ведь я читал «Стеклянную титьку» Харлана Эллисона. Я даже прочитал «Еще одну стеклянную титьку» и знал, какое безумие царит в Голливуде. С другой стороны, мне нравился Фил, я его уважал, а на него работал Алан Бреннерт, еще один писатель, чьи произведения вызывали у меня восхищение. Де Гуере привлек и Харлана Эллисона в качестве автора и консультанта. И я подумал, что, возможно, эта «Сумеречная зона» будет другой. Да и по правде говоря, мне очень нужны были деньги. В то время я как безумный трудился над серией рассказов о Хэвиланде Тафе для «Путешествий Тафа», чтобы платить за свой новый дом, но «Все черное, белое и красное» не продавалось, и моя карьера писателя лежала в руинах. Я все еще продолжал колебаться, когда Фил заявил, что моя подружка получит пропуск на все выступления «Грейтфул дэд», какие нам с ней вздумается посетить. Против такого устоять было невозможно.

Он прислал мне расписание концертов и целую кучу примерных сценариев, а я отправил ему пачку листов и ксерокопии рассказов, которые, по моему мнению, подошли бы в качестве эпизодов для «Сумеречной зоны». Поскольку я никогда не писал сценариев для телевидения, я решил облегчить себе жизнь и адаптировать свои старые рассказы, вместо того чтобы сочинять новые. Таким образом, я мог сосредоточить все свои силы на форме, а не тратить время на создание новых сюжетов, героев и диалогов. За адаптации платят не так хорошо, как за оригинальные произведения, но в тот момент меня интересовали не столько деньги, сколько мои попытки не выставить себя полнейшим идиотом.

Де Гуере понравились некоторые рассказы из тех, что я ему отправил, и примерно полдюжины должны были стать эпизодами в «СЗ-2», некоторые из них адаптировал я сам, другие —

кто-то еще. Однако для моего первого выступления был выбран «Нэклз», история в стиле хоррор, написанная Куртом Кларком. Я нашел ее в не слишком известной антологии Терри Карра.

«Нэклз» относится к типу произведений, прочитав которые ты обязательно хлопнешь себя по лбу и заявишь: «Ну почему мне не пришло такое в голову?» Ведь у каждого бога должен быть свой дьявол. Нэклз — это анти-Санта. Накануне Рождества, пока Санта-Клаус носится по миру в своих саночках и ползает по трубам, чтобы оставить подарки для мальчишек и девчонок, Нэклз разъезжает по подземным туннелям, где царит кромешный мрак, в железнодорожном вагоне, запряженном слепыми белыми козлами, а потом пробирается сквозь каминные решетки, чтобы унести плохих мальчиков и девочек в своем черном мешке.

Выбор Фила привел меня в восторг. Мне казалось, что после честной адаптации «Нэклз» будет отлично смотреться в «Сумеречной зоне». Я также с удовольствием воображал, как подскочат продажи произведений Курта Кларка, никому не известного писателя, который, по моим представлениям, преподавал английский язык в каком-нибудь заштатном колледже в Глуши, штат Северная Дакота, или Богом-Забытой-Дыре, штат Джорджия.

Оказалось, что «Курт Кларк» — псевдоним Дональда Уэстлейка, знаменитого автора замечательной серии о Дортмундере и сотни других детективных и мистических романов, по которым снят не один фильм. Кроме того, выяснилось — когда права были переданы и я подписал договор,— что парни из «Сумеречной зоны» вовсе не хотят, чтобы я *честно* адаптировал историю Уэстлейка. Им понравилась идея про анти-Санту, но по поводу всего остального: злобный тип, бывшая футбольная звезда, который придумывает Нэклза, чтобы терроризировать своих детей, жену и брата жены,— мне было заявлено, что это нужно убрать. Прежде чем я начну писать сценарий, я должен представить на обсуждение заново написанную историю Нэклза.

И кто только сказал, что значительно легче писать адаптации?

Я придумал около полудюжины разных вариантов истории Нэклза. Две написал, остальные изложил Харлану по телефону. Ему ни одна из них не понравилась. Через месяц я наконец попал в точку. К тому времени у меня больше не осталось свежих идей, и я был убежден, что лучше всего опять-таки вернуться к истории Уэстлейка. Харлан впал почти в такое же отчаяние, что и я, и у меня сложилось впечатление, что Фил Де Гуере готов положить моим мучениям конец.

Тут Харлану пришла в голову новая идея. Еще один эпизод тоже никак не получался, оригинал назывался «Король прошлого и будущего». В нем рассказывалось о человеке, который выдавал себя за Элвиса, отправился в прошлое и встретился там лицом к лицу с самим Элвисом. Наемник по имени Брайс Маритано сочинил несколько черновых вариантов сценария, но Де Гуере и его команда считали, что они требуют доработки. Я неплохо разбирался в рок-н-ролле, что доказывает мой «Шум Армагеддона». Харлан предложил нам поменяться. Он сам займется «Нэклзом», а я возьму сценарий Маритано. Фил решил, что стоит попытаться, обмен был произведен с весьма серьезными последствиями для всех участников.

Сказка о Нэклзе получилась невероятно страшной. Подход Харлана Эллисона к сюжету встретил гораздо больше поддержки, чем мой. Он написал сценарий, который и получил зеленый свет. Эд Эснер играл главную роль, а сам Харлан выступил в роли режиссера. Он добавил новый поворот в историю Уэстлейка, который, однако, вызвал гнев цензуры. В самый разгар работа была остановлена. Те, кому интересны подробности, могут прочитать о них в сборнике Харлана «Спад» вместе с оригинальным рассказом Уэстлейка и сценарием Эллисона. Несмотря на благие намерения Фила и Харлана удовлетворить нужды телевидения, цензоры Си-би-эс оказались непреклонны. «Нэклз» был запрещен, и Харлан ушел из сериала.

Тем временем я по-прежнему пребывал в Санта-Фе у себя дома, за тысячу миль от разворачивающихся сражений. Я занимался «Королем». Элвис подвинул в сторону Нэклза. Я написал черновик сценария «Короля прошлого и будущего» и, когда его одобрили, приступил к работе. Это был первый те-

левизионный сценарий в моей жизни, и потому он отнял у меня больше времени, чем следовало. Я ужасно волновался, когда отправил готовый вариант в «Сумеречную зону». Если Филу не понравится то, что я сделал, мой первый сценарий на телевидении станет последним.

Ему сценарий понравился. Не настолько, чтобы снять первую версию (вскоре я узнал, что в Голливуде никто никогда не принимает первый вариант сценария), но достаточно для того, чтобы предложить мне поступить в штат после того, как провалился «Нэклз» и уход Харлана создал определенные проблемы «Зоне». Совершенно неожиданно я отправился в страну теней и субстанций, идей и диковинных вещей, в мир, расположенный между самыми потаенными страхами человека и его глубокими знаниями: в город Кино, в Калифорнию.

Я начал работать в сериале, когда подходил к концу его первый сезон, в качестве жалкого «писателя на ставке» (всем известно, что это *жалкое* положение, раз упоминается слово «писатель»). Мой первый контракт был заключен на шесть недель, но даже это меня радовало. После весьма оптимистичного начала рейтинги «СЗ-2» начали постепенно падать, и никто не знал, возобновит ли Си-би-эс сериал в новом сезоне. Я начал свою работу, написав несколько черновых вариантов сценария «Короля прошлого и будущего», затем перешел к новым сценариям — адаптациям «Последнего защитника Камелота» Роджера Желязны и «Потерянных и найденных» Филлис Эйзенштейн. Шесть недель обсуждения историй с Де Гуере, Крокером, Бреннертом и О'Бэнноном, чтение сценариев, бесконечные записи замечаний, заседания, посвященные рекламе, и присутствие на съемках многому научили меня. Ни один из моих сценариев не был принят, пока в конце концов не был запущен в производство «Последний защитник Камелота».

Подбор актеров, бюджет, совещания перед запуском очередной серии, работа с режиссером — все это было мне в новинку. Мой сценарий оказался слишком длинным и дорогостоящим. Кстати сказать, это станет моей отличительной чертой во время работы в кино и на телевидении — *все* мои сюжеты будут слишком длинными и слишком дорогостоящими. Я старался держать Роджера Желязны в курсе всех изменений, которые нам приходилось делать, чтобы он не слишком удивился, когда увидит свое творение на экране. В какой-то момент один из наших продюсеров, Харви Фрэнд, подошел ко мне с озабоченным выражением на лице. «Или лошади,— сказал он,— или Стоунхендж. Но не то и другое сразу». Проблема оказалась для меня слишком трудной, и я спросил у Роджера. Он ответил: «Стоунхендж». На том мы и порешили.

Декорации построили в павильоне звукозаписи, позади моего офиса, из дерева, штукатурки и раскрашенной парусины. Хорошо, что не было лошадей — Стоунхендж трепетал бы точно листок на ветру всякий раз, когда они просто спокойно двигались бы мимо него. Без лошадей фальшивые камни выглядели замечательно — в отличие от трюков. Режиссер хотел видеть лицо сэра Ланселота во время драматического сражения, а это означало, что придется убрать забрало шлема Ричарда Кайли... а значит, и его дублера.

Все шло хорошо, пока во время сражения на мечах кто-то сделал некое движение не в том порядке и дублер лишился носа. «Ну, не целиком,— объяснил мне Харви Фрэнд,— всего только кончика».

«Последний защитник Камелота» вышел 11 апреля 1986 года в качестве завершающей серии сезона. После этого я отправился домой в Санта-Фе, не имея ни малейшего представления о том, будет ли новый сезон. Вполне могло так получиться, что мой короткий роман с телевидением подошел к концу.

Но когда в мае прошла реклама передач на осень, выяснилось, что Си-би-эс решила возобновить «Сумеречную зону». Я получил повышение и стал редактором. Несколько новых писателей и продюсеров присоединились к нам в этом коротком втором сезоне, самым заметным из них был Майкл Кэссатт, который занял мое место в самом низу цепочки. Его офис находился рядом с моим. Коротенький, циничный, талантливый, забавный и мудрый в том, что касалось нравов Голливуда. Это он объяснил мне, что нужно сделать, чтобы получить кабинет получше («приди на работу как можно раньше и просто переезжай»), и вместе со мной пытался научить

какаду Де Гуере говорить «дурацкая идея» — по нашему мнению, это значительно оживило бы наши сборища.

Второй сезон «СЗ-2» начался для меня чрезвычайно успешно. Оба моих сценария, оставшихся после первого сезона,— «Потерянные и найденные» и «Король прошлого и будущего» — были запущены в производство. Поскольку я стал редактором, у меня появилось много новых обязанностей — я больше переписывал историй и играл более значительную роль на наших совещаниях. Кроме того, я написал два новых телевизионных сценария. «Игрушки Калибана» — адаптация рассказа Терри Матца и «Дорога, по которой никто не путешествует», которую вы найдете в этом сборнике,— мой первый (и последний) оригинальный сценарий для «Сумеречной зоны». Сюжет я придумал несколько лет назад, когда собирался принять участие в антологии, посвященной войне во Вьетнаме, но рассказ так и не написал.

В антологии типа «Сумеречной зоны» все рассказы становятся звездными. Здесь не нужно думать о недельной плате, повторяющихся персонажах и продолжении сюжетной линии. В результате нам иногда удавалось заманить ведущих актеров и режиссеров, которые никогда в жизни не согласились бы принять участие в эпизодических сериях. Мне очень повезло с моей «Дорогой». Мой сценарий послали Уэсу Крейвену, и он согласился снимать фильм, потому что ему понравился сюжет.

Мы говорим о телевизионных фильмах, которые идут примерно час (как правило, это драмы) или полчаса (комедии положений), но, разумеется, на самом деле серии еще короче, потому что часть этого времени (довольно большую) съедает реклама. В середине 80-х «часовая» драма в действительности шла примерно сорок шесть минут, а «получасовая» комедия — двадцать три. Естественно, когда снимается серия, очень редко удается получить фильм именно той длины, какой нужно. Но проблема решается просто. Редактор сериала вместе с режиссером и продюсерами относит пленку в редакторскую и режет ее, пока не остается сорок шесть или двадцать три минуты.

«СЗ-2» включал серии по часу, но использовал формат другого сериала Серлинга «Ночная галерея», а не оригинальной

«Зоны». Каждая часовая серия состояла из двух или трех не связанных между собой эпизодов разной длины. Впрочем, аккуратно разделить сорок шесть минут на две одинаковые части по двадцать три минуты удавалось редко. На одной неделе шла серия, состоящая из получасового эпизода, потом история на шестнадцать минут; на следующей — двадцать одна минута плюс двадцать пять; затем — восемнадцать, пятнадцать и тринадцать минут. Не имело значения, какой длины были отдельные сегменты, если в результате получалось сорок шесть минут.

«Дорога, по которой никто не путешествует» оказалась слишком длинной (и слишком дорогостоящей). Но сценарий посчитали хорошим, кроме того, с ним работал сильный режиссер Уэс Крейвен, который снял немало хороших фильмов. После внесенных им сокращений эпизод стал самым длинным из всех предыдущих — тридцать шесть минут,— за которым следовала десятиминутная версия, ну, по правде говоря, я уже не помню, каков был второй эпизод. Серию отредактировали, добавили спецэффекты и все, что необходимо, то есть сдали в полной боевой готовности для показа и даже стали поговаривать о премии «Эмми».

И тут Си-би-эс закрыла «Сумеречную зону».

Ничего удивительного — в конце первого сезона наши рейтинги очень сильно упали и стали еще хуже во втором. Впрочем, студия не сняла сериал полностью. Речь шла о «переделках».

Мы сидели в своих кабинетах в весьма мрачном расположении духа, дожидаясь, когда нам будет нанесен очередной удар. И наши ожидания оправдались — возвращение на экран в новых временных рамках, как получасовые серии. Руководство Си-би-эс заявило, что оригинальная «Сумеречная зона» достигла пика своей популярности в формате получасовых серий; возможно, нам удастся сделать то же самое. И, кстати, больше никаких глупостей с двумя или тремя сюжетами на одну серию. С этих пор каждая серия будет рассказывать одну историю, длиной в двадцать три минуты. Что касается уже готовых эпизодов, их придется отредактировать, чтобы они соответствовали новому получасовому формату.

«Дорогу, по которой никто не путешествует» показали 18 декабря 1986 года, но это был совсем не тот фильм, которым я мог бы гордиться. На экране появились обглоданные, изуродованные останки моего замечательного произведения. Из фильма было вырезано тринадцать минут — больше трети его начальной длины. Развитие действия и характеров отправилось ко всем чертям.

Если вам довелось видеть в сериале «Дорогу, по которой никто не путешествует», то это была истерзанная версия первоначального фильма, который так и не увидел свет, и, насколько мне известно, в настоящий момент существует только две копии настоящего фильма. Одна из них — у Уэса Крейвена, другая — у меня. Я бы вам ее показал, если б мог, но я не могу. Вместо этого предлагаю прочитать сценарий.

Я не в силах был спорить с решением руководства студии, каким бы оно ни было. «Сумеречная зона» умирала; Си-би-эс должна была что-то предпринять. Так почему бы не попробовать получасовой формат? Думаю, сериал имел бы гораздо больше успеха, если бы с самого начала был получасовым. И потому я не могу никого винить за перемены. Я только жалею, что они не подождали всего недельку, чтобы моя «Дорога, по которой никто не путешествует» вышла на экраны.

Как это ни грустно, наши рейтинги нисколько не возросли, и Си-би-эс в конце концов закрыла сериал прямо в середине сезона. Довольно короткое время спустя третья инкарнация «Сумеречной зоны» восстала из пепла и произвела на свет тридцать дешевых получасовых серий, которые явились как бы продолжением наших эпизодов. «СЗ-3» унаследовала наши нереализованные сценарии и даже поставила фильмы по некоторым из них (лучше всего получилась адаптация «Холодного уравнения» Алана Бреннерта), но более не имела никакого отношения к своей предшественнице. И ко мне.

«Сумеречная зона» была уникальным сериалом и к тому же идеальным для человека вроде меня. Когда его сняли с экранов, я решил, что покончил с Голливудом. Однако Голливуд не покончил со мной. Труп «СЗ-2» еще не успел остыть, а я уже писал очередной пробный сценарий. Через несколько месяцев после этого один из моих сценариев для «СЗ» попал в

руки Рона Кослоу, создателя и исполнительного продюсера нового сериала городской фэнтези под названием «Красавица и чудовище», премьера которого была назначена на осень 1987 года. Я сомневался, что хочу работать в сериалах, но когда мои агенты прислали мне пленку пробной серии «Красавицы и чудовища», качество текста, игра актеров и режиссерское мастерство захватили меня, и я не смог больше сопротивляться.

Я стал работать в составе группы в июне 1987 года и провел в сериале три года, поднявшись от исполнительного консультанта до главного продюсера. Этот сериал ничем не походил на «Сумеречную зону», но я снова обнаружил, что работаю с великолепными актерами, писателями и режиссерами. «Красавицу» дважды номинировали на премию «Эмми» как лучший драматический сериал. Я написал тринадцать эпизодов и сам же был их продюсером, переработал десятки чужих произведений и участвовал в подборе актеров, распределении бюджета и прочих удовольствиях — и очень многому научился в процессе. К тому времени, когда «Красавицу и чудовище» постиг преждевременный конец, я уже имел опыт и деньги, позволившие мне мечтать о создании собственного сериала.

А теперь перенесемся на несколько лет вперед, в 1991 год. Я вернулся домой в Санта-Фе (проработав десять лет в Голливуде, я так и не перебрался в Лос-Анджелес и всякий раз возвращался в Нью-Мексико, как только заканчивалась работа над очередным проектом). Когда сериал «Красавица и чудовище» прекратил свое существование, я написал пробный сценарий медицинского сериала и еще один для малобюджетного научно-фантастического фильма (он перестал быть малобюджетным после того, как я за него взялся). Ни тот ни другой не понравились, новых предложений не наблюдалось, поэтому я начал работать над романом. «Авалон» был научной фантастикой, возвратом к моей любимой истории будущего. Все шло хорошо, пока однажды я не принялся писать главу про юношу, идущего смотреть на казнь человека, которому отрубают голову. Я знал, что это не имеет никакого отношения к «Авалону». Но я также знал, что должен это написать, по-

этому я отложил свою книгу и приступил к работе над романом, ставшим впоследствии «Игрой престолов».

Когда я углубился на сто страниц в фэнтези, мой симпатичный и очень энергичный агент из Голливуда Джоди Левайн позвонила мне, чтобы сообщить, что она договорилась о моей встрече с Эн-би-си, Эй-би-си и «Фокс». (Си-би-эс, студия, которая выпустила «Сумеречную зону» и «Красавицу и чудовище», единственная не желала слышать о моих новых идеях. Представляете?) В свое время я сообщил Джоди, что моя новелла «Шесть серебряных пуль» отлично подойдет для сериала, и попросил ее договориться с разными студиями, чтобы они меня выслушали. Вот она и выполнила мою просьбу. Я положил «Игру престолов» в тот же ящик, что и «Авалон», и полетел в Лос-Анджелес, чтобы попытаться продать сериал про энергичную девушку — частного детектива и астматического ипохондрика-оборотня.

Когда имеешь дело с разными студиями, лучше запастись больше чем одной тетивой для своего лука, поэтому по дороге в Лос-Анджелес я обдумал еще парочку идей. Где-то над Фениксом мне в голову пришли первые строчки «Одиноких песен Ларена Дорра»: «Есть девушка, что странствует между мирами...»

К тому времени, когда я вышел из самолета, эта строчка мутировала в концепцию альтернативных миров, из которых можно было сотворить сериал, названный мной «Порталы». Именно на «Порталы» отреагировали Эн-би-си, Эй-би-си и «Фокс», а вовсе не на «Шесть серебряных пуль». По дороге домой я размышлял над тем, что, скорее всего, за эту идею ухватится «Фокс», однако Эй-би-си оказалась быстрее. Через несколько дней у меня была готова пробная версия.

«Порталы» занимали все мое время в течение следующих двух лет. Я предложил проект в «Коламбиа пикчерс телевижн», где исполнительным продюсером работал мой коллега по «Сумеречной зоне» Джим Крокер. До конца 1991 года я писал и переписывал пробные варианты. Я сделал их несколько штук, прежде чем перешел к сценарию. Самым трудным вопросом стало, в какой из альтернативных миров должны отправиться Том и Кошка в пилотной серии. После долгих переговоров с

Джимом Крокером и руководством «Коламбии» и Эй-би-си я остановился на «зимнем мире», где действие происходит холодной зимой на Земле после ядерной катастрофы. Мой первый вариант оказался, как всегда, слишком длинным и слишком дорогостоящим, однако Крокер и «Коламбиа» остались довольны.

На Эй-би-си тоже были довольны — первой частью сценария. Увы, ребята со студии поменяли свое мнение относительно того, что должно произойти с Томом и Кошкой после того, как они пройдут через первый портал. Они решили, что зимний мир — слишком мрачно. Если мы будем делать сериал, тогда можно использовать данную идею для одного короткого эпизода, но для пилотной серии требовалось что-нибудь более жизнерадостное.

Это означало, что мне придется переделывать всю вторую половину сценария, но я сжал зубы, забыл об отдыхе по выходным — и все сделал. Вместо зимнего мира Том и Кошка оказались на Земле, где всю нефть сожрал созданный при помощи биоинженерии вирус, первоначальной задачей которого была очистка территорий, где произошла утечка нефти. Нет необходимости говорить, что в результате возникли серьезные проблемы, но цивилизация сумела в определенном смысле с ними справиться, и в результате родился мир, совсем не такой мрачный, как зимний.

В январе 1992 года Эй-би-си сделала нам заказ на девяностоминутную пилотную серию. Чтобы избежать бюджетного дефицита (разумеется, мой сценарий оказался слишком длинным и слишком дорогостоящим), «Коламбиа» также решила сделать двухчасовую версию для европейского телевидения. Питера Вернера, обладателя премии Академии, пригласили в качестве режиссера, и мы начали готовиться к выпуску серии. Подбор актеров доставил нам просто невиданные проблемы, и мы даже перенесли съемки (естественно, не без последствий для нас), но в конце концов нам удалось справиться и с этим. Джордж Ньюберн великолепно подходил на роль Тома, из Роба Кнеппера вышел отличный Зейн, а Куртвуд Смит был так хорош в своей двойной роли Трейгера, что мы наверняка пригласили бы его еще, если бы стали снимать се-

риал. Чтобы найти актрису на роль Кошки, нам пришлось отправиться за океан, в Париж, где мы обнаружили молодую красивую бретонку по имени Анн Легернек. Я по-прежнему уверен, что, если бы «Порталы» стали сериалом, Анн была бы настоящей звездой. На американском телевидении не было такой, как она, актрисы — ни тогда, ни сейчас. Кроме того, нам удалось заполучить несколько замечательных актеров на роли второго плана, Хойт Экстон сыграл Джейка, а Тиша Патмен — Сисси.

Когда летом мы сняли для Эй-би-си опытный вариант, наша работа встретила полный энтузиазма прием и нами был получен заказ на шесть новых сценариев, чтобы мы могли запустить сериал в производство в середине сезона 1993 года. Я написал один из сценариев сам, нанял несколько прекрасных писателей на остальные пять и провел остаток 1992 года и первые несколько месяцев 1993-го, работая над сценариями, изучая бюджет и готовясь к новым съемкам.

Но ничего не получилось. У Эй-би-си изменились планы. Почему — остается только предполагать, хотя у меня имеются свои теории на сей счет. Частично дело в неправильно выбранном времени. Когда наконец были найдены актеры на роли Тома и Кошки, наиболее выгодный момент сезона 1992 года, когда следовало представить зрителю наш фильм, остался позади. Мы планировали выпустить его осенью 1993-го, но в этот момент на Эй-би-си произошли серьезные перестановки, и два редактора, которые занимались опытной серией, ушли со студии. Кроме того, возможно, мы совершили ошибку, отказавшись от зимнего мира, который придал бы второй части фильма визуальный и эмоциональный эффект, какого не достигнешь, показывая мир без нефти. Тогда, возможно, приемные комиссии получили бы совсем иное представление о драматическом потенциале серии.

А может быть, причина в чем-то другом. Никто уже никогда этого не узнает. После того как на Эй-би-си отказались от сериала, «Коламбиа» предложила пилотную версию Энби-си, Си-би-эс и «Фокс», но студии, как правило, никогда не поддерживают проекты, от которых отказываются их конкуренты. Как говорил Хайнлайн, «собственная моча в супе им больше по вкусу».

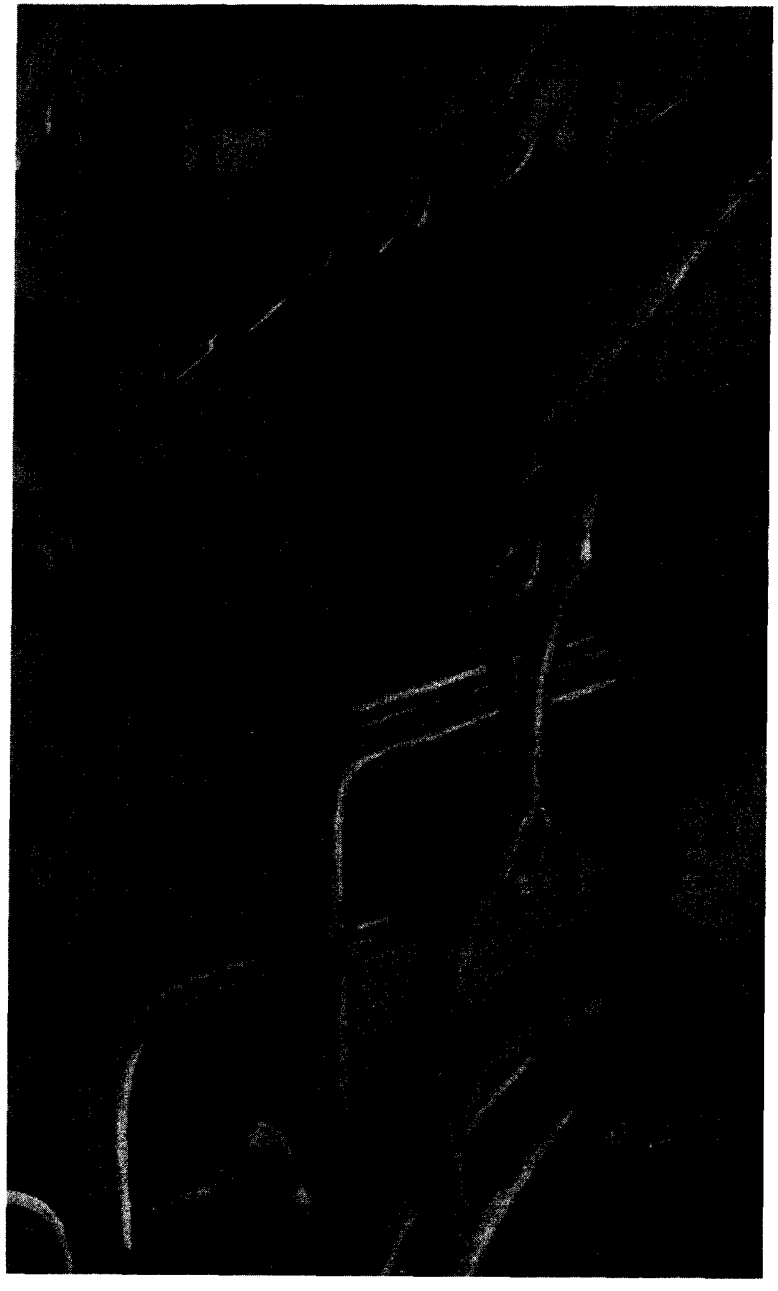
«Порталы» умерли. Я немного погоревал и стал жить дальше.

Но невозможно совсем забыть свое детище. Прошло десять лет, а мне по-прежнему грустно от мысли, что могло из этого получиться. И я с удовольствием включаю сценарий в этот сборник. Ни один писатель не хочет, чтобы его детей хоронили в безымянных могилах.

Я довольно долго колебался, пытаясь решить, какой вариант сценария поместить здесь. Более поздние версии сделаны лучше, но в конце концов я решил воспользоваться самым первым, тем самым, где рассказывается про зимний мир. Двухчасовая европейская серия «Порталов» появилась на видеопленке повсюду, кроме Соединенных Штатов, и многим довелось посмотреть девяностоминутную версию на просмотрах, которые мы устраивали для «Мэджикона» в 1992 году, в Орландо, штат Флорида. Но до настоящего момента никто никогда не видел зимнего мира. А что может быть лучше для параллельного мира, чем появиться в параллельном сценарии?

«Порталы» навсегда останутся самым значительным «что, если...» в моей карьере. Я писал и другие пробные сценарии — «Черное скопление», «Спасшиеся», «Звездный порт», но «Порталы» — единственный, которому удалось выйти за пределы сценария и превратиться в фильм. Единственный, который мог — кто знает? — появиться на экранах в лучшие для телевидения времена. Мы могли снять две серии, или он просуществовал бы десяток лет. Я мог бы до нынешнего момента писать для этого сериала сценарии, или меня бы вышибли через два месяца после его запуска. Единственное, в чем я совершенно уверен, так это то, что я был бы значительно богаче, чем сейчас.

С другой стороны, я бы никогда не закончил «Игру престолов» и не написал бы «Песнь льда и огня». Так что, возможно, все к лучшему.

Сумеречная зона

ДОРОГА, ПО КОТОРОЙ НИКТО НЕ ПУТЕШЕСТВУЕТ

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: гостиная, ночь

Джефф Макдоуэлл и его жена Дениза, симпатичная пара «за тридцать», сидят рядом на диване и смотрят телевизор. Женщина мирно дремлет, все внимание мужчины приковано к экрану. Свет от телевизора отражается на их лицах. Обстановка в комнате эклектичная — ничего дорогого или шикарного, все подчинено комфорту. Камин, книжные полки по обе стороны от него, набитые журналами и зачитанными старыми книгами в мягких обложках. Слышен диалог из оригинальной версии «Нечто»: «А что, если он умеет читать мысли?» — «Тогда он ужасно разозлится, когда доберется до меня». Джефф улыбается. У них за спиной мы видим их пятилетнюю дочь Меган, которая входит в комнату.

М е г а н. Папа, мне страшно.

Когда Меган подходит к дивану, Дениза садится. Девочка забирается к Джеффу на колени.

Д ж е ф ф. Эй, это всего лишь космическая морковка. Разве можно бояться овощей? *(Пауза, улыбается.)* И что ты тут делаешь? Разве ты не должна лежать в постели?

М е г а н. В моей комнате какой-то дядя.

Дениза и Джефф переглядываются. Джефф нажимает на кнопку «Пауза».

Д е н и з а. Милая, тебе просто приснился плохой сон.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

М е г а н *(упрямо)*. Нет, не приснился! Я его видела, мамочка.

Д ж е ф ф *(обращаясь к Денизе)*. Похоже, моя очередь.

Он берет дочь на руки и несет ее к лестнице.

(Веселым тоном, стараясь успокоить малышку.) Ну, сейчас посмотрим, кто пугает мою девочку! *(Отворачиваясь, говорит жене.)* Если он читает мысли, то ужасно разозлится, когда доберется до меня.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: спальня Меган

Джефф открывает дверь. Типичная комната пятилетнего ребенка, где царит страшный беспорядок. Куклы, игрушки, маленькая кровать. В углу лежит на боку огромное чучело животного. Комната освещена лишь маленьким ночником в виде какого-то персонажа мультфильма.

М е г а н *(показывает)*. Он был там! Папочка, он на меня смотрел.

Глазами Джеффа

Джефф видит, что под окном действительно какая-то тень, которая похожа на мужчину, сидящего на стуле и смотрящего на них.

Возврат к общему плану

Джефф включает свет, и неожиданно оказывается, что человек на стуле — это всего лишь куча одежды.

Д ж е ф ф. Видишь, ничего страшного, дорогая.

М е г а н. Папа, там был какой-то дядька. Он меня испугал.

Д ж е ф ф *(взъерошив волосы дочери)*. Тебе всего лишь приснился плохой сон. Моя большая девочка не боится маленького ночного кошмара, ведь правда?

Он относит ее на кровать, укладывает, накрывает одеялом. У Меган испуганный вид, она явно не хочет оставаться одна.

Д ж е ф ф. Ты умеешь хранить секреты?

Девочка с самым серьезным видом кивает.

Д ж е ф ф. Когда я был ребенком, мне *часто* снились страшные сны. И чудовища.

М е г а н *(с широко раскрытыми глазами)*. Чудовища?

Д ж е ф ф. В шкафу, под кроватью, повсюду. А потом папа открыл мне тайну. После этого я больше не боялся. *(Шепчет ей на ухо.)* Чудовище не сможет до тебя добраться, если ты спрячешься под одеяло!

М е г а н. Не сможет?

Д ж е ф ф *(торжественным, уверенным тоном)*. Таковы правила. Даже чудовищам приходится выполнять правила.

Меган натягивает одеяло и, хихикая, забирается под него с головой.

Д ж е ф ф. Умница. *(Поднимает одеяло, щекочет ее.)* Но одеяло не сможет спасти тебя от папочки.

Они пару минут весело играют, потом Джефф целует ее и снова накрывает одеялом.

А теперь спи, слышишь меня?

Меган кивает. Джефф улыбается, идет к двери и оглядывается назад, прежде чем прикоснуться к выключателю.

Глазами Джеффа

В комнате, на кровати, спрятавшись под одеялом, лежит маленькая Меган, повсюду разбросаны игрушки. Он выключает свет.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: хижина во Вьетнаме, ночь

Все то же самое, но и одновременно — причудливо, по-другому. Стены и крыша из соломы, пол земляной. Расстановка предметов в хижине отдаленно напоминает комнату Меган. За окном ближний костер освещает сцену (вместо уличного фонаря). В темном углу, где в комнате Меган лежало чучело, тело. Каждая игрушка, кубик и предмет из комнаты девочки имеют здесь своего двойника, который находится на том же месте: кастрюли и сковородки, тряпичная кукла, пистолет и тому подобное. Кровать — куча соломы, старое и рваное одеяло, под ним — детское тело. По ткани расползается темное пятно. Мы слышим потрясенный вскрик Джеффа. Картинка Вьетнама должна быть очень короткой, почти мгновенной. Затем Джефф снова включает свет.

Быстрая смена кадров.
Комната Меган

Как прежде, все в порядке.

Крупный план: Джефф

Растерян, смущен, смотрит несколько мгновений, качает головой.

Возврат к общему плану

Джефф снова выключает свет. На сей раз ничего не происходит. Он тихонько закрывает дверь, и мы следом за ним спускаемся вниз по лестнице.

Гостиная

Дениза в огромных очках просматривает раздел юридических новостей в газете. Она смотрит на Джеффа, и выражение его лица заставляет ее отложить газету в сторону.

Д е н и з а. Что случилось? Ты такой бледный.

Д ж е ф ф. Ничего... я подумал... глупости. Меган — истинная дочь своего отца. *(Невесело смеется.)* «Дядька» оказался стулом с одеждой.

Д е н и з а. У нее твое воображение.

Д ж е ф ф. А я все пытался понять, куда оно подевалось.

Д е н и з а. Она в порядке?

Джефф садится, берет в руки пульт, снова включает фильм на начале монолога: «Смотри в небо...».

Д ж е ф ф. Конечно.

Быстрая смена кадров.
Комната Меган

Тусклый ночной свет. Девочка прячется под одеялом. Мы слышим ее ровное тихое дыхание. Камера сдвигается с едва слышным скрежетом инвалидного кресла, которое катится по деревянному полу.

Крупный план: Меган

На нее падает тень. Она не шевелится, даже когда появляется мужская рука, хватает ее одеяло за угол и с пугающей медлительностью стаскивает его.

Затемнение. Следующий день.
Постепенно возникает изображение.
Экспозиция: лекционный зал в колледже

Около двадцати студентов слушают и делают записи, Джефф ходит перед ними, ведет занятие, рассеянно вертит кусок мела в руке. На доске написано: НЬЮ-ЙОРК ДЖОРНАЛ — ХЕРСТ и НЬЮ-ЙОРК УОРЛД — ПУЛИТЦЕР.

Д ж е ф ф. ...Когда Ремингтон пожаловался, что он не может найти ни одной войны, Херст, предположительно, отправил ему телеграмму, в которой говорилось: «Вы даете картинки, я обеспечиваю вас войной». Этот анекдот, возможно, весьма сомнителен, зато хорошо показывает роль желтой прессы в разжигании военного энтузиазма.

Мрачный темноволосый студент, похожий на жокея, прерывает Джеффа, прежде чем он успевает открыть рот, чтобы продолжить.

«Ж о к е й». По крайней мере, они были на нашей стороне.

Джефф замолкает, смотрит на него, садится на край своего стола.

Д ж е ф ф. Мюллер, вы хотите что-то сказать?

«Ж о к е й» *(показывает на доску)*. Эти парни, по крайней мере, шли за нашими солдатами. Настоящие желтые журналисты были единственными, кто рассказывал о том, что происходило во Вьетнаме.

Д ж е ф ф *(сухо)*. Полагаю, не всякая война похожа на реки крови и стрельбу у Херста.

«Ж о к е й». Ну, зато у него мы победили. Могли и во Вьетнаме победить.

Д ж е ф ф. Где же логика? Вам следует больше времени проводить с книгами, а не с Рэмбо.

Аудитория разражается хохотом, но молодой человек заметно разозлился. Прежде чем Джефф возвращается к лекции, звенит звонок. Студенты начинают вставать с мест, собирать учебники и тому подобное.

Помните, что к следующей неделе вы должны прочитать двенадцатую главу Эмери.

Он кладет мел и начинает складывать свои бумаги в портфель, студенты выходят из зала. «Жокей» ждет (физически он крупнее Джеффа), когда они с преподавателем останутся одни. Джефф закрывает портфель и смотрит на него.

«Ж о к е й». Ну и где вы были во время войны во Вьетнаме, мистер Макдоуэлл?

Они долго смотрят друг на друга.

Д ж е ф ф *(отворачивается первым, отвечает резким тоном, не глядя на своего студента).* В школе. Хотя вас это совершенно не касается.

Он быстро, быстрее, чем необходимо, проходит мимо молодого человека, а тот смотрит ему вслед.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: улица, парковка у детского сада, день

Дениза и Меган выходят из детского сада и идут через площадку к «вольво». Дениза возвращается домой с работы, она одета в дорогой костюм, в руке несет дипломат. Когда она открывает машину, мы слышим, как едет инвалидное кресло.

Взгляд ветерана через плечо на Денизу

На самом деле мы видим плечо и затылок мужчины. Дениза выезжает с парковки, поворачивает в сторону камеры.

Проезд машины

Когда она проезжает, мы мимолетно замечаем безногого мужчину в инвалидном кресле. Ветеран поворачивается и провожает ее взглядом. У него длинные волосы, борода, штанины закреплены булавками на бедрах, на нем бесформенный пиджак оливкового цвета без нашивок. Нам не удается разглядеть его лицо.

Крупный план: Меган

Она смотрит в окно машины, видит ветерана, провожает его глазами до тех пор, пока машина не заворачивает за угол.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: улица, дом Макдоуэллов, вечер

Дениза останавливается около дома, паркует «вольво» на подъездной дорожке сразу за скромным «датсаном» Джеффа. Они живут в двухэтажном загородном доме с участком: респектабельный, в хорошем районе, но не слишком большой и дорогой — удобный дом для среднего класса.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: кухня

Дениза и Меган входят и видят Джеффа, который делает салат. Рядом с миской — открытая бутылка и наполовину пустой стакан. Маленький телевизор стоит на столике, и Джефф краем глаза смотрит новости. Диктор читает про Эль-Сальвадор. Джефф поворачивается, когда они входят.

Д ж е ф ф. Ростбиф, печеная картошка, салат с помидорами и огурцами и вино. *(Целует Меган.)* А тебе молоко. *(Обращаясь к Денизе.)* Подойдет?

Д е н и з а. Как вновь обретенный рай. *(Обращаясь к дочери.)* Иди умойся, милая.

Девочка бежит наверх.

Ну, что случилось?

Д ж е ф ф. Случилось? А с чего ты взяла, что что-то случилось?

Д е н и з а *(печально улыбается, берет в руки бутылку, задумчиво взбалтывает содержимое).* Улики, Шерлок. В прошлый раз ты открыл бутылку вина, когда твою машину стукнули на парковке у школы. Что на сей раз?

Джефф собирается все отрицать, потом передумывает, пожимает плечами (она слишком хорошо его знает).

Д ж е ф ф. Сегодня утром во время занятий студент спросил меня, был ли я во Вьетнаме. *(Морщится.)* Я сказал, что был в школе.

Д е н и з а. Ты был. Я прекрасно помню. И я была с тобой, помнишь?

Д ж е ф ф. Я не стал объяснять, что школа находилась в Канаде.

Дениза. Это в любом случае его не касается.

Джефф. Я так и сказал. Только я чувствую... *(Неуверенно.)* Я не знаю... вину. Как будто я сделал что-то плохое. Глупо, верно?

Он открывает духовку, проверяет ростбиф длинной вилкой.

Ну, он уже не мычит. Думаю, готово.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: столовая

Дениза накладывает в тарелки салат, Джефф несет ростбиф. Меган еще не появилась.

Дениза *(подходит к лестнице, чтобы ее позвать).* Меган! Иди вниз, дорогая, обед готов.

Проходит одно короткое мгновение, потом дверь наверху закрывается и девочка спускается вниз.

Дениза *(нахмурясь, берет ее за руку).* Меган, ты не умылась.

Меган. Наверху какой-то мужчина, мама. Он со мной разговаривал.

Дениза *(сердито).* Ступай умойся перед обедом.

Мы следуем за ними, когда они поднимаются по лестнице и входят в ванную комнату. Встав на колени, Дениза берет салфетку и смывает пятно грязи с лица Меган.

Дениза. Милая, играть в притворялки можно, но не стоит винить кого-то другого за то, что ты забыла что-то сделать.

Меган. Это не притворялки, мама.

Дениза. Ну, вот так уже лучше.

Она кладет полотенце, смотрит на отражение Меган в зеркале, улыбается. Мы приближаемся к зеркалу, когда Дениза поднимает глаза. У них за спиной отражается открытая в ванную дверь, в коридоре в инвалидном кресле сидит ветеран. Дениза резко поворачивается, и мы видим потрясение у нее на лице.

Быстрая смена кадров. Столовая

Джефф берет печеную картофелину, обжигает руки, морщится, бросает картофелину на тарелку и вздрагивает, когда Дениза пронзительно кричит. Он быстро вскакивает с места и мчится вверх по лестнице.

Ракурс на Джеффа

Джефф на лестнице, он чудом не налетает на жену, которая спешит вниз.

Джефф. Что случилось?

Дениза *(в панике).* Где он? Ты его видел?

Джефф. Что? Видел? Кого?

Дениза. Мужчину в инвалидном кресле. *(Нетерпеливым тоном, сердится, что Джефф не понимает.)* Он был там, в зеркале... я хочу сказать, он был в коридоре, но я его видела в зеркале, а потом... он *должен* был проехать мимо тебя!

Джефф *(потрясенно).* Мужчина в *инвалидном кресле?*

Он берет Денизу за плечи, пытается ее успокоить.

Мне кажется, я бы заметил человека в инвалидном кресле, милая. Кроме того, как, черт подери, он мог спуститься на своем кресле по лестнице?

Дениза смотрит на узкие ступеньки и понимает, что Джефф прав. Но она уверена, что видела ветерана, и понимает, что запуталась.

Дениза. Говорю тебе, он там был. Если он не спустился...

Разворачивается, она боится, что он по-прежнему наверху. На верхней ступеньке появляется Меган, спокойная, не испуганная.

Меган. Он ушел, мамочка.

Дениза обнимает ее и крепко прижимает к себе.

Не бойся, мамочка. Он хороший.

Камера на Джеффа

Он смотрит, как его жена обнимает дочь.

Д ж е ф ф. Никто *не мог* выйти из дома. Что, черт подери, здесь происходит? *(Начинает подниматься по ступеням.)* Что бы там ни было, я намерен выяснить, что тут творится.

Глазами Джеффа

Он поднимается наверх, проходит по застеленному ковровой дорожкой коридору, открывает двери, заглядывает в комнаты, ничего не находит. Гардеробная, шкаф для белья, комната Меган, их с Денизой спальня и ванная. Пусто.

Ракурс на Джеффа

Стоит в своей спальне, он разозлился и возмущен. Собирается выйти в коридор, делает несколько шагов... и замирает рядом с ванной. Затем опускается на одно колено, тянется рукой к ковру.

Крупный план: ковер

Джефф проводит пальцем по четкому следу колеса инвалидного кресла, оставленному на толстом ковре.

Д ж е ф ф. Что, черт...

Быстрая смена кадров.
Крупный план: земля, грязь

Движение пальцев Джеффа из предыдущего кадра словно продолжается, только сейчас это не толстый ковер, а жидкая грязь, следы колес — следы ног, а рукав Джеффа — это рукав военной формы.

Тропа в джунглях, день. Глазами Джеффа

Джефф поднимает голову от следов. Это тропа в джунглях Вьетнама, узкая, заросшая, повсюду густая листва. В нескольких футах от него стоит черный пехотинец: совсем еще мальчик, не больше девятнадцати, форма грязная, грубая повязка на голове пропиталась кровью. Он держит М-16.

П е х о т и н е ц. Эй, Космонавт, что случилось?

Джефф с трудом выпрямляется. Это Вьетнам, он в форме, М-16 висит на плече. Он не верит в происходящее. С изумлением смотрит на себя, деревья, оружие, по сторонам.

Д ж е ф ф *(возмущен, напуган).* Не морочь мне голову, приятель. *(Отступает на шаг, качает головой.)* Нет. Никогда. Не может быть...

Он врезается спиной в дерево, спотыкается. Он потрясен. Когда пехотинец приближается, Джефф шарахается от него.

Д ж е ф ф. Не подходи ко мне!

П е х о т и н е ц *(удивленно).* Что, черт подери, случилось? Это же я, приятель!

Он хватает Джеффа за плечи, встряхивает, тот пытается вырваться.

Перестань, приятель. Это я! Эй, Космонавт, это всего лишь я.

Крупный план: Джефф

Пехотинец трясет его.

П е х о т и н е ц. Это я, друг. Это я, это я, это я...

Раздается крик Джеффа.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: коридор

Дениза держит истерично вопящего Джеффа за плечи, трясет его.

Д е н и з а. ...Это я, Джефф! Это всего лишь я! Это я!

Джефф неожиданно понимает, что вернулся домой, высвобождается, с трудом отходит от нее, тяжело дышит.

Д ж е ф ф. Я... я... где... Господи, что случилось?

Д е н и з а. Я услышала, как ты кричишь. Когда я пришла, ты лежал на полу. Ты вел себя так, будто я навожу на тебя ужас.

Д ж е ф ф. Это была не ты! *(Смущенно.)* Я имел в виду... понимаешь... я не... Дениза, я был... здесь, а потом вдруг уже

не здесь... Я оказался во Вьетнаме! *(После паузы, видя, что Дениза обеспокоена.)* Я знаю. Звучит как бессмыслица. Бред какой-то.

Д е н и з а *(робко)*. Может быть... я не знаю... может быть, с тобой... ты неожиданно вернулся в прошлое... или еще что-нибудь вроде этого?

Д ж е ф ф. Как, черт подери, можно вернуться в место, где ты никогда не был?

Д е н и з а. Джефф, я боюсь.

Муж прижимает ее к себе.

Затемнение.
Экспозиция: спальня, ночь

Дениза в пижаме сидит на кровати, подложив под спину подушку. Джефф все еще одет, стоит спиной к ней у окна, смотрит наружу.

Д ж е ф ф *(тускло)*. Мне придется уехать.

Д е н и з а. Уехать? Ты с ума сошел, Джефф.

Д ж е ф ф *(поворачивается к ней лицом)*. Сошел с ума? Скажи мне, при чем тут безумие? Человек в инвалидной коляске, который оставляет следы на моем ковре и исчезает неизвестно куда, вот это безумие. Я стою в комнате Меган и вдруг совершенно неожиданно оказываюсь во Вьетнаме, в какой-то хижине, это безумие. Но это все происходит, происходит. *(Молчит, потом с самым серьезным видом продолжает.)* Дениза, неужели ты не понимаешь? Это все из-за меня. Я не знаю, что творится, но я всему причиной.

Д е н и з а. Ты не сделал ничего...

Д ж е ф ф *(перебивает ее)*. Не сделал? А вот я полагаю, что сделал. Меня призвали, Дениза. Но вместо армии я отправился в Канаду. А теперь... *(Пауза, смущенно.)* Теперь война меня каким-то образом настигла. Может быть, Вьетнам был моей судьбой, может быть, я должен был там умереть. А вдруг безногий призрак — это парень, который отправился на войну вместо меня, или кто-нибудь погиб потому, что меня там не оказалось.

Он снова отворачивается и смотрит в окно.

Д е н и з а. Это в тебе говорит чувство вины. Из-за чего? Проклятье, ты сказал «нет» маленькой, грязной, необъявленной войне. И тебе это прекрасно известно.

Д ж е ф ф. Мне известно только то, что я должен уехать. Без меня, возможно, ты и Меган будете в безопасности.

Дениза встает с кровати и подходит к окну, крепко обнимает Джеффа, но он не поворачивается.

Д е н и з а. Джефф, пожалуйста, что бы ни происходило, мы сможем справиться со всеми проблемами вдвоем.

Крупный план: Джефф

Он по-прежнему взволнован, но смягчается. На самом деле ему совсем не хочется уезжать.

Д ж е ф ф. Может быть, ты права.

Он поворачивается к ней, собирается поцеловать.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: бордель, ночь

Джефф поворачивается и обнаруживает, что стоит в комнате в борделе Сайгона, молодая проститутка, вьетнамка, крепко его обнимает, ждет, когда он ее поцелует. Свет, который льется в окно, жутковато красного цвета. Джефф вскрикивает и грубо отталкивает от себя проститутку. Она теряет равновесие и падает.

Д ж е ф ф. Нет, нет! Хватит!

Он отскакивает назад и выбегает из комнаты, пока девушка поднимается на ноги.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, дом Макдоуэллов, ночь

Когда «датсан» Джеффа отъезжает от дома и уносится прочь по улице, наружу, путаясь в полах халата, выскакивает Дениза.

Д е н и з а. Джефф! Джефф! Подожди!

Машина, визжа шинами, заворачивает за угол, Дениза остается стоять на крыльце, она дрожит, охваченная отчаянием.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: кабинет Денизы, следующий день

Юридическая контора, рабочий день, кипит работа. Дениза — адвокат, у нее собственный кабинет, крошечный, со стеклянными стенами. Она работает над какими-то бумагами, хотя по ее лицу видно, что она расстроена, обеспокоена. Когда звонит внутренний телефон, Дениза поднимает трубку.

Д е н и з а. Да, Сьюзен.

С ь ю з е н. Ваш муж на пятой линии.

Д е н и з а. Спасибо. *(Быстро нажимает кнопку селектора.)* Джефф? Где ты был? Я так волновалась.

Мы слышим голос Джеффа по телефону. Он звучит хрипло, немного слишком резко и одновременно напряженно и неуверенно.

Д ж е ф ф. Дениза? Это ты?

Д е н и з а. Конечно я. Где ты? Ты в порядке? У тебя странный голос.

Д ж е ф ф. Странный? *(Пауза.)* Я... я в порядке, Денни. Как ты?

Д е н и з а. Денни? Ты не называл меня Денни со школы, Джефф. Что происходит?

Д ж е ф ф. Просто я... мне нужно тебя увидеть, Денни. Всего на пару минут. Я дома, Денни. Мне так нужно тебя увидеть.

Д е н и з а. Сейчас приеду.

Она слышит щелчок: Джефф положил трубку. Женщина встает, быстро засовывает бумаги в портфель, выскакивает из своего кабинета и останавливается у стола секретаря.

Сьюзен, я ухожу домой. Попроси Фреда меня прикрыть.

С ь ю з е н. Конечно. Надеюсь, ничего не случилось.

Дениза мрачно кивает и выходит.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: машина Денизы

На лице у нее застыло беспокойство, она едет домой.

Быстрая смена кадров.
Юридическая контора

Кабинет секретаря. Сьюзен только что повесила трубку, когда в дверях появился Джефф, у него измученное, небритое лицо, он в том же костюме, в котором мы видели его накануне. Сьюзен явно удивлена, увидев его.

Д ж е ф ф *(устало, смущенно)*. Привет, Сьюзен. Дениза здесь?

С ь ю з е н. Ушла домой минут пять назад. Сразу после того, как вы позвонили.

Д ж е ф ф. Сразу после того... как я позвонил? Я не звонил.

С ь ю з е н. Как это не звонили, очень даже звонили. Я сама вас соединила с Денизой меньше десяти минут назад. Ваш голос мне хорошо знаком.

Д ж е ф ф *(смотрит на нее, и на лице у него появляется понимание и страх)*. О господи!

Он поворачивается и выбегает из приемной.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, дом Макдоуэллов, день

Подъезжает машина Денизы. Она идет к двери на кухню.

Экспозиция: кухня

Дениза входит.

Д е н и з а *(громко зовет)*. Джефф? Я дома.

Никакого ответа. Дениза хмурится. Мы следуем за ней, когда она идет из кухни в гостиную.

Джефф? Ты здесь?

Довольно долго никто не отвечает, потом сверху доносится голос Джеффа... только в действительности это не совсем его голос, он немного резче, более хриплый, в нем слышится горечь. А еще — голос слабый, плохо различимый, как будто ему трудно говорить.

В е т е р а н. Денни? Я... я здесь.

Дениза поднимается вверх по лестнице, идет по коридору.

Д е н и з а. Джефф?

Ветеран. Я здесь, здесь.

Голос доносится из спальни. Дениза входит. Шторы задвинуты, и в комнате очень темно.

Дениза. Дорогой?

Тишина, она идет через комнату, раздвигает шторы. Когда в комнату попадает дневной свет, дверь со стуком закрывается, и женщина резко оборачивается.

Глазами Денизы — что она видит

Ветеран, без ног, в форме, сидит в инвалидном кресле, он закрывает ей выход из комнаты. Мы смотрим на него несколько мгновений и впервые видим, что это Джефф Макдоуэлл — худой, со впалыми щеками; его речь грубее, проще. Этот Джефф получил образование во Вьетнаме и госпиталях, а не в колледже и университете. У него глубоко запавшие глаза; он смотрит на женщину, как голодающий — *на роскошный пир.*

Возврат к общему плану

Денизу на мгновение охватил ужас, а затем она узнала его.

Дениза *(испуганным шепотом).* Джефф?

Ветеран смущенно улыбается, у него такой же испуганный вид, как и у нее.

Ветеран. Меня называют «Космонавт». Я получил это прозвище во Вьетнаме из-за того, что пересказывал свои любимые фильмы. *(Пауза.)* Ты хорошо выглядишь, Денни. Даже лучше, чем раньше... когда мы были вместе.

Она отступает, качает головой.

Дениза. Этого не может быть... Джефф... Господи, что я говорю, вы не Джефф, вы не можете быть Джеффом.

Ветеран подъезжает к ней.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: шоссе, день

Джефф мчится, не обращая внимания на другие машины, подрезает, обгоняет, он спешит домой. Он съезжает с шоссе, мчится по улице.

Экспозиция: машина Джеффа

За рулем он выглядит мрачным, напряженным и немного испуганным.

Быстрая смена кадров.
Спальня

Ветеран подъезжает к Денизе, она отступает.

Ветеран. Хочешь посмотреть мои документы? Я Джефф Макдоуэлл, точно так же, как и он. Хочешь меня испытать? Валяй, я знаю все ответы. Мы с тобой встречались в старших классах, вместе работали над школьной газетой. Твоих родителей зовут Питер и Барбара. Первый раз мы занимались сексом у тебя на диване, когда они ушли на праздничный обед, а я пришел, чтобы посмотреть «Войну миров» по вашему цветному телевизору. На внутренней поверхности бедра у тебя родинка, примерно в дюйм...

Дениза *(перебивает).* Боже мой... ты и в самом деле Джефф. Что... что...

Ветеран *(смотрит на свои обрубки).* Что случилось? Ты об этом хотела спросить? Случился Вьетнам, Денни. Вьетнам, лотерея призывников и мина.

Дениза. Ты не был во Вьетнаме. Ты отправился в Канаду. Мы перебрались в Канаду, вместе, там мы поженились. Ты преподавал там, пока не объявили амнистию.

Ветеран *(с горечью смеется).* Я продолжаю ждать *свою* амнистию.

Дениза. Как ты сюда попал? Откуда ты взялся? И почему? Чего ты от нас хочешь?

Ветеран. Всего лишь...

Прежде чем он успевает договорить, они слышат визг тормозов, который доносится снаружи.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, дом Макдоуэллов, день

«Датсан» Джеффа с визгом тормозов замирает на дорожке позади «вольво» Денизы. Он открывает дверь, выскакивает из машины, бросается к дому.

Экспозиция: гостиная

Джефф врывается через кухонную дверь.

Джефф *(в отчаянии кричит во весь голос).* Дениза! Где ты? Дениза!

Он оглядывается по сторонам, хватает кочергу, стоящую у камина.

Быстрая смена кадров. Спальня

Дениза слышит его крик.

Дениза *(кричит).* Джефф! Я здесь, наверху.
Ветеран. Денни, прошу тебя, мне не нужно...
Дениза *(громче).* Джефф!

Мы слышим громкие шаги по ступенькам лестницы, через несколько мгновений дверь распахивается, Джефф, размахивая кочергой, влетает внутрь. Ветеран разворачивает свое кресло и отъезжает назад.

Джефф. Держись от нее подальше! Оставь ее в покое...

Джефф замолкает, когда понимает, что происходит. Он смотрит на ветерана.

Джефф *(тихо).* Ты... это я.
Ветеран *(тихо, устало).* Бинго.
Джефф. Этого не может быть, это какое-то...
Ветеран *(перебивает).* Наваждение? Ага. Но кто кому снится — ты мне или я тебе? *(Пауза.)* Мне плевать, как на самом деле. Я считаю, что мы оба настоящие. Я думаю, что в тысяча девятьсот семьдесят первом году мы подошли к развилке на нашей дороге, ты двинулся в одну сторону, а я — в другую. В результате мы с тобой оказались в разных местах.

Джефф медленно опускает кочергу. Он бледен, напуган.

Джефф. Значит, мои воспоминания о прошлом... это...
Ветеран *(жестко улыбается).* Мои воспоминания, братишка. Часть багажа. Наверное, они пришли вместе со мной. Ты и я — мы один и тот же человек, верно? Я чувствовал, когда это начало происходить, но не мог ничего изменить. Мы просто слишком близко подошли друг к другу.

Дениза. Джефф...

Оба поворачиваются к ней.

(Продолжает с трудом.) Я хочу сказать... Космонавт... что случилось с...

Ветеран. С нами, Денни? С тобой и со мной?

Дениза кивает.

Ты погибла в аварии. Когда я был во Вьетнаме. Парень, с которым ты ехала на мотоцикле, не верил в пользу шлемов.

Дениза бледнеет, отворачивается. Ветеран смотрит в пустоту, что-то вспоминает, когда он снова заговаривает, у него мертвый, пустой, полный боли голос.

Находясь там, я ни секунды не сомневался, что вернусь. Я знал, что снова тебя найду и между нами все будет хорошо... а потом твоя мать написала мне письмо. *(Пауза, он продолжает с трудом.)* Знаете, эти мины, они не взрываются, если на них наступить. Они срабатывают, когда ты переносишь с них вес. Остальные парни просто смотрели на меня. Я сказал, чтобы отошли подальше, и они, один за другим, отошли, но все не сводили с меня глаз, смотрели на мертвеца, который стоял и орал на них. Даже когда они убрались достаточно далеко, я не мог пошевелиться. Но они на меня пялились, все до одного, и я вдруг понял, что больше не могу ждать... и тогда я взял и спрыгнул на землю. *(Горький смех.)* Мы никогда не умели прыгать в длину, правда, Джеффи?

Крупный план: Джефф

Короткая пауза, почти невыносимая тишина.

Джефф. Ты их спас. Ты спас им жизнь.

Возврат к общему плану

Ветеран. Да. Мне дали медаль.
Джефф. Ты их спас. *(Отворачивается.)* А я нет. В этом все дело, верно? Меня там не было.

Он с яростью отбрасывает кочергу, и она ударяет в стену. Джефф снова поворачивается, он ужасно разозлился.

Ну хорошо. Я виновен, виновен. Я выбрал... другую дорогу. Но каким бы ни было наказание... оно мое. Дениза и Меган здесь ни при чем. Я не знаю, что ты намерен сделать, но не трогай их.

Крупный план: Дениза

Она слушает Джеффа со страхом, потом с ужасом.

Д е н и з а. Нет! *(Смотрит на ветерана.)* Я уехала вместе с ним в Канаду. Мы вместе приняли это решение. Я — часть *этого* мужчины и всего, что с ним происходит.

Ракурс на ветерана

После короткой паузы он мягко улыбается.

В е т е р а н. Я знаю. За это я и любил тебя, Денни. *(Джеффу.)* Ты не понимаешь, приятель. Неужели ты думаешь, что я могу причинить им вред? *(Смеется.)* А еще говорят, что мы, ветераны, не в своем уме.

Возврат к общему плану

Д ж е ф ф. Тогда... почему? Зачем ты здесь?

В е т е р а н. Хороший вопрос. *(Мрачно улыбается.)* Я умираю, приятель.

Д е н и з а. Господи...

В е т е р а н. Врачи никогда не скажут правды, но человек чувствует, когда его время подходит к концу. Это ничего... Давным-давно я потерял все, что имело для меня значение: ноги, любимую девушку, будущее. Даже Джеффа. А у Космонавта остались всего лишь жуткие воспоминания. *(Пауза.)* Я лежал в госпитале, ждал, когда со мной там закончат... и, знаете, постоянно думал о Денни. Я все время спрашивал себя, как сложилась бы моя жизнь, если бы я поступил иначе. Наверное, я просто... сам себя сюда надумал, что ли? *(Смеется.)* Мне всегда нравились призраки, но я и представить себе не мог, что сам стану призраком.

Он развернул свое кресло, чтобы оказаться лицом к лицу с Джеффом.

Просто я хотел... их увидеть. *(Пауза, улыбка.)* Ты молодец, Макдоуэлл.

Джефф качает головой, его явно гложет чувство вины. Он цел и невредим, но он еще и сидит в инвалидном кресле!

Д ж е ф ф. Это ты молодец. Меня там не было...

Не в силах смотреть в глаза своему двойнику-инвалиду, Джефф отворачивается.

В е т е р а н *(мягко)*. Меня тоже не было. Ни для Денизы, ни для Меган.

Ветеран подъезжает к туалетному столику и берет фотографию в рамке, на которой изображена Меган. Смотрит на нее.

Если ты можешь держать на руках свою дочурку и при этом думать, что сделал что-то неправильно, то ты самый тупой человек, который когда-либо ходил по земле. Поверь мне, Джефф. Ты ничего не потерял.

Ракурс на Джеффа

Он поворачивается, услышав слова ветерана, поняв, что тот говорит правду. Джефф задыхается, его душат слезы. Дениза молча подходит к нему, и они обнимаются.

В е т е р а н. Мне кажется... думаю, мне пора.

Дениза поворачивается к нему.

Д е н и з а. Тебе не нужно уходить. Оставайся.

В е т е р а н *(грустно)*. Нет, я не могу. Но... по крайней мере, теперь мне есть что вспоминать, так ведь?

Джефф реагирует мгновенно, ему пришла в голову идея.

Д ж е ф ф. Мои путешествия в прошлое... *(Пауза.)* Ты и я, мы — один и тот же человек. Значит, это должно работать в обе стороны. *(Пауза, решительно.)* У меня тоже есть воспоминания. Может быть, если мы дотронемся друг до друга или...

Он делает шаг вперед, но ветеран отъезжает назад, подальше от него.

Ветеран. Нет! Ты сам не понимаешь, о чем говоришь.

Джефф *(мягко, с состраданием).* Я говорю о дне, когда мы Денизой поженились. О нашем медовом месяце. О дне, когда родилась Меган.

Ветеран *(с горечью).* Это же в обе стороны, как ты сказал. Подумай о том, что ты получишь от меня. Ты будешь помнить, как наши ребята умирали вокруг тебя. Больницы, годы, проведенные в инвалидном кресле. *(Пауза.)* Ты будешь помнить, как ты стоял, а они отходили, смотрели на тебя, все до одного, смотрели. Ты забудешь о нормальном сне, а иногда будешь кричать и просыпаться от собственного крика.

Джефф колеблется, смотрит на Денизу. Жена кивает, он целует ее и делает шаг в сторону ветерана.

Джефф. Я не боюсь кошмаров. *(Грустно улыбается.)* Я ведь всегда смогу спрятаться под одеяло, правда?

Он протягивает руку. Ветеран смотрит на него, затем очень медленно берет руку Джеффа в свои. Джефф морщится, словно от боли. Ветеран закрывает глаза. Слезы начинают течь по его щекам.

Мы видим Денизу

Она смотрит на них.

Вид на происходящее глазами Денизы

Два Джеффа Макдоуэлла словно окутаны диковинным сине-зеленым сиянием, вокруг них мечутся призрачные образы. Ее Джефф (он стоит) на мгновение оказывается в форме, у него длинная жидкая борода. Ветеран одет в костюм по моде 60-х годов, затем на нем уже гражданский костюм; штанины его брюк наполняются, когда в поле зрения возникают ноги, призрачные, сияющие диковинным светом, но все-таки ноги. Он открывает глаза, с восторгом смотрит на них, затем поднимается с кресла.

Ветеран. Может быть, мы оба с тобой герои, как ты думаешь?

Стоящий на ногах ветеран обнимает Джеффа, и их окутывает диковинное сияние. Затем оба тела соединяются. Свет становится таким ярким, что Дениза закрывает рукой глаза. Когда сияние исчезает, инвалидного кресла и ветерана больше нет в комнате, остался лишь первый Джефф Макдоуэлл. Дениза подбегает к нему, и они обнимаются, изо всех сил прижимаясь друг к другу. Мы смотрим на них. Звучит голос за кадром.

Голос за кадром. Мы делаем свой выбор, а потом спрашиваем себя, куда бы привела нас другая дорога. Джефф Макдоуэлл это узнал и заплатил за свое знание. Урок храбрости и картографии, преподанный составителями карт из Сумеречной зоны.

Конец

Порталы

Съемка «из затемнения». Экспозиция: автострада, ночь, вид сверху

По шоссе мчатся машины. Неожиданно раздается звук — громкий, точно удар грома, и резкий, как сверхзвуковой хлопок.

Камера наезжает прямо на Кошку

Девушка лет двадцати, босая, стоит посреди автострады, вокруг мчатся машины. Будем называть ее Кошкой. У нее стройная мальчишеская фигура, гибкая и сильная. Короткая неровная стрижка. В девушке есть что-то дикое, быстрое — и жестокое. На ней старые потрескавшиеся кожаные брюки и свободная черная форменная рубашка, которая явно велика ей. Из-под расстегнутого ворота выглядывает серебристо-серая маечка. Девушка кажется потерянной и смущенной...

Крупный план: голова Кошки

Фары освещают ее со всех сторон, и автомобили проносятся мимо, кажется, лишь чудом ее не задевая.

Вновь крупный план: Кошка

Девушка бросается к обочине, но ей не удается рассчитать скорость движения. Машина почти врезается в нее, отчаянно ревет клаксон. Кошка отскакивает обратно. Вторая машина сворачивает в сторону, чтобы не наехать на нее. Скрежет тормозов. Вой клаксонов. Кошка разворачивается, пытаясь найти выход. Она делает шаг в другом на-

---

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

правлении и тут же отскакивает назад — две машины сталкиваются. Скрежет металла, рев клаксонов. Издалека доносится вой полицейской сирены.

Крупный план: Кошка

Она зажимает руками уши, защищаясь от шума, съеживается и закрывает глаза, спасаясь от хаоса... Неожиданно ее заливает ослепительный свет, и мы слышим низкий ужасающий звук клаксона большого грузовика. Глаза Кошки открываются.

Обратный ракурс

Огромный грузовик надвигается на Кошку.

Наплыв на Кошку

Девушка застывает, как олень в лучах фар. Затем страх сменяется вызовом. Из-под рубашки она вытаскивает оружие, совсем не похожее на обычный пистолет. Кошка быстро вскидывает его, наводит двумя руками и стреляет. Раздается негромкий щелчок сжатого воздуха, и оружие выбрасывает иглу.

Обратный ракурс на грузовик

Мгновение грузовик продолжает двигаться вперед на скорости шестьдесят миль в час, его клаксон ревет, фары ослепляют. Затем он взрывается. Кабина разваливается на куски, во все стороны летят обломки стекла и металла. Грузовик теряет управление, сходит с автострады. Второй взрыв сотрясает грузовик — это детонирует бензин в баке. Через мгновение огромная машина превращается в огненный шар. Кошка поворачивается, чтобы проскочить на обочину, но в это мгновение вращающийся осколок летит прямо на нее. Она ныряет в сторону, но недостаточно быстро и получает скользящий удар в лоб. Кошка падает.

Крупный план

Кошка без сознания лежит на дороге, из рассеченного лба течет кровь. Оружие выскользнуло из ее рук, рукав рубашки задрался вверх, открыв изысканный браслет на правой руке: серебристые витки металла со вставкой трех параллельных полосок темного пластика напоминают клубок змей. Изображение расплывается.

Конец пролога

АКТ I

Съемка «из затемнения». Экспозиция: улица, здание больницы, ночь

Вой сирены в ночи, по автостраде мчится «скорая помощь», за ней следуют две патрульные машины с включенными фарами и мигалками.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: операционная, ночь

Восьмилетний мальчик сидит на операционном столе, рядом стоят его мать, молодой врач по имени Том и грузная медсестра Мэдж.

Т о м. Только не так. Посмотрите, что здесь делается. Нет, ты должен держать руку прямо. Это деликатная операция. Ошибка может оказаться фатальной. Вот погляди.

Ракурс на Тома

Том вытягивает свою руку ладонью вниз. Ему двадцать семь лет, у него темные взъерошенные волосы, уверенные манеры. Двумя пальцами он держит монету в двадцать пять центов. Потом он подбрасывает ее в воздух, ловит и открывает пустую ладонь. И тут же достает ее из-за уха мальчика.

Т о м. Вот видишь, что я тебе говорил. Магия дело несложное. Гораздо труднее поставить диагноз.

Он улыбается своему юному пациенту, который радостно смеется. Медсестра и мать с нежностью смотрят на него и улыбаются. Издалека мы слышим вой сирен.

(Мальчику.) А вот мой следующий фокус, сейчас ты исчезнешь. *(Обращается к матери мальчика.)* С ним все будет в порядке.

Экспозиция: больница, ночь

Два медбрата быстро везут каталку по коридору к операционной. Двое полицейских (Чэмберс и Санчес) следуют за ними.

Камера следует за каталкой

Появляется Том, который пристраивается рядом.

Том. Что тут у нас?

Медбрат. Ранение головы, рваная рана лица, возможно, внутренние повреждения. Судя по всему, жизненно важные органы не задеты, но в сознание она не приходит.

Марлевая повязка на ране Кошки порозовела от крови.

Санчес. Она играла в пятнашки на автостраде. Раздолбала грузовик из какого-то странного оружия.

Они распахивают двойные двери и въезжают в операционную.

Экспозиция: операционная

Том. Сейчас мы ею займемся. Мэдж, свяжись с рентгеновским отделением, пусть пришлют кого-нибудь.

Крупный план: Кошка

Ее глаза открываются, и Кошка начинает стремительно двигаться. Она хватает Тома за перед брюк и сжимает пальцы. Врач кричит от неожиданности и боли.

Возврат к общему плану

Кошка откатывается в сторону, когда Том начинает оседать на пол, и вскакивает на ноги с быстротой своей тезки. К ней бросается Чэмберс. Кошка пытается его ударить, но он хватает сначала одну ее руку, а потом другую. Она продолжает сопротивляться.

Полицейский. Ты под арестом, девочка. Ты имеешь право хранить молчание. Ты имеешь...

Кошка бросается на патрульного и кусает его за нос. Чэмберс кричит и прижимает руки к лицу. Между его пальцев начинает сочиться кровь. Девушка отскакивает в сторону. Санчес встает у нее на пути. Том поднимается на колени, хватая ртом воздух. Кошка отступает на шаг и выплевывает кусок носа на пол. На ее губах остается кровь. Схватив металлическую стойку, она держит ее перед собой, как дубинку, готовая отразить любое нападение. Санчес вытаскивает пистолет.

Том. Нет! *(Слегка задыхаясь.)* Уберите это... уберите. Здесь... больница.

Санчес. Она психованная.

Том с трудом поднимается на ноги.

Том. Она напугана. Взгляните на нее.

Чэмберс. Мой нос...

Том. Он где-то здесь. Мы можем все исправить. Мэдж, найди нос патрульного. *(Обращается к Кошке.)* Не бойся. Никто тебя не обидит. Обещаю.

Она с опаской смотрит на него. Молчит. Том осторожно подходит ближе. Кошка угрожающе наклоняет в его сторону стойку.

Санчес. Док, на вашем месте я бы не стал к ней подходить.

Мэдж. Том, осторожнее. Не думаю, что она понимает по-английски.

Том не сводит глаз с Кошки.

Том. Нам попалась скверная кошка.

Девушка касается своего лица. Ее пальцы окрашиваются кровью.

Можно мне взглянуть? Положи эту штуку, ладно? Я не причиню тебе боли.

Крупный план: Том и Кошка

Критический момент. Он подходит к ней, поднимает руку к ее лицу. Старается не делать резких движений. Девушка напряженно следит за ним. Том осторожно поворачивает ее голову, чтобы взглянуть на рану.

Том. Ну, все не так страшно, как кажется. И все же лучше сделать рентгеновский снимок. Ты пройдешь со мной?

Доктор протягивает ей руку. Кошка долго колеблется, затем отбрасывает стойку, которая со звоном падает на пол.

Санчес. Вот и отлично. Сейчас мы ее возьмем, док.

Том молча смотрит на полицейского. На заднем плане медсестра на четвереньках ищет кусочек откушенного носа.

Т о м. Я должен понаблюдать за этой пациенткой до завтрашнего утра.

С а н ч е с. Она под арестом. Мы будем наблюдать за ней, когда посадим за решетку.

Т о м. Вы хотите взять на себя ответственность, лишив ее медицинской помощи? Я так не думаю.

Мэдж с торжествующим возгласом поднимает вверх руку.

М э д ж. Я нашла!

Затемнение.
Экспозиция: больничная палата, позднее, той же ночью

В палате всего две кровати.

Крупный план: Кошка

Она стоит у окна, одетая в больничный халат, и завороженно смотрит на огни города. Рана на лбу зашита и перевязана. Девушка поднимает рукав, чтобы открыть браслет. Подняв руку ладонью вниз, направляет ее в сторону окна и города.

Крупный план: рука

Она сжимает пальцы в кулак. На одной из переплетенных полосок металла выделяются три почти параллельных матово-черных волнистых рубца. Постепенно рубцы начинают светиться: сначала едва заметно, тусклым синим цветом. Медленно и сосредоточенно Кошка перемещает руку справа налево и обратно. Синее свечение усиливается, когда она смещает руку к востоку, тускнеет, когда рука указывает на запад.

Крупный план: Кошка

Ее лицо серьезно и сосредоточенно. Она вновь перемещает руку с браслетом; сияние усиливается и слабеет. Она поворачивает руку и распрямляет пальцы.

Крупный план: рука

На ее ладони раскрывается голограмма: маленькая трехмерная Земля, которая медленно вращается. На ее поверхности появляются диковинные символы, похожие на котировки акций, бегущие по монитору. Мы слышим, как за спиной у Кошки медленно открывается дверь.

Крупный план: Кошка

Она поворачивается. Миниатюрный глобус мгновенно исчезает.

Ракурс на Тома

За спиной у Тома стоит полицейский в форме. Том держит в руках аккуратно сложенную одежду Кошки. Он видит, как она напряжена.

Т о м. Я тебя напугал? Извини. Я лишь хотел проверить, как ты себя чувствуешь.

Он закрывает за собой двери.

Я принес твою одежду. Мы ее выстирали.

Он кладет стопку на постель.

Твои брюки никуда не годились. Здесь новые джинсы.

Вид на происходящее глазами Тома

Девушка подходит к кровати, хватает одежду и крепко прижимает ее к груди.

Т о м. Я понимаю, что ты чувствуешь. Моя подружка всегда выбрасывает мои любимые рубашки.

Общий план

Кошка выскальзывает из больничного халата, который остается лежать на полу у ее ног, и остается совершенно обнаженной. Пока девушка одевается, мы видим ее со спины. Она делает это без малейших признаков смущения. Том отворачивается, он испытывает неловкость. Кошка натягивает серебристую маечку, нюхает джинсы, а потом быстро их надевает.

Т о м *(продолжает говорить).* Как тебя зовут? Я доктор Лейк. Томас. *(Молчание.)* Мы записали тебя как Джейн Доу*. Есть ли у тебя медицинская страховка?

Кошка уже оделась. Она пересекает комнату и пытается выйти. Дверь не поддается.

Дверь заперта. Полицейские тебя никуда сейчас не отпустят.

Девушка бьет кулаком по двери.

Послушай, я знаю, что кормят здесь не особенно хорошо, но это не самое плохое место для ночлега.

Кошка подходит к окну, смотрит вниз. Потом давит на стекло, пытаясь найти выход наружу.

Даже не думай. Мы на четвертом этаже. Кроме того, это современная больница, окна здесь не открываются.

Девушка сдается и сердито отворачивается.

Крупный план Тома

В его глазах появляется подозрение.

Возврат к общему плану

Кошка отходит в дальний угол комнаты и опускается на пол. Ее взгляд становится мрачным и сердитым. Доктор задумчиво смотрит на нее.

Т о м. Ты понимаешь, что я сказал?

Девушка смотрит на него. Однако ее лицо остается неподвижным. Том подходит поближе, не выдерживает и улыбается.

Ну, ты артистка. Ты же меня прекрасно слышишь.

Кошка отворачивается от него.

Было бы намного проще, если бы ты со мной поговорила.

Она его игнорирует.

* Условное наименование лица женского пола, чье имя неизвестно.

Ну скажи что-нибудь. Что угодно. Имя, звание, телефонный номер, мне все равно. Каков твой знак? Любимый цвет? Ты любишь пиццу с анчоусами?

Девушка молчит.

Отлично. Тогда я не стану терять время.

Нахмурившись, он стучит в дверь.

Крупный план: дверь

Полицейский открывает дверь снаружи.

П о л и ц е й с к и й. Вы уже закончили, доктор Лейк?

Т о м. Пожалуй, да.

Он собирается выйти.

К о ш к а *(тихо).* Кошка.

Т о м. Она заговорила... *(Обращается к полицейскому.)* Наверное, мне потребуется еще несколько минут.

Полицейский закрывает дверь, и они остаются вдвоем.

Т о м. Ты что-то сказала?

К о ш к а *(спустя мгновение).* Кошка.

Т о м. Кошка? Это уменьшительное?

К о ш к а. Кошка. Имя. *(Смущенно улыбается.)* Тоэ Мас.

Кошка говорит с легким акцентом. Ничего определенного, что позволило бы определить страну или место, но музыкальный ритм в ее словах подсказывает, что она здесь чужая.

Т о м. Вот как. Тоэ Мас. Тоэ Мас Лейк. *(Пауза.)* А как насчет адреса? У тебя есть семья? Друг? Человек, с которым ты бы хотела связаться? *(Никакой реакции.)* Откуда ты появилась?

Девушка поднимается с пола.

К о ш к а. Земля.

Т о м. Это кое-что проясняет. А с какой части Земли?

К о ш к а. Ангелы.

Т о м. Ангелы... ты имеешь в виду Л. А.? Лос-Анджелес? Отсюда?

К о ш к а. Не отсюда. Оттуда. Ангелы.

Т о м. Ладно. И как ты попала оттуда сюда?

К о ш к а. Дверь.

Т о м. На автостраде. Дверь автомобиля?

К о ш к а. Дверь между. *(Нетерпеливо.)* Сейчас уходить, Тоэ Мас. Уходить. Выходить.

Она встает, решительно подходит к двери, пытается ее открыть. Дверь заперта. Она смотрит на Тома, ожидая, что он поможет.

Т о м. Сейчас эта дверь открывается только для меня. Извини.

Настойчиво, но мягко он отводит ее от двери, затем возвращается и стучит. Полицейский открывает дверь.

Т о м. Послушай, моя девушка — адвокат. Я поговорю с ней. Больше я ничего не могу для тебя сделать.

К о ш к а. Не знать адвокат.

Т о м. Должно быть, ты из другой страны.

Он уходит, дверь закрывается, и рассерженная Кошка бросается на кровать. Она в ловушке.

Затемнение.
Экспозиция: улица, дом на побережье, перед рассветом

Машина Тома, маленькая «мазда миата», останавливается перед ветхим деревянным домом, на берегу моря.

Экспозиция: спальня Тома, рассвет

На большой старинной кровати под смятой простыней спит женщина. На заднем плане видны полки, набитые книгами по медицине и юриспруденции, а также романами в мягких обложках. Над кроватью выделяется плакат в рамке о выступлении Гарри Гудини. Женщине в постели немногим меньше тридцати, она хорошенькая, у нее длинные рыжие волосы. Ее зовут Лаура. Том садится рядом с ней на постель, нежно касается плеча. Лаура откатывается в сторону, протестующе бормочет. Том трясет ее посильнее. Она открывает глаза.

Л а у р а *(сонно)*. Том? Это ты? Сколько времени? Ты только что вернулся? *(Смотрит на часы.)* О боже, еще слишком рано. Уходи. Оставь меня в покое.

Поворачивается к нему спиной и натягивает простыню на голову. Том мягко стаскивает простыню обратно.

Т о м. Просыпайся. Кофе готов. Давай в душ, а потом надевай свою шляпку стряпчего. Мне нужна помощь.

Том слегка отодвигается. Лаура вздыхает, потягивается. Потом садится на кровати, сердитая, но проснувшаяся.

Экспозиция: кухня Тома, рассвет

Лаура сидит за кухонным столом. Она накинула махровый халат, но еще не успела причесаться. Она держит в руках дымящуюся чашку кофе и слушает. Том нетерпеливо расхаживает по кухне.

Т о м. Говорю тебе, в этой девушке есть нечто странное.

Л а у р а. Несомненно, ей удалось произвести впечатление. Обычно ты не проявляешь сочувствия по отношению к людям, которые лупят тебя коленом по промежности.

Т о м. Это было не колено. Послушай, ты можешь ей помочь?

Л а у р а. Я посмотрю, что тут можно сделать. Она действительно откусила ему нос?

Т о м *(хмуро)*. Только самый кончик.

Л а у р а *(не сумев сдержать улыбку)*. Ну, это уже кое-то. Если бы она откусила весь нос, ее можно было бы наказать по всей строгости закона.

Она допивает кофе и встает. Том хватает ее, прижимает к себе и целует.

Т о м. С меня причитается.

Крупный план: Том и Лаура

Л а у р а *(игривым тоном)*. Значит, она хорошенькая? Мне следует ревновать?

Т о м. А это еще что? Перекрестный допрос?

Л а у р а. Свидетель должен ответить на вопрос.

Т о м. Не виновен.

Л а у р а. Это хорошо. В противном случае...

Их губы сливаются. Лаура неожиданно слегка отстраняется и осторожно кусает его за кончик носа. Том вырывается из ее объятий. Они смеются, а потом снова целуются.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: автострада, рассвет

Сожженный остов грузовика все еще мешает движению по одной из полос, но его почти удалось стащить на обочину. Кран, грузовая платформа. Дорожные рабочие возятся со стропами. Машин на автостраде еще совсем мало.

Р а б о ч и й. В прошлом году на автострадах стреляли из пистолетов. Теперь перешли на снаряды.

П р о р а б. С этих пор я больше не езжу по автострадам.

Неожиданно раздается оглушительный хлопок, подобный удару грома, словно самолет преодолел звуковой барьер.

Какого дьявола...

Кран останавливается, гаснут огни, замирает двигатель. Одновременно отключается мотор грузовой платформы. На заднем плане также гаснут все огни: дома, фары автомобилей, уличные фонари.

Камера показывает происходящее глазами прораба

Видны только две или три машины. Все они останавливаются, фары погасли, двигатели смолкли. Водители выходят из своих автомобилей.

Возврат к общему плану

Р а б о ч и й *(щелкает выключателем большого аварийного фонаря)*. Ничего не понимаю, я только что сменил батареи.

Мы слышим медленные, зловещие шаги.

Глазами прораба

На шоссе появились шесть фигур, трое мужчин и столько же женщин, стройных и крепких, как их спутники. Все в высоких черных сапогах и черных униформах с серебристой металлической отделкой. Волосы очень коротко подстрижены. Вслед за ними возникает диковинное средство передвижения, паланкин или открытый портшез из черного металла, размером с «кадиллак». Он парит над шоссе, двигаясь в полнейшей тишине. Внутри сидит единственный пассажир, окруженный клубящимся серым туманом. Постепенно этот туман распространяется, отчего все вокруг становится неясным и таинственным. О пассажире можно сказать лишь то, что он сгорбленный и массивный, огромный по человеческим стандартам.

Обратный ракурс

Прораб и рабочие с ужасом наблюдают за происходящим.

Крупный план: Зейн

Лидера шестерки зовут Зейн. На воротнике виден знак отличия: серебряная булавка в форме головы гончей. Ему за тридцать, он в прекрасной форме, глаза подобны льдинкам — такие могут быть у охотника или воина. На мгновение он встречается взглядом с прорабом. Один за другим охотники поднимаются на борт паланкина, занимая положение по бокам, подобно слугам старинной кареты. Зейн садится последним. Паланкин исчезает в темноте. Дорожные рабочие замерли в ошеломленном молчании.

Р а б о ч и й. Черт побери, что это было?

П р о р а б. Думаю, лучше этого не знать.

И в следующее мгновение все приходит в норму: зажигаются фары и уличные фонари, включаются двигатели.

К о н е ц I а к т а

АКТ II

Съемка «из затемнения». Экспозиция: коридор больницы, полдень

Том, насвистывая, шагает по коридору. Затем он замечает нечто необычное: у двери палаты Кошки нет полицейского. Он перестает свистеть, подходит к двери и открывает ее.

Комната глазами Тома

Пусто, все приведено в идеальный порядок, кровать застелена. Здесь давно уже никого нет.

Возврат к общему плану

Люди спешат по своим делам: сестры, пациенты, диетсестра с подносом, санитар.

Т о м. Пит, что стало с девушкой из этой палаты? Ее перевели в другое место?

С а н и т а р. Когда я заступил на дежурство, палата была пуста.

Д и е т с е с т р а. Пациентку выписали ночью.

Т о м. Кто? Я не давал указаний. Кто-нибудь видел, как уходили полицейские?

Пожимают плечами. Появляется старуха, которая с трудом движется по коридору, опираясь на ходунок.

С т а р у х а. Они ее забрали. Люди в костюмах. В три часа утра. Она меня разбудила — так кричала и отбивалась.

Т о м. Проклятье!

И он с сердитым видом уходит.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: комната медсестер, немного позднее.
Крупный план: Том

Он говорит по телефону, ему до сих пор не удалось справиться с яростью.

Перебивка кадров

Лаура сидит за столом в своем офисе.

Т о м. ...Так ее не арестовывали?

Л а у р а. Я хочу сказать, что в полиции нет никаких записей о ее задержании. Не осталось никаких бумаг. Твоей маленькой кошечки попросту не существует. Несчастного случая на автостраде не было. С офицерами Санчесом и Чэмберсом таинственным образом невозможно связаться.

Т о м. Но они же не могут сделать вид, что ничего не произошло. Осталась сотня свидетелей.

Л а у р а. А тебе известны их имена?

Крупный план: рука

Прежде чем Том успевает ответить, палец нажимает кнопку на телефонном аппарате.

Камера показывает происходящее глазами Тома

Продолжая держать умолкнувший телефон, он поворачивается и видит крепкого высокого мужчину лет пятидесяти в темно-сером костюме, с тщательно причесанными волосами. Это Трейгер. Про такого говорят: «Человек изо льда и железа».

Т р е й г е р. Доктор Томас Джон Лейк?

Том молча смотрит на него. Трейгер показывает ему значок.

Специальный агент Трейгер, Федеральное бюро расследований. Пройдите, пожалуйста, со мной.

Том наконец понимает, что произошло. Он полон подозрений и злости.

Т о м. Зачем? *(Пауза.)* Прошлой ночью вы забрали из больницы мою пациентку. Незаконно. Черт возьми, кого вы из себя корчите? Что вы сделали с Кошкой?

Т р е й г е р. Значит, так ее зовут? Она в хороших руках, доктор. И она бы хотела вас увидеть.

Т о м. Я никуда с вами не пойду до тех пор, пока не поговорю со своим адвокатом.

Т р е й г е р. Отлично. Вы можете сделать один телефонный звонок. Скажите ей, что вы арестованы.

Т о м. Вы не имеете права!

Т р е й г е р. Вы будете удивлены, когда вам станут известны наши возможности, доктор. *(Пауза.)* С другой стороны, если вы будете с нами сотрудничать...

Т о м *(изменив решение)*. Я позвоню, чтобы мне прислали замену.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, здание больницы, ночь

Трейгер сопровождает Тома. На обочине их ждет длинный черный лимузин с затемненными окнами. Они садятся в него.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: лимузин

Трейгер закрывает дверь. Лимузин тут же трогается с места. Напротив них сидит еще один мужчина, лет тридцати, светловолосый, крепкого сложения. Он одет в синий костюм, нос скрывает белая повязка.

Трейгер. Это агент Камерон.

Том. Я вижу, вы уже познакомились с Кошкой.

Камерон бросает на него угрюмый взгляд. Том отворачивается и делает вид, что кашляет, чтобы скрыть улыбку.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: база в пустыне, ночь

Пустыня в Калифорнии. Охранник в форме жестом предлагает лимузину въехать в открытые ворота. База окружена оградой из колючей проволоки. На одной стороне ворот видна надпись: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА БАЗЫ», на другой: «ОСТОРОЖНО, ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ». За оградой виднеются сборные бараки из блоков шлакобетона.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: база в пустыне, ночь

Трейгер и Камерон ведут Тома по длинному коридору без окон. Они проходят мимо участка, где одна секция стены взорвана; сквозь дыру с зазубренными краями мы успеваем разглядеть длинное внутреннее помещение, опустошенное огнем, с рухнувшим потолком.

Том. У вас был пожар?

Трейгер. Это наш тир. Один из наших умных парней решил испытать ружье вашей подружки.

Том. Она не моя подружка.

Трейгер. Как скажете. Сюда, пожалуйста. Здесь лежат вещи, на которые вам следует взглянуть.

Он открывает дверь. Том входит.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: офис Трейгера, ночь.
Крупный план: стенной сейф

Сложная современная техника, электронный сейф со щелью для карточки и цифровой панелью. Рука Трейгера засовывает карточку в щель, затем быстро набирает последовательность чисел на клавиатуре. Сейф открывается; Трейгер начинает выкладывать его содержимое на стол.

Крупный план: стол

Ружье Кошки, ее браслет, три черных цилиндра и еще сто с лишним черных пластиковых игл.

Новый ракурс

К Трейгеру и Тому присоединяется Мацумото, ученый, сорокалетний японец, одет в лабораторный халат.

Том. Она взорвала грузовик при помощи этой штуки?

Трейгер. Верно. Возьмите оружие.

Том поднимает его, заглядывает в ствол.

Том. У меня был пистолет, очень похожий на этот.

Трейгер. Близко. Или духовое ружье.

Мацумото. Точнее, пневматическое. Очень сложная конструкция. Сомневаюсь, что я сумел бы сделать дубликат. В основу положен высокоскоростной реактивный двигатель, выбрасывающий струей воздуха *(пинцетом поднимает тонкую черную иглу)* эти штуки.

Том. Иглы?

Мацумото. Иглы с разрушительной силой снаряда из базуки.

Он берет цилиндр: черный, длиной в палец.

Полиция нашла три таких обоймы в ее карманах. В каждой содержится сто сорок четыре иголки и...

Он снимает заднюю крышку. Внутри источник питания; он пульсирует красным светом.

...собственный источник питания. Так что всякий раз, когда ты вставляешь новую обойму, происходит подзарядка. Если бы Детройт располагал такой эффективной технологией, мы бы ездили на электромобилях.

Том продолжает разглядывать оружие.

Том. Неудобный приклад. Мой палец едва достает до курка.

Трейгер. Девушке приходилось пользоваться обеими руками, чтобы стрелять.

Том. Неудачная конструкция...

Мацумото. Если только ружье не предназначено для тех, у кого большие руки.

Том. Тут нужны пальцы, как у кальмара.

Том кладет на стол ружье и берет браслет.

Он был у нее на руке, когда фельдшеры принесли ее в больницу. Что это такое?

Мацумото. Сплав обладает сверхпроводимостью. Я никогда не видел ничего подобного. Набит под завязку микросхемами — очень необычными. Часть из них кажется органическими.

Том. Но для чего он предназначен?

Мацумото. Ну, в качестве предположения... для определения неких субатомных частиц.

Том вопросительно смотрит на Трейгера. Он явно запутался.

Том. Я ничего не понимаю.

Трейгер. Мы тоже. Вот почему вы здесь — нам нужны ответы, доктор. А девушка согласна говорить только с вами.

Том неохотно кивает.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: коридор, ночь

Женщина в форме сидит у запертой двери, рядом с окошком, прозрачным только с ее стороны. Сквозь стекло видна Кошка, неподвижно свернувшаяся на койке, одетая в серую тюремную робу. Охранница обмахивается маленьким веером, раскрашенным в красные и черные цвета.

Трейгер. Как наша гостья?

Охранница. Почти все время лежит и смотрит в потолок. Здесь такая жара, что другого ждать не приходится.

Трейгер. Впустите его. *(Он передает браслет Тому.)* Ваш разговор будет записываться.

Женщина отпирает дверь. Том входит.

Быстрая смена кадров.
Интерьер: камера

Кошка медленно поднимает голову.

Кошка. Тоэ Мас.

Девушка встает. Она видит браслет. Ее глаза широко раскрываются. Она быстро пересекает помещение и протягивает руку.

Кошка. Мой! Дай, Тоэ Мас.

Том. Сначала нам нужно поговорить.

Девушка никак не реагирует на его слова. Она протягивает руку к браслету. Том отодвигает его в сторону.

Кошка. Дай сейчас. Нужно сейчас. Придет скоро.

Том. Кто придет и зачем?

Кошка. Темные повелители! Охотники-следопыты! Дай!

Том. Скажи мне, что это такое, и я тебе его отдам.

Кошка. Джеон. Дай сейчас!

Том бросает ей браслет. Девушка ловко ловит его и надевает на руку. Она сразу успокаивается.

Том. Что это устройство делает?

Кошка. Находит двери. Двери между. Двери наружу.

Отступив от Тома, Кошка вытягивает руку, сжав пальцы в кулак. Затем медленно поворачивается.

Том. Какие двери? Кошка, что ты делаешь?

Она игнорирует его, полностью сосредоточившись на своей деятельности. В замкнутом пространстве прибор ничего не может найти.

Кошка. Ничего, ничего, ничего.

Том. Кошка, откуда ты все это взяла? Ружье, духовое ружье... *(Он догадывается, что она его не понимает.)* Оружие...

Том поднимает руки, делает вид, что прицеливается и стреляет, сопровождая это соответствующими шумовыми эффектами.

Т о м. Ты знаешь... вжик... бум!

Он руками изображает взрыв. Девушка хихикает.

К о ш к а. Вжик-бум?

Т о м. Правильно. Вжик-бум. Где ты взяла «вжик-бум»?

Девушка смотрит на него так, словно он идиот.

К о ш к а. Ручная пушка, Тоэ Мас. Украла ее. Не для людей, ручная пушка. *(Пауза.)* Нужна пушка, взяла ее.

Т о м. А зачем тебе ручная пушка?

К о ш к а. Стрелять. Убивать. *(Замечает его удивление.)* Уходить, Тоэ Мас.

Она осматривает замкнутое пространство камеры, пытаясь найти выход.

К о ш к а. Свет погас. Темные повелители скоро придут.

Т о м. Темные повелители... это банда?

К о ш к а. Темные повелители — хозяева. Темные повелители — владельцы.

Т о м. И... гончие псы?

К о ш к а *(шепчет)*. Зейн...

Том видит страх на ее лице. Девушка безуспешно пытается открыть запертую дверь. Вновь рассерженно поворачивается к доктору.

Т о м. Не нужно так нервничать. Я не знаю, что это за люди, но здесь они до тебя не доберутся. Ты в безопасности.

Однако его слова не успокаивают Кошку, она совершенно выходит из себя. Схватив стул, изо всей силы швыряет его в окно-зеркало. Стул отлетает в сторону. Кошка наносит несколько ударов подряд. На поверхности зеркала появляются трещины.

К о ш к а *(кричит)*. Нет безопасности! Нет безопасности!

Зеркало разлетается на куски, девушка пытается прыгнуть в образовавшуюся дыру, но Том хватает ее за плечи и удерживает.

Т о м. Кошка, прекрати. Не нужно...

Он крепко держит ее, пытаясь успокоить, дверь распахивается, вбегают Камерон и охранница.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: каньон, ночь

Заросший густым лесом каньон неподалеку от Лос-Анджелеса. Зейн стоит у обрыва, смотрит на огни лежащего внизу города. Его лицо ничего не выражает. Сзади к нему подходит женщина.

З е й н. Как много людей, Дайана. И их свет никогда не гаснет.

Д а й а н а. Это лишь тень истинного мира, так говорит хозяин.

З е й н. Возможно, хозяева этого мира говорят то же самое своим людям.

Зейн медленно поворачивает голову на восток, словно прислушивается к тому, чего никто слышать не может.

Д а й а н а. Что такое? Ты что-то обнаружил? Она пользуется геосинхронатором?

З е й н. Я слышу тебя, Кошка. Даже сейчас ты взываешь ко мне. *(Он резко поворачивается к Дайане, выражение его лица становится озабоченным.)* Восток, северо-восток, триста шестиугольников.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: офис Трейгера, ночь

Трейгер сидит за письменным столом. Том нетерпеливо расхаживает по комнате. Камерон сидит в кресле для посетителей.

К а м е р о н. Пентанол.

Т о м. Нет. Она моя пациентка. Я не разрешу вам накачивать ее наркотиками.

Т р е й г е р. Доктор, мы дали ей шанс.

Том наклоняется над столом Трейгера.

Т о м. Можно мне еще раз поговорить с ней? Я попробую ее загипнотизировать.

Трейгер переплетает пальцы, думает, кивает.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: офис Трейгера

Свет приглушен. Кошка сидит в кресле для посетителей, Том рядом с ней. Трейгер, наблюдает за ними из-за стола. Камерон стоит.

Т о м. ...Глубже. Сейчас ты слышишь только мой голос. Нет больше никаких других звуков, никаких голосов. Только мой. Ты расслабляешься. Совсем расслабляешься. Паришь. Все страхи исчезают.

Девушка в глубоком трансе.

Т о м. Скажи мне свое имя. Свое полное имя.

К о ш к а. Кошка.

Том нахмурился. Трейгер и Камерон переглядываются.

Т о м. Хорошо. Кошка, расскажи нам о том месте, откуда ты пришла.

К о ш к а. Темнота. Нет света.

Т о м. У этого места есть название?

К о ш к а. Ангелы.

Т о м. Где оно находится?

К о ш к а. Другая сторона.

Т о м. Другая сторона... двери?

Кошка кивает, соглашаясь.

(Мягко продолжает.) Теперь я задам тебе другой вопрос. Ты не будешь бояться. Страх ушел. *(Пауза.)* Кошка, кто такие Темные повелители?

К о ш к а. Владельцы. Хозяева.

Т о м. Чем они владеют?

К о ш к а. Землями.

За спиной у Тома Камерон презрительно закатывает глаза. Лицо Трейгера — застывшая маска.

Т о м. Землями... то есть не одной Землей?

К о ш к а. Не всеми. Некоторыми. Многими.

Т о м. А твой мир...

К о ш к а. Пришли Темные повелители. Очень давно. Мамочка говорила. Нет машин, нет ружей, нет аэропланов. Пепел, пепел. Все падает.

Т о м. Все падает...

К о ш к а. Города. Солдаты, люди. Все падает. Свет гаснет. Давно.

Т о м. Как давно? Сколько лет назад?

К о ш к а. До Кошки.

Т о м. Кошка, откуда пришли Темные повелители?

Молчание.

Из другой страны?

Нет ответа.

С другой планеты? Они прилетели на кораблях? Откуда?

К о ш к а. Двери.

Молчание. Трейгер наклоняется вперед.

Т р е й г е р. Спросите у нее про оружие.

Т о м. Кошка, ручная пушка... ты взяла ее у твоего владельца?

К о ш к а *(воодушевленно)*. Его владельца. Владельца Зейна.

Т о м. Зейн. Зейн был... гончим псом?

К о ш к а *(подобно эху)*. Пусть она живет, говорит. Дайте мне, говорит. Хорошо вам служил, говорит. Маленькое животное, хочу ее, говорит.

Т о м. Тебя дали Зейну...

К о ш к а *(со страстью отрицает)*. Не его. Никогда его. Прикидывалась. Смотрела. Слушала. Узнавала.

Т о м. Училась...

К о ш к а. Ждать. Долго ждать. Потом взять, бежать, убивать.

Т о м. Кошка, кого ты убила?

К о ш к а. Темного повелителя. Хозяина.

Т о м. Ты узнала их секреты, украла оружие и сбежала через дверь, так?

Кошка медленно кивает. Камерон смотрит на Трейгера.

К а м е р о н. Проклятье, о чем она говорит?

Трейгер ничего не отвечает. Он напряженно слушает.

Т о м. Еще один последний вопрос, Кошка. *(Пауза.)* Сколько пальцев у Темных повелителей?

Кошка не отвечает. Том подносит руку к ее лицу, широко разведя пальцы.

Если это была бы рука Темного повелителя, то сколько пальцев ты бы насчитала?

Крупный план: Кошка — сквозь пальцы Тома

Долгие колебания. Наконец Кошка поднимает руку, касается каждого из пальцев Тома, словно считает.

К о ш к а. Один. Два. Три. Четыре. *(Пауза.)* Пять.

«Пять» приходится на большой палец. Наступает долгая пауза. Кошка продолжает смотреть на руку, но видит нечто другое, вспоминает. В тот момент, когда мы думаем, что она закончила, ее палец двигается мимо большого пальца Тома, считая «палец», которого там нет.

Шесть.

Теперь она закончила счет. Том сжимает пальцы в кулак. Наступает напряженная тишина.

К о н е ц II а к т а

АКТ III

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: офис Трейгера, перед рассветом

Трейгер наклоняется вперед и нажимает интерком.

Т р е й г е р. Григгс, позови охранницу и скажи Мацумото, чтобы он приготовил инъекцию пентанола. *(Обращается к Тому.)* Выведите ее из транса.

Трейгер встает и направляется к двери. Том бросается вслед за ним.

Т о м. Вы не можете!

Трейгер выходит, за ним выскакивает Том. Камерон остается с Кошкой.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: коридор

Том хватает Трейгера за плечо и разворачивает.

Т о м. Чего вы от нее хотите?

Т р е й г е р. Историю, которая бы имела смысл.

К ним приближается Мацумото с чемоданчиком. Том не сводит пристального взгляда с Трейгера.

Т о м. Вы отказываетесь видеть правду, когда она у вас перед носом. Сколько здесь пальцев, Трейгер?

Он поднимает обе руки с расставленными в стороны пальцами.

Т р е й г е р. Какое отношение к этому имеют ваши пальцы?

Т о м. Я научился считать свои пальцы, как и вы. Это универсальное понятие. У нас десять пальцев, поэтому в основу положен десяток. Сто — это десять раз по десять. Тысяча — десять раз по десять раз по десять раз.

Т р е й г е р. И что с того?

Т о м. Ружье, которое вы отобрали у Кошки. Мацумото сказал, что в обойме сто сорок четыре заряда. Вам это число не показалось странным?

На заднем плане появляется охранница, которая обмахивается веером.

Т р е й г е р. Возможно.

Т о м. Двенадцать раз по двенадцать — сто сорок четыре.

Мацумото все понял, на лице Трейгера сомнения.

М а ц у м о т о. Двенадцатеричная система счисления. Ну конечно.

Т о м. Раса с двенадцатью пальцами будет считать дюжинами, Трейгер. Какие еще доказательства вам нужны? Посмотрите в лицо фактам. Эта девушка не является американкой из двадцатого века.

Т р е й г е р. Что вы хотите этим сказать? Она, по-вашему, с другой планеты?

Мацумото. Едва ли. Мы уже сделали анализ ДНК. У нее генетическая структура человека.

Том. Она же сказала, откуда пришла. С Земли. Но не с нашей Земли.

Мацумото. Параллельный мир?

Том. Совершенно верно.

Охранница останавливается рядом с ними, продолжая обмахиваться веером.

Трейгер. Не понял?

Мацумото. Соседняя вселенная. Некоторые математики придумали теорию о существовании... ну, неспециалист назвал бы их иными измерениями. Есть предположение, что имеется бесконечное число других временных линий, существующих одновременно с нашей.

Трейгер. Черт побери, какие еще временные линии?

Том. Помните последние соревнования?

Трейгер. «Брейвс» проиграли в семи геймах. Камерон лишился недельной зарплаты.

Том. Разрешите позаимствовать это. *(Хватает веер.)* Что, если существует другой мир, в котором «Брейвс» выиграли? Мы считаем, что история развивается по прямой. Из прошлого следует настоящее.

Он складывает веер: получается прямая линия.

Но если возможен не только один результат, тогда следует считать, что существует и мир с другим результатом. Новые миры возникают на каждой развилке.

Том слегка раскрывает веер. Мы видим одну красную и одну черную секцию.

Теперь у нас есть мир, в котором «Брейвс» выиграли, и один мир, где выиграли «Твинс». *(Еще немного приоткрывает веер.)* А теперь появляется мир, где в финале играли «Пираты» и «Блуджейс». *(Продолжает раскрывать веер.)* И еще один мир, где победу одержали «Доджеры». Мир, где «Доджеры» все еще базируются в Бруклине. Мир, где бейсбола вовсе не

существует и все делают ставки на финал по крикету в октябре. *(Раскрывает веер еще шире.)* Бесконечное число миров, охватывающих все возможности, все варианты.

Трейгер смотрит на веер, а потом переводит взгляд на Мацумото.

Трейгер. И эти другие миры существуют?

Мацумото. С точки зрения математики — да. Но путешествие между мирами считается совершенно невозможным. *(Пожимает плечами.)* Как бы там ни было, это лишь теория.

Трейгер нахмурился, забрал веер из рук Тома и сложил его.

Трейгер. Теория. *(Пауза.)* А мне нужны факты, доктор Лейк. Мне очень жаль, что я вовлек вас в это дело. Вам пора возвращаться домой. Я организую машину. *(Обращается к охраннице.)* Отведите ее в камеру.

Том. Трейгер, подождите...

Том хватает Трейгера за руку и задерживает его.

Ну, тогда хотя бы дайте мне с ней попрощаться.

Крупный план: другая рука Тома

Пока одна рука сжимает плечо Трейгера, другая мгновенно вытаскивает из его кармана бумажник.

Возврат к общему плану

Ничего не заметивший Трейгер кивает.

Трейгер. Пять минут, не больше.

Трейгер уходит вместе с Мацумото. Том ловко прячет украденный бумажник.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: офис Трейгера

Том возвращается в офис Трейгера. Кошка все еще в трансе.

Том. Трейгер вас зовет.

Камерон *(колеблется)*. А кто за ней присмотрит?

Т о м. А в чем проблема? Она же спит.

Камерон пожимает плечами и выходит. Том запирает за ним дверь и садится рядом с девушкой.

Сейчас я досчитаю до пяти. Когда я произнесу «пять», ты проснешься отдохнувшая, спокойная, ты никого не будешь бояться. Но ты очень, очень спокойна. Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Том щелкает пальцами. Глаза Кошки открываются. Он подносит палец к губам.

Ничего не говори. Только кивни.

Она кивает.

Существует еще одна дверь, верно? Дверь наружу. Именно туда ты хочешь направиться.

К о ш к а *(тихо)*. Время уходить, Тоэ Мас. Оставить здесь сейчас.

Долгая пауза; Том колеблется, внимательно вглядываясь в ее лицо. Потом с большой неохотой принимает решение.

Т о м. Я об этом наверняка пожалею, но... пригляди за дверью, Кошка. Если кто-нибудь зайдет, кусай их.

Кошка энергично кивает и вскакивает на ноги. Том подходит к стенному сейфу. Вытаскивает карточку из бумажника Трейгера, засовывает ее в щель, нажимает на кнопки.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: коридор, спустя несколько мгновений

Охранница ждет у двери, к ней направляются Камерон и Трейгер. Камерон пытается открыть дверь. Она заперта.

К а м е р о н. Открывайте! Проклятье, что вы пытаетесь здесь устроить?

Трейгер жестом предлагает ему отойти в сторону.

Т р е й г е р. Доктор, это очень глупо.

Он вытаскивает из кармана ключи, открывает дверь и входит в офис вместе с Камероном.

Камера показывает происходящее глазами Трейгера

Он оказывается лицом к лицу с Томом... и ручной пушкой. Кошка надевает браслет на руку. Трейгер сохраняет спокойствие.

Т р е й г е р. Вы ведь не хотите этого делать, доктор Лейк. Если вы выстрелите, то погибнут все. В том числе и ваша подружка.

Т о м. Она не моя подружка. Нам нужна машина.

Т р е й г е р. Мне сообщить вам, сколько законов сразу вы нарушаете?

Т о м. Нет, благодарю. Лимузин вполне нас устроит.

Т р е й г е р. Камерон, пусть лимузин подгонят к входу.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, вход в здание, рассвет.
Вид со стороны двери

Трейгер стоит у выхода рядом с Томом и Кошкой. Все охранники лежат на полу лицом вниз. Подъезжает лимузин, из которого выходит Камерон.

Т о м. Не выключайте двигатель. Хорошо. А теперь вылезайте из машины и отойдите в сторону. Вот так. Еще немного. Кошка, проверь, нет ли кого-нибудь за задним сиденьем.

Кошка подходит к лимузину, заглядывает внутрь.

К о ш к а. Никого, Тоэ Мас.

Т о м. Я этого не планировал, Трейгер. Так получилось. Здесь нет ничего личного.

Трейгер молча смотрит на него. Том делает шаг.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: лимузин

Том заскакивает в лимузин и захлопывает дверцу. Кошка смущенно ерзает на пассажирском сиденье. Он кидает ей на колени ручную пушку, включает первую передачу и трогает машину. Лимузин, набирая скорость, проносится по территории базы. Он правит левой рукой, а правой вытаскивает из кармана три черных цилиндра и бросает их Кошке.

Т о м. Вот. Взгляни, надеюсь, ты знаешь, как заряжать этот вжик-бум.

Девушка улыбается и засовывает один из цилиндров на место, раздается громкий щелчок.

К о ш к а. Ручная пушка, Тоэ Мас. Ручная пушка.

Впереди появляется проволочная ограда и караульное помещение. Том нажимает на газ.

Т о м. Держись! Мне всегда хотелось узнать, на что способны эти здоровенные штуки.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: база в пустыне

Охранники отскакивают в разные стороны, лимузин врезается в ограду, скрежет, искры. Охранники вскидывают оружие и начинают стрелять. Ни малейшего эффекта. Лимузин уносится прочь.

Экспозиция: лимузин

Том круто поворачивает руль. Автомобиль заносит, но Тому удается удержать его на дороге. Машина с ревом мчится вперед. Том рискует бросить взгляд на Кошку.

Т о м. Скоро нам придется избавиться от лимузина. Каждый полицейский к западу от Миссисипи будет его разыскивать. Кстати, куда мы едем?

В ответ девушка поднимает браслет и сжимает пальцы в кулак. Браслет начинает сиять голубым светом. Но ярче всего он разгорается, когда она показывает прямо вперед — на восток.

К о ш к а. Туда, Тоэ Мас.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: проезд под автострадой, позднее

Кошка помогает Тому закатить лимузин в заросший кустарником проезд под автострадой. Вскоре машины уже не видно.

Т о м. Наверное, этого будет достаточно. Рано или поздно они его найдут. Но нас здесь уже давно нет.

К о ш к а *(повторяет)*. Давно нет.

Она переворачивает руку и распрямляет пальцы. Появляется голограмма; весь мир на ее ладони.

Т о м *(удивленно)*. У тебя фокусов больше, чем у Гудини.

Крупный план: голограмма

Земля медленно вращается — прозрачный призрак, окрашенный в коричневый, зеленый и голубой цвета, но в южной части Нью-Мексико начинает пульсировать белый свет.

К о ш к а. Здесь, Тоэ Мас. Давно нет.

Возврат к прежней сцене

Том продолжает разглядывать голограмму.

Т о м. Нью-Мексико. По меньшей мере восемьсот миль. Мы будем там через сутки.

Незнакомые символы ползут по поверхности глобуса.

К о ш к а. Плохо. Слишком поздно. Дверь открылась, дверь закрылась. Быстро-быстро. Быть там раньше. *(Смотрит на солнце.)* До нового света. До... *(Ищет подходящее слово.)* До рассвета.

Т о м. Завтра на рассвете? А что будет, если мы не успеем?

К о ш к а. Нет двери.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: автострада, день

Том пытается остановить машину. Автомобили проносятся мимо, не обращая на него внимания.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: автострада, позднее

Том объясняет Кошке, как поднимать вверх большой палец.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: автострада, еще позднее

У обочины останавливается автомобиль. Водитель улыбается, когда девушка проскальзывает на сиденье рядом с ним. Неожиданно появляется Том, который тут же усаживается на заднее сиденье.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: улица, грузовичок, закат

Прошло много часов, они сменили несколько машин. Кошка и Том сидят в кузове потрепанного грузовичка, который, подпрыгивая, едет по грязной дороге. Солнце садится. Кошка привела в действие браслет. Теперь он сияет ярче.

Том. Свет стал ярче.
Кошка. Сейчас ближе.

Том меланхолично наблюдает за девушкой.

Том. Кошка... а ты знаешь, куда тебя приведет эта дверь?
Кошка. Куда-нибудь.

Она сидит рядом с Томом. Браслет потемнел.

Том. А если там будет хуже, ты сможешь вернуться?
Кошка. Нет вернуться.
Том. Двери открываются только с одной стороны, так?

Девущка кивает.

И ты пройдешь в них, не зная, что там тебя ждет?
Кошка. Пройдешь.
Том. Но тебе там может не понравиться.
Кошка. Всегда есть следующая дверь, Тоэ Мас.
Том. Ты же не можешь все время бежать. Какой смысл?

Кошка недоуменно хмурится. Для нее смысл очевиден. Затем она обращает внимание на закат: оранжево-алое великолепие вечернего неба. Она показывает.

Кошка. Там.

Том смотрит в указанном направлении. Кажется, он понимает.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: улица, придорожное кафе, ночь

На темной горной дороге тормозит огромный грузовик, Том и Кошка соскакивают с подножки возле кафе. Грузовик едет дальше.

Экспозиция: придорожное кафе

Том усаживает Кошку в кабинку и садится рядом с ней. Уже поздно. В кафе почти никого нет. На стойке реклама мексиканской кухни.

Официантка. Что вам принести?
Том. Принесите пару чизбургеров.
Кошка. Пару чизбургеров.
Официантка. Четыре чизбургера?

На заднем плане ковбой в джинсах и хлопчатобумажной рубашке входит в кафе и устраивается в соседней кабинке.

Том *(твердо)*. Два. И два кофе.
Кошка. Не знать кофе.
Том. Тогда пусть будет один кофе и молоко. У вас есть телефон?
Официантка. Вон там, возле мужского туалета.

Она уходит, чтобы передать на кухню заказ.

Том *(встает)*. Я сейчас вернусь. Никого не кусай, кроме еды.

Девушка кивает. Ее интерес привлекла пластиковая бутылочка с кетчупом. Она нюхает ее, выдавливает немного жидкости себе на руку, пробует и вопросительно смотрит на Тома.

Кошка. Не знать...
Том. Кетчуп. Ну, это такой овощ. Можешь есть, сколько хочешь.

Он оставляет Кошку с кетчупом в руках и направляется к телефонной будке.

Крупный план: телефон

Мы слышим звонок телефона, затем голос Лауры.

Лаура. Алло?
Том. Лаура? Это Том. Ты мне не поверишь...

Л а у р а. Больше ничего не говори. Здесь полиция. Меня уже спрашивали про тебя.

Т о м. Проклятье. Это Трейгер?

Л а у р а. Нет. Ты их ужасно огорчил. Том, что все это значит?

Т о м. Послушай, скажи им, что я сдамся... *(Смотрит на часы.)* Через четыре часа. Как только доведу Кошку до ее двери. И мне все равно, что они сделают со мной.

Л а у р а. Мне нет.

Т о м. Не так уж все и плохо. Я знаю одного хорошего адвоката. *(Пауза.)* Пора заканчивать, пока они не засекли звонок. Я просто хотел услышать твой голос. С тобой все в порядке?

Л а у р а. Со мной все будет в порядке, когда ты вернешься домой.

Т о м. И со мной. Я тебя люблю.

Том вешает трубку. На мгновение его лицо становится усталым и печальным, когда он идет к столику.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: кафе, позднее.
Крупный план: стойка

Официантка дает Тому сдачу.

Т о м. Благодарю. Кстати, где мы находимся? Как называется этот город?

О ф и ц и а н т к а. Нью-Мексико.

Т о м *(бросая сдачу в карман и улыбаясь)*. Да уж, понятное дело.

Он выходит вместе с Кошкой.

Крупный план: ковбой

Пьет кофе. Наблюдает за ними в окно, затем вытаскивает маленький передатчик. Незаметно включает его и шепотом говорит.

К о в б о й. Объект только что покинул кафе. Движется пешком по дороге на юг.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: шоссе в две полосы, ночь

Ночь выдалась теплой и спокойной. Уже очень поздно, около трех часов утра. Кошка и Том медленно идут по обочине шоссе. Машин нет. Кошка поднимает руку и начинает сканировать. Голубое сияние очень яркое.

Т о м. Наверное, мы уже совсем рядом.

Кошка медленно описывает дугу рукой... браслет пульсирует, тройные накладки вспыхивают в определенном порядке, один-два-три, один-два-три, один-два-три, все быстрее и быстрее.

К о ш к а. Здесь.

Т о м. Что?

Обратный ракурс глазами Тома

Девушка показывает на старую заправочную станцию, она совсем маленькая — обычно такими владеет одна семья. Такое впечатление, что она закрыта много лет назад. Окна заколочены. Кошка перебегает через шоссе. Том медленно идет за ней. Она еще раз проводит рукой. Беззвучная пульсация указывает на определенную дверь.

К о ш к а. Дверь.

Т о м. Конечно. Что еще?

Крупный план: дверь

Дверь заколочена.

Т о м. Здесь нам не потребуется Гудини.

Том отрывает доски и отбрасывает их в сторону. Осторожно открывает дверь и заглядывает внутрь.

Мне не хочется тебя расстраивать, но это мужской туалет.

К о ш к а. Слишком рано.

Т о м. Тогда будем ждать.

К о ш к а *(повторяет)*. Тогда будем ждать. *(Смущенно.)* Тоэ Мас... остается здесь? Или идет?

Т о м. Извини, Кошка. Дальше я с тобой пойти не могу. То, что находится по другую сторону двери,— не для меня. Вся моя жизнь здесь. Карьера. Друзья, семья. *(Мягко.)* Женщина, которую я люблю. *(Пауза.)* Ты понимаешь?

Кошка поднимает голову и быстро кивает.

К о ш к а. Понимаю.

Она садится на землю, скрестив ноги. Ее лицо застыло. Через несколько мгновений Том садится рядом с ней. Девушка смотрит на него. Том явно чувствует себя неловко, он молчит. Она пододвигается поближе, сворачивается в клубок и закрывает глаза. Наконец Том обнимает ее за плечи. Кошка устраивается поудобнее и крепче прижимается к мужчине.

Съемка «из затемнения». Экспозиция: заправочная станция, перед рассветом

Том и Кошка спят. Неожиданно ослепляющий свет ударяет им прямо в лица. Кошка моментально просыпается, Том с трудом приходит в себя и поднимает руку, защищая лицо.

Обратный ракурс глазами Тома

Он смотрит на направленные на него прожектора. Возникают темные фигуры. У них в руках пистолеты. Том слышит знакомый голос.

Т р е й г е р. Вы арестованы.

Возврат к общему плану

Девушка не собирается сдаваться. Она тянется к оружию, но Том перехватывает ее руку.

Т о м. Кошка, не надо.

Кошка не стала драться с Томом. Он забирает ручную пушку.

Т о м. Вот. Мы не вооружены. Не стреляйте.
К а м е р о н. Умный ход, доктор.

Камерон забирает у Тома оружие и засовывает его себе за пояс. За его спиной стоят Трейгер и двое агентов.

Т о м. Как вы нас нашли?

Т р е й г е р. Мы вас не теряли. У нас была одна задача: выяснить, куда она направится.

Агенты заводят руку Кошки назад и надевают наручники, хотя она пытается сопротивляться. Камерон надевает наручники на Тома, который протягивает ему руки.

Т о м. Трейгер, пожалуйста, не делайте этого.

Кошку и Тома насильно ведут к машинам.

Я прошу подождать всего несколько минут. Дверь должна вот-вот открыться. Что вы теряете? Ради бога, послушайте...

Они уже собираются засунуть Тома в машину, когда фары обоих автомобилей неожиданно гаснут.

Крупный план: Кошка

Она первой понимает, что происходит, и начинает отчаянно сопротивляться, пытаясь вырваться на свободу.

Возврат к общему плану

Трейгер колеблется.

Т р е й г е р. Проклятье, держите ее.

Том, который смотрит через плечо Трейгера, первым видит незнакомцев.

Т о м. Трейгер, мы не одни.

Обратный ракурс

Бесшумно, словно призраки, из предрассветной темноты выходят три одетых в черное гончих пса: Зейн, Дайана, Айс. Через мгновение появляется паланкин, закрывший луну. Еще три гончих пса едут в паланкине, охраняя своего хозяина. Тень паланкина скользит по поднятым вверх лицам агентов, потом раздается оглушительный голос Темного повелителя.

Т е м н ы й п о в е л и т е л ь. Отдайте нам женщину.
Т р е й г е р. Кошка, что это за люди?

Т о м. Посмотрите на них, Трейгер. Вы знаете, кто они такие?

Трейгер знает, но не хочет признать очевидное.

Т р е й г е р. Девушка находится под арестом у федеральных агентов. Что вы от нее хотите?

Дайана и Айс направляются к ним.

К а м е р о н. Оставайтесь на месте.

Гончие псы продолжают спокойно идти вперед. Они даже не вооружены. Один из агентов обеими руками поднимает пистолет.

Т р е й г е р. Григгс, сделайте предупредительный выстрел.

Григгс нажимает на курок. Раздается щелчок. В следующее мгновение рядом с ним оказывается Дайана. Она хватает его голову двумя руками и резко поворачивает, раздается треск ломающихся позвонков. Затем сразу несколько событий происходят одновременно. Второй агент нажимает на курок. Пистолет щелкает. Айс сжимает руки в кулаки. Шестидюймовые стальные когти выскакивают из костяшек его пальцев, и он ударяет кулаком в живот противника. Энергетический луч вспыхивает на паланкине, касается сначала одной машины, потом другой. Оба автомобиля взрываются и горят. Зейн прямо сквозь огонь шагает к Кошке. Она отступает, оглядывается. Камерон пытается сражаться с Дайаной. Она легко парирует его удар, заставляет потерять равновесие, он падает на колено, и она, словно сухую спичку, ломает ему спину. Трейгер расстегивает наручники Тома, передает ему ключи.

Уведи ее отсюда.

Том бежит к Кошке. Трейгер поворачивается, и... энергетический луч из паланкина сжигает его на месте.

Крупный план: мужской туалет

Бледно-голубое сияние пробивается сквозь щель в дверях. Кошка ударяет плечом в дверь, но она в наручниках, и ей не удается ее открыть. Том подбегает к ней. В руках у него ключи.

Т о м. Повернись. Стой смирно. *(Расстегивает наручники.)* Нам нужно...

Слишком поздно. Зейн уже рядом. Он презрительно хватает Тома и отшвыривает его в сторону, точно ребенка. Кошка пытается попасть ему пальцами в глаза. Зейн ловит ее руку, она с вызовом смотрит на него.

З е й н. Посмотри. Посмотри на того, кто пощадил тебя и которого ты опозорила.

Том сзади бьет Зейна по затылку.

Т о м. Отпусти ее, сукин...

Зейн резко разворачивается, стремительно атакует Тома, нанося ему один удар за другим. Доктор отброшен назад, он с трудом удерживается на ногах.

Крупный план: дверь (звуковые эффекты)

Кошка распахивает дверь туалета, за ней настоящий хаос, портал, наполненный пульсирующим бело-голубым светом. На него больно смотреть. На фоне света мелькают неясные образы, но глаз не в силах их разглядеть. На мгновение путь открыт. Кошка может уйти. Но она колеблется...

Крупный план: Том

Зейн пытается убить его голыми руками. Том падает на одно колено рядом с трупом Камерона. Зейн хватает его за волосы и поднимает кулак для смертельного удара... и Кошка набрасывается на него сзади, вскочив на спину, принимается колотить обеими руками.

Быстрая смена кадров: дверь

Свет начинает меркнуть, темнеет, становится темно-синим: очевидно, портал закрывается.

Возврат к общему плану

Зейн отрывает от себя Кошку и наносит ей страшный удар тыльной стороной ладони в лицо. Она падает.

Крупный план: Том

Он лежит на земле. С трудом приходит в себя, вытирает текущую изо рта кровь. Видит лежащего рядом Камерона. Подползает к нему и вытаскивает у него из-за пояса ручную пушку.

План со стороны прицела пушки

Том наводит оружие на Зейна, но тот находится слишком близко от Кошки. Тогда Том поворачивает дуло в сторону паланкина и стреляет. Паланкин потрясен мощным взрывом. Темное поле защищает седока, но мы видим, как один из гончих псов с криком падает, объятый пламенем. Через мгновение паланкин с грохотом рушится.

Серия быстрых крупных планов

Гончие псы застыли, охваченные ужасом. Айс и Дайана стояли прямо под паланкином. Они успели посмотреть вверх. Дайана падает на землю и откатывается в сторону. Айс оказывается недостаточно быстрым. Он пронзительно кричит, и паланкин давит его. Зейн бросается на помощь своему хозяину. Том с трудом, шатаясь, подходит к Кошке, убирая пушку. Девушка без чувств распростерта на земле. За ее спиной тускнеет, охваченная пурпурным сиянием, дверь, она почти закрылась. Том хватает Кошку на руки и бежит. Зейн видит, что происходит, и бросается за ними. Слишком поздно. Том прыгает сквозь дверь. Зейн метнулся за ним... и оказался в мужском туалете. Один.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, метель, день

Появляется Том с Кошкой на руках. Он сразу же по колени проваливается в снег, вокруг бушует непогода.

Конец III акта

АКТ IV

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: улица, метель, день

Том несет Кошку на руках, вокруг завывает буря. Сейчас день, но небо темное, солнце скрывают тяжелые тучи. Ветер швыряет снег в покрытое синяками лицо Тома. На заднем плане видны горы. Том дрожит. Он одет слишком легко для такой погоды.

Обратный ракурс глазами Тома

Том медленно поворачивается. Мир состоит из белого безмолвия льда и снега, не видно никакого укрытия.

Возврат к общему плану

На бровях Тома уже образовался иней. Он выбирает случайное направление и идет с Кошкой на руках.

Съемка «из затемнения».
Крупный план: ноги Тома

Он бредет по колено в снегу, взбирается по скользким ледяным склонам, иногда спотыкается, каждый шаг дается ему с трудом, буря продолжает лютовать.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: пещера, день

Не слишком просторный лаз в скале, рядом с которым стоит мертвое дерево. Том вносит Кошку внутрь, укладывает на жесткую землю, но здесь они хотя бы защищены от ветра. Том весь покрыт слоем снега и дрожит от холода. Он собирает упавшие ветки дерева возле входа в пещеру, чтобы развести костер.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: пещера, несколько часов спустя

У входа в пещеру ярко пылает костер. Снег наконец прекратился. Том смывает кровь с лица Кошки при помощи носового платка, увлажненного растопленным снегом.

Крупный план: Кошка глазами Тома

Глаза Кошки открыты. Она смотрит на него.

Том. Доброе утро. Как голова?

Кошка. Болит.

Том. Да. У меня такое впечатление, что мое лицо побывало в мясорубке. У твоего друга Зейна тот еще удар.

Кошка. Не мой друг.

Она пытается встать.

Общий план

Том помогает ей подняться. Она подходит к выходу из пещеры и выглядывает наружу. Перед ней белое безмолвие снега и льда. Кошка вздрагивает и обхватывает себя руками.

Т о м. Мрачное место. Ты уверена, что двери не открываются в обоих направлениях?

К о ш к а. Уверена.

Т о м. Я боялся, что ты это скажешь. *(Устало и безнадежно.)* Похоже, я поменял быструю смерть для нас на медленную.

К о ш к а. Медленная лучше. Больше жить.

Т о м. Даже если только на несколько дней? На несколько часов?

К о ш к а. Даже если.

Она подходит к нему и крепко обнимает. Мы видим слезы в ее глазах.

Крупный план: Кошка

Она обнимает Тома, прижимаясь к нему.

Возврат к общему плану

Наконец Кошка размыкает объятия и отступает на шаг. Мужчина выглядит смущенным. Возможно, он не знает, что означают эти объятия,— или вспомнил Лауру.

Т о м. Нам нужно придумать план. Хвороста надолго не хватит, и мы плохо одеты для катания на лыжах.

К о ш к а. Не знаю катания на лыжах.

Т о м. Ты платишь кучу денег за то, чтобы пристегнуть к ногам две дощечки, и съезжаешь по склону горы.

Он подходит к выходу из пещеры и оглядывает окружающий мир. Черное небо с низкими тучами. Воющий ветер. В лицо ему летит снег. Сверху свисают сосульки.

Не нравится мне, как выглядит небо. Темно в... *(Он смотрит на часы.)* ...В десять двадцать семь. Метель в сентябре.

Крупный план: Том

Том отходит в глубину пещеры, поднимает палку и принимается ворошить костер.

Т о м. Быть может, мы переместились в другое место. Например, в Гренландию... Антарктику...

С е р ж а н т *(высокая чернокожая женщина с грубым низким голосом).* Выбери Вайоминг.

Обратный ракурс

Том резко поворачивается на голос. Перед входом в пещеру стоят пять вооруженных солдат; исхудавшие люди в оборванной форме, бороды покрыты льдом, в глазах застыл страх и голод, сапоги облеплены снегом. Их ружья направлены на Тома и Кошку. Сержант протягивает руки к огню.

С е р ж а н т. Хорошо. Тепло. Знаешь, огонь виден на мили.

Крупный план: Кошка

Она отступает. Бросает взгляд на ручную пушку, которая осталась лежать на земле, и готовится прыгнуть за ней.

Возврат к общему плану

Сержант прекрасно понимает, что она собирается сделать.

С е р ж а н т. Девочка, если ты собираешься подобрать пистолет, то очень скоро будешь мертвой.

Кошка застывает на месте.

С о л д а т. Что будем с ними делать?

С е р ж а н т. Отведем в лагерь, пусть капитан посмотрит. *(Тому.)* Собирайте свою еду и надевайте одежду.

Т о м. У нас ничего нет.

С е р ж а н т *(недоверчиво).* В таком случае вам обоим предстоит долгая и холодная прогулка.

На лице Тома отражается отчаяние.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: лагерь, тот же день

Маленький военный лагерь разбит возле склона холма. Палатки, грубо сколоченные хижины, посреди лагеря выкопана огромная яма для кострища. По периметру лагеря, в качестве защиты от снега, стоят желтый древний школьный автобус, джип и небольшой бронированный грузовик, все в ужасном состоянии. Гораздо большее впечатление производят — к тому же они в лучшем состоянии — два огромных танка на воздушной подушке.

Крупный план: Том и Кошка

Солдаты с любопытством смотрят на приближающихся пленников. Если считать солдат, захвативших Кошку и Тома, их двадцать человек. Среди них несколько женщин, но мужчин в три раза больше. Их «форму», потертую, покрытую множеством заплат, нельзя назвать формой в буквальном смысле слова. У нескольких тяжелые парки с капюшонами; один мужчина одет в побитое молью меховое пальто; остальные кутаются в самые разные одежонки.

Крупный план: джип

Мимо проходят Том и Кошка. На джипе установлен пулемет. Сейчас он разобран. Уолш, солдат с густой черной бородой, одетый в оторочененную мехом парку, занимается чисткой и сборкой. Увидев Кошку, он соскакивает на землю, чтобы ее рассмотреть.

У о л ш. Вы только посмотрите. Возможно, снежные патрули не такие уж и бесполезные.

Он встает перед Кошкой, берет ее за подбородок. Девушка равнодушно смотрит на него.

У о л ш. У тебя есть имя, красотка?

С е р ж а н т. Угомонись, Уолш. И займись делом. Ты должен был почистить и привести в порядок пулемет час назад.

У о л ш. Я бы с удовольствием почистил и привел в порядок эту красотку.

Т о м. На твоем месте я бы с ней не связывался. Она кусается.

С е р ж а н т. Слушай, что он говорит. Я хочу, чтобы пулемет был в порядке к обеду.

Уолш с дерзким видом поворачивается к сержанту спиной.

У о л ш. А зачем? Ты думаешь, это имеет какое-то значение? И в кого, черт возьми, мы будем стрелять? В снежного человека?

С е р ж а н т. Ты получил приказ.

Вокруг собираются другие солдаты, чтобы понаблюдать за конфликтом. Среди них женщина, на одном из последних месяцев беременности. Несколько человек демонстрируют, что они согласны с Уолшем.

У о л ш. Плевать я хотел на твои приказы. Все это патрулирование, муштра, чистка оружия — зачем оно нам?

К а п и т а н. Только так мы сможем выжить, Уолш.

Обратный ракурс — хижина

Высокий мрачный человек могучего телосложения выходит из хижины. Капитан одет в тяжелую парку с капюшоном, который частично скрывает лицо.

К а п и т а н. Снег — наш враг. Холод — наш враг. Но самый страшный враг — отчаяние. Ты устал жить, Уолш?

Крупный план: Том

Он со странным выражением лица пристально смотрит на капитана, словно узнает его.

Возврат к общему плану

Уолш сжался, он немного побаивается капитана.

У о л ш. Нет, сэр.

К а п и т а н. Умереть легко. Нужно лечь на снег — и все. Жить труднее. Для этого требуется мужество, работа, дисциплина. Ты хочешь жить?

У о л ш. Да, сэр.

К а п и т а н. Тогда принимайся за работу.

Уолш салютует и залезает обратно в джип. Капитан поворачивается к сержанту.

Сержант, что это за люди?

С е р ж а н т. Капитан, мы нашли их в пещере возле южной гряды.

К а п и т а н. Пусть идут в хижину.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: хижина капитана

Мебель в хижине примитивная и потертая. В очаге горит огонь. Сержант и один из солдат вводят Тома и Кошку в хижину. Капитан опускает капюшон. Мы впервые видим его лицо. Спутанные волосы свисают до плеч. В темной бороде попадаются седые пряди, тем не менее лицо вполне узнаваемо. Том и Кошка переглядываются.

Т о м *(ошеломленно)*. Трейгер.

Крупный план: капитан

Он хмурится и на секунду теряет самообладание.

К а п и т а н. Где вы слышали мое имя?

Т о м. Я... вас знаю.

К а п и т а н. До войны? *(Задумчиво.)* Нет. Вы слишком молоды. *(Пауза.)* Имена для мирного времени. Я — капитан. *(Сержанту.)* Они были вооружены?

С е р ж а н т. Мы нашли это в пещере.

Она передает оружие Кошки и две запасные обоймы капитану, который внимательно их осматривает.

К о ш к а. Мое! Отдай!

Солдаты ее останавливают, когда она делает шаг вперед.

К а п и т а н. Любопытно. Значит, враг теперь *так* вооружен?

Т о м. Мы не враги.

К а п и т а н. Ну, это еще нужно проверить.

Т о м. Ваш сержант сказала, что это Вайоминг.

Капитан бросает на Тома долгий любопытный взгляд.

К а п и т а н. Это Горный свободный штат. Или то, что от него осталось.

Т о м. Горный... Капитан, что произошло?

Кошка все поняла; это очевидно.

К о ш к а. Война.

К а п и т а н. Двадцать девять лет войны.

Т о м *(шокированно)*. Двадцать девять...

К а п и т а н. Ты меня слышал. *(Переходит на деловой тон.)* А теперь моя очередь. Я бы хотел получить ответы. Зачем вы здесь? И откуда вы взялись?

Т о м. Из Лос-Анджелеса.

К а п и т а н. Неужели я похож на дурака? Лос-Анджелеса не существует. *(Сержанту.)* Вы нашли их запасы?

С е р ж а н т. У них только та одежда, которую вы видите, а продовольствия нет вообще.

К а п и т а н. А как насчет средства передвижения?

К о ш к а. Шли.

Капитан вопросительно смотрит на Тома, тот пожимает плечами.

Т о м. Э... не хочется вас разочаровывать, но так и было.

К а п и т а н *(вставая)*. Вы либо безумцы, либо лжецы. У нас нет продовольствия для таких людей. Сержант, отведите этого мужчину и...

Капитан замолкает, когда женщина-солдат врывается в хижину, она испугана.

Ж е н щ и н а-с о л д а т. Капитан! У нее начались схватки. Что-то не так.

Т о м. Отведите меня к ней.

Никто не пошевелился.

Т о м. Я врач. Я могу помочь...

Капитан с сомнением смотрит на Тома. Мы слышим крик. Капитан принимает решение. Он кивает, и Том выскакивает из хижины вместе с женщиной-солдатом.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: женская хижина, позднее

Свечи и факел являются единственным источником света. В хижине живут пятеро женщин-солдат. На одной из коек тяжело дышит роженица Уитмор. Сержант и другие женщины остались в хижине, чтобы помочь, но, кроме Тома, мужчин здесь нет. Он стоит на коленях между ног Уитмор. Кошка у двери с любопытством — как и положено кошке — наблюдает за происходящим.

У и т м о р. Как больно... о, пожалуйста... как больно...

Т о м. Тужься. Вот так. Давай, кричи, если хочешь.

Она кричит. Том не обращает внимания, концентрируется.

Слушай меня. У тебя ягодичное предлежание плода. Я намерен попытаться перевернуть ребенка. Будет больно. Ты готова?

Прикусив губу, женщина кивает. Все ее лицо покрыто потом.

Вот так, начали.

Крупный план: Кошка

Она наблюдает с испуганно-безумным видом. Следующий крик Уитмор оказывается особенно пронзительным. Кошка бледнеет, поворачивается и выскакивает из хижины.

Экспозиция: женская хижина

Кошка с разбегу натыкается на капитана, который вместе с несколькими мужчинами ждет возле хижины. Тот ловит ее за руки и останавливает.

К а п и т а н. Что случилось?

Кошка дико качает головой; она не может произнести ни слова и, вырвавшись из рук капитана, убегает.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: улица, женская хижина, позднее

Капитан и остальные мужчины ждут. В хижине стало тихо. Наконец из нее выходит сержант.

С е р ж а н т. Девочка.

Капитан кивает. На его лице ничего не отражается.

К а п и т а н. А как Уитмор?

С е р ж а н т. Доктор говорит, что она выживет. Капитан, она хочет видеть вас.

Капитан входит в хижину.

Экспозиция: женская хижина

Мать укачивает на руках новорожденного ребенка. Она выглядит усталой и измученной, но счастливой. Том вытирает руки.

У и т м о р. Посмотри на нее, Джон. Она красивая, правда? Ты хочешь ее подержать?

Капитан слегка смущен. Он не знает, что сказать. Женщина прижимает дочь к груди.

С ней все будет хорошо, да?

К а п и т а н. Да, она будет в порядке. Мы двинемся на юг, как только позволит погода. К югу от Мехико все еще тепло. В океанах полно рыбы, а в зеленых долинах пища растет прямо на земле. *(Нежно касается головки ребенка.)* Я обещаю тебе, Уитмор. Она вырастет под голубыми небесами. Она будет есть мед, ездить на лошадях и играть на солнце. Я обещаю тебе.

Крупный план: Уитмор

В ее глазах слезы. Слезы радости, слезы печали? Быть может, все смешалось. Она прикусывает губу и кивает.

У и т м о р. Я хочу назвать ее Евой. Это будет новый мир, верно? И она первая...

К а п и т а н. Хорошее имя.

Уитмор улыбается.

Возврат к общему плану

Капитан встает и поворачивается к Тому.

К а п и т а н. Доктор, я хочу сказать тебе пару слов снаружи.

Том выходит следом за ним из хижины.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, женская хижина

Капитан поворачивается к Тому. Сержант стоит неподалеку и прислушивается к их разговору.

К а п и т а н. Значит, ты действительно врач.

Т о м. А не лжец и безумец?

Кошка, которая пряталась за углом хижины, слышит голос Тома и потихоньку подходит поближе. Она слушает.

К а п и т а н. Возможно, ты един в трех лицах. Это не имеет значения. *(Видит прячущуюся Кошку.)* Подойди к нам.

Кошка смущенно приближается.

Т о м. Кошка, с тобой все в порядке? Почему ты убежала?

К о ш к а. Слишком много боли. Смерть.

Т о м. Рождение ребенка не приводит к смерти, Кошка.

К о ш к а. Нет смерти?

Т о м. Нет смерти.

К а п и т а н. И ты имеешь к этому прямое отношение. Нам нужен врач. И нам всегда нужны женщины. Вы оба мобилизованы. Сержант, объясните условия зачисления на военную службу.

Капитан уходит. За дело берется сержант.

С е р ж а н т. Три пункта. Первое — ты выполняешь приказы. Второе — ты служишь до тех пор, пока нам нужен. Третье... наказание за дезертирство — смерть.

На лице Тома появляется мрачное выражение.

К о н е ц IV а к т а

АКТ V

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: улица, танк на воздушной подушке, день

На танке сложены ящики с консервами, хворост, пожелтевшие пачки старых газет, кипы старой одежды. Интендант, щекастый и небритый, сбрасывает на землю груду одежды.

И н т е н д а н т. Вот так. Когда надеваешь шесть, восемь рубашек, кому нужно пальто, верно?

Кошка засовывает палец в дырку, нюхает пятно возле дырки.

Сама подумай, какова вероятность, что еще одна пуля попадет в то же самое место, верно?

Кошка начинает надевать на себя рубашки, одну за другой. Пятна крови ее совершенно не смущают.

Т о м. Нам нужны теплые носки.

И н т е н д а н т. Поищите магазин «Пять за десятицентовик».

Интендант передает им две винтовки.

Вот ваше оружие. И не вздумайте его потерять. Если появится враг, сможете стукнуть его винтовкой.

Кошка нетерпеливо хватает винтовку, тут же проверяет затвор.

Т о м. Ты хочешь сказать, что патронов нет?

Интендант смеется так, словно услышал ужасно забавную шутку.

Но какой толк от винтовки без патронов?

С е р ж а н т *(задумчиво улыбаясь)*. Мы смогли вас поймать.

Том ухмыляется.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: столовая палатка, вечер

Том и Кошка в новой «форме», такой же оборванной, как и у остальных, получают от повара оловянные тарелки с консервированными бобами и мясом, после чего садятся на свободное место за длинным столом. Кошка берет мясо руками, рвет его зубами. Она голодна.

К о ш к а *(с полным ртом)*. Хорошо. Горячее. Ешь, Тоэ Мас.

Она улыбается Тому, продолжая рвать мясо. Потом она вытирает губы рукавом. Том протягивает ей вилку.

Т о м. Напомни, чтобы я научил тебя пользоваться вилкой.

Он берет нож и пытается разрезать мясо. Оно жесткое. Теперь пришел черед веселиться Кошке.

К о ш к а. А ты зубами. Лучше, чем вилка.

Ее улыбка исчезает, когда рядом с ней усаживается интендант. Она пытается его игнорировать.

И н т е н д а н т. А твоя подружка проголодалась.

Т о м. Она не моя подружка.

И н т е н д а н т. Тем хуже для тебя. Такая симпатичная девушка не будет мерзнуть по ночам. *(Кошке.)* Навести меня сегодня ночью, тебе будет тепло и хорошо. Возможно, я найду тебе пару носков.

Он пододвигается поближе к Кошке.

Крупный план: нога Кошки

Под скамейкой интендант кладет руку ей на колено, а потом его рука начинает медленно ползти вверх.

Крупный план: Кошка

Она бросает косой взгляд в сторону. Больше интендант не получает никакого предупреждения. Одна его рука оказывается под столом, а другая на столе.

И н т е н д а н т. Раньше я дарил девушкам розы. А, розы, носки, какая разница? Они пахнут.

Он смеется собственной шутке. Кошка берет вилку и с размаху втыкает ему в руку. Интендант с криком вскакивает, прижимая к груди окровавленные пальцы.

Моя рука...

Кошка ухмыляется Тому, ее глаза сверкают.

К о ш к а. Знаю, как пользоваться вилкой. Видишь.

И н т е н д а н т. Ах ты, грязная маленькая...

Т о м *(вставая)*. Не трогай ее.

Сержант кладет руку ему на плечо, успокаивая Тома.

С е р ж а н т. Вольно, Лейк. Тиммс, возвращайся на танк.

И н т е н д а н т. Я пытался с ней по-хорошему.

Остальные солдаты не слишком ему сочувствуют.

Ж е н щ и н а-с о л д а т. В следующий раз она воткнет тебе вилку между ног.

Интендант бросает на них злобный взгляд и выходит. Том садится на место.

С е р ж а н т. Он был когда-то хорошим человеком. *(Пожимает плечами.)* Когда мы двинемся на юг, станет лучше.

За ее спиной презрительно смеется Уолш.

У о л ш. Да? Когда же мы отправимся в путь, сержант? Завтра? Послезавтра? *(Пауза.)* Посмотрите правде в глаза. Мы никогда не отправимся на юг. Мы провели здесь уже восемнадцать месяцев. Мы здесь умрем.

Ж е н щ и н а-с о л д а т. Капитан говорит, что как только погода наладится...

У о л ш. Ничего не наладится. Только нам придет конец. У нас нет патронов, нет топлива, рано или поздно подойдут к концу запасы пищи. Мы все мертвецы.

Он выходит из палатки, за ним следуют еще двое солдат, явно согласных с Уолшем. Все молчат.

Т о м. Ваши средства передвижения... эти танки на воздушной подушке...

С е р ж а н т *(устало)*. Они вышли из строя восемнадцать месяцев назад. А все остальное еще раньше. Нам нужно преодолеть тысячи миль, и у нас нет транспорта.

К о ш к а. Идти.

С е р ж а н т. Даже если мы сумеем пробиться сквозь вьюгу и не замерзнем до смерти, нам не унести с собой запасы еды, которые необходимы.

Ни у кого не находится мужества возразить. На лицах всех присутствующих застыло отчаяние. Сержант встает.

Лейк, сегодня ночью ты дежуришь.

Т о м. А откуда ты знаешь, что я не сбегу?

С е р ж а н т *(с горьким смехом)*. И куда, черт побери, ты побежишь?

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: лагерь, ночь

Том в рваной одежде, с винтовкой за плечом, обходит лагерь. Его дыхание белым облачком поднимается в холодном ночном воздухе. Он выглядит замерзшим, несчастным и одиноким. Ночь выдалась холодной и тихой. Воет ветер. Том пытается согреть голые руки под мышками. Ничего не получается. Он вытаскивает из кармана бумажник.

Крупный план: руки Тома

Он открывает бумажник с фотографией Лауры.

Возврат к общему плану

Том долго смотрит на фотографию. Он прошел долгий путь, возможно, обратной дороги нет. В первый раз он думает об этом. Его лицо искажается от боли. Шум движения.

Т о м. Эй? Кто здесь?

Никакого ответа. Он быстро прячет фотографию и срывает с плеча винтовку.

Камера вместе с Томом поворачивается на шум

Вновь шум движения. Кто-то осторожно идет со стороны засыпанных снегом танков. Том осторожно крадется мимо желтого автобуса и останавливается. Приглушенный удар и стон. Том набирается мужества и бежит к кабине танка. Он находит возле кабины лежащего без сознания интенданта. Том ошеломленно на него смотрит. Из кабины высовывается голова Кошки.

К о ш к а. Тихо, Тоэ Мас. Громко шумишь. Слишком громко.

Т о м *(удивленно)*. Кошка, что ты...

Она открывает дверь, хватает его за руку и втаскивает в кабину.

К о ш к а. Молчи. Залезай сюда.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: кабина танка

Кошка зажигает спичку. Ничего необычного: приборы, рычаги.

Т о м *(шепотом)*. Что ты здесь делаешь?

К о ш к а. Смотрю. Вижу.

Она гасит спичку и поворачивается к Тому.

Теперь уходим.

Кошка одна за другой задирает рукава своих многочисленных рубашек, затем поднимает руку. Загорается голограмма. На ее ладони медленно вращается мир; незнакомые символы бегут по поверхности глобуса; свет вспыхивает возле Монтаны.

Т о м. Другая дверь? Куда?

К о ш к а. Наружу.

Т о м *(разочарованно)*. Отсюда — но куда? Ты можешь знать, куда она нас приведет?

К о ш к а. Пройдем. Узнаем.

Т о м. Кошка, существует ли дверь обратно? Я смогу вернуться домой?

К о ш к а. Знать нет. Может быть. Может быть, эта дверь.

Том изучает местоположение двери.

Т о м. Где-то в Монтане. Когда она откроется?

Кошка опускает руку. Голограмма гаснет.

К о ш к а. Два дня. Идти сейчас.

Т о м *(разочарованно)*. Это слишком далеко, Кошка. По меньшей мере сто миль. Нам повезет, если мы сумеем пройти за день десять миль.

К о ш к а. Не ходить. Возьмем это.

Она касается рукой одного из рычагов.

Т о м. Но у них нет топлива, ты забыла?

К о ш к а. Починим.

Т о м. Кто? Ты?

К о ш к а. Знаю как. Зейн учил. Батареи.

Тому требуется некоторое время, чтобы понять, о чем она говорит.

Т о м. Батареи — вот ты о чем! *(Улыбается.)* Кошка, я готов тебя поцеловать.

К о ш к а. Не знаю целовать. Сейчас едем, целовать потом.

Т о м *(неожиданно его охватывают сомнения).* Подожди, а как же пища... *(Пауза.)* Вся их пища здесь. Если мы ее заберем, эти люди умрут.

К о ш к а. Умрут и так. Быстро, медленно. Все равно.

Т о м. В пещере ты говорила по-другому. Помнишь? Тогда ты думала, что жизнь чего-то стоит, даже если это всего несколько дней или даже часов...

На лице Кошки появляется упрямое выражение. Ей не нравится, что Том повторяет ее собственные слова.

К о ш к а. Тогда по-другому. Тогда про нас. Сейчас про них.

Том в ужасе смотрит на нее, возможно, он только теперь понимает, как силен в ней инстинкт самосохранения.

Т о м. Они люди, Кошка. Такие, как мы. В лагере ребенок, которому всего шесть часов. Ребенок, которому я помог появиться на свет. Я не стану приговаривать их к смерти.

Кошка не понимает.

К о ш к а. Уезжаем сейчас! Быстро!

Т о м. Тогда уезжай одна.

К о ш к а. И ты.

Т о м. Я не поеду, Кошка.

Девушка в ярости. На ее лице появляется жесткое выражение.

Т о м *(негромко, но твердо).* Нет.

Они молча смотрят друг на друга. Наконец девушка опускает глаза.

К о ш к а *(сдаваясь).* Тогда и я — нет.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: улица, хижина капитана, ночь

Том вместе с Кошкой входят в хижину. В окнах не горит свет, кажется, капитан спит.

Экспозиция: хижина капитана

Внутри хижины царит темнота. Мы с трудом различаем фигуры Тома и Кошки, которые проходят мимо окна. Кошка нервничает.

К о ш к а. Слишком темно.

Т о м. Капитан? Вы не...

За его спиной вспыхивает спичка. Капитан не спит. Он сидит за столом, в руке зажат револьвер. Другой рукой он зажигает свечу. Хижина наполняется мерцающим светом.

К а п и т а н. Оставайтесь на месте. Не сомневайтесь, этот пистолет заряжен.

Т о м. Мы думали, вы спите.

К а п и т а н. Вы ошиблись.

Капитан откидывается на спинку стула. Он продолжает держать под прицелом Тома и Кошку. Ручная пушка Кошки лежат на столе перед ним.

Странно. Я скорее поджидал Уолша и его приятелей.

Т о м. Ожидали Уолша?..

К а п и т а н. Ожидал, что он попытается меня убить. Самый надежный способ получить повышение.

Т о м. Но мы не собираемся вас убивать. Мы хотим поговорить.

К а п и т а н. Да. Ты похож на человека, который гораздо лучше говорит, чем убивает. И твоя подружка с тобой...

К о ш к а. Не моя подружка.

Том удивлен, услышав эти слова.

Т о м. Уже неплохо, Кошка, но тебе еще нужно поработать над местоимениями. *(Капитану.)* Капитан, это правда? Насчет теплого места на юге...

К а п и т а н. Я знал человека, который знал человека, видевшего это собственными глазами. *(Пожимает плечами.)* Людям необходима надежда, если они хотят выжить.

Т о м. Могу я вам кое-что показать?

Капитан кивает. Том подходит к столу, берет один из цилиндров и снимает с него крышку.

Крупный план: рука Тома

Он держит обойму так, чтобы капитану было все видно. Внутри сияет неяркий красный огонек батареи, которая пульсирует энергией. Капитан наклоняется вперед, на его лице любопытство мешается с недоумением.

Капитан. Что это такое?

Том. Надежда...

Капитан смотрит в лицо Тома, кладет пистолет на стол.

Капитан. Я слушаю.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: улица, горы, ночь

Черное небо над неподвижными белыми снегами. Все застыло в неподвижности, кроме ветра. Неожиданно мы слышим хлопок, резкий, точно удар грома. Из пустоты появляется паланкин Темного властелина. Три оставшихся в живых гончих пса — Зейн, Дайана и вторая женщина, Джейл,— держатся за борта заметно поврежденного паланкина. Зейн соскакивает на снег, он двигается с легкостью пантеры. Охота возобновляется.

Конец V акта

АКТ VI

Съемка «из затемнения». Экспозиция: лагерь, утро

В лагере кипит напряженная работа. Солдаты откапывают засыпанный снегом желтый автобус, укрепляют грузы на танках, разбирают джип, чтобы починить остальную технику. В отчаявшуюся маленькую армию вдохнули новую жизнь.

Крупный план: Кошка

Девушка возится с двигателем платформы на воздушной подушке, вся перемазавшись машинным маслом. На ее грязном лице застыло напряженное внимание. Она молча протягивает руку. Женщина-солдат, которая ей помогает, вкладывает батарею в ладонь. Кошка вставляет ее на место.

Возврат к общему плану

Интендант с перевязанной головой и рукой заглядывает в окошко кабины. Он возбужден.

Интендант. Заряжается! Бог мой, вы только посмотрите, стрелка на середине шкалы!

Кошка спрыгивает на снег, вытирает руки тряпкой и кивает.

Сержант. Проверь вентилятор. *(Кричит.)* Отойдите в сторону! Мы попытаемся поднять...

Солдаты разбегаются. Интендант делает глубокий вдох и включает зажигание. Раздается пронзительный вой... а еще через несколько мгновений с ревом начинает работать турбина, приходят в движение огромные лопасти воздушной подушки. Медленно, величественно танк поднимается в воздух. Солдаты радостно кричат. Кошка вдруг оказывается в окружении людей. Они хлопают ее по спине, пожимают руку. Сначала она ошарашена. Затем понимает, что происходит, и на ее лице появляется несмелая улыбка.

Сержант. Один готов. А теперь посмотрим, что можно сделать с другим танком.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: улица, школьный автобус, несколько часов спустя

Солдаты забираются в автобус с винтовками и вещевыми мешками. Несколько человек сцепляют автобус с танком. Кошка и Том ждут, пока капитан разговаривает с сержантом.

Капитан. Постарайся как можно дальше продвинуться внутрь старого штата, но держись в стороне от Денвера. Там еще слишком жарко.

Сержант. Есть, сэр.

Капитан. Я присоединюсь к вам не позже воскресенья. Если меня не будет на месте встречи в течение этой недели, дальше двигайтесь без меня. Ты все поняла?

Сержант. Капитан, мы бы предпочли...

Капитан. Все ясно?

Женщина кивает.

Вы продолжаете движение. При любых обстоятельствах. Турбины могут сгореть. Поэтому вам необходимо продвинуться как можно дальше на юг.

Уитмор собирается сесть в школьный автобус. Она держит на руках свою маленькую девочку, завернутую в ворох одежек. Женщина останавливается, чтобы попрощаться.

У и т м о р. Доктор... спасибо вам... за все.

Т о м. Заботься о ней хорошо, слышишь меня?

Она легко целует Тома. Кошка, нахмурившись, наблюдает за ними.

У и т м о р. И тебе, Кошка, спасибо. *(Обращается к капитану.)* Я... я бы хотела, чтобы ты отправился с нами.

К а п и т а н. Я не задержусь. Сержант о вас позаботится.

Уитмор кивает. Она выглядит смущенной. Наконец она поворачивается, чтобы подняться в автобус.

К а п и т а н. Уитмор... *(Она останавливается.)* Могу я... ее подержать?

Уитмор передает ему ребенка. Капитан нежно берет девочку на руки.

У и т м о р. У нее твои глаза.

Капитан возвращает ребенка и целует Уитмор. Поцелуй получается нежным и страстным, он продолжается довольно долго. Кошка с любопытством наблюдает за ними.

Т о м. Это поцелуй, Кошка. Они целуются.

Уитмор плачет. Даже глаза капитана стали влажными. Они с усилием отрываются друг от друга.

К а п и т а н. Отвези ее туда, где тепло, любовь моя.

Женщина кивает и садится в автобус. По ее щекам катятся слезы.

К о ш к а. Поцелуй больно?

Т о м *(улыбается)*. О, я бы так не сказал.

Быстрая смена кадров.
Крупный план: буксировочные цепи

Турбины воют, лопасти ревут. Танк поднимается над землей. Цепи звенят и натягиваются. Сейчас начнется долгое путешествие на юг. Однако несколько мгновений автобус не двигается с места. Оказывается, он примерз к земле, колеса покрыты слоем льда и снега. Вой турбин становится более высоким, цепи натянуты до предела. Тщетно. Наконец лед на колесах лопается, огромные шины начинают поворачиваться. Том и Кошка наблюдают за танком и автобусом, которые медленно набирают скорость. Открывается окошко в автобусе, и высовывается голова Уолша.

У о л ш. Эй, Кошка...

Она бросает на него угрюмый взгляд.

Ты сделала из меня вруна, куколка. Я кое-что тебе должен.

И он выбрасывает в окно свою тяжелую теплую парку, которая падает у ног Кошки. Она с удивлением подхватывает подарок.

Сохрани ее. Там, куда я направляюсь, будет тепло.

Автобус проезжает мимо. Кошка смотрит ему вслед.

Т о м. Пошли. Капитан ждет.

Обратный ракурс — через плечо Тома

Мы видим огромный, побывавший во многих сражениях танк, двигатели которого уже успели прогреться. Они направляются к нему, Кошка на ходу надевает парку.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: лагерь, несколько часов спустя

Пустые хижины и брошенные машины одиноко стоят на снегу. Дайана поднимается на холм, где ее ждет Темный повелитель в паланкине, сверху глядящий на лагерь. Дайана начинает доклад. Джейл и мрачный Зейн слушают.

Д а й а н а. Военный лагерь, милорд. Брошен недавно. Вот что я нашла.

Крупный план: рука женщины

Она разжимает пальцы. На ее ладони два черных цилиндра.

З е й н. Цилиндры от ручной пушки.

Д а й а н а. Все источники питания вынуты. Теперь они бесполезны.

З е й н. Однако теперь мы точно знаем, что они здесь побывали.

Возврат к общему плану

Темный повелитель. И она вновь исчезла!

Дайана. Одна группа отправилась на север, другая — на юг.

Зейн. Следующая дверь на севере. Кошка побежит туда.

Темный повелитель. Тогда те, кто отправился на юг, нам не нужны. Дайана, веди нас на север.

Она склоняет голову, но в разговор вступает Зейн.

Зейн. Милорд, ваш аппарат поврежден. Путешествие будет медленным. Они могут первыми добраться до двери.

Темный повелитель. Молись, чтобы мы успели, Зейн. Ты уже дважды ошибся, ты опозорен. Я должен ее заполучить или возьму вместо нее тебя.

Зейн. Пошлите меня вперед. Она должна обойти горы, а я смогу сократить путь и опередить ее.

Темный повелитель. Пусть так и будет. И не причиняй ей вреда. Она послужит моим удовольствиям, а не твоей пустой человеческой гордости.

Зейн. Слушаю и повинуюсь.

Зейн садится на аутрайдер, напоминающий мотоцикл, стоящий в задней части паланкина. Он включает управление. Передняя секция аутрайдера перемещается в сторону и отсоединяется от паланкина.

Темный повелитель. И помни, пес, третьей неудачи быть не должно. Мое милосердие не беспредельно.

Зейн склоняет голову. И вот уже аутрайдер мчится по снегу, быстро и бесшумно.

Быстрая смена кадров. Экспозиция: горы, день

Танк перемещается на север, в сторону гор. Вокруг расстилаются ледяные пустоши.

Экспозиция: танк, день

Внутри танка тесно и холодно. Машина в плохом состоянии; видны почерневшая от копоти панель управления, следы ремонта. Громко шумят лопасти. Танк ведет капитан. Том сидит на месте стрелка, Кошка скорчилась у его ног.

Том. Вот о чем я размышлял. Вы сказали, что это продолжается двадцать девять лет. Из чего следует, что война началась в...

Капитан. В октябре тысяча девятьсот шестьдесят второго года. Но то была не моя война.

Том *(он успел понять, что произошло)*. Кубинский кризис... Советы так и не отступили, верно?

Капитан устало кивает.

Насколько серьезными были последствия?

Капитан. Мы потеряли несколько городов. Бостон, Денвер, Вашингтон... но мы одержали победу. Новый президент — Макнамара*, если я не ошибаюсь. Люди танцевали на улицах. Повсюду висели флаги, шли парады победы, начался второй бум рождаемости... Господи, какими глупцами мы были!

Том. А потом... выпадение радиоактивных осадков.

Капитан. Ядовитые дожди. Неурожаи. Страшный голод в городах. Людям было некуда деваться. Во всей Америке отключилось электричество.

Кошка. Темные повелители...

Том. При чем здесь они? Здесь люди сами все себе устроили.

Капитан. Самое тяжелое положение сложилось с пищей. А зимы все время становились более длинными и холодными.

Он покачал головой, словно пытался избавиться от воспоминаний. Неожиданно взревел клаксон, танк затрясся. Над панелью управления начал подниматься дымок. Кошка заткнула уши руками. Капитан схватил огнетушитель, сорвал панель и принялся поливать горящую проводку. Раздался скрежет, двигатель остановился, танк рухнул на землю. Дым повалил сильнее.

Лейк, открывай люк. Шевелись! Пока мы все тут не задохнулись...

---

* Макнамара Роберт Стрейндж (р. 1916) — министр обороны в администрации Кеннеди и Л. Джонсона (1961–1968).

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: улица, танк

Дым идет из распахнутого люка, Том вылезает наружу. Потом помогает вылезти Кошке. Последним выбирается капитан, держа у лица кусок ткани и кашляя.

Том. Что произошло?

Кошка. Огонь, Тоэ Мас.

Том. Ну, это я и сам понял.

Капитан. Перегрузка. Эту штуку следовало прикончить много лет назад.

Том. Мы сможем его починить?

Капитан оглядывается по сторонам. Вокруг лишь горы, снег и лед.

Капитан. А у нас есть выбор?

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: другая часть гор

Зейн едет на аутрайдере вдоль подножия гор. На его мрачном лице застыло неумолимое выражение. Он перемещается с очень высокой скоростью. Перед ним высятся горы.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: улица, танк, вечер

Капитан уже много часов пытается починить танк. Кошка сидит на башне, исполняя обязанности часового. Когда Капитан вылезает наружу, она спрыгивает на землю, чтобы узнать новости.

Том. Как дела?

Капитан мрачно вздыхает.

Капитан. Я бы кое-что мог сделать, если бы сумел заменить сгоревшую часть цепи. Вот в чем проблема.

Он бросает какой-то предмет Тому, который его ловит.

Крупный план: рука Тома

Он держит почерневший мертвый аккумулятор.

Возврат к общему плану

Кошка подходит поближе. Том с мрачным видом передает ей аккумулятор.

Капитан. Неисправная панель привела к перегрузке. Нам нужен другой аккумулятор.

Том. У нас нет другого аккумулятора. У нас осталось лишь два заряда. *(Оглядывая пустынный пейзаж.)* Что будем делать?

Они беспомощно смотрят друг на друга.

Капитан. Мы умрем.

Тома пугает отчаяние в голосе капитана. Если этот человек сдастся, их положение станет совершенно безнадежным. Голос капитана звучит устало.

Забавный способ умереть. Я всегда считал, что погибну в сражении. Смертью солдата... *(Пауза.)* Мой отец был солдатом, и дед. Для них главными были честь, мужество и защита своей страны от врага. А потом началась война, и не осталось страны, а враги, которых я убивал, оказались людьми, которых я защищал годом раньше. *(Пауза.)* В этой войне все было неправильно. Даже смерть.

Том не знает, что сказать, но тут в разговор вступает Кошка.

Кошка. Сейчас не умирать.

Она вытаскивает ручную пушку и достает патрон — последний — и передает его капитану. Он берет патрон из ее руки, понимая, что это означает.

Капитан. Без патрона твое оружие бесполезно.

Том. Кошка, ты уверена?

Кошка. Уверена.

Капитан. Ты остаешься без защиты. Если твои враги тебя найдут... эти Темные повелители, о которых ты рассказывала... ты не сможешь с ними сражаться.

Кошка. Много способов. Лягаться. Кусаться. Бросать камни.

Капитан вынимает из кобуры пистолет и вкладывает его в руку Кошки.

Капитан. Вот, возьми. Там осталось всего четыре пули, но и это кое-что. Оставь себе.

Кошка берет пистолет и разглядывает его.

Кошка. Кое-что. Лучше камней. *(Прячет под паркой.)* Чинить. Пора ехать.

Капитан возвращается в танк.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: склон скалы, вид сверху, ночь

Злой ветер воет, ударяя в гладкую поверхность обледеневшей скалы. Земля далеко внизу, вершина теряется в темноте. Появляется рука, которая с трудом находит опору. Потом возникает Зейн. По его пальцам течет кровь, лицо покрыто инеем, однако он продолжает подниматься. Зейн скрывается из виду.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: горный перевал, следующий день

Танк медленно ползет вверх по пологому склону и останавливается перед узким проходом между двумя каменными стенами, покрытыми льдом. Через несколько мгновений открывается люк. Первой наружу выбирается Кошка, за ней Том и капитан. Кошка остается стоять на танке, высвобождает браслет и сканирует. Голубое сияние становится особенно ярким, когда она поворачивает руку к проходу.

Кошка. Сюда. Нужно сюда.

Капитан. Проход слишком узок.

Он смотрит вверх, на вздымающиеся у них над головами скалы.

Мне не нравится снег. Если мы попытаемся подняться вверх на танке, может сойти лавина.

Том. Кошка, как далеко до двери?

Кошка. Близко. Два хекса, три хекса.

Том. Полагаю, дальше мы сможем дойти пешком.

Капитан. Что ж, так тому и быть. Я должен вернуться к своим людям.

Том. Вы можете пойти с нами.

Капитан. Это мой мир. К тому же... *(Улыбаясь.)* Мне кажется, вы безумны.

Том улыбается. Они пожимают друг другу руки. Потом Том и Кошка спрыгивают в снег, их ноги оставляют глубокие следы. Том теряет равновесие и падает. Кошка помогает ему подняться на ноги. Капитан смотрит им вслед. Они медленно поднимаются вверх по склону. Он захлопывает люк.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: то же самое место, час спустя.
Ракурс глазами Дайаны

Она стоит на коленях возле глубоких следов, оставленных в снегу Кошкой и Томом. Потом поднимается на ноги. Паланкин парит рядом с ней. Существо в темном поле нетерпеливо наклоняется вперед.

Дайана. Они сошли со своей машины и дальше двинулись пешком. Не больше часа назад.

Темный повелитель. Тогда она наша.

Дайана. Что вы с ней сделаете, милорд?

Темный повелитель. Для вас боль коротка и остра, точно крик. Вы не способны слышать музыку боли. Но я могу написать симфонию этими нотами, охотница.

Дайана больше ничего не хочет слышать. Она вскакивает в паланкин. Паланкин проплывает в проход между скалами.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: проход, день

Том тяжело дышит. Даже Кошка раскраснелась от трудного подъема, но когда она видит проход впереди, то начинает двигаться еще энергичнее. Быстро задрав рукав, девушка обнажает браслет и сжимает руку в кулак. Накладки начинают пульсировать: один-два-три, один-два-три.

Том *(тяжело дыша)*. Бинго. Мы его нашли.

Из темноты выходит Зейн.

Зейн. Да, нашли.

Кошка отшатывается назад. Однако уже в следующее мгновение вытаскивает подаренный капитаном пистолет, наводит его обеими руками и стреляет без малейших колебаний. Пуля попадает в плечо Зейну. Он пошатнулся, но тут же с улыбкой выпрямился.

Ребенок нашел себе новую игрушку.

Кровь течет из раны в плече, но Зейн, кажется, не чувствует боли. Том в ужасе.

То, что не убивает меня, только делает сильнее.

Кошка рычит на него и стреляет во второй раз. Теперь она промахнулась. Мы слышим, как пуля с визгом отскакивает от камней.

Боишься? Правильно делаешь. Он приближается, маленькое животное. Ты знаешь, что он с тобой сделает?

Кошка стреляет. Пуля попадает в живот Зейну. Он стонет, наклоняется, рука прижимается к ране — но только на мгновение. Потом медленно выпрямляется, опуская обе руки вдоль тела.

Тебе почти удалось сделать мне больно.

Остался только один выстрел. Кошка намерена его использовать, но Том хватает ее за запястье.

Т о м. Кошка, хватит.

З е й н. Кошка. Да. Я дал ей это имя, человек-тень. Она сказала тебе об этом? *(С нарастающей яростью.)* Я научил ее говорить. Читать. Использовать машины. Я дал ей жизнь. Пищу. Я сделал ее своей подругой.

Т о м *(понимая)*. Так ты любил ее... *(Пауза.)* Отпусти ее, Зейн. Что ты за человек?

З е й н. Не человек. Гончий пес.

За его спиной неожиданно вспыхивает яркий голубой свет, портал открывается.

К о ш к а. Дверь...

З е й н. Верно. Тебе нужно всего лишь пройти мимо меня.

Его руки сжимаются в кулаки, и шестидюймовые стальные шипы выскальзывают из костяшек пальцев.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: в проходе

Темный повелитель направляет паланкин вперед.

Т е м н ы й п о в е л и т е л ь. Быстрее! Быстрее! Дверь открывается. Она не должна спастись. Быстрее!

В полумиле перед ними медленно возникает танк.

А это еще что такое? Вооруженная система. Остановите ее.

Башня танка медленно поворачивается.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: танк

Капитан перемещает рычаги управления, на его лице застыла мрачная улыбка.

К а п и т а н. Добро пожаловать в мой мир, сукин ты сын.

Он нажимает на гашетку.

Экспозиция: улица, танк

Жерло пушки выплевывает пламя. Раздается гром выстрела. Паланкин круто разворачивается, когда снаряд взрывается прямо под ним. Обоих гончих псов выбрасывает наружу. Туман поглощает большую часть взрывной волны, но Темный повелитель рычит от ярости, из его рта вылетают слова чужого языка. Паланкин начинает вести ответный огонь. Огненный луч ударяет в танк, потом еще один и еще. Над перевалом звучат раскаты грома.

Съемка «из затемнения».
Экспозиция: танк, капитан крупным планом

Его отбрасывает в сторону, когда луч ударяет в танк. Приборные огни гаснут, двигатель отключается. Танк с грохотом падает на снег.

К а п и т а н. Ну давай, стреляй. Попади в меня еще раз. Давай, еще.

Новое попадание.

Да!

Капитан улыбается. Он слышит новый звук: низкий, угрожающий рокот, доносящийся сверху.

Камера снимает сквозь туман

Темный повелитель тоже слышит гул. Внутри тумана огромная уродливая форма вздрагивает от страха, пытаясь защититься руками.

Т е м н ы й п о в е л и т е л ь. Нееееееееееееееет.

Слово превращается в пронзительный нечеловеческий вопль, лавина с грохотом обрушивается вниз, под снегом мгновенно исчезают танк, паланкин и все остальное.

Быстрая смена кадров.
Экспозиция: проход, Зейн крупным планом

Он слышит шум лавины и поворачивает голову. Кошка пользуется моментом, вырывается из рук Тома, поднимает пистолет и стреляет. Пуля задевает голову Зейна, по его виску течет кровь. Его отбрасывает в сторону, и он падает. Кошка швыряет пустой пистолет и бросается мимо него к двери. Голубое сияние тускнеет. Зейн уже начинает двигаться, поднимает руку к окровавленному виску. Том замер на месте.

К о ш к а *(Тому).* Бежим!

Второго приглашения не потребовалось. Том поворачивается, перепрыгивает через Зейна. Кошка хватает его за руку. Они вместе делают скачок вперед.

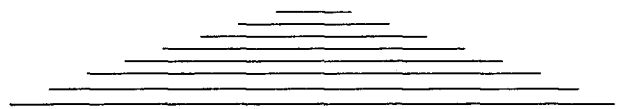
Съемка «из затемнения».
Экспозиция: зеленый лес, день

Том и Кошка приземляются на груду опавших листьев. Над головой голубое небо. Они в осеннем лесу, в окружении великолепной листвы всех цветов и оттенков. На вершине скалы рядом с блистающим водопадом виднеется замок. Том пораженно смотрит на него. В дюйме от его головы в ствол дерева впивается стрела. Том смотрит на Кошку.

Т о м. Ну вот, опять.
К о ш к а. Бинго.

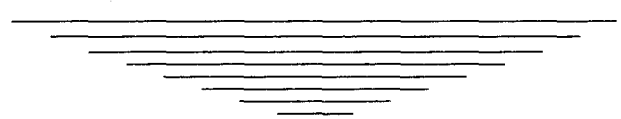
Мы видим широкую улыбку девушки.

К о н е ц

Часть третья

Тасуя дикие карты

Вы можете отправить мальчика из Байонны куда подальше (дав ему, например, работу), но вы не можете вырвать Байонну из сердца мальчика. То же самое можно сказать о комиксах. Отсеките меня от них, и я буду кровоточить четырехцветными чернилами.

Возможно, я не знаю имени очередного Зеленого Фонаря, зато я могу процитировать клятву Хэла Джордана и объяснить, чем она отличается от клятвы Алана Скотта. Я могу назвать поименно всех Бросающих Вызов Неизвестности и рассказать вам, в каком порядке выходили первые выпуски «Мстителей», «Людей Икс» и «Американской лиги справедливости». Я нисколько не сомневаюсь, что в какой-нибудь альтернативной вселенной «Марвел Комикс» действительно включил меня в свой постоянный штат, когда я обратился к ним в 1971 году, а сейчас в том мире я сижу дома, проклиная все на свете и кусая локти, потому что вижу, сколько загребают продюсеры боевиков, основанных на моих персонажах и сюжетах — речь идет о сотнях миллионах долларов,— в то время как я не получаю ничего.

В этом мире судьба хранила меня. Вместо комиксов в этом мире я писал рассказы, повести и романы, а позже — сценарии и телеспектакли. И все же любовь к супергероям никогда не оставляла меня, и мне всегда хотелось написать хотя бы один рассказ о том, что могло бы случиться с супергероем в реальном мире.

Мысль об этом вынашивалась годами, оставаясь не больше чем несколькими сюжетными линиями в моих материалах. Ребенок вроде меня, который вырос на комиксах, вдруг оказывается обладателем благословенной (или проклятой) сверх-

силы. Что ему делать с ней? Игнорировать? Использовать? Надеть костюм из спандекса и бороться с преступниками? Как это изменило бы его жизнь? Как окружающие реагировали бы на кого-то, кто обладал бы «возможностями и способностями, далеко превосходящими то, что дано обычному смертному»? Примерно таким было рабочее название моей ненаписанной вещи — фраза из старого телешоу о Супермене. Позже я узнал, что в «Ди-Си Комикс» использовали это в качестве торговой марки — вот почему я никогда не употреблял его.

Но каковы должны быть эти возможности и способности? В течение долгого времени я склонялся к пирокинезу, пока Стивен Кинг не опубликовал в 1980 году «Воспламеняющую взглядом». Кинг в своем романе описывал девочку, которая могла зажечь огонь усилием мысли, унаследовав этот дар от отца. Хотя моя обработка темы заметно отличалась, я испытал примерно то же чувство, как если бы Кинг положил меня на обе лопатки.

Впрочем, моя жизнь изменилась благодаря другому, более важному обстоятельству. В конце 1979 года я оставил должность преподавателя в колледже и направился из штата Айова в Нью-Мексико, чтобы полностью посвятить себя писательскому труду. На этом пути прекратил существование мой брак, так что я прибыл в Волшебную страну одиноким. С тех пор Санта-Фе — мой дом. Несмотря на годы, проведенные в Лос-Анджелесе, когда я занимался телевидением и кино, я никогда не стремился остаться там. Вместо этого я арендовал квартиру или гостевой домик на чьем-то заднем дворе, но как только проект завершался, я спешил домой в Нью-Мексико. Санта-Фе — место, где я плачу налоги, где хранятся мои шляпы, книги и комиксы, а также старая двубортная спортивная куртка, горчично-желтая в тонкую полоску, которая вот уже десять лет мне мала.

Кстати, именно в Санта-Фе вела защиту своей крепости Перрис. Мы познакомились в 1975 году, за несколько месяцев до того, как случился мой опрометчивый брак. Я уверен, что полюбил ее в то мгновение, когда она сказала мне, что плакала над «Песнью о Лии» (конечно, она настоящая краса-

вица, и оба мы были голышом во время нашей первой встречи... впрочем, это вас не касается). После этого мы обменивались редкими письмами, а встретились следующий раз в 1981 году; Перрис прибыла в Санта-Фе, чтобы остаться со мной — на некоторое время. Это «некоторое время» продолжается вот уже двадцать два года. Иногда кое-кто из моих читателей интересуется, почему я больше не пишу грустные истории о неразделенной любви, как это было в 70-х. Виновата Перрис! О несчастной любви можно писать, лишь когда ваше сердце разбито.

Когда впервые после развода я появился в Санта-Фе, то никого не знал в городе, кроме Роджера Желязны. Впрочем, наше знакомство было поверхностным. Роджер взял меня под свое крыло. В первую пятницу каждого месяца мы отправлялись в Альбукерке, чтобы завтракать с местными писателями. Я также посещал местный клуб любителей научной фантастики, где я встретил поклонников этого жанра, авторов и тех, кто хотел ими стать. Прошло немало времени, прежде чем я решился сыграть с некоторыми из них.

Хотя я был серьезным шахматистом, а также получал удовольствие от «Риска», «Дипломатии» и прочих настольных игр, я никогда не играл в «Темницы и драконы» или любую другую ролевую игру. У Перрис уже имелся опыт, и она убедила меня сделать попытку. Мы присоединились к группе, которая играла в «Зов Ктулху» по мотивам произведений Лавкрафта, так что я почувствовал себя как рыба в воде. Все это напоминало сумбурную театральную импровизацию. Мне досталась роль не удачливого авантюриста, спасающего мир от Ктулху, а журналиста, который был желт в обоих смыслах этого слова. Пока мои друзья умирали, громко вопя, или сходили с ума, я убегал, чтобы телеграфировать мою историю в «Геральд».

За год я втянулся в процесс, однако мне больше хотелось быть творцом игры, чем ее игроком.

И я стал им в сентябре 1983 года, когда Вик Милан подарил мне на день рождения новую игру. «Супермир» снова разбудил во мне автора комиксов и скоро стал нашей любимой игрой. Мы были одержимы ею больше года, играли два или

три раза в неделю, однако меня она захватила сильнее всех. Я заменил персонажей новыми, в основном злодеями, и появился герой, который находился внутри железной оболочки и называл себя Великой и Могучей Черепахой. Мои игроки тоже создали несколько незабываемых персонажей, среди которых были Девочка-Слон, Модульный человек, Черная Тень, Гарлемский Молот.

Историю о том, как «Супермир» в конце концов породил «Дикие карты», я не раз помещал в послесловия к моим изданиям. Я не буду повторять ее сейчас — обратитесь к этим книгам, если вы любитель ужасных подробностей.

В начале 80-х огромным успехом пользовалась антология «Мир воров» Боба Асприна и Линн Эйби. Формат был абсолютно совершенен для того, что мы хотели сделать с нашими героями из «Супермира», так что я завербовал в наши ряды Роджера Желязны, Говарда Уолдропа, Лью Шайнера, Стивена Ли и полдюжину других авторов по всей стране. Для них я составил официальное предложение об издании трехтомной антологии под названием «Дикие карты». Права на него приобрела Шона Маккарти в свой первый рабочий день в качестве редактора «Бентам букс».

С самого начала мы решили, что «Дикие карты» будут большим, чем только собрание относительно независимых историй. Мы хотели возвести искусство сотрудничества на новый уровень. Вот почему мы назвали это не антологией, а мозаичным романом. Я действительно считаю, что мы преуспели в данном жанре, но, как это бывает с любой новой формой, на этом трудном пути были и просчеты, и неудачи. В качестве редактора я зачастую ощущал себя жонглером с девятью кольцами или как если бы я пытался навести порядок с помощью кнута, сделанного из спагетти. Иногда это было забавно, порой был повод для грусти, но не было дня, чтобы я почувствовал раздражение или усталость. Когда все шло гладко, я любил сравнивать нас с симфоническим оркестром, а себя — с дирижером, но лучшая метафора — «стадо котов». Все мы знаем, как легко пасти стадо котов, не так ли?

Вот они, члены консорциума «Дикие карты», столь же идиотского, сколь и талантливого: Роджер Желязны, Говард Уолдроп, Уолтер Йон Уильямс, Стивен Ли, Льюис Шайнер, Джон Миллер, Виктор Милан, Уолтон Саймонс, Пэт Кэдиген... Особенно я должен выделить Мелинду М. Снодграсс, мою неустанную помощницу, без дипломатического заступничества которой я, конечно, убил бы и покалечил по крайней мере четырех из вышеупомянутых господ.

«Дикие карты» стали хитом с самого начала, и не только по стандартам антологии. Продажи первого тома превысили продажи любого из моих романов и способствовали успеху моих последующих книг. Отзывы критиков были превосходны, рассказ Уильямса стал финалистом «Небьюлы», а серия целиком была номинирована в 1988 году на «Хьюго», уступив премию превосходному роману Алана Мура «Стража» (Watchmen).

После выхода трех томов издательство с удовольствием сделало нам предложение относительно следующих. Наша популярность все возрастала и возрастала, нас приглашали в качестве почетных гостей, была выпущена ролевая игра... От Голливуда также пришло предложение, и мы с Мелиндой Снодграсс написали несколько вариантов сценария.

В то же самое время я участвовал в «Сумеречной зоне» и в «Красавице и чудовище». Тот устойчивый поток книг с моим именем на обложках, несомненно, помог мне существовать в мирах научной фантастики и фэнтези. Я должен был продолжать издавать книги и рассказы. Если я не делал этого... что ж, у читателей обо мне не слишком длинные воспоминания, и боюсь, что в последние годы они стали еще короче.

Долгие рабочие часы и постоянное напряжение — стиль жизни для работника Голливуда, поэтому все остальное является побочной деятельностью... но у меня были «Дикие карты». Кроме редакторской работы я еще выступал в качестве автора — так часто, как располагал временем.

«Черепашьи игры» — мой принципиальный вклад в первый том. Кости истории я грыз еще до того, как услышал о «Супермире», о чем уже упоминал ранее. Сюжет пришлось переделать, чтобы он соответствовал нашей новой вселенной. (Никогда ничего не выбрасывайте!) Я намеревался наделить моего героя способностью к пирокинезу, но из-за «Воспла-

меняющей» пришлось ограничиться телекинезом. Великая и Могучая Черепаха начала свой путь как второстепенный персонаж в «Супермире», но в «Диких картах» стала одним из главных. Напомню, повествование и игра предназначены для разных целей, и что хорошо для одного, нельзя использовать для другого. Отмечу, что не все персонажи «Диких карт» имели предшественников в «Супермире», большинство — оригинальные творения. Среди них Джетбой, Фортунато, Кукольник...

«Черепашьи игры» не есть рассказ об одном герое, на сцене появился доктор Тахион, персонаж, созданный Мелиндой Снодграсс. Работа с такими характерами — зачастую большое удовольствие или сильная головная боль. Иногда — и то и другое одновременно. В рассказе Мелинды «Хроники упадка» доктор Тахион, желая защитить своих пациентов-тузов, неосторожно разрушил сознание женщины, которую любил. Это вмешательство сказалось и на самом докторе, ввергнув его в продолжительную оргию самообвинения и алкоголизма. Моя же работа заключалась в возвращении Тахиона к прежней деятельности, обретению им самого себя.

Томас Тадбери, бесспорно, наиболее автобиографический из всех характеров, которых я когда-либо создавал. Однако между нами есть существенные отличия, хотя я позаимствовал многое из собственного детства. В реальной жизни я никогда не имел друга, похожего на Ди Анджелиса (кстати, в сценарии мы с Мелиндой превратили его в девочку). У меня есть две потрясающие сестры, в то время как Том был единственным ребенком. И, к сожалению, у меня никогда не было способностей к телекинезу.

«Из дневника Ксавье Десмонда» — это история одного из моих неосновных персонажей, который впервые появился в «Черепашьих играх» как метрдотель «Дома смеха». С тех пор он вырос до фактического мэра Джокертауна, и именно его логично было сделать членом делегации, отправившейся в путешествие по странам и континентам.

«Из дневника» — промежуточный рассказ, он является моим фаворитом и представляет собой лучшее, что я сделал в этом плане для «Диких карт», так как впервые история получила более-менее самостоятельное существование.

Ничто не продолжается вечно. После хорошего длинного пробега «Дикие карты» начали снижать темп. Медленно, но устойчиво уменьшаются продажи; некоторые из наших лучших авторов занялись другими проектами; популярные герои умерли или сошли со сцены. Книги все еще превосходят в цене большинство книг в мягкой обложке, но мы определенно скользим вниз. Когда пришло время возобновлять контракт, издательство предложило нам те же самые условия для следующей триады. Возможно, по глупости мы отклонили это предложение и предпочли другое издательство. Это было нашей ошибкой. Хотя мы получили больше денег, наш новый издатель не обладал возможностями «Бентам букс». Ситуацию не улучшил тринадцатый том, заявленный как «первая книга из новой серии». «Акулы» не вызвали энтузиазма у читателей, не знакомых с тем, что вышло раньше. Продажи стремительно падали, и после публикации пятнадцатого тома в 1995 году мы оказались без издателя.

Таков был конец.

Но так ли это? Как сказал Лавкрафт, «не мертво то, что в вечности пребудет». С 2001 года «Дикие карты» выходят в издательстве «Айбукс». После семилетней паузы опубликован шестнадцатый том с новыми историями. Семнадцатый находится в процессе подготовки; для нового поколения читателей переиздаются первые тома. Опять ведутся переговоры об играх, киносценариях и комиксах. Что из этого осуществится? Будет ли восемнадцатая книга, девятнадцатая, двадцатая? Откуда мне знать...

Хотя я не стал бы держать пари против нас. Мне знакома одна черепаха, у которой было больше жизней, чем у любого кота.

Черепашьи игры

Когда в сентябре Томас Тадбери поселился в общежитии, первым делом он повесил на стенку фотографию президента Кеннеди с его автографом и обтрепанную обложку «Тайм» сорок четвертого года выпуска с помещенным на ней портретом Джетбоя, которого тогда как раз объявили Человеком года. К ноябрю на снимке Кеннеди не осталось живого места от следов дротиков Родни, который украсил свою часть комнаты флагом Конфедерации и дюжиной разворотов «Плейбоя». Он не переваривал евреев, ниггеров, джокеров и Кеннеди, да и Тома тоже не особенно жаловал. Весь осенний семестр он развлекался как мог: размазывал по кровати Тома крем для бритья, зашивал штанины брюк, прятал его очки, засовывал в ящики его письменного стола собачьи экскременты.

В тот день, когда Кеннеди застрелили в Далласе, Том вернулся к себе в комнату, едва сдерживая слезы. Род приготовил ему подарок — поработал над портретом красной ручкой. Теперь вся макушка Кеннеди была окровавлена, а глаза перечеркнуты маленькими красными крестиками. В углу рта был пририсован болтающийся язык.

Томас Тадбери смотрел на это долго-долго. Он не плакал, нет; он не мог позволить себе расплакаться. Он принялся собирать чемоданы.

Стоянка первокурсников располагалась в другом конце кампуса. Замок на багажнике его пятьдесят четвертого «меркьюри» был сломан, и он зашвырнул сумки на заднее сиде-

© Перевод И. Тетериной.

нье. На ноябрьском холоде прогревать двигатель пришлось довольно долго. Должно быть, вид у него, пока он сидел там и ждал, был дурацкий: стриженный под «ежик» пухлый коротышка в роговых очках, уткнувшийся лбом в руль, как будто его вот-вот стошнит.

Выруливая со стоянки, он заметил новенький блестящий «олдсмобиль-катласс» Родни. Том переключился на нейтральную передачу и некоторое время стоял на месте, раздумывая. Потом огляделся по сторонам. Поблизости никого не было видно — все сидели перед телевизорами и смотрели новости. Он нервно облизал губы и оглянулся на «олдсмобиль». Костяшки пальцев, сжимавших руль, побелели. Затем Татбери впился взглядом в автомобиль, наморщил лоб и *нажал!*

Первыми подались двери, медленно вогнувшись внутрь под давлением. С негромким хлопком разлетелись фары — сначала одна, за ней другая. Заднее стекло внезапно раскололось, разбрызгав осколки во все стороны. Щитки согнулись и отвалились — металл протестующе заскрипел. Разом лопнули обе задние шины, за ними следом просели крылья, потом капот. Лобовое стекло рассыпалось в мелкую крошку. Треснул картер, за ним — стенки бензобака: масло и бензин хлынули под днище машины. К тому времени Том Тадбери почувствовал себя уверенней, и это облегчило ему задачу. Он представил, что стискивает «олдсмобиль» в воображаемом великанском *сильном* кулаке, и принялся сжимать его все сильнее и сильнее. Над стоянкой разнесся звон и скрежет, но его никто не услышал. Том методично плющил «олдсмобиль», превращая его в комок смятого металла.

Когда все было кончено, он переключил передачу и оставил колледж, Родни и свое детство позади — навсегда.

Где-то плакал великан.

Тахион проснулся. К горлу подкатывала тошнота, в висках пульсировала кровь в такт с громогласными всхлипываниями. В темной комнате все казалось странным и незнакомым. Неужели опять пришли убийцы и его семье снова грозит опасность? Нужно отыскать отца. Пошатываясь, он встал на ноги,

его повело в сторону, и пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть.

Стена оказалась слишком близко. Это не его покои, здесь все чужое, а этот запах... Тут к нему снова вернулась память. Уж лучше бы убийцы.

Ему вновь снился Такис. Он пошарил рукой в темноте, нащупал шнур, которым включался верхний свет. Дернул за него, и голая лампочка бешено закачалась; по стенам заплясали тени. Во рту стоял мерзкий привкус, грязные волосы лезли в глаза, одежда смялась. Но хуже всего было то, что в бутылке не осталось ни капли.

Тахион беспомощно огляделся по сторонам. Комната шесть на десять футов на втором этаже меблирашки, именуемой просто «Комнаты», на Боуэри-стрит. Забавно, но раньше вся здешняя округа тоже называлась «Боуэри» — так сказала ему Ангеллик. Но то было раньше; теперь она звалась как-то по-другому. Он подошел к окну и поднял штору. В помещение хлынул желтый свет фонаря. На другой стороне улицы великан тянулся к луне и плакал оттого, что не мог ее достать.

Его звали Крошкой. Тахион полагал, что это было проявлением человеческого остроумия. В Крошке было бы четырнадцать футов роста, если бы он только мог встать. Его безмятежное простодушное лицо увенчивала спутанная копна мягких темных волос. Ноги у него были стройные и абсолютно пропорциональные. В этом-то и заключалась ирония: стройные, абсолютно пропорциональные ноги не могли выдержать тяжести четырнадцатифутового человека. Крошка сидел в деревянном инвалидном кресле, здоровой механизированной махине на четырех лысых колесах, снятых с разбитого полуприцепа. Увидев в окне Тахиона, он завопил что-то бессвязное, как будто узнал его. Такисианин отошел от окна. В Джокертауне снова наступила ночь. А ему... ему совершенно необходимо было выпить.

Здесь все пропахло плесенью и блевотой, а какой невыносимый холод! «Комнаты» отапливались далеко не так хорошо, как те отели, в которых он часто останавливался в прошлом. На него нахлынули непрошеные воспоминания о «Мэйфла-

уэре» в Вашингтоне, где они с Блайз... Нет, об этом лучше не думать. Ладно, сколько времени? Довольно поздно. Солнце уже зашло, а по ночам в Джокертауне жизнь била ключом.

Он подобрал с пола пальто и накинул его на плечи. Даже донельзя перепачканное, оно было великолепно — восхитительного ярко-розового цвета, с золотыми бахромчатыми эполетами на плечах и петлями из золотого галуна, которыми застегивался длинный ряд пуговиц. Тот мужчина из Гудвилла сказал, что раньше оно принадлежало музыканту. Тахион уселся на край продавленного матраса и стал натягивать сапоги.

Уборная находилась в конце коридора. От его мочи, забрызгавшей бортик унитаза, шел пар; руки так тряслись, что он не мог даже толком прицелиться. Тахион поплескал в лицо холодной, отдающей ржавчиной водой и вытер руки несвежим полотенцем.

На улице он немного постоял под скрипучей вывеской, глядя на Крошку. Его терзали горечь и стыд, к тому же Тах чувствовал себя слишком трезвым. Крошке он ничем помочь не мог, а вот с трезвостью кое-что сделать было можно. Он отвернулся от рыдающего великана, глубоко засунул руки в карманы пальто и быстро зашагал по Боуэри.

В переулках джокеры и пьяницы передавали друг другу бутылки, обернутые коричневыми бумажными пакетами, и тусклыми глазами провожали прохожих. В барах, конторах ростовщиков и магазинчиках масок шла бойкая торговля. Знаменитый Десятицентовый Музей дикой карты на Боуэри (его называли так до сих пор, хотя входную плату давно уже повысили до четвертака) уже закрылся. Тахион однажды побывал там, два года назад, в тот день, когда его совсем замучила совесть. Вместе с пятком особенно причудливых джокеров, двумя десятками пробирок с «безобразными младенцами джокеров», плавающими в формалине, и небольшим сенсационным роликом о Дне дикой карты в музее имелась выставка восковых фигур, среди которых были Джетбой, «Четыре туза», джокертаунская оргия и... он сам.

Мимо проехал туристский автобус, из окон которого выглядывали розовые лица. Под неоновой вывеской пищерии толпились молодчики в черных кожаных куртках и резиновых масках. Они разглядывали Тахиона с открытой враждебностью. Тах проник в сознание самого ближнего к нему. «...Педик поганый... ну и патлы у него, надо же было выкраситься в такой цвет... небось, считает, что в походном оркестре... ух, я бы его отделал... нет, погоди... вот черт... здесь есть и получше... надо будет отыскать какого-нибудь, чтобы расхлюпался, когда мы станем его лупить...»

Тахион с отвращением прервал ментальную связь и поспешил прочь. То было последнее модное увлечение: отправиться на Боуэри, купить маски и сделать отбивную из какого-нибудь джокера. Полиция не вмешивалась.

Перед Хаос-клубом с его знаменитым «Ревю всех джокеров», как обычно, собралась толпа. Когда Тахион приблизился, у тротуара затормозил длинный серый лимузин. Швейцар в черном фраке поверх пышного белоснежного меха открыл дверь хвостом и помог выйти толстяку в смокинге. Его спутницей была пухлая девица, не старше девятнадцати, в вечернем платье без бретелек и жемчужном ожерелье, с белокурыми волосами, уложенными в высокую пышную прическу.

В соседнем квартале женщина-змея предлагала себя всем проходящим с близлежащего крыльца. Ее чешуя переливалась всеми цветами радуги.

— Не трусь, рыжий,— сказала она,— внутри у меня все мягко, как положено.

Он покачал головой.

«Дом смеха» располагался в длинном здании с огромными венецианскими окнами, но стекла были заменены односторонними зеркалами. Перед дверью стоял Рэнделл. Вид у него был совершенно нормальный — если не обращать внимания на то, что он никогда не вынимал правую руку из кармана.

— Эй, Тахи,— позвал он.— Что ты думаешь о Руби?

— Прости, но я ее не знаю,— отозвался Тахион.

Рэнделл насупился.

— Я о парне, который убил Освальда.

— Освальда? — в замешательстве переспросил Тах.— Какого еще Освальда?

— Ли Освальда, того, кто застрелил Кеннеди. Сегодня по телевизору показывали.

— Кеннеди убили? — не поверил своим ушам Тахион.

Именно Кеннеди разрешил ему вернуться в Соединенные Штаты, и Тахион восхищался всем кланом Кеннеди; они очень напоминали ему такисианцев. Но убийцы всегда ходили рядом с людьми такого масштаба.

— Его братья отомстят за него,— сказал он. Однако на Земле это было не принято, и, кстати, этот человек, Руби, по всей видимости, именно так и поступил.

— Руби посадили в тюрьму,— продолжал между тем Рэнделл.— Вот я лично дал бы этому парню орден.— Он помолчал, затем продолжил: — Как-то раз Кеннеди пожал мне руку. Когда он вел кампанию против Никсона, то приезжал сюда и выступал с речью в Хаос-клубе. А потом, когда уходил, пожал всем руки.— Швейцар вытащил правую руку из кармана. Она была жесткая, хитиновая, как у насекомого, а с ладони слепо таращилась гроздь раздутых глаз.— Джон даже не поморщился. Улыбнулся и сказал, что надеется — я не забуду проголосовать.

Тахион был знаком с Рэнделлом целый год, но ни разу еще не видел его руки. Ему очень хотелось сделать то, что сделал Кеннеди,— взять эту искривленную клешню в свою руку, сжать ее и потрясти. Он попытался вытащить руку из кармана пальто, но к горлу подступила желчь, и он смог лишь отвести глаза и сказать:

— Он был хороший мужик.

Рэнделл снова спрятал руку.

— Проходи, Тахи,— сказал он беззлобно.— Ангеллик пришлось уйти к какому-то клиенту, но она велела Десмонду, чтобы оставил тебе столик.

Тахион кивнул и позволил Рэнделлу распахнуть перед ним дверь. Очутившись внутри, он отдал пальто и сапоги гардеробщице — джокеру с маленьким аккуратным тельцем и в покрытой перьями маске совы, прикрывавшей то, что сделала с ее лицом дикая карта. Потом вошел в зал, уверенно скользя ногами в одних носках по зеркальному полу. Когда он опустил

взгляд, снизу на него уставился другой Тахион в обрамлении его ног: непомерно толстый, с головой размером с надувной мяч.

С зеркального потолка свешивалась хрустальная люстра, переливавшаяся сотнями крохотных огоньков, которые многократно отражались в зеркальных плитках пола и стен, в нишах, в посеребренных бокалах и кружках и даже в подносах официантов. Некоторые из зеркал были обыкновенными, другие — кривыми, искажавшими изображение. В «Доме смеха», оглядываясь через плечо, никогда нельзя было знать заранее, что ты там увидишь. Это было единственное заведение во всем Джокертауне, равно привлекавшее джокеров и натуралов. В «Доме смеха» натурал мог увидеть себя искривленным и уродливым и вволю посмеяться, воображая себя джокером; а джокер, если ему очень везло, мог взглянуть в нужное зеркало и увидеть себя таким, каким он был когда-то.

— Ваш кабинет ждет, доктор Тахион,— сказал Десмонд, хозяин. Дес был крупный краснолицый мужчина; его мясистый хобот, розовый и морщинистый, обвивал карту вин. Он поднял его и сделал Тахиону знак следовать за ним одним из пальцев, болтавшихся на конце.— Коньяк тот же, что и обычно?

— Да,— ответил Тахион и пожалел, что на чаевые у него не хватит.

В тот вечер первый раз он выпил за Блайз, как обычно, но второй был за Джона Фицджеральда Кеннеди. Все остальные были за него самого.

В самом конце Хук-роуд, за заброшенным нефтеперегонным заводом и складами, за запасными железнодорожными путями с забытыми красными товарными вагонами, за ничейными участками, заросшими и замусоренными, Том все-таки отыскал его убежище. Когда он добрался до него, уже почти стемнело и двигатель его «меркьюри» зловеще стучал. Но Джоуи разберется, что с ним.

Вдоль десятифутовой изгороди из цепей, увенчанной тремя рядами изогнутой колючей проволоки, за его машиной неслась свора собак, приветствовавшая его сиплым лаем. Закат

придавал странный бронзовый отлив горам разбитых, искореженных, ржавых автомобилей, акрам металлолома, холмам и долинам из хлама и мусора. Наконец Том подъехал к широким двустворчатым воротам. На одной их створке металлический знак предостерегал: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН»; на другой еще один оповещал о том, что «ТЕРРИТОРИЯ ОХРАНЯЕТСЯ СОБАКАМИ». Ворота были перетянуты цепью и заперты на замок.

Том остановил машину и просигналил.

Прямо за изгородью виднелась хибара, которую Джоуи гордо именовал своим домом. На вершине рифленой жестяной крыши красовалась огромная вывеска с прожекторами, подсвечивавшими буквы. Она гласила: «Металлолом и автозапчасти Ди Анджелиса». За два десятилетия краска выцвела и облупилась от солнца и дождя; дерево потрескалось, а один прожектор перегорел. Рядом с домом стояли допотопный желтый самосвал, тягач и предмет неусыпной гордости Джоуи — кроваво-красный «кадиллак» пятьдесят девятого года выпуска с задними стабилизаторами, похожими на акульи плавники, и улучшенным двигателем — настоящим зверем, по словам Джоуи,— который торчал из срезанного капота.

Том снова просигналил. На этот раз он воспользовался их особым сигналом — пробибикал мелодию из мультика, который они оба очень любили в детстве.

На землю пролился квадрат желтого света — хозяин свалки открыл дверь и застыл на пороге, держа в каждой руке по бутылке пива.

У них не было абсолютно ничего общего. Джоуи и Том были из совершенно разного теста, жили в двух совершенно разных мирах, но это не мешало им оставаться лучшими друзьями — с того самого дня, когда в третьем классе устроили выставку домашних животных. В тот день он сделал открытие, что черепахи не умеют летать, а также понял, кто он такой и что он может делать.

Стиви Брудер и Джош Джонс подкараулили его на школьном дворе. Они принялись играть в мяч его черепахами, перекидывая их друг другу, а Томми метался между ними, весь

красный и в слезах. Когда им это наскучило, они начали швырять их в мишень для метания, начерченную мелом на стене. Одну сожрала немецкая овчарка Стиви. Когда Томми попытался оттащить собаку, Стиви набросился на него и повалил на землю.

На этом они не остановились бы, если бы не Джоуи-помоечник, худющий, как щепка, парнишка с непокорными черными вихрами. Он был на два года старше своих одноклассников и успел уже дважды остаться на второй год, потому что едва умел читать, и его вечно дразнили вонючкой из-за его отца, Дома, который был владельцем свалки. Джоуи был далеко не таким рослым, как Стиви Брудер, но это его не волновало — ни в тот день, ни вообще. Он просто схватил Стиви за шкирку, развернул к себе и наподдал коленом в пах. Потом наподдал и собаке, да и Джошу Джонсу тоже досталось бы, если бы тот не успел удрать. Когда он улепетывал, мертвая черепаха перелетела через весь двор и угодила прямо в его жирный красный затылок.

Джоуи видел, как это произошло.

— Как ты это делаешь? — изумился он.

До этого момента Томми не отдавал себе отчета в том, что это из-за него его черепахи умели летать.

Это стало их общей тайной и положило начало их странной дружбе. Томми помогал Джоуи делать домашние задания и натаскивал его перед каждой контрольной. Джоуи защищал Томми от обидчиков в школьном дворе. Томми читал Джоуи комиксы, пока тот не научился читать так хорошо, что мог обходиться без своего приятеля. Дом, обладатель начинающей седеть гривы волос, пивного брюшка и нежнейшего сердца, страшно этим гордился: сам он не умел читать даже по-итальянски.

Их дружба тянулась все годы средней школы и продолжилась после того, как Джоуи оттуда вылетел. Она пережила их первые романы с девчонками, выдержала испытание смертью Дома ди Анджелиса и переездом семьи Тома в Перт-Амбой.

Джоуи поддел крышку еще одной бутылки «Рейнгольда» открывашкой, которая висела на шнурке у него на шее. Его

белую майку уже распирало растущее пивное брюшко — точно такое же, как у отца.

— И охота тебе с твоими-то мозгами просиживать задницу в телевизионной мастерской?

— Работа как работа,— пожал плечами Том.— Я подрабатывал там прошлым летом и смогу устроиться туда на полный день. Неважно, что за работа у меня будет. Важно то, что я стану делать с моим, гм, талантом.

— Талантом? — поддел Джоуи.

— Ты знаешь, о чем я, итальяшка бестолковый.— Том поставил опустевшую бутылку на ящик из-под апельсинов, стоявший рядом с его креслом. Обстановку в доме Джоуи вряд ли можно было назвать роскошной; большую ее часть он откопал на своей свалке.— Я все думал о том, что сказал Джетбой перед тем, как погиб, пытался понять, что же он хотел сказать. Мне кажется, он говорил о том, что остались дела, которые он еще не сделал. Ну а я вообще ничего не сделал. Всю дорогу я спрашивал себя, что я могу сделать для моей страны*, понимаешь? Ну так вот, мы оба знаем ответ на этот вопрос.

Джоуи покачивался в кресле, время от времени прикладываясь к бутылке и встряхивая головой. За спиной у него всю стену занимал книжный стеллаж, который Дом сколотил для ребятишек почти десять лет назад. Нижняя полка была забита мужскими журналами. На всех остальных стояли комиксы: «Супермены», «Бэтмены», «Экшн-комиксы», «Сыщики», «Классика в картинках» и самое главное сокровище — почти полная подшивка «Комиксов о Джетбое».

Джоуи перехватил его взгляд.

— Даже не думай об этом,— сказал он.— Ты — не Джетбой, Тадс.

— Нет,— согласился Том.— Я — лучше. Я...

— Придурок,— с готовностью закончил за него Джоуи.

— Туз,— сказал он серьезно.— Как «Четыре туза».

---

* Кеннеди в своей инаугурационной речи сказал: «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спросите себя, что вы можете сделать для своей страны».

— Это та черномазая джаз-группа, да?

Том вспыхнул.

— Ну ты, бестолковый итальяшка, они не были певцами, они...

Джоуи жестом оборвал его.

— Я знаю, кто они такие, Тадс. Отвяжись от меня. Они были болванами вроде тебя. Их всех засадили за решетку, застрелили или что-то в этом роде, разве не так? Кроме того вонючего стукача, забыл его фамилию.— Он прищелкнул пальцами.— Ну, помнишь, он еще играл Тарзана.

— Джек Браун,— подсказал Том — в свое время он писал по «Четырем тузам» курсовую.— И голову даю на отсечение, есть и другие, просто они молчат. Как я. Я же молчал. Но больше не намерен.

— Значит, ты отправишься прямиком в «Байонна Таймс» и устроишь в редакции представление? Ты бы еще сказал им, что ты коммунист. Тебя переселят в Джокертаун, а твоим родителям перебьют все стекла в окнах. Да тебя могут даже в армию отправить, тупица.

— Нет.— Тадбери покачал головой.— Я все обдумал. «Четыре туза» были у всех на виду. Я не собираюсь никому открывать, кто я такой и где живу.— Он ткнул пивной бутылкой в сторону полок.— Я буду хранить свое имя в секрете. Как в комиксах.

Джоуи расхохотался.

— Еще и трико на себя нацепишь, недоумок?

— Черт побери! — выругался Том. Он был уже готов взорваться.— Заткнись, пока не получил.— Приятель и бровью не повел — все так же сидел в своем кресле, раскачиваясь и ухмыляясь.— Давай, трепло, поднимай свою жирную задницу и тащи ее во двор. Я покажу тебе, что я умею. Давай, умник.

Они вышли, и Том, переминаясь с ноги на ногу на холодном ноябрьском воздухе — изо рта у него шел пар,— нетерпеливо дожидался, пока Джоуи подойдет к большому металлическому ящику у стены дома и включит рубильник. Вспыхнули фонари. Собаки бродили вокруг, принюхиваясь, а потом потрусили следом за ними. Из кармана черной кожаной куртки Джоуи торчала пивная бутылка.

Это была всего лишь свалка, полная хлама, металлолома и старых машин, но в тот вечер она казалась таким же волшебным местом, как в те времена, когда Томми было десять. Вот допотопный белый «паккард», похожий на призрачную крепость. Чем только автомобиль не был для них, когда они с Джоуи были детьми: кавалерийским аванпостом, космической станцией, замком... Темнота окутывала свалку непроницаемой пеленой, тени превращали груды лома и мусора в загадочные черные холмы, разделенные лабиринтами серых переулков. Том двинулся в этот лабиринт — мимо высокой кучи хлама, на которой они, бывало, играли в Короля горы и дрались жестяными мечами, мимо сокровищниц, где они нашли столько сломанных игрушек, осколков цветного стекла и бутылок, а однажды им попалась даже целая картонная коробка, битком набитая комиксами.

Они шли между рядов искореженных ржавых машин, сваленных одна на другую; здесь были «форды» и «шевроле», «хадсоны» и «десото», «корвет» со смятым в гармошку капотом, обломки разбитых «жуков» и даже величественный черный катафалк, столь же, несомненно, мертвый, как и пассажиры, которых он перевозил. Том внимательно оглядывал их и в конце концов остановился.

— Вот этот,— сказал он, указывая на останки старого «студебеккера». Двигатель давно был с него снят, как и покрышки, по лобовому стеклу змеилась тонкая паутинка трещин, и даже в темноте было видно, что крылья и щитки разъедены ржавчиной.— Он уже ни на что не годится, верно?

Джоуи откупорил очередную бутылку.

— Давай, он в твоем полном распоряжении.

Тадбери сделал глубокий вдох и встал лицом к машине. Руки сжались в кулаки. Он буравил грузовик взглядом, сосредоточиваясь. Машина слегка качнулась. Передняя решетка неуверенно приподнялась на пару дюймов над землей.

— Ух ты,— насмешливо протянул Ди Анджелис и легонько хлопнул приятеля по плечу. «Студебеккер» с лязгом рухнул обратно, попутно лишившись бампера.— Сейчас обделаюсь от восторга.

— Черт подери, можешь немного помолчать и оставить меня в покое? — рассердился Том.— Я могу это сделать, вот увидишь, только придержи свой поганый язык хотя бы на минуту. Я тренировался. Ты не представляешь себе, что я могу.

— Я буду нем как рыба,— пообещал Джоуи с ухмылкой и приложился к бутылке.

Том снова обернулся к автомобилю и попытался отрешиться от всего, забыть о Джоуи, собаках, свалке; весь его мир сейчас заполнял «студебеккер». Живот свело от напряжения. Он приказал себе расслабиться, сделал несколько глубоких вдохов, распрямил кулаки. «Ну же, давай, все в порядке, не расклеивайся, просто сделай это, ведь ты еще и не такое проделывал, это просто, совсем просто».

Машина медленно поднялась и взмыла в воздух, осыпав на землю ливень ржавой трухи. И тогда Том с торжествующей улыбкой швырнул ее на пятьдесят футов в сторону. Она врезалась в груду раскуроченных «шевроле», и вся куча рухнула вниз лавиной металлолома.

Джоуи прикончил свой «Рейнгольд».

— Неплохо. Несколько лет назад ты еле-еле поднимал меня над забором.

— Я с каждым днем становлюсь все сильнее и сильнее,— заявил Том.

Хозяин свалки кивнул и отбросил пустую бутылку в сторону.

— Отлично! Тогда со мной ты справишься в два счета, верно?

И он с силой толкнул Тадбери обеими руками, тот отшатнулся и нахмурился.

— Прекрати.

— Ну давай же,— не унимался Ди Анджелис. Он снова толкнул своего приятеля, на этот раз еще сильнее, так что Том едва удержался на ногах.

— Черт побери, хватит! Это не смешно.

— Разве? — На губах молодого человека играла ухмылка.— А по мне — так просто оборжаться. Но ты же можешь заставить меня прекратить, ведь так? Давай, пусти в ход свою хваленую

силу.— Он замахнулся и несильно ударил Тома по щеке.— Останови меня, туз,— не унимался он, и снова последовал удар.— Давай, Джетбой, останови меня.— Третья оплеуха была еще сильнее.— Ну же, супермен, чего ты ждешь? — От четвертой затрещины из глаз полетели искры, от пятой голова мотнулась в сторону. Джоуи больше не улыбался.

Том попытался перехватить его руку, но старый приятель был слишком силен, слишком проворен; он уклонился и сумел влепить ему еще одну оплеуху.

— Хочешь подраться, туз? Сейчас я из тебя котлету сделаю. Козел. Придурок.— Следующий удар едва не свернул Тадбери шею, и на глазах у него выступили жгучие слезы.— Останови меня, кретин! — орал Джоуи. Он с такой силой заехал Тому в солнечное сплетение, что тот согнулся пополам и задохнулся.

Том пытался вернуть состояние сосредоточения, схватить Джоуи и отпихнуть его, но все снова было как на школьном дворе: и приятель, и его удары были повсюду. Оставалось лишь прикрываться кулаками и пытаться кое-как защититься от них — без особого, впрочем, успеха, потому что Ди Анджелис был сильнее, он молотил и теснил его, не переставая орать, так что невозможно было сосредоточиться. Том лишь чувствовал боль и отступал, шатаясь, назад, а Джоуи все теснил и теснил его с прижатыми к груди кулаками и в конце концов нанес ему увесистый удар в челюсть. Рот наполнился кровью, и Тадбери вдруг очутился на земле.

Джоуи с хмурым лицом стоял над ним.

— Черт! Я не хотел разбить тебе губу.

Он нагнулся, ухватил приятеля за руку и грубо дернул его вверх.

— Вставай!

Том тыльной стороной ладони утер окровавленные губы. На рубахе спереди тоже была кровь.

— Ну и вид у меня,— сказал он с отвращением. Потом бросил на Джоуи злой взгляд.— Это было нечестно. Как, по-твоему, я мог что-то сделать, когда ты набросился на меня с кулаками?

— Ага,— отозвался Джоуи.— Думаешь, твои враги станут дожидаться, пока ты закончишь жмуриться и сосредоточиваться? Да они просто выбьют тебе все зубы к чертовой матери, и дело с концом. Это еще если тебе очень повезет и они просто не пристрелят тебя. Ты — не Джетбой, Тадс.— Он поежился.— Идем. Нечего торчать на такой холодине.

Проснувшись в теплой темноте, Тахион ничего не смог вспомнить о попойке, но именно это его и устраивало. Простыни, на которых он лежал, были атласными, гладкими и восхитительными на ощупь, а сквозь кислый рвотный запах пробивался еле уловимый аромат каких-то цветочных духов.

Дрожащей рукой такисианин отбросил одеяло и уселся на край кровати. Он был обнажен, и теплый воздух казался неприятно липким. Тахион протянул руку, нащупал выключатель и охнул от яркости внезапно вспыхнувшего света. Комната была в бело-розовых тонах, с викторианской мебелью и мягкими звуконепроницаемыми стенами. С полотна над камином улыбался написанный маслом Джон Ф. Кеннеди; в углу стояла трехфутовая гипсовая статуя Девы Марии.

В розовом мягком кресле у остывшего камина сидела Ангеллик, сонно щурясь на него и прикрывая ладонью зевок.

Тахион вздрогнул от стыда и отвращения.

— Я снова выгнал тебя из твоей постели, верно?

— Ничего страшного,— отозвалась она.

Ее ноги покоились на небольшой табуреточке. На ступни было страшно смотреть, такие они были черные и распухшие. Все остальное в ней было очаровательно. Распущенные черные волосы ниспадали до талии, а кожа сияла теплым живым румянцем. Глаза у нее были темные и блестящие, но самое поразительное в ней было то, чему Тахион никогда не переставал удивляться: теплота, с которой она смотрела на него, и доброта, которой он, по его собственному мнению, совершенно не заслуживал. Несмотря на все то, что он сделал с ней и со всеми остальными, эта женщина по имени Ангеллик почему-то не держала на него зла и питала к нему привязанность.

Тах поднял руку к виску. Впечатление было такое, будто кто-то бензопилой пытался снести ему затылок.

— Моя голова! — простонал он.— С такими-то ценами вы могли хотя бы удалять из напитков, которые продаете, смолы и токсины. Вот у нас на Такисе...

— Я знаю,— сказала Ангеллик.— У вас на Такисе после выпивки не бывает похмелья. Ты уже рассказывал мне об этом.

Тахион вымученно улыбнулся ей. Она казалась невероятно свежей в своей коротенькой атласной сорочке, не закрывавшей даже бедер. Густой рубиновый оттенок оттенял нежную кожу. Но когда она поднялась, он взглянул на ее скулу, там, где щека прижималась к спинке кресла, когда она спала. По ней уже разливалось пятно багрянца, как экзотический пурпурный цветок.

— Ангел...— начал он.

— Ничего страшного.— Она поспешно тряхнула волосами, чтобы прикрыть синяк.— Твоя одежда была грязной. Мел отдал ее в чистку. Так что пока ты мой пленник.

— Сколько я проспал?

— Весь день. Не волнуйся. Как-то раз один мой клиент так напился, что проспал целых пять месяцев.

Она присела за туалетный столик, подняла телефонную трубку и заказала завтрак: тост с чаем для себя и яичницу с беконом и крепкий кофе с бренди для Тахиона. И еще аспирина.

— Нет! — воспротивился он.— Я не буду есть. Мне станет плохо.

— Тебе нужно поесть. Даже инопланетянин не может питаться одним коньяком.

— Пожалуйста...

— Если хочешь получать выпивку, придется поесть,— безжалостно отрезала женщина.— Мы же заключили сделку, не забыл?

Ах да, сделку. Он вспомнил. Ангеллик снабжала его деньгами на гостиницу, едой и предоставляла неограниченный кредит в баре — он мог пить столько, сколько ему нужно было, чтобы заглушить воспоминания. За это он должен был есть и рассказывать ей истории: забавные эпизоды из жизни своей семьи, легенды далекой планеты, предания об интригах и роскошной жизни, так не похожей на убожество Джокертауна.

Иногда, когда клуб закрывался, он танцевал для нее, выписывая древние замысловатые пируэты такисианских танцев на зеркальном полу, а она смотрела и просила станцевать что-нибудь еще. Однажды, когда они оба изрядно напились, она уговорила его показать ей Свадебную пляску — эротический танец, который большинство такисиан исполняли всего раз в жизни, в ночь после свадьбы. Тогда она в первый и в последний раз танцевала с ним, повторяя все его движения — сперва неуверенно, потом быстрее и быстрее, покачиваясь и кружась, пока в конце концов на ее ступнях не осталось живого места — они потрескались и оставляли на зеркальных плитках кровавые следы. В конце Свадебной пляски танцоры бросались друг к другу и сливались в долгом ликующем объятии. В этот момент Ангеллик отстранилась от него, в очередной раз напомнив, что здесь не Такис.

Два года назад Десмонд наткнулся на него, раздетого и без сознания, в одном из переулков Джокертауна. Пока Тахион спал, кто-то украл его одежду, и теперь он метался в жару и бредил. Десмонд позвал на помощь, и такисианина перенесли в «Дом смеха». Он очнулся на раскладушке в подсобке бара, окруженный пивными бочонками и винными бутылками.

— Ты хоть знаешь, что пил? — спросила Ангеллик, когда его перенесли в ее кабинет.

Тахион не знал. Все, что он смог вспомнить,— как какой-то черный старик в переулке великодушно предложил ему поделиться своей выпивкой.

— Это называется «Стерно»,— сообщила ему женщина. Перед этим она велела Десу принести бутылку лучшего бренди из ее запасов.— Если человек хочет пьянствовать, это его дело, но уж ты-то мог бы убивать себя с большим вкусом.

От бренди в груди у него разлилось тепло, а руки перестали трястись. Осушив бокал, Тах рассыпался перед ней в благодарностях, но стоило ему попытаться коснуться ее, как она тут же шарахнулась. Он спросил, почему.

— Сейчас поймешь,— сказала женщина и протянула ему руку.— Только очень осторожно.

Его поцелуй был легчайшим прикосновением губ, не к тыльной стороне ладони, но к запястью — такисианину хоте-

лось почувствовать биение ее пульса — так сильно он захотел обладать ею. Мгновение спустя он с тошнотворным ужасом увидел, как ее кожа сначала побагровела, а потом почернела. «Еще одна из моих».

И все-таки они стали друзьями. Любовниками, разумеется, они не были и быть не могли, разве что иногда в его снах: сосуды Ангеллик лопались от малейшего нажатия, а гиперчувствительная нервная система даже на легчайшее прикосновение отзывалась болью. Любая ласка заканчивалась для нее синяками; ночь любви, скорее всего, просто убила бы ее.

Завтрак им подала чернокожая горбунья по имени Рут, у которой вместо волос были нежно-голубые перья.

— Один человек передал это для вас сегодня утром,— сказала она Ангеллик после того, как закончила накрывать на стол, и протянула ей толстый бумажный пакет.

Тахион выпил сдобренный бренди кофе и с гримасой отвращения уставился на неумолимую яичницу с беконом.

— Пожалуйста, не делай такое лицо,— сказала Ангеллик.

— По-моему, я еще не рассказывал тебе о том, как на Такис прибыл звездолет Сети и что сказала моя прабабка Амурат посланнику Лай'бара.

— Нет,— покачала она головой.— Расскажи. Мне нравится твоя прабабушка.

— Она — одна из нас. Я боюсь ее до смерти.— И Тахион начал свой рассказ.

Том проснулся задолго до рассвета, когда Джоуи еще храпел в задней комнате. Он сварил себе кофе в мятом кофейнике и сунул хлеб в тостер. Потом намазал хлеб маслом и клубничным джемом и принялся оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь почитать. На глаза ему попались комиксы.

Тадбери до сих пор помнил день, когда пришлось их спасать. Большинство комиксов с самого начала принадлежало ему. А однажды Том вернулся из школы и обнаружил, что их больше нет — книжный шкаф и два ящика из-под апельсинов, битком забитые комиксами, просто исчезли. Мать сказала, что приходили какие-то женщины из родительско-учительской

ассоциации и показали ей страницу из книги доктора Вертхэма, где говорилось, что комиксы превращают детей в малолетних преступников и гомосексуалистов и прославляют джокеров и тузов. Поэтому она позволила им забрать коллекцию Тома. Он закатил истерику, но все было бесполезно.

Родительско-учительская ассоциация собрала комиксы у всех ребят из школы, намереваясь сжечь их в субботу на школьном дворе. То же самое происходило по всей стране; ходили даже разговоры о том, чтобы принять закон, запрещающий комиксы — или по меньшей мере те их виды, в которых описывались всякие ужасы, преступления и люди с необычными способностями.

Что ж, Вертхэм и ассоциация оказались правы: в ночь с пятницы на субботу Томми Тадбери и Джоуи Ди Анджелис действительно стали преступниками, и все из-за этих самых комиксов.

Тому было девять, Джоуи — одиннадцать, но он управлял отцовским грузовиком с семи лет. Ночью он потихоньку вывел его со двора, а Том улизнул из дома и присоединился к нему. Когда мальчишки подъехали к школе, Ди Анджелис взломал окно, а Тадбери забрался к нему на плечи, заглянул в темный класс, сосредоточился, отыскал коробку со своей коллекцией, поднял ее и по воздуху перенес в кузов грузовика. Потом прихватил еще четыре или пять коробок — для ровного счета. В ассоциации их даже не хватились — у них и так хватало чего сжечь. Если Дом Ди Анджелис и удивлялся, откуда взялись все эти комиксы, то виду ни разу не подал; он просто сколотил для них стеллаж, страшно гордый своим сыном, который умел читать. С того самого дня эта коллекция стала принадлежать им обоим.

Том поставил кружку с кофе на ящик из-под апельсинов, подошел к стеллажу и вытащил оттуда пару выпусков «Комиксов Джетбоя». Потом уселся в кресло и принялся читать — «Джетбой на острове Динозавров», «Джетбой и Четвертый рейх» и его самый любимый, последний выпуск: «Джетбой и пришельцы из космоса». Внутри, под обложкой, значилось: «Тридцать минут над Бродвеем». Тадбери дважды перечитал

его, прихлебывая стынущий кофе. На некоторых, самых лучших, рисунках он задерживался дольше других. На последней странице был нарисован тот пришелец, Тахион, со слезами на глазах. Том не знал, было такое на самом деле или нет. Он закрыл комикс и отправил в рот остатки бутерброда. Потом долго сидел в кресле, погруженный в раздумья.

Джетбой был героем. А он? Рохля. Слизняк. Можно подумать, способность, которой наделила его дикая карта, хоть кому-то помогла.

Он удрученно натянул пальто и вышел за дверь. В сером утреннем свете свалка казалась неуютной и убогой. Дул холодный ветер. В нескольких сотнях ярдов к востоку волновались мутно-зеленые воды бухты. Том забрался на бугор, где стоял «паккард». Дверца заскрипела, когда он дернул ее. Сиденья растрескались и пахли гнилью, зато внутри по крайней мере не дуло. Молодой человек кое-как устроился на переднем сиденье, упершись коленями в приборную панель, и принялся смотреть на рассвет. Он видел статую Свободы на ее островке и размытые очертания небоскребов Манхэттена на северо-востоке.

Была уже почти половина восьмого, когда Том вдруг сел прямо, а на лице у него застыло странное выражение. Холодильник, которым он жонглировал на высоте сорок футов над землей, с грохотом рухнул наземь. Он взъерошил волосы и снова поднял холодильник в воздух, пронес его ярдов двадцать над землей и сбросил прямо на рифленую жестяную крышу хибары Джоуи. Потом повторил то же самое с покрышкой, искореженным велосипедом, шестью камерами и небольшой красной тележкой.

Дверь лачуги с грохотом распахнулась, и на крыльцо выскочил Ди Анджелис в трусах и майке. Он был в ярости. Том ухватил его за босые ступни, и хозяин свалки с размаху хлопнулся на задницу. Потом выругался.

Что, если поднять его в воздух вверх тормашками?

— Тадбери, чтоб тебя, где ты прячешься? — орал Джоуи.— Прекрати сейчас же, недоумок. Отпусти меня.

Том вообразил две гигантские невидимые ладони и перебросил приятеля с одной на другую.

— Ну погоди, дай мне только спуститься на землю, и я так тебя отделаю, что всю жизнь будешь жрать через соломинку.

Ручку стеклоподъемника от многолетнего неиспользования заклинило, но в конце концов Тому все же удалось опустить стекло. Он высунул голову в окно.

— Привет, детки, привет-привет-привет!

Повисший в двенадцати футах на землей Джоуи забарахтался и погрозил ему кулаком.

— Ну погоди у меня, идиот!

Тадбери сдернул с него трусы и забросил их на телефонный столб, а затем перевел дух и опустил Джоуи на землю, очень осторожно.

Настал момент истины. Ди Анджелис мчался к нему, выкрикивая грязные ругательства. Том закрыл глаза, положил руки на руль. На лбу у него выступил пот. Он отрешился от всего мира, сосредоточился, сосчитал от одного до десяти, потом, медленно, от десяти до одного.

Когда он наконец открыл глаза, почти ожидая увидеть кулак Джоуи, готовый разбить ему нос, то не увидел ничего, кроме чайки, которая примостилась на капоте «паккарда» и, задрав голову, вглядывалась в разбитое стекло. Он парил в воздухе.

Том высунул голову из окна. Джоуи стоял в двадцати футах под ним, уткнув руки в бока.

— Ну и что ты говорил мне вчера ночью?

— Вот и торчи там теперь целый день, сукин сын.— Ди Анджелис сложил руку в бесполезный кулак и погрозил им. Прямые черные волосы упали ему на глаза.— Ну и какого рожна ты мне пытаешься доказать? Если бы у меня была пушка, тебе все равно бы не поздоровилось.

— Так я и стал бы высовываться из окна, если бы у тебя была пушка.— Он задумался над этим, но думать на высоте было трудно. «Паккард» был слишком тяжелым.— Я спускаюсь,— предупредил он Джоуи.— Ты уже... э-э... остыл?

— Спускайся, тогда и посмотришь, Тадс.

— Отойди в сторону. Я не хочу придавить тебя этой махиной.

Приятель отодвинулся — он так и был без штанов и уже начал покрываться мурашками,— и «паккард» порхнул наземь с такой легкостью, как опавший лист в безветренный день.

Едва Том приоткрыл дверь, как Джоуи протиснулся внутрь, ухватил его за грудки одной рукой и прижал к сиденью, а вторую руку сложил в кулак.

— Следовало бы тебя...— начал он. Потом покачал головой, фыркнул и несильно ткнул Тома в плечо.— Трусы-то хоть отдай, туз несчастный.

Когда они вернулись обратно в лачугу, Тадбери разогрел оставшийся кофе.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал,— сказал он, жаря себе яичницу с ветчиной и подрумянивая в тостере еще пару булочек. После фокусов с телекинезом у него всегда бывал волчий аппетит.— Возьмешь на себя переделку машины, сварку и все такое прочее. А я займусь проводкой.

— Проводка? — переспросил Джоуи, грея руки над чашкой.— А она-то тебе зачем?

— Чтобы сделать свет и телекамеры. Мне не нужны окна, которые можно прострелить. Я знаю, где можно купить камеры по дешевке, а старых теликов у тебя здесь хоть отбавляй. Я просто их починю.— Он сел за стол и с жадностью набросился на яичницу.— Кроме того, мне понадобятся громкоговорители. И генератор. Как думаешь, холодильник туда влезет?

— Этот «паккард» здоровый, как я не знаю что. Вытащи сиденье, и у тебя хватит места на три холодильника.

— Нет, «паккард» слишком тяжелый,— покачал головой Том.— Я найду что-нибудь полегче. А окна можно прикрыть старыми кузовными панелями или чем-нибудь еще.

Джоуи откинул волосы с глаз.

— К черту кузовные панели. У меня есть листовая броня. Еще с войны. В сорок шестом и сорок седьмом на базе флота пустили на металлолом уйму кораблей, Дом подал заявку на металл и прикупил целых двадцать тонн. Идиотская трата денег — кому придет в голову покупать корабельную броню? Она до сих пор валяется у меня на свалке и ржавеет. Чтобы прострелить такую дуру, нужна шестнадцатидюймовая пушка, Тадс. Ты будешь в такой безопасности, как в... даже не знаю где. В общем, в безопасности.

Том знал.

— В такой безопасности,— объявил он,— как черепаха в панцире!

До Рождества оставалось всего десять дней. Тахион сидел в одной из застекленных ниш, пряча в ладонях от декабрьского мороза чашку с ирландским кофе. До начала работы «Дома смеха» оставался еще час, но задняя дверь всегда была открыта для друзей Ангеллик. На сцене разминалась пара жонглеров-джокеров по имени Космос и Хаос, перебрасываясь шарами от боулинга. Космос парил в трех футах над сценой в позе лотоса, и на его безглазом лице играло выражение полной безмятежности. Он был слеп, как крот, но ему ни разу не случалось не поймать или выронить шар. Его напарник, шестирукий Хаос, носился вокруг как ненормальный, хохоча, откалывая непристойные шутки и при этом двумя руками жонглируя за спиной горящими факелами, а остальными четырьмя перекидываясь шарами с Космосом. Тах едва взглянул в их сторону. Как бы талантливы они ни были, их уродство причиняло ему боль.

В кабинку проскользнул Мел.

— Сколько ты уже вылакал? — поинтересовался вышибала, кивнув на кофе. Щупальца, свисавшие с его нижней губы, раздувались и сокращались, похожие на слепых пульсирующих червей, а огромная уродливая иссиня-черная челюсть придавала лицу выражение воинственного презрения.

— По-моему, это тебя не касается.

— Значит, ты ни к черту не годишься, да?

— А я никогда и не говорил, что гожусь.

Мел хмыкнул.

— Толку от тебя, как от мешка с дерьмом. Ума не приложу, зачем Ангел держит в своем заведении никчемного пришельца, который только зазря ее выпивку переводит.

— Я все время ей об этом говорю.

— Этой бабе никто не указ,— согласился Мел. Он сложил пальцы в кулак — весьма увесистый. До Дня дикой карты он был боксером-тяжеловесом восьмого разряда. После он добрался до третьего... пока таким, как он, не запретили участвовать в профессиональных турнирах, одним махом похоронив все его мечты. Говорили, что эта мера была направлена против тузов, однако для джокеров исключения делать не стали. С тех пор Мел изрядно постарел, редкие волосы поседели, но выглядел он достаточно крепким, чтобы переломить через колено Флойда Паттерсона, и достаточно грозным, чтобы смутить Санни Листона*.— Только взгляни на это,— проворчал он с отвращением, глядя в окно. На улице в своем кресле сидел Крошка.— Какого черта ему здесь нужно? Я же сказал ему, чтобы больше у нас не показывался.

Мел двинулся к двери.

— Почему бы тебе просто не оставить его в покое? — окликнул его Тахион.— Он ведь безобидный.

— Безобидный? Его вопли отпугивают всех туристов. Кто, скажи на милость, будет оплачивать твою дармовую выпивку?

Дверь распахнулась, и на пороге появился Десмонд с пальто, перекинутым через одну руку, и поднятым хоботом.

— Отцепись от него, Мел,— устало сказал он.— Займись лучше работой.

Недовольно бурча, тот проследовал к выходу. Десмонд вошел и уселся в кабинке Тахиона.

— Доброе утро, доктор,— сказал он.

Тахион кивнул и одним глотком допил кофе. Весь виски осел на дне чашки, и теперь по пищеводу разлилось тепло. Он поймал себя на том, что разглядывает свое отражение в зеркальной поверхности стола: испитое, одутловатое, неприятное лицо, с покрасневшими и опухшими глазами, нечесаными сальными волосами — опустившийся запойный пьяница. Но это же не он, где красавец с чистыми, тонкими чертами, его лицо было...

* Флойд Паттерсон — американский боксер, чемпион XV Олимпийских игр во втором среднем весе. Санни Листон — американский боксер, победитель чемпионата мира по боксу 1962 года в тяжелом весе. Его тактикой было запугивание противников еще до боя тяжелым взглядом.

Десмонд протянул хобот, пальцы грубо сомкнулись у него на запястье, дернули его вперед.

— Ты не слышал ни слова из того, что я говорил, верно?

В его негромком голосе прозвенел гнев. Тахион с трудом сообразил, что Десмонд разговаривает с ним. Он забормотал какие-то извинения.

— Ладно, пустяки,— сказал Дес, разжимая пальцы.— Послушай меня. Я прошу у тебя помощи. Как у врача. Может быть, я и джокер, но я не такой уж необразованный. Я читал о тебе. О твоих... способностях, скажем так.

— Нет,— прервал его Тахион.— Это не то, что ты думаешь.

— Есть документы,— не сдавался джокер.

— Я не...— неуклюже начал Тах. Потом развел руками.— Это было раньше. Я потерял их... в общем, теперь это мне не под силу.— Он снова уставился на свое осунувшееся отражение в столешнице, отчаянно желая посмотреть Десмонду в глаза, но не в состоянии поднять взгляд на уродливое лицо джокера.

— В общем, ты отказываешься,— сказал Десмонд, вставая.— Я-то думал, что если успею поговорить с тобой до открытия, то смогу застать тебя трезвым. Вижу, я ошибся. Считай, что разговора не было.

— Я помог бы тебе, если...— начал Тахион.

— Я просил не для себя,— резко оборвал его Дес.

Он вышел, а Тахион подошел к длинной, сияющей хромом барной стойке и вытащил непочатую бутылку коньяка. После первого бокала ему немного полегчало, после второго перестали трястись руки. К третьему он начал всхлипывать. Подошедший Мел бросил на него полный отвращения взгляд.

— Еще ни разу не видел мужика, который чуть что распускает нюни, как ты,— сказал он и бросил Тахиону грязный носовой платок, прежде чем отправиться открывать клуб.

Том находился в воздухе четыре с половиной часа, когда сквозь треск приемника, настроенного на частоту полиции, пробилось сообщение о пожаре. Конечно, не самая большая высота — всего шесть футов, но этого было достаточно. Какая

разница, шесть футов или шестьдесят? Четыре с половиной часа — и ни малейших признаков усталости. На самом деле он чувствовал себя просто потрясающе, надежно пристегнутый к ковшеобразному сиденью, снятому с разбитого спортивного «триумфа TR-3» и установленному на невысоком шарнире прямо посередине кабины «фольксвагена». Освещения, кроме тусклого зеленоватого мерцания множества разномастных телеэкранов, которые окружали его со всех сторон, не было. Между камерами, генератором, системой вентиляции, звуковым оборудованием, пультами управления, запасным ящиком с пылесосами и маленьким холодильником оставался крошечный пятачок, на котором он едва мог развернуться. Тадбери скорее был клаустрофилом, чем клаустрофобом, так что чувствовал себя вполне уютно. Джоуи обшил поверхность выпотрошенного «жука» двумя слоями толстой корабельной брони, и получилось надежнее, чем в любом танке. Они даже сделали несколько пробных выстрелов по кабине из трофейного «люгера», который Дом отобрал на войне у какого-то немецкого офицера. Удачный выстрел мог бы вывести из строя камеру или фару, но добраться сквозь панцирь до того, кто сидит внутри, было невозможно. Том был не просто в безопасности, он был неуязвим и, уверенный в своей безопасности и в себе самом, мог сделать все, что угодно.

Когда приятели закончили оборудовать «жук», он стал куда тяжелее «паккарда», но это, похоже, не имело никакого значения. Четыре с половиной часа без единой посадки машина бесшумно и практически без усилий парила над свалкой — и хоть бы единая капелька пота выступила у водителя (летчика?) на лбу!

Когда Том услышал сообщение по радио, его словно током ударило. «Вот оно!» Надо было бы дождаться Джоуи, но тот уехал в «Помпеи-пиццу» за обедом, а времени терять было нельзя, ведь ему представился такой шанс!

По кучам искореженного металла и мусора пробежали резкие тени от кольца фонарей на днище панциря — Том поднял свое бронированное убежище в воздух, он поднимался выше и выше: восемь футов, десять, двенадцать. Его глаза нервозно перебегали с одного экрана на другой, глядя на удаляющуюся землю. Один из них, кинескоп которого был извлечен из старой «Сильвании», начал медленно вращаться. Том пощелкал рукояткой и остановил его. Ладони были липкими от пота. Пятнадцать футов.

Наконец «черепаха» очутилась над береговой линией. Впереди простиралась тьма; ночь была слишком хмурой, чтобы можно было разглядеть Нью-Йорк, но молодой человек знал — город там, главное — до него добраться. На маленьких черно-белых экранах воды Нью-Йоркской бухты казались даже темнее, чем обычно; чернильный океан, уходящий в бескрайнюю даль, волновался. Пока не покажутся огни города, придется двигаться вслепую. И если он потеряет контроль над своей «черепахой» над водой, то присоединится к Джетбою и Кенеди куда раньше, чем собирался: даже если ему удастся отвинтить люк достаточно быстро, чтобы не утонуть, он все равно не умеет плавать.

Но он не потеряет контроль, так какого же черта он колеблется? Он *никогда* не потеряет контроль, ведь так? Он должен верить в это.

Он сжал губы, мысленно оттолкнулся — и машина плавно заскользила над водой. Соленые волны под ним то вздымались, то оседали. Тадбери никогда раньше не приходилось передвигаться таким образом по воде — он запаниковал, и «черепаха», качнувшись, опустилась на три фута вниз, прежде чем Том вновь овладел собой и выправил ее. Усилием воли он заставил себя успокоиться, распрямил плечи и набрал высоту. Высота, думал он, он спустится с высоты, он прилетит, как Джетбой, как Черный Орел, как чертов туз. Машина неслась над водой, все быстрее и быстрее, скользила над бухтой стремительно и уверенно, и Том приободрился. Никогда еще не было ему так хорошо, никогда он не чувствовал себя столь немыслимо могущественным.

Компас работал превосходно; менее чем через десять минут перед ним показались огни Баттери и Уолл-стрит. Том поднялся еще выше и поплыл в верхнюю часть города, держась берега Гудзона. Под ним промелькнула и исчезла «Могила Джет-

боя». Не раз он стоял перед ней, глядя в лицо великанской бронзовой статуе.

У него была с собой карта Нью-Йорка, но сегодня он не нуждался в ней: зарево пожара было видно почти за милю. Даже внутри своего панциря Тадбери ощущал волны жара, которым дохнуло на него, когда он пролетал над горящим зданием. Зажужжали вентиляторы; по его команде включились камеры. Внизу творилось безумие: сирены и крики, зеваки, спешащие пожарные, полицейское ограждение и машины «скорой помощи», пожарные машины... Сначала никто не заметил «черепаху», зависшую на высоте пятидесяти футов над тротуаром,— пока машина не спустилась пониже и огни ее фар не осветили стены здания. Тогда все принялись указывать на нее; возбуждение ударило в голову молодого человека как шампанское.

Но у него был всего лишь миг, чтобы насладиться этим ощущением. Потом краешком глаза он заметил на одном из своих мониторов женщину. Она внезапно появилась в окне пятого этажа, давясь мучительным кашлем; платье на ней уже занялось, жадные языки пламени тянулись к ней. Женщина завизжала и спрыгнула.

Том поймал ее в воздухе, не задумываясь, не колеблясь, не спрашивая себя, сумеет ли, и осторожно опустил наземь. Женщину тут же окружили пожарные, стащили с нее платье и поспешно повели к «скорой». Теперь наверняка странный темный силуэт, парящий в ночи и окруженный кольцом ярких огней, привлек внимание всех. Полицейская частота затрещала и ожила; о нем докладывали как о летающей тарелке. Тадбери ухмыльнулся.

Один из полицейских забрался на крышу машины с мегафоном в руках и что-то закричал. Том выключил радио, чтобы лучше слышать. Ему приказывали приземлиться и назваться, спрашивали, кто он такой и что собой представляет.

Это было просто.

— Я — Черепаха,— сказал он.

Колеса с «фольксвагена» были сняты, Джоуи приладил вместо них самые здоровые динамики, какие только смог

найти, и подключил к ним самый мощный усилитель. Оглушительное «Я — ЧЕРЕПАХА» раскатилось по улицам и переулкам, точно удар грома, чуть потрескивающий от искажений. Вот только слова были какие-то не совсем такие. Том крутанул ручку громкости до упора, прибавил своему голосу немного басов. «Я — ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ ЧЕРЕПАХА»,— возвестил он.

После этого Тадбери полетел к темному и грязному Гудзону и вообразил две гигантские незримые ладони сорока футов шириной. Он опустил их в реку, набрал полную пригоршню воды и поднялся. Пока он добирался назад, на улице успел образоваться небольшой ручеек. Когда с ночного неба на горящее здание хлынули потоки воды, толпа на земле разразилась нестройными приветственными криками.

— Веселого Рождества! — пьяно провозгласил Тах, когда часы пробили полночь и собравшиеся в рекордном количестве посетители принялись свистеть, улюлюкать и колотить по столикам. На сцене Хамфри Богарт чужим голосом отпустил избитую шутку. Все огни в зале на миг погасли; когда же они вспыхнули снова, на месте Богарта очутился круглолицый толстяк с красным носом.

— А это еще что за гусь? — спросил Тах ту сестричку, что сидела слева.

— У. К. Филдз*,— прошептала она и порхнула язычком по мочке его уха. Вторая сестричка, та, что была справа, проделывала нечто еще более захватывающее под столом, где ее рука каким-то образом отыскала путь в его брюки. Эти близняшки были рождественским подарком ему от Ангеллик.

«Можешь вообразить, что они — это я»,— сказала она ему, хотя они, разумеется, не имели с ней ничего общего. Славные девчушки, веселые и жизнерадостные и при этом на редкость раскованные, хотя и чуточку глуповатые. Они напоминали ему такисианских секс-кукол. Та, что справа, вытащила ди-

* Уильям Клод Филдз (1880–1946) — знаменитый комик. Таким образом, ко времени описываемых событий его уже не было в живых. *(Прим. ред.)*

кую карту, но свою кошачью маску не снимала нигде, даже в постели, а никаких видимых уродств, которые могли бы помешать ему наслаждаться своей эрекцией, у нее не было.

Филдз, кем бы он ни был, высказал несколько циничных замечаний относительно Рождества и ребятишек — с чувством юмора у него явно было не все в порядке. Его освистали. Таха это нисколько не волновало; его прекрасно развлекали и без того.

— Газету, док? — Торговец толстой трехпалой рукой протянул ему через весь стол «Герольд трибьюн». Кожа у него была иссиня-черная и маслянистая на вид.— Все рождественские новости,— сказал он и попытался поудобнее устроить под мышкой рассыпающуюся пачку газет. Из уголков широкого ухмыляющегося рта торчали маленькие кривые клыки. Непомерно раздутый череп под шляпой покрывали пучки жестких рыжих волос. На улицах его знали под прозвищем «Морж».

— Спасибо, Джуб, не надо,— с пьяным достоинством проговорил Тахион.— Сегодня ночью у меня нет желания упиваться человеческой глупостью.

— Эй, глянь! — сказала та сестричка, что была справа.— Черепаха!

Тахион озадаченно оглянулся, недоумевая, как это такая здоровая бронированная махина могла очутиться в стенах «Дома смеха», но девушка, разумеется, имела в виду газету.

— Лучше купи ей эту газету, Тахи,— хихикнув, посоветовала сестричка слева.— А не то она весь вечер будет дуться.

Такисианин вздохнул.

— Ладно, возьму одну. Но только если ты не станешь заставлять меня выслушивать твои анекдоты, Джуб.

— Я как раз знаю новый, про то, как джокер, ирландец и поляк очутились на необитаемом острове, но раз так, я не буду его рассказывать,— растянул резиновые губы в ухмылке Морж.

Тах порылся в карманах в поисках мелочи, но не обнаружил там ничего, кроме маленькой женской ручки. Джуб подмигнул.

— Получу с Деса,— сказал он.

Тахион разложил газету на столе под взрыв аплодисментов: на сцене появились Космос и Хаос.

Зернистая фотография Черепахи занимала две колонки. Тахион решил, что машина похожа на летающий огурец, покрытый маленькими пупырышками. Черепаха задержал водителя, который насмерть сбил девятилетнего парнишку из Гарлема и пытался скрыться. Он перерезал ему дорогу и поднял автомобиль на двадцать футов над землей, где он и висел, бешено вращая колесами, под рев двигателя до тех пор, пока наконец не подъехала полиция. В заметке представитель военно-воздушных сил опровергал слух, будто машина якобы является экспериментальным летающим танком.

— Можно подумать, им не найти ничего более важного, о чем стоило бы написать,— заметил Тахион. Это была уже третья большая статья о Черепахе за эту неделю. Колонки писем, редакторские колонки — повсюду был Черепаха, Черепаха, Черепаха. Даже на телевидении все только и говорили, что о Черепахе. Кто он такой? Что из себя представляет? Как он это проделывает?

Один репортер даже разыскал Тахиона и задал ему этот вопрос.

— Телекинез,— последовал незамедлительный ответ.— Ничего особенного. Почти обычное, в сущности, дело.

Телекинез был единственной способностью, которая наиболее часто обнаруживалась у жертв вируса еще в сорок шестом. Он повидал с дюжину пациентов, которые усилием воли передвигали скрепки и карандаши, а одна женщина даже могла удерживать свое тело в воздухе до десяти минут за один прием. Даже способность Эрла Сэндерсона летать в основе своей была телекинетической. Однако он не стал рассказывать им, что ни разу еще не сталкивался с телекинезом такого масштаба. Разумеется, когда статья вышла, половина его слов оказалась переврана.

— Знаешь, а он ведь джокер,— прошептала сестричка справа, та самая, на которой была серебристо-серая маска кошки. Она прильнула к его плечу и читала о Черепахе.

— Джокер? — переспросил Тахион.

— Он ведь прячется внутри панциря, так? Зачем это было бы ему нужно, если он не сущее страшилище? — Она вытащила руку из его ширинки.— Можно я заберу эту газету?

Тах подвинул газету к ней.

— Теперь они поют *ему* дифирамбы,— резко бросил он.— Когда-то «Четырем тузам» тоже пели дифирамбы.

— Это та цветная группа, да? — спросила девушка, проглядывая заголовки.

— Она ведет альбом,— пояснила ее сестра.— Все джокеры считают, будто он один из них. Глупо, да? Голову даю на отсечение, это просто машина, какая-нибудь очередная летающая тарелка ВВС.

— А вот и нет. Здесь прямо так и написано.

«Кошка» ткнула в заметку длинным ярко-алым ногтем.

— Не обращай на нее внимания,— посоветовала сестричка слева от него. Она придвинулась к Тахиону поближе, куснула его за шею и запустила под стол руку.— Эй, что за дела? Ты ни на что не годишься.

— Приношу свои извинения,— мрачно сказал Тахион.

Космос и Хаос метали топоры, мачете и ножи через всю стену, и зеркала многократно отражали этот сверкающий водопад. На столике перед ним стояла бутылка превосходного коньяка, а с обеих сторон сидели прелестные, готовые ублажать его девушки, но внезапно по какой-то причине, которую он и сам не мог бы назвать, вечеринка потеряла для него всю свою прелесть. Он наполнил бокал почти до краев и вдохнул терпкий пьянящий запах.

— Веселого Рождества,— буркнул он, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Очнулся он под сердитый гул голоса Мела. Тах с усилием поднял голову с зеркальной поверхности стола и, пьяно моргая, уставился на свое красное опухшее отражение. Жонглеры, близняшки и многочисленные зрители давно ушли. Щека была липкой — он уснул прямо в луже пролитого коньяка. Он помнил, как у столика стояла Ангеллик.

— Иди спать, Таки,— сказала она. Подошедший Мел спросил, не оттащить ли его в постель.— Не сегодня, ты же знаешь, какой сегодня день. Пусть проспится здесь.

Он так и не смог вспомнить, когда заснул.

Голова у него и так готова была лопнуть, а вопли Мела только усугубляли положение.

— ...Да чихать мне с высокой горки, что тебе обещали, подонок! Ты ее не увидишь! — Второй, более тихий голос что-то отвечал.— Ты получишь свои поганые деньги, но больше ни на что не рассчитывай,— рявкнул вышибала.

Тах поднял глаза. В зеркалах мелькали смутные отражения: странные изогнутые силуэты, расплывающиеся в тусклом утреннем свете, отражения отражений, многие их сотни, прекрасные, чудовищные, бессчетные — его детища, его наследники, результат его неудач, живое море джокеров. Негромкий голос произнес что-то еще.

— Да пошел ты! — ответил Мел.

Его тело походило на изогнутый прутик, а голова была размером с тыкву; Тах невольно улыбнулся. Мел оттолкнул кого-то и потянулся за спину, нащупывая свой пистолет.

Отражения и отражения отражений, нелепо удлиненные силуэты и силуэты, раздутые как бочонки, силуэты круглолицые и тощие, как щепки, силуэты белые и черные, они разом ожили, и клуб наполнился шумом; Мел хрипло вскрикнул, послышался сухой треск выстрела. Тах инстинктивно нырнул под стол, по пути больно ударившись лбом о край столешницы. Он сморгнул выступившие от боли слезы и съежился на полу, глядя на бесчисленные отражения ног, а мир вокруг него вдруг начал рушиться вдребезги, утопая в оглушительной какофонии. Стекло раскалывалось и падало, вокруг разбивались зеркала, и крошечные посеребренные лезвия разлетались во все стороны, слишком многочисленные, чтобы даже Космосу и Хаосу удалось их поймать; черные трещины разбегались по отражениям, отхватывали куски от всех искривленных теней-силуэтов; кровь забрызгивала зеркальные осколки.

Ад прекратился так же внезапно, как и начался. Негромкий голос что-то произнес, потом послышались шаги и хруст разбитого стекла. Миг спустя раздался приглушенный вскрик. Тах лежал под столом, пьяный и перепуганный насмерть. Палец пронзила резкая боль: он кровоточил, порезанный оскол-

ком зеркала. Он не мог думать ни о чем ином, кроме иррациональных человеческих суеверий относительно разбитых зеркал, которые предвещали несчастье, и прикрыл голову руками, точно пытаясь заставить этот чудовищный кошмар рассеяться.

Второй раз он очнулся оттого, что его бесцеремонно тряс полицейский.

Один из детективов сообщил ему, что Мел мертв; ему показали фотографию вышибалы, лежащего в луже крови посреди куч разбитого стекла. Рут тоже была мертва, как и один из швейцаров, слабоумный циклоп, который ни разу в жизни и мухи не обидел. Тахиону также показали газету. «Рождественская бойня», вот как окрестили это репортеры, и передовица была посвящена трем джокерам, которых нашли убитыми под елкой в рождественское утро.

Мисс Фасетти исчезла, сообщил ему второй детектив; известно ли ему что-либо об этом? Замешана ли она в этом, по его мнению? Виновница ли она или жертва? Что он может рассказать им о ней? Он сказал, что не знает никакой мисс Фасетти, и тогда ему пояснили, что они спрашивают его об Анжеле Фасетти, более известной как Ангеллик. Она исчезла, а Мела застрелили, и самое ужасное во всем этом было то, что Тах не знал, где он теперь будет брать выпивку.

Его продержали в участке четыре дня, беспрерывно допрашивая, задавая по кругу одни и те же вопросы, пока Тахион не принялся кричать, умолять, требовать соблюдения его прав, адвоката и выпить. Ему дали только адвоката. Слуга закона сообщил, что они не имеют права держать его, не предъявляя никакого обвинения, поэтому такисианина обвинили в бродяжничестве и в оказании сопротивления при аресте и стали допрашивать по новой.

К третьему дню у Таха тряслись руки и его преследовали галлюцинации наяву. Один из детективов, тот, что прикидывался добрым, пообещал ему бутылку в обмен на сотрудничество, но почему-то его ответы никогда не удовлетворяли их, и обещанная бутылка не появлялась. Тот, что прикидывался злым, грозился упечь его в тюрьму до конца жизни, если он

не расскажет правду. Я думал, что это просто кошмар, говорил им Тахион, всхлипывая. Я был пьян, я заснул. Нет, я не видел их — только отражения, искаженные, бесчисленные. Я не знаю, сколько их было. Я не знаю, из-за чего все произошло. Нет, у нее не было врагов. Ангеллик все любили. Нет, она не убивала Мела, это просто абсурд, Мел любил ее. У одного из них был тихий голос. Нет, я не знаю, у кого именно. Нет, я не помню, о чем они разговаривали. Нет, я не знаю, были они джокерами или нет, да, они были похожи на джокеров, но зеркала искажают отражение — некоторые, не все, понимаете? Нет, я не смогу узнать их на фотографиях, я ведь даже и не видел их толком. Мне пришлось спрятаться под столом, понимаете, ведь пришли убийцы, а мой отец всегда говорил, что нужно прятаться, я не мог ничего сделать.

Когда до них дошло, что инопланетянин рассказывает им все, что ему известно, с него сняли все обвинения и выпустили — на темные улицы Джокертауна, в ночной холод.

Он брел по Боуэри, дрожа от холода. На перекрестке с Хестер-стрит Морж из своей газетной палатки выкрикивал вечерние новости.

— Узнайте об этом все! — кричал он.— Черепаха наводит ужас на Джокертаун!

Тахион остановился и вяло проглядел заголовки.

«ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ ЧЕРЕПАХУ»,— сообщала «Пост». «ЧЕРЕПАХУ ОБВИНЯЮТ В НАПАДЕНИИ»,— информировала «Уорлд телеграм». Значит, славословия уже закончились. Он пробежал глазами текст. Прошлую и позапрошлую ночь Черепаха прочесывал Джокертаун, поднимал людей на сотню футов в воздух и там допрашивал, угрожая сбросить их, если не будет доволен их ответами. Когда полиция прошлой ночью попыталась арестовать его, он забросил две их машины на крышу клуба «Шизики» на Четэм-сквер. «ПОРА ОСТАНОВИТЬ ЧЕРЕПАХУ»,— призывал в своей колонке редактор «Уорлд телеграм».

— Вы в порядке, док? — спросил Морж.

— Нет,— ответил Тахион и положил газету на место. Все равно он не мог купить ее.

Вход в «Дом смеха» перекрывали полицейские ограждения; на двери висел замок. «ЗАКРЫТО НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК»,— гласило объявление. Тахиону совершенно необходимо было выпить, но карманы его роскошного пальто были пусты. Он подумал о Десе и Рэнделле и понял, что не имеет ни малейшего понятия о том, где они живут и как их фамилии.

Такисианин доплелся до «Комнат», устало поднялся по лестнице. Шагнув в темноту своего номера, он почувствовал, что там холодно, как в морозильнике; окно было открыто, и ледяной ветер разгонял застарелый запах мочи, плесени и алкоголя. Неужели он забыл закрыть окно? Тахион в замешательстве сделал шаг вперед, и в этот миг кто-то вышел из-за двери и схватил его.

Это произошло так быстро, что у него совершенно не было времени отреагировать. Рука, перехватившая его поперек горла, казалась стальным прутом, и его вскрик задохнулся, не успев родиться, а его правую руку грубо заломили за спину. Он хрипел, рука у него, казалось, готова была треснуть пополам, а незнакомец уже толкал его к открытому окну, и Тахион мог лишь слабо дергаться в захвате, сила которого намного превосходила его собственную. Он с размаху врезался животом в подоконник, задохнулся окончательно и вдруг кувырком полетел из окна вниз, зажатый в стальных объятиях своего обидчика, прямо на тротуар.

Они резко затормозили в пяти футах от цементной мостовой, так резко, что человек, державший его, охнул.

Тах закрыл глаза за миг до удара и открыл их только тогда, когда они начали вновь плавно набирать высоту. Поверх желтого шара уличного фонаря виднелось кольцо более ярких огней, повисшее в темноте зимнего беззвездного неба.

Рука, перекрывавшая ему дыхание, ослабила хватку ровно настолько, чтобы Тахион мог застонать.

Они обогнули панцирь и мягко опустились на его поверхность. Металл был ледяным, его холод пробирал даже сквозь ткань брюк. Черепаха начал подниматься в ночное небо, и похититель отпустил Тахиона. Тот судорожно глотнул морозного воздуха и, повернувшись, очутился лицом к лицу с мужчиной

в черной кожаной куртке на молнии, черных дерюжных брюках и резиновой зеленой маске лягушки.

— Кто?..— только и смог выдохнуть он.

— Я — друг Великой и Могучей Черепахи,— довольно бодро сообщил человек в маске.

— ДОКТОР ТАХИОН, ПОЛАГАЮ? — загремели динамики.— Я ВСЕГДА ХОТЕЛ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ВАМИ. Я ЧИТАЛ О ВАС ЕЩЕ РЕБЕНКОМ.

— Сделайте потише,— слабо просипел Тах.

— О, КОНЕЧНО. Так лучше? — Громкость резко уменьшилась.— Здесь так шумно, а из-за этой брони не всегда получается определить, громко или тихо я говорю. Прошу прощения, если мы напугали вас, но мы не могли рисковать получить отказ. Вы нужны нам.

Тахион сидел на месте, дрожащий, потрясенный.

— Чего вы хотите? — спросил он устало.

— Помощи,— объявил Черепаха.

Они все еще поднимались; повсюду вокруг были огни Манхэттена, вдалеке возвышались башни Эмпайр-стэйт-билдинг и Крайслер-билдинг. Ветер был холодный и порывистый; Тахион изо всех сил цеплялся за панцирь.

— Оставьте меня в покое. Я ничем не могу вам помочь. Я никому не могу помочь.

— Черт, да он ревет! — изумился мужчина в лягушачьей маске.

— Вы не понимаете,— продолжал Черепаха. Они поплыли на запад, бесшумно и уверенно. В этом полете было что-то захватывающее дух и зловещее одновременно.— Вы должны помочь. Я пытался сам, но у меня ничего не выходит. Но вы с вашими способностями — дело другое.

Тахиону было слишком жаль себя, он слишком замерз, устал и отчаялся, чтобы отвечать.

— Я хочу выпить,— сказал он.

— Черт подери! — выругался тот, что был в маске.— Дамбо был прав; этот парень просто никчемный алкаш.

— Он не понимает,— возразил Черепаха.— Как только мы все ему объясним, он согласится. Доктор Тахион, мы говорим о вашей подруге Ангеллик.

Таху так сильно хотелось выпить, что внутри у него все скрутилось в узел.

— Она была так добра ко мне,— всхлипнул такисианин, вспомнив нежный аромат атласных простынь и окровавленные следы ног на зеркальных плитках пола.— Но я ничего не могу поделать. Я рассказал полиции все, что знал.

— Трусливая задница,— припечатал тот, что был в лягушачьей маске.

— Когда я был ребенком, я читал о вас в «Комиксах Джетбоя»,— продолжал Черепаха.— «Тридцать минут над Бродвеем», помните? Вас считали таким же умным, как Эйнштейн. Может быть, мне удастся спасти вашу подругу Ангеллик, но без ваших способностей у меня ничего не получится.

— Я больше ими не пользуюсь. Не могу. Я погубил одного человека, который был мне очень дорог, я овладел ее разумом, всего на миг, ради благой цели, во всяком случае я считал ее такой, но это... это погубило ее. Я не могу поступить так снова.

— У-тю-тю! — насмешливо протянул человек в маске.— Выкидывай ты его, Черепаха, какой от него толк?

Он что-то вытащил из кармана кожаной куртки. Тахион с изумлением увидел, что это бутылка пива.

— Пожалуйста,— попросил Тахион, когда незнакомец поддел крышку открывашкой, висевшей у него на шее.— Глоточек, всего один глоточек.— Он терпеть не мог пива, но ему нужно было выпить, хоть что-нибудь, что угодно. Он не пил уже несколько дней.— Прошу вас.

— Отвали! — бросил тот.

— Тахион,— предложил Черепаха.— Вы можете заставить его.

— Нет, не могу,— отозвался Тах. Незнакомец поднес бутылку к зеленым резиновым губам.— Не могу,— повторил он.— Нет.— Он больше не мог выносить этого бульканья.— Пожалуйста, самую капельку.

Мужчина оторвался от бутылки, задумчиво поболтал ею.

— Остался всего один глоток,— сообщил он.

— Пожалуйста.— Инопланетянин протянул дрожащую руку.

— Ха! — Обладатель лягушачьей маски начал медленно наклонять бутылку.— Конечно, если ты действительно так хочешь выпить, то можешь просто схватить мой разум, верно? Заставить меня отдать тебе эту чертову бутылку. Ну давай, попробуй!

Тах проводил глазами последний глоток пива, который выплеснулся на панцирь Черепахи и утек в пустоту.

— Что, совсем приперло, да?

Незнакомец вытащил из кармана еще одну бутылку, открыл ее и передал Тахиону. Тот вцепился в нее обеими руками. Пиво было холодным и кислым, но никогда еще он не пил ничего столь восхитительно вкусного. Он осушил бутылку в один глоток.

— Ну что, еще идеи будут? — спросил маска Черепаху.

Впереди чернел Гудзон, огни Джерси остались на западе. Они снижались. Под ними на берегу Гудзона возвышалось величественное сооружение из стали, стекла и мрамора, которое Тахион вдруг узнал, хотя ни разу в жизни не бывал внутри. «Могила Джетбоя».

— Куда мы летим? — спросил он.

— Мы летим спасать одного человека,— ответил Черепаха.

«Могила Джетбоя» занимала целый квартал в том месте, куда упали обломки его самолета. Она разрасталась на экранах Тома, перед которыми он сидел в теплой темноте своего панциря, купающаяся в фосфорическом сиянии. Великанские крылья мавзолея загибались кверху, как будто само здание вот-вот взлетит. Сквозь узкие высокие окна он мельком заметил воссозданную в натуральную величину копию знаменитого «ДБ-1», свисающую с прозрачного купола, с алыми боками, подсвеченными незримыми огнями. Над входом были высечены последние слова героя: каждую букву выдолбили в черном итальянском мраморе и заполнили нержавеющей сталью. В свете фар металл вспыхивал отраженным огнем:

«Я НЕ МОГУ УМЕРЕТЬ:
Я ЕЩЕ НЕ ПОСМОТРЕЛ “ИСТОРИЮ ДЖОЛСОНА”».

Том посадил Черепаху перед мавзолеем и завис в воздухе в пяти футах над широкой мраморной площадкой, к которой вели ступени. Рядом двадцатифутовый Джетбой устремлял свой взгляд на Вестсайдское шоссе и Гудзон за ним; кулаки его были сжаты. Скульптуру сделали из металла, переплавленного из обломков упавших самолетов.

Человек, на встречу с которым они прилетели, отделился от густой тени у постамента статуи — коренастая темная фигура, кутающаяся в теплое пальто; руки он не вынимал из карманов. Том направил на него одну фару; камера подъехала ближе, чтобы взять его крупным планом. Это был джокер, довольно полный, сутулый, одетый в пальто с меховым воротником; шляпу он надвинул на самый лоб. Вместо носа посередине его лица болтался слоновий хобот. Конец его окаймляли пальцы, заботливо облаченные в маленькую кожаную перчатку.

Доктор Тахион сполз с панциря, поскользнулся и приземлился на пятую точку. Том услышал, как расхохотался Джоуи. Потом он тоже соскочил на землю и дернул Тахиона за ноги.

Джокер сверху вниз взглянул на инопланетянина.

— Значит, вы все-таки уговорили его прийти. Я удивлен.

— Мы были чертовски убедительны,— заметил Ди Анджеллис.

— Дес.— Тахион не пытался скрыть удивления.— Что ты здесь делаешь? Ты знаешь этих людей?

Десмонд дернул хоботом.

— С позавчерашнего дня — да, в некотором роде. Они обратились ко мне. Было уже поздно, но телефонный звонок Великой и Могучей Черепахи способен вызвать интерес. Он предложил свою помощь, и я согласился. Я даже рассказал им, где ты живешь.

Тахион провел рукой по спутанным грязным волосам.

— Мне очень жаль Мела. Тебе известно что-нибудь об Ангеллик? Ты ведь знаешь, как много она для меня значит.

— О да, я знаю точную сумму в долларах и центах,— кивнул Дес.

Тахион вздрогнул, как будто его ударили. Вид у него был обиженный.

— Я хотел отправиться к тебе,— сказал он.— Но не знал, где тебя найти.

Джоуи расхохотался.

— Да его адрес есть в любой занюханной телефонной книге, недоумок. Парней по имени Ксавье Десмонд не так уж и много. Как он отыщет вашу дамочку, если у него не хватило ума найти здесь собственного приятеля?

Десмонд кивнул.

— В самую точку. Ничего не выйдет. Только взгляните на него.— Он ткнул в Тахиона хоботом.— На что он годится? Мы зря тратим драгоценное время.

— Мы уже делали по-вашему,— ответил Том.— И у нас ничего не получилось. Никто так и не раскололся. Он может выбить информацию, которая нам нужна.

— Я ничего не понимаю,— вмешался Тахион.— Что происходит?

Джоуи с отвращением фыркнул. Он где-то нашел еще пива и был занят тем, что открывал крышку.

— Если бы ты интересовался хоть чем-нибудь еще, кроме коньяка и дешевых девок, то знал бы об этом сам,— ледяным тоном отрезал Дес.

— Расскажите ему то, что рассказали нам,— велел Том.

Когда Тахион будет знать все, он обязательно поможет, думал он. Он не может не помочь.

Дес тяжело вздохнул.

— Ангеллик давно и прочно сидит на героине. У нее сильные боли. Возможно, вы это даже время от времени замечали, доктор? Наркотики были единственным, что помогало ей продержаться день. Если бы не они, боль свела бы ее с ума. Но у нее это не как у обычных торчков. Она употребляла героин в таких количествах, что любой другой наркоман давно отправился бы на тот свет. Ты сам видел, на нее он практически не влияет. Метаболизм джокеров — странная вещь. Вы представляете себе, сколько стоит героин, доктор Тахион? Ладно, вижу, что нет. «Дом смеха» приносил Ангеллик неплохие деньги, но этого все равно не хватало. Ее поставщик продавал ей в кредит, пока она не оказалась в долгах по уши,

а потом потребовал... назовем это долговым обязательством. Или подарком на Рождество. У нее не было выбора. Или он прекратил бы снабжать ее. Она со своим вечным оптимизмом все надеялась собрать деньги. Не вышло. Утром Рождества ее поставщик явился за долгом. Мел не собирался вот так просто отдать им ее. Они настаивали.

Тахион жмурился на свет.

— Почему она ничего мне не рассказала?

— Полагаю, не хотела обременять вас, доктор. Не хотела мешать тебе спокойно топить свою жалость к себе в выпивке.

— Ты рассказал об этом полиции?

— Полиции? Угу. Нью-йоркским стражам порядка. Тем самым, которые проявляют поразительное отсутствие интереса, когда калечат или убивают джокера, зато готовы рыть землю носом, когда грабят какого-нибудь туриста. Тем самым, которые с такой регулярностью арестовывают, изводят и допекают любого джокера, у которого хватает ума поселиться где-нибудь за пределами Джокертауна. Возможно, стоило бы обратиться к тому офицеру, который заметил, что изнасилование женщины-джокера — скорее недостаток вкуса, чем преступление.— Дес фыркнул.— Доктор Тахион, где, как вы думаете, Ангеллик покупала себе наркотики? Думаешь, у любого уличного торговца есть доступ к героину в таких количествах, в которых она нуждалась? Полиция и была ее поставщиком. Глава отдела по борьбе с наркотиками в Джокертауне, если говорить точнее. О, полагаю, вряд ли в этом замешан весь отдел. Может быть, убийца и ведет сейчас расследование. Как думаешь, что они скажут, если мы заявим им, что убийца — Баннистер? Думаешь, они арестуют своего? На основании моего свидетельства или свидетельства любого другого джокера?

— Мы возместим ее долг,— бухнул Тахион.— Мы отдадим этому человеку его деньги, или «Дом смеха», или что там ему нужно.

— Долговое обязательство,— устало проговорил Десмонд,— было не на «Дом смеха».

— Да что бы это ни было, пускай забирает!

— Она обещала ему то единственное, чего еще не лишилась,— себя, свою красоту и боль. Об этом уже говорят на улицах, если ты умеешь слушать. Где-то в городе состоится совершенно особенная новогодняя вечеринка. По приглашениям. Очень дорогая. Незабываемые впечатления. Баннистер получит ее первой. Он уже давно этого хотел. После этого настанет черед гостей. Таково гостеприимство Джокертауна.

Губы Тахиона беззвучно зашевелились.

— Полиция? — выдавил он наконец.

Судя по его виду, он испытывал сейчас то же потрясение, что и Том, когда Десмонд рассказал все это им с Джоуи.

— Думаете, мы их волнуем, доктор? Мы — уроды. Мы — *заразные*. Джокертаун — это ад, клоака, и джокертаунские полицейские — самые жестокие, продажные и некомпетентные во всем городе. Я не думаю, чтобы то, что произошло в «Доме смеха», было запланировано, но это произошло, а Ангеллик слишком много знает. Они не оставят ее в живых, но сначала вволю позабавятся.

Том Тадбери склонился к микрофону.

— Я могу спасти ее,— сказал он.— Эти скоты не видели ничего подобного Великой и Могучей Черепахе. Но я не могу найти ее.

— У нее множество друзей,— сказал Десмонд.— Но ни один из нас не умеет читать мысли и не может заставить человека делать то, чего он не хочет.

— Я не могу.— Такисианин как-то съежился, отстранился от них подальше, и на какой-то миг Тому даже показалось, что маленький человечек сейчас убежит.— Вы не понимаете.

— Ну и слизняк! — выкрикнул Джоуи.

Тадбери наконец перестал сдерживать себя.

— Если у вас ничего не получится, значит, ничего не получится. Но если вы не попытаетесь, у вас тоже ничего не получится — какая, к черту, разница? Джетбой потерпел неудачу, но он по крайней мере *пытался*. Он не был тузом, он также не был такисианином — обычный летчик,— но он сделал все, что мог.

— Я хотел бы. Я просто... просто... не могу.

Дес затрубил от отвращения. Ди Анджеллис пожал плечами.

Том не верил своим ушам. Тахион не поможет! Джоуи предупреждал его, и Десмонд тоже, но он настоял — ведь это же *доктор Тахион,* он обязательно поможет! Пусть сейчас инопланетянин уже не тот, что был раньше, но как только они объяснят ему ситуацию и дадут понять, что стоит на кону и как сильно он им нужен,— он не сможет им отказать.

Но он отказал. Черт возьми, это была последняя соломинка! Тадбери выкрутил ручку громкости до упора.

— АХ ТЫ СУКИН СЫН! — прогремел он, и оглушительный звук разнесся по всей площадке. Тахион шарахнулся.— НИКЧЕМНЫЙ ЧЕРТОВ ИНОПЛАНЕТНЫЙ ТРУС! — Такисианин, пошатываясь, начал спускаться вниз по лестнице, но Черепаха нагнал его и продолжил бушевать во всю мощь своих динамиков.— ЗНАЧИТ, ВСЕ ЭТО БЫЛО ВРАНЬЕ, ДА? КОМИКСЫ, ГАЗЕТЫ — ВСЕ ВРАНЬЕ, ДО ЕДИНОГО СЛОВА. ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ МЕНЯ ЛУПИЛИ И ОБЗЫВАЛИ РАЗМАЗНЕЙ И ТРУСОМ, НО НАСТОЯЩИЙ ТРУС — ЭТО ТЫ! СВИНЬЯ, ХЛЮПИК ПОГАНЫЙ, ТЫ ДАЖЕ ПОПЫТАТЬСЯ НЕ ХОЧЕШЬ, ТЕБЕ ПЛЕВАТЬ НА ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ, НА ТВОЮ ПОДРУГУ АНГЕЛЛИК, НА КЕННЕДИ, НА ДЖЕТБОЯ — НА ВСЕХ! У ТЕБЯ ЕСТЬ ОФИГЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ, НО ТЫ — НИКТО, ТЫ НИ НА ЧТО НЕ СПОСОБЕН. ТЫ ХУЖЕ, ЧЕМ ОСВАЛЬД, ЧЕМ БРАУН, ЧЕМ ВСЕ ОНИ, ВМЕСТЕ ВЗЯТЫЕ!

Тахион спотыкался о ступени, зажимал уши руками, кричал что-то невразумительное, но Том был слишком разъярен, чтобы слушать. Его гнев больше не подчинялся ему. Он выскочил из Черепахи и обрушился на инопланетянина.

— СВИНЬЯ! — визжал Том.— ЭТО ТЫ ЗАБИЛСЯ В СВОЙ ПАНЦИРЬ! — Незримые удары градом посыпались на Тахиона. Он пошатнулся, упал, покатился по ступеням, попытался подняться на ноги, но снова получил оплеуху, упал и полетел по лестнице кувырком.— СВОЛОЧЬ! ДАВАЙ, БЕГИ, ДЕРЬМО, ВАЛИ ОТСЮДА, А НЕ ТО Я ШВЫРНУ ТЕБЯ В ЭТУ ЧЕРТОВУ РЕКУ! УНОСИ НОГИ, РОХЛЯ, ПОКА ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ ЧЕРЕПАХА НЕ ВЫШЕЛ ИЗ СЕБЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ! БЕГИ, ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ! ЭТО ТЫ ЗАБИЛСЯ В СВОЙ ПАНЦИРЬ! ЭТО ТЫ ЗАБИЛСЯ В СВОЙ ПАНЦИРЬ!

И Тахион помчался, слепо перебегая от фонаря к фонарю, пока не скрылся в тени. Том Тадбери вернулся в кабину и теперь наблюдал, как доктор исчез с многочисленных телевизионных экранов. Он чувствовал отвращение и бессилие. В голове у него гудело. Нужно выпить пива или принять аспирин, а лучше и то и другое. Когда он услышал вой приближающихся сирен, то подхватил Джоуи с Десмондом, погасил огни и взмыл прямо в небо, высоко-высоко, в темноту, холод и безмолвие.

Ту ночь Тахион провел отвратительно — метался по кровати, как в лихорадке, вскрикивал, плакал, снова и снова выдергивал себя из одного кошмарного сна, чтобы тут же погрузиться в другой. В своих снах он снова был на Такисе, и ненавистный кузен Забб хвастался новой сексуальной куклой, но когда он привел ее, это оказалась Блайз, и он овладел ею прямо у него на глазах. Тах смотрел на них, не в силах вмешаться; тело женщины билось под ним, кровь текла у нее из ушей, изо рта и из вагины. Она начала изменяться, превращаясь в одного джокера за другим, и каждый новый был ужаснее предыдущего, а Забб все продолжал насиловать их, а они кричали и сопротивлялись. Но потом, когда Забб поднялся с окровавленного мертвого тела, оказалось, что это лицо не кузена, а его собственное, испитое, порочное, омерзительное, с красными опухшими веками и сальными спутанными волосами по сторонам и на лбу, с чертами, искаженными многолетним пьянством, а может быть, одним из зеркал «Дома смеха».

Проснулся он примерно в полдень под душераздирающий вой Крошки за окном. Этого Тах уже вынести не мог — он ничего не мог вынести. Шатаясь, такисианин добрался до окна, рванул его и заорал на великана, чтобы тот заткнулся, успокоился, но Крошка все плакал и плакал. Ему так больно, так плохо и так стыдно, почему они не оставят его в покое, он больше не может, нет... *Заткнись, заткнись, пожалуйста, заткнись!* И вдруг Тахион с криком выметнул свой разум, вломился в голову Крошки и заткнул его.

Тишина была оглушительной.

Ближайший телефон-автомат находился в кондитерском магазине через квартал. Хулиганы изорвали телефонную книгу в клочья. Он позвонил в справочное и получил адрес Ксавье Десмонда. Дес жил на Кристи-стрит — всего в нескольких шагах отсюда. Его квартира располагалась на четвертом этаже над магазином масок. Лифта не было. Когда Тахион поднялся на нужный этаж, он едва дышал.

Дес открыл дверь на пятом ударе.

— Ты? — сказал он.

— Черепаха,— проговорил Тах. Горло у него пересохло.— Прошлой ночью он нашел что-нибудь?

— Нет,— ответил Десмонд. Его хобот подергивался.

— Скажи, кого надо спрашивать,— попросил Тах.

— Тебе? — сказал Дес.

Такисианин не смог заставить себя взглянуть джокеру в глаза. Он кивнул.

— Подожди, сейчас возьму пальто,— сказал Дес. Он вышел из квартиры тепло одетый, с меховой шапкой и видавшим виды бежевым зонтом в руках.— Вот, спрячь волосы под шапку,— велел он Тахиону,— и оставь здесь свое дурацкое пальто. Не хватало еще, чтобы тебя узнали.

Доктор подчинился. По пути Дес заглянул в магазин масок.

— Цыпленок? — удивился Тах, когда Дес передал ему маску. У нее были ярко-желтые перья, выпуклый оранжевый клюв и мягкий красный хохолок на макушке.

— Надевай! Я с первого взгляда понял, что это ты.

На Четэм-сквер устанавливали огромный кран — снимать полицейские машины с крыши «Шизиков». Клуб работал. Портье был лысый джокер семифутового роста и с клыками. Когда они попытались нырнуть под неоновые бедра шестигрудой танцовщицы, извивавшейся на шатре, он ухватил Деса за локоть.

— Джокерам здесь не место,— сказал он грубо.

— Отвяжись, Клыкан.

«Потянись и завладей его разумом»,— подумал Тахион. Когда-то, еще до Блайз, он сделал бы это не задумываясь. Но сейчас он заколебался, и это лишило его уверенности.

Дес запустил руку в задний карман, вытащил оттуда бумажник и извлек из него пятидесятидолларовую купюру.

— Ты наблюдал, как спускают полицейские машины,— сказал он.— Меня не заметил.

— Ах да,— проговорил портье. Купюра исчезла в когтистой руке.— Эти краны такие забавные.

— Иногда деньги — самая могущественная сила из всех,— заметил Десмонд, когда они вошли в темную утробу клуба. Немногочисленные по раннему времени посетители угощались бесплатным ланчем и смотрели на стриптизершу, которая съезжала по длинному спиральному желобу, отделенному от зала колючей проволокой. Все ее тело было покрыто шелковистыми серыми волосами, кроме груди, которую выбрили налысо. Десмонд оглядел кабинки у дальней стены. Потом взял Таха под локоть и отвел его в темный уголок, где с кружкой пива сидел мужчина в теплой куртке.

— Теперь сюда и джокеров пускают? — неприветливо осведомился он, когда они приблизились. У него были крупные оспины на лице.

Тах скользнул в его сознание.

«Черт побери, вот принесла нелегкая. Этот, с хоботом, из "Дома смеха", а второй кто? Чертовы джокеры. Вечно с ними одни проблемы».

— Где Баннистер держит Ангеллик? — спросил Дес.

— Ангеллик — та цыпочка из «Дома смеха», да? Я не знаю никакого Баннистера. Что за шутки? Проваливай, джокер, мне не до тебя.

В его мыслях одна за другой промелькнули картины: вот разбиваются вдребезги зеркала и серебристые осколки разлетаются в разные стороны; он почувствовал, как Мел толкнул его, и увидел, как тот потянулся за пистолетом, а затем вздрагивал и отшатывался каждый раз, когда в него попадала пуля. Тах услышал негромкий голос Баннистера, приказывавший им убить Рут, увидел склад на берегу Гудзона, где похитители держали ее, багровые синяки на ее теле, почувствовал страх этого человека — страх разоблачения, страх перед джокерами, перед Баннистером, перед *ними*. Тахион вышел из его сознания и сжал руку Десмонда.

— Эй, постойте-ка,— приказал рябой и махнул значком.— Сотрудник наркоконтроля,— сообщил он,— а вы, мистер, явно по моей части, раз задаете такие вопросы. Ну-ка, поглядите на это,— сказал он, вытаскивая пакетик с белым порошком из кармана Десмонда.— Интересно, что здесь у нас? Ты арестован, урод.

— Это не мое,— спокойно отозвался Дес.

— Черта с два,— сказал рябой, а в уме у него пронеслось: «Маленькое недоразумение; он оказал сопротивление при задержании. Что я мог поделать? Джокеры поднимут бучу, но кто послушает поганых джокеров? Вот только что делать со вторым? — Он бросил взгляд на Тахиона.— Бог ты мой, да он весь трясется. Может быть, он действительно нарик, вот это было бы здорово».

Тахион с содроганием понял, что наступил момент истины. На этот раз все было не так, как с Крошкой; тогда он подчинился слепому инстинкту, сейчас же отдавал себе отчет в своих действиях. Когда-то это было очень просто, ничуть не сложнее, чем щелкнуть пальцами. Но теперь эти пальцы тряслись, и на них была кровь... и на его сознании тоже... Он подумал о Блайз и о том, как раскололся ее разум под его прикосновением, как зеркала в «Доме смеха». Бесконечно долгий ужасный миг ничего не происходило, так что горло у него перехватило от страха, а рот наполнил знакомый вкус неудачи.

И тогда рябой улыбнулся идиотской улыбкой, вернулся обратно в свою кабинку, уронил голову на стол и заснул сном младенца.

Дес и глазом не моргнул.

— Твоих рук дело?

Тахион кивнул.

— Как ты дрожишь! Ты в порядке?

— Думаю, да,— ответил Тахион. Полицейский громко захрапел.— Да, думаю, я действительно в порядке, Дес. Впервые за много лет.— Он взглянул в лицо джокера, но не на его уродливый нос, а на человека, который под ним скрывался.— Я знаю, где она. Нужно действовать как можно быстрее.

Они двинулись к выходу. В клетке полногрудый бородатый гермафродит принялся бешено вращать бедрами.

— Через час у меня будет двадцать человек.

— Нет,— покачал головой Тахион.— Они держат ее не в Джокертауне.

Рука Десмонда застыла на дверной ручке.

— Понятно,— сказал он.— А за пределами Джокертауна джокеры и люди в масках будут как на ладони, верно?

— Вот именно.— Тахион не стал говорить вслух о своем другом опасении — о расправе, которая неминуемо последует, если джокеры отважатся пойти на столкновение с полицией, пусть даже такой продажной, как Баннистер с его шайкой. Он сам пойдет на такой риск, все равно ему больше терять нечего, но нельзя допустить, чтобы рисковали другие.— Ты можешь связаться с Черепахой? — спросил он.

— Я могу отвести тебя к нему,— ответил Дес.— Когда?

— Сейчас,— сказал Тах.

Через час-другой спящий полицейский очнется и отправится прямиком к Баннистеру. И что же он ему расскажет? Что Дес с человеком в цыплячьей маске задавали разные вопросы и он совсем уже было собрался арестовать их, как вдруг его ужасно потянуло в сон? И он осмелится признаться в этом? Если так, какие выводы сделает Баннистер? Достаточные для того, чтобы куда-нибудь перепрятать Ангеллик? Или чтобы убить ее? Они не могут так рисковать.

Когда они выбрались из полумрака «Шизиков», кран как раз опустил вторую полицейскую машину на тротуар. Дул холодный ветер, но доктор Тахион чувствовал, как под цыплячьими перьями выступает пот.

Том Тадбери проснулся от того, что кто-то приглушенно колотил по панцирю.

Он сбросил ветхое одеяло, стал садиться и ударился головой.

— Вот черт! — выругался он, пытаясь в темноте нащупать свет.

В дверь продолжали барабанить. Тома охватила паника. Это полиция, подумал он, они нашли меня, сейчас вытащат

и отволокут в участок. Удар оказался сильным: голова продолжала болеть. Внутри было холодно и душно. Он включил обогреватель, вентиляторы и камеры. Экраны замерцали.

Снаружи стоял ясный и холодный декабрьский день, и в ярком солнечном свете каждый закопченный кирпичик был виден как на ладони. Джоуи поездом вернулся обратно в Байонну, но Том решил остаться: время уходило, и у него не было другого выбора. Дес отыскал для него безопасное местечко — укромный внутренний дворик в закоулках Джокертауна, окруженный пятиэтажными развалюхами. Когда он приземлился — это было перед самым рассветом,— огни заиграли на нескольких темных окнах, и из них осторожно высунулись лица, чтобы вглядеться в сумрак; настороженные, боязливые, не вполне человеческие, которые показались всего на миг и столь же быстро исчезли, когда сочли, что приземлившаяся в их дворе штуковина их не касается.

Том зевнул, уселся в кресло и передвигал камеры до тех пор, пока на экране не появились виновники его душевного смятения. У открытого люка стоял Дес, скрестив руки на груди, а доктор Тахион барабанил по панцирю палкой от метлы.

Изумленный, Том включил микрофоны.

— ВЫ?

Тахион поморщился.

— Пожалуйста.

Том убавил громкость.

— Прошу прощения. Вы застали меня врасплох. Вот уж не ожидал увидеть вас снова. Я имею в виду, после прошлой ночи. Вы не ушиблись? Я не собирался причинить вам вред, я просто...

— Я все понимаю,— кивнул Тахион.— Но сейчас не время предаваться взаимным обвинениям и просить друг у друга прощения.

Дес на экране начал уплывать куда-то наверх. Черт бы побрал эту кадровую синхронизацию.

— Мы знаем, где ее держат,— сказал джокер, продолжая дрыгаться.— То есть, если доктор Тахион действительно может читать мысли, как он утверждает.

— В складском здании на берегу Гудзона,— пояснил таксианин.— Неподалеку от пирса. Я не могу назвать адрес, но я ясно видел его в мыслях того мерзавца. Я узнаю это место.

— Отлично! — с жаром воскликнул Том. Он плюнул на попытки отрегулировать кадровую синхронизацию и грохнул по экрану кулаком. Картинка застыла.— Тогда они у нас в руках. Полетели.— Выражение лица Тахиона ошарашило его.— Вы же полетите, да?

— Да.

Слава богу, подумал Тадбери; в какой-то миг ему показалось, что ему придется заниматься всем в одиночку.

— Забирайтесь,— велел он.

Тахион с видом полной покорности судьбе вскарабкался на поверхность панциря, скребя ботинками по броне. Том крепко ухватился за подлокотники и оторвал Черепаху от земли. Он взмыл в воздух с легкостью мыльного пузыря. Тома переполняло ликование — вот каково его предназначение, должно быть, Джетбой чувствовал то же самое.

Гудок, который Джоуи установил на панцирь, был не гудок, а настоящий зверь. Они уже летели над городскими крышами, и Том выплеснул свои чувства, вспугнув стайку голубей и парочку пьяниц.

— Возможно, было бы разумнее лишний раз не привлекать к себе внимания,— тактично заметил Тахион.

Том расхохотался.

— Что я слышу? Инопланетянин, который большую часть времени одевается как Пинки Ли*, едет у меня на спине и еще поучает меня, что я должен не привлекать к себе внимания!

Он снова рассмеялся и сделал крутой вираж над улицами Джокертауна.

Они уже почти достигли свой цели и сейчас летели над лабиринтом прибрежных переулков. Последний из них упирался в глухую кирпичную стену, исписанную названиями уличных

* Пинки Ли (1907–1993) — американский комик, ведущий детского телешоу «Шоу Пинки Ли», которое шло по американскому телевидению в начале 50-х годов. Его сценический костюм состоял из яркого пиджака из шотландки и мешковатых клетчатых штанов.

банд и именами малолетних влюбленных. Черепаха перелетел через нее, и они очутились на погрузочной площадке позади склада. На краю погрузочной платформы сидел мужчина в короткой кожаной куртке. Когда они показались, он мгновенно вскочил на ноги. И оказался намного выше, чем ожидалось,— футов на десять. Он открыл рот, но не успел закричать, как Тах уже обезвредил его: тот заснул прямо в воздухе. Его уложили на крышу ближайшего здания.

На пристань выходили четыре широкие погрузочные площадки, огороженные цепями и запертые на замки; металлические гофрированные двери были тронуты коричневыми потеками ржавчины. «ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН»,— предостерегала надпись на узкой двери поодаль.

Тах соскочил вниз и легко приземлился на носки. Нервы у него были натянуты до предела.

— Я пойду первым. Дайте мне минуту, а потом следуйте за мной.

Он стащил башмаки, под которыми обнаружились пурпурные носки, приоткрыл дверь и проскользнул в здание склада, призвав на помощь все свое умение двигаться бесшумно и плавную грацию, которым его когда-то учили на Такисе. Внутри громоздились двадцати- и тридцатифутовые штабеля из кип бумажных обрезков, перевязанных тонкой проволокой. Тахион начал аккуратно пробираться по петляющему проходу на звук голосов. Дорогу ему преградил огромный желтый погрузчик. Он распластался по земле и протиснулся под него, потом, спрятавшись за массивной шиной, осторожно выглянул наружу.

Он насчитал там в общей сложности пятерых. Двое играли в карты, сидя на складных стульях; вместо стола у них была стопка сложенных одна на другую книг без обложек. Перед ними аккуратными рядками были сложены пакеты с белым порошком. Высокий мужчина во фланелевой рубахе что-то взвешивал на маленьких весах. Рядом с ним стоял начальственного вида худой мужчина, начинающий лысеть, в дорогом плаще. В руке он держал сигарету, а голос у него был негромкий и ровный. Тахион с трудом различал, что он говорит. Ангеллик нигде видно не было.

Такисианин погрузился в клоаку, которую представляло собой сознание Баннистера, и увидел женщину между машиной для резки бумаги и тюковочной машиной. Она лежала на небрежно брошенном прямо на бетонный пол грязном матрасе, со скованными в щиколотках ногами, и нежную кожу покрывали багровые синяки и ссадины.

— Пятьдесят восемь гиппопотамов, пятьдесят девять гиппопотамов, шестьдесят гиппопотамов,— считал Том.

Он поднажал, и замок рассыпался в ржавую труху. Цепи с лязгом упали на землю, дверь со скрежетом поехала наверх. С погашенными огнями Черепаха поплыл вперед. Штабеля бумаги внутри преградили дорогу. Том с силой толкнул их, но в тот самый миг, когда они зашатались, ему пришло в голову, что можно пролететь над ними.

— Какого рожна? — сказал один из игроков, когда они услышали скрежет подъемных ворот.

Миг спустя все вокруг пришло в движение. Оба игрока вскочили; один выхватил пистолет. Мужчина во фланелевой рубахе поднял глаза от весов. Толстяк оторвался от машины для резки бумаги и что-то закричал, но разобрать, что он говорит, было невозможно. Кипы бумаги, сложенные у дальней стены, с грохотом полетели на пол, врезаясь в соседние тюки и сбивая их тоже в цепной реакции, которая в считаные секунды охватила весь склад.

Не колеблясь ни секунды, Баннистер бросился к Ангеллик. Тах завладел его разумом и остановил его на ходу с занесенным револьвером.

В этот миг дюжина тюков с резаной бумагой обрушилась на погрузчик. Машина дернулась вперед, совсем немного, но этого хватило, чтобы левая рука Тахиона оказалась зажатой под исполинской черной шиной. Он вскрикнул от неожиданности и боли и отпустил Баннистера.

Снизу двое мужчин палили по нему. Первый выстрел стал для него такой неожиданностью, что Том на долю секунды потерял концентрацию, и панцирь камнем полетел вниз, успев

опуститься на четыре фута, прежде чем он вновь овладел собой. Но пули с безобидным звяканьем отскакивали от его брони и рикошетом разлетались по всему складу. Том улыбнулся.

— Я — ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ ЧЕРЕПАХА,— возвестил он на полной громкости, а штабеля бумаги между тем все продолжали и продолжали валиться на пол.— ВЫ ПО УШИ В ДЕРЬМЕ, ПОДОНКИ. СДАВАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО.

Ближайший к нему подонок и не думал сдаваться. Он снова выстрелил, и один из экранов померк.

Том выхватил из его пальцев пистолет, а судя по тому, как этот недоумок завопил, он еще и вывихнул ему плечо, чтоб ему пусто было. Надо быть аккуратнее. Второй парень бросился бежать, перепрыгнул через развалившуюся кучу бумаги. Тадбери подхватил его прямо в прыжке, поднял под самый потолок и подвесил к балке. Его глаза перебегали с экрана на экран, но один из них вышел из строя, а у того, что был с ним рядом, снова забарахлила синхронизация кадров, поэтому с той стороны он ни черта не видел. Времени заниматься ремонтом не было. Какой-то мужик во фланелевой рубахе перегружал пакеты в чемодан, он видел это на центральном экране, а краешком глаза заметил толстяка, карабкающегося на погрузчик.

Тахион корчился от боли в раздробленной руке и изо всех сил старался не закричать. Баннистер! Нужно остановить Баннистера, пока тот не добрался до Ангеллик. Он сцепил зубы и усилием воли попытался унять боль, собрать ее в шарик и оттолкнуть от себя, как его учили, но это было очень трудно, Тах утратил навык. Каждая раздробленная частица его кости кричала от боли, перед глазами все расплывалось от слез, но тут он услышал, как завелся мотор погрузчика, и машина внезапно двинулась вперед, сминая его предплечье, прямо к голове. Протектор массивной шины казался черной стеной смерти, которая неумолимо надвигалась на него... и прошла в дюйме над его макушкой, когда погрузчик взмыл в воздух.

От легкого толчка Великой и Могучей Черепахи погрузчик аккуратненько перелетел через весь склад и врезался в дальнюю стену. Толстяк спрыгнул с него и приземлился на кучу ободранных книг. Только тогда Том заметил Тахиона, лежавшего на полу в том месте, где только что стоял погрузчик. Он как-то странно держал руку, а цыплячья маска была смятой и грязной. Тах кое-как поднялся на ноги и что-то закричал. Потом побежал, шатаясь и волоча ноги. И куда это его понесло?

Молодой человек нахмурился, с размаху хлопнул тыльной стороной ладони по барахлящему телевизору, и изображение внезапно перестало уползать вверх, на миг став четким и резким. Мужчина в плаще навис над женщиной на матрасе. Она была настоящей красоткой, а на лице у нее застыла странная улыбка, печальная, но почти покорная. Прямо ей в лоб смотрело дуло его пистолета.

Ноги не повиновались Тахиону, мир вокруг застилало красное марево, раздробленные кости руки вонзались друг в друга при каждом его шаге. Шатаясь, он обогнул машину для резки бумаги и обнаружил их там: Баннистер легонько касался ее пистолетом, и ее кожа уже начинала чернеть в том месте, куда должна была войти пуля. Сквозь слезы и страх и пелену боли он потянулся к сознанию Баннистера и схватил его... и в тот же миг почувствовал, как тот нажал на спусковой крючок, и вздрогнул, чужим сознанием ощутив отдачу. Грохот выстрела он услышал сразу двумя парами ушей.

— Нееееет!

Тах зажмурился и упал на колени. Он заставил Баннистера отвести пистолет, и что толку — все напрасно, поздно, слишком поздно, он снова опоздал, опять потерпел неудачу, опять неудачу. Ангеллик, Блайз, его сестра — все, кого он любил, все погибли.

Такисианин скорчился на полу, и в его сознании промелькнули воспоминания о бьющихся зеркалах, о Свадебной пляске, которую Ангеллик танцевала, несмотря на боль и кровь, и это было последнее, что он увидел, прежде чем тьма поглотила его.

Когда он очнулся, в нос ему ударил резкий запах больничной палаты. Его голова покоилась на подушке с хрустящей от крахмала наволочкой. Он открыл глаза.

— Дес,— проговорил он слабым голосом.

Он попытался сесть, но что-то не пускало его. Мир вокруг был расплывчатым и нечетким.

— Ты на вытяжке, Тах,— сказал Дес.— Правая рука у тебя была сломана в двух местах, а с кистью все обстоит еще хуже.

— Мне жаль.— Он зарыдал бы, но слезы кончились.— Мне так жаль. Мы пытались, но я... Мне очень жаль, я...

— Тахи,— сказала она своим хрипловатым мягким голосом. Она стояла у его кровати, одетая в больничный халат, с черными волосами, обрамляющими сияющее лицо. Она зачесала волосы вперед, чтобы прикрыть лоб; под челкой у нее расплывался ужасный фиолетово-зеленый синяк, а кожа вокруг глаз была красной и воспаленной. Он на секунду решил, что умер, сошел с ума или грезит наяву.— Все хорошо, Тахи. Я жива. Я здесь.

Такисианин остолбенело смотрел на нее.

— Ты же погибла,— сказал он глупо.— Я опоздал. Я сам слышал выстрел, я успел схватить этого мерзавца, но было уже слишком поздно, я почувствовал, как пистолет отскочил в его руке.

— А ты не почувствовал, как он дернулся?

— Дернулся?

— На пару дюймов, не больше. В тот самый миг, когда он выстрелил. Но этого оказалось достаточно. Меня довольно сильно обожгло порохом, но пуля попала в матрас в футе от моей головы.

— Черепаха,— хрипло проговорил Тах.

Она кивнула.

— Том толкнул пистолет в тот самый миг, когда Баннистер спустил курок. А ты заставил этого мерзавца выпустить пистолет из рук, пока он не успел сделать второй выстрел.

— Вы их взяли,— сказал Дес.— Парочке удалось ускользнуть под шумок, но Черепаха сделал троих, включая и Баннистера. И еще чемодан, битком набитый чистым героином.

Двадцать фунтов. Оказывается, этот склад принадлежал мафии.

— Мафии? — переспросил Тахион.

— Бандитам,— пояснил Дес.— Преступникам, доктор Тахион.

— Один из тех, кого взяли на складе, уже начал признаваться,— сказала Ангеллик.— Он подтвердит все: взяточничество, торговлю наркотиками, убийства в «Доме смеха».

— Может быть, у нас в Джокертауне даже появится нормальная полиция,— добавил Дес.

Чувства, которые бушевали в душе Тахиона, далеко не исчерпывались одним облегчением. Ему хотелось поблагодарить их, хотелось расплакаться, но ни слезы, ни слова не шли. У него не было сил, но он был счастлив.

— Я не подвел вас,— выдавил он наконец.

— Нет,— улыбнулась Ангеллик. Она бросила взгляд на Деса.— Ты не мог бы подождать за дверью? — Когда они остались одни, она присела на край кровати.— Я хочу кое-что тебе показать. То, что надо было показать еще давно.— Она поднесла к его лицу золотой медальон.— Открой его.

Сделать это одной рукой было нелегко, но он справился. Внутри оказалась небольшая круглая фотография пожилой женщины в постели. Ее руки и ноги были худыми и сморщенными — ссохшиеся прутики, покрытые увядшей кожей в пигментных пятнах, лицо — страшная маска.

— Что с ней произошло? — спросил Тахион, страшась услышать ответ. Еще один джокер, подумал он, еще одна жертва его неудач.

Ангеллик взглянула на старую искалеченную женщину, вздохнула и захлопнула медальон.

— Когда ей было четыре, она играла на улице, и ее переехали. Лошадь наступила ей на лицо, а колесо телеги раздробило позвоночник. Это было в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Ее полностью парализовало, но она осталась в живых. Если это, конечно, можно назвать жизнью. Следующие шестьдесят лет эта девочка была прикована к постели; ее кормили, мыли и читали ей; и у нее не было другого обще-

ства, кроме монахинь. Иногда ей хотелось лишь умереть. Она мечтала о том, как это — быть красивой, быть любимой и желанной, иметь возможность танцевать, иметь возможность *чувствовать.* Ох, как ей хотелось *чувствовать.*— Она улыбнулась.— Мне давно следовало поблагодарить тебя, Тахи, но мне очень трудно показывать другим этот снимок. Но я благодарна тебе, а теперь я вдвойне твоя должница. Поэтому тебе никогда не придется платить за выпивку в «Доме смеха».

Он посмотрел на нее.

— Мне не нужна выпивка. Больше не нужна. С этим покончено.

И с этим действительно было покончено, Тахион не сомневался в этом. Если она могла жить со своей болью, чем мог он оправдать то, как понапрасну растрачивал свою жизнь и талант?

— Ангеллик, я могу сделать для тебя кое-что получше героина. Я был... я биохимик, а на Такисе есть очень хорошие лекарства, и я мог бы синтезировать их — болеутоляющие, нейроблокаторы. Если бы ты позволила мне провести с тобой кое-какие тесты, возможно, я смог бы сделать что-нибудь специально для твоего метаболизма. Конечно, для этого мне понадобится лаборатория. Чтобы все организовать, уйдет немало денег, но само лекарство можно сделать за сущие копейки.

— У меня есть деньги,— сказала она.— Я продаю «Дом смеха» Десу. Но то, о чем ты говоришь, незаконно.

— К черту их идиотские законы,— огрызнулся Тах.— Если ты никому не расскажешь, то и я не расскажу.

Слова вдруг полились из него, одно за другим, бурным потоком: планы, мечты, надежды — все то, что он потерял и что утопил в коньяке и «Стерно», а Ангеллик только смотрела на него, пораженная, улыбающаяся; и когда действие болеутоляющих, которые ему дали, наконец начало проходить и рука снова запульсировала болью, доктор Тахион вспомнил былые навыки и отпустил боль,— почему-то у него появилось впечатление, будто часть его вины и горя ушли вместе с ней и он снова стал самим собой.

Заголовок гласил: «ЧЕРЕПАХА И ТАХИОН УНИЧТОЖИЛИ ГРУППУ НАРКОТОРГОВЦЕВ». Том вклеивал статью в альбом, когда Джоуи вернулся с пивом.

— Они не написали «Великая и Могучая»,— заметил Джоуи, ставя перед Томом бутылку.

— Зато мое имя идет первым,— сказал Том. Он салфеткой стер густой белый клей с пальцев и отодвинул альбом в сторону. Под ним обнаружились схематические чертежи панциря, сделанные его рукой.— Ну,— сказал он,— куда будем ставить проигрыватель, а?

Из дневника Ксавье Десмонда

30 ноября, Джокертаун

Меня зовут Ксавье Десмонд, и я джокер.

Джокеры всюду чужие, даже на той улице, где появились на свет, а этот, ко всему прочему, еще и собирается в путешествие по далеким краям! В ближайшие пять месяцев я увижу вельд и горы, Рио и Каир, Хайберский перевал и пролив Гибралтар, австралийские пустыни и Елисейские поля — словом, мне предстоит забраться довольно далеко для человека, которого нередко именовали мэром Джокертауна. Разумеется, никакого мэра в Джокертауне нет. Это всего лишь район, даже, если угодно, гетто, но никакой не город. Однако Джокертаун — не просто участок на карте Нью-Йорка, а образ жизни, состояние души. Возможно, в этом смысле мой титул принадлежит мне по праву.

Сорок лет назад, 15 сентября 1946 года, когда Джетбой погиб в небесах над Манхэттеном и тем самым открыл вирусу дикой карты дорогу в наш мир, я был преуспевающим двадцатидевятилетним банкиром, мужем прелестной жены и отцом двухлетней дочери. Меня ждало прекрасное будущее. Месяц спустя я покидал больницу — страшилище с розовым слоновьим хоботом посередине лица, на том самом месте, где должен быть нос. Мой хобот оканчивается семью в высшей степени функциональными пальцами, и с годами я научился весьма ловко пользоваться этой третьей рукой. Если бы мне вдруг каким-то образом вернули так называемый «челове-

© Перевод И. Тетериной.

ческий облик», полагаю, теперь это было бы равноценно ампутации руки или ноги. Как ни забавно, но с хоботом я куда больше, чем человек... и неизмеримо меньше.

Моя прелестная женушка ушла от меня через две недели после моей выписки из больницы, и приблизительно в то же время «Чейз Манхэттен» уведомила, что в моих услугах больше не нуждается. Прошло девять месяцев, и я переехал в Джокертаун: из моей квартиры на Риверсайд-драйв меня выселили по «санитарно-гигиеническим причинам». В последний раз я виделся со своей дочерью в тысяча девятьсот сорок восьмом году. В июне шестьдесят четвертого она вышла замуж, в шестьдесят девятом развелась, в июне семьдесят второго опять сочеталась браком. Похоже, июньские свадьбы — ее слабость. Меня ни на одну из них не пригласили. Частный детектив, которого я нанял, сообщил, что сейчас она с мужем живет в Салеме, штат Орегон, и что у меня есть двое внуков, мальчик и девочка — по одному от каждого из ее браков. Сильно сомневаюсь, чтобы кому-либо из детей было известно о том, что их дед — мэр Джокертауна.

Я — основатель и почетный президент Антидискриминационной лиги джокеров — АДЛД, старейшей и самой крупной организации, которая занимается защитой гражданских прав жертв вируса дикой карты. У АДЛД случались и неудачи, но в целом она достигла больших высот. Кроме того, я — довольно успешный коммерсант, мне принадлежит один из известнейших и самых изысканных ночных клубов Нью-Йорка, «Дом смеха», где вот уже на протяжении более двух десятков лет джокеры, тузы и натуралы имеют возможность увидеть самые разнообразные эстрадные номера в исполнении джокеров. Последние пять лет «Дом смеха» несет устойчивые убытки, но, кроме меня и моего бухгалтера, об этом никто не знает. Я не закрываю его потому, что это «Дом смеха», и без него Джокертаун утратил бы часть своего колорита.

В этом месяце мне стукнет семьдесят.

Мой врач утверждает, что до своего семьдесят первого дня рождения я не доживу. Раковая опухоль успела дать метастазы еще до того, как ее обнаружили. Даже джокеры упрямо цепляются за жизнь, и я уже полгода прохожу курс химио- и лучевой терапии, но болезнь никак не желает отступать.

Врач говорит, что путешествие, в которое я собираюсь, скорее всего, будет стоит мне нескольких месяцев жизни. Я взял с собой все рецепты и буду продолжать послушно принимать таблетки, но, когда переезжаешь с места на место, о лучевой терапии лучше забыть. Я смирился с этим.

Мы с Мэри часто мечтали о кругосветном путешествии — еще до дикой карты, когда мы были молоды и любили друг друга. Кто бы мог подумать, что я все-таки соберусь осуществить нашу общую мечту — без жены и на закате своих дней, да еще и за государственный счет, как и все остальные члены исследовательской группы, созданной и финансируемой Сенатом — точнее, его комитетом по исследованию возможностей и преступлений тузов — при поддержке ООН и ВОЗ. Мы побываем на всех континентах, кроме Антарктиды, посетим тридцать девять различных государств (некоторые — всего на несколько часов), чтобы узнать, как обращаются с жертвами вируса дикой карты в культурах всего мира.

Нас, делегатов, двадцать один человек, и лишь пятеро — джокеры. То, что выбор пал в том числе и на меня, я считаю величайшей честью, знаком признания моих заслуг и моего статуса главы нашего сообщества. Полагаю, благодарить за это следует моего доброго друга, доктора Тахиона.

Между прочим, моего доброго друга, доктора Тахиона, следует благодарить и еще за очень многое.

1 декабря, Нью-Йорк

Наше путешествие начинается с дурного предзнаменования. Вот уже час нас держат на взлетной полосе международного аэропорта имени Томлина и никак не дают разрешения на взлет. Неполадки, как нам сообщили, не здесь, а там, в Гаване. Поэтому мы ждем.

Летим мы на отдельном «Боинге-747», который переоборудовали под наши нужды, и теперь вместо рядов кресел там находится небольшая медицинская лаборатория, зал для про-

ведения пресс-конференций и мини-студия для теле- и радиотрансляций. Журналистов разместили в хвосте, где они уже отлично освоились. Я побывал там полчаса назад и обнаружил партию в покер в полном разгаре. Салон бизнес-класса битком набит консультантами, ассистентами, секретарями, пресс-агентами и сотрудниками отдела безопасности. Первый класс предположительно зарезервирован исключительно для делегатов.

Поскольку делегатов всего двадцать один человек, мы болтаемся по салону, как цветы в проруби. Даже здесь сохраняется разделение: джокеры держатся вместе с джокерами, натуралы — с натуралами, тузы — с тузами.

Хартманн — единственный из всех делегатов, который, похоже, чувствует себя как рыба в воде во всех трех группах. На пресс-конференции он тепло поздоровался со мной, а после посадки немного посидел с нами и поделился своими надеждами на эту поездку. Да, этого сенатора трудно не любить. В пору его пребывания на посту мэра Джокертаун обеспечивал ему подавляющее большинство голосов в каждую из избирательных кампаний, и неудивительно: ни один другой политик не занимался столь долго и упорно защитой прав джокеров. Хартманн дает мне надежду; он — живое доказательство того, что взаимное доверие и уважение между джокерами и натуралами действительно возможны. Он порядочный и честный человек, а в наши дни, когда фанатики вроде Лео Барнетта вновь раздувают ненависть и предрассудки былых дней, джокерам отчаянно нужны друзья среди власть имущих.

Доктор Тахион и сенатор Хартманн совместно возглавляют делегацию. Тахион прибыл разодетый в пух и прах, как иностранный корреспондент из черно-белых классических фильмов: макинтош с пряжками и пуговицами, фетровая шляпа с крошечными полями, залихватски заломленная на одно ухо. Однако шляпу украшает красное перо длиной в целый фут, и я даже представить не могу, в каком магазине можно приобрести кобальтового цвета макинтош из жатого бархата. Какая жалость, что те фильмы про иностранных корреспондентов были черно-белые!

Тахиону хотелось бы думать, что он разделяет непредвзятое отношение Хартманна к джокерам, но это не совсем так. Да, он трудится не покладая рук в своей клинике, и никто не упрекнет его в недостатке сострадания, причем сострадания искреннего. Многие джокеры считают его святым, героем, но мне известно другое. Где-то в глубине души он считает свою самоотверженную работу в Джокертауне искуплением. Он изо всех сил старается скрывать это, но даже после всех этих лет в его глазах видно отвращение. Мы с доктором Тахионом знаем друг друга четыре десятка лет, и я твердо убежден, что он питает ко мне искреннюю привязанность, но никогда, ни единой секунды, я не чувствовал, что он считает меня равным себе, чего нельзя сказать о Хартманне. Сенатор, напротив, общается со мной как с обычным человеком, точнее, как с политическим лидером, от которого зависят голоса его избирателей. Для доктора Тахиона я навсегда останусь джокером.

Интересно, чья это трагедия — его или моя?

Тахиону ничего не известно о моем недуге. Наверное, этот симптом свидетельствует о том, что наша дружба так же больна, как и мое тело. Он уже давно не мой личный врач. Мой врач — джокер, как и мой бухгалтер, мой адвокат, мой брокер, даже мой банкир: с тех пор как «Чейз» избавились от меня, мир изменился, и я в качестве мэра Джокертауна обязан личным примером поддерживать борьбу с дискриминацией, коль скоро я ее и затеял.

Нам только что дали разрешение на взлет. Лихорадочное рассаживание по своим местам закончено, все застегивают ремни. Похоже, мне никуда не деться от Джокертауна: рядом со мной сидит Говард Мюллер — кресло специально подгоняли под его девятифутовый рост и немыслимо длинные руки. Он куда лучше известен под прозвищем Тролль и возглавляет отдел безопасности в клинике Тахиона, но я отмечаю, что он не уселся рядом с Тахионом среди тузов. Остальные трое делегатов-джокеров: отец Кальмар, Кристалис и поэт Дориан Уайльд — сидят здесь же, в центральной секции салона первого класса. Что это: совпадение, предрассудок или стыд? Бо-

юсь, жизнь в шкуре джокера сделала нас всех слегка ненормальными. Политики, наши и ооновские, сбились в кучку справа от нас, тузы — спереди (тузы явные, разумеется) и слева от нас. Но я вынужден прерваться: стюардесса попросила меня поднять откидной столик.

Мы в воздухе. Нью-Йорк и международный аэропорт имени Роберта Томлина остались далеко позади; впереди нас ждет Куба. Судя по тому, что я слышал, пребывание там будет легким и приятным. Гавана — почти такая же Америка, как Лас-Вегас или Майами-Бич, хотя значительно более развращенная. У меня вполне могут оказаться там друзья: очень многие джокеры-артисты, заработав стартовый капитал на подмостках «Дома смеха» или «Хаос-клуба», отправляются в гаванские казино. Однако мне следует держаться подальше от игровых столов: невезение джокеров уже вошло в пословицы.

Как только на табло гаснет призыв «Пристегните ремни», тузы поднимаются в салон первого класса. Я слышу, как сверху доносится смех Соколицы, хорошенькой малышки Мистраль, которая похожа на школьницу-отличницу, если только не облачена в свой летный костюм, громогласного Хирама Уорчестера, Асты Лензер — примы Американского балетного театра, которая взяла себе псевдоним «Фантазия». Настоящие сливки общества, и Тахион тоже вращается в их гуще. Интересно, его привлекают тузы или женщины? Даже моя дорогая Анжела, которая после этих двадцати с лишним лет все еще искренне любит его, признает, что как только дело касается женщин, Тахион начинает думать исключительно членом.

Но даже среди тузов встречаются белые вороны. Джонс, темнокожий силач из Гарлема (ему, как и Троллю, Хираму Уорчестеру и Соколице, пришлось поставить специальное кресло — обычное не выдержало бы его веса), потягивает пиво и читает «Спортс иллюстрейтед». Радха О'Рейли тоже уединилась и смотрит в окошко. Вид у нее совсем притихший. Билли Рэй и Джоанна Джефферсон, пара тузов из министерства юстиции, которые возглавляют нашу группу безопасности, не являются делегатами и потому сидят позади всех, во втором салоне.

Есть еще и Джек Браун. Напряжение так и висит вокруг него в воздухе. Большинство делегатов с ним безупречно вежливы, но искреннего дружелюбия не проявляет никто, а некоторые и вовсе открыто избегают его, как, например, Хирам Уорчестер. Интересно, кому в голову пришла мысль взять его в эту поездку? Определенно не Тахиону, да и для Хартманна подобный шаг был бы слишком рискованным в политическом отношении. Возможно, эта попытка умилостивить консерваторов из СКИВПТа? Или есть еще какие-то интересы, которых я не учел?

Время от времени Браун бросает взгляды на лесенку, как будто ему сейчас больше всего хочется присоединиться к веселой компании наверху, но с места не сходит. Трудно поверить, что этот светловолосый мальчишка с гладким лицом в куртке «сафари» и впрямь печально известный «Туз-Иуда» из пятидесятых. Он ведь мой ровесник, но выглядит едва ли на двадцать лет... из тех мальчиков, которые вполне могли бы несколько лет назад сопровождать юную красотку Мистраль на выпускной бал.

Один из репортеров, некто Даунс из журнала «Тузы», уже появлялся здесь — пытался уговорить Брауна дать интервью. Он проявил настойчивость, но Браун твердо стоял на своем, и Даунс в конце концов был вынужден сдаться. Тогда он раздал нам по экземпляру последнего номера «Тузов» и неторопливо поднялся наверх — вне всякого сомнения, в поисках новой жертвы. Вообще-то я редко читаю «Тузов», но взял экземплярчик и предложил Даунсу подумать над выпуском издания, которое называлось бы «Джокеры». Похоже, моя идея не вызвала у него большого восторга.

Гвоздь номера — впечатляющая фотография панциря Черепахи на оранжево-алом фоне заката с подписью «Черепаха: жив или мертв?» на обложке. Черепаху никто не видел с последнего Дня дикой карты, когда его облили напалмом и он рухнул в Гудзон. Искореженные и обгорелые обломки его панциря обнаружили на дне, но тело так и не было найдено. Несколько сотен человек клялись, будто на заре следующего дня видели, как Черепаха летел в своем старом панцире по

небу над Джокертауном, но с тех пор он больше нигде не показывался, и кое-кто приписал эти свидетельства истерии и принятию желаемого за действительное.

Я не знаю, что думать о Черепахе, но мне было бы горько узнать, что он мертв. Многие джокеры верят, будто он один из нас, будто его панцирь скрывает какое-то жуткое уродство. Так это или нет, но он долгие-долгие годы был добрым другом жителей Джокертауна.

Однако у этой поездки есть еще один аспект, о котором никто не говорит, хотя статья Даунса напомнила мне о нем. Дело в том, что в смехе, который несется сверху, слышатся нервозные нотки, а в поспешности организации этой увеселительной поездки, о которой так давно говорили, нет никакой случайности. Нас — не только джокеров, но и тузов — хотят на некоторое время убрать из города, особенно, я предполагаю, тузов.

Прошлый День дикой карты стал настоящей катастрофой для города — и для каждой жертвы дикой карты, где бы она ни жила. Волна насилия потрясла всю нацию и выплеснулась в виде заголовков газет по всей стране. Так и не раскрытое убийство Плакальщика, расчленение ребенка-туза в гуще огромной толпы у «Могилы Джетбоя», нападение на «Козырные тузы», уничтожение Черепахи (или, во всяком случае, его панциря), массовая резня в Клойстерсе, где дюжину человек потом пришлось собирать буквально по кусочкам, предрассветный воздушный бой, озаривший вспышками света весь Ист-Сайд... Многие дни и даже недели спустя власти так и не могли назвать точное число погибших.

Одного старика обнаружили буквально замурованным в сплошную кирпичную стену, а когда его стали вырезать оттуда, то выяснилось, что невозможно определить границу между его плотью и стеной. Вскрытие обнаружило ужасную кашу — внутренние органы смешались с камнями.

Фотограф из «Пост» сделал снимок — у несчастного был такой кроткий и невинный вид! Полиция впоследствии объявила, что этот старик был тузом, причем не простым, а очень известным преступником, на совести которого убийства Малыша-Динозавра и Плакальщика и попытка убийства Черепахи, нападение на «Козырные тузы», воздушный бой над Истривер, чудовищные кровавые обряды, которые совершались в Клойстерсе, и еще множество менее значительных преступлений. Многие тузы выступили в поддержку этого заявления, но общественность это не слишком убедило. Опросы показали, что большинство людей верит в теорию заговора, выдвинутую «Нэшнл информер»: все эти убийства были совершены независимо друг от друга различными могущественными тузами, известными и неизвестными, которые с полнейшим пренебрежением к закону и общественной безопасности использовали свои сверхчеловеческие способности, чтобы осуществить личную вендетту, а потом сговорились друг с другом и полицией и свалили все свои зверства на одного старого калеку, который весьма кстати погиб, притом явно от рук какого-то туза.

Уже объявлено о выходе нескольких книг, каждая из которых претендует на объяснение того, что «действительно» произошло,— беспринципность издателей не знает границ. Кох, который всегда держит нос по ветру, приказал возобновить несколько уже закрытых дел, а отделу служебных расследований обратить пристальное внимание на роль полиции во всем этом деле.

Джокеров жалеют и презирают. Тузы обладают огромной силой, и впервые за многие годы значительная часть общества перестала им доверять и начала опасаться этой силы. Неудивительно, что демагоги вроде Лео Барнетта в последнее время обрели такую власть над общественным мнением.

Поэтому я убежден, что наше турне было организовано со следующей — неявной — целью: обелить нашу репутацию, развеять страхи, вернуть утраченное доверие и заставить всех забыть о Дне дикой карты.

Признаюсь, я испытываю смешанные чувства к тузам, потому что кое-кто из них определенно злоупотребляет своими способностями. Однако, будучи джокером, я отчаянно надеюсь, что наши усилия увенчаются успехом — и отчаянно боюсь последствий в том случае, если этого не произойдет.

8 декабря 1986 года, Мехико

Сегодня вечером у нас очередной официальный ужин, но я отпросился, сославшись на недомогание. Несколько часов свободного времени, чтобы спокойно отдохнуть в своем номере и сделать запись в дневнике, сейчас как нельзя кстати. И мои сожаления были далеки от притворных: боюсь, напряженный график и насыщенная программа нашей поездки начинают брать свое. Меня одолевает тошнота, хотя я и постарался сделать все возможное, чтобы скрыть от окружающих свое состояние. Если Тахион что-нибудь заподозрит, он обязательно настоит на обследовании, а как только правда выплывет наружу, меня могут отправить домой.

Я не допущу этого. Мне очень хотелось увидеть все те знаменитые далекие края, о которых мы вдвоем с Мэри когда-то так мечтали, к тому же становится ясно, что предпринятое путешествие куда важнее любой увеселительной поездки.

Куба не имеет ничего общего с Майами-Бич, по крайней мере для тех, кто удосужился заглянуть за пределы Гаваны; на тростниковых полях джокеров умирает куда больше, чем кривляется на сценах кабаре. А Гаити и Доминиканская Республика оказались неизмеримо хуже, как я уже отмечал на этих страницах.

Голос, который мог бы во всеуслышание заявить о чаяниях джокеров,— вот что сейчас нам отчаянно необходимо, если мы хотим чего-то добиться. Я не могу позволить себе сойти с дистанции по медицинским причинам. Наши ряды и так уже сократились на одного человека — Дориан Уайльд предпочел не лететь в Мехико, а вернуться в Нью-Йорк. Признаюсь, его решение вызвало у меня противоречивые чувства. Когда мы отправлялись в путь, я не питал особого уважения к «королю поэтов Джокертауна», чей титул столь же сомнителен, как и мое мэрство, хотя и подкреплен вполне весомой Пулитцеровской премией. Похоже, он получает какое-то злорадное извращенное удовольствие, размахивая своими липкими, слизкими щупальцами перед носом у людей и выставляя напоказ свое уродство в стремлении вызвать определенный отклик. Подозреваю, что это его агрессивное бравирование вызвано

тем отвращением к себе, которое побуждает столь многих джокеров скрывать свои лица за масками, а кое-кого подвигло даже на попытку ампутировать изувеченные части тела. Кроме того, одевается он едва ли не хуже Тахиона, с нелепым пристрастием к жеманной манерности — в стиле короля Эдуарда, а привычка перебивать запах немытого тела чрезмерным употреблением духов делает его общество пыткой для любого, кто не лишен обоняния. Мое, увы, с возрастом совсем не притупилось.

Не достанься ему «Пулитцер», сомневаюсь, чтобы он когда-нибудь мог отправиться в эту поездку, но немногим джокерам удалось добиться столь высокого, можно даже сказать, мирового признания. Я лично не нахожу в его творчестве ничего особенно заслуживающего восхищения, точнее сказать, его бесконечные заумные вирши кажутся мне отвратительными.

Несмотря на все вышеизложенное, я должен признать, что в определенной степени восхищаюсь его импровизированным выступлением перед семейством Дювалье. Подозреваю, наши политики устроили ему суровую выволочку. Когда мы улетали с Гаити, Хартманн долго разговаривал с «Божественным Уайльдом» с глазу на глаз, после чего вид у Дориана был сильно подавленный.

Хотя я согласен далеко не со всеми утверждениями Уайльда, тем не менее считаю, что у него должно быть право высказывать свое мнение. Нам его будет не хватать. Хотелось бы мне знать, почему он уехал? Я задал ему этот вопрос и попытался убедить его остаться — ради всех его собратьев-джокеров. В ответ он перечислил несколько довольно оскорбительных мест, куда я, по его мнению, мог бы засунуть свой хобот, оформив свой совет в виде едкого стишка. Занятный тип.

Теперь, когда Уайльд уехал, мы с отцом Кальмаром, похоже, остаемся единственными истинными выразителями взглядов джокеров. Говард М. (в миру Тролль) — весьма колоритная личность: девяти футов ростом, с отливающей зеленью кожей, жесткой и прочной, словно рог. Я успел узнать его как человека исключительно порядочного и сведущего, притом

весьма разумного, но... По характеру он ведомый, а не ведущий; есть в нем какая-то застенчивость, сдержанность, которая не дает ему высказывать свое мнение. С его огромным ростом он не затеряется ни в одной толпе, но временами мне кажется, что именно таково его самое заветное желание.

Что же до Кристалис, о ней ничего подобного сказать нельзя. Конечно, эта женщина обладает своим, совершенно неповторимым обаянием. Не спорю, она пользуется уважением в общине и является одним из самых видных (ну вот, получился плохой каламбур) и влиятельных джокеров. И все же я никогда ее не любил. Возможно, отчасти тому виной мой эгоизм. Именно с появлением «Хрустального дворца» начался закат «Дома смеха». И все же существуют и более глубоко скрытые причины. Кристалис обладает значительным влиянием в Джокертауне, но употребляет его исключительно на собственное благо. Она всегда была вызывающе аполитична, тщательно отмежевывалась от любых движений за права джокеров. Когда пришла пора открыто заявить о своих взглядах, решительно выступить на стороне тех, кого она поддерживает, Кристалис продемонстрировала приверженность лишь к своим мундштукам, британскому акценту, ликерам и собственной принадлежности к высшему классу.

Словом, Кристалис говорит только от имени Кристалис, а Тролль, как правило, молчит, следовательно, говорить от имени джокеров остается нам с отцом Кальмаром. Я с радостью исполню эту роль, но я так устал...

Я задремал и проснулся от шума — мои коллеги возвращались с ужина. Насколько я понял, все прошло лучше некуда. Превосходно! Нам сейчас очень нужны громкие успехи. Хартманн произнес блестящую речь и совершенно покорил президента; Соколица, судя по рассказам, сразила своей красотой всех прочих мужчин в зале. Интересно, другие женщины не ревновали? Мистраль превратилась в очень хорошенькую девушку, Фантазия зачаровывает всех, едва стоит ей начать танцевать, да и Радха О'Рейли тоже неотразима — черты ее индийско-ирландских предков, смешиваясь, придают ее

облику неповторимый экзотический колорит. Но Соколица затмевает их всех. И что они о ней думают?

Тузы-мужчины определенно относятся к ней одобрительно. Здесь, на борту самолета, образовалась некая «деревня», соответственно слухи разлетаются очень быстро. Поговаривают, будто доктор Тахион и Джек Браун пытались подъезжать к ней, но оба получили от ворот поворот. Пожалуй, самые близкие отношения связывают Соколицу с ее оператором-натуралом, который летит вместе с остальными журналистами. Она решила сделать об этой поездке документальный фильм.

Хирам тоже находится с Соколицей в приятельских отношениях, но, хотя в это беспрестанное добродушное подтрунивание друг над другом подчас вкрадывается легкий оттенок флирта, дружба их носит скорее платонический характер. В жизни Уорчестера всегда была и остается лишь одна истинная любовь — еда. Вот уж к чему он питает поистине пылкую страсть. Кажется, ему известны все самые отменные рестораны в каждом городе, где бы ни приземлился наш самолет. Его круглые сутки осаждают местные повара, которые правдами и неправдами пробираются в его номер со своими фирменными блюдами, умоляя уделить им хотя бы минутку, отведать хотя бы кусочек, высказать хотя бы слово одобрения. Хирам ничуть не возражает; напротив, он явно пребывает на верху блаженства.

На Гаити Хирам отыскал где-то повара, который так ему понравился, что он, не сходя с места, нанял туземца, а затем уговорил Хартманна сделать несколько звонков в Службу иммиграции и натурализации и выбить для его протеже визу и разрешение на работу. Мы столкнулись с этим искусным кулинаром в аэропорту Порт-о-Пренса — он сражался с огромным сундуком, битком набитым чугунной кухонной утварью. Хирам сделал сундук настолько легким, что его новый подчиненный (он не говорит по-английски, но Хирам утверждает, что специи — универсальный язык) смог нести его на плече. Как рассказал мне Говард, во время сегодняшнего ужина Уорчестер непременно пожелал заглянуть на кухню и узнать, как

тамошний шеф-повар готовит цыпленка под соусом «моле»,— и за то время, что он там находился, соорудил какой-то умопомрачительный десерт в честь принимающей стороны.

По справедливости, мне следовало бы недолюбливать именно Хирама Уорчестера, который просто упивается своим положением туза — как ни один другой известный мне человек, но я не в состоянии испытывать антипатию к тому, кто так искренне наслаждается жизнью и дарит такое же наслаждение окружающим. Кроме того, мне, как никому другому, известно о разнообразных благотворительных акциях, которые он проводит в Джокертауне, хотя он изо всех сил и старается скрыть свою к ним причастность. В окружении моих собратьев Хирам чувствует себя столь же неуютно, как и Тахион, но сердце у него такое же большое, как и все его тело.

Завтра нашей группе снова предстоит разделиться. Сенаторы Хартманн и Лайонс, конгрессмен Рабинович и Эриксон из ВОЗ встретятся с руководителями ИРП*, правящей партии Мексики, а Тахион в сопровождении наших медиков посетит клинику, которая объявила, что добилась необычайных успехов в лечении вируса лаетрилом. У наших тузов намечен обед с тремя мексиканскими коллегами. К моей радости, Тролля туда тоже пригласили. В определенных кругах его сверхчеловеческая сила и почти полная неуязвимость позволили причислить его к тузам. Пусть это и небольшой шаг вперед, но все-таки шаг.

Все остальные отправятся на Юкатан и Квинтану Ру на экскурсию по разрушенным городам майя и нескольким местам, где, по сообщениям, были совершены жестокие злодеяния против джокеров. До сельских районов Мексики просвещение еще, похоже, не дошло. Все остальные присоединятся к нам в Чичен-Ице на следующее утро, и наш последний день в Мексике будет полностью посвящен осмотру достопримечательностей.

После этого мы отправимся в Гватемалу... возможно. В газетах только и пишут, что о тамошних волнениях — индейцы

* ИРП — институционно-революционная партия Мексики.

подняли восстание против центрального правительства,— и несколько наших журналистов уже махнули туда, почуяв, что там пахнет куда большей сенсацией, чем может принести наше турне. Если положение в стране станет чересчур взрывоопасным, мы, возможно, будем вынуждены пропустить этот пункт нашей программы.

15 декабря 1986 года, на пути в Лиму (Перу)

Что-то в последнее время я совсем забросил свой дневник — ничего не писал ни вчера, ни позавчера. Остается оправдываться лишь утомлением да подавленным настроением.

Боюсь, Гватемала несколько подорвала мой дух. Мы, разумеется, неукоснительно придерживаемся нейтралитета, но когда я увидел по телевидению репортажи о волнениях и услышал речи, которые приписывают повстанцам-майя, я осмелился надеяться. Когда мы наконец встретились с вождями индейцев, в моей душе на краткий миг даже всколыхнулось ликование. Они сочли мое присутствие в зале честью, добрым знаком, относились ко мне с таким же почтением (или скорее непочтительностью), как к Хартманну и Тахиону, а от их отношения к собственным джокерам я воспрянул духом.

Да, я старый человек — вернее даже, старый джокер — и вечно хватаюсь за соломинку. Повстанцы провозгласили о создании новой страны, где *их* джокеры всегда могут рассчитывать на радушие и уважение. Все остальные джокеры могут не беспокоиться. Нет, не то чтобы мне очень хотелось поселиться где-нибудь в джунглях Гватемалы — возникновение здесь автономной колонии джокеров вряд ли вызвало бы в Джокертауне сколько-нибудь заметный отклик, не говоря уж о полномасштабном исходе. И все же в мире так мало мест, где джокерам рады, где мы можем жить спокойно... Чем дальше мы забираемся, тем чаще я убеждаюсь, что Джокертаун — лучшее место для нас, единственный наш дом. Не могу выразить, как огорчает и ужасает меня это заключение.

Зачем нам непременно нужны эти различия, эти ярлыки и барьеры, которые нас разобщают? Тузы, натуралы и джоке-

ры, капиталисты и коммунисты, католики и протестанты, арабы и евреи, индейцы и ладино* — везде одно и то же! Разумеется, истинно гуманного отношения заслуживают лишь те, кто находится по *нашу* сторону, и вот мы уже без зазрения совести притесняем, насилуем и убиваем «других», кем бы они ни были.

На борту нашего самолета немало таких, кто обвиняет гватемальцев в том, что они участвовали в сознательном геноциде своего собственного индейского населения, и считает создание этого нового государства благом. А я не знаю.

Эти повстанцы считают, что джокеры отмечены богами, несут на себе печать особого их благоволения. Вне всякого сомнения, куда лучше, когда тебя почитают, а не травят за твои многочисленные недостатки и увечья. Вне всякого сомнения.

И все же...

Впереди у нас еще исламские страны — треть всего мира, как сказал мне кто-то. Встречаются мусульмане более терпимые и менее терпимые, но практически все они считают уродство знаком немилости Аллаха. Настоящие фанатики вроде иранских шиитов и сирийской секты Нур в жестокости по отношению к калекам могут посоперничать с Гитлером. Сколько джокеров погибло в резне, когда аятолла сместил шаха? Терпимость, которую шах проявлял по отношению к джокерам и женщинам, в глазах некоторых иранцев стала самым тяжким его грехом.

А мы, в своих просвещенных Соединенных Штатах, намного ли лучше? Разве не наш соотечественник Лео Барнетт учит, что джокеры расплачиваются за свои прегрешения? Ах да, здесь есть одно различие, как же я мог забыть? Барнетт утверждает, что ненавидит грехи, но любит грешников, и если мы покаемся, уверуем и полюбим Иисуса, то непременно исцелимся.

* Ладино — испаноязычные метисы, потомки испанцев и индейцев, населяющие страны Центральной Америки.

Подозреваю, что Барнетт, аятолла и жрецы майя исповедуют одну и ту же в своей основе философию — наши тела в некотором роде отражают наши души, а некое божественное существо изуродовало наши тела, чтобы выразить свою милость (по мнению майя) или немилость (как думают Нур аль-Алла, аятолла, огнедышащие). Но, что самое главное, все они утверждают, что джокеры — другие.

Моя же философия проста до неприличия: я полагаю, что джокеры, тузы и натуралы — всего лишь мужчины и женщины, и обращаться с ними следует исходя именно из этого утверждения. В минуты самого черного отчаяния мне иногда начинает казаться, что я — последний, кто так считает.

Я все еще размышляю о Гватемале и майя. Один небольшой штришок, о котором я позабыл упомянуть в прошлый раз,— эту их прекраснодушную революцию возглавляют два туза и натурал. Даже там, где джокеров считают избранниками богов, тузы ведут, а джокеры идут следом.

Несколько дней назад — если не ошибаюсь, это произошло, когда мы посещали Панамский канал,— Проныра Даунс спросил, верю ли я, что когда-нибудь Соединенными Штатами будет управлять президент-джокер. Я ответил, что вполне удовольствуюсь джокером-конгрессменом. (Боюсь, Натан Рабинович, в чей округ входит Джокертаун, услышал мое замечание и принял его за камешек в свой огород.) Тогда Проныра захотел знать, верю ли я, что президентом могут избрать туза. Это, должен признать, куда более интересный вопрос. Вид у Даунса вечно сонный, но он куда наблюдательней, чем кажется, хотя ему и не под силу тягаться с некоторыми другими репортерами вроде Херрмана из «Ассошиэйтед Пресс» или Моргенштерн из «Вашингтон пост».

Я сказал Даунсу, что до последней годовщины Дня дикой карты это было возможно... с натяжкой. Некоторые тузы, к примеру Черепаха (так и не объявился, как пишут нью-йоркские газеты), Соколица, Циклон и горстка прочих знаменитостей, пользуются народной любовью. Какую ее часть возможно перенести на политическую арену и переживет ли она

грубую тактику взаимных уступок, без которой невозможна ни одна президентская кампания,— это уже другой, более сложный вопрос. Слава — товар скоропортящийся.

Джек Браун находился совсем близко и расслышал как вопрос Проныры, так и мой ответ. Прежде чем я успел договорить — я хотел сказать, что этот сентябрь все изменил, а в число потерь от Дня дикой карты входит и ничтожный шанс на то, что туз сумеет стать жизнеспособным кандидатом в президенты,— этот парень вмешался в наш разговор.

— Да его разорвали бы в клочья,— сказал он нам.

— Даже если бы это был кто-то, кого все любили? — не унимался Проныра.

— «Четырех тузов» же любили,— ответил Браун.

Джек больше не тот изгой, каким он был в начале нашего турне. Тахион все так же отказывается замечать его, Хирам едва здоровается с ним, но прочие тузы или не знают, кто он такой, или это их совершенно не волнует. В Панаме его частенько видели в обществе Фантазии то там, то сям, и до меня доходили слухи об интрижке между Золотым Мальчиком и пресс-секретарем сенатора Лайонса, миленькой блондинкой. Из всех тузов мужского пола Браун, несомненно, наиболее привлекателен в общепринятом смысле этого слова, хотя Мордекаю Джонсу тоже не откажешь в своеобразном мрачном обаянии. Они произвели впечатление и на Даунса. По секрету он сообщил мне, что в следующем номере «Тузов» выйдет статья, посвященная сравнению Золотого Мальчика и Гарлемского Молота.

29 декабря 1986 года, Буэнос-Айрес

Не плачь по Джеку, Аргентина...

Злой рок Эвиты вернулся в Буэнос-Айрес. Когда мюзикл начали играть на Бродвее, я всегда гадал: что должен чувствовать Джек Браун, слушая, как Люпон* поет о «Четырех тузах»?

* Патти Люпон — первая исполнительница роли Эвиты Перон в бродвейской постановке мюзикла «Эвита».

Теперь этот вопрос приобрел еще большую остроту. Все то время, что мы здесь, Браун воспринимает оказываемый ему прием очень спокойно, почти стоически, но что творится у него внутри?

Перон давно мертв, Эвита тоже мертва, даже от Изабель, третьей сеньоры Перон, остались одни воспоминания, но перонисты до сих пор играют важную роль в политической жизни Аргентины. Они ничего не забыли. Брауна повсюду подкарауливают плакаты с предложением катиться домой. Он — олицетворение гринго (интересно, здесь в ходу это слово?), ненавистного, но облеченного грозной силой американца, который явился в Аргентину без приглашения и ниспроверг суверенное правительство по той лишь причине, что ему пришлась не по душе его политика. Соединенные Штаты поступают подобным образом столько, сколько существует Латинская Америка, и я не сомневаюсь, что такое же негодование зреет и во многих других местах. Однако Соединенные Штаты и даже наводящие ужас «секретные тузы» ЦРУ — абстрактные понятия, безликие и не имеющие никакого зримого воплощения, тогда как Золотой Мальчик — вот он, собственной персоной, так близко от тебя.

Кто-то из персонала гостиницы проболтался о том, в каких номерах нас разместили, и едва стоило Джеку в первый же день выйти на балкон, как его закидали навозом и гнилыми фруктами. После этого он не переступал порог своего номера кроме как для посещения официальных мероприятий, но даже там его подстерегали неприятности. Вчера вечером, когда мы были на приеме в Каса Росада — президентском дворце,— жена одного профсоюзного лидера, молоденькая красавица со смуглым личиком, обрамленным каскадами блестящих черных волос, с милой улыбкой подошла к нему и плюнула ему в лицо. Поднялся переполох, и сенаторы Хартманн и Лайонс подали что-то вроде протеста, насколько я понял. Сам Браун вел себя поразительно сдержанно, почти галантно. После приема Проныра прямо-таки взял его за горло: он собирался телеграфом отправить в свой журнал заметку об этом происшествии и непременно желал получить комментарий пострадавшего. В конце концов Браун удовлетворил его любопытство.

— Я совершил немало поступков, которыми не стоит гордиться,— сказал он,— но свержение Перона к ним не относится.

— Да-да, конечно,— услышал я слова Проныры.— Но что вы почувствовали, когда она на вас плюнула?

На лице у Джека отразилась досада.

— Я не бью женщин,— только и ответил он. Потом отошел и уселся в уголке.

Даунс повернулся ко мне.

— «Я не бью женщин»,— передразнил он, подражая голосу Золотого Мальчика.— Ну и размазня!

Мир всегда готов увидеть трусость в любых поступках и словах Джека Брауна, но я подозреваю, что все обстоит куда сложнее. Учитывая его юношеский облик, порой нелегко бывает вспомнить, сколько Золотому Мальчику лет на самом деле — а ведь пора его формирования как личности пришлась на Великую депрессию и Вторую мировую войну, и вырос он, слушая «Блу нетворк»*, а не пялясь на звезд MTV. Ничего удивительного, что кое-какие его убеждения кажутся вызывающе старомодными.

Во многих отношениях Туз-Иуда производит впечатление почти слабоумного, человека, не слишком уверенно ориентирующегося в мире, который стал чересчур сложным для него. Мне кажется, что прием, который ему оказали аргентинцы, обескураживает его куда больше, чем он хочет показать. Браун — последнее напоминание об утраченной мечте, которая на краткий миг расцвела на пожарище Второй мировой и погибла в Корее, на заседаниях Комитета по расследованию антиамериканской деятельности и во время холодной войны. Они считали, что впятером могут изменить весь мир — Арчибальд Холмс и его «Четыре туза». Они не испытывали сомнений — как и их страна. Силу, которую даровал им вирус дикой карты, следовало использовать, а они были неколебимо уверены в своей способности определить, кто плохой, а кто

* «Блу нетворк» — радиовещательное подразделение телекомпании Эн-би-си, передававшее в основном выпуски новостей и культурные программы.

хороший. Их личные демократические идеалы и кристальная чистота их намерений — все, чем их можно оправдать. Для горстки самых первых тузов то был, наверное, золотой век, и вполне естественно, что в его центре оказался золотой мальчик.

Но всякий золотой век неизбежно сменяется веком упадка, это давно известно любому историку и постепенно становится очевидным каждому из нас.

Браун и его коллеги могли делать то, чего до них не мог никто,— они летали, поднимали танки и поглощали человеческие сознания и воспоминания, поэтому и поверили в иллюзию, будто им под силу произвести настоящие изменения в мировом масштабе, а когда эта иллюзия развеялась, им пришлось падать с очень большой высоты. С тех пор ни один другой туз не осмелился вознестись в своих мечтах столь высоко.

Несмотря на все, что им пришлось пережить: тюремное заключение, безумие, опалу и даже смерть,— у «Четырех тузов» имелись успехи, которые до сих пор не померкли, и Аргентина была, пожалуй, самым громким из них. Каким же горьким, должно быть, стало возвращение сюда для Джека Брауна!

Как будто этого было недостаточно, перед самым вылетом из Бразилии нас поймала наша почта, в которой оказался десяток экземпляров последнего номера «Тузов» с обещанной статьей Проныры. На обложке сердито смотрели друг на друга Браун и Джонс, снятые в профиль. (Это, разумеется, был искусный монтаж; вряд ли эти двое когда-либо встречались друг с другом до той минуты, когда мы все собрались в аэропорту имени Томлина), а под фотографией крупным шрифтом значилось:

«САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ»

Сама статья представляла собой пространное пережевывание биографий и фактов из общественной жизни обоих, сдобренное многочисленными байками об их похождениях и размышлениями, кто же из двоих все-таки самый сильный человек на свете.

Очерк, похоже, смутил обоих его героев, но Брауна, пожалуй, посильнее. Ни один из них не желает обсуждать его, и в ближайшее время они определенно не собираются пролить свет на главный вопрос статьи. Насколько я понял, опус Даунса всколыхнул новую волну жарких споров в прессе, а кое-кто даже заключил пари (в кои-то веки Проныре удалось заинтересовать своих коллег-журналистов), но, скорее всего, этот вопрос еще долго останется невыясненным.

Я сказал Даунсу, что его статья необъективна. Он удивился.

— Не понимаю. А вам-то она чем не угодила?

А мне, что я ему и объяснил, статья не угодила вот чем. Браун с Джонсом далеко не единственные, кто в результате воздействия вируса дикой карты обрел сверхъестественную физическую силу; на самом деле в этой способности нет ничего из ряда вон выходящего — по частоте возникновения она стоит в таблице Тахиона сразу же за телекинезом и телепатией. Насколько я понимаю, это как-то связано с максимизацией сократительной силы мышц.

Собственно, к чему я это все: многие выдающиеся джокеры тоже демонстрируют огромную силу — взять вот хотя бы Элмо (карлика-вышибалу из «Хрустального дворца»), Эрни из одноименного гриль-бара, Странность, Квазичеловека... и в особенности Говарда Мюллера. Возможно, Тролль не столь силен, как Золотой Мальчик и Гарлемский Молот, но разница в их силе определенно не столь уж велика. Однако Проныра даже мимоходом не упомянул ни одного из этих джокеров в своей статье, хотя она буквально пестрит именами десятка других суперсильных тузов. Отчего так вышло, хотел бы я знать.

Увы, не могу похвастаться, что мне удалось до него достучаться. Когда я закончил, Даунс только глаза закатил и сказал:

— Вы, джокеры, все такие обидчивые.

Он покладисто пообещал, что, если эта статья будет иметь успех, он, быть может, даже напишет продолжение — про самого сильного джокера на свете, и так и не понял, почему эта

«уступка» рассердила меня еще больше. И они еще удивляются, отчего это мы, джокеры, все такие обидчивые...

Говард счел весь наш спор крайне забавным. Иногда он меня поражает.

Однако мой приступ негодования не идет ни в какое сравнение с реакцией Билли Рэя, главы нашей службы безопасности. Рэй оказался в числе тузов, походя упомянутых в статье, и его силу отнесли к разряду «не заслуживающей особого внимания». Он разошелся так, что его рык слышал весь самолет,— он предлагал Даунсу «выйти поговорить», если его сила «не заслуживает особого внимания». Проныра предложения не принял. Судя по улыбочке, игравшей на его лице, Рэю теперь еще долго не видать хороших отзывов о себе на страницах «Тузов».

С тех пор старина Билли жалуется на Даунса всем и каждому. Он утверждает, что сила — это еще далеко не все; может, он и не так силен, как Браун или Джонс, но у него хватит силы вызвать любого из них на поединок и показать всем, на что он способен!

Лично мне эта буря в стакане воды доставила какое-то извращенное удовольствие. Припоминаю одну наглядную демонстрацию в начале семидесятых, когда линкор «Нью-Джерси» проходил переоснащение в Тыловой службе флота в Байонне, штат Нью-Джерси. Тогда Черепаха при помощи своего телекинеза поднял корабль, на несколько футов оторвал его от воды и продержал в воздухе почти полминуты. Браун с Джонсом поднимали танки и жонглировали автомобилями, но ни один из них и близко не подошел к тому, что в тот день продемонстрировал Черепаха. А правда заключается в том, что сократительную силу человеческих мышц можно увеличить лишь до какого-то предела. Физические возможности ограничены. Доктор Тахион говорит, что у человеческого духа тоже, скорее всего, существуют свои пределы, но пока что их никто еще не достиг.

Если Черепаха и впрямь джокер, как многие полагают, эта шутка кажется мне особенно забавной.

Наверное, в глубине души я ничем не лучше других.

16 января, Аддис-Абеба, Эфиопия

Трудный день на охваченной засухой земле. Представители местного Красного Креста взяли некоторых из нас взглянуть на одну из их акций помощи голодающим беженцам. Разумеется, всем нам давно было известно о свирепствующих здесь засухе и голоде, но видеть это по телевизору — одно, а самому попасть в эту атмосферу — совсем другое.

В такие дни я с особенной остротой чувствую собственные неудачи и недостатки. Заболев раком, я сильно похудел (кое-кто из ничего не подозревающих друзей даже говорит мне, как я хорошо выгляжу), но пребывание среди этих людей заставило меня стыдиться и того небольшого брюшка, что у меня еще осталось. Они умирали от голода у меня на глазах — а нас ждал самолет, готовый отнести нас обратно, в Аддис-Абебу, в наш отель, на очередной прием с прорвой самых изысканных эфиопских блюд. Чувство вины было невыносимым — как и чувство полной беспомощности.

Думаю, мы все чувствовали себя одинаково. Не представляю, что должен был пережить Хирам Уорчестер. К его чести, вид у него, когда он обходил голодающих, был совершенно больной, а в какой-то миг его так затрясло, что ему пришлось некоторое время отсиживаться в тенечке. Пот так и катил с него градом. Но потом он снова поднялся на ноги с жутким выражением на бледном как мел лице и принялся помогать разгружать провизию, которую мы привезли с собой.

Сколько людей принимали участие в этой операции, сколько готовили ее, но здесь все плоды их усилий кажутся каплей в море. Единственная реальность в этом лагере беженцев — истощенные до предела тела с раздутыми животами, мертвые глаза детей и раскаленное пекло, в котором томится сожженная, растрескавшаяся земля.

Впечатления этого дня останутся в моей памяти надолго — или по крайней мере весь тот срок, который мне остался. Отец Кальмар соборовал умирающую женщину с коптским крестом на шее. Соколица с ее оператором засняли почти всю сцену, но потом она не выдержала и отправилась ждать

нас в самолете. Я слышал, ей было так худо, что ее даже вывернуло.

Не забуду я и юную мать — лет семнадцати-восемнадцати от силы,— такую исхудавшую, что у нее можно было пересчитать все ребра, и с глазами древней старухи. К сморщенной пустой груди она прижимала младенца. Ребенок давно умер и уже начал разлагаться, но она не позволяла никому забрать его. Доктор Тахион перехватил контроль над ее сознанием и удерживал ее, а сам осторожно высвободил из ее рук маленькое тельце и унес его прочь. Потом отдал трупик одному из спасателей, а сам опустился на землю и заплакал, сотрясаясь всем телом в такт рыданиям.

Мистраль тоже закончила день в слезах. По пути в лагерь она переоделась в свой бело-голубой летный комбинезон. Она совсем молоденькая, туз, и притом весьма могущественный,— короче говоря, девушка, без сомнения, была уверена, что сможет помочь. Когда она вызвала ветер, ее огромный плащ надулся, словно парашют, и утащил ее в небо. Необычный вид джокеров не зажег ни искры интереса в запавших, обращенных внутрь себя глазах беженцев, но когда Мистраль взмыла в воздух, большинство из них повернулись посмотреть. Их взгляды устремились вслед за ней в эту раскаленную голубую высь, а потом вновь подернулись безразличной пеленой отчаяния. Думаю, Мистраль мечтала, что ее власть над ветрами поможет пригнать сюда тучи и вызвать животворящий дождь. Что за прекраснодушная тщеславная мечта...

Она летала почти два часа, порой забираясь так высоко и далеко, что мы теряли ее из виду, но, несмотря на всю ее силу, ей удалось вызвать всего лишь песчаный вихрь. В конце концов она сдалась, выбившись из сил, и вернулась — запорошенная песком и пылью, с красными распухшими глазами.

Уже перед самым нашим отлетом произошла жуткая сцена, которая лишь глубже обозначила бездну царящего здесь отчаяния. Высокий парень с рубцеватыми от угрей щеками набросился на своего же товарища по несчастью — впал в неистовство, выбил одной женщине глаз и съел его под бессмысленными взглядами своих соплеменников. По иронии судьбы

мы видели этого мальчика сразу же после приземления — он провел год в христианской школе и знал несколько английских слов. Он казался более сильным и здоровым, чем большинство тех, кого мы видели. Когда Мистраль взлетала, он вскочил на ноги и позвал ее.

— Джетбой! — произнес он очень чисто и звонко.

Отец Кальмар и сенатор Хартманн пытались поговорить с ним, но его познания в английском языке ограничивались всего несколькими существительными, среди которых были «шоколад», «телевизор» и «Иисус Христос». И все же этот парнишка производил более живое впечатление, чем большинство остальных,— при виде отца Кальмара его глаза расширились, он протянул руку и с изумлением потрогал щупальца на его лице. Мальчик по-настоящему улыбнулся, когда сенатор похлопал его по плечу и объяснил, с какой целью мы прилетели, хотя не думаю, что он понял хоть слово. Мы все стояли как громом пораженные, глядя, как его уносят — несчастный продолжал выкрикивать что-то, размазывая кровь по впалым коричневым щекам.

Кошмарный день с начала до конца. Вечером, когда мы уже вернулись в Аддис-Абебу, наш водитель провез нас мимо пакгаузов, где стояли контейнеры с продовольствием для голодающих — кое-где их пришлось даже составлять друг на друга. Хартманн пришел в ярость. Если кто-нибудь и в состоянии заставить это продажное правительство оторвать задницы от кресел и накормить свой голодающий народ, то это он. Я молюсь за него — вернее, молился бы, верь я в Бога... вот только что это за Бог, который допускает то непотребство, которого мы насмотрелись за время этой поездки...

Африка — край ничуть не менее прекрасный, чем любой другой. Я должен написать о той красоте, которую мы увидели за последний месяц. Водопад Виктория, снега Килиманджаро, многотысячные стада зебр, пасущиеся в саванне,— как будто полосатый ветер колышет высокие травы. Я бродил по развалинам гордых древних царств, самые названия которых были мне неизвестны, держал в руках изделия пигмеев,

видел лицо бушмена, на котором отразилось любопытство, а не отвращение, когда он смотрел на меня. Однажды во время посещения охотничьего заказника я проснулся на рассвете и, выглянув в окно, увидел двух огромных африканских слонов, которые подошли к самому зданию, а между ними стояла Радха, обнаженная, в нежном свете зари, и они касались ее своими хоботами. Я отвернулся — эта сцена показалась мне очень интимной.

Да, я видел эту красоту — красоту этой земли и красоту ее детей, чьи лица полны теплоты и сострадания.

Однако, несмотря на всю свою красоту, Африка произвела на меня тяжелое и удручающее впечатление, и я покину ее с радостью. И дело тут не только в том лагере беженцев. Кроме Эфиопии мы побывали еще в Кении и ЮАР. До Дня благодарения еще очень долго, но то, свидетелями чему мы стали за прошедшие несколько недель, вызвало у меня такое желание возносить благодарности, какого я никогда не испытывал в Америке в самодовольную ноябрьскую пору торжества обжорства и футбола. Даже джокерам есть за что возносить благодарности. Я и так это знал, но Африка донесла эту истину до моего сознания с грубой очевидностью.

Начинать этот этап нашего путешествия с ЮАР было довольно жестоко. Безусловно, ненависть и предрассудки встречаются и у нас, но мы при всех наших недостатках хотя бы достаточно цивилизованны, чтобы сохранять видимость терпимости, мирного сосуществования и всеобщего равенства перед законом. Когда-то я назвал бы такой подход лицемерием, но это было до того, как я хлебнул той действительности, в которой живут Кейптаун и Претория, где бесчинства творятся в открытую и с благословения закона, насаждаемого железной рукой в бархатной перчатке, которая давным-давно вытерлась и износилась до прозрачности.

Некоторые утверждают, что Южная Африка пусть и ненавидит, зато открыто, тогда как Америка ханжески прикрывает свое истинное лицо маской добросердечия. Может, оно и так... но в таком случае я выбираю ханжество и благодарен за такую возможность.

Пожалуй, первым уроком, который мне преподала Африка, было то, что в мире есть места и похуже Джокертауна. Второй урок заключался в том, что бывают вещи и похуже неравенства, и получили мы его в Кении.

Как и большинство других государств Центральной и Восточной Африки, Кению самая страшная эпидемия дикой карты обошла стороной. Конечно, изредка споры вируса проникают и в эти края — с воздушными потоками, а чаще через морские порты с зараженным грузом, который был плохо обеззаражен или не обеззаражен вообще. В большинстве портов мира на контейнеры американских благотворительных организаций смотрят с большим подозрением, и не без основания, так что многие капитаны изрядно поднаторели в сокрытии того факта, что последним пунктом захода их судна был Нью-Йорк.

Внутри страны случаев заболеваний дикой картой почти не отмечено. Находятся такие, кто утверждает, будто покойный Иди Амин был кем-то вроде безумного туза-джокера, обладавшего такой же огромной силой, как Тролль или Гарлемский Молот, и способностью превращаться в некое магическое существо — леопарда, льва или ястреба. Сам Амин похвалялся, будто может чуять своих врагов телепатически, а те немногочисленные его враги, которым удалось пережить его, говорили, что он был людоедом и считал человечину необходимой для поддержания его магических сил. Однако вся эта чепуха — слухи и пропаганда. Амин, будь он джокер, туз или свихнувшийся натурал, определенно мертв, а официально зарегистрированных случаев заболеваний дикой картой в этих краях исчезающе мало.

Но в Кении, как и в прилегающих к ней государствах, свирепствует другой грозный вирус. Если дикая карта здесь — пустой звук, то СПИД приобрел масштаб настоящей эпидемии. Пока президент принимал сенатора Хартманна и большую часть нашей группы, остальные предприняли утомительную экскурсию по полудюжине клиник в сельских районах Кении, перелетая из одной деревушки в другую на вертолете. Вертолет нам выделили всего один, совсем старенький, да и тот по

настоянию Тахиона. Правительство предпочло бы, чтобы мы почитали лекции в местном университете, встретились с педагогами и политическими деятелями, посетили заповедники и музеи.

Большинство моих коллег с радостью подчинились. Дикой карте уже сорок лет, и мы привыкли к ней, но СПИД — вот новый ужас нашего мира, и мы лишь только начали постигать его. У нас его считают болезнью гомосексуалистов, но здесь, в Африке, это убеждение опровергается на каждом шагу. Только на одном Черном континенте он уже собрал более обильную жатву, чем такисианский ксеновирус за все те сорок лет, что прошли со дня его распространения.

И похоже, СПИД — напасть куда более грозная. Дикая карта убивает девяносто процентов тех, кто вытащил ее, причем зачастую гибель эта ужасна и мучительна, но разница между девяноста и ста процентами не столь уж ничтожна, если входишь в тот десяток, кому посчастливилось выжить. Это разница между жизнью и смертью, между надеждой и безнадежностью. Некоторые заявляют, что лучше умереть, чем жить джокером, но я не из их числа. Пусть моя жизнь не всегда была счастливой, у меня есть воспоминания, которые я бережно храню, и достижения, которыми я горжусь. Я рад, что прожил эту жизнь, и не хочу умирать. Я смирился с тем, что скоро умру, но отнюдь не зову к себе смерть. У меня еще слишком много неоконченных дел. Как Роберт Томлин, я еще не посмотрел «Историю Джолсона». И у каждого из нас есть своя такая «История».

В Кении мы видели целые деревни, которые умирают. Их жители дышат, улыбаются, разговаривают, они могут есть, испражняться, заниматься любовью и даже производить на свет детей, они *живые* — и все же эти люди мертвы. Те, кто вытаскивает пиковую даму, может, и умирают в агонии неописуемых превращений, но от боли есть наркотики, а дикая карта, по крайней мере, убивает быстро. СПИД не так милосерден.

У нас много общего — у джокеров и у больных СПИДом. До отъезда из Джокертауна мы собирались в конце мая устро-

ить в «Доме смеха» сбор пожертвований в пользу АДЛД — масштабное мероприятие с участием всех знаменитостей, которых нам удастся заполучить. После Кении я дал в Нью-Йорк телеграмму с указанием поделить выручку с каким-нибудь обществом жертв СПИДа — мы, парии, должны помогать друг другу. Возможно, мне даже удастся навести кое-какие необходимые мосты до того, как на стол ляжет моя собственная пиковая дама.

30 января, Иерусалим

Открытый город — вот как его называют. Многонациональный метрополис, находящийся в совместном управлении Израиля, Иордании, Палестины и Великобритании под протекторатом ООН, святыня трех важнейших мировых религий.

Увы, с большим правом его следовало бы назвать не открытым городом, а открытой раной. И рана эта кровоточит вот уже почти четыре десятилетия. Если *это* священный город, не хотел бы я побывать в проклятом.

Сенаторы Хартманн и Лайонс и остальные наши делегаты-политики сегодня обедали с объединенным городским руководством, а все остальные провели день, объезжая этот свободный многонациональный город в бронированных лимузинах с пуленепробиваемыми стеклами, способных выдержать взрыв бомбы. Иерусалим, похоже, любит приветствовать высоких иностранных гостей путем их взрывания. Неважно, что за гости, откуда, какую религию исповедуют и каких политических взглядов придерживаются,— в этом городе столько группировок, что ненавистники непременно найдутся на любого.

Два дня назад мы были в Бейруте. Бейрут и Иерусалим — как день и ночь. Ливан — прекрасная страна, а Бейрут — такой красивый и спокойный город, что кажется почти безмятежным. Самые разнообразные тамошние религии каким-то образом умудряются сосуществовать в относительном согласии, хотя, разумеется, без столкновений не обходится — на Ближнем Востоке (да и во всем мире, если уж на то пошло)

нет такого места, где можно было бы чувствовать себя в совершенной безопасности.

Но в Иерусалиме вспышки насилия не прекращаются вот уже тридцать лет, и каждая новая оказывается страшнее предыдущей. Целые кварталы выглядят точь-в-точь как Лондон в пору фашистских бомбежек, а уцелевшее население так привыкло к отдаленным пулеметным очередям, что вообще едва ли обращает на них внимание.

Мы сделали небольшую остановку у развалин Стены Плача (в 1967 году палестинские террористы разрушили ее в отместку за убийство аль-Хазиза, совершенное израильскими террористами годом ранее) и даже осмелились выйти из машин. Хирам воинственно огляделся по сторонам и сжал кулаки, как будто вызывая кого-то на бой. В последнее время он какой-то странный — то и дело раздражается, злится по пустякам, ходит мрачнее тучи. Однако то, что мы видели в Африке, оставило свой отпечаток на всех нас. Одно крыло стены до сих пор впечатляет, я коснулся его в попытке ощутить свою причастность к истории. Но вместо этого почувствовал выбоины, оставленные в камне пулями.

Большинство наших после этого вернулись в отель, но мы с отцом Кальмаром сделали крюк и заехали в Джокерский квартал. Говорят, это вторая по величине джокерская община во всем мире после самого Джокертауна, пусть и далеко отстающая от первой, но все же вторая. Меня это не удивляет. Мусульмане не жалуют моих собратьев, поэтому джокеры стекаются сюда со всего Ближнего Востока в надежде на ту слабую защиту, которую предоставляет протекторат ООН и крошечный, страдающий от нехватки людей и оружия и совершенно деморализованный международный миротворческий контингент.

В квартале царит немыслимая нищета, а атмосфера людского горя в этих стенах кажется почти осязаемой. Однако, как ни парадоксально, здешние улицы считаются самым безопасным местом в Иерусалиме. Квартал обнесен стенами, которые появились уже на памяти его теперешних обитателей и, по замыслу, должны были оберегать чувства достойных горожан,

скрывая от их глаз столь неподобающее зрелище, как скопление джокеров, но эти же стены стали защитой для тех, кто за ними проживает. Очутившись за воротами, я не увидел ни одного натурала, лишь джокеров — джокеров всех рас и религий, которые относительно мирно уживаются друг с другом. Когда-то они могли быть мусульманами, иудеями или христианами, экстремистами, сионистами или приверженцами секты Нур, но дикая карта уготовила всем им участь джокеров. Дикая карта уравняла их всех, стерла все былые противоречия и предрассудки, объединила все человечество в новое братство боли. Джокер есть джокер, и прочие его ипостаси уже неважны.

Вот бы еще и с тузами все обстояло точно так же!

У джокеров в Иерусалиме есть собственная церковь, и отец Кальмар отвел меня туда. Само здание больше похоже на мечеть, нежели на христианский храм, по крайней мере снаружи, однако внутри все не так уж и отличается от церкви в Джокертауне, хотя выглядит гораздо древнее и куда больше нуждается в ремонте. Отец Кальмар зажег свечу и прочитал молитву, после чего мы отправились обратно в тесную полуразвалившуюся лачугу местного священника, который откупорил бутылку дрянного красного вина, и они с отцом Кальмаром принялись обсуждать что-то на ломаной латыни. Пока они беседовали, я прислушивался к автоматным очередям, стрекотавшим в темноте где-то за несколько кварталов от нас. Полагаю, то был типичный иерусалимский вечер.

Никто не прочтет эти строки до моей смерти, а тогда я уже могу не опасаться судебного преследования. Я долго думал, писать или не писать о том, что произошло сегодня ночью, и в конце концов все же решил написать. Мир не должен забывать об уроках 1976 года, и ему не помешает время от времени напомнить о том, что АДЛД выражает мнение не всех джокеров.

Когда мы с отцом Кальмаром выходили из церкви, какая-то старая женщина-джокер сунула мне в руку записку. Наверное, меня кто-то узнал.

Когда я прочитал то, что там было написано, я отпросился с официального приема, опять сославшись на неважное самочувствие, однако на этот раз я схитрил. Я ужинал в своей комнате с объявленным в розыск преступником, человеком, которого я могу назвать лишь печально известным на весь мир джокером-террористом, хотя в Джокерском квартале его считают героем. Настоящее его имя указывать я не стану, даже на этих страницах, поскольку знаю, что он до сих пор время от времени навещает свою семью в Тель-Авиве. На «задания» он надевает черную песью маску, поэтому прессе, Интерполу и многочисленным группировкам, контролирующим Иерусалим, он известен под кличкой Черный Пес и Адский Волкодав. Сегодня вечером он сменил маску на капюшон в форме бабочки, поэтому добрался до меня без каких-либо происшествий.

— Запомните,— сказал он мне,— натуралы в массе своей глупы как пробки. Стоит только надеть одну и ту же маску дважды и позволить сфотографировать себя в таком виде, как они начинают думать, что это твое настоящее лицо.

Пес, как я буду называть его в дальнейшем, появился на свет в Бруклине, но в девятилетнем возрасте эмигрировал в Израиль вместе со своей семьей и получил израильское гражданство. Ему было двадцать, когда он превратился в джокера.

— Я уехал на другой край света, чтобы подхватить дикую карту,— сказал он мне.— С таким же успехом можно было остаться в Бруклине.

Мы провели несколько часов, обсуждая Иерусалим, Ближний Восток и политику по отношению к жертвам дикой карты. Пес возглавляет джокерскую организацию, которую честность вынуждает меня назвать террористической,— «Кривые кулаки». Они объявлены вне закона как в Израиле, так и в Палестине, а это не шутка. Он уклонился от прямого ответа, сколько членов в их организации, но без всякого стеснения признался, что практически все их финансирование идет из нью-йоркского Джокертауна.

— Может, вы нас и не любите, мистер мэр,— сказал Пес,— зато ваши люди относятся к нам с большой теплотой.

Он даже осторожно намекнул, что один из наших делегатов-джокеров тоже входит в число их сторонников, хотя, само собой, отказался назвать его имя.

Пес убежден, что на Ближнем Востоке не миновать войны и она разразится очень скоро.

— Давно пора,— заявил он.— Ни у Израиля, ни у Палестины нет и никогда не было укрепленных границ, и ни тот, ни другая экономически не жизнеспособны. Они винят друг друга во всевозможных террористических актах, и оба правы в этом. Израиль желает завладеть пустыней Негев и Западным берегом, Палестина мечтает получить выход к Средиземному морю, и в обеих странах полно беженцев, которые покинули свои дома еще в сорок восьмом и хотят вернуться обратно. Все хотят заполучить Иерусалим — кроме ООН, которая им владеет. Черт, да им необходима хорошая война! Было похоже, что израильтяне победят в войне сорок восьмого года, пока Насер не надрал им задницу. Я знаю, что Бернадотт получил Нобелевскую премию мира за Иерусалимский договор, но, между нами говоря, было бы куда лучше, если бы они довели борьбу до победного конца... до какого угодно конца.

Я спросил его: а как же все те люди, которые погибнут? — но он лишь пожал плечами.

— Да, они будут мертвы. Но, быть может, если бы все это закончилось, закончилось по-настоящему, многие раны наконец начали бы затягиваться. А так мы получили две обозленные половины страны, которые вынуждены делить один крошечный клочок земли в бесплодной пустыне и ни за что в жизни не согласятся признать друг друга, мы получили четыре десятка лет ненависти, терроризма и страха — и тем не менее нам не миновать войны, и войны скорой. Каким образом Бернадотт вопреки всему этому умудрился заключить Иерусалимский мир, выше моего понимания, хотя я не удивляюсь, что в благодарность за все его труды его укокошили. Больше, чем израильтяне, условия этого договора ненавидят только палестинцы.

Я заметил, что при всей своей непопулярности Иерусалимский мир продержался почти сорок лет. Пес возразил, что «это был сорокалетний тупик, а никакой не мир. Он держался на обоюдном страхе. Израильтяне всегда обладали военным превосходством. Но у арабов были тузы Порт-Саида, и, думаете, в Израиле не помнят об этом? Всякий раз, когда арабы воздвигали памятник Насеру, все равно где, от Багдада до Марракеша, израильтяне взрывали его. Поверьте мне, все они помнят. Только теперь все начинает разваливаться. Мои источники сообщают мне, что Израиль ведет собственные эксперименты с дикой картой на добровольцах из их вооруженных сил, и теперь они могут противопоставить арабам собственных тузов. Что же касается арабов, у них есть Нур аль-Алла, который называет Израиль "страной богомерзких джокеров" и поклялся уничтожить его. По сравнению с этим змеиным гнездом порт-саидские тузы просто дети малые, даже старина Хоф. Нет, война будет, и совсем скоро».

У него было при себе оружие, какой-то небольшой полуавтоматический пистолет. Он вытащил его и положил на стол между нами.

— Когда начнется война,— продолжал он,— друг друга они могут хоть перебить, но от Квартала пусть держатся подальше, а не то им придется иметь дело с нами. Мы уже преподали Нуру и его людям несколько уроков. Каждый раз, когда они убивают джокера, мы в ответ убиваем пятерых из его команды. Казалось бы, они должны были бы уже сообразить, что к чему, но Нур ничему не учится.

Я сказал, что сенатор Хартманн надеется организовать встречу с Нуром аль-Аллой и начать с ним переговоры, которые могут привести к мирному разрешению проблем этого региона. Пес только рассмеялся. Мы еще долго разговаривали о джокерах, тузах и натуралах, о насилии, ненасилии, войне и мире, о согласии, мести, подставлении другой щеки и стремлении не дать себя в обиду, но так ни до чего и не договорились.

— Зачем вы пришли? — спросил я его наконец.

— Мне показалось, что нам нужно познакомиться. Ваша помощь могла бы быть нам очень полезной. Ваши знакомства в Джокертауне, ваши связи среди натуралов, деньги, которые вы можете выбить.

— Я не стану вам помогать,— отрезал я.— Я видел, куда заводят ваши методы. Том Миллер уже пытался ими воспользоваться.

— Гимли? — Он пожал плечами.— Во-первых, Гимли просто псих. А я — нет. Гимли мечтает о том, чтобы одним махом изменить мир к лучшему Я же просто хочу защитить своих собратьев. Защитить вас, Дес. Молитесь, чтобы вашему Джокертауну никогда не понадобились «Кривые кулаки», но если у вас возникнет такая необходимость, мы придем к вам на помощь. Я читал в «Таймс» статью о Лео Барнетте. Возможно, не только Нур ничему не учится. Раз так, может, Черный Пес вернется домой и отыщет то деревце, которое растет в Бруклине? Я не был на матче «Доджера» с тех пор, как мне исполнилось восемь.

От вида пистолета на столе душа у меня ушла в пятки, но я все же протянул руку к телефонной трубке и взял ее.

— Я могу прямо сейчас позвонить в нашу службу безопасности, чтобы вы не могли больше убивать невинных людей.

— Но вы этого не сделаете,— заявил Пес.— Потому что у нас с вами слишком много общего.

Услышав мои слова, что у нас нет вообще ничего общего, он пожал плечами.

— Мы оба джокеры. Что еще вам нужно?

Он убрал пистолет в кобуру, поправил маску, поднялся из-за стола и спокойно покинул номер.

И, клянусь богом, я просидел так несколько бесконечных минут, пока не услышал, как в коридоре открылись двери лифта,— и только тогда положил трубку на место.

7 февраля, Кабул, Афганистан

Сегодня с утра меня мучают сильные боли. Почти все наши отправились на экскурсию по разным историческим достопримечательностям, а я предпочел снова остаться в гостинице.

Наше турне... Что я могу сказать? Про Сирию писали газеты по всему миру. Контингент наших журналистов возрос

вдвое — всем не терпелось узнать подробности произошедшего. В кои-то веки я не страдаю от того, что не видел этого своими глазами. Соколица рассказала мне, каково им пришлось.

Сирия сказалась на всех нас, и на мне тоже, так что боль, которая терзает меня, не только от рака. Временами я чувствую себя бесконечно усталым, оглядываюсь на прожитые годы и думаю: принес я хоть какую-нибудь пользу или все дело моей жизни было напрасно? Я пытался говорить от имени моих собратьев, взывать к разуму, порядочности и обыкновенной человечности, которая объединяет всех нас, и всегда был убежден, что спокойная уверенность в своих силах, упорство и отказ от насилия в долгосрочной перспективе принесут нам больше пользы. Сирия заставила меня усомниться... Как можно взывать к разуму человека вроде Нура аль-Аллы, пытаться достичь с ним какого-то компромисса, договориться с ним? Как можно уповать на его человечность, когда он вообще не считает тебя за человека? Если Бог есть, надеюсь, Он простит меня, но я очень жалею, что Нур остался в живых.

Хирам на время покинул нашу группу, пообещав вновь присоединиться к нам в Индии, но сейчас он дома, в Нью-Йорке — улетел из Дамаска в Рим, а там пересел на «конкорд». Нам он сказал, что в «Козырных тузах» возникла непредвиденная ситуация, которая потребовала его личного присутствия, но я подозреваю, что Сирия потрясла его сильнее, чем ему хочется признать. По нашему самолету прошел слух, будто в пустыне Хирам вышел из себя и ударил генерала Сайида с куда большей силой, чем это было необходимо, чтобы остановить его. Билли Рэй, разумеется, считает, что Хирам ничего такого не сделал.

— Будь я на его месте, от мерзавца бы и мокрого места не осталось,— сказал он мне.

Сам Уорчестер категорически отказался разговаривать на эту тему и заявил, будто решил сделать короткую передышку потому, что ему «до смерти надоели голубцы из виноградных листьев», но, несмотря на шутливый тон, на его широком лысом лбу выступили бисеринки пота, а пухлые руки дрожали.

Надеюсь, короткая передышка поможет ему прийти в себя; за время нашего совместного путешествия я по-настоящему зауважал этого парня.

Однако если, как говорят, нет худа без добра, то, пожалуй, это безобразное происшествие имело одно положительное последствие: Грег Хартманн, побывав на волосок от гибели, похоже, чрезвычайно воспрянул духом. Последние десять лет его постоянно преследовал призрак Великого джокертаунского восстания 1976 года, когда он прилюдно «потерял голову». Мне его реакция показалась совершенно человеческой — ведь он только что стал свидетелем того, как обезумевшая толпа растерзала на куски женщину. Но кандидатам в президенты непозволительно плакать, горевать или впадать в ярость, как простым смертным, что доказал в семьдесят втором Маски* и подтвердил в семьдесят шестом Хартманн.

Возможно, после Сирии этот трагический инцидент наконец-то отступит в тень. Все, кто там был, в один голос утверждают, что Хартманн проявил себя образцом твердости, хладнокровия и отваги, не дрогнул перед лицом варварских угроз Нура. Все американские газеты опубликовали снимок, сделанный корреспондентом «Ассошиэйтед Пресс»: на заднем плане Хирам помогает Тахиону забраться в вертолет, а на переднем ждет своей очереди сенатор Хартманн — запорошенное пылью лицо сурово и непреклонно, рукав белой рубахи промок от крови.

Грег все еще утверждает, что не станет участвовать в президентских выборах в 1988 году, и хотя общественное мнение склоняется в пользу кандидата от демократов Гэри Харта, но Сирия и этот снимок, несомненно, поднимут его известность и репутацию. Я отчаянно надеюсь, что он передумает. Ничего не имею против Гэри Харта, но Грег Хартманн — нечто особенное, и, наверное, для тех из нас, кого затронула дикая карта, он — последняя надежда.

---

* Эдмунд Сикстус Маски (1914–1996) — американский государственный и политический деятель. В 1972 году пытался выдвинуться в кандидаты от Демократической партии, но получил недостаточную поддержку на первичных выборах.

Если Хартманн провалится, все мои надежды умрут, и что тогда нам останется, если не обратиться за помощью к Черному Псу?

Наверное, надо написать что-нибудь об Афганистане, но здесь нет почти ничего достойного упоминания. У меня совсем не осталось сил, чтобы осмотреть те немногочисленные достопримечательности, которые имеются в Кабуле. Здесь на каждом шагу попадаются русские, но ведут они себя исключительно корректно и учтиво. На время нашей короткой остановки на военные действия объявлен мораторий. Нам предъявили двух афганских джокеров, которые клялись и божились (через советских переводчиков), что у всех джокеров здесь райская жизнь. Почему-то их слова совсем меня не убедили. Если я правильно понял, это единственные два джокера на весь Афганистан.

Мы прилетели в Кабул прямиком из Багдада; об Иране не могло быть и речи. Аятолла во многом разделяет позицию Нура по отношению к дикой карте, а он правит своей страной единолично и безраздельно, так что даже ООН не смогла добиться для нас разрешения на посадку. Аятолла хотя бы не делает никакого различия между тузами и джокерами — все мы для него «дьявольское порождение Сатаны». По всей видимости, он не забыл злополучную попытку Джимми Картера освободить заложников, когда с полдюжины тузов были посланы на секретное задание, обернувшееся полным провалом. Говорят, что Карнифекс был в числе участников этой операции, но Билли Рэй с жаром все отрицает.

— Будь я там, мы выручили бы наших людей и показали бы этому старикашке, где раки зимуют,— говорит он.

Его коллега из отдела юстиции, леди Тьма, только кутается в черный плащ и загадочно улыбается. Имя отца Мистраль, Циклона, тоже нередко связывают с той провальной операцией, но девушка не расположена откровенничать по этому поводу.

Завтра утром мы пролетим над Хайберским перевалом и окажемся в Индии, в совершенно другом мире, на настоящем

самостоятельном континенте в миниатюре, где джокеры по численности занимают второе место в мире после Соединенных Штатов.

12 февраля, Калькутта

Индия столь же необыкновенная и удивительная страна, как и все остальные, увиденные нами за время этого турне, если вообще справедливо называть ее страной. Она больше похожа на сотню стран, втиснутых на территорию одной. Мне с трудом удается увязать Гималаи и дворцы Моголов с трущобами Калькутты и бенгальскими джунглями. Индия так многолика — от пожилых британцев, которые пытаются сделать вид, будто английское колониальное владычество по-прежнему существует, до махараджей и навабов, а также попрошаек на улицах огромных грязных городов.

В Калькутте натыкаешься на джокеров повсюду, куда бы ни пошел. Они здесь зрелище столь же обычное, как нищие, голые ребятишки и мертвецы, и слишком часто являют собой все это сразу. В этой квазинации индусов, мусульман и сикхов подавляющее большинство джокеров, по всей видимости, индусы, но, учитывая позицию ислама, это вряд ли может удивить. Ортодоксальные индусы учредили для джокеров новую касту, намного ниже неприкасаемых, но им хотя бы позволено жить.

Любопытный факт: в Индии мы не видели ни одного Джокертауна. В этой культуре существует четкое разграничение по расовым и этническим признакам, и вражда между отдельными группами имеет глубокие корни, что очень ярко проявилось во время калькуттских бунтов 1947 года и крупномасштабной резни, которая сопровождала раздел этого континента в миниатюре, состоявшийся в том же году. Несмотря на все это, сегодня можно видеть, как индус, мусульманин и сикх бок о бок живут на одной улице, но тем не менее джокеры не покидают своих кошмарных трущоб.

Индия также может похвастаться некоторым количеством собственных тузов, среди которых есть и обладатели значительных способностей. Проныра отводит душу, катаясь по стране и интервьюируя их всех — или, по крайней мере, тех, кто согласился с ним встретиться.

Радха О'Рейли, напротив, явно несчастна здесь. Как выяснилось, в ее жилах течет кровь индийских махараджей — по материнской линии; отец ее был какой-то ирландский авантюрист. Ее народ исповедует некую разновидность индуизма, в которой все вертится вокруг слоноголового бога Ганеши и черной матери Кали, и в их глазах способности девушки-туза делают ее нареченной невестой Ганеши или что-то в этом духе. Во всяком случае, Радха, похоже, твердо убеждена, что ее непременно похитят и силком вернут на родину, поэтому, если не считать официальных приемов в Нью-Дели и Бомбее, все время сидит взаперти в своем номере в обществе Карнифекса, леди Тьмы и всей остальной службы безопасности. Думаю, она будет счастлива снова оказаться за пределами Индии.

Доктор Тахион, Соколица, Мистраль, Фантазия, Тролль и Гарлемский Молот только что вернулись с охоты на тигров в Бенгалии. Их принимал один из индийских тузов, махараджа, которому посчастливилось превратиться в подобие царя Мидаса. Я знаю, что золото, которое он создает, внутренне нестабильно и через двадцать четыре часа возвращается в исходное состояние, причем процесс этого преобразования убивает любое живое существо, к которому он прикасается. И все же его дворец, как говорят, представляет собой эффектное зрелище.

Дилемму, с которой не справился мифический царь, этот туз решил, приказав своим слугам кормить его с рук.

Тахион вернулся из экспедиции в столь приподнятом состоянии духа, в каком я не видел его с самой Сирии,— в золотом камзоле и таком же тюрбане с рубиновой брошью размером с мой большой палец. Кажется, махараджа не поскупился на дары. Даже сознание того, что камзол и тюрбан через несколько часов снова превратятся в обычную ткань, похоже, не умерило восторга нашего маленького инопланетянина. Видимо, блестящая охотничья процессия, роскошный дворец и гарем

махараджи напомнили Тахиону о тех удовольствиях и привилегиях, которыми он наслаждался на своей родной планете, когда еще был принцем. Он признался, что даже на Такисе не видел ничего подобного завершающей сцене охоты, когда загнали тигра и махараджа бестрепетно приблизился к зверю, снял с руки золотую перчатку и одним прикосновением обратил громадного зверя в золотой слиток.

Пока наши тузы принимали подарки из иллюзорного золота и охотились на тигров, я посвящал свое время более скромным занятиям в неожиданном обществе Джека Брауна — его пригласили на охоту вместе с остальными, но он отказался. Поэтому мы с Брауном отправились через всю Калькутту к памятнику, который благодарные индийцы поставили Эрлу Сандерсону на том месте, где он спас от покушения Махатму Ганди.

Мемориал напоминает индуистский храм, а сама статуя похожа скорее на какое-нибудь мелкое индийское божество, нежели на чернокожего американца, который играл за «Рутгерс», и все же... Сандерсон и в самом деле стал для этих людей кем-то вроде бога; у подножия статуи лежали разнообразные приношения, оставленные почитателями. Там было очень людно, и нам пришлось долго ждать, чтобы попасть внутрь. Махатму до сих пор почитают по всей Индии, и часть его популярности, похоже, передалась американскому тузу, который заслонил его от пули убийцы.

Пока мы были внутри, Браун говорил совсем мало, все больше смотрел на статую, как будто хотел оживить ее. Это посещение глубоко взволновало меня, хотя мне пришлось пережить и несколько не очень приятных минут. Мое явное уродство привлекало к себе пристальные взгляды индусов из высших каст. А когда кто-нибудь слишком тесно прижимался к Брауну — что в такой плотной толпе народу случалось довольно часто,— его биологическое силовое поле начинало мерцать, окружая его призрачным золотистым ореолом. Мне не удалось справиться с нервозностью, поэтому я прервал грезы Брауна и потащил его прочь. Возможно, я хватил через край, но если хотя бы один человек из этой толпы узнал Джека Брауна,

это могло бы послужить толчком к безобразнейшей сцене. Всю дорогу обратно в гостиницу мой спутник хранил угрюмое молчание.

Я всегда восхищался Ганди и, несмотря на все те противоречивые чувства, которые я питаю к тузам, должен признать, что благодарен Эрлу Сандерсону за вмешательство, спасшее Махатме жизнь. Для величайшего проповедника отказа от насилия такая смерть — от пули убийцы — стала бы слишком жестокой насмешкой, и я думаю, что по всей Индии прокатилась бы волна таких кровавых убийств, такой братоубийственной резни, подобных которым мир еще не видывал.

Интересно, если бы Ганди не было в живых и он не провел бы воссоединение микроконтинента после смерти Джинны* в сорок восьмом году, долго бы протянуло то странное двухголовое государство под названием Пакистан? Сместил бы Всеиндийский конгресс всех мелких правителей и поглотил их владения, как грозил это сделать? Сама форма этого децентрализованного, бесконечно многоликого пестрого государства отражает мечты Махатмы. Не могу даже представить, каким курсом пошла бы индийская история без него. Так что по крайней мере в этом отношении «Четыре туза» оставили настоящий след в мире и, пожалуй, доказали, что один решительно настроенный человек и в самом деле может изменить историю к лучшему.

Все эти соображения я изложил Джеку Брауну по пути домой, когда он сидел в машине с таким отрешенным видом. Боюсь, это не помогло. Он терпеливо выслушал меня, а когда я закончил, сказал:

— Это Эрл спас его, а не я,— и вновь погрузился в молчание.

Верный своему обещанию, сегодня к нам вернулся Хирам Уорчестер — прилетел на «конкорде» из Лондона. Кратковременное пребывание в Нью-Йорке, похоже, пошло ему на поль-

* Мухаммад Али Джинна (1876–1948) — индийский мусульманский лидер, первый генерал-губернатор Пакистана.

зу. Его кипучая энергия вновь вернулась к нему, и он с ходу убедил Тахиона, Мордекая Джонса и Фантазию отправиться вместе с ним на поиски заведения, где готовят самое острое виндалу в Калькутте. Он наседал и на Соколицу, но та позеленела от одной мысли о том, чтобы присоединиться к поисковой группе.

Завтра утром мы с отцом Кальмаром и Троллем поспешим к Гангу,— как гласит легенда, джокер может вновь обрести свой прежний облик, если искупается в его священных водах. Гиды уверяют, что документально подтверждены сотни подобных случаев, но я, откровенно говоря, сомневаюсь, хотя отец Кальмар и утверждает, будто в Лурдесе тоже случались чудесные исцеления джокеров. Пожалуй, я послушаюсь и окунусь в священные воды. Человек, умирающий от рака, едва ли может позволить себе такую роскошь, как скептицизм.

Мы звали с собой Кристалис, но она отказалась. В последнее время она, похоже, уютнее всего чувствует себя в гостиничных барах, потягивая амаретто и раскладывая бесконечные пасьянсы. Она довольно близко сошлась с двумя нашими журналистами, Сарой Моргенштерн и вездесущим Пронырой Даунсом, и до меня даже доходил слух, будто она спит с Пронырой.

Вернулись с Ганга. Я должен сделать признание. Я снял ботинок, носок, закатал штанины брюк и опустил ногу в священные воды. Увы, после этого я остался все тем же джокером... джокером с мокрой ногой.

Кстати, вода в священной реке на редкость грязная, а пока я, раскрыв рот, ждал чуда, кто-то стащил мой ботинок.

14 марта, Гонконг

В последнее время я чувствую себя получше, и это радует. Возможно, причиной тому наше краткое посещение Австралии и Новой Зеландии. После Сингапура и Джакарты Сидней напомнил мне дом, а Окленд с его чистеньким и относительно процветающим Джокертауном, похожим на игрушечный

городок, до странности запал в душу. Если не считать огорчительной склонности именовать друг друга «уродцами» — такое прозвище еще более оскорбительно, чем «джокер»,— мои собратья по несчастью из страны киви, похоже, ведут не менее достойную жизнь, чем джокеры в любом другом краю. А в гостинице мне даже удалось приобрести выпуск «Джокертаунского крика» недельной давности. Прочитать новости из дома — настоящий бальзам на душу, несмотря на то что слишком во многих заголовках сквозит озабоченность войной преступных группировок, разворачивающейся на наших улицах.

В Гонконге тоже имеется свой Джокертаун — такой же неутомимо деловитый, как и весь город. Насколько я понимаю, континентальный Китай вышвыривает большую часть своих джокеров сюда, в бывшую британскую колонию. Делегация ведущих коммерсантов-джокеров даже пригласила нас с Кристалис пообедать завтра с ними и обсудить «возможные торговые связи между джокерами Нью-Йорка и Гонконга». Я уже весь в предвкушении.

Откровенно говоря, приятно будет на несколько часов сбежать от коллег. Атмосфера накалена до предела — главным образом благодаря Томасу Даунсу и его чрезмерно развитой журналистской хватке.

Почта догнала нас в Кистчерче, когда мы уже были совсем готовы вылететь в Гонконг, и в тюке оказались несколько сигнальных экземпляров свежего номера «Тузов». Едва мы поднялись в воздух, как Проныра по своему обыкновению принялся ходить по рядам и раздавать журналы. Мог и почитать — предварительно. Боюсь, он с его низкопробным журнальчиком побил новый рекорд подлости.

Гвоздь номера — сенсационный материал о беременности Соколицы. Меня позабавило, что в журнале, похоже, сочли новость о скором пополнении «Соколиного гнезда» важнейшим результатом нашей поездки, поскольку под статью о ней отвели вдвое больше места, чем под все предыдущие творения Проныры, включая и описание чудовищного сирийского происшествия — хотя, возможно, это было сделано лишь для того, чтобы оправдать четырехстраничную глянцевую вклейку

с материалами о прошлом и настоящем Соколицы и ее фотографиями как в разнообразных костюмах, так и различной степени обнаженности.

Слушок о ее беременности прошел еще в Индии и официально подтвердился, когда мы были в Таиланде, так что вряд ли стоит винить Проныру за то, что он выставил эту историю на всеобщее обозрение. «Тузы» именно такого рода материалами и пробавляются. К несчастью для собственного здоровья и атмосферы в нашем коллективе, Проныра не учел того, что, по мнению Соколицы, ее «интересное положение» касается ее одной. Журналюга влез слишком далеко.

Крупные буквы на обложке вопрошают: «Кто отец ребенка Соколицы?» Далее на целый разворот следует статья, иллюстрированная картинкой, которая, по замыслу художника, должна изображать Соколицу с младенцем на руках — вот только ребенок представляет собой черный силуэт с вопросительным знаком вместо лица. «Счастливый отец — туз, утверждает Тахион»,— гласит подзаголовок, переходящий в куда более крупный оранжевый баннер, который сообщает: «Друзья умоляют ее сделать аборт и избавиться от чудовищного маленького джокера». Поговаривают, будто Проныра накачал Тахиона бренди, когда они вдвоем исследовали пикантную сторону ночной жизни Сингапура, и умудрился выудить у такисианина кое-какие неосторожные признания. Имя отца ребенка Даунс так и не узнал, но Тахион, изрядно набравшись, во всех подробностях изложил ему те причины, по которым, как он считает, Соколице необходимо прервать эту беременность и главной из которых является девятипроцентная вероятность появления на свет джокера.

Должен признаться, прочитав статью, я пришел в ярость и еще раз порадовался, что Тахион больше не мой личный врач. В такие минуты я не понимаю, как он может строить из себя моего друга — или друга какого угодно джокера вообще. Его высказывания недвусмысленно доказывают, что он считает аборт единственным приемлемым выходом для любой женщины в положении Соколицы. Такисиане питают отвращение к уродству и традиционно «отбраковывают» (замечательное

слово) тех своих детей, которые появляются на свет с отклонениями (каковых, кстати сказать, не так уж и много, поскольку свою планету они пока не осчастливили вирусом, которым столь великодушно решили поделиться с Землей). Можете считать меня чересчур обидчивым, но из слов Тахиона с очевидностью следует вывод, что лучше умереть, чем быть джокером, а этому ребенку лучше никогда не появляться на свет, чем появиться на свет уродом.

Когда я отложил журнал, внутри у меня все так клокотало, что я понял — у меня не хватит выдержки спокойно разговаривать с Тахионом, поэтому я поднялся и отправился в отсек прессы — высказать Даунсу все, что я о нем думаю. Как минимум — убедительно доказать ему, что прилагательное «чудовищный» перед словосочетанием «маленький джокер», с точки зрения грамматики, вполне можно было бы и опустить, хотя редакторы «Тузов» посчитали, что без него тут не обойтись.

Однако Проныра увидел меня и перехватил на полпути. Видимо, общение со мной все же прибавило ему соображения, по крайней мере настолько, чтобы понять, что я буду расстроен, потому что он с места в карьер принялся оправдываться.

— Эй, я только написал статью,— начал он.— Все заголовки делали в Нью-Йорке, и рисунок тоже, я их даже не видел. Послушайте, Дес, в следующий раз я скажу им, чтобы...

Что именно он собирался мне пообещать, я так и не узнал, потому что как раз в эту секунду Джош Маккой подошел к нему сзади и похлопал по плечу свернутым в трубку номером «Тузов». Когда Даунс обернулся, Маккой обрушил на него град ударов. Первый же из них переломал Даунсу нос с тошнотворным хрустом, от которого меня замутило. Затем Маккой разбил Проныре губы и лишил его нескольких зубов. Я обхватил Джоша руками и хоботом обвил его шею, чтобы попытаться удержать его, но он силен как черт и совершенно не соображал от ярости, поэтому отмахнулся от меня как от надоедливой мухи. К счастью, вовремя подоспел Билли Рэй и разнял этих двоих до того, как Маккой успел натворить серьезных дел.

Остаток полета Проныра просидел в хвосте самолета, под завязку накачанный болеутоляющим. Он умудрился оскорбить еще и Билли Рэя, заляпав его белоснежный костюм Карнифекса кровью. Билли просто помешан (и это еще слабо сказано!) на своей внешности, а ведь «эти чертовы пятна», как он жаловался всем и каждому, «теперь ничем не выведешь». Маккой принялся помогать Хираму, Мистрали и мистеру Джейеуордену утешать Соколицу, которую эта статья ужасно расстроила. Пока Маккой дубасил Проныру, она набросилась на доктора Тахиона. Их стычка носила менее, гм, физический характер, чем та, свидетелем которой стал я, но в драматизме ничуть ей не уступала — так утверждал Говард. Тахион безостановочно извинялся, но никакие извинения, казалось, не могли погасить ярость Соколицы. Таху еще повезло, что ее титановые когти были надежно упакованы в багаже.

Оставшееся до конца перелета время доктор провел в салоне первого класса в компании бутылки «Реми Мартен», и вид у него был несчастный, как у щенка, напрудившего на персидский ковер. Будь я более жестоким, я мог бы подняться туда и высказать ему еще и свои претензии, но у меня просто не хватило духу. Любопытно, но есть в этом инопланетянине нечто такое, что мешает долго на него сердиться, сколь бы бестактно и возмутительно он себя ни повел.

Наплевать! Я с нетерпением жду нового этапа нашей поездки. Из Гонконга мы летим на материк, где посетим Кантон, Шанхай, Пекин и прочие столь же экзотические места. Я собираюсь пройтись по Великой Китайской стене и увидеть Запретный город*. Во время Второй мировой я решил пойти на флот в надежде посмотреть мир, но всю войну просидел в штабе в Байонне, Нью-Джерси, занимаясь писаниной. Мы с Мэри хотели наверстать упущенное чуть позже, когда дочка подрастет, а наше финансовое положение станет более устойчивым.

Да, мы строили свои планы, а такисиане тем временем строили свои.

* Часть территории в центре Пекина.

Долгие годы Китай был для меня воплощением всего того, что я не сделал, олицетворением тех мест, где я хотел побывать, но так и не побывал,— моей личной «Историей Джолсона». И вот он наконец замаячил у меня на горизонте. Как тут не поверить, что твой конец и в самом деле близок?

21 марта, на пути в Сеул

В Токио я столкнулся с человеком из прошлого — и с тех самых пор он неотвязно преследует меня в моих воспоминаниях. Два дня назад я решил, что не стану замечать ни его самого, ни вопросы, которые всплыли с его присутствием, и не буду писать о нем в моем дневнике.

Я собирался предложить эти записи к опубликованию после моей смерти. Нет, я вовсе не рассчитываю, что они станут бестселлером, но, как мне кажется, скопление знаменитостей на борту нашего самолета и громкие события, произошедшие с нами, возбудят у американской общественности некоторый интерес, так что мой путевой журнал может найти своего читателя. Та скромная прибыль, что он принесет, отнюдь не помешает АДЛД, которой я завещал все свое имущество.

И все же, несмотря на то что я благополучно скончаюсь и буду похоронен, прежде чем кто-либо сможет прочитать эти строки, и, следовательно, могу без опаски делать любые признания, мне не хочется писать о Фортунато. Если угодно, можете считать это трусостью. Джокеры — известные трусы, если верить шуткам того сорта, которые не показывают по телевизору. Я с легкостью могу найти оправдание своему решению не упоминать о Фортунато. Дела, которые я вел с ним все эти годы, носят личный характер и не имеют ничего общего ни с политикой, ни с теми вопросами, которые я попытался затронуть в этом дневнике,— и уж точно никак не связаны с этим турне.

И все же на этих страницах я, не стесняясь, повторял сплетни, которые неизбежно ходили по нашему самолету, подмечал многочисленные слабости и ошибки доктора Тахиона, Со-

колицы, Джека Брауна, Проныры Даунса и всех остальных. Стоит ли делать вид, что их грешки представляют интерес для общественности, а мои собственные — нет? Пожалуй, можно было бы попытаться — ведь публика всегда восторгается тузами, тогда как джокеры вызывают у нее лишь отвращение,— но я не стану. Мне хочется, чтобы этот дневник был искренним, правдивым. И чтобы читатели хоть немного поняли, каково это — прожить сорок лет в шкуре джокера. А для этого мне придется рассказать о Фортунато, даже если рассказ может бросить на меня тень.

Теперь Фортунато живет в Японии. Он каким-то загадочным образом помог Хираму, когда тот, ничего никому не объяснив, внезапно покинул нас в Токио. Всех подробностей этого темного дела я не знаю, врать не стану — все очень тщательно замяли. Когда Хирам вернулся к нам в Калькутте, он казался почти самим собой, но затем его состояние снова начало стремительно ухудшаться, и с каждым днем он выглядит все более скверно. Настроение у него меняется по сто раз на дню, он стал неприветливым и скрытным. Но я сейчас не о Хираме, о чьих горестях мне ничего неизвестно. Суть в том, что Фортунато каким-то образом был замешан в этом деле и даже заходил к нам в отель, где я перекинулся с ним парой слов в коридоре. Этим наше общение и ограничилось — в тот раз. Но в прошлом нас с Фортунато связывали другие отношения.

Простите меня. Мне очень нелегко. Я старый джокер; года и уродство в равной мере сделали меня уязвимым. Достоинство — единственное, что у меня еще осталось, а теперь мне предстоит лишиться и его.

Настало время открыть несколько горьких истин, и первая из них заключается в том, что многие натуралы питают отвращение к джокерам. Часть из них — узколобые фанатики, всегда готовые возненавидеть любого, кто не похож на них. В этом отношении мы, джокеры, ничем не отличаемся от любого другого притесняемого меньшинства; те, кто предрасположен к ненависти, честно ненавидят нас с одним и тем же пылом.

Но существуют и другие натуралы, предрасположенные скорее к терпимости, которые пытаются разглядеть за внешней оболочкой человеческую душу. Это люди доброй воли, не какие-нибудь ненавистники, а люди, исполненные благих побуждений, великодушные, вроде... вроде, скажем, доктора Тахиона и Хирама Уорчестера, чтобы далеко не ходить за примерами. Оба этих достойных джентльмена за многие годы убедительно доказали, что искренне пекутся о благе джокеров в целом: Хирам своими анонимными благотворительными акциями, Тахион — служением в клинике. И все же я убежден, что физическое уродство джокеров вызывает у них обоих такое же омерзение, как и у Нур аль-Аллы или Лео Барнетта. Оно читается в их глазах, как бы они ни пытались быть невозмутимыми и проявлять широту взглядов. Некоторые из их лучших друзей — джокеры, но они не хотели бы видеть свою сестру замужем за джокером.

Это первая истина, о которой не принято говорить вслух.

Как просто было бы броситься обличать, заклеймить людей вроде Таха и Хирама за лицемерие и «формизм» (чудовищное словцо, изобретенное особенно невменяемыми джокерами-активистами и подхваченное организацией Тома Миллера «Джокеры за справедливое общество» в пору ее расцвета). Просто и несправедливо. Они — достойные люди, но все же всего лишь люди, и не следует умалять их достоинств из-за того, что они испытывают естественные человеческие чувства.

Потому что вторая истина, о которой не принято говорить вслух, заключается в том, что сколь бы сильным ни было отвращение, которое натуралы испытывают к джокерам, мы сами испытываем отвращение еще более сильное.

Неприятие самих себя — особый бич Джокертауна, недуг, который нередко неизлечим. Основной причиной смерти среди джокеров младше пятидесяти лет являются — и всегда являлись — самоубийства. И это при том, что практически все известные человечеству заболевания у джокеров протекают куда опаснее, поскольку химия нашего тела, да и сама его форма может варьировать столь широко и непредсказуемо, что ни один курс лечения не является по-настоящему надежным.

В Джокертауне вам придется попотеть, чтобы отыскать место, где вам продадут зеркало, зато магазины, торгующие масками, понатыканы на каждом углу.

Если это доказательство не кажется вам достаточно убедительным, подумайте об именах. Вернее, о прозвищах. Но они представляют собой нечто большее. Они — показатель истинной глубины отвращения, которое питают к самим себе джокеры.

Если мой дневник будет опубликован, я настаиваю на том, чтобы он вышел под заглавием «Дневник Ксавье Десмонда», а не «Дневник джокера» или как-нибудь в этом духе. Я — человек и, как любой другой, уникален, а не просто один из безликой массы джокеров. Имена очень важны, это не просто слова — имена придают облик и индивидуальность тем вещам, которые они обозначают.

За многие годы я выработал для себя правило — не отзываться ни на какие иные имена, кроме моего собственного, но я знаю дантиста, который зовет себя Рыбий Глаз, талантливого пианиста, который отзывается на кличку «Кошконавт», и блестящего джокера-математика, который подписывает свои статьи именем «Слизень». Даже в этом турне среди моих спутников нашлись трое, называющие себя Кристалис, Тролль и отец Кальмар.

Мы, конечно же, не первое меньшинство, подвергающееся подобной форме притеснения. А чернокожие? Целые поколения вырастали с убеждением, что самые красивые черные девушки — это те, у кого самая светлая кожа, а черты лица наиболее приближены к европейскому идеалу. В конце концов кто-то раскусил этот обман и провозгласил, что человек с черной кожей может быть прекрасен сам по себе.

Время от времени исполненные самых благих побуждений, но недалекие джокеры пытались повторять ту же ошибку. «Шизики», одно из наиболее скандальных заведений Джокертауна, каждый год в День святого Валентина проводит конкурс, который они именуют «Мисс Страхолюдина». Кто-то может усмотреть в этих попытках искренность, кто-то — цинизм, но они определенно направлены не в нужном направлении. Наши друзья-такисиане позаботились об этом, вложив

в ту шутку, которую они с нами сыграли, одну маленькую изюминку. Беда в том, что каждый джокер единственный в своем роде.

Даже до своего преображения я никогда не был красавцем. Даже после превращения я отнюдь не безобразен. Вместо носа у меня хобот в два фута длиной и с пальцами на конце. По своему опыту могу сказать, что через пару дней большинство людей привыкает к моему виду. Мне нравится верить, что через неделю-другую вы вряд ли будете замечать, что я чем-то отличаюсь от вас, и, быть может, в этом утверждении даже есть доля истины. Ах, если бы вирус оказался помилосерднее и хоботы вместо носов появились бы у всех джокеров, привыкание прошло бы куда легче, а кампания под девизом «Хобот — это прекрасно!» могла бы дать превосходный результат.

Но, насколько мне известно, я — единственный среди джокеров обладатель хобота. Я могу сколько угодно отвергать эстетические воззрения культуры натуралов, в которой я живу, и убеждать себя, что я чертовски красив, а все остальные — уроды, но все это не поможет мне, когда я в очередной раз обнаружу жалкое создание по имени Соплевик спящим на помойке за «Домом смеха». Чудовищная реальность заключается в том, что при виде более жестоко изуродованных джокеров меня охватывает отвращение ничуть не меньшее, чем доктора Тахиона при виде меня,— но кому-кому, а мне должно быть за это стыдно.

И эти рассуждения вновь приводят меня к Фортунато. Он — сутенер или, во всяком случае, когда-то был сутенером. Держал контору очень дорогих девочек по вызову. Девушки у него были все как на подбор: ослепительно красивые, чувственные, искушенные во всех мыслимых и немыслимых эротических забавах и очень приятные в общении — словом, одинаково восхитительные как в постели, так и вне ее. Он звал их гейшами.

Я больше двух десятков лет был одним из его постоянных клиентов.

Думаю, он вел много дел в Джокертауне. Мне доподлинно известно, что Кристалис нередко продает информацию в обмен на секс — если мужчина, желающий прибегнуть к ее

услугам, приходится ей по вкусу. Я знаком с несколькими весьма состоятельными джокерами, ни один из которых не женат, зато почти у всех есть любовницы из натуралок.

Проституция в Джокертауне — весьма доходный бизнес, наряду с наркотиками и азартными играми.

Первое, чего лишается джокер,— это сексуальная жизнь. Некоторые прекращают ее полностью, становясь неспособными к ней или бесполыми. Но даже те, чьи гениталии и сексуальное влечение не пострадали от вируса дикой карты, могут лишиться сексуального самосознания. В тот самый миг, когда состояние жертвы вируса стабилизируется, она перестает быть мужчиной или женщиной и становится просто джокером.

Естественное сексуальное влечение, гипертрофированное отвращение к себе и тоска по утраченному: мужественности, женственности, красоте и всему остальному,— эти демоны терзают всех обитателей Джокертауна, и я тоже хорошо знаком с ними. Рак и химиотерапия убили весь мой интерес к женщинам, но воспоминания и стыд никуда не делись. Мне стыдно вспоминать о Фортунато. Не потому, что я пользовался услугами проституток или нарушал их дурацкие законы — я презираю эти законы. Мне стыдно оттого, что, несмотря на все мои усилия за все эти годы, я так и не смог увидеть ни в одном джокере женского пола женщину. Я знал многих, которые были достойны любви,— добрых, ласковых и заботливых женщин, нуждавшихся в нежности, душевной близости, да и в сексе ничуть не меньше моего. Некоторые из них стали моими задушевными друзьями. И все же я так и не смог почувствовать к ним влечение. В моих глазах они оставались столь же непривлекательными, как и я в их.

Уже загорелась просьба пристегнуть ремни безопасности, а я чувствую себя не совсем хорошо, так что на этом пока заканчиваю.

10 апреля, Стокгольм

Я страшно устал. Боюсь, мой доктор был прав — это путешествие, возможно, оказалось жестокой ошибкой в том, что касается моего здоровья. Первые несколько месяцев я держался молодцом — впечатления еще были такими новыми, свежими и захватывающими, но в последний месяц, видимо, утомление начало накапливаться и повседневная рутина стала почти невыносимой. Перелеты, обеды, бесконечная вереница встречающих, посещения больниц, джокерских гетто и научно-исследовательских лабораторий грозят слиться в одну неразличимую круговерть высокопоставленных лиц, аэропортов, переводчиков, автобусов и банкетных залов.

Я почти не могу есть и вижу, как сильно похудел. Что это: рак, тяготы путешествия или мой возраст — кто знает? Подозреваю, что все сразу.

К счастью, наше турне подошло к самому концу. По графику мы должны вернуться в международный аэропорт имени Томлина 29 апреля, так что осталось совсем немного. Должен признаться, я с нетерпением жду возвращения домой, и, думаю, не одинок в этих ожиданиях. Все мы устали.

И все же, несмотря на последствия, я ни за что не отказался бы от этой поездки. Я видел пирамиды и Великую Китайскую стену, бродил по улицам Рио, Марракеша и Москвы, а скоро к этому перечню добавятся Рим, Париж и Лондон. Я повидал и пережил немало хорошего и плохого — и, полагаю, много чего узнал. Мне очень хотелось бы прожить достаточно долго, чтобы успеть распорядиться этим знанием.

Швеция стала приятным разнообразием после Советского Союза и других стран Варшавского договора, которые мы посетили. Социализм не вызывает у меня ни положительных, ни отрицательных эмоций, но мне до смерти надоели образцово-показательные «медицинские общежития» для джокеров, которые нам постоянно демонстрировали, и образцово-показательные джокеры, которые их населяли. «Социалистическая медицина и социалистическая наука, вне всякого сомнения, победят дикую карту, и в этом направлении уже сделаны огромные шаги»,— то и дело повторяли нам. Но если даже эти утверждения и заслуживают доверия, ценой победы будет «лечение» продолжительностью в целую жизнь, которое применяют к тем немногочисленным джокерам, существование которых признают Советы.

Билли Рэй со всей ответственностью заявляет, что на самом деле джокеров у русских тысячи, только они надежно заперты подальше от глаз в огромных серых «домах джокеров», которые номинально являются больницами, но по сути представляют собой тюрьмы во всем, кроме названия, и укомплектованы многочисленными охранниками, но не врачами и медсестрами. Карнифекс говорит также, что у Советов имеется и с дюжину тузов, находящихся на службе у правительства, армии, милиции и партии. Если его слова соответствуют истине — а СССР, разумеется, отрицает подобные утверждения,— то нам не удалось и близко увидеть ничего такого: КГБ и «Интурист» зорко следят за каждым нашим шагом, несмотря на заверения советского правительства об отсутствии контроля.

Сказать, что доктор Тахион не сумел найти общего языка со своими коллегами из социалистического стана, было бы изрядным преуменьшением. Его презрение к советской медицине может сравниться разве что с презрением Хирама к советской кухне. Однако оба они, похоже, с большим одобрением отнеслись к советской водке, выпито которой было немало.

Однажды в Зимнем дворце возник забавный спор, когда один из наших хозяев взялся объяснять доктору Тахиону диалектику истории, заявив, что по мере развития цивилизации феодализм должен неизбежно уступать место капитализму, а капитализм — социализму. Тахион выслушал все это с поразительным терпением, а затем произнес буквально следующее:

— Дорогой мой, в этом крошечном уголке галактики имеется всего две великих цивилизации, которые освоили космические полеты. Мой собственный народ по классификации ваших светил следует отнести к феодалам, а Сеть — к капитализму столь алчному и жестокому, что вам и не снилось. Однако ни один из наших народов, к счастью, не проявляет никаких признаков перехода в стадию социализма.— Потом он немного помолчал и добавил: — Вообще-то, если хорошо подумать, Рой вполне можно отнести к коммунистам, хотя о цивилизованности в этом случае говорить едва ли уместно.

Должен признать, это было меткое высказывание, и, пожалуй, оно произвело бы на русских большее впечатление, не будь Тахион при этом с головы до ног одет в казачий костюм. И где он только берет свои наряды?

О прочих странах Варшавского блока добавить почти нечего. В Югославии было теплее всего, в Польше страшнее всего, а Чехословакия сильнее всех напомнила о доме. Даунс накатал в высшей степени захватывающую статью для «Тузов», где высказывал мысль, что широко распространенные в сельской среде слухи о современных вампирах в Венгрии и Румынии в действительности представляют собой не что иное, как проявления дикой карты. Это и впрямь была его лучшая работа, местами написанная по-настоящему превосходно и тем более поразительная, что вдохновил его на нее пятиминутный разговор с одним кондитером из Будапешта.

В Варшаве мы обнаружили небольшое джокерское гетто и повальную веру в «брата-туза», который скрывается где-то в подполье и вот-вот придет, чтобы возглавить этих обездоленных и повести их вперед, к победе. Увы, за те два дня, что мы пробыли в Польше, долгожданный туз так и не появился. Сенатору Хартманну с огромным трудом удалось добиться встречи с Лехом Валенсой, и, думаю, фотография «Ассошиэйтед пресс», на которой они запечатлены вдвоем, уже прибавила ему немало очков дома, в Америке. Хирам ненадолго покинул нас в Венгрии — очередное «неотложное дело» в Нью-Йорке, как он пояснил нам,— и вернулся сразу же после того, как мы прибыли в Швецию, в чуть лучшем расположении духа.

После всех тех мест, где мы побывали, Стокгольм кажется просто раем. Здесь, на севере, джокеры — редкость, но шведы встретили нас с полнейшей невозмутимостью, как будто всю жизнь только и делали, что принимали в гостях джокеров.

И все же, несмотря на всю приятность нашего короткого пребывания здесь, быть запечатленным для потомков заслуживает лишь одно происшествие. Полагаю, мы открыли не-

что такое, что потрясет всех историков мира,— неизвестный доселе факт, в свете которого вся современная ближневосточная история предстает в совершенно новом, ошеломляющем виде.

Это случилось совершенно обычным днем, который часть делегатов проводили с членами Нобелевского комитета. Думаю, на самом деле им хотелось встретиться с сенатором Хартманном. Несмотря на то что его попытка договориться с Нур аль-Аллой в Сирии закончилась насилием, в ней вполне справедливо увидели именно то, чем она и являлась,— искренний и мужественный шаг к миру и пониманию, который, по моему мнению, делает его серьезным претендентом на получение в следующем году Нобелевской премии мира.

Как бы там ни было, на встречу вместе с Грегом отправились еще несколько делегатов. Один из наших хозяев, как выяснилось, состоял секретарем графа Фольке Бернадотта, когда тот заключал Иерусалимский мир, и, как ни печально, был рядом с графом, когда два года спустя его застрелили израильские экстремисты. Он рассказал несколько очаровательных историй о Бернадотте, перед которым явно преклонялся, и показал нам кое-какие реликвии, которые сохранил на память о тех тяжелых переговорах. Среди записей, протоколов и черновиков был и фотоальбом.

Я мельком взглянул на пару фотографий и передал альбом дальше, как сделали большинство моих коллег до меня. Доктор Тахион, который сидел рядом со мной на диване со скучающим видом, от нечего делать принялся рассеянно листать его. Почти на всех фотографиях был запечатлен Бернадотт: в кругу своей делегации, с Давидом Бен-Гурионом, с королем Фейсалом. Кроме того, в альбоме хранились снимки разнообразных помощников, включая и нашего хозяина, в менее официальной обстановке — во время обмена рукопожатиями с израильскими солдатами, за обедом в шатре бедуинов и так далее. Короче, ничего особенного. Пожалуй, больше всего меня поразила фотография, на которой был запечатлен Бернадотт в окружении «Наср», организации порт-саидских тузов, которые столь драматически переломили ход битвы, присоединившись к легендарному иорданскому Арабскому легиону.

В центре сидят Бернадотт и Хоф, с ног до головы одетый в черное, словно дух смерти,— окруженные молодыми тузами. Как ни парадоксально, из всех запечатленных на фотографии сейчас в живых осталось всего трое, и среди них — нестареющий Хоф. Даже в необъявленной войне бывают убитые.

Но внимание Тахиона привлекла не эта фотография, а совершенно другой, очень неофициальный снимок, сделанный, очевидно, в каком-то гостиничном номере,— Бернадотт с членами делегации были сняты за столом, заваленным бумагами. С краю в объектив попал какой-то молодой мужчина, которого я не видел ни на одной из предыдущих фотографий,— худощавый, темноволосый, с пылким взглядом и обаятельной улыбкой. Он наливал в чашку кофе. Ничего примечательного, но Тахион почему-то долго смотрел на этот снимок, а потом подозвал нашего хозяина и, понизив голос, спросил:

— Прошу прощения, мне было бы очень интересно узнать, помните ли вы этого человека? — Тах показал на фотографию.— Он был членом вашей делегации?

Наш шведский друг склонился над альбомом, вгляделся в снимок и усмехнулся.

— Ах, этот? — сказал он на безупречном английском.— Он был... как же у вас называют человека, который выполняет всякие случайные поручения и мелкие дела? Я забыл.

— Мальчик на побегушках,— подсказал я.

— Да, он был кем-то вроде мальчика на побегушках. На самом деле это студент-журналист. Джошуа, вот как его звали. Джошуа... запамятовал фамилию. Он сказал, что хотел бы понаблюдать за переговорами изнутри, чтобы потом написать о них статью. Сначала Бернадотт счел эту идею совершенно бредовой и наотрез отказал, но молодой человек оказался настойчивым. В конце концов ему удалось где-то подловить графа и изложить ему свою просьбу лично, и не знаю уж каким образом, но он умудрился умаслить его. Так что официально он не был членом делегации, но с того дня и до самого конца постоянно находился при нас. Насколько я помню, толку от него было не слишком много, но он оказался таким милым молодым человеком, что все его полюбили. Не думаю, чтобы он когда-нибудь написал свою статью.

— Нет,— подтвердил Тахион.— Он ее не написал. Он был шахматистом, а не писателем.

Лицо нашего хозяина просияло.

— Точно! Он беспрерывно играл, теперь я припоминаю. И неплохо играл. Вы с ним знакомы, доктор Тахион? Я часто думал, как сложилась его дальнейшая судьба.

— И я тоже,— просто и грустно отозвался Тахион.

Он закрыл альбом и перевел разговор на что-то другое.

Я знаю Тахиона столько лет, что и подумать страшно. В тот вечер, снедаемый любопытством, я за ужином подсел к Джеку Брауну и задал ему несколько невинных вопросов. Я уверен, что он ничего не заподозрил, но, очевидно, был не против предаться воспоминаниям о «Четырех тузах», об их деяниях, о местах, в которых они побывали, и, что более важно, в которых их *не было.* По крайней мере, официально.

После этого я отправился в номер к Тахиону — он напивался в одиночестве. Доктор пригласил меня войти, мрачный, поглощенный своими воспоминаниями. Не знаю ни одного другого человека, который настолько жил бы прошлым. Я спросил его, что это за молодой человек с фотографии.

— Так, никто,— ответил такисианин.— Один мальчик, с которым я любил играть в шахматы.

Не знаю, почему он решил мне солгать.

— Его звали не Джошуа,— сказал я ему, и он, похоже, опешил. Интересно, с чего он решил, что мое уродство как-то сказалось на моем уме и памяти? — Его звали Дэвид, и его не должно было там быть. «Четыре туза» никогда официально не участвовали в ближневосточных делах, а Джек Браун говорит, что к концу 1948 года дороги членов группы разошлись. Так, Браун снимался в фильмах.

— В низкопробных фильмах,— ядовито заметил Тахион.

— А тем временем,— продолжал я,— Парламентер добивался заключения мирного договора.

— Он был в отлучке два месяца. Нам с Блайз сказал, что едет в отпуск. Я помню. Мне никогда и в голову не приходило, что он в этом замешан.

Это совершенно не приходило в голову и всему остальному миру, хотя, пожалуй, должно было бы. Дэвид Герштейн не был

особенно религиозен, судя по тем немногочисленным фактам, которые я о нем знал, но он был евреем и, когда портсаидские тузы и арабские армии начали угрожать самому существованию новорожденного государства Израиль, принялся действовать самостоятельно.

Его сила служила миру, а не войне; однако не страх, не самумы и не гром среди ясного неба заставляли людей любить его и отчаянно желать угождать ему и соглашаться с ним — то были феромоны, которые делали одно присутствие туза по прозвищу Парламентер практически гарантией успеха в любых переговорах. Но те, кто знал, кто он и в чем заключаются его способности, обычно проявляли прискорбную склонность отказываться от своих соглашений, едва только Герштейн с его феромонами удалялся на сколько-нибудь значительное расстояние. Должно быть, он предусмотрел это и, учитывая, сколь высоки были ставки, решил выяснить, что получится, если его роль в процессе переговоров хранить в строжайшем секрете. Ответом ему был Иерусалимский мир.

Интересно, знал ли сам Фольке Бернадотт, кто такой на самом деле его добровольный помощник? Интересно, где Герштейн сейчас и что он думает о мире, который с таким тщанием и в такой глубокой тайне заключил? Я снова и снова возвращаюсь к словам, которые сказал в Иерусалиме Черный Пес.

Что стало бы с хрупким Иерусалимским миром, откройся миру его подоплека? Чем больше я об этом думаю, тем тверже прихожу к уверенности, что должен вырвать эти страницы из моего дневника, прежде чем отдавать его на публикацию. Если никто не догадается подпоить досточтимого доктора Тахиона, возможно, эта тайна так и останется тайной.

Интересно, решился ли он на это еще хотя бы раз? После унизительных заседаний КРААД, после тюрьмы и опалы, после его знаменитого призыва на государственную службу и еще более знаменитого исчезновения решился ли Парламентер участвовать хотя бы в одних переговорах — в мире, который не стал ничуть мудрее? Не знаю, узнаем ли мы когда-нибудь об этом.

Мне это кажется маловероятным — к моему огромному сожалению. Судя по тому, что я повидал за время нашего турне, в Гватемале и Южной Африке, в Эфиопии, Сирии и Иерусалиме, в Индии, Индонезии и Польше, сегодня Парламентер нужен миру как никогда.

27 апреля, где-то над Атлантикой

Освещение в салоне погасили несколько часов назад, и большинство моих коллег уже видят третий сон, а мне не дает уснуть боль. Я принял таблетки, и они помогают, но заснуть я все равно не могу. И все же я чувствую странную радость, почти безмятежность. Конец путешествия уже совсем близок, как в узком, так и в широком смысле. Да, я прошел долгий путь и в кои-то веки могу оглянуться на него без горечи.

Нам предстоит еще одна остановка — мы побываем в Канаде, заскочим в Монреаль и Торонто, затем поприсутствуем на правительственном приеме в Оттаве. И домой! Международный аэропорт имени Томлина, Манхэттен, Джокертаун. Я рад, что снова увижу «Дом смеха».

Мне очень хотелось бы сказать, что наше турне выполнило все задачи, которые мы себе поставили, но это едва ли было бы правдой. Пожалуй, мы неплохо начали, но происшествия в Сирии, Западной Германии и Франции положили конец нашим невысказанным мечтам заставить общественность забыть о резне Дня дикой карты. Остается лишь надеяться, что большинство поймет: терроризм — это темная и уродливая часть мира, в котором мы живем, и он существовал бы и без дикой карты. Кровавое побоище в Берлине устроила группа, в которую входили джокеры, тузы и натуралы, и нам неплохо было бы помнить об этом самим и напоминать об этом миру. Возлагать вину за ту бойню на Гимли с его жалкими последователями или на двух беглых тузов, которых до сих пор разыскивает немецкая полиция, значит играть на руку людям вроде Лео Барнетта и Нур аль-Аллы. Даже если бы такисианский корабль с вирусом дикой карты никогда не появился поблизости от Земли, на планете все равно не наблюдалось бы недостатка в головорезах, безумцах и злодеях.

Что касается меня — разве не насмешка судьбы, что мужество и сострадание привели Грега на грань гибели, тогда как ненависть спасла его, натравив его тюремщиков друг на друга в приступе братоубийственного безумия.

Воистину, наш мир — странное место.

Я молюсь, чтобы с Гимли было покончено, но это не мешает мне ликовать. После Сирии вряд ли кому-то пришло бы в голову поставить под сомнение способность Грега Хартманна не терять хладнокровия в самом отчаянном положении, но если бы такие и нашлись, Берлин положил конец всем их страхам. После того как эксклюзивное интервью Сары Морган появилось в «Вашингтон пост», ничего удивительного, что Хартманн по результатам опросов взлетел вверх на десять пунктов. Теперь они с Хартом идут практически ноздря в ноздрю. Судя по атмосфере в нашем самолете, он определенно выставит свою кандидатуру.

Все это я высказал Проныре еще в Дублине, когда мы сидели в нашей гостинице за бокалом «Гиннеса» с содовым ирландским хлебом, и он согласился со мной. Он даже пошел дальше и предсказал, что Хартманн победит и станет кандидатом в президенты от демократов. Я не испытывал такой уверенности и напомнил ему, что Гэри Харт все еще остается весьма грозным соперником, но Даунс ухмыльнулся в своей раздражающе загадочной манере и заметил:

— Что-то подсказывает мне, что Гэри выкинет какой-нибудь дурацкий фортель и собственными руками себе все испортит. Только не спрашивайте, откуда у меня такое предчувствие.

Если позволит здоровье, я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы поднять Джокертаун на поддержку Хартманна. К тому же я не одинок в своих взглядах. После всего того, что мы видели как дома, так и за границей, за сенатором пойдут многие выдающиеся тузы и джокеры. Хирам Уорчестер, Мистраль, отец Кальмар, Джек Браун... возможно, даже сам доктор Тахион, вопреки своей широко известной неприязни к политике и политикам.

Несмотря на терроризм и кровопролитие, я верю, что кое-чего мы все же достигли. Наш отчет, очень надеюсь на это, откроет глаза некоторым должностным лицам, да и пресса, в фокусе внимания которой мы находились все это время, значительно повысила осведомленность нашей общественности относительно положения джокеров в странах третьего мира.

Если перейти на более личный уровень, то Джек Браун во многом реабилитировал себя и даже положил конец их тридцатилетней вражде с Тахионом; Соколица, которой беременность явно пошла на пользу, расцвела еще больше; и нам даже удалось, пусть и с большим опозданием, вызволить беднягу Иеремию Страусса из двадцатилетней неволи среди обезьян. Я знаю Страусса еще с тех времен, когда владелицей «Дома смеха» была Анжела, а я лишь служил там метрдотелем, и предложил ему ангажемент, когда (и если) он решит возобновить свою карьеру Проекциониста. Он поблагодарил, но определенного ответа не дал. Ему придется заново привыкать к нашему миру, и я ему не завидую. Это все равно что одним махом перепрыгнуть на несколько десятилетий в будущее.

Что же касается доктора Тахиона... Что ж, его новая панковская прическа безобразна до крайности, он до сих пор прихрамывает на раненую ногу, и уже всему самолету известно о его сексуальной дисфункции, но все это, по-видимому, его больше не тревожит — с тех пор, как во Франции к нам присоединился юный Блез. В публичных выступлениях он избегает говорить на эту тему, но правда, разумеется, известна всем и каждому. Ни для кого не секрет, что достойный доктор много лет прожил в Париже, и если даже огненно-рыжие волосы мальчишки не были бы достаточным доказательством, то его способности к ментальному контролю не оставляют никаких сомнений в его происхождении.

Блез — странный мальчик. Когда он только присоединился к нам, джокеры, похоже, вызывали у него благоговейный трепет, в особенности Кристалис, чья прозрачная кожа явственно завораживала его. С другой стороны, ему в полной мере присуща здоровая жестокость непосредственного ребенка (и можете мне поверить, любому джокеру хорошо известно, какими жестокими бывают дети). Однажды, когда мы находились в Лондоне, Тахиону кто-то позвонил, и ему пришлось на несколько часов отлучиться. В его отсутствие Блез заскучал и, чтобы развлечься, завладел сознанием Мордекая Джонса. Он заставил его влезть на стол и декламировать стишок «Я пузатый медный чайник», который он только что выучил на уроке английского языка. Под тяжестью Гарлемского Молота стол рухнул, и, думаю, Джонс вряд ли скоро забудет об этом унижении. К тому же он не слишком жалует доктора Тахиона.

Разумеется, не все будут вспоминать об этом турне с теплотой. Многим из нас путешествие далось с большим трудом, отрицать не стану. Сара Моргенштерн написала несколько серьезных статей и продемонстрировала настоящее мастерство, но все же с каждым днем эта женщина становится все более нервной и раздражительной. Что касается ситуации в хвосте самолета — Джош Маккой то безумно любит Соколицу, то готов убить ее, и его можно понять, ведь весь мир знает, что отец ее ребенка — не он. Между тем профиль Проныры никогда уже не будет прежним.

А с Даунса все как с гуся вода. Вот уж кто не знает ни удержу, ни приличий. Только на днях он намекал Тахиону, что если у него будет эксклюзивный материал о Блезе, то он, возможно, сумеет сделать так, чтобы сведения об импотенции такисианина не стали достоянием общественности. Это предложение не встретило одобрения. В последнее время Проныру и Кристалис водой не разольешь. Как-то ночью, еще в Лондоне, в баре я случайно стал свидетелем одного очень любопытного разговора.

— Я знаю, что это он,— говорил Проныра.

Кристалис отвечала, что знать и иметь доказательства — две большие разницы. Проныра сказал, что он «нюхом чует», что он все понял, едва они только встретились, но Кристалис только рассмеялась: «Нюх — это прекрасно, но запахи, которых никто больше не чувствует,— не слишком хорошее доказательство, а если бы даже и были доказательством, ему пришлось бы раскрыть свою тайну, чтобы предать эту исто-

рию огласке». Я вышел из бара, а они все еще продолжали в том же духе.

Думаю, даже Кристалис будет рада вернуться в Джокертаун. Англия ей явно понравилась, но, учитывая ее англоманские замашки, это ни для кого не стало неожиданностью. Однажды даже возникла неловкость, когда на приеме ее познакомили с Черчиллем и тот довольно неприветливо поинтересовался, что именно она пытается доказать своим нарочитым британским акцентом. На ее необыкновенном лице всегда крайне трудно прочесть какие-либо чувства, но в тот миг я голову бы дал на отсечение, что она готова убить старика прямо на глазах у королевы, премьер-министра и десятка британских тузов. К счастью, она стиснула зубы и списала это высказывание на преклонный возраст лорда Уинстона. Этот достойный джентльмен и в более юные годы никогда не был сдержан на язык.

Хираму Уорчестеру, пожалуй, в этой поездке досталось как никому из нас. Резервы его сил были досуха исчерпаны в Германии, и с тех пор он напоминает выжатый лимон. Когда мы вылетали из Парижа, он разбил свое специально изготовленное на заказ кресло — видимо, перемудрил где-то с гравитационным контролем,— и вылет пришлось отложить почти на три часа, пока кресло не починили. И нервы у него тоже сдают. Когда ремонтировали сиденье, Билли Рэй то и дело отпускал скабрезные шуточки в адрес толстяков, и Хирам, вспылив, в ярости набросился на него и обозвал (помимо всего прочего) «безмозглым хайлом». И пошло-поехало. Карнифекс, ухмыльнувшись своей неприятной улыбочкой, процедил: «За такие слова я сейчас надеру тебе твою жирную задницу» — и начал подниматься из кресла.

— Я не разрешал тебе встать,— отрезал Хирам.

Он сжал руку в кулак и утроил вес Билли, вмяв его обратно в сиденье. Тот упрямо пытался подняться, но Хирам делал его все тяжелее и тяжелее, и не знаю даже, чем все могло бы закончиться, если бы доктор Тахион не вмешался и не усыпил обоих при помощи ментального контроля.

Не знаю, смеяться или плакать, когда я вижу, как прославленные на весь мир тузы ссорятся как малые дети, но

Хирама хотя бы оправдывает плохое самочувствие. В последнее время выглядит он просто ужасно: бледный, отечный, беспрестанно потеющий и страдающий одышкой. На шее у него, чуть пониже воротничка, появилась здоровенная болячка, которую он ковыряет, когда думает, что никто его не видит. Я бы настоятельно порекомендовал ему обратиться к доктору, но он в последнее время такой вспыльчивый, что мой совет вряд ли будет принят благосклонно. Однако его короткие визиты в Нью-Йорк на всем протяжении нашего путешествия каждый раз заметно шли ему на пользу, так что остается только надеяться, что возвращение домой исцелит его тело и дух.

И наконец обо мне.

Наблюдать за коллегами и рассуждать, что они приобрели и что потеряли, легко. Подытожить собственный опыт куда сложнее. Я стал старше и, надеюсь, мудрее, чем был, когда мы вылетали из международного аэропорта имени Томлина. И, несомненно, на пять месяцев ближе к смерти.

Вне зависимости от того, будет ли этот дневник опубликован после моей кончины или нет, мистер Экройд заверил меня, что лично передаст копии моим внукам и приложит все усилия, чтобы они его прочитали. Поэтому, возможно, именно ради них я и пишу эти последние, заключительные слова... для них и для таких, как они.

Роберт, Касси... мы с вами никогда не виделись, и я виноват в этом ничуть не меньше, чем ваши мать и бабка. Если вы хотите знать почему, вспомните, что я писал об отвращении к самому себе, и поймете — я не стал исключением. Не думайте обо мне плохо... и о матери и бабке тоже. Джоанна была совсем малышкой, чтобы понимать что-то, когда ее папа навсегда изменился, а Мэри... Когда-то мы любили друг друга, и я не могу сойти в могилу, ненавидя ее. Правда заключается в том, что, поменяйся мы ролями, я вполне мог бы поступить точно так же. Все мы только люди и, как умеем, справляемся с ударами, которые судьба наносит нам.

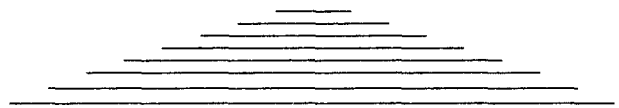
Да, ваш дед был джокером. Но я надеюсь, читая эти страницы, вы поймете, что он был не только джокером, а кое-

чего достиг, что он стоял за своих людей и сделал немало добра. АДЛД — такое наследие, какого не постеснялся бы ни один человек, и она увековечит мою память куда лучше, чем египетские пирамиды, Тадж-Махал или мавзолей Джетбоя. В конце концов, не так уж скверно я прожил жизнь. Я ухожу, оставляя друзей, которые любили меня, немало бесценных воспоминаний, массу незавершенных дел. Я омочил свои ноги в Ганге, слышал, как бьет Биг-Бен, и ходил по Великой Китайской стене. Я успел увидеть свою дочь и держал ее на руках, я обедал с тузами и телезвездами, с президентами и королями.

Но важнее всего то, что я, как мне кажется, оставляю мир, сделав его чуть лучше. А ничего большего и пожелать нельзя.

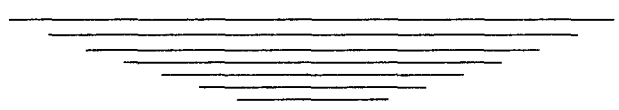
Мне бы очень хотелось, чтобы вы рассказывали обо мне своим детям.

Меня звали Ксавье Десмонд, и я был человеком.

Часть четвертая

Борьба человеческого сердца с самим собой

Ветераны и истинные поклонники до сих пор дорожат воспоминаниями о Бэте Дарстоне, бесстрашном мстителе, рассказы о котором часто появлялись в «Гэлэкси» в начале пятидесятых годов и чью фотографию нередко можно было увидеть на обложке.

Под заголовком «ВЫ НИКОГДА НЕ УВИДИТЕ ЭТО В "ГЭЛЭКСИ"» следовал текст:

Грохочут копыта. Бэт Дарстон скачет галопом по узкому проходу в Орлином Ущелье, маленьком поселении золотоискателей в 400 милях к северу от Тумстоуна. Он отчаянно пришпоривает коня, чтобы побыстрее проскочить под выступом скалы... и в этот момент высокий стройный ковбой выходит из-за огромного валуна, держа шестизарядный револьвер в загорелой руке.

— Останови коня и спешивайся, Бэт Дарстон,— не разжимая губ, говорит незнакомец.— Да будет тебе известно, что это твое последнее путешествие по нашим местам.

Дюзы раскалены. Бэт Дарстон входит на своем корабле в атмосферу Бблззнаджа, крошечной планеты, находящейся в семи миллиардах световых лет от Солнца. Он выключает свой супергипердвигатель для посадки... и в этот момент высокий стройный инопланетянин выходит из-за огромного агрегата неизвестного назначения с протоновым бластером в загорелой руке.

— Отойди от рычагов управления, Бэт Дарстон,— не разжимая губ, говорит высокий незнакомец.— Да будет тебе известно, что это твое последнее космическое путешествие по нашему участку космоса.

«Ничего подобного вы никогда не найдете в "Гэлэкси",— безапелляционно заявлял редактор Г. Л. Голд.— Мы печатаем только лучшие образцы научной фантастики... произведения искренние, достоверные, глубокие... написанные авторами, которые не переключаются, как автоматы, с детективов на вторжение инопланетян... людьми, знающими и любящими научную фантастику... для тех, кто тоже ее любит и понимает».

Это рекламное заявление появилось в первом выпуске «Гэлэкси» в сентябре 1950 года, а потом повторялось во многих последующих. Все это происходило, когда я был еще двухлетним парнишкой (у меня есть фотографии, подтверждающие этот факт). Даже «Рокки Джонс» в тот момент принадлежал моему будущему (Рокки и Бэт, несомненно, дружили в школе космических рейнджеров) вместе с Хайнлайном, Говардом, Толкином, Лавкрафтом и Фантастической четверкой.

Когда я сам начал писать научную фантастику для «Гэлэкси», век Г. Л. Голда — поистине золотой — уже закончился. В 1961 году после автокатастрофы Голд передал вожжи (кормило? рычаги управления космического корабля?) Фредерику Полу. К концу десятилетия на смену Полу пришел Эджлер Якобсон, взявший на работу Гарднера Дозуа, в обязанности которого входило читать поступающий в редакцию вздор. Остальное вам уже известно, если вы читали мои предыдущие комментарии.

Пока Якобсон был редактором, я не продал в «Гэлэкси» ни одного рассказа, хотя пару раз был к этому близок. Впрочем, я пристроил немало рассказов Тэду Уайту, хотя после «Дороги в Сан-Брета» большинство моих сочинений выходило в «Эмейзинг», а не в «Фэнтестик». Но свою репутацию я сделал в «Аналоге», ведущем журнале жанра, именно там был напечатан мой первый рассказ, получивший «Хьюго». В свое время в течение нескольких десятилетий «Аналог» был олицетворением «настоящей научной фантастики» под руководством легендарного редактора Джона Кэмпбелла-младшего. Он умер, когда я только начал писать рассказы, и его место в «Аналоге» занял Бен Бова. Кэмпбелл справедливо считался великим редактором. Он изменил жанр, когда пришел к руководству «Эстаундингом» в тридцатые годы — можно сказать, благодаря Кэмпбеллу наступил золотой век научной фантастики.

Кэмпбелл-младший прославился и как первооткрыватель новых писателей, но почему-то я сомневаюсь, что он отнесся бы с такой благосклонностью, как Бова, к меланхоличным, романтическим, трагическим рассказам, которые я писал в начале семидесятых годов. Если бы Кэмпбелл прожил еще десять лет, моя карьера развивалась бы в ином направлении, как и у многих других людей.

Бова занял редакторское кресло в качестве автора научной фантастики с безупречной репутацией. Он писал только *настоящую* научную фантастику, что было важно в те давно прошедшие годы, когда все еще бушевала война между Старой и Новой волной. Тем не менее с того самого момента, как Бова воцарился на троне, он изменил политику журнала — на страницах «Аналога» стали появляться рассказы, которых никогда бы не выбрал Кэмпбелл... в том числе и мои.

Процесс получился достаточно болезненным — взгляните на колонку писем тех лет. В каждом новом выпуске публиковались заявления одного или двух подписчиков об отказе получать журнал. Их возмущали непристойные слова, сексуальные сцены или недостаточно компетентные авторы. К счастью, они оставались в меньшинстве. Возрожденный «Аналог» стал лучшим журналом жанра в семидесятых, и Бен Бова получал премию «Хьюго» как лучший редактор в течение пяти лет подряд, с 1973 по 1977 год, а потом еще и в 1978 году.

Мой первый рассказ, который я продал Бове,— и моя третья продажа, и он же первый, не потерянный до того, как был продан,— на самом деле был «научной статьей» о компьютерных шахматах. Я был капитаном шахматной команды колле-

джа, а мои друзья написали шахматную программу для большого компьютера, гиганта СДС 6400, занимавшего целое здание. Когда «Шахматы 4.0» победили соперничающие программы из полудюжины других колледжей на первом компьютерном мировом чемпионате по шахматам, я понял, что у меня есть материал для статьи.

Больше мне не довелось продавать «Аналогу» научных статей, более того, в дальнейшем я их не писал. Ведь я был журналистом, а не ученым. Но после того как моя статья была напечатана в «Аналоге», никто не мог поставить под сомнение мою добросовестность, как это происходило с писателями Новой волны, которые печатались в «Орбит» и «Нью дайменшнс». Хотя Бова и расширил горизонты «Аналога», журнал сохранял репутацию непримиримо жесткого, скрупулезно научного и даже немного пуританского. Гарднер Дозуа однажды сказал женщине, за которой я волочился, что нет никакого резона ложиться со мной в постель, поскольку после того, как ты продаешь хотя бы один рассказ в «Аналог», возле твоего дома останавливается белый фургон, из него выходят двое в серебристых комбинезонах и производят конфискацию твоего пениса. (Я не стану это комментировать, замечу лишь, что позднее сам Гарднер продал рассказ в «Аналог» и теперь сидит в одном кабинете с редактором. И я никогда не просил разрешения посмотреть, что находится в большом запертом шкафу, стоящем позади письменного стола Стэна Шмидта.)

Вслед за «Компьютер оказался рыбой» — моей научной статьей о Дэвиде Слейте и его шахматной программе-чемпионе — последовали «Мистфаль приходит утром», «Второй вид одиночества», «Песнь о Лии» и все остальное. Конечно, я работал не только для «Аналога». Мои рассказы покупал Тэд Уайт — «Эмейзинг» и «Фэнтестик» при Уайте были превосходными журналами. Я также печатался в «Мэгазин оф фэнтези энд сайнс фикшн», кроме того, мои рассказы часто попадали в антологии.

Но мне пришлось пережить немало отказов. Ни одному писателю не нравится, когда его произведения отвергаются,

но это неизбежно, нужно просто привыкнуть. Однако несколько таких отказов стали для меня особенно обидными. Речь идет об эпизодах, когда у редакторов не было претензий к моим сюжетам, характерам героев или стилю, более того, они даже говорили, что с удовольствием читали мои рассказы. Тем не менее их не брали... потому что они не были *научной фантастикой.*

В «Ночной смене» речь шла о ночной смене в беспокойном космическом порту, откуда стартуют и где садятся корабли. По словам редактора, они с тем же успехом могли бы быть грузовиками. Другой редактор утверждал, что рассказ «Мистфаль приходит утром» напоминает ему попытки отыскать лох-несское чудовище. Даже «Второй вид одиночества» подвергался нападкам. «С тем же успехом вы могли бы написать рассказ о смотрителе маяка»,— заявил один редактор, отказывая мне. Рассказ вовсе не о звездном кольце или завихрениях нуль-пространства, а о «довольно жалком» главном герое и его надеждах, мечтах и страхах.

Нет, я серьезно — *что* пытались сказать мне эти ребята? Я публиковался в «Аналоге», я продал научно-популярную статью... и это отнюдь не истории про Бэта Дарстона!

Конечно, я и в самом деле написал «Ночную смену», опираясь на опыт отца, работавшего портовым грузчиком, к тому же я и сам несколько недель трудился в диспетчерской службе, управлявшей грузовыми перевозками...

Должен признать, что идея написать «Мистфаль приходит утром» посетила меня, когда я прочитал статью в газете про ученого, который привел в Лох-Несс целую флотилию лодок, оснащенных эхолокаторами, чтобы выманить Несси или доказать, что ее не существует...

Да, «Второй вид одиночества» населен моими собственными демонами и написан на основе эпизодов из моей жизни, как и «Песнь о Лии».

И даже «Песчаных королей», написанных через несколько лет, открывал эпизод о парне, которого я знал по колледжу.

Но что с того? Действие рассказов переносилось на другие планеты, в них появлялись инопланетяне и космические корабли. Какой еще научной фантастики они от меня могли требовать?

Все годы моей юности, когда я взрослел, читая фэнтези, ужасы и научную фантастику, меня никогда не волновали границы этих жанров. Что такое *настоящая* фэнтези, литература ужасов или научная фантастика? Моим основным продуктом потребления в пятидесятые годы были книги в мягких обложках и комиксы. Я знал о существовании научно-фантастических журналов, но они редко попадали мне в руки, поэтому я пребывал в блаженном неведении о существовании Бэта Дарстона и громах и молниях, которые метал в него Гораций Голд. В те годы я не знал даже названий жанров. Я любил читать про чудовищ, о космических приключениях, о мечах и магии или о сверхъестественном.

Но теперь, когда я стал профессиональным писателем, которого печатают, а также автором «Аналога», если на то пошло (с пенисом, большое вам спасибо), мне приличествовало бы выяснить, что же такое *настоящая* научная фантастика. И тогда я перечитал «В поисках удивительного» Дэймона Найта, «Издания под рукой» Джеймса Блиша, «Записную книжку научной фантастики» Л. Спрэга де Кампа, кроме того, я заглянул в «Локус» и «Сайенс фикшн ревью». Я также отнесся с большим вниманием к колонке «Измерения научной фантастики» Алексея Паншина в «Эмейзинг». Я с интересом следил за дискуссией между Старой и Новой волнами, поскольку враки Новой волны также не имели ничего общего с настоящей научной фантастикой, если верить ребятам из Старой волны. И конечно же, я уделял пристальное внимание различным определениям научной фантастики. Л. Спрэг де Камп давал определение научной фантастики в «Записной книжке», а Кингсли Эмис писал совсем иначе в «Новых картах ада». Тэд Старджон дал свое определение, как и Фред Пол, Дэвид Хартвелл, Алексей Паншин, а рядом пристроился Дэймон Найт, который утверждал что-то свое. Г. Л. Голд, естественно, предлагал собственное определение, поскольку твердо знал, что Бэт Дарстон в него не вписывается.

Я постарался осмыслить все определения и постепенно начал различать очертания *настоящего* научно-фантастического рассказа, имеющего мало общего с тем, что пишу я.

Образцом *истинного научно-фантастического рассказа* являлись «Брошенные на Весте» Айзека Азимова, опубликованные в «Аналоге» в 1939 году. Позднее Азимов напишет и более знаменитые и удачные рассказы — по правде говоря, почти все, что он написал позже, нравится мне больше,— но «Брошенные» были чистой научной фантастикой, где все основывалось на том факте, что вода в вакууме кипит при более низкой температуре.

Когда я это понял, то крепко задумался. И хотя у меня имелось немало предварительных заготовок для рассказов, которые я собирался написать в следующем году, ни в одном ничего не говорилось о температуре кипения воды. Откровенно говоря, мне казалось, что Азимов сказал все возможное по данному вопросу, ничего не оставив остальным, за исключением... Бэта Дарстона.

Все дело в том, что чем больше я думал о старине Бэте и Азимове, Хайнлайне, Кэмпбелле, Уэллсе и Жюле Верне, Вэнсе и Брэкетт, Уильямсоне и де Кампе, Каттнере и Мур, Андерсоне и Ле Гуин, Кордвайнере Смите и Доке Смите, Джордже О. Смите и Нортвесте Смите и всех остальных Смитах и Джонсах, тем больше я понимал то, чего так и не понял Гораций Голд.

Мальчики и девочки, они все писали истории Бэта Дарстона!

«Торговцы космосом» (которых Голд выпускал сериями в «Гэлэкси» под названием «Доходная планета») — это рассказ про Мэдисон-авеню пятидесятых годов. «Вечная война» — про Вьетнам, «Нейромант» — каперский роман, написанный причудливым языком, а Галактическая империя Азимова подозрительно похожа на римскую. Иначе почему Бэл Риоз так сильно напоминает нам Велизария? И когда мы внимательно

вчитываемся в «Брошенных на Весте», выясняется, что в нем ничего не говорится о температуре кипения воды. Речь там об отчаявшемся человеке, который пытается выжить.

Присмотритесь к обложке первого выпуска «Гэлэкси», и вы поймете, что такую же рекламу можно дать на обложке журнала вестернов, лишь с одним небольшим изменением. «ВЫ НИКОГДА НЕ УВИДИТЕ ЭТО В ИСТОРИЯХ С ШЕСТИЗАРЯДНЫМИ РЕВОЛЬВЕРАМИ,— мог бы провозгласить редактор.— Мы печатаем только лучшие образцы вестернов... искренние, достоверные, глубокие... написанные авторами, которые знают и любят вестерны... для тех, кто тоже их понимает и любит».

Поэтому уж я-то его увижу, этого вашего Бэта Дарстона, мистер Голд. И я выращу для вас и Уильяма Фолкнера, и «Касабланку», и даже самого Барда.

В фильме «До свидания, дорогая» Ричард Дрейфус играет актера, вынужденного, повинуясь указаниям «гениального» режиссера, изображать Ричарда III как шепелявящего женоподобного гомосексуалиста. Сейчас это уже не выглядит пародией. На лондонской сцене Дерек Джарман поставил печально известную версию «Эдуарда II» Марло, где главная часть гардероба Пирса Гавестона состоит из кожаного суспензория. Когда я в последний раз побывал в Уэст-Энде, там ставили «Кориолана», действие которого перенесли в революционную Францию. Самая свежая экранизация «Ромео и Джульетты» представлена в виде истории вражды двух уличных банд, с автомобилями, вертолетами и телевизионными репортерами. И если вы не видели «Ричарда III» Яна Маклеллана, снятого на фоне фашистской Англии тридцатых годов, вы пропустили самую потрясающую режиссерскую и операторскую работу, а также завораживающую игру Маклеллана, сравнимую с игрой Оливье.

Кто-то может возразить, что «Ричард III» повествует о войне Алой и Белой Розы, а не о фашистском движении тридцатых годов. Кто-то будет настаивать, что действие «Кориолана» происходит в Риме, а не в Париже. Кто-то захочет с яростью

доказывать, что Меркуцио *не был* продавцом наркотиков. И они правы.

И все же... иногда, гораздо чаще, чем нам кажется, великие пьесы продолжают воздействовать на нас, какие бы дикие трюки ни устраивали гениальные режиссеры. Иногда, как это случилось в «Ричарде III» Яна Маклеллана, получается просто замечательно.

Кстати, мой самый любимый фантастический фильм всех времен вовсе не «2001: Космическая одиссея», «Чужой», «Звездные войны», «Бегущий по лезвию бритвы» или (ох!) «Матрица». Это все-таки «Запрещенная планета», больше известная знатокам как «Буря на Альтаире-4», где снимались Лесли Нильсен, Анна Фрэнсис, Уолтер Пиджон и... Бэт Дарстон.

Но как такое может быть? Как критики, театралы и любители Шекспира могут аплодировать этой продукции Бэта Дарстона, начисто оторванной от реальности?

Ответ прост. Автомобили или лошади, треуголки или тоги, лучевые пистолеты или шестизарядные револьверы — все это не имеет значения до тех пор, пока остаются люди. Иногда мы настолько поглощены проведением границ и навешиванием ярлыков, что забываем об этой простой истине.

«Касабланка» сформулировала проблему наиболее сжатым образом. «Это та же самая история сражений за любовь и славу, когда ты должен либо это сделать, либо умереть».

Уильям Фолкнер сказал почти то же самое во время получения Нобелевской премии по литературе: «Нужно навсегда забыть о страхе, убрать из своей мастерской все, кроме правды сердца, кроме старых и вечных истин: любви, чести, жалости, гордости, сострадания, самопожертвования». И далее: «Проблемы борьбы человеческого сердца с самим собой — лишь они порождают настоящую литературу, только о них стоит писать»*.

Мы можем придумать множество определений научной фантастики, фэнтези и литературы ужасов. Мы способны

* Перевод Ю. Палиевской.

провести границы и навесить ярлыки, но в конечном счете остается неизменная старая история о борьбе человеческого сердца с самим собой. А остальное, друзья мои, лишь меблировка.

Дом фэнтези построен из камня и дерева и меблирован в средневековом стиле. Люди путешествуют на лошадях и галерах, сражаются с помощью мечей, заклинаний и боевых топоров, связываются друг с другом благодаря магии или птицам, преломляют хлеб с эльфами и драконами.

Дом научной фантастики построен из дюраля и пластика, а меблирован в стиле «ложного будущего». Люди путешествуют на космических кораблях и флайерах, сражаются при помощи ядерного и биологического оружия, связываются друг с другом посредством ансиблей и лазеров и преломляют белковые брикеты с инопланетянами.

Дом ужаса построен из костей и паутины, а меблирован в стиле мрачной готики. Люди путешествуют только ночью, сражаются только с существами, при смерти которых проливается море крови, связываются друг с другом при помощи воплей и невнятного бреда, пьют кровь с вампирами и оборотнями.

«Правило меблировки», так я это называю, забудьте о прочих определениях.

Спросите у Филлис Эйзенштейн, которая написала серию прекрасных рассказов о менестреле по имени Аларик, странствующем по средневековому миру без названия, но если вам удастся загнать ее в угол, она, быть может, прошепчет вам имя того далекого королевства — «Германия». Единственный фантастический элемент в историях об Аларике — это телепортация, паранормальная способность, обычно приписываемая научной фантастике. Однако Аларик носит лютню, спит в замках, его окружают лорды с мечами, поэтому девяносто девять читателей из ста и большинство издателей отнесут этот сериал к жанру фэнтези. Правит меблировка.

Спросите Уолтера Йона Уильямса. В «Метрополитене»* и «Городе в огне» он предлагает нам второй мир, так же подробно описанный, как Средиземье Толкина. Здесь всем правит магия, которую Уолтер называет «плазмой». Мир этот представляет собой пришедший в упадок огромный город, кишащий продажными политиками, страдающий от расовых противоречий, плазма перекачивается по трубам и распределяется властями в соответствующих пропорциях, волшебники живут в многоэтажных зданиях, а не в замках. Поэтому критики, рецензенты и читатели называют книги Уильямса научной фантастикой. Правит меблировка.

Питер Николс пишет: «Научная фантастика и фэнтези, если и являются жанрами, то только не в чистом виде... Плодами фантастического древа может быть научная фантастика, корни же его — фэнтези, а цветы и листья могут оказаться чем-то совсем другим». Впрочем, Николс тут немножко лукавит, поскольку вестерны, детективы, любовные и исторические романы также нельзя отнести к чистым жанрам. На самом деле, когда доходит до обычной работы, остаются только *истории*. Просто истории.

Именно истории и собраны в последней части этой книги. Немного таких, немного других. Причудливые истории, друзья, просто причудливые истории.

Возьмем, например, «В осаде». Перед вами история о путешествии по времени. По определению, это научная фантастика, однако рассказ был задуман как исторический. Если вы читаете эту книгу с самого начала (как и положено!) и не пропускали мои комментарии, определенные аспекты этой истории покажутся вам странным образом знакомыми. Да, действительно, перед вами старый друг «Крепость», который принес мне А* и первый отказ, благодаря любезности Франклина Д. Скотта и Эрика Дж. Фрииса. В 1968 году «Крепость» отправилась в шкаф, где началась ее зимняя спячка. В 1984 году она вновь появилась на свет, я добавил гнома и путешествие по времени, назвал «В осаде» и продал Эллен Дэтлоу для «Омни». (Никогда ничего не выбрасываю!)

* В русском переводе «Повелитель плазмы». *(Прим. ред.)*

* Максимальная отметка в школе и колледже.

Затем «Шесть серебряных пуль», первый (и единственный) рассказ в моей серии о Рэнди Уэйд и Уилли, оборотне, банковском агенте. Я написал его в 1988 году для ежегодной антологии «Темная жатва», пока жил в Лос-Анджелесе и работал над «Красавицей и чудовищем». Вместе со Стивеном Кингом и Дэном Симмонсом я участвовал в «Ночных видениях-5». Чтобы играть на одном поле с этой парочкой, я должен был продемонстрировать собственное мастерство.

Все уже давно расходились по домам, а я продолжал сидеть за компьютером в старом офисе Сиварда, выпивая огромное количество кофе. Я так уставал, что еще долго не мог заснуть, когда добирался наконец до постели. Срок сдачи рукописи давно прошел, а я продолжал писать, хотя миновали месяцы с тех пор, как Кинг и Симмонс закончили свои труды. Я не сомневался, что Полу Миколу ужасно хотелось передать мою часть тому, кто справится с ней быстрее. Но после того как Пол наконец получил рукопись, он написал мне: «Да, ты меня почти прикончил, но оно того стоило». В 1989 году «Шесть серебряных пуль» получили Всемирную премию фэнтези как лучшая повесть, и я забрал домой один из замечательно мрачных бюстов Г. Ф. Лавкрафта работы Гэхана Уилсона. Теперь он украшает мою каминную полку. Иногда я надеваю на него маленькую шляпу.

«Тупиковый вариант» — рассказ о шахматах. Естественно, в нем также имеется путешествие по времени, но прежде всего это рассказ о шахматах. Вскоре после переезда в Санта-Фе меня посетила замечательная идея об антологии про шахматы, состоящей из научно-фантастических и фэнтезийных рассказов. Я мог бы поместить туда «Полночь по часам Морфи» Фрица Лейбера, «Удивительный бронзовый автомат, играющий в шахматы» Джина Вулфа и «Гамбит фон Гума» — замечательный короткий рассказ в духе Лавкрафта, напечатанный в «Чесс-ревью». Остальную часть книги я собирался наполнить новыми рассказами. Я знал много писателей, которые любили шахматы. Одним из них был Фред Саберхаген. К несчастью, когда я написал ему о своей книге, он ответил, что

недавно продал шахматную антологию в издательство «Эйс», в которую включил и «Полночь по часам Морфи», и «Удивительный бронзовый автомат, играющий в шахматы», и «Гамбит фон Гума». В результате вместо рассказа для своей антологии я написал рассказ для его «Пешки в бесконечности», опираясь на собственный опыт в качестве капитана шахматной команды колледжа.

Конечно, рассказ — это вымысел, и любое сходство с живущими или умершими людьми — всего лишь простое совпадение... но мне бы хотелось подчеркнуть, что однажды я сам сражался с шестью командами на Всеамериканском командном чемпионате между колледжами, и этот рекорд продержался почти тридцать лет.

«Стеклянный цветок» появился в сентябре 1986 года в «Азимовс». Если исключить «Авалон», неудавшийся роман, который я начал писать перед тем, как меня захватили «Игра престолов» и «Порталы», я не посещал ни один из моих тысячи миров. Вернусь ли я к ним когда-нибудь? Я не даю обещаний. Может быть. Ничего больше не могу вам сказать.

«Межевой рыцарь» — повесть, предваряющая события моей эпической серии «Песнь льда и огня», действие которой происходит в Семи королевствах Вестероса примерно за девяносто лет до «Игры престолов». Поскольку сама серия еще далека от завершения, мне бы и в голову не пришло писать повесть, если бы не Роберт Сильверберг, который позвонил мне с предложением принять участие в «Легендах» — его новой гигантской антологии фэнтези. Конечно, большие антологии фэнтези делались и раньше, но Сильверберг сумел собрать звездный состав: Стивена Кинга, Терри Пратчетта, Урсулу Ле Гуин и большинство других ведущих писателей, пишущих в жанре фэнтези. Не вызывало сомнений, что книга получится огромной, и я понимал, что должен стать ее частью. Я не хотел выдавать секретов «Песни льда и огня» или рассказывать о судьбе главных персонажей, поэтому пришлось написать именно такую повесть. (Как выяснилось, несколько других авторов «Легенд» пошли тем же путем.)

«Межевой рыцарь» — это высокая фэнтези, тут нет ни малейших сомнений. Но так ли это? Разве фэнтези не требует волшебства? Да, в «Межевом рыцаре» есть драконы — на гребнях шлемов и знаменах. Плюс еще один, набитый опилками, танцующий на ниточках. Дунк помнит старого сэра Арлана, который рассказывал, что видел однажды настоящего живого дракона,— неужели этого недостаточно? А если нет, тогда вы можете сказать, что «Межевой рыцарь» в большей степени относится к историческим приключениям, чем к фэнтези, только история здесь воображаемая. И какой из всего сказанного следует вывод? Не спрашивайте меня, я всего лишь ее написал. После этого я сочинил продолжение «Верный меч». Он должен выйти на Рождество, в «Легендах II» Сильверберга. В ближайшие годы последуют новые истории про Дунка и Эга, если только меня не переедет автобус или у меня не возникнет более интересный замысел.

Последняя история в этой книге — «Портреты его детей», повесть, за которую я получил премию «Небьюла», но проиграл «Хьюго» в 1986 году. Это повествование о писательстве и цене, которую мы платим, когда разрабатываем рудники наших снов, страхов и воспоминаний. В то время, когда «Портреты» были номинированы на премии, шли активные споры о том, можно ли вообще выдвигать эту повесть. Можно ли отнести ее к жанру фэнтези, или речь идет об истории безумия? Так где же истина? Вам решать. Но если это хорошая история, мне больше ничего не нужно.

Истории о борьбе человеческого сердца с самим собой переживут время, место и декорации. До тех пор пока есть любовь, честь, жалость, гордость, сострадание и самопожертвование, не имеет ни малейшего значения, держит ли высокий стройный незнакомец в руке протоновый пистолет или шестизарядный револьвер. Или меч...

Звенят доспехи. Лорд Дарстон скачет галопом к развалинам старого замка, расположенного на берегу Зловещего озера, в тысячах лиг от человеческого жилья. Он придерживает лошадь... и в этот момент из пещеры выходит высокий стройный эльфийский лорд, держа в руке меч, сверкающий в лунном свете.

— Бросай свой клинок, Бэт Дарстон,— не разжимая губ, говорит незнакомец.— Да будет тебе известно, что это твое последнее путешествие по земле эльфов.

Фэнтези? Научная фантастика? Ужасы? Я отвечу — история, и плевать на все остальное.

В осаде

Полковник Бенгт Антонен стоял на одном из бастионов Варгона и наблюдал за мчащимися по льду фантомами.

Мир состоял из снега, ветра и безжалостно обжигающего холода. Зимнее море замерзло вокруг Хельсинки, зажав в ледяном кулаке шесть островных укреплений великой крепости Свеаборг. Ветер был клинком, вынутым из ледяных ножен. Он легко забирался под форму, обжигал щеки, а катящиеся из глаз слезы тут же обращал в лед. Ветер завывал, встречая на своем пути высокие серые гранитные стены, пробивался сквозь двери, трещины и бойницы, проникая повсюду. Он взметал снег над замерзшим морем, так что белые призраки неслись надо льдом, словно диковинные животные, искрящиеся и непрерывно меняющие форму. То были существа столь же тягучие и податливые, как мысли Антонена. Интересно, какую форму они примут в следующий раз и куда они так быстро мчатся, эти туманные дети снега и ветра? Быть может, их можно научить нападать на русских... Он улыбнулся, наслаждаясь мыслью о снежных фантастических зверях, атакующих врага. Какая странная, дикая идея. Полковник никогда не отличался развитым воображением, но в последнее время его часто посещали причудливые фантазии.

Антонен вновь повернулся к ветру, призывая холод, надеясь, что у него онемеет тело. Он хотел охладить свою ярость, мечтал, чтобы холод вошел в его сердце и заморозил кипевшие в нем страсти. Как хотелось ничего не чувствовать! Холод

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

даже неуемное море превратил в неподвижный и молчаливый лед; пусть покорит и бурю, бушевавшую в душе. Бенгт Антонен открыл рот и выдохнул пар, который, словно плюмаж, поднялся над его покрасневшим лицом, вдохнул стылого воздуха, устремившегося вниз, подобно жидкому кислороду.

И тут Антонена охватила паника. Опять, опять это с ним происходит! Что такое жидкий кислород? Боги, он откуда-то знал, что это нечто более холодное, чем лед или ветер. Жидкий кислород — горький и белый, над ним поднимается пар, а еще он текучий. Он знал это так же твердо, как собственное имя. Но почему?

Антонен отошел от парапета и двинулся вдоль него длинными летящими шагами, положив руку на рукоять сабли, словно таким образом хотел защититься от демонов, заполонивших его разум. Другие офицеры были правы: он, несомненно, сходит с ума. И доказал это на сегодняшнем собрании офицерского состава.

Встреча прошла неудачно, как всегда в последнее время. Антонен опять выступил против остальных офицеров без всякой надежды на понимание. Он не сумел их переубедить, и каждое произнесенное слово ухудшало его положение, тяжелым бременем ложась на репутацию. Однако он был прав — и *знал* это.

Полковник Ягерхорн являлся полной противоположностью Антонену: смуглый и красивый, элегантный и обходительный, настоящий аристократ, превосходно владеющий собой. К тому же Ягерхорн имел влиятельных друзей и родственников, его карьера развивалась стремительно. Но самое главное, он пользовался доверием вице-адмирала Карла Олофа Кронштета, коменданта Свеаборга.

К встрече Ягерхорн приготовил стопку донесений.

— В донесениях содержатся ошибки,— настаивал Антонен.— Русские вовсе не превосходят нас в численности. У них едва ли наберется сорок пушек. В Свеаборге их в десять раз больше.

Казалось, Кронштета шокировал тон Антонена, его уверенность в собственной правоте. Ягерхорн лишь улыбнулся.

— Могу я спросить, откуда вы располагаете такой информацией, полковник Антонен? — спросил он.

На этот вопрос Бенгт Антонен не мог ответить.

— Я знаю,— упрямо повторил он.

Ягерхорн зашуршал донесениями.

— Я получил свои данные от лейтенанта Клика, который находится в Хельсинки и имеет надежные источники информации о планах и численности противника.— Он посмотрел на вице-адмирала Кронштета.— Я утверждаю, сэр, что эта информация более надежна, чем таинственная уверенность полковника Антонена. Согласно Клику, русские уже превосходят нас в численности, Сухтелен очень скоро получит серьезные подкрепления, которые позволят ему начать штурм. Более того, у них имеется сильная артиллерия. Несомненно, у них значительно больше пушек, чем утверждает полковник.

Кронштет согласно кивнул. Однако Антонен продолжал возражать:

— Сэр, донесениям Клика не следует верить. Он либо работает на противника, либо русские ввели его в заблуждение.

Кронштет нахмурился.

— Это серьезное обвинение, полковник.

— Клик глупец и проклятый аньяльский предатель!

Ягерхорн ощетинился, а на лицах Кронштета и младших офицеров появилось отвращение.

— Полковник,— сказал комендант,— всем хорошо известно, что полковник Ягерхорн имеет родственников в Аньяльском союзе. Ваши слова оскорбительны. Мы находимся в очень серьезном положении, и я не могу допустить, чтобы мои офицеры ссорились из-за мелких политических разногласий. Вам следует немедленно принести извинения.

Антонену не осталось ничего другого, как выполнить приказ. Ягерхорн принял их, покровительственно кивнув в ответ.

Кронштет вернулся к изучению донесений.

— Весьма убедительно,— сказал он,— и не может не вызывать тревоги. Этого я и боялся. Мы оказались в сложном положении.

Вице-адмирал принял решение, и дальнейшие споры не имели ни малейшего смысла. Именно в такие моменты Бенгт

Антонен спрашивал у себя, какое безумие им овладело. Он направлялся на совещания, исполнившись решимости сохранять спокойствие и вести себя корректно, но как только занимал свое место за столом, начинал ощущать необъяснимую агрессивность. Он продолжал спорить даже после того, как это теряло всякий смысл; отрицал очевидные факты, подтвержденные донесениями из надежных источников; нарушал элементарные правила приличия и наживал все новых и новых врагов.

— Нет, сэр,— не унимался Антонен,— я прошу вас, не обращайте внимания на донесения Клика. Свеаборг жизненно важен для летнего контрнаступления. Если мы сумеем продержаться до того момента, когда растает лед, нам будет нечего бояться. Как только откроется навигация, шведы пришлют нам помощь.

На лицо коменданта легла тень усталости, в уголках рта резче обозначились морщины — настоящий старик.

— Сколько раз мы будем повторять одно и то же? Мне надоели ваши бесконечные доводы, я не хуже вас осознаю значение Свеаборга для весенней кампании. Однако факты говорят сами за себя. Наша оборона имеет много слабых мест, а лед позволяет добраться до стен крепости со всех сторон. Шведские войска сейчас на марше...

— Нам известно лишь то, что написано в русских газетах, сэр,— выпалил Антонен.— Во французских и русских газетах. На такие новости нельзя полагаться.

Терпение Кронштета лопнуло.

— Молчать! — рявкнул он, хлопнув по столу ладонью.— Хватит с меня возражений, полковник! Я уважаю ваш патриотический пыл, но не суждения. В будущем, когда мне потребуется ваше мнение, я буду обращаться к вам с вопросом. Вы меня поняли?

— Да, сэр,— ответил Антонен.

Ягерхорн улыбнулся.

— Я могу продолжать?

Как и всегда, момент был выбран безупречно — Антонена словно отбросило назад ледяным ветром. Стоит ли удивляться, что теперь он бродил в одиночестве по бастионам.

К тому моменту, когда Бенгт Антонен вернулся в свою комнату, настроение у него стало совсем мрачным. Он знал, что тучи сгущаются. Над замерзшим морем и Свеаборгом, над Швецией и Финляндией. И над Америкой, подумал он. И эта мысль, пришедшая к нему в голову напоследок, вызвала спазм в горле. Он тяжело опустился на койку и закрыл лицо руками. Америка, Америка, что за безумие, какое отношение имеет война между Швецией и Россией к далекой юной нации?

Он встал, зажег лампу, словно свет мог отогнать тревожные мысли, и плеснул себе в лицо немного затхлой воды из умывальника, стоявшего на скромном туалетном столике. За умывальником висело зеркало, которым он пользовался при бритье, слегка искривленное и потускневшее. Вытирая большие худые руки, он обнаружил, что внимательно изучает свое лицо, с такими знакомыми и странными чертами, которые вдруг вызвали в нем страх. Непослушные седеющие волосы, темно-серые глаза, узкий прямой нос, слегка впалые щеки, квадратный подбородок. Слишком худощавый, почти изможденный. На него смотрело упрямое простое лицо. Бенгт Антонен уже давно примирился с собственной внешностью, до недавнего времени и вовсе не обращал внимания на то, как выглядит. Однако сейчас он смотрел на себя, не мигая, и ощущал, как в нем растет тревожное удовлетворение и даже удовольствие от того, что его облик стал таким чуждым и отталкивающим.

Подобное тщеславие недостойно мужчины — еще один признак надвигающегося безумия. Антонен с трудом оторвал взгляд от зеркала и заставил себя лечь.

Но ему еще долго не удавалось заснуть. Фантазии и видения кружились под его закрытыми веками, столь же невероятные, как фантомные животные, созданные ветром: флаги, которые он не узнавал, стены из полированного металла, бушующие всполохи пламени, мужчины и женщины, ужасные, точно демоны, уснувшие в постелях обжигающей жидкости. А потом, неожиданно, мысли исчезли, словно слои обожженной кожи. Бенгт Антонен печально вздохнул и повернулся на бок...

...Перед возвращением сознания всегда накатывала боль, первое ощущение и единственная реальность в неподвижном пустом мире, недоступном восприятию. Секунду или час я не знал, где нахожусь, и меня охватил страх. А потом пришло знание — я возвращаюсь, а это всегда связано с болью, я не желаю возвращаться, но таков мой долг. Я хотел свежей чистоты льда и снега, бодрящего прикосновения зимнего ветра. Но все тускнеет, тускнеет, хотя я кричу, плачу и зову. Тускнеет, тускнеет и исчезает.

Я ощущаю движение, огромная масса жидкости перемещается и отступает. Сначала открывается мое лицо. Я втягиваю воздух широко раскрытыми ноздрями, выплевываю трубки из кровоточащего рта. Когда мои уши оказываются на поверхности, я слышу булькающие журчащие звуки уходящей жидкости. Машины-вампиры питаются соками моего чрева, черной кровью моей второй жизни. Холодное прикосновение воздуха к коже вызывает боль. Я пытаюсь не кричать, и мне почти удается удержать стон.

Верхняя часть моего резервуара покрыта тонкой пленкой цвета слоновой кости, прилегающей к гладкому металлу. Я вижу свое отражение. У меня ужасающий вид, волосы из ноздрей трепещут на безносом лице, правую щеку украшает зеленая опухоль. Какой красивый дьявол! Я улыбаюсь, обнажая тройной ряд гнилых зубов, новые белые резцы возникают среди них, подобно заостренному частоколу на поле желтых поганок. Я жду освобождения. Проклятый резервуар такой маленький, он слишком похож на гроб. Я похоронен заживо, и страх тяжело наваливается на меня. Они меня не любят. А что, если они оставят меня здесь, я задохнусь и умру?

— Прочь отсюда! — шепчу я, но никто меня не слышит.

Наконец крышка открывается, и появляются санитары — Рафаэль и Слим. Крупные сильные парни, расплывчатые белые великаны с флажками, вышитыми на нагрудных карманах униформы. Я не могу сфокусировать взгляд на лицах. Большую часть времени мои глаза плохо видят, в особенности сразу после возвращения. Впрочем, я знаю, что более смуглый носит имя Раф, именно он протягивает руку и отстегивает трубки телеметрии, пока Слим делает мне укол. А-а-ах. Хорошо. Боль слабеет. Я заставляю свои руки вцепиться в края резервуара. Металл кажется странным на ощупь; движение получается неловким, неуверенным, тело вяло подчиняется приказам.

— Почему мне пришлось так долго ждать? — спрашиваю я.

— Чрезвычайные обстоятельства,— отвечает Слим.— Роллинс.

Раздражительный молчаливый тип, я ему не нравлюсь. Чтобы узнать больше, мне придется задавать один вопрос за другим. Но у меня нет сил. Я сосредоточиваюсь на том, чтобы занять сидячее положение. Комната залита ярким бело-голубым флюоресцирующим светом. Мои глаза начинают слезиться — я слишком долго находился в темноте. Возможно, санитары думают, что я плачу от радости возвращения.

Воздух полон вяжущих антисептических ароматов и прохладой кондиционеров. Раф вытаскивает меня из гроба, пятого в ряду шести серебристых контейнеров, каждый из которых подключен к одному из компьютеров. Другие гробы уже пусты. Наверное, сегодня ночью я последний вампир, встающий из гроба. Потом я вспоминаю: четверых уже давно нет, остались только Роллинс и я, и с Роллинсом что-то случилось.

Они посадили меня в кресло, Слим встал у меня за спиной и покатил мимо пустых гробов.

— Роллинс? — спрашиваю я.

— Мы его потеряли.

Роллинс мне не нравился. Он был еще уродливее меня, высохший маленький гомункулус с раздутым огромным черепом, искривленным торсом, лишенным конечностей. У него были большие глаза без век, из-за чего он не мог их закрыть. Казалось, Роллинс смотрел на тебя даже тогда, когда спал. И никакого чувства юмора. Черт побери, он был напрочь его лишен! Но несмотря на недостатки, Роллинс оставался последним, если не брать в расчет меня. Теперь его больше нет. Он умер. Я не почувствовал горя, но впал в оцепенение.

Комната для допроса не вызывала никаких эмоций. Они ждали, стоя по другую сторону стола — длинного барьера из

жаростойкого пластика. Санитары поставили мое кресло напротив руководителей и ушли. Они не хотели подпускать меня слишком близко, я мог быть заразным. Я... а кто такой я? Когда меня призвали в армию, меня классифицировали как $ЧМ_3$. Человеческая Мутация, третья категория. Или чем-три на профессиональном жаргоне.

Чем-один оказались нежизнеспособными, мертворожденными, живыми овощами или умирали в раннем детстве. Таких были миллионы. Чем-два — жизнеспособными, но бесполезными, парни с лишними пальцами на ногах, перепончатыми руками и чудными глазами. Тысячи уродов. Но мы, чем-три,— проклятая *элита,* так нам говорили, во всяком случае когда призывали на службу. Здесь, внутри бункера Проекта Грэхема, мы получали новые имена. Старый Чарли Грэхем называл нас «всадниками времени», пока не умер, но для майора Салазара имя оказалось слишком романтичным. Салазар предпочитал использовать официальный правительственный термин Х. Г. — Хронавт Грэхема. Санитары и солдаты морской пехоты превратили нас в «гризли», ну а мы не оставались в долгу, в особенности я, Нан и Крипер, назвав себя убийцами-гризли. Шесть маленьких убийц-гризли скакали на потоке времени, откусывая головы огромным цыплятам вероятности. Хей-хо!

А теперь остался только я один.

Салазар перекладывал на столе какие-то бумаги. Он казался больным. Его смуглая кожа приобрела неприятный зеленоватый оттенок, на носу полопались кровеносные сосуды. Все находящиеся здесь были не в лучшей форме, но Салазар выглядел просто ужасно. Он набирал вес, и ему это не шло. Форма на нем начала расползаться по швам — а новой уже не будет. Они закрыли военные магазины и фабрики, через несколько лет мы все будем носить тряпье. Я говорил Салазару, что ему следует сесть на диету, но никто не станет слушать гризли, если только речь не идет о цыплятах.

— Ну,— сказал мне Салазар, и его голос прозвучал как щелчок кнута.

Не самый лучший способ начинать допрос. Три года назад, когда проект еще только начинался, он был полон энер-

гии и сил и всегда вел себя корректно, но теперь майор даже не пытался соблюдать приличия.

— Что произошло с Роллинсом? — спросил я.

Доктор Вероника Якоби сидела рядом с Салазаром. Раньше она была здесь главным психиатром, но после смерти Грэхема Крекера возглавила научную сторону этого шоу.

— Травма, не совместимая с жизнью,— ответила она.— Скорее всего, его хозяина убили в бою.

Я кивнул. Старая история. Иногда цыплята кусаются в ответ.

— Он сумел чего-нибудь добиться?

— Мы этого не заметили,— угрюмо заметил Салазар.

Другого ответа я и не ждал. Роллинс сумел войти в контакт с невежественным рядовым солдатом армии Карла XII. Я видел забавную картинку, которую показал мне Роллинс,— его оболтус пытался убедить юного короля держаться подальше от Полтавы. Наверное, Карл тут же приказал его повесить — хотя если подумать, то все должно было произойти гораздо быстрее, в противном случае Роллинс успел бы разорвать контакт.

— Мы ждем доклада,— напомнил Салазар.

— Да, офицер,— лениво отозвался я. Он не любит, когда к нему так обращаются, но еще больше ярится, когда его называют Салли, как это часто делал Крипер.

Мы, убийцы-гризли, всегда были дерзкими.

— Ничего не получилось,— сказал я им.— Кронштет собирается встретиться с генералом Сухтеленом и договориться о капитуляции. Бенгту не под силу его переубедить. Я слишком сильно на него давил. Бенгту кажется, что он сходит с ума. Боюсь, он может сорваться.

— Все всадники времени подвергаются риску,— сказала Якоби.— Чем дольше вы остаетесь в контакте, тем более сильным становится ваше влияние на хозяина, а вместе с этим растет вероятность, что он ощутит чуждое присутствие. Вынести его способны лишь немногие.

У нее чудесный голос, и она всегда вежлива со мной. Аккуратная, чистенькая, высокая и спокойная, неизменно дружелюбная и корректная. Интересно, остались бы ее манеры

прежними, если бы Вероника — Ронни — узнала, что с тех самых пор, как я попал сюда, она исполняла главную роль в моих фантазиях во время мастурбации? В проекте участвовали всего пять женщин, вместе с тридцатью двумя мужчинами и шестью гризли, и она была самой симпатичной из всех.

Криперу Ронни тоже нравилась, поэтому даже поставил жучок в ее комнате. У Крипера был талант к таким вещам, он делал крошечные аудиовидеокамеры и втыкал их повсюду, заявляя, что если не может жить нормальной жизнью, то хотя бы будет подглядывать. Однажды вечером он пригласил меня в свою комнату, когда Ронни развлекалась с огромным рыжим капитаном Халлилбертоном, главой системы безопасности и ее дружком в те давние времена. И я смотрел, да, должен признаться, не стал отворачиваться. Но потом я разозлился. И сказал Криперу, что он не имеет права шпионить за Ронни или за кем-то другим.

— Паршивый гризли, они же заставляют нас шпионить за нашими хозяевами,— сказал он,— находясь внутри их несчастных голов. И будет честно, если мы поменяемся местами.

Я стал возражать, но из-за кипевшей внутри ярости у меня не нашлось разумных доводов.

Больше мы с Крипером никогда не ругались. В конечном счете это не имело особого значения. Он продолжал вести наблюдение, только уже без меня. Маленького мерзавца так и не поймали, впрочем, это не имело значения. Однажды он отправился скакать по времени — и не вернулся. Большой и сильный капитан Халлилбертон также умер, видимо, погиб во время одного из рейдов, в которых ему приходилось регулярно участвовать. Насколько мне известно, аппаратура Крипера все еще на месте; иногда я думаю о том, чтобы еще разок взглянуть на Ронни и узнать, завела ли она себе нового любовника. Но я так этого и не сделал. На самом деле я не хочу знать, оставьте мне мои фантазии и влажные сны, они много лучше реальности.

Толстые пальцы Салазара принялись барабанить по столу.

— Предоставь полный отчет о своих действиях,— отрывисто приказал он.

Я вздохнул и рассказал обо всем с мельчайшими подробностями. Напоследок я доложил:

— Главная проблема — это Ягерхорн. Кронштет прислушивается к его мнению. Антонен потерял доверие Кронштета.

Салазар нахмурился.

— Если бы тебе удалось войти в контакт с Ягерхорном,— проворчал он.

Пустые слова. Он прекрасно знает, что это невозможно.

— Нужно брать то, до чего можно дотянуться,— сказал я.— Если уж говорить о невозможном, то почему ограничиваться Ягерхорном? Почему не Кронштет? Проклятье, почему не выйти на царя?

— Он прав, майор,— сказала Вероника.— Мы должны радоваться, что удалось установить контакт с Антоненом. Во всяком случае, он полковник. Такого успеха мы еще ни разу не добивались.

Однако Салазар никак не мог успокоиться. По профессии он военный историк. Когда его перевели к нам из Уэст-Пойнта — или того, что от него осталось,— он полагал, что здесь все будет очень просто.

— Антонен — фигура второстепенная,— заявил он.— Нам необходимо добраться до ключевых игроков. Ваши хронавты дают мне лишь заметки очевидцев и посторонних. Они входят в контакт с людьми, не имеющими влияния на ход событий. Так у нас ничего не получится.

— Вы знали, что беретесь за опасную работу.— Я пожал плечами. Убийца-гризли цитирует Суперцыпленка; если бы они узнали, то вышвырнули бы меня из союза.— Вам не дано выбирать.

Майор насупился еще сильнее. Я зевнул.

— Я устал,— заявил я.— И хочу чего-нибудь поесть. Немного мороженого. Мороженого с горной дороги. Смешно, правда? Столько проклятого льда, а я вернулся и хочу мороженого.

Конечно, никакого мороженого я не получил. В этом богом забытом безобразии, которое они называют миром, уже

давно нет мороженого. Но Нан мне рассказывала. Нан была самым старым гризли, она единственная родилась до Большого краха и знала множество историй о том, как все было раньше. Но больше всего мне нравились ее рассказы о мороженом. «Оно гладкое, холодное и сладкое,— говорила она.— Мороженое тает на языке, наполняя рот жидким изумительным холодом». Иногда Нан перечисляла различные вкусы и ароматы — так же торжественно, как капеллан Тодд читал Библию: ванильное, клубничное и шоколадное, сливочная помадка и пралине, ром с изюмом, банановый и апельсиновый шербет, мятный шоколад, фисташки и ириски, кофейное и коричное, сливочное и ореховое. Крипер придумывал новые вкусы, чтобы подразнить ее, но никому не удавалось достать Нан. Она просто добавляла его изобретения к своему списку и с любовью говорила о миндале с анчоусами, кусочках печени и радиационной ряби. Так продолжалось до тех пор, пока я уже не мог отличить настоящих вкусов от выдуманных,— впрочем, мне было все равно.

Нан стала первой, кого мы потеряли. Подавали ли мороженое в 1917 году в Петербурге? Надеюсь, что да. Надеюсь, она успела его поесть перед смертью.

Тут только я сообразил, что майор Салазар некоторое время продолжает говорить.

— ...наш последний шанс.

Потом он начал что-то лепетать о Свеаборге, о важности нашей работы, о необходимости каким-то образом что-то изменить, чтобы помешать возникновению Советского Союза, предотвратив тем самым войну, которая привела мир к катастрофе. Я все это не раз слышал раньше и успел выучить наизусть. Майор страдал неискоренимым словесным поносом, а я не такой дурак, каким выгляжу.

Все это было идеей Грэхема Крекера — последний шанс выиграть войну или хотя бы спастись от бомб, чумы, ядовитых ветров. Но майор был историком, поэтому выбирал цели после того, как компьютеры делали вероятностный анализ. У него имелось шесть гризли и шесть попыток, «точки связи» — так он их называл, критические точки истории. Ролинс получил Северную войну, Нан — революцию, Крипер попал во времена Ивана Грозного, а я — в Свеаборг.

— Свеаборгу нет никаких причин сдаваться,— между тем продолжал майор. История и тактика вызывали у него такой же восторг, как сливочное мороженое у Нан.— Гарнизон состоит из семи тысяч солдат, а осаждающих русских значительно меньше. Артиллерия крепости имеет явное превосходство. У них полно снарядов и патронов, нет недостатка в пище. Если Свеаборг продержится до начала навигации, шведы придут к нему на помощь и кольцо осады будет разорвано. И тогда исход войны будет иным! Ты должен заставить Кронштета прислушаться к голосу разума.

— Если бы я мог доставить им исторический текст и прочитать, что о нем там написано, не сомневаюсь, что сумел бы заставить его прыгнуть даже сквозь горящие кольца. А я устал, мне нужно поесть.— Вдруг, без всякой на то причины слезы подступили к горлу.— Проклятье, я хочу поесть, мне осточертели все эти разговоры, слышите меня, *я хочу есть!*

Салазар бросил на меня свирепый взгляд, но Вероника услышала признаки стресса в моем голосе, встала и обошла вокруг стола.

— Ну, это нетрудно организовать,— сказала она мне, а потом повернулась к майору.— На данный момент мы сделали все, что в наших силах. Я его накормлю.

Салазар что-то недовольно проворчал, но возражать не стал. Вероника развернула мое кресло и покатила меня в буфет.

Пока я ел какое-то сомнительное мясо с переваренными овощами, запивая все это выдохшимся кофе, она меня утешала. В конце концов, Вероника — настоящий профессионал. Возможно, в прежние времена ее бы не посчитали особенно привлекательной — я видел старые журналы (даже здесь можно отыскать давнишние выпуски «Плейбоя»), видеозаписи, романы, пластинки, комиксы — огромное количество всякого старья. Мне ли не знать, ведь в те дни, когда я не гулял по черепу Бенгта, я сидел перед телевизором и смотрел старые фильмы и шоу, одновременно читая книгу в мягкой обложке, всякий раз пытаясь представить себе, какой жизнь была преж-

де, до того, как они все испортили. Поэтому я понимал, что по прежним стандартам Ронни не дотягивает до Бо, Гарбо, Мэрилин или Бриджит. И все же она симпатичнее всех, кто собрался в этом проклятом гнилостном бункере. Да и все остальные не дотягивают. Криперу далеко до Граучо*, как бы он ни старался; и если я и похож на Джимми Кэгни**, то зеленая опухоль на щеке, несколько лишних желтых зубов и отсутствие носа сильно портят сходство.

Я отложил вилку в сторону, оставив половину еды на тарелке.

— Она не имеет вкуса. В прежние времена пища имела *вкус*.

Вероника рассмеялась.

— Тебе повезло. Ты пробовал настоящую пищу. А для всех нас она всегда была именно такой.

— Повезло. Ха-ха. Да, Ронни, я знаю разницу. А ты — нет. Можешь ли ты страдать из-за того, что никогда не пробовала? — Впрочем, меня давно тошнит от подобных разговоров, *меня от всего тошнит*.— Хочешь сыграть в шахматы?

Она улыбнулась и отправилась за доской и фигурами. Через час она выиграла первую партию, и мы начали вторую. В бункере насчитывается дюжина игроков в шахматы; теперь, когда Грэхема и Крипера больше нет, я могу победить всех, кроме Ронни. Самое смешное, что в 1808 году я мог бы стать чемпионом мира. За последние двести лет шахматы сильно продвинулись вперед, и я знал дебюты, о которых прежние игроки и понятия не имели.

— Игра в шахматы — это нечто большее, чем учебник дебютов,— сказала Вероника, и я понял, что рассуждаю вслух.

— Но я бы все равно выиграл,— настаивал я на своем.— Проклятье, эти парни мертвы уже столетия, неужели они смогли бы оказать мне сопротивление?

Она улыбнулась и передвинула коня.

— Шах.

---

* Самый известный из братьев Маркс — американских комиков.

** Американский киноактер и певец (1899–1986).

Я понял, что опять проиграл.

— Наступит день, когда я научусь играть в эту игру,— сказал я.— До чемпиона мне пока далеко.

Вероника принялась складывать фигуры в коробку.

— Свеаборг напоминает шахматы,— заметила она.— Шахматную партию, которая ведется через пространство и время, между нами и шведами против русских и финских националистов. Как ты считаешь, какой ход нам следует сделать против Кронштета?

— И откуда я только знал, что наш разговор вернется к этому? — проворчал я.— Будь я проклят, если имею хоть малейшее представление. Быть может, майор что-нибудь придумал.

Она кивнула. Ее нежное бледное лицо в обрамлении темных волос вновь стало серьезным.

— Мы в сложном положении, у нас остались лишь отчаянные ходы.

Интересно, что произошло бы, если бы моя миссия оказалась удачной? Если бы мне удалось все изменить? Что стало бы с Вероникой, майором, Рафом, Слимом и всеми остальными? Что бы случилось со *мной,* лежащем в темном гробу? Все это лишь теории, никто толком ничего не знает.

— Я и сам на грани отчаяния, мэм,— сказал я Ронни,— и готов на любые меры. Наши хитрые ходы не приводят к результатам. Давайте выслушаем майора. Как мне следует воздействовать на Бенгта? Заставить его изобрести пулемет? Сбежать к русским? Продемонстрировать всем задницу, взобравшись на бастионы? Что?

Она мне рассказала, но у меня возникли сомнения.

— Возможно, это сработает.— Я пожал плечами.— Но что еще более вероятно, приведет Бенгта в самую глубокую темницу, какая только у них есть. Они решат, что он окончательно спятил. А Ягерхорн может застрелить его на месте.

— Нет,— покачала головой Ронни.— Ягерхорн в некотором роде идеалист. Человек принципов. Я согласна, ход рискованный, но нельзя выиграть шахматную партию, не рискуя. Ты это сделаешь?

У нее была такая чудесная улыбка; мне казалось, что я ей нравлюсь. Я пожал плечами.

— Почему бы и нет. Танцевать я все равно не могу.

«...Будет позволено отправить двух курьеров к королю, одного по северной, а другого по южной дороге. Они получат паспорта и охрану, а также все необходимое для успешного завершения миссии. Составлено на острове Лонан, 6 апреля 1808 года».

Монотонный голос офицера, читающего договор, неожиданно смолк, и наступила мертвая тишина. Несколько шведских офицеров зашевелились на своих стульях, но все молчали.

Вице-адмирал Кронштет медленно поднялся на ноги.

— Таков договор,— сказал он.— В свете нашего тяжелого положения на большее мы рассчитывать не могли. Мы уже истратили треть наших боеприпасов, из-за наличия льда наши бастионы открыты для атак превосходящих сил противника со всех сторон, к тому же мы вынуждены принимать большое число беженцев, которые поглощают наши запасы продовольствия. Генерал Сухтелен мог бы потребовать от нас немедленной капитуляции. По милости Божьей он этого не сделал. Более того, нам даже удалось сохранить три из шести островов, и мы сумеем вернуть еще два, если пять шведских линейных кораблей придут к нам на помощь до третьего мая. Если шведы не появятся, нам придется сдаться. Тем не менее флот будет возвращен шведам по окончании военных действий, а перемирие позволит избежать дальнейших потерь.

Кронштет сел. На ноги тут же поднялся полковник Ягерхорн.

— Если шведские корабли не прибудут вовремя, мы должны подготовить план организованной сдачи гарнизона.— И они начали обсуждать детали.

Бенгт Антонен сидел молча. Он ожидал такого развития событий, тем не менее его охватило смятение. Договор Кронштета и Ягерхорна приведет к катастрофическим последствиям. Какая глупость! Какое малодушие! Теперь они обречены.

Немедленная сдача Вестер-Сварто, Остер-Лилла-Сварто и Лангорна, гарнизон сложит оружие позже, капитуляция отсрочена на месяц — но это ничего не меняет. История их осудит. Дети в школе будут проклинать их имена. А он совершенно беспомощен.

Когда встреча подошла к концу, офицеры встали, чтобы разойтись. Антонен поднялся вместе со всеми, твердо решив молчать и немедленно покинуть комнату, позволив им продать Свеаборг за тридцать сребреников. Но в последний момент не смог справиться с собой и подошел к стоящим чуть в стороне Кронштету и Ягерхорну. Оба молча посмотрели на него. В их глазах Бенгт прочитал усталость и отвращение.

— Вы не должны так поступать,— с горечью проговорил он.

— Дело сделано, полковник,— ответил Кронштет.— Вопрос более не обсуждается. Я вас предупреждал. Исполняйте свой долг офицера.— Он повернулся, намереваясь уйти.

— Русские вас обманывают,— выпалил Антонен.

Кронштет остановился и посмотрел на него.

— Адмирал, прошу вас, выслушайте меня. Договор, по которому мы сохраняем крепость, если пять линейных кораблей прибудут до третьего мая, продовольствие,— все обман. К третьему мая лед не растает. К нам не сможет пробиться ни один корабль. В договоре написано, что корабли должны войти в гавань Свеаборга до полудня третьего мая. Генерал Сухтелен воспользуется этим временем, чтобы переместить свои пушки и взять под контроль подходы с моря. Любой корабль, который попытается приблизиться к Свеаборгу, попадет под мощный обстрел. Но и это еще не все. Ваши посланцы, отправленные к королю, сэр...

Лицо Кронштета казалось сделанным изо льда и гранита. Он поднял руку.

— Достаточно. Полковник Ягерхорн, арестуйте этого безумца.— Он собрал свои бумаги, отказываясь смотреть Антонену в лицо, а потом быстро вышел из комнаты.

— Полковник Антонен, вы арестованы.— Голос Ягерхорна неожиданно смягчился.— Не сопротивляйтесь, предупреждаю вас, вы лишь усугубите свое положение.

Бенгт Антонен повернулся к полковнику. Сердце его сжалось.

— Вы не слушаете. Никто из вас не желает меня выслушать. Вы понимаете, к чему это нас приведет?

— Думаю, да,— сказал Ягерхорн.

Полковник Антонен протянул руку и схватил его за ворот.

— Нет, вы не понимаете! Неужели вы полагаете, что я не знаю, кто вы такой? Вы националист, будьте вы прокляты! Вы и ваш Аньяльский союз, гнусные финские аристократы, бездарные националисты. Вы ненавидите господство шведов. Царь обещал вам, что Финляндия получит независимость под его протекторатом, и вы забыли о преданности шведской короне.

Ягерхорн заморгал. На его лице появилось странное выражение, но потом он покачал головой.

— Вы не можете об этом знать. Никому неизвестны условия... я...

Антонен встряхнул его.

— История посмеется над вами, Ягерхорн. Шведы проиграют войну из-за вас, из-за сдачи Свеаборга, и вы получите то, о чем мечтали. Финляндия обретет независимость под царским протекторатом. Но не станет свободнее, чем сейчас, под владычеством шведов. Вы просто поменяете своего короля, как старый стул на блошином рынке, но ничего не выиграете от сделки.

— На... блошином рынке? А это еще что такое?

— Блошиный рынок, блошиный... я не знаю,— растерянно сказал он, отпустил Ягерхорна и отвернулся.— О боже, я знаю. Это такое место, где... где покупают и продают старые вещи. Ярмарка. Она не имеет никакого отношения к блохам, но там полно странных машин и запахов.— Он провел пальцами по волосам, стараясь сдержать крик.— Ягерхорн, моя голова полна демонов... О, боже, я должен сделать признание. Голоса, я слышу голоса днем и ночью, как та французская девушка-воительница, Жанна. Я знаю о том, что будет потом.— Он посмотрел в глаза Ягерхорна, увидел в них страх и с мольбой поднял руки.— От меня здесь ничего не зависит, поверьте мне. Я молю о молчании, об освобождении, но шепот продолжается, мной овладевают странные приступы. Это не моих рук дело, но кто-то же за ними стоит? Наверное, голоса шепчут правду, в противном случае Бог не позволил бы, чтобы они меня мучили. Я прошу о милосердии, Ягерхорн. Выслушайте меня, пожалуйста!

Полковник Ягерхорн смотрел мимо Антонена, но в комнате никого больше не было.

— Да,— пробормотал он.— Голоса, как у французской девушки. Я не понимаю.

Антонен встряхнул головой.

— Вы слушаете, но вы не верите. Вы патриот, мечтаете о том, чтобы стать героем. Но вы им не станете. Простой народ Финляндии не разделяет ваших убеждений. Они помнят историю и знают одно: русские — их древние враги, и они их ненавидят. Финны и вас будут ненавидеть. И Кронштета, о, бедный адмирал Кронштет! В течение многих поколений его будут поносить все финны, все шведы. Он проживет всю жизнь в новом Великом герцогстве Финляндском, получая пособие от русских, и умрет сломленным стариком седьмого апреля тысяча восемьсот двадцатого года, через двенадцать лет и один день после встречи с Сухтеленом, на которой Свеаборг будет передан России. Много лет спустя человек по имени Рунеберг напишет цикл стихотворений об этой войне. Знаете, как он назовет Кронштета?

— Нет.— Ягерхорн неловко улыбнулся.— Ваши голоса рассказали вам?

— Они заставили меня выучить слова наизусть,— ответил Бенгт Антонен и прочитал:

Надеждой, растаявшей в мареве крыш,
Несчастьем, обманом, бичом,
Любым из имен назовите, но лишь
Не тем, что он был наречен.
Его соименникам быть каково
С клеймом его имени, ядом его?*

* Й. Л. Рунеберг, «Сказания прапорщика Столя», перев. А. Етоева.

— Вот слава, которую вы и Кронштет заслужили здесь,— с горечью продолжал Антонен.— Вот ваше место в истории. Вам оно нравится?

Полковник Ягерхорн осторожно обошел Антонена; теперь путь к двери был свободен. Однако он колебался.

— Ваши слова полны безумия,— сказал он.— И все же... Откуда вы могли узнать об обещаниях царя? Вы почти заставили меня вам поверить. Голоса? Как у французской девушки? Голос Бога, вы говорите?

Антонен вздохнул.

— Бога? Не знаю. Голоса, вот все, что я слышу. Возможно, так сходят с ума.

Ягерхорн состроил гримасу.

— Вы говорите, что нас осудят? Утверждаете, что назовут предателями, а в поэмах будут проклинать?

Бенгт ничего не ответил. Безумие отступило, теперь его переполняли лишь беспомощность и отчаяние.

— Нет,— не сдавался Ягерхорн.— Слишком поздно. Договор подписан. На карту поставлена наша честь. Вице-адмирал Кронштет полон сомнений. Его семья находится здесь, и он ужасно о ней беспокоится. Сухтелен мастерски этим воспользовался, и мы сыграли свою роль. Ничего уже нельзя изменить. Я не верю в ваше безумие, но даже если и поверил бы, никакой надежды не осталось, все кончено. Корабли не прибудут вовремя. Свеаборг должен сдаться, и война закончится поражением шведов. Иначе и быть не может. Царь заключил союз с самим Бонапартом, мы не можем ему сопротивляться!

— Этот союз вскоре будет расторгнут,— с грустной улыбкой проговорил Антонен.— Французы начнут марш на Москву, и это их погубит, как и Карла XII. Зима станет их Полтавой. Но все это будет слишком поздно для Финляндии и Свеаборга.

— Даже сейчас уже слишком поздно.— Ягерхорн покачал головой.— Ничего нельзя изменить.

Впервые в душе Бенгта вспыхнул маленький огонек надежды.

— Нет, еще не поздно.

— И что вы предлагаете? Кронштет принял решение. Неужели нам следует поднять мятеж?

— В Свеаборге в любом случае будет мятеж, но я знаю, что его подавят.

— Но что же тогда?

— В договоре сказано, что мы можем отправить двух посланцев к королю, чтобы сообщить ему об условиях и шведские корабли могли прибыть вовремя.

— Да. Кронштет выберет наших курьеров сегодня, и они отправятся в путь завтра, с бумагами, подписанными Сухтеленом.

— Комендант прислушивается к вашему мнению. Сделайте так, чтобы меня выбрали в качестве курьера.

— Вас? — На лице Ягерхорна появились сомнения.— И что это даст? — Он нахмурился.— Быть может, вашим желанием движет ваш страх. Быть может, мы слишком долго находимся в осаде и вы надеетесь спастись.

— Я могу доказать, что мои голоса говорят правду,— заявил Антонен.

— Как?

— Мы встретимся завтра на рассвете возле могилы Эренсварда, и я назову вам имена курьеров, которых выберет вице-адмирал. Если я не ошибусь, вы убедите его послать меня вместо одного из них. Он с радостью согласится. Кронштету не терпится избавиться от меня.

Полковник Ягерхорн задумчиво потер подбородок.

— Никто не может знать, каким будет выбор Кронштета. Вы сделали честное предложение.— Он протянул руку.— Договорились.

Они пожали друг другу руки. Ягерхорн повернулся, чтобы уйти, но в дверях остановился.

— Полковник Антонен,— сказал он,— я забыл о своем долге. Вы находитесь под арестом. Отправляйтесь в свою комнату и оставайтесь там до рассвета.

— С радостью. На рассвете вы убедитесь в том, что я прав.

— Возможно... но я очень надеюсь, что вы ошибаетесь.

...И машины высосали жидкую ночь, что поглощала меня, и я закричал — так громко, что Слим отпрянул с недовольным выражением лица. Я одарил его широкой улыбкой гризли, показав ряды желтых зубов.

— Вытащи меня отсюда, индюк,— закричал я.

Боль окружала меня паутиной, но сейчас она не казалась мне ужасной, ведь я *знал,* за что страдаю.

Мне сделали укол, перетащили в кресло, но на сей раз мне не терпелось поскорей отправиться на допрос. И я схватил колеса, крутанул их, вырвался из рук Рафа и стремительно покатил по коридору, как в прежние дни, когда еще был жив Крипер и мы гонялись наперегонки. Правда, мне пришлось преодолевать пандус — тут они меня и настигли, эти сильные молчаливые парни в костюмах цвета мороженого (во всяком случае, так утверждала Нан), но я закричал, чтобы они оставили меня в покое. Они повиновались. Я их ужасно озадачил.

Майор был изрядно удивлен, когда я сам вкатился в комнату. Он начал подниматься.

— Так ты...

— Присядь, Салли,— сказал я.— У меня хорошие новости. Бенгт сумел задурить голову Ягерхорну. Мне даже показалось, что парень готов наделать в штаны. Похоже, нам удалось. Завтра на рассвете я встречаюсь с Ягерхорном, чтобы завершить сделку.— Я ухмыльнулся, слушая себя самого. Завтра — ха, я говорю о 1808 годе, но именно такое у меня возникло ощущение.— А теперь вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов. Мне необходимо знать имена двух парней, которых Кронштет намерен послать к шведскому королю. Ягерхорн обещал послать меня вместо одного из них, если я сумею его убедить. Поэтому вам нужно узнать для меня эти имена, майор, и как только я произнесу магические слова, мы сразу же получим Свеаборг.

— Но эту информацию очень трудно отыскать,— пожаловался Салазар.— Курьеров задержали на несколько недель, и они добрались до Стокгольма только в день капитуляции. Возможно, история не сохранила имена.

Какой нытик, никак ему не угодишь.

Но Ронни вступилась за меня.

— Майор Салазар, имена необходимо найти. Вы ведь были военным историком. И ваша работа состояла в том, чтобы тщательно исследовать все ключевые периоды.— Она так говорила с ним, что невозможно было догадаться, кто из них босс.— Проект Грэхема имеет самый высокий приоритет. У вас есть компьютерные файлы, досье на персонал Свеаборга, к тому же вы можете связаться с военным колледжем в Нью-Уэст-Понте. Быть может, вам даже удастся связаться с теми, кто остался в Швеции. Мне все равно, *как* вы все сделаете, но имена необходимо узнать. Весь проект может зависеть от этой ключевой информации. Весь мир. Наше прошлое и наше будущее. Впрочем, мне не следует повторять очевидные вещи.— Она повернулась ко мне. Я зааплодировал, и Ронни улыбнулась.— Ты хорошо справился со своей задачей,— сказала она.— А теперь расскажи нам подробности.

— Конечно,— кивнул я.— Все получилось, как пирог. С мороженым на закуску. Как это называлось?

— Алямод*.

— Свеаборг «алямод».— И я принялся их угощать.

Когда я закончил свою продолжительную речь, на лице майора появилась сдержанная улыбка.

— Что дальше? — спросил я.— Бенгт станет одним из курьеров, верно? И я доставлю послание королю. Постараюсь избежать сетей Сухтелена, и тогда шведы пришлют кавалерию.

— Кавалерию? — смутился Салли.

— Фигура речи,— продемонстрировав неожиданное терпение, ответил я.

Майор покачал головой.

— Нет. Курьеры. Генерал Сухтелен и в самом деле солгал, он задержал их, чтобы получить гарантии. Ведь лед мог растаять. И тогда корабли пришли бы вовремя. Но его предосторожности оказались излишними. В тот год лед вокруг Хельсинки растаял значительно позже указанного срока.— Он бросил на меня серьезный взгляд. Надо же, зеленоватый цвет его

* Яблочный пирог с мороженым.

кожи стал еще заметнее.— Мы должны нанести дерзкий удар. Тебя пошлют в качестве курьера в период перемирия. Вас вместе со вторым курьером приведут к генералу Сухтелену, чтобы вы могли пройти через позиции русских. Именно в этот момент ты и нанесешь удар. Договор подписан, в те дни война была делом благородным. Никто не будет ждать предательства.

— Предательства? — уточнил я.

Мне это совсем не понравилось. На мгновение улыбка майора стала естественной; наконец он делал то, что доставляло ему удовольствие.

— Убей Сухтелена,— сказал он.

— Убить Сухтелена? — повторил я.

— Используй Антонена. Наполни его яростью. Заставь обнажить оружие. Убей Сухтелена.

Понятно. Новый ход в нашей шахматной партии, ведущейся через время. Гамбит гризли.

— Они убьют Бенгта,— заметил я.

— Ты успеешь выскочить,— сказал Салазар.

— Но они могут прикончить его на месте, вы же сами знаете.

— Да, ты рискуешь. Многие люди уже отдали жизнь за нашу нацию. Идет война.— Майор нахмурился.— Твой успех может обернуться катастрофой для всех нас. Когда меняешь прошлое, настоящее в том виде, какое оно есть, попросту перестает существовать. Но наша нация выживет, и миллионы воскреснут. Появятся более здоровые и счастливые люди, которые смогут насладиться радостями жизни, недоступными для нас. И ты сам родишься нормальным и здоровым, без малейших признаков болезни и уродства.

— Или таланта,— заметил я.— И в таком случае я не смогу вернуться в прошлое, которое останется неизменным.

— Этот парадокс неприменим. Тебе уже не раз объясняли. Прошлое, настоящее и будущее не принадлежат к одной линии времени. К тому же прошлое изменит Антонен, а не ты. А он живет в том времени.— Майор начал терять терпение, его толстые темные пальцы принялись барабанить по столу.— Ты трусишь?

— Трахал я тебя и твою лошадь! Ты ничего не понял. Мне плевать на самого себя, я не боюсь смерти. Но они убьют Бенгта.

Он нахмурился.

— И что с того?

Вероника внимательно слушала нас. Она наклонилась через стол и мягко коснулась моей руки.

— Я понимаю. Ты идентифицируешь себя с ним, верно?

— Он хороший человек.— Похоже, я начал оправдываться.— Я свожу его с ума — неужели этого недостаточно? Да, я не хочу, чтобы его убили. Я извращенец, гризли, я всю свою жизнь прожил в осаде, и я умру здесь, но на свете существуют люди, которые любят Бенгта, у него еще вся жизнь впереди. Как только он вырвется из Свеаборга, перед ним будет весь мир.

— Он мертв уже почти два столетия,— напомнил Салазар.

— Сегодня днем я был внутри его головы,— возразил я.

— Он станет еще одной жертвой войны,— продолжал майор.— А на войне солдаты погибают. Это реальность, как тогда, так и сейчас.

Но меня беспокоило еще кое-что.

— Да, возможно, он солдат, тут я не стану спорить. Он знал, что его работа опасна. Но Бенгт живет по законам чести. А вы об этом забыли. Он готов умереть во время сражения, но вы хотите, чтобы я сделал из него проклятого богом убийцу, заставил нарушить перемирие. Он благородный человек. Люди осудят Антонена.

— Цель оправдывает средства,— резко возразил майор.— Нужно убить Сухтелена, убить, находясь в статусе парламентера. И тогда мирный договор не будет соблюден. Заместитель Сухтелена не отличается умом и коварством, предрасположен к необдуманным поступкам, он мечтает о впечатляющей победе. Ты скажешь ему, что Кронштет *приказал* убить Сухтелена. И он прервет перемирие, бросит своих солдат в атаку на крепость, попытается штурмовать неприступные стены Свеаборга и будет легко отброшен. Русские понесут тяжелые потери, а шведы преисполнятся решимости, увидев предатель-

ство русских. Ягерхорн получит доказательства, что обещания русских ничего не стоят, и переметнется на другую сторону. Кронштет, герой Руотсинсалми, станет еще и героем Свеаборга. Крепость выстоит. Весной шведский флот высадится за русскими линиями, а вторая шведская армия начнет марш с юга. И ход войны изменится. Когда Наполеон пойдет на Москву, шведская армия уже будет в Петербурге. Царя возьмут в плен, свергнут и казнят. Наполеон оставит в Москве марионеточное правительство, заключив договор со шведами в Петербурге. Новый русский режим не переживет падения Бонапарта, реставрация царской семьи будет недолгой, и Россия станет либеральной парламентской страной. Советский Союз не будет воевать с Соединенными Штатами.— Он постарался усилить эффект своих слов, ударив кулаком по столу.

— Брехня,— коротко бросил я.

Салазар покраснел.

— Это реконструкция событий, сделанная компьютером,— не сдавался он.

Однако он отвел взгляд в сторону. Всего на несколько мгновений, но я успел заметить. Забавно. Майор не мог смотреть мне в глаза.

Вероника сжала мою руку.

— Реконструкция компьютера может оказаться ошибочной,— признала она.— В той или иной степени. Но больше у нас ничего нет. Это наш последний шанс. Я понимаю твою тревогу об Антонене, правда, понимаю. Это естественно. В течение нескольких месяцев ты был частью его жизни, разделял мысли и чувства. Твои возражения делают тебе честь. Но сейчас речь идет о миллионах жизней, которые зависят от жизни одного человека. И он уже мертв. Это твое решение. Возможно, самое важное в истории человечества, и ты примешь его самостоятельно.— Она улыбнулась.— Я прошу тебя об одном, обдумай все, как следует.

Когда она так говорит, держа мою руку в своей, разве можно возразить? О Бенгт! Я отвернулся от них и вздохнул.

— Доставай последние запасы спиртного,— устало сказал я Салазару,— те, что остались еще с мирных времен.

Майор заметно удивился; он считал, что о существовании шотландского виски «Айриш Мист» и «Реми Мартин» никому неизвестно. Так оно и было до тех пор, пока Крипер не установил повсюду свои маленькие жучки, хей-хо!

— Не думаю, что пришло время для попойки,— заявил Салли.

Он не захотел расставаться со своими сокровищами. Эгоистичный и скаредный урод.

— Заткнись и подойди сюда.— «Сегодня я не потерплю отказа. Я предаю Бенгта, а тебе придется расстаться со своими запасами спиртного».— Я хочу напиться в стельку. Пришло время выпить за всех проклятых мертвецов и поднять бокалы за живых, в прошлом и настоящем. Таковы правила, будь ты проклят. Гризли всегда получает бутылку перед тем, как отправиться на встречу с цыплятами.

Бенгт Антонен ждал наступления рассвета на центральном дворе цитадели. У него за спиной находилась могила Эренсварда, место последнего упокоения человека, который построил Свеаборг и теперь спокойно спал на груди у своего создания, его кости находились в безопасности под мощными гранитными стенами и пушками, охраняемые от любого дерзкого врага. Он построил неприступную крепость, и никто не должен нарушить его покой. А теперь ее хотят отдать врагу.

Дул ветер. Он обрушивался с черного пустого неба, шевелил голые ветви деревьев, стоящих на пустом крепостном дворе, легко проникая сквозь самую теплую шинель. Возможно, Бенгту было так холодно совсем по другой причине: его наполнял холод страха. До рассвета осталось совсем немного. Звезды уже начали бледнеть. Но его голова была пуста, в ней гуляло лишь насмешливое эхо. Очень скоро над горизонтом появится солнце; сюда придет полковник Ягерхорн, с надменным и требовательным видом, но Антонену будет нечего ему сказать.

Он услышал шаги. Сапоги Ягерхорна стучали по камням. Антонен повернулся к нему, наблюдая, как тот поднимается по ступенькам мемориала Эренсварда. Они остановились на

расстоянии фута друг от друга, заговорщики, встретившиеся в холодном предрассветном сумраке. Ягерхорн коротко кивнул.

— Я встречался с Кронштетом.

Антонен открыл рот. Дыхание белым облачком поднялось у него над головой. И в тот момент, когда полковник собрался признать, что голоса его покинули, в его сознании прозвучал шепот. Он услышал два имени. Наступила такая долгая тишина, что Антонена вновь охватил страх. А вдруг это безумие, а вовсе не голос Бога? Вдруг он ошибся? Но Ягерхорн опустил глаза, нахмурился и соединил руки в перчатках вместе — он принял решение.

— Да поможет нам Бог,— сказал он,— но я вам верю.

— Я буду курьером?

— Я уже говорил об этом с вице-адмиралом. Напомнил ему о годах вашей безупречной службы. Вы хороший солдат и человек чести, истинный патриот, не выдержавший напряжения осады. Вы относитесь к воинам, неспособным выдерживать бездействие, вам необходимо как-то бороться с врагом. Вы не заслуживаете ареста и позора, в качестве курьера вы сможете вернуть себе доброе имя, я заявил, что абсолютно в этом уверен. Ну а как только вы покинете Свеаборг, мы избавимся от источника напряжения, вокруг которого может начаться мятеж. Кронштет знает, что очень многие достойные люди настроены против пакта с Сухтеленом. Мне удалось его убедить.— Ягерхорн слабо улыбнулся.— Но на самом деле я не уверен, что поступил правильно. Однако я способен выдвигать самые разнообразные аргументы — как Бонапарт свои армии на новые позиции. Так или иначе, но мы победили. Вы назначены курьером.

— Хорошо,— ответил Антонен.

Но почему у него сжалось сердце от тяжелых предчувствий? Ему бы следовало торжествовать.

— Что вы намерены делать? — спросил Ягерхорн.— Ради чего наш заговор?

— Я не стану отягощать вас знанием.

Впрочем, он и сам не имел ни малейшего понятия, что будет дальше. Со вчерашнего дня ему было известно о своем назначении курьером, но причины оставались ему неизвестны,

и будущее представлялось таким же холодным, как могила Эренсварда, и таким же туманным, как дыхание Ягерхорна.

— Хорошо,— сказал Ягерхорн.— Остается молиться, что я поступил правильно.— Он снял перчатку и протянул руку.— Я рассчитываю на вашу мудрость и честь.

— Моя честь,— повторил Бенгт.

Медленно, очень медленно он снял перчатку, чтобы пожать руку мертвого человека, стоящего перед ним. Мертвого? Нет, не так; то была живая, теплая плоть. Но сейчас ладонь Ягерхорна замерзла под голыми деревьями и оказалась холодной.

— Между нами были разногласия,— продолжал Ягерхорн,— но мы оба финны и истинные патриоты, люди чести, и теперь мы стали друзьями.

— Друзьями,— повторил Антонен.

И в его голове громче и четче, чем когда-либо прежде, послышался шепот — ему даже показалось, что за спиной у него кто-то стоит.

«Давай, цыпленок,— в голосе слышалась горечь,— пожми руку своему приятелю-гризли».

Сорви четыре розы, пока есть еще время, этот самый гризли, который улыбается сегодня, завтра может умереть. Хей-хо, выпьем снова, вторую ночь подряд, выдуем всю роскошную выпивку майора, но какое это имеет значение, ему она не понадобится. После следующей прогулки по времени он перестанет существовать — так они мне говорят. На самом деле он никогда не существовал, вот уж поистине причудливая мысль. Старина майор Салли Салазар с толстыми пальцами, зеленоватой кожей, постоянными жалобами и стервозностью был вполне реальным сегодня утром, во время последнего допроса, но теперь получается, что такого человека никогда не существовало. Как и Крипера, Рафа или Слима, а Нан никогда не рассказывала нам о мороженом с различными вкусами, сливочном, ореховом и ромовом с изюмом, теперь все это в одной куче с Ниневией и Тиром*, хей-хо. Никогда не

* Города в древней Ассирии и Финикии.

было, нет, и я выпиваю еще стаканчик, пью один в своей комнате, в моей крошечной спальне, Спаситель за последним ужином из алкоголя, но где же, черт побери, все мои апостолы? Они пьют, пьют, но не со мной.

Они не должны знать, никто не должен знать, только я, майор и Ронни, но все каким-то образом узнали, и прямо в коридорах началась дикая вечеринка, все пили и пели, дрались и даже трахались — те счастливцы, которым удалось найти партнера и к коим я не отношусь, увы. Я хотел присоединиться к ним, но майор запретил: слишком опасно, кто-нибудь из них может решить, что даже такая жизнь лучше, чем никакой,— а гризли готов все порушить. И вот я сижу один, в моей маленькой спальне, рядом — пять пустых комнат, а в конце коридора стоит мрачный охранник, разозленный тем, что ему не дают выпить напоследок.

Я рассчитывал, что ко мне заглянет Ронни, ну вы понимаете, выпить немного и сыграть последнюю партию в шахматы или даже поиграть в поцелуйчики, что, бесспорно, дурацкая фантазия, но я не хочу умирать девственником... Хотя на самом деле я не умру, когда проверну весь фокус, поскольку и не жил вовсе. И это чертовски благородно с моей стороны, если вы меня спросите, вот только спросить некому. Еще глоточек, но бутылка почти пуста, придется позвонить майору и попросить еще одну.

Почему не приходит Ронни? Я никогда больше ее не увижу, после того как наступит завтра, завтра — двести лет назад. Я могу отказаться, останусь здесь, и наша маленькая счастливая семья будет продолжать жить, но не думаю, что ей понравится такой поворот событий. Она гораздо больше верит во все это, чем я. Я спросил у нее сегодня днем, способны ли расчеты Салли учесть побочные эффекты. То есть если мы изменим ход войны, сохраним Свеаборг (мы надеемся), избавимся от царя (мы надеемся), уничтожим Советский Союз и (мы очень, черт подери, на это надеемся) не будет большой войны, бомб, налетов и чумы и всей прочей гадости, даже радиационного клубничного мороженого — любимый вкус, придуманный Крипером... Но не избавимся ли мы и от всего остального?

Например, если Россия так изменится, то не потеряем ли мы Аляску? И водку? Может быть, больше не будет Джорджа Оруэлла? И даже Карла Маркса? Мы хотели избавиться от Карла Маркса, один из наших гризли, Слепой Джеффи, пытался позаботиться о Карлуше, но у него ничего не получилось. Быть может, его прозорливость слишком велика. Что ж, значит, мы сохраним Карла Маркса, но если подумать, кого волнует Карл Маркс? Но потеряем ли мы Граучо? Мне это определенно не нравится, кстати, прошлой ночью я нашел гризли, забравшегося в мою пижаму, и мне никогда не узнать, как он туда попал. Да и кому известно, как гризли куда-нибудь попадают, и проклятые костяшки домино разлетаются во все стороны, сбивая другие костяшки, нет, домино — не моя игра, я шахматист, мировой шахматный чемпион, находящийся во временной ссылке, да, это именно я, а домино — чертовски глупая игра.

А что, если ничего не получится, спросил я у Ронни, что, если мы уберем Россию, а потом Гитлер выиграет Вторую мировую войну и мы начнем перебрасываться бомбами и токсинами с нацистской Германией? Или с Англией? Или с проклятой Австро-Венгрией, кто знает? Могучая держава Австро-Венгрия, какая мысль, прошлой ночью, не снимая пижамы, я пристрелил Габсбурга.

Ронни ничего не обещала. Она лишь пожала плечами и рассказала мне историю про лошадь. Одному типу должны были отрубить голову по приказу какого-то древнего короля, понимаете, поэтому он заявил королю, что, если ему дадут год, он научит говорить королевскую лошадь. Королю его идея почему-то понравилась, быть может, он был поклонником мистера Эда*, не знаю, но он дал парню год. А потом друзья парня сказали: эй, что такое, ты же не сможешь научить лошадь говорить. И тот ответил: но теперь у меня появился год, долгий срок, за это время многое может произойти — возможно, умрет король или я. А еще может умереть лошадь. Или лошадь заговорит.

* Мистер Эд — говорящая лошадь в телевизионном шоу (1961–1966).

Я совсем напился, совсем-совсем, и в моей голове полно гризли и говорящих лошадей, костяшек домино и невостребованной любви... Мне необходимо ее повидать! Я осторожно поставил бутылку, хотя она была уже пуста, но мне не хотелось, чтобы на полу осталось битое стекло, и не слишком уверенно выехал в коридор, у меня была слегка нарушена координация движений. Охранник, стоявший в конце коридора, выглядел грустным. Я был с ним немного знаком. Крупный черный парень по имени Декс.

— Привет, Декс,— сказал я, подъезжая к нему,— давай плюнем на все и отправимся на вечеринку, я хочу повидать маленькую Ронни.— Но он лишь посмотрел на меня и покачал головой.— Давай,— сказал я и стукнул его своими голубыми кулачками.

Неужели он меня не пропустит? Проклятье, Декс ответил:

— У меня приказ, тебе следует оставаться здесь.

И я вдруг ужасно рассвирепел, это нечестно, я хочу повидать Ронни. Я собрал все свои силы и попытался проехать мимо него. Ни черта, Декс повернулся и загородил проход, схватил ручки кресла и толкнул его. Меня резко развернуло, одно колесо заклинило, и я вылетел из кресла. Было больно. Проклятье, очень больно. Могу спорить, если бы у меня был нос, из него пошла бы кровь.

— Ты останешься здесь, проклятый извращенец,— сказал мне Декс.

Я заплакал, будь он проклят, а он молча наблюдал, как я поставил кресло на колеса и взобрался в него. Я сидел и смотрел на него, а он стоял и не отводил от меня взгляда.

— Пожалуйста,— наконец выдавил я. Охранник покачал головой.— Тогда позови ее,— взмолился я.— Скажи, что я хочу ее видеть.

Декс ухмыльнулся.

— Она занята с майором Салазаром.

Некоторое время я не сводил с него взгляда, испепеляюще-угрожающего. Однако он не испепелился и даже не испугался. Этого просто не может быть! Она и майор? Она и зеленомордый Салли? Ни в коем случае, он не ее тип мужчины, я знаю, что у нее не такой вкус. Скажи, что это не так! Я развернул кресло и покатил обратно. Декс отвернулся. Хей-хо, обманул его.

Комната Крипера находилась в самом конце коридора. Надо же, ничего не изменилось. Я включил приемник, поиграл с переключателями, стараясь понять, как они работают. В данный момент мои мозги находились не в лучшем состоянии, поэтому я возился довольно долго, но наконец понял, как работает система, и прошелся по всем комнатам, перепрыгивая от одной сцены к другой, наблюдая один эпизод за другим, словно меня обслуживал хитрый призрак Крипера.

Каждая сцена обладала своим очарованием. В буфете в полном разгаре шло групповое изнасилование, прямо на одном из столиков, где мы с Ронни играли в шахматы. Два здоровенных типа из охраны дрались возле выходного шлюза; схватка началась давно, их лица были залиты кровью, и я не мог их разглядеть, они с трудом поднимали тяжелые кулаки, а остальные их подбадривали. Слим и Раф по очереди курили марихуану, опираясь на мой гроб. Слим говорил, что им следует вырвать все провода, и будь все проклято, пусть я никуда не отправлюсь. А Раф утверждал, что гораздо проще просто разбить мне голову. Похоже, придется вычеркнуть его из списка тех, кому следует сделать подарок на Рождество. К счастью для гризли, оба накурились так, что не могли ничего предпринять. Я некоторое время наблюдал за полудюжиной других сцен, а потом с некоторой неохотой включил комнату Ронни, где она трахалась с майором Салазаром.

Хей-хо, как сказал бы Крипер, а чего еще ты ждал?

Я больше не могу тебя любить, дорогая, любить ту, которую больше не уважаю. Но она никогда не была хорошенькой, в 1808 году жили более красивые женщины, и Бенгт был вполне подходящим мужчиной, чтобы уложить их в постель, хотя у Ягерхорна это получалось даже лучше. А моя Вероника — лишь королева нечистого ядовитого роя, вот и все. Они уже закончили заниматься любовью и разговаривали. Точнее, говорил майор, только что он трахал Ронни, а теперь лежит рядом с ней и говорит о Свеаборге, будь он проклят.

— ...Вероятность не более тридцати процентов, что начнется кровавая бойня. Крепость имеет мощные стены, но у

русских преимущество в живой силе, и если они получат существенное подкрепление, опасения Кронштета могут оказаться реальными. Если убийство состоится, правила ведения войны будут изменены, и они уничтожат всех, кто находился в крепости. Свеаборг станет чем-то вроде Аламо*, и тогда разбежавшиеся в стороны тропы вновь сойдутся вместе. Высокая вероятность. А окончательный результат будет тем же.

Однако Ронни его не слушала; на ее лице появилось выражение, которого я раньше никогда не видел: пьяное, жадное, испуганное, а потом она скользнула вниз и стала делать то, что я видел лишь в своих фантазиях, и я больше не хотел смотреть, о нет-нет-нет!

Генерал Сухтелен устроил свой штаб в пригороде Хельсинки, еще один удачный тактический ход. Когда Свеаборг навел на него свои пушки, каждый третий выстрел из крепости грозил городу — в результате Кронштет приказал прекратить огонь. Сухтелен воспользовался этой уступкой так же эффективно, как и всеми остальными. Он выбрал себе просторную и удобную квартиру; из его окон через открытые пространства льда, усыпанного снегом, открывался прекрасный вид на серую громаду Свеаборга. Полковник Бенгт Антонен угрюмо смотрел в сторону крепости, дожидаясь в приемной вместе со вторым курьером Кронштета и русскими, которые сопровождали его к Сухтелену. Наконец внутренние двери распахнулись, и к ним вышел смуглый русский капитан.

— Генерал готов вас принять,— сказал он.

Генерал Сухтелен сидел за широким деревянным столом, адъютант замер по правую руку от него. У двери оставался часовой, кроме того, вместе со шведскими курьерами в комнату вошел капитан. На голой поверхности стола стояла чернильница, лежали промокательная бумага и два подписанных пропуска, которые обеспечивали курьерам безопасное про-

* Испанская католическая крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас (основана в 1718 году), место героической обороны 200 техасских повстанцев во время войны за независимость от Мексики 23 февраля — 6 марта 1836 года. Все они погибли во время осады. Клич «Помни Аламо!» стал призывом к независимости Техаса.

движение через линии русских войск до самого Стокгольма и шведского короля. Один из них должен был ехать по южной, а другой по северной дороге.

Сухтелен что-то сказал по-русски; адъютант переводил. Их обеспечивали лошадьми, кроме того, было обещано, что на почтовых станциях им предоставят свежих коней. Антонен слушал инструкции с удивительно пустым чувством, у него слегка кружилась голова. Генерал намерен их пропустить. Почему это его удивляет? Ведь именно такими были условия договора. И по мере того как переводчик нудно повторял официальные фразы, Антонена все сильнее охватывала апатия. Он сделал все, чтобы попасть сюда, как того требовали голоса, а теперь он даже не знает, зачем он здесь и что ему следует делать.

Ему вручили один из пропусков, вложив в протянутую руку. Быть может, на него подействовало прикосновение бумаги или дело было в чем-то другом. Неожиданно его подхватила красная волна ярости, такой неистовой и всепоглощающей, что на несколько мгновений мир вокруг него исчез и он оказался в совершенно другом месте, увидел сплетенные вместе обнаженные тела в комнате, стены которой были сделаны из светло-зеленых кубиков. А затем он вернулся обратно, ярость все еще бушевала в нем, но быстро слабела. Все смотрели на него. Тут только Антонен сообразил, что выронил пропуск, а его рука легла на рукоять сабли, и он наполовину обнажил клинок, сталь тускло сверкала в солнечных лучах, проникающих сквозь окно.

Если бы они отреагировали сразу, то могли бы успеть его остановить, но он застал всех врасплох. Сухтелен начал подниматься со своего стула, но почему-то двигался странно-тягуче, словно в замедленной съемке. Замедленная съемка, что это такое? Но он знал, знал. Сабля уже покинула ножны. Он услышал у себя за спиной крик капитана, адъютант потянулся за пистолетом, но ему было далеко до Квик Дроу Макгроу*,

* Комедийный мультипликационный сериал (1959–1960) о самом быстром пистолете Запада.

Бенгт их всех опередит, хей-хо. Он ухмыльнулся, развернул саблю и протянул ее рукоятью вперед генералу Сухтелену.

— Мой клинок, сэр, и поклон от полковника Ягерхорна,— с удивлением и благоговением услышал Бенгт Антонен собственный голос.— Крепость в ваших руках. Полковник Ягерхорн предлагает задержать нас на месяц. Я с ним согласен. Задержите нас здесь, и вам гарантирована победа. Если вы нас пропустите, то кто знает, как все может обернуться? Вдруг шведский флот сумеет подойти к Свеаборгу? До третьего мая еще очень много времени. Король может умереть, или лошадь, да и мы с вами не бессмертны. Я уже не говорю о том, что лошадь может заговорить.

Адъютант убрал пистолет и принялся переводить; второй курьер принялся протестовать, но на него не обратили внимания. Бенгт Антонен обнаружил, что обладает красноречием, которому мог бы позавидовать даже его новый друг. Он говорил и говорил. На какое-то мгновение им овладела диковинная слабость, когда в животе забурлило, закружилась голова, но потом он понял, что ему не о чем беспокоиться, это сработали таблетки, и где-то далеко, в металлическом гробу, наполненном ночью, умирает монстр. А потом не осталось ничего, хей-хо, одна осада закончилась, а другая будет продолжаться еще долго, но какое значение это имеет для Бенгта, мир свеж, как холодная нежная устрица. Он подумал, что положено начало замечательной дружбе, и, какого черта, быть может, он еще спасет их задницы, если у него возникнет такое желание, но сделает это на своих условиях.

Генерал Сухтелен выслушал, кивнул и принял протянутую саблю.

Полковник Антонен добрался до Стокгольма третьего мая, в год тысяча восемьсот восьмой от Рождества Господа нашего, с посланием для Густава IV Адольфа, короля Швеции. В тот же день Свеаборг — неприступный Свеаборг, Гибралтар Севера — сдался русским войскам, хотя и имел превосходство в численности войск.

После окончания военных действий Бенгт Антонен подал в отставку из шведской армии и стал эмигрантом, сначала в Англии, а позднее в Америке. Он поселился в Нью-Йорке, где женился, стал отцом девятерых детей и весьма влиятельным журналистом, которого уважали за удивительную способность улавливать приближающиеся перемены. Когда события развивались иначе, что случалось довольно редко, Антонен всегда удивлялся. Он стал основателем Республиканской партии, и его статьи оказали существенное влияние на президентских выборах 1856 года, когда победил Джон Чарльз Фримонт*.

В 1857-м, за год до смерти, Бенгт Антонен сыграл с Полом Морфи во время Нью-Йоркского шахматного турнира и проиграл. Как часто потом любили цитировать биографы Морфи, после поражения Антонен произнес всего одну фразу: «Я мог бы обыграть его в домино».

* Военный картограф и исследователь (1813–1890). В конце жизни был губернатором Аризоны. На самом деле в «нашей» истории выборы проходили в 1857 году, и президентом стал Джеймс Бьюкенен, представлявший Демократическую партию.

Шесть серебряных пуль

Запах крови Уилли почуял еще за квартал от дома, где жила Джоан.

Уилли замер и вдохнул поглубже стылый вечерний воздух. Стояла поздняя осень, нудно моросил дождик, да и ветер задувал с реки, так что этот запах меди, острых пряностей и огня был едва уловим. Но только не для него. Этот запах Уилли не спутал бы ни с чем. Так пахнет только человеческая кровь.

Легко зашуршали шины, и на дорожке показался велосипедист в ярко-оранжевой куртке. Уилли, пятясь, укрылся в кустах. Что за осел разъезжает по парку в столь поздний час! Уилли протяжно взвыл. Велосипедист, растерянно оглядевшись, нажал на педали и вскоре растворился в сгущающемся сумраке.

Уилли вышел к краю парка и, прячась за кустами, оглядел улицу. Перед домом Джоан, сверкая красными и голубыми мигалками, стояли две патрульные машины, а издалека неслось завывание сирен, предвещая прибытие еще нескольких полицейских автомобилей.

Что, черт возьми, происходит? От тяжелого запаха человеческой крови у Уилли голова пошла кругом и отчаянно забилось сердце. Опасаясь худшего, он развернулся и припустил в глубь парка, забыв, что его могут заметить. От стремительного бега в легких начало саднить, а язык готов был вывалиться изо рта, но Уилли, не сбавляя темпа, домчался до самого бе-

© Перевод А. Жаворонкова.

рега реки. Только здесь он остановился, пытаясь унять дрожь, а потом забился под опору моста и принялся невидящим взглядом провожать редкие автомобили, проносящиеся где-то вдали, и вслушиваться в жизнь ночного города.

Минут через десять, когда самообладание вернулось, Уилли покинул свое убежище. На глаза ему попалась белка. Быстрыми прыжками она передвигалась от одного дерева к другому. Мгновение — и зверек оказался во власти Уилли. Густая кровь и сочная плоть белки сначала обожгли ему рот, а затем наполнили силами. Пора было возвращаться домой.

— И прошу тебя, Уилли, не заговаривать мне зубы,— с лукавой строгостью произнесла Рэнди Уэйд.— Ты все равно не добьешься от меня того, о чем мечтаешь.

Невысокий парень, глядя в зеркало над кушеткой, придал своему лицу обиженное выражение и, повернувшись к Рэнди, изрек:

— Так вот, значит, какого ты обо мне мнения! Я прихожу к тебе, прошу помощи, а что получаю в ответ? Обвинения в приставаниях! А я-то считал тебя своим старым другом!

— Тогда почему же с первого дня знакомства ты допускаешь всякие вольности? — запальчиво сказала Рэнди.

От греха подальше Уилли сменил тему разговора:

— А ты все-таки любитель, Рэнди. Только дилетант может заниматься бизнесом в таких апартаментах.— Уилли расположился в кресле, обитом красным бархатом.— Не пойми меня превратно, мне здесь нравится, и кресла в викторианском стиле весьма по душе, и еще я жду не дождусь, когда же мне будет наконец позволено заглянуть в спальню... Но, подруга моя, ты же — частный детектив, и тебе просто полагается иметь крошечный офис в самой неблагополучной части города. Ну сама знаешь, такую запыленную комнатенку со стеклянной дверью... И в твоем письменном столе непременно должна отыскаться початая бутылка дешевого виски, а по углам обязаны громоздиться обшарпанные шкафы, собственноручно переделанные в картотеки...

Рэнди улыбнулась.

— А ты хотя бы отдаленно представляешь, в какую сумму мне влетит аренда так живо описанного тобой крошечного офиса? Да он мне, в общем-то, и ни к чему. Ведь у меня есть телефон, и его номер, между прочим, занесен в «Желтые страницы»...

— «ААА. Сыскное Агентство Уэйд»? — ехидно поинтересовался Уилли.

— Да. А ты что-то имеешь против?

— Рэнди, душка, мне понятно твое желание открывать список всех детективных агентств города, но, по-моему, если бы Господу Богу было угодно, чтобы все на свете названия и имена начинались на «А», то изобретать остальные буквы Он бы не стал.— Но, видимо, вспомнив, зачем пришел, Уилли оставил шутливый тон: — Так ты поможешь мне или нет?

— Может, и помогу, но уж точно никак не раньше, чем ты расскажешь мне, что произошло,— заметила Рэнди, хотя про себя уже давно решила, что сделает для Уилли все от нее зависящее.

Уильям Фламбо ей нравился; она была даже не против его упорных, слегка неуклюжих приставаний. Хотя в этом Рэнди ни за что бы не призналась. Кроме того, она была у Уилли в долгу. Познакомились они при весьма неприятных обстоятельствах: Рэнди оказалась наследницей множества просроченных счетов, оставленных ей бывшим неверным супругом. Тогда-то к ней в дом и пожаловал Уилли — служащий местного банка, а точнее отдела, который занимается дебиторскими задолженностями. В те дни Рэнди никак не могла отыскать работу, находилась в расстроенных чувствах, и Уилли, проникшись к ней состраданием, предложил молодой женщине поработать в стае «Гончих ада» — так, несколько выспренно, он именовал свой отдел. Нельзя сказать, что выдавливание из людей долгов пришлось Рэнди по душе, но в то тяжелое время даже такая работа казалась ей даром небес. В общем, она поступила на службу в банк, а уволилась оттуда лишь после того, как смогла оплатить все свои счета.

Уилли, внезапно съежившись в кресле, хрипло сказал:

— Рэнди, дело-то очень серьезное.

Рэнди знала Уилли несколько лет, но ни разу еще не видела друга таким испуганным. Она села на кушетку и тихо произнесла:

— Я внимательно слушаю. Говори, что стряслось.

— Ты видела утренний «Курьер»? — спросил он.— Читала статью о девушке, убитой на Парковой улице?

— Да, читала,— призналась Рэнди.

— Она была моим другом.

— О господи! — Рэнди поняла свою бестактность по отношению к Уилли.— Извини, я не знала.

— Джоан была совсем еще ребенком,— сказал Уилли.— Недавно ей исполнилось двадцать три. Тебе бы она понравилась. Она была умной и решительной, хотя еще в выпускном классе болезнь приковала ее к инвалидному креслу. Виноват ее тогдашний приятель. После веселой вечеринки вызвался подвезти домой, ну и не справился с управлением. Машина на полном ходу врезалась в столб. Парень скончался на месте, а Джоан сломала позвоночник и на всю жизнь потеряла подвижность ног. Но она молодец, присутствие духа сохранила: закончила школу, поступила в колледж и даже закончила его с отличием. Потом смогла найти неплохую надомную работу.

— И ты знал ее все эти годы?

Уилли покачал головой.

— Нет, впервые мы встретились чуть больше года назад. Она слегка переоценила свои финансовые возможности, как это бывает, когда кредитную карточку получают по почте... Ну, обычная история. В общем, я представил ей «Мистера Ножницы», и мы с ней стали друзьями, почти как с тобой.— Уилли посмотрел Рэнди прямо в глаза.— В газете сообщалось, что ее тело было изуродовано. Убить калеку само по себе омерзительно, но еще и...— На Уилли накатил приступ астмы: словно выброшенная на сушу рыба, он принялся ловить воздух широко открытым ртом. Лишь через несколько секунд он смог заговорить вновь: — И что, черт возьми, означает «она была изуродована»? Может, в нашем городишке объявился Джек Потрошитель?

— Не знаю,— призналась Рэнди.— А разве это так важно?

— Для меня — очень.— Уилли вытер губы тыльной стороной ладони.— Я сегодня звонил в полицию, но назвать свое имя отказался, и полицейские не дали мне никакой информации. Через знакомых мне удалось выяснить, как похоронят Джоан. Из морга ее вынесут в закрытом гробу и немедленно кремируют. Сдается мне, что тут дело нечисто.

— Что значит, нечисто? — спросила Рэнди.

— Понимаю, что мои слова могут показаться бредом, но что, если?..— Уилли провел пятерней по волосам.— Что, если Джоан была... растерзана каким-нибудь животным... Ну, например...

Уилли говорил что-то еще, но Рэнди его уже не слышала. Ее точно холодом сковало — то был давний страх. Тот страх, который она испытала восемнадцать лет назад. Она стояла тогда у двери в кухню, мать ее тонко, по-детски всхлипывала, а полицейские что-то говорили. «Разорван каким-то животным»,— отчетливо произнес один из них. Мать его не услышала, а может, не поняла, но Рэнди громко повторила фразу, и глаза всех присутствовавших вонзились в нее. «Господи, ребенок»,— проговорил кто-то. Мать взяла Рэнди за руку, отвела в детскую и уложила в кровать. Расправляя складки на одеяле, она расплакалась... Расплакалась мать, а не Рэнди. Рэнди не проронила ни слезинки. Ни тогда, ни позже, на похоронах, ни годы спустя.

— Эй-эй! — До Рэнди, словно через слой ваты, донеслись крики Уилли.— Что с тобой?

— Да ничего,— выдавила она.

— Господи, ну и напугала же ты меня! Ты выглядела так, словно... Черт, подходящих слов не подберу, но мне стало жутко.

Рэнди, смерив Уилли тяжелым взглядом, заметила:

— В газете сообщалось, что Джоан Соренсон была убита. Убита, а не растерзана животным. Так почему же тебе на ум пришла эта версия?

— Не наседай на меня, Рэнди, я сам ничего толком не знаю. Это лишь предположение, что девушка была растерзана животным, но, может, ее убил сумасшедший. Маньяк. На-

зывай, как хочешь. В газете не было подробностей. В чертовой газете никогда не бывает подробностей.— Дышал Уилли часто, со свистом; пальцы его впились в подлокотники кресла.

— Уилли, я сделаю все, что смогу,— пообещала Рэнди.— Но, по-моему, полиция и без меня разберется с убийством.

— Полиции я не доверяю.— Уилли помотал головой.— Рэнди, если полицейские станут копаться в вещах Джоан, то, вероятно, всплывет и мое имя.

— Так ты боишься, что на тебя падет подозрение?

— Черт возьми, не знаю! Возможно.

— У тебя есть алиби?

— Нет. Не совсем.— Уилли сделался совсем несчастным.— Я имею в виду, что у меня нет такого алиби, которое можно было бы предъявить в суде. Как раз наоборот. Я собирался... Собирался навестить Джоан той злосчастной ночью. Она же могла написать мое имя на календаре! Я не желаю, чтобы полицейские совали нос в мои дела.

На Уилли навалился очередной приступ удушья, он достал из кармана ингалятор, зубами стащил с него пластиковый колпачок и впрыснул в рот дозу лекарства.

— По-моему, ты напрасно волнуешься,— заметила Рэнди.

— Ну так успокой меня. Ведь ты же обещала помогать? Тогда сядь мне на колени и прими самое горячее участие в моей судьбе! — предложил Уилли.

— Нет,— заявила Рэнди твердо.— Но тем не менее я берусь за твое дело.

Жил Уилли в Речном районе. Ему принадлежал двухэтажный дом из красного кирпича. Дом этот был выстроен в прошлом веке, когда Речной район был средоточием фабрик и заводов города. Времена с тех пор сильно изменились, район пришел в запустение, утратив былое промышленное значение, однако в память о прошлом Уилли досталась давно бездействующая пивоварня на первом этаже. Речной район не был престижным даже в прошлом веке, а тем паче — сейчас, но жить здесь Уилли нравилось. Нравилось бодрое журчание реки; нравилось кваканье лягушек прохладными вечерами;

нравились радостные крики горожан, катающихся на лодках. Но особенно мил сердцу Уилли был старый деревянный пирс, стоявший буквально в двух шагах от дома. Так здорово было иной раз посидеть на теплых, нагретых за день досках и, неспешно размышляя, полюбоваться отражением луны в черной как смоль воде.

Мало кто жил в этом районе, и потому парковка автомобиля здесь не вызывала проблем. Уилли оставил свой огромный старомодный ярко-зеленый «кадиллак» в двух футах от входной двери. На возню с дверными запорами ушло добрых пять минут. Это понятно: житель окраины, в случае чего, мог полагаться только на крепость замков. На первом этаже, заваленном хламом с бывшей пивоварни, было тихо и спокойно. Уилли, закрыв за собой дверь и тщательно заперев ее на замки и засовы, поднялся на второй этаж, где располагались одиннадцать жилых комнат, служивших когда-то конторами.

Уилли был напуган гораздо сильнее, чем могла заметить Рэнди. Он был основательно выбит из колеи еще вчера вечером, когда, уловив запах человеческой крови, предположил, что Джоан совершила что-то совсем недопустимое. Но, прочитав в утренней газете, что жертвой стала именно она, Джоан, и что ее не просто убили, а изуродовали... Изуродовали. Что это означает? Только от одной этой мысли у Уилли кружилась голова, а к горлу подкатывал противный липкий комок.

Уилли вошел в гостиную — бывший кабинет владельца пивоварни. Окнами комната выходила на реку и обставлена была вещами самых разных эпох и стилей, но Уилли считал ее весьма милой. Еще бы: сплошной антиквариат, предмет за предметом собираемый годами. То была мебель, описанная за долги. Уилли привозил ее в свой дом, оплачивая долги дебиторов из собственного кармана.

Едва Уилли успел поставить чайник, как раздался звонок. Уилли резко повернулся и, нахмурившись, уставился на телефон. Отвечать было боязно. Ведь звонить могли из полиции... А может быть, это Рэнди? Или кто-то из друзей, вообще не имеющих отношения к этой истории. Уилли провел ладонью по лбу и снял трубку.

— Алло.

— Добрый вечер, Уильям.— Сочный бас принадлежал Джонатану Хармону, и у Уилли от него побежали мурашки.— Я весь день пытаюсь до тебя дозвониться.

— Я был занят,— сказал Уилли.

— Ты уже слышал о девчонке-калеке?

— Джоан,— заметил Уилли.— Ее звали Джоан. Да, я слышал. Все, что мне об этом известно, я вычитал в газете.

— Газета принадлежит мне,— напомнил Джонатан.— Уильям, нужно поговорить. Здесь, в «Черном камне», собираются почти все наши. Пришли уже Зоуи и Эми, с минуты на минуту появится Майкл. Стивен собрался за Лоренсом. Если ты сейчас свободен, он мог бы прихватить и тебя.

— Нет. Может, я и дешевка, но свободен бываю редко.— Уилли засмеялся, стремясь скрыть внезапно нахлынувший страх.

— Уильям, речь идет о жизни и смерти.

— Сдается мне, я слышу угрозу? Так заруби себе на носу: все, что знаю, все, до последнего слова, я написал на бумаге и копии письма раздал нескольким друзьям.— Голос Уилли прозвучал вполне уверенно, хотя, конечно, ничего он не писал и ничего не отдавал друзьям.— Если со мной случится то же, что и с Джоан, мои послания непременно попадут в полицию. Ты понял меня?

Уилли вдруг показалось, что Джонатан сейчас беззаботно промолвит: «А полиция принадлежит мне», но в течение нескольких секунд из трубки доносились лишь щелчки, затем послышался вздох, после чего заговорил Джонатан:

— Я понимаю, что смерть Джоан потрясла тебя, но...

— Не смей упоминать ее имени! — вскричал Уилли.— Ты, сукин сын, мизинца ее не стоишь! Мне прекрасно известно, какого ты был о ней мнения. И вот еще что, Хармон... Если выяснится, что в ее смерти повинен ты или твой полоумный отпрыск, то однажды ночью я сам наведаюсь в «Черный камень» и прикончу тебя или вас обоих. Джоан была совсем еще ребенком... Она... Она...

Перед мысленным взором Уилли возник облик Джоан, он услышал ее смех, ему даже почудился ее едва уловимый

запах, а затем он, будто воочию, увидел ее бегущей рядом с собой, а еще чуть позже почувствовал, как она трется о него всем телом и как волнами ходят под ее кожей тугие сильные мышцы... По щекам Уилли покатились слезы, а грудь сдавило железным обручем. Джонатан говорил еще что-то, но Уилли, не слушая его, швырнул трубку и немедленно выдернул штекер из телефонной розетки. Заметив, что почти вся вода выкипела, он выключил чайник, достал ингалятор и сделал два блаженных вдоха. Мало-помалу дыхание его восстановилось, слезы высохли, но неизъяснимая боль осталась камнем лежать на душе.

Мысленно вернувшись к недавнему разговору и вспомнив, какие угрозы он только что прокричал в телефон, Уилли спустился на первый этаж и проверил засовы и замки на всех дверях и окнах.

Если бы Рэнди действительно вознамерилась снять офис в самой неблагополучной части города, то подыскать для этого более подходящее место, чем Курьерская площадь, ей вряд ли бы удалось. Давным-давно эта площадь была центральной в городе, но крупные престижные магазины давно перекочевали в пригород, поближе к порту, а огромный старый кинотеатр «Замок», уже не в первый раз поменяв владельцев, раздробился на полутемные зальчики, где теперь круглосуточно крутили кино сомнительного содержания либо продавали журналы и книги для взрослых. Единственным островком относительного благополучия здесь оставался большой дом, где на этажах размещалась редакция, а в подвале — типография местной газеты «Курьер». Основатель «Курьера», старый Дуглас Хармон, всегда считал журналистику некоей разновидностью религии, и оттого, видимо, выстроенное на его деньги здание походило на собор. Правда, за пять десятилетий фасад из серого гранита покрылся толстой пленкой копоти, а грозные черты на мордах каменных волков, украшавших стены, основательно сгладились под влиянием кислотных дождей, но здание «Курьера» все же до сих пор напоминало о тех канувших в Лету временах, когда Курьерская площадь по праву считалась сердцем города, а газета — его душой.

Стряхивая с пластикового плаща дождевые капли, в здание «Курьера» вошла Рэнди. Плащ был ей велик как минимум на два размера, но, поскольку то была не просто верхняя одежда, а своеобразный трофей, отвоеванный у бывшего мужа, носила она его просто из принципа. В холле за конторкой сидел охранник, над его головой висели десятки часов. Некогда они показывали время во всех крупнейших городах Земли, но теперь большинство часов застыли навеки. Холл был столь же мрачен, сколь и лицо охранника.

Рэнди сняла шляпку, поправила прическу и, приветливо улыбнувшись, уведомила охранника:

— Я пришла повидаться с Барри Шумахером.

— Третий этаж,— бросил тот, едва взглянув на Рэнди, и вновь углубился в яркий глянцевый журнал, лежавший у него на коленях.

Кабина допотопного лифта с железной решеткой, которую надлежало отодвигать вручную, минут пять грохотала и раскачивалась, но все же подняла Рэнди на третий этаж. Шумахер задумчиво курил, сидя за своим столом.

— Посмотри в окно,— обратился он к Рэнди, едва та успела переступить порог. На тротуаре стояла девица в мини-юбке и мокрой от дождя облегающей футболке.— На ней же нет лифчика,— заметил Барри.— А ведь торчит не где-нибудь, а перед «Замком». Забывают, что в этом кинотеатре состоялась премьера «Унесенных ветром». Да и многих других замечательных фильмов...— Состроив недовольную гримасу, он толчком ноги развернул вращающееся кресло и затушил окурок в пепельнице.— Да, все течет, все изменяется.

— А я плакала, когда умерла мама Бэмби,— призналась Рэнди.

— Ты смотрела «Бэмби» в «Замке»? — спросил Шумахер.

Рэнди кивнула.

— Помню, меня туда привел отец, но он не плакал. Вообще, плачущим я его видела лишь однажды, но это было много позже и, конечно, не в кино.

— Фрэнк был замечательным человеком,— заметил Шумахер задумчиво.

За последние годы Барри располнел и облысел, но одевался по-прежнему безукоризненно. Рэнди помнила его молоденьким поджарым репортером. В те годы он каждую неделю по средам приходил к отцу составить партию в покер. Он шутливо ухаживал за Рэнди, обещая жениться, когда она подрастет. Оба весело смеялись этим нехитрым шуткам. Теперь же Шумахер стал совсем другим человеком; казалось, он не улыбался с победы Кеннеди на президентских выборах.

— Так чем я могу тебе помочь? — спросил Барри, немного помолчав.

— Расскажи мне об убийстве на Парковой улице все, что не попало в газету,— попросила Рэнди, садясь в кресло напротив.

— С чего ты взяла, что наша газета что-то утаила? — ответил вопросом на вопрос Шумахер.

— Разве ты забыл, что мой отец был полицейским? Именно поэтому мне известно, что полиция часто просит вас не публиковать некоторые подробности уголовных дел.

— Просить-то нас просят, но мы, как правило, имеем свое мнение на этот счет.— Барри зажег очередную сигарету.

— И на этот раз тоже?

Барри, пожав плечами, пробурчал:

— Некрасивое дело. Ужасное. Но мы написали о нем. Ведь так?

— В статье сообщалось, что жертву изуродовали. Что конкретно это значит?

— Там на полке стоит толковый словарь. Загляни в него и все поймешь.

— Значение слова мне известно,— сказала Рэнди, удивляясь тому, что Барри-то, оказывается, изменился к худшему не только внешне.

— Тогда тебе, наверное, известно, что наш «Курьер» читают и дети. Ты хочешь, чтобы мы заполнили свои страницы жуткими подробностями?

— Я говорю вовсе не о том, что следует, а чего не следует печатать в «Курьере». Мне лишь хочется знать подробности этого дела. У полиции есть версия, что девушка-калека была убита животным?

Барри, дернув головой, встретился с Рэнди глазами, и та на секунду увидела за стеклами его очков намек на ту теплоту, что была когда-то между ними.

— Убита животным? — переспросил Барри мягко.— С чего ты взяла? Тебя, наверное, волнует не смерть Джоан Соренсон, а смерть твоего отца? — Барри поднялся, обошел вокруг стола, положил руку на плечо Рэнди и заглянул в ее глаза.— Рэнди, солнышко, не терзай себя. Я тоже любил Фрэнка, но он мертв. Мертв вот уже... Подумать только, прошло уже почти двадцать лет! Коронер пришел к заключению, что твоего отца загрызла бешеная собака, и сомневаться в этом нет ни малейших оснований.

— Перед смертью отец полностью разрядил барабан своего револьвера. Ты можешь представить бешеную собаку, которая получила бы целых шесть пуль тридцать восьмого калибра и осталась в живых?

— Возможно, Фрэнк промазал,— предположил Барри.

— Он не промазал.— Рэнди отвернулась от Шумахера.— И хоронили его в закрытом гробу. Ведь его тело...— Даже по прошествии многих лет Рэнди было тяжело произносить эти слова, но она стала уже большой девочкой и потому, переборов себя, закончила фразу: — Было разорвано на куски и съедено. А животное так и не обнаружили.

— Должно быть, Фрэнк все же ранил его, и животное, где-то укрывшись, издохло.— Барри развернул Рэнди лицом к себе.— Возможно, дело было именно так, а возможно, нет. Твой отец погиб очень давно, детка, и его смерть не имеет ничего общего со смертью Джоан Соренсон.

— Так расскажи мне, что с ней случилось,— потребовала Рэнди.

— Послушай, я не намереваюсь...— Барри, заколебавшись, провел языком по губам, а затем все же вымолвил: — Она была убита ножом. Так, во всяком случае, написано в полицейском рапорте.— Барри присел на край стола, и в голосе его вновь послышались циничные нотки.— Какой-то псих, насмотревшись дурацких фильмов ужасов вроде «Хэллоуина», «Пятницы, тринадцатого» и прочих, зарезал Джоан острым как бритва ножом.

Поняв по голосу Шумахера, что вытянуть из него больше ничего не удастся, Рэнди поднялась.

— Спасибо.

Он не глядя кивнул и сказал:

— Солнышко, заглянула бы к нам как-нибудь на ужин. Адель о тебе часто спрашивает.

— Передай ей от меня привет.— Рэнди задержалась у двери и, вымученно улыбнувшись, спросила: — Барри, а тело Джоан было найдено полностью?

Он, секунду поколебавшись, обронил:

— Да, полностью.

В покер Барри обычно проигрывал. Соображал он неплохо, но, по словам отца Рэнди, блефовать не умел: его всегда выдавали глаза.

Вот и сейчас Рэнди совершенно определенно поняла, что Барри Шумахер солгал.

Звонок был сломан, пришлось стучать. Ответа за дверью не последовало, но Уилли, конечно же, не поддался на эту наивную уловку.

— Я точно знаю, миссис Джуддикер, что вы дома,— закричал он в окно.— Ваш телевизор было слышно за квартал, но, завидев меня, вы его выключили.— Он вновь постучал.— И не надейтесь, что я уйду, лучше сразу открывайте.

За дверью послышался и сразу же оборвался детский шепот. Уилли тяжело вздохнул. Почему, черт возьми, большинство дебиторов ведет себя так глупо? Уилли достал из кармана кредитную карточку, сунул ее в щель между дверью и косяком и надавил. Язычок замка легко поддался, раздался щелчок. Уилли распахнул дверь и вошел, готовясь услышать отчаянный крик, но его встретила гробовая тишина.

Все шторы на окнах были закрыты, а посреди полутемной гостиной стояли, раскрыв рты, женщина и двое детей. На женщине был белый махровый халатик, а сама она выглядела даже моложе, чем показалось Уилли по телефону.

— Вы не можете так просто взять и вломиться в чужой дом,— едва слышно возмутилась она.

— Но именно это я только что сделал.— Уилли закрыл за собой дверь, и в комнате стало совсем темно. Уилли это не понравилось, и он спросил: — Не возражаете, если я зажгу свет?

Не дождавшись ответа, он нащупал на стене выключатель и нажал на него. Зажглась безвкусная, с висюльками из прозрачного пластика, люстра. Мебель в комнате оказалась ветхой, ободранной, в общем, такой, какую жертвуют Армии Спасения, но в углу стоял огромный современный телевизор. Старший ребенок — девочка лет четырех вскочила и, встав к телевизору спиной, попыталась загородить его.

Уилли улыбнулся ей, но ответной улыбки не получил. Он повернулся к матери, брюнетке лет двадцати, с веснушками на носу; весила она, похоже, фунтов на десять больше нормы, но это не портило ее.

— Купите цепочку на дверь,— посоветовал ей Уилли.— И в будущем никогда не прячьтесь от «Гончих ада». Договорились? — Он сел в шезлонг из винила, части которого были скреплены между собой электрическими проводами.— Не предложите ли чего-нибудь выпить? Я не привередлив, подойдет что угодно: кока, молоко, сок.— Ни мать, ни дети даже не пошевелились, и тогда Уилли добавил: — Не бойтесь, я не продаю детей для медицинских экспериментов. Я зашел лишь поговорить о ваших финансовых проблемах.

— Вы заберете у нас телевизор,— уверенно заявила миссис Джуддикер.

Уилли, окинув взглядом монстра в углу, поежился.

— У меня спина болит. Да еще и астма в придачу.— В доказательство Уилли достал из кармана ингалятор.— А ваш телик весит никак не меньше тысячи фунтов. Вы что же, моей смерти хотите?

Обстановка в гостиной несколько потеплела.

— Бобби, принеси, пожалуйста, нашему гостю попить,— обратилась мать к мальчику.

Тот, громко топая, убежал на кухню, а сама миссис Джуддикер, тщательно запахнув полы халата, села на низенькую софу и обратилась к Уилли:

— Я уже говорила вам по телефону, мистер, что денег у нас нет. Муж бросил меня, но даже если бы и не бросил, денег все равно бы не нашлось. Ведь с тех пор, как два года назад закрылась скотобойня, он толком нигде не работает.

— Это мне известно.— Уилли достал из внутреннего кармана плаща записную книжку и, перелистав несколько страничек, сказал: — Итак, последнее время тактика ваша была такова: вы приобретали некоторые вещи и продукты, а затем съезжали на новую квартиру, не оставив адреса. В итоге вы задолжали две тысячи восемьсот шестьдесят долларов и тридцать один цент. Сумму набежавших процентов я пока не учитываю.

Вернулся Бобби и вручил Уилли жестянку с диетическим безалкогольным пивом. Тот вскрыл ее и, усилием воли заставив себя не морщиться, сделал глоток.

— Дети, поиграйте на заднем дворе,— велела миссис Джуддикер.— Взрослым надо поговорить.— Сама она вовсе не выглядела взрослой, и Уилли опасался, что она вот-вот расплачется.— Это Эд купил телевизор,— пояснила она дрожащим голосом.— Но в том нет его вины, мистер. Кредитная карточка на его имя пришла по почте.

Уилли был прекрасно известен этот жульнический трюк. Кредитная карточка приходит по почте, а ее счастливый обладатель на следующий же день несется в ближайший магазин и делает там покупку настолько дорогую, насколько позволяет кредит.

— Понимаю, что не по своей вине вы попали в эту пренеприятнейшую историю,— посочувствовал Уилли.— Но тогда сообщите мне, где найти Эда, и я получу деньги с него.

Миссис Джуддикер невесело рассмеялась.

— Сразу видно, мистер, что вы не знакомы с Эдом. На скотобойне он работал грузчиком, и ручищи у него такие, что он любому голову свернет, только его тронь.

— Такой мужской разговор как раз по мне. Просто не терпится пообщаться с вашим муженьком.

— А вы меня не выдадите? — с опаской поинтересовалась женщина.

— Честное скаутское, не скажу.— Уилли поднял руку в торжественном салюте, но испортил эффектный жест, опрокинув жестянку с пивом.

— Так вы — скаут, мистер? — удивилась миссис Джуддикер.

— Нет,— признался Уилли,— но всегда мечтал им стать.

Женщина, впервые улыбнувшись, проговорила:

— Что ж, коли вам не терпится на собственные похороны, то это — ваше личное дело.— Миссис Джуддикер пожала плечами.— Мой бывший связался с какой-то шлюхой и последнее время живет у нее. Не знаю где, но мне известно, что по выходным он подрабатывает в баре «Чистюля».

— Знакомый адрес.

— Этот пройдоха там не зарегистрировался,— с неприязнью добавила она.— Таким образом, он получает еще и пособие по безработице. И вы думаете, он прислал хотя бы цент для собственных детей? Держи карман шире!

— Как много, по вашим подсчетам, он вам задолжал?

— Да порядочно.

Уилли поднялся.

— Знаете, после того как я получу с вашего мужа банковский долг, надеюсь, сумею вытрясти из него кое-что и для вас.

Миссис Джуддикер, с изумлением глядя на Уилли, спросила:

— Вы это серьезно, мистер?

— Вполне.— Уилли достал бумажник, вытащил из него двадцать долларов и протянул ей.— Вот, держите аванс. И не волнуйтесь, Эд как миленький вернет мне деньги.— Миссис Джуддикер с недоверием взяла купюру, а Уилли, покопавшись во внутреннем кармане плаща, сунул ей в руку еще и пару дешевых ножниц.— Это — «Мистер Ножницы». Отныне он станет вашим лучшим другом.

Миссис Джуддикер уставилась на Уилли как на сумасшедшего.

— Непременно познакомьте «Мистера Ножницы» со следующей кредитной карточкой, которая придет к вам по почте,— посоветовал Уилли.— И тогда иметь дело с типом вроде меня вам впредь не придется.

Уилли открыл дверь, но миссис Джуддикер остановила его, схватив за руку.

— Вы даже не сказали, как вас зовут...

— Уилли.

— А я — Бетси.— Она коснулась его щеки губами и тут же отступила на шаг.— И вовсе ты, Уилли, не «тип».

Женщина закрыла дверь, а Уилли зашагал прочь. Впервые после смерти Джоан тяжелый камень на его душе стал немного полегче. Уилли сел в свой «кадиллак», припаркованный у обочины, завел двигатель и, взглянув в зеркало, заметил вперившийся в него взгляд.

Иногда после половодья на берегу реки остаются лужицы с неподвижной, застойной водой, глядя в которые обычно гадаешь, не пути ли это в бездну земную, и если да, то кто обитает там, в глубинах. Так вот, именно такого белесо-голубого цвета были глаза у человека, забравшегося на заднее сиденье. Кроме того, он обладал впалыми щеками и жиденькими выцветшими волосами до плеч.

Уилли резко обернулся.

— Ты что, черт побери, здесь делаешь, Стивен? Не нашел лучшего места подремать?! Да будет тебе известно, эта машина — одна из немногих вещей в городе, которые не принадлежат Хармонам.

— С тобой желает поговорить Джонатан,— проговорил Стивен таким же безжизненным голосом, каким выглядело его лицо.

— А ему не пришло в голову, что я вовсе не намерен с ним разговаривать?

— С тобой желает поговорить Джонатан,— повторил Стивен, будто имел дело с глухим, и, подавшись вперед, со свирепой, нечеловеческой силой стиснул плечо Уилли.— Поезжай, да поскорее.

И Уилли поехал.

— К сожалению, шеф сегодня занят под завязку,— заявила секретарша в полицейской форме.— Если хотите, я запишу вас на прием в четверг.

— Мистер Эркухарт нужен мне сейчас, а не в четверг.

Рэнди терпеть не могла полицейских участков, потому что в них всегда полным-полно полицейских, а все полицейские, по ее мнению, делились на три категории: те, кто видит в ней только привлекательную женщину, с которой не грех и позаигрывать; те, кто знает ее как частного детектива и недолюбливает за это; и, наконец, третьи, полицейские постарше, считающие ее маленькой дочкой своего погибшего коллеги и всем сердцем сочувствующие ей. Полицейские первого и второго типа раздражали Рэнди, а третьего — приводили в ярость.

Секретарша, недовольно наморщив носик, твердо заявила:

— Как я уже объяснила, сегодня он вас не примет.

— Хотя бы доложите ему, что я пришла,— попросила Рэнди.

— Он занят и не велел его беспокоить.

— Раз вы не желаете сообщить мистеру Эркухарту о моем визите, то я сделаю это за вас.

Рэнди стремительно обогнула стол секретарши.

— Вам не полагается здесь находиться! — закричала та, но Рэнди рывком распахнула дверь и быстро вошла в кабинет начальника городской полиции.

За необъятным письменным столом сидели двое: сам Джозеф Эркухарт и коронер. Оба вскинулись на стук двери.

Высокому плечистому Эркухарту недавно перевалило за шестьдесят; его волосы хотя и заметно поредели, но не утратили своего огненно-рыжего цвета, брови же давно стали седыми.

— Какого черта?..— начал он.

— Извините, но секретарша препятствовала нашей встрече,— нахально сказала Рэнди.

— Юная леди, да будет тебе известно, что здесь не детский сад, а кабинет начальника полиции, и никому не позволено столь бесцеремонно в него вторгаться,— прогремел Эркухарт, поднимаясь из-за стола.— Хотя я готов простить тебя, если ты, конечно, немедленно подойдешь и крепко обнимешь своего дядюшку Джо.

Рэнди, улыбаясь, прошла по шкуре огромного медведя, расстеленной вместо ковра, обняла Эркухарта и прижалась щекой к его груди. Наконец Рэнди отстранилась и произнесла:

— Мне тебя не хватало, дядюшка Джо.

— Конечно не хватало,— ворчливо проговорил тот.— Оттого, наверное, мы с тобой и видимся так часто?

Джозеф многие годы был напарником и другом отца Рэнди, так что Эркухарты стали для нее почти дядюшкой и тетушкой. Их старшая дочь нянчилась с Рэнди, когда та была крошкой, а Рэнди, в свою очередь, помогала растить их младшую дочь. После гибели Фрэнка семьи Уэйдов и Эркухартов постепенно отдалились, так что последнее время Рэнди виделась со стариком лишь дважды в году и испытывала по этому поводу угрызения совести.

— Извини,— промолвила Рэнди.— Знаю, мне следовало бы почаще навещать тебя и тетушку Люси, но, понимаешь, все как-то...

— Тебе постоянно не хватает времени,— закончил за нее Джо.

Сильвия Куни, служившая в должности коронера столько, сколько ее помнила Рэнди, кашлянув, спросила:

— Может, мне оставить вас наедине?

— Нет, подождите, пожалуйста,— задержала ее Рэнди.— Я как раз собиралась расспросить вас о смерти Джоан Соренсон. Результаты вскрытия уже известны?

Куни метнула взгляд на начальника полиции, а затем вновь остановила его на Рэнди.

— Ничего не могу сказать вам по этому поводу,— отрезала она и решительно покинула кабинет.

— Результаты вскрытия не будут предаваться огласке,— пояснил Джо Эркухарт и, обойдя стол, указал рукой на кресло.— Да ты присаживайся.

Рэнди, сев, оглядела кабинет. На стене висели дипломы, свидетельства и фотографии в рамках, на многих из которых вместе с молодым еще Джо был запечатлен и столь же молодой отец Рэнди; высоко, под самым потолком висела голова американского лося; на соседней стене располагались другие охотничьи трофеи.

— Все еще ходишь на охоту? — спросила Рэнди.

— Давненько не хаживал,— признался Джозеф.— Все дела, понимаешь, дела. А твой отец всегда подшучивал над мо-

ей страстью. Говорил, что если я убью какого мерзавца по службе, то закажу из него чучело. Однажды мне действительно пришлось застрелить преступника, и шутка сразу перестала быть смешной.— Он нахмурился.— А почему тебя так интересуют обстоятельства смерти Джоан Соренсон?

— Чисто профессиональный интерес,— пояснила Рэнди.

— Вроде бы раскрытие убийств — не по твоей части?

Рэнди пожала плечами.

— Чем мне заниматься, решает клиент.

— Ты понапрасну растрачиваешь жизнь, копаясь в грязном белье мотелей,— изрек Джозеф.— Тебе еще не поздно поступить в полицию.

— Нет, я останусь частным детективом.— В разъяснения своей жизненной позиции Рэнди вдаваться не стала, поскольку знала тщетность подобных попыток.— Послушай, я потратила целое утро, чтобы заглянуть в дело об убийстве Соренсон, но его, похоже, никто в глаза не видел. Затем я расспрашивала полицейских, ведущих расследование, но они все как в рот воды набрали. В довершение всего выясняется, что результаты вскрытия хранятся в строжайшем секрете. Джозеф, объясни, пожалуйста, что происходит.

Тот повернул голову направо и, рассеянно разглядывая дождевые капли на оконном стекле, произнес:

— Дело крайне щепетильное и потому огласке не подлежит. Не хватало, чтобы газетчики подняли по этому поводу вой до небес.

— Но я-то не газетчик,— напомнила Рэнди.

Эркухарт, резко повернув голову, посмотрел ей в глаза.

— Но ты и не полицейский. Так уж ты решила, Рэнди. Послушайся моего совета — не ввязывайся в это дело.

— Я в него уже ввязалась, нравится тебе это или нет,— заявила Рэнди и снова перешла в атаку: — Как погибла Джоан Соренсон? На нее напало животное?

— Нет, вовсе не животное.— Эркухарт тяжело вздохнул.— Я знаю, девочка, как тяжело ты переживаешь смерть отца, но и для меня это тоже не прошло бесследно. Понимаешь? Он позвонил мне, просил его прикрыть, а я не подоспел вовремя. Думаешь, я когда-нибудь прощу себе это? — Он покачал головой.— Не терзай себя понапрасну, Рэнди, не давай волю воображению.

— То, о чем я спрашиваю, вовсе не плоды девичьих фантазий.

— Считай, как знаешь.— Джо взял со стола стопку папок с уголовными делами, выдвинул ящик и не глядя сунул их вглубь. Рэнди успела прочитать фамилию на верхнем деле. Поднявшись, Джо сказал: — Извини, я занят. Если ты не против...

— Ты перечитываешь дело Хелендера? — поспешно спросила Рэнди.— Считаешь, что он как-то связан с убийством Соренсон?

Эркухарт, резко сев, выругался:

— Черт!

— Может, скажешь, что фамилия на папке — тоже плод моего не в меру буйного воображения?

— Есть предположение, что мальчишка Хелендер вернулся в город,— с явной неохотой признал Эркухарт.

— Мальчишкой его вряд ли уже назовешь,— заметила Рэнди.— Ведь Рой Хелендер старше меня на три года. Он разыскивается в связи с убийством Соренсон?

— Из психбольницы штата его выпустили три месяца назад, как полностью излечившегося.— Эркухарт нахмурился.— Возможно, убийство Соренсон — его рук дело, а возможно, нет. В любом случае это только версия, которую мы отрабатываем, а всего таких версий наберется с добрую дюжину.

— Где Рой Хелендер сейчас?

— Знал бы — не сказал! И твой отец на моем месте поступил бы точно так же.

— Мой отец мертв.— Рэнди поднялась из кресла.— И я давно уже не маленькая девочка.

Уилли остановил машину в тупике, которым заканчивалась Тринадцатая улица. На утесе за рекой возвышалось обнесенное неприступной кованой изгородью родовое поместье Хармонов. Тем, кто желал добраться туда на машине, при-

шлось бы, выехав из города, оставить позади фермы Гранда и Хитона, затем, развернувшись почти на сто восемьдесят градусов, спуститься с холма и прокатиться по площадке у основания утеса, где вдоль реки стоят облезлые многоквартирные дома. Да, дорога на автомобиле из центра города в родовое гнездо Хармонов отняла бы много времени и сил, и потому неудивительно, что владелец «Курьера», богач Дуглас Хармон, выстроил личную канатную дорогу, которая напрямую соединила порог его дома с тупиком на Тринадцатой улице.

Уилли вышел из «кадиллака» и, сунув руки в карманы мешковатого плаща, посмотрел вверх, на крутой, каменистый, а сейчас еще и мокрый утес. Стивен грубо схватил Уилли за локоть и подтолкнул к кабине канатной дороги. Уилли послушно залез в кабину и занял место на деревянной, давно не крашенной, как сама кабина, скамейке. Стивен, усевшись рядом, потянул за сигнальную веревку. Наверху что-то противно заскрипело, и кабина, дернувшись, пошла вверх.

Вторая кабина, скользившая вниз, поравнялась с первой как раз посередине пути, и Уилли, заметив ржавчину на ее дверцах, подумал, что даже здесь, совсем рядом с «Черным камнем», все приходит в упадок.

У вершины утеса кабина прошла через дыру в проволочной изгороди, и глазам Уилли открылся Новый дом — безвкусная, но пышно разукрашенная постройка в викторианском стиле с остроконечной крышей, башенками и колоннами. Семейство Хармонов перебралось в этот дом уже почти столетие назад, но он так и остался для них Новым. Позади него виднелся густой неухоженный лес, прорезанный петляющим шоссе. К востоку, на фоне темно-алого неба Уилли заметил башню — часть Старого дома. Дом этот, сложенный из темного, словно покрытого копотью камня, и дал название всему поместью — «Черный камень». Поговаривали, что в Старом доме обитают привидения, в чем сам Уилли не сомневался: один вид зловещего дома вызывал у него озноб.

Кабина задрожала и остановилась, Уилли со Стивеном вышли на деревянную площадку, выкрашенную когда-то белой краской. С площадки в Новый дом вели широкие створчатые

двери. Перед ними стоял высокий худой Джонатан Хармон. Уилли знал, что этому человеку было не более шестидесяти, но длинные белые как снег волосы и искореженные артритом суставы делали его дряхлым стариком.

— Привет, Уилли,— сказал Джонатан.— Рад, что ты навестил меня.

— Да вот, был тут по соседству, как, думаю, не зайти,— напустив на себя вид идиота, зачастил Уилли.— Только вот, понимаешь, я вроде бы оставил дома открытыми окна: боюсь, если вдруг пойдет дождь, то у меня все шторы вымокнут. Сбегаю-ка я домой, затворю ставни и по-быстрому вернусь.

— Нет,— твердо заявил Джонатан.— Пока ты останешься здесь.

Чувствуя, что грудь сдавливает стальной обруч, Уилли поспешно достал из кармана ингалятор, сделал два глубоких вдоха, после чего произнес:

— Ладно, считай, что уболтал меня. Но тогда уж ставь выпивку, а то после диетического пива вкус во рту омерзительный.

— Стивен, будь добр, принеси нашему другу Уилли бокал бренди. Да и мне еще один прихвати, а то что-то кости ломит.

Стивен молча удалился, Уилли было двинулся следом, но его остановило мягкое прикосновение Джонатана.

— Секундочку.— Старик махнул рукой.— Посмотри.

Приступ страха почти оставил Уилли. Если бы Джонатан хотел его смерти, то Стивен без труда выполнил бы его волю. Нет, пройдоха Хелендер явно намерен заключить с ним сделку. Вопрос только в том, какую.

Уилли повернулся. Ветер, отогнав облака к северу, очистил бархатистое, цвета темного кобальта небо, на котором засияла молодая луна. Уилли, проследив за взглядом старика, обратил взор на восток, за реку, где множество уличных огней высвечивало из мрака город.

— Когда закладывался Старый дом, никаких огней здесь и в помине не было,— глубокомысленно заметил Джонатан Хармон.— Лишь река да дикий лес. Тогда наверняка казалось, что этот мрак вечен. Вода, воздух в те дни были чистыми, в

лесах в изобилии водились олени, бобры, медведи... А людей поблизости не было... Во всяком случае, белых людей. Мой предок, Джон Хармон, записывал в дневнике, что время от времени видит вдалеке костры индейцев, но после основания Старого дома индейцы стали сторониться этих мест.

— А индейцы-то, оказывается, были не такими безмозглыми, какими их показывают в вестернах,— заметил Уилли.

Джонатан, взглянув на него, скривил рот.

— Мы построили этот город почти из ничего,— продолжил он.— Кровь и железо дали ему жизнь, кровь и железо вскормили его жителей. Старые семейства знали силу крови и железа, знали, как сделать свой город великим. Рочмонды в литейных цехах, на кузницах и прокатных станах плавили железо и придавали ему форму; семейство Андерсов перевозило металлические изделия по реке и по железной дороге, а твои предки искали железную руду и добывали ее из-под земли. Ты происходишь из железного племени, Уильям Фламбо, мы же, Хармоны, из кровавого. Мы владеем скотными дворами и скотобойнями, и даже задолго до основания города наш Старый дом был центром торговли шкурами. Каждый сезон сюда приходили охотники и трапперы и продавали моим предкам меха и шкуры, которые потом отправлялись вниз по реке. Вначале — на плотах, а затем — на баржах. Паровые суда им на смену пришли позже, много позже.

— А нельзя ли оставить экскурс в прошлое до более подходящего случая и сразу приступить к делу? — поинтересовался Уилли.

— Позади у нас — долгий путь,— будто не расслышав, продолжал Джонатан.— И негоже забывать, с чего мы его начали. А началось все с черного железа и красной-красной крови. Не забывай об этом, Уильям, как, впрочем, не забывай и о том, что дед твой был истинным Фламбо.

Уилли уловил в словах Джонатана оскорбление.

— А мать моя была полькой,— с жаром сказал он.— И поэтому я — полукровка: лишь наполовину человек, а наполовину лягушка. Но плевать мне на это. Как плевать и на то, что моему прадеду принадлежала половина штата, но шахты

к концу столетия иссякли, а Депрессия окончательно разорила наше семейство. Меня не волнует даже, что отец мой был горьким пропойцей, а сам я стал всего лишь собирателем чужих долгов.— Внезапно почувствовав себя опустошенным, Уилли проговорил уже совсем тихо: — Так твой сыночек Стивен похитил меня лишь для того, чтобы тебе было не так одиноко чесать языком о войнах с французами и индейцами?

— Пойдем внутрь,— ровно, хотя уже без намека на теплоту проговорил Джонатан и, тяжело опираясь на трость, медленно двинулся к двери.— Здесь сыро, да и ветер холодный, вот у меня и разболелись старые раны.— Джонатан остановился и, повернув голову, посмотрел на Уилли.— При последней нашей беседе ты, не дослушав меня, грубо швырнул трубку. Согласен, мы с тобой очень разные, но элементарная вежливость и уважение к моему положению и возрасту должны бы были...

— У меня давно барахлит телефон,— бросил Уилли.

С этими словами они вошли в крошечную гостиную. У зажженного камина, согнувшись, примостился Стивен. Его длинное, тощее тело походило сейчас на не полностью сложенный перочинный нож. Стивен посмотрел на Уилли долгим непонимающим взглядом, припоминая, видимо, кто перед ним, а затем вновь уставился на огонь.

Уилли оглядел обставленную старинной, изрядно поношенной мебелью гостиную, выбрал самое удобное кресло и уселся в него. На столике перед ним стояли два низких широких стакана, до половины наполненные темно-янтарным бренди. Уилли взял ближайший стакан и, осушив его одним глотком, откинулся на спинку кресла. Джонатан с явным трудом опустился на край низенькой кушетки и положил обе руки на набалдашник трости. Уилли с удивлением воззрился на трость. Джонатан заметил это и, переместив руки так, чтобы полностью стала видна рукоятка, прокомментировал:

— Голова волка. Золото.

Пасть насаженного на трость зверя застыла в зловещем оскале. Глаза, отражая пламя камина, горели красным огнем.

— А глаза — из гранатов? — предположил Уилли.

Джонатан улыбнулся так, будто имел дело с умственно отсталым ребенком, и внес поправку:

— Рубины.

— Глупец,— поморщился Уилли.— Подонки в городе прикончат тебя, если увидят эту палку.

Джонатан улыбнулся одними губами.

— В гроб меня сведет не золото, Уильям.— Он посмотрел на луну за окном.— Славная луна для охоты.— Старик перевел взгляд на Уилли.— Прошлой ночью ты оскорбил меня. Будь добр, объясни, почему ты обвинил меня в смерти девчонки-калеки?

— Сам не знаю,— признался слегка захмелевший Уилли.— Возможно, потому что ты не вспомнил ее имени. А возможно, потому что ты возненавидел Джоан, едва услышав о ее существовании. Я уже не говорю о том, как к ней относился Стивен.

— И не говори,— ледяным тоном посоветовал Джонатан.— И без того ты наболтал более чем достаточно. Посмотри на меня, Уильям. Скажи, что ты видишь.

— Тебя,— обронил Уилли, который сейчас не был расположен к словесным баталиям.

— Ты видишь перед собой старика,— поправил Джонатан.— Мой артрит усиливается год от года, и теперь нередки дни, когда тело мое болит так, что я едва могу двигаться. Род мой истощился, остались только я да Стивен, и, буду с тобой откровенным, его вряд ли назовешь потомком, оправдавшим чаяния своего отца.— Голос Джонатана звучал громко, четко, но Стивен даже на мгновение не оторвал глаз от пляшущих языков пламени.— Да, действительно, девчонка-калека никогда не вызывала у меня восторга, как, впрочем, не вызываешь восторга и ты,— продолжал между тем Джонатан.— Но при всей моей неприязни к твоей подруге, этой Джоан Соренсон, мне не знаком вкус ее крови. Видишь ли, мы живем во времена всеобщего упадка, в проклятые времена, когда позабыта старая правда о крови и железе, а я устал, Уильям, чертовски устал, и все, чего я теперь хочу,— это прожить свои последние годы в покое и согласии с самим собой.

Уилли, решительно поднявшись, сказал:

— Избавь меня, пожалуйста, от старческих излияний. Да, мне прекрасно известно о твоем артрите и о твоих боевых ранах. Кроме того, мне известно, кто ты и на что способен. Допустим, не ты убил Джоан. Тогда кто же? — Уилли ткнул пальцем в сторону Стивена.— Может, он?

— В ночь убийства Стивен был со мной,— заверил Джонатан.

— Может, и был, а может, и не был.— Уилли пожал плечами.— Откуда мне знать?

— Не обольщайся, Фламбо, не настолько ты важная птица, чтобы я лгал тебе. И кроме того, вспомни, что мой сын тоже своего рода калека. Что же ты думаешь, Стивен способен был убить такую же несчастную, как и он сам?

Уилли с сомнением оглядел парня.

— Помню, однажды, когда я был еще ребенком, мой отец приехал к тебе, а меня прихватил с собой. Ведь мне тогда безумно нравилось кататься по твоей канатной дороге. Вы с отцом зашли в дом, а я остался играть снаружи. В лесу неподалеку я нашел Стивена. Он забавлялся с какой-то бездомной собачонкой. И знаешь, что придумал Стивен? Он прижал ее ногой к земле и отрывал одну лапу за другой так же спокойно, как нормальный ребенок — лепестки у ромашки. Когда я все это обнаружил, он уже приступил к третьей лапе: все лицо его было в крови. Кстати, тогда Стивену было лишь немногим больше восьми лет.

Джонатан Хармон, тяжело вздохнув, произнес:

— Согласен, с моим сыном... не все благополучно. Но он лечился, да и сейчас постоянно принимает препараты. К тому же со времени его последней дурацкой выходки прошли годы. Ведь так, Стивен?

Стивен Хармон повернул голову, с минуту не мигая изучал Уилли и наконец выдавил:

— Да.

Джонатан удовлетворенно кивнул, будто этот ответ сына что-то доказывал.

— Как видишь, Уилли,— заключил он,— ты был несправедлив в отношении нашей семьи. То, что ты счел угрозой,

было лишь словами оправдания. Теперь, к счастью, недоразумение разрешилось, и я предлагаю тебе провести ночь у нас в гостевой комнате.

— Ты, наверное, предлагал свое гостеприимство и Зоуи с Эми? — предположил Уилли, памятуя, что Джонатан давно и безуспешно пытался женить своего отпрыска на одной из сестер Андерс.

Лицо Джонатана вспыхнуло, но он, быстро овладев собой, почти спокойно заметил:

— Андерсы, к сожалению, пренебрегли моим предложением, но ты, надеюсь, поступишь более благоразумно. Ведь в «Черном камне» безопасно, а вне защиты его стен я тебе ничего не могу гарантировать.

— В «Черном камне» безопасно? — переспросил Уилли.— А какую опасность ты имеешь в виду?

— Ничего определенного, но сдается мне, что там, во тьме ночи, кто-то охотится на охотников.

— «Там, во тьме ночи, кто-то охотится на охотников...» — нараспев произнес Уилли.— Может, положим эти слова на музыку? Получится сносный танцевальный шлягер.— Он поднялся и направился к двери.— Спасибо за радушный прием и за предложение переночевать здесь, но я, пожалуй, попытаю свою судьбу, покинув безопасные стены «Черного камня».

Джонатан, тяжело опираясь на трость, поднялся и быстро спросил:

— А хочешь знать, как в действительности умерла твоя девчонка?

Уилли, остановившись, вгляделся в глаза старика, а затем сел на прежнее место.

Южный район города располагался на клочке земли между рекой и старым каналом, русло которого пролегало вдоль скотобойни. Канал давно заполнили водоросли и нечистоты, и смрад от него доносился за многие кварталы. Улицы здесь были застроены дощатыми одноэтажными хижинами, которые и домами-то назвать не поворачивался язык. Последний раз Рэнди была в этих местах, еще когда работала скотобойня.

С тех пор Южный район сильно изменился. На двери каждой третьей хижины висела табличка «Продается или сдается внаем», добрая половина домов по вечерам глядела на улицу черными окнами, а возле почтовых ящиков трава вымахала выше пояса.

Рэнди, конечно, не помнила номера дома, но зрительная память подсказывала, что строение расположено по левую сторону дороги: если ехать от центра города, сразу же за котельной.

Шофер такси кружил по району, наверное, с полчаса, но все же доставил Рэнди на место. Оказалось, что котельная давно бездействует, о чем свидетельствовали доски, крест-накрест прибитые к двери, зато искомый дом оказался на прежнем месте, и выглядел он почти так же, как ожидала Рэнди. На двери висела табличка «Сдается внаем», но за окнами угадывались световые блики. Была ли то свеча или фонарик, Рэнди определить не успела, поскольку, как только такси остановилось, свет немедленно погас.

Таксист предложил подождать ее.

— Спасибо, не стоит,— отказалась она.— Я не имею ни малейшего представления, как скоро отправлюсь обратно.

Таксист развернул машину и укатил. Рэнди, немного постояв, прошла к дому и поднялась на низенькое крылечко. Она решила не стучать, но едва успела протянуть ладонь к ручке, как дверь распахнулась.

— Могу ли я вам помочь, мисс? — спросил здоровяк, стоявший на пороге.

Лица его Рэнди не узнала, но это был явно не Хелендер. Того она помнила как коротышку со светлыми, вечно грязными, жидкими волосами, этот же мог похвастаться густой шевелюрой цвета воронова крыла. К тому же тяжелая квадратная челюсть, сильные руки с короткими пальцами да и вся манера держаться выдавали в нем полицейского.

— Я хотела бы переговорить с жильцами этого дома.

— Семья, которая здесь жила, уехала, как только закрылась скотобойня. Может, зайдете? — Здоровяк отворил дверь пошире, и Рэнди заметила, что в доме нет мебели, пол по-

крыт толстым слоем пыли, а у двери в кухню стоит негр с характерным брюшком любителя пива — несомненно, партнер здоровяка.

— Нет,— отказалась Рэнди.

— Я настаиваю.— Здоровяк, отогнув лацкан пиджака, продемонстрировал Рэнди золотой значок.

— Вы арестовываете меня? — спросила она.

— Нет, конечно нет, мисс. Мы лишь зададим вам несколько вопросов.— Здоровяк старался говорить дружелюбно.— Моя фамилия — Рогофф.

— И вы здесь ловите убийцу?

Глаза Рогоффа подозрительно сузились.

— Откуда, черт возьми, вам известно?..

— Что вы возглавляете группу по расследованию убийства Джоан Соренсон? Об этом мне сообщили сегодня в полицейском участке,— пояснила Рэнди.— Похоже, что с рабочими версиями у вас небогато, раз вы торчите здесь и караулите Роя Хелендера.

— Мы ненадолго заглянули, хотели проверить, не появлялся ли он в родных пенатах, но, судя по всему, ностальгия его не одолевала.— Рогофф нахмурился.— Можно узнать, как вас зовут?

— Я — Рэнди Уэйд.— Она предъявила свою лицензию.

— А-а, так вы — частный детектив,— произнес Рогофф подчеркнуто нейтральным тоном.— Сюда вас привела работа?

Рэнди кивнула.

— Интересно,— заметил Рогофф.— Кто же ваш клиент?

— Этого я вам сказать не могу.

— Тогда вам грозит потеря лицензии.

— На каком основании?

— Вы препятствуете работе полиции, скрывая от следствия важные улики.

— По закону я имею право не называть имени своего клиента.

Рогофф покачал головой.

— Частные детективы не обладают такой привилегией. Во всяком случае, в нашем штате.

— Зато обладают адвокаты, а у меня — адвокатская степень, так что лучше оставьте моего клиента в покое.— Рэнди одарила Рогоффа снисходительной улыбкой.— А лично мне кое-что известно о Рое Хелендере, и я готова поделиться с вами этой информацией.

— Публика у ваших ног, мисс. Я весь внимание.

Рэнди покачала головой.

— Не сейчас и не здесь. Вы знаете кафе-автомат на углу Курьерской площади? — Рогофф кивнул, и Рэнди предложила: — Встретимся там в восемь вечера. Только приходите один да прихватите с собой копию доклада коронера по поводу гибели Джоан Соренсон.

— Девушки обычно предпочитают получать в подарок цветы и конфеты,— заметил Рогофф.

— Мне нужен рапорт коронера,— произнесла Рэнди твердо.— Полицейский архив по-прежнему находится в подвале здания суда?

— Именно.

— Если вы заглянете туда по дороге в кафе, то, слегка покопавшись в старых делах, обнаружите следующее: восемнадцать лет назад стали пропадать дети; одной из пропавших была сестра Роя, а кроме того — Стански, Джонс и еще кто-то, не помню уже их фамилий. Возглавлял расследование этого дела Фрэнк Уэйд — полицейский с золотым значком, как у вас; в ходе следствия Фрэнк погиб.

— Считаете, что пропажа детей, смерть Фрэнка Уэйда и убийство Джоан Соренсон как-то связаны между собой?

— Полицейский вы, вам и решать,— заметила Рэнди и, повернувшись, зашагала прочь от заброшенного дома, а Рогофф, оставшись стоять у раскрытой двери, еще долго молча глядел ей вслед.

От «Черного камня» по канатной дороге Уилли спускался один. Мрачные мысли угнетали его. Кроме того, сильное волнение способно было вызвать у него физическое недомогание. Вот и сейчас, после встречи со злополучным Джонатаном Хармоном у Уилли болели все суставы, а из носа текло.

Но болезнь все же лучше, чем смерть. А ведь обнаружив в своей машине Стивена, Уилли готов был распрощаться с жизнью... Слава богу, на этот раз обошлось.

Уилли уже вел свой «кадиллак» по направлению к дому, как вдруг увидел призывно горящие неоновые огни и, недолго думая, припарковался у тротуара. Как бы ни были зловещи смутные намеки Хармона, а он, Уилли, пока жив, и ему надо зарабатывать себе на хлеб. Он закрыл «кадиллак» и вошел в бар.

Был вечер вторника, а «Чистюля» слыл баром для работяг, и потому сейчас здесь было немноголюдно. Уилли прошел к стойке, сел на высокий табурет и заказал порцию виски. Когда бармен — уже начавший лысеть тощий парень с каким-то деревянным лицом — принес выпивку, Уилли спросил у него:

— Эд сегодня работает?

— Нет, он работает только по выходным, хотя наведывается сюда и в будни, чтобы покатать бильярдные шары.

— Я его подожду.

От виски у Уилли заслезились глаза, и он заказал стакан пива, выпив которое отправился в кабинку телефона-автомата, что располагалась у дальней стены. Вместо Рэнди ему ответил автоответчик. Эти устройства Уилли ненавидел всей душой. Еще бы, ведь они превращали жизнь сборщика долгов в сущий ад. Дождавшись сигнала, Уилли продиктовал сообщение и повесил трубку.

Выйдя из кабинки, Уилли обнаружил у бильярдного стола двух новых посетителей — верзилу, похожего на Моби Дика, и второго, чуть пониже и чуть пouже в плечах, но с лицом явного любителя подраться. Уилли вопросительно посмотрел на бармена, и тот кивнул.

— Кто из вас — Эд Джуддикер? — спросил Уилли, приблизившись к бильярдистам.

— Я,— ответил не «Моби Дик», а тот, что немного поменьше.— А чего надо?

— Поговорим о деньгах, которые вы задолжали? — Уилли показал свою визитную карточку.

Эд, взглянув на карточку, рассмеялся, а затем, повернувшись к столу, велел «Моби Дику»:

— Разбивай.

Тот разбил, затем по шару ударил Эд, и игра пошла.

Уилли вновь сел на табурет перед стойкой и заказал еще стакан пива. Все происходило именно так, как и должно происходить, когда имеешь дело с тупыми громилами вроде Эда. Однако Уилли не сомневался, что по своим долгам парень расплатится сполна. Ведь рано или поздно он выйдет из бара, и тогда уже свой ход сделает Уилли.

На звонки Уилли не отвечал, а автоответчика у него, конечно же, не было. После девятого длинного гудка Рэнди повесила трубку и нахмурилась. Она понимала, что волноваться пока не стоит. Ведь Уилли сам не раз говорил ей, что «Гончим ада» иной раз приходится вкалывать и по двадцать четыре часа в сутки. Скорее всего, сейчас он выслеживает очередного должника. Рэнди позвонит ему снова, как только сама вернется домой.

В кафе-автомате было пустынно, и когда она возвращалась из телефонной кабинки к своему столику, стук ее каблучков по изрядно потертому линолеуму рассыпался барабанной дробью. Кофе в чашке совсем остыл. Рэнди посмотрела в окно. Электронные часы на здании Национального банка показывали 08.13. Рэнди решила перезвонить Уилли минут через десять.

Стены кафе были обиты красным винилом, уже изрядно потрескавшимся, но Рэнди, попивая мелкими глотками холодный кофе и глядя на железный шпиль «Курьера», что виднелся на противоположной стороне площади, чувствовала себя здесь на удивление комфортно. Все дело в том, что когда она была маленькой девочкой, то считала кафе-автомат чем-то вроде шикарного ресторана. Каждый год в свой день рождения она просила отца сводить ее в «Замок», а затем накормить обедом в этом кафе, и каждый год отец, посмеиваясь над ее прихотью, неизменно соглашался. Помнится, Рэнди нравилось, скормив несколько монеток сверкающему мед-

ному автомату, наполнить чашки ароматным черным кофе. Самих работников кафе девочке видеть ни разу не доводилось, но зато иногда за стеклянными окошками показывались руки, которые укладывали на блюдечки сандвичи и куски пирога. Эти руки, действующие автономно и не связанные с их владельцами, переносили Рэнди в старые фильмы ужасов. Стоило им появиться, у нее неизменно пробегал по спине холодок, но именно благодаря этому сладкому ужасу ежегодные визиты в кафе-автомат были для нее столь восхитительными и запоминающимися.

Прошли годы, кафе порядком изменилось — посетителей стало совсем немного, но пол почему-то стал гораздо грязнее. В автоматы теперь приходилось кидать не десятицентовики, а монеты в четверть доллара, но зато здесь по-прежнему можно было получить кусок торта с банановым кремом, лучше которого Рэнди нигде не едала, и чашку кофе из старой медной кофеварки, какого при всем старании дома не сваришь.

Рэнди решила было взять еще чашечку, но тут дверь распахнулась и вошел Рогофф. И его волосы, и тяжелое шерстяное пальто были мокры от дождя. Пока он двигался к ее столику, Рэнди взглянула на часы. Они показывали 08.17.

— Вы опаздываете,— укорила она полицейского.

— Извините, зачитался. Пойду возьму чего-нибудь перекусить.

Рэнди наблюдала, как Рогофф меняет в автомате бумажные доллары на монеты, и решила, что выглядит он неплохо. По крайней мере, с точки зрения того, кто не испытывает неприязни к людям с внешностью и образом мыслей типичного полицейского.

Вернулся Рогофф, поставил на стол чашку, тарелку с морковным салатом, сандвич с горячей говядиной, блюдечко с куском яблочного пирога и сел напротив Рэнди.

— Пирог с банановым кремом здесь лучше,— поделилась она.

— А я больше люблю яблочный,— веско заявил он, расстилая на коленях бумажную салфетку.

— Доклад коронера при вас?

— Да, в кармане.— Рогофф откусил крошечный кусочек сандвича, тщательно прожевал его и добавил: — Мне жаль, что ваш отец погиб.

— Мне тоже, хотя это и было давно. Вы покажете мне доклад?

— Возможно. Расскажите мне о Рое Хелендере что-нибудь, чего я еще не знаю.

Рэнди с отрешенным видом откинулась на спинку стула.

— Мы с ним ходили в одну школу. Он, правда, был старше, но несколько раз оставался на второй год и в конце концов попал в наш класс. Он — трудный ребенок из неблагополучной семьи, я — дочь полицейского, так что мы с ним никогда не были в приятельских отношениях... Во всяком случае, до пропажи его сестры.

— Он исчез вместе с ней,— заметил Рогофф.

— Да, исчез. Ему было пятнадцать, а ей — восемь. Оказалось, что они, сбежав из дома, отправились по железнодорожному полотну в другой город. Они ушли вместе, а домой Рой вернулся один. Руки его и одежда были в крови. В крови его сестры.

Рогофф, кивнув, добавил:

— Следы запекшейся крови обнаружили также на железнодорожной насыпи. Но все это есть в уголовном деле.

— Чуть раньше исчезли один за другим трое детей, так что Джесси Хелендер стала четвертой. Люди всегда считали, что Рой не совсем в своем уме. Оно и понятно, ведь он был замкнут, неразговорчив, часто вместо школы забредал в какое-то только ему известное место в лесу. Играл он обычно не со сверстниками, а с детьми младше себя. После исчезновения его сестры никто и на секунду не усомнился, что изнасиловал и убил ее именно он. Медики бегло обследовали мальчишку и упекли его в психушку; дело закрыли, а город вздохнул с облегчением.

— Если у вас все, то доклад коронера останется в моем кармане,— изрек Рогофф.

— Рой клялся, что никого не убивал. Он кричал и плакал, и концы с концами в его рассказе не сходились, но он упорно

стоял на своем. Из его слов выходило, что он шел футах в десяти позади сестры, балансируя на рельсе и прислушиваясь, не приближается ли сзади поезд. Вдруг, словно из-под земли, вырос монстр и набросился на Джесси.

— Монстр? — с недоверием переспросил Рогофф.

— Нечто вроде огромной косматой собаки. По описанию Роя выходило, что существо было похоже на волка.

— В нашем штате волков не видели уже почти столетие.

— Рой рассказывал, что чудовище стало рвать его сестру на части, а та кричала словно безумная. Он схватил сестру за ногу и попытался вытащить из пасти чудовища, что, кстати, объясняет, почему его руки и одежда оказались перепачканы в ее крови. Чудовище посмотрело на него и зарычало. Под этим взглядом Рой разжал руки. Да скорее всего, сестра его к тому времени была уже мертва. Чудище еще раз грозно рыкнуло на Роя и убежало, унося в зубах тело девочки.— Рэнди отхлебнула кофе из чашки.— Такова версия Роя. Он повторял свой рассказ снова и снова — своей матери, полицейским, психологам, судье, каждому,— но ему никто не верил.

— И даже вы?

— Поначалу даже я. Все дети в нашей школе перешептывались, гадая, что сделал Рой со своей сестрой, а также с тремя пропавшими ранее детьми. Мы, конечно, ничего не знали наверняка, но были уверены, что он поступил с ними ужасно. Единственным человеком, который не считал Роя убийцей, оставался мой отец.

— А почему он не считал Роя убийцей?

Рэнди пожала плечами.

— Интуиция. Отец всегда говорил, что для полицейского — это первое дело. Отец поверил Рою, но уверенность эту невозможно было приобщить к делу в качестве вещественного доказательства, тем более что все факты свидетельствовали против Роя.— Рэнди пристально вгляделась Рогоффу в глаза.— Роя, как вам известно, отправили в психушку, а всего лишь через месяц пропала шестилетняя Айлин Стански.

Рогофф поддел вилкой тертую морковь и, задумчиво глядя в тарелку, пробормотал:

— Да, неувязочка вышла.

— Отец настаивал, чтобы Роя освободили, но его никто и слушать не желал. Официальная версия гласила, что исчезновение Стански никак не связано с четырьмя предыдущими. Иными словами, Рой убил четырех детей, а какой-то вдохновленный этим зверством маньяк прикончил пятого ребенка.

— Такое вполне возможно.

— Чушь собачья. А вы читали дело о гибели моего отца?

— Да, читал.— Рогофф кивнул.

— Моего отца сожрало животное, по уверению коронера, бешеная собака. Если вам по нраву эта версия, то, ради бога, верьте в нее, но на самом деле вот как все произошло. Среди ночи моему отцу позвонили. Он немедленно ушел, но прежде позвонил Джо Эркухарту и попросил, чтобы тот его прикрыл.

— Начальнику полиции Эркухарту? — удивился Рогофф.

— В то время он был обычным полицейским, напарником моего отца,— пояснила Рэнди.— Мой отец сказал Эркухарту, что напал на горячий след убийцы детей, но не сообщил ни деталей, ни имени звонившего.

— Возможно, ваш отец сам не знал, кто ему позвонил среди ночи.

— Отец знал. Он бы не поддался на уловку анонима и не понесся бы среди ночи один на скотобойню. Но именно там на него напал убийца. Отец выпустил в него шесть пуль, но не остановил негодяя, и тот разорвал отцу горло и обгрыз тело так, что подоспевший вскоре на место Эркухарт вообще не сразу понял, что перед ним — труп человека.

Рогофф, не сводя глаз с Рэнди, отложил вилку, отодвинул от себя тарелку с недоеденной морковью и сказал:

— Что-то у меня пропал аппетит.

Рэнди невесело улыбнулась.

— Местная газета по этому поводу сообщила, что тело моего отца было изуродовано.— Рэнди, слегка подавшись вперед, вгляделась в темно-карие глаза Рогоффа.— Та же информация прошла и о смерти Джоан Соренсон, причем редактор «Курьера» сообщил мне, что тело девушки найдено полностью, но я точно знаю, что это — ложь.

— Верно, редактор вам соврал.— Рогофф вытащил из внутреннего кармана пальто листы бумаги, развернул их и передал Рэнди.— Но с Соренсон произошло вовсе не то, что вы вообразили.

Рэнди выхватила из его рук доклад коронера и, хотя буквы прыгали перед ее глазами, стала быстро читать первую страницу.

«Причина смерти: потеря крови».

Будто из дальнего далека до нее донесся голос Рогоффа:

— Квартира Соренсон находится на четырнадцатом этаже, она без балкона, пожарной лестницы рядом с окнами нет, а консьержка клянется, что никого постороннего той ночью не видела. Входная дверь в квартиру Соренсон была заперта. На двери, правда, установлен дешевый замок, но следов взлома не обнаружено.

Рэнди между тем читала:

«Орудием убийства послужил очень острый предмет с лезвием по крайней мере в двенадцать дюймов длиной — возможно, хирургический инструмент».

— Ее одежда была разодрана в клочки, а клочки разбросаны по всей квартире,— не умолкал Рогофф.— Соренсон была инвалидом и вряд ли могла оказать убийце серьезное сопротивление, но, судя по всему, она все же боролась за свою жизнь. Соседи уверяют, что ничего не слышали. Убийца приковал девушку к кровати и принялся орудовать ножом. Своим орудием он действовал умело, но умирала она долго и мучительно. Когда жертву обнаружили, вся ее кровать была пропитана кровью; кровь, просочившись через простыню и матрас, даже натекла на пол.

Рэнди подняла голову, и доклад коронера выпал из ее руки на стол. Рогофф взял ладонь женщины в свою и продолжал:

— Джоан Соренсон не была растерзана животным, мисс Уэйд. Убийца заживо содрал с нее кожу и оставил истекать кровью. А часть тела, которая так и не была найдена,— это кожа Соренсон.

Уилли припарковал свой «кадиллак» возле пирса, когда часы показывали уже четверть первого ночи. Рядом на сиденье лежал бумажник Эда Джуддикера. Уилли открыл его, вытащил деньги, пересчитал. Семьдесят девять долларов. Не густо, но это — лишь начало. Он решил, что половину отдаст Бетси, а половина пойдет в счет погашения долга банку. Уилли сунул деньги в карман, а пустой бумажник — в отделение для перчаток. Он заскочит в выходные в «Чистюлю», вернет Эду бумажник и договорится о сроках поэтапного погашения долга.

Уилли запер машину и устало побрел к дому по мокрой от дождя булыжной мостовой. Небо над рекой было темным и беззвездным, но Уилли знал, что там, за тяжелыми ватными облаками, скрывается луна. У входной двери он принялся копаться в карманах. «Так, ингалятор, с полдюжины пар ножниц, носовой платок, коробочка с пилюлями. Где же ключи?» Связка нашлась только через добрую минуту в кармане брюк. Уилли вставил первый ключ в замок.

При одном лишь прикосновении дверь дрогнула и медленно, беззвучно отворилась.

Уилли замер на пороге. Свет уличных фонарей лежал на пыльном полу пивоварни желтыми изломанными линиями и квадратами; ржавые котлы и механизмы казались притаившимися в полутьме чудовищами. Сердце Уилли стучало в тишине, словно паровой молот. Он сунул ключи в карман, вытащил ингалятор и, нажав кнопку, глубоко вдохнул лекарство.

Тут Уилли вспомнилась Джоан и то, что с ней стряслось.

Возможно, еще не поздно убежать. Ведь «кадиллак» стоит всего лишь в нескольких шагах от порога. И бак почти полон, бензина хватит хоть до Чикаго, а там убийца или чудовище тебя уже вовек не сыщет.

Уилли отступил на шаг и попытался припомнить, запер ли он двери, уходя из дома. А ведь и правда, утром его мысли скакали с одного на другое, к тому же приснилось ему что-то неприятное, и он вполне мог просто позабыть о чертовой двери и чертовых замках!

Но прежде-то о замках он никогда не забывал! Что ж, все на свете когда-то происходит впервые.

Уилли поднял правую ногу, развязал шнурки и снял ботинок. Затем — второй. Носки немедленно пропитались влагой дождя. Уилли, глубоко вздохнув, затворил за собой дверь и сделал по темной пивоварне два шага так тихо, как только мог. Никто на него не напал, даже воздух не шевельнулся. Уилли вытащил из кармана «Мистера Ножницы». Какое-никакое оружие: все же лучше, чем голые руки. Стараясь не наступать на квадраты света, Уилли пересек зал пивоварни и двинулся по лестнице вверх, а когда голова его оказалась чуть выше пола второго этажа, остановился.

Окно в конце коридора пропускало свет уличного фонаря. Уилли увидел, что все двери закрыты и ни под одной из них нет даже самой тусклой полоски. Значит, если кто-то и караулит Уилли, то этот неведомый кто-то затаился в темноте.

Грудь Уилли вновь сдавил стальной обруч. Следовало, конечно, воспользоваться ингалятором, но Уилли так отчаянно ждал развязки, что и этих секунд потратить не мог. Мигом одолев последние ступени, он двумя широкими шагами достиг двери в гостиную, немедля распахнул ее и нажал выключатель на стене.

В любимом кресле Уилли сидела Рэнди Уэйд.

— Ты напугал меня, Уилли,— сказала она, моргая от яркого света.

— Это я напугал тебя?! — Уилли, выронив ножницы, пересек гостиную и без сил рухнул на кушетку.— Господи, да это ты перепугала меня так, что я едва жив! Что ты здесь делаешь? Разве я оставил дверь незапертой?

Рэнди самодовольно улыбнулась.

— Дверь ты, конечно, запер. Вообще, Фламбо, по части дверных замков ты не имеешь равных. Мне понадобилось целых двадцать минут, чтобы проникнуть к тебе.

Уилли, массируя кончиками пальцев виски, оправдывался:

— Моего тела жаждет такое количество смазливых молоденьких девиц, что волей-неволей приходится заботиться о собственной безопасности.— Взгляд Уилли упал на мокрые носки; с недовольной гримасой он снял правый и, демонстрируя его Рэнди, сказал: — Полюбуйся. Мои ботинки остались

под дождем на улице, а ноги насквозь промокли. Если я слягу с воспалением легких, то за лечение заплатишь ты, Уэйд. И поделом, ведь подождать меня ты вполне могла и на улице.

— На улице шел дождь,— возразила Рэнди,— а мне не хотелось окончательно портить и без того паршивое настроение.

Непривычные интонации в голосе подруги заставили Уилли вглядеться в ее глаза.

— Ты неважно выглядишь,— заметил он.

— Я хотела привести себя в порядок, но не нашла зеркала даже в ванной.

— Оно недавно разбилось,— сказал Уилли.— У меня в доме и раньше было немного зеркал, а теперь осталось только одно, в туалете.

— Уилли, твоя подруга Джоан была убита вовсе не животным,— с твердой уверенностью заявила Рэнди.— Убийца ножом снял с нее кожу и прихватил с собой.

— Знаю,— не подумав, брякнул Уилли.

Глаза Рэнди сузились.

— Ты знаешь? — переспросила она мягко, почти шепотом, и Уилли немедленно понял, что сморозил глупость.— Ты, наверное, знал это с самого начала? А кроме того, ты знал и о том, что случилось с моим отцом?

Уилли выронил второй носок и, стараясь говорить как можно более искренне, заверил:

— О том, как была убита Джоан, я узнал лишь несколько часов назад. А что касается твоего отца, то, клянусь, о нем мне почти ничего не известно.

Рэнди вгляделась в лицо Уилли, и тот выдавил из себя самую теплую, искреннюю улыбку, на какую только был способен.

— Не улыбайся через силу,— посоветовала Рэнди.— А то ты похож на торговца подержанными автомобилями. И, извини, ты действительно вряд ли что знаешь о моем отце.— Рэнди секунду помолчала, размышляя.— Но кто тебе открыл подробности смерти Соренсон?

— Я бы с удовольствием сказал тебе, но, честное слово, не могу,— забормотал Уилли, немного поколебавшись.— И кроме того, ты мне все равно вряд ли поверишь. А ты не выяснила, подозревает ли меня полиция?

Рэнди нахмурилась.

— Я разговаривала с Рогоффом — полицейским из отдела расследования убийств.— Заметив, что от лица Уилли отхлынула краска, Рэнди поспешно добавила: — Не волнуйся, твое имя ни разу не упоминалось. Возможно, полицейские к тебе все же заглянут, но ты для них не подозреваемый, а человек, лично знавший убитую.

У Уилли отлегло от сердца.

— Дай-то бог,— выдохнул он.— Спасибо за помощь, Рэнди, но, знаешь, больше этим делом тебе заниматься не стоит.

Рэнди с подозрением глянула на Уилли.

— Тебя уже больше не волнует, будет ли найден убийца твоей подруги?

— Конечно волнует, но...— Уилли заерзал на кушетке.— Давай-ка выпьем по чашечке чая. У меня есть «Эрл Грей», «Рэд Зингер», «Морнинг Тандер» и...

— У полиции появился подозреваемый,— перебила его Рэнди.

Уилли напрягся.

— Кто?

— Рой Хелендер.

— О господи! — промолвил Уилли.— Ты уверена, что он — убийца?

— Нет. Полицейские и сами-то толком ничего не знают, но, похоже, из Роя опять хотят сделать козла отпущения. Правда, он пока еще не найден, да и вообще неизвестно, в нашем ли он штате.

Внезапно Уилли почувствовал, что не может смотреть Рэнди в глаза. Он поднялся, подошел к столу и, ставя на плитку чайник, спросил:

— Так ты сомневаешься в том, что Рой Хелендер убивал детей?

— Включая собственную сестру? Конечно же, это ложь. Джесси его любила, и он ее никогда пальцем не тронул. К тому же ты знаешь — когда пропал пятый ребенок, Рой был надежно заперт в камере. Я немного знала Роя Хелендера. У него были некрасивые гнилые зубы, и ванну он принимал довольно редко, но из этого вовсе не следует, что он был кровавым убийцей. А общество младших детей он предпочитал лишь потому, что сверстники дразнили его. Зато у него был тайник в лесу, куда он отправлялся всякий раз, когда...

Рэнди замолчала. Уилли нерешительно повернулся к ней и спросил:

— Тебе на ум пришло то же, что и мне?

Прежде чем Рэнди успела ответить, пронзительно засвистел вскипевший чайник.

Вернувшись домой, Рэнди немедленно улеглась в постель, но сон к ней не шел. Стоило ей закрыть глаза, как в памяти возникало либо лицо отца, либо скованная наручниками Джоан Соренсон. Мысли Рэнди постоянно возвращались к Рою Хелендеру и его секретному убежищу. Куда мог направиться несчастный одинокий парень, выпущенный из психбольницы? Конечно, в свое тайное пристанище.

Но где оно и что собой представляет? Это могла быть пещера у реки, шалаш или сооруженный из картонных коробок домик в лесу. Хотя вряд ли в лесу. Ведь город окружен коттеджами, ухоженными парками и фермами, а ближайший лес находится либо за рекой, либо милях в сорока к северу. Но если убежище Роя было в парке, то оно наверняка не сохранилось, и даже следов его Рэнди ни за что не найти.

Перебирая в уме различные варианты, Рэнди взглянула на часы. Перевалило уже за два часа ночи. Решив, что ей все равно не уснуть, Рэнди встала, включила свет, прошла в кухню. Холодильник был пуст, лишь в дверной панели стояли две бутылки пива. Пиво, возможно, поможет заснуть. Рэнди открыла одну бутылку и вернулась в спальню.

Ее обстановка, в отличие от гостиной, не была подчинена единому стилю: на стене висел старый выгоревший ковер; кровать и тумбочка были обычные, современные, ничем не примечательные. Однако имелись здесь и настоящие антикварные вещи: зеркало в рост человека, оправленное в резную деревянную раму, и сундучок из кедра, стоявший в ногах кровати. Мать Рэнди называла его «сундучком надежд».

С грустью подумав, что вряд ли теперь девочки держат в спальнях такие вещи, Рэнди села на палас перед сундучком и открыла крышку.

«Сундучки надежд» были тем местом, где девочки хранили всяческий милый хлам: дорогие сердцу вещицы, безделушки, талисманы — все то, что было частью их детских мечтаний. Сама Рэнди рассталась с детством в двенадцать лет, той самой ночью, когда ее разбудили тонкие, пронзительные всхлипывания матери. С тех пор в сундучке хранились не надежды Рэнди, а ее воспоминания.

Она принялась вынимать их одно за другим. Школьные дневники; перевязанные ленточками тоненькие пачки любовных писем, среди которых оказалась пачка и от того поганца, за которого она по дурости выскочила замуж; обручальное кольцо; ее дипломы; грамоты, завоеванные на соревнованиях по бегу и в матчах по софтболу*; фотографии в рамках и без...

Почти на самом дне под многими слоями ее жизни нашелся полицейский револьвер тридцать восьмого калибра — тот самый полицейский револьвер отца, барабан которого он опустошил перед тем, как погибнуть. Рэнди вытащила револьвер и аккуратно опустила на палас рядом с собой. Под револьвером оказалась дешевая общая тетрадь в голубой обложке. Рэнди положила тетрадь на колени и открыла первую страницу.

К ней скотчем была приклеена пожелтевшая вырезка из «Курьера», сообщавшая о смерти отца. Рэнди, прежде чем перевернуть страницу, долго рассматривала знакомую фотографию. Дальше шли заполненные мелким детским почерком листочки, заметки из «Курьера», посвященные исчезновению детей, а также статьи из журналов, где речь шла о нападении животных на людей, о серийных убийцах и всякого рода загадочных преступлениях. Рэнди вела тетрадь несколько первых лет после гибели отца, но позже сунула эти бесполезные листки на дно сундучка и постаралась забыть об их существовании. Рэнди казалось, что она в этом преуспела, но сейчас, листая пожелтевшие страницы, поняла, что все это время лгала себе.

* Софтбол — разновидность бейсбола. *(Прим. перев.)*

Айлин Стански, Джесси Хелендер, Дайан Джонс, Грегори Корио, Эрвин Уэйсс — никто из них не был найден, как не были найдены ни их кости, ни даже клочки одежды. Полиция сочла смерть отца Рэнди случайностью, никак не связанной с делом, которое он расследовал. Общество было вынуждено принять эту версию — шеф полиции, мэр, газетчики, мать Рэнди и даже Барри Шумахер и Джо Эркухарт. Одна лишь Рэнди придерживалась иного мнения. Разговоры на эту тему выводили мать из себя, так что Рэнди вскоре прекратила их, но поисков истинной причины смерти отца она не оставила. Она сопоставляла факты, где только могла наводила справки и записывала свои гипотезы в дешевую общую тетрадь, которую каждый вечер прятала в «сундучок надежд».

Смерть отца так и не была разгадана, а последние двадцать страниц синей тетради остались незаполненными. Сейчас, листая записи, Рэнди дошла как раз до этих пустых страниц. Они слегка пожелтели от времени и стали хрупкими; голубые горизонтальные линейки побледнели. Рэнди механически продолжала листать тетрадь, но, почти уже дойдя до конца, заколебалась.

Возможно, никакого письма после этой страницы и нет, возможно, она его просто выдумала. В любом случае послание лишено всякого смысла.

Рэнди перевернула последнюю страницу. Письмо оказалось там, где Рэнди его и оставила.

Она получила его, когда училась в колледже. Со смерти отца тогда минуло семь лет, а занятая учебой и романами со сверстниками Рэнди не заглядывала в синюю тетрадь уже больше трех лет.

И вот однажды пришло письмо. Рэнди вскрыла конверт по дороге в учебный корпус, бросила беглый взгляд на листок, что был внутри, и, сунув письмо обратно в конверт, как ни в чем не бывало продолжила беззаботную болтовню с сокурсниками. Правда, письмо весь день не выходило у нее из головы, а ночью, после того как соседка по комнате заснула, Рэнди вытащила послание и, холодея, несколько раз перечитала единственную строчку, написанную явно впопыхах кривыми, прыгающими буквами. Рэнди, помнится, намерева-

лась выбросить письмо, но вместо этого сохранила его, а вернувшись домой, даже сунула в общую тетрадь.

Конверт с тех пор остался таким же белым, а написанный в левом углу адрес колледжа почти не поблек.

Ни прежде, ни теперь Рэнди не сомневалась в том, кто отправил ей это письмо. Но каким образом ему это удалось? Непонятно. Хотя, вероятнее всего, конверт в почтовый ящик сунул выписавшийся из психушки приятель отправителя.

Рэнди достала сложенный вдвое листок дешевой писчей бумаги и после минутного размышления развернула.

ЭТО БЫЛ ВОЛК-ОБОРОТЕНЬ.

Рэнди перечитала единственную строчку послания раз, другой, третий, и ей вдруг показалось, что она вернулась в прошлое, в те годы, когда она еще не сомневалась, что разгадает тайну смерти отца.

Пронзительно зазвонил телефон. Рэнди вскочила на ноги и, поспешно сунув листок в конверт, уставилась на телефон. Сердце в ее груди отчаянно билось, и чувствовала она себя почему-то преступницей, пойманной за руку.

Четвертый час ночи. Кому, черт возьми, пришло в голову звонить в эту пору? Неужели Рою Хелендеру?!

После четвертого сигнала ожил автоответчик:

— Вы звоните в «ААА. Сыскное Агентство Уэйд», с вами говорит руководитель агентства Рэнди Уэйд. Сейчас я не могу лично подойти к телефону, но если вы оставите свое сообщение, то я перезвоню вам.

Пискнул звуковой сигнал, и из телефона послышался мужской голос:

— Эй, вы меня слышите?

Рэнди, опрометью подбежав к телефону, схватила трубку.

— Рогофф? Это вы?

— Да, я. Извините, что разбудил вас, но случилось нечто, о чем, по-моему, вам бы хотелось побыстрее узнать.

У Рэнди по спине побежали мурашки.

— Что случилось? — спросила она.

— Еще одно аналогичное убийство.

Уилли проснулся в холодном поту.

Первой его мыслью было: что меня разбудило?

Шум, вот что его разбудило. Шум где-то на первом этаже.

А может, шум ему только пригрезился? Уилли сел в кровати и попытался взять себя в руки. Ночь полна неясных звуков, шорохов и страхов. А потом оказывается, что это тарахтел буксир на реке, проезжавший под окном автомобиль, да мало ли еще что. Кроме того, Уилли все еще испытывал неловкость за ту панику, которую вызвала у него незапертая входная дверь. Хорошо еще, что со страху он не воткнул ножницы в спину Рэнди. И вообще нельзя позволять своему воображению поедать себя живьем. Уилли снова лег, удобно устроившись под одеялом, перевернулся на живот и закрыл глаза.

А всего через минуту слух его явственно уловил, как на первом этаже открылась и закрылась дверь.

Уилли мгновенно открыл глаза, но остался лежать, прислушиваясь и повторяя про себя, что тщательно проверил все замки. Точно, он проводил Рэнди до двери, а затем запер все запоры, щеколды и даже не забыл о стальном засове. Входная дверь обита сталью, тяжеленный монолитный засов можно поднять только изнутри, так что, когда он опущен, попасть в дом снаружи невозможно. Есть еще, правда, и задняя дверь, но ею пользовались так давно, что теперь ее никакими силами не сдвинешь с места. А проникни кто-то через окно, Уилли непременно услышал бы звон разбитого стекла. Определенно шум Уилли просто померещился.

Тихонько клацнув, повернулась дверная ручка, но дверь в спальню не отворилась, так как была заперта на замок. Ручка вновь повернулась, на этот раз сильнее, с более резким звуком.

Уилли будто сдуло с постели. Ночь выдалась прохладной, на нем были лишь трусы да майка, но он не чувствовал холода. На секунду взгляд его остановился на ключе, торчавшем из замка. Старинный ключ, изготовленный более века назад. Уилли держал его в замке скорее как предмет антиквариата, а не средство защиты. Он и дверь-то в спальню никогда не запирал. Никогда, кроме нынешней ночи; сегодня же, отправляясь в постель, он, сам не зная почему, машинально повер-

нул его. Теперь деревянная дверь стала для него пусть на время, пусть ненадежной, но все же защитой от незваного гостя.

Уилли, пятясь, сделал несколько шагов, затем, повернув голову, посмотрел в окно на мощенную булыжником дорожку. Прямо под окном должен был находиться металлический навес, но различить его в темноте Уилли не удалось.

Что-то с силой ударило в дверь.

Грудь Уилли стиснули огромные стальные пальцы, дыхание перехватило. Уилли затравленно огляделся. Его ингалятор стоял недосягаемо далеко — на тумбочке рядом с самой дверью.

Последовал новый удар, в двери появились трещины.

Воздуха не хватало, голова пошла кругом. Уилли подумал, что преступник будет разочарован, ворвавшись наконец в спальню и обнаружив жертву, умерщвленную приступом астмы.

Уилли поспешно стянул с себя майку и швырнул ее на пол, взялся за резинку трусов.

Дверь под очередным ударом затрещала и закачалась на петлях. Следующий удар неминуемо завершит начатое: дверь либо расколется пополам, либо слетит с петель.

Позабыв о трусах, Уилли стал стремительно перестраивать свое тело. Немедленно кости и мышцы его взвыли в агонии трансформации, но в легкие хлынул воздух — холодный, пьянящий, живительный,— и Уилли вновь обрел способность дышать. Вдоль его позвоночника пробежала судорога облегчения, Уилли задрал голову и взвыл. От этого воя в жилах стыла кровь, но только не у того, кто ломился в дверь. Убедившись, что шум в коридоре не прекратился, Уилли прыгнул в окно. В стороны брызнули острые осколки, а он, пролетев совсем рядом с навесом, приземлился на все четыре лапы, но, не удержавшись, повалился на бок и проехал фута три по булыжной мостовой.

Быстро вскочив, он поднял голову и различил в темном провале окна нечто еще более темное. Нечто двинуло рукой, а может, лапой, щупальцем или иной конечностью, и в ней явственно блеснуло серебро. Уилли, не разбирая дороги, бросился прочь.

Полиция оцепила величественный, хотя и изрядно обветшавший особняк в викторианском стиле, и потому таксисту пришлось высадить Рэнди несколько раньше. У оцепления толпились любопытные соседи. Поднятые с постели ранним утром, они едва успели набросить пальто поверх пижам и халатов. Соседи перешептывались, многозначительно переглядывались, то и дело обращая взгляды к своим домам, а включенные мигалки полицейских автомобилей придавали их лицам выражение болезненной алчности.

Рэнди быстро прошла сквозь жиденькую толпу. У веревки, служившей ограждением, ее остановил незнакомый патрульный в форме.

— Я Рэнди Уэйд,— представилась она.— Прийти сюда меня попросил мистер Рогофф.

— А-а, понятно.— Патрульный взмахом руки указал на дом.— Рогофф там, разговаривает с сестрой жертвы.

Рогоффа Рэнди нашла в гостиной. Увидев ее, он кивнул и продолжил задавать вопросы хрупкой брюнетке лет сорока. В комнате толкалось еще с полдюжины полицейских. Они посмотрели на Рэнди с любопытством, но ни один не проронил ни слова. Брюнетка (по-видимому, сестра жертвы) сидела на самом краешке дивана. На женщине был эфемерный шелковый халатик, но она, похоже, не замечала ни холодного воздуха, который напустили в дом полицейские, ни самих полицейских, бесцеремонно оглядывающих ее едва прикрытое тело.

Криминалист, сняв отпечатки пальцев с пианино, отошел, и Рэнди, встав на его место, принялась рассматривать фотографии в рамочках, что стояли на его крышке. Внимание Рэнди привлекло самое большое фото. На фоне реки были сняты парень в плавках и две замершие по бокам от него симпатичные девушки в одинаковых бикини; парень не отличался атлетическим сложением, но и хилым его тоже назвать было нельзя, его голубые глаза глядели в объектив с каким-то непонятным, настораживающим равнодушием. Улыбающимся девушкам было лет по восемнадцать—двадцать, и они могли похвастаться длинными черными волосами, еще не высохшими после купания. Рэнди перевела взгляд на женщину, сидевшую на

диване. Определенно она была одной из девушек, но какой именно, Рэнди не поняла: девушки были близнецами. Рэнди принялась изучать остальные фотографии, но не узнала ни одного лица. Уилли среди них, к счастью, не оказалось. От этого занятия Рэнди оторвал Рогофф.

— В спальне на втором этаже коронер производит осмотр тела,— сообщил он, подойдя к ней сзади.— Если хотите, можете подняться туда, но предупреждаю: зрелище не для слабонервных.

Рэнди повернулась к нему и спросила:

— Узнали что-нибудь интересное от сестры?

— Этой ночью ей привиделся кошмар,— начал Рогофф, направляясь к узкой лестнице. Рэнди пошла следом.— По ее словам, обычно, когда ей снятся плохие сны, она идет в соседнюю спальню и ложится в кровать к Зоуи.— Они достигли площадки второго этажа, и Рогофф, положив руку на стеклянную дверную ручку, приостановился.— То, что она обнаружила в постели сестры нынче ночью, гарантирует ей ночные кошмары на многие годы.

Рогофф открыл дверь и переступил порог комнаты.

В спальне горел лишь ночник над кроватью. Полицейский фотограф снимал нечто красное, распластанное на постели, и от постоянных сполохов вспышки на стенах прыгали, корчились громадные угловатые тени. Желудок Рэнди в ответ сделал попытку скорчиться, а память немедленно вернула ее на годы назад, в жаркие июньские дни, когда ветер задувал с юга и город наполнял смрад от скотобойни.

Фотограф щелкал объективом, то озаряя комнату ярким светом, то погружая ее в сумрак. Над трупом склонилась коронер.

Заметив, что вспышки белым пламенем отражаются от потолка, Рэнди подняла голову: прямо над кроватью было закреплено большое зеркало. В нем с еще более ужасающей реальностью отражалась постель и распростертая на ней мертвая женщина: вместо лица — красные веревки мышц, из-под которых кое-где проглядывают белые кости; темные, но уже ничего не видящие глаза широко открыты. Несомненно, жертва до последней секунды видела в деталях все, что делает с ней убийца, как видела и свои глаза, устремленные к потолку.

Снова полыхнула вспышка, и на запястьях и коленях убитой вдруг холодно блеснул металл. Рэнди на секунду опустила веки, затем глубоко вдохнула и подошла к кровати.

— Кандалы точно такие же? — спросил Рогофф.

— Да. И, кстати, взгляни на это.— Коронер Куни, вытащив изо рта незажженную сигару, воспользовалась ею как указкой.

Рэнди, вглядевшись, различила на освежеванной плоти, рядом с браслетами кандалов, темные неровные полосы, от одного вида которых становилось больно.

— Жертва сопротивлялась,— предположил Рогофф.— Вот кандалы и разодрали мышцы.

— Тогда бы ты увидел глубокие раны с запекшейся кровью,— отметила Куни.— А на запястьях и коленях жертвы, там, где ее касался металл, явственные ожоги. Ожоги третьей степени. И у Соренсон обнаружены такие же. Похоже, убийца, сковав своих жертв, раскалял кандалы добела. Сейчас металл уже остыл. Прикоснись и убедись в этом сам.

— Нет, спасибо,— отказался Рогофф.— Мне достаточно и твоего слова.

— Минуточку,— подала голос Рэнди.

Коронер, как бы заметив ее впервые, недовольно поинтересовалась:

— А она что здесь делает?

— Долгая история,— ответил Рогофф.— Мисс Уэйд, сейчас здесь проводится полицейское расследование, и вам бы лучше...

Не дослушав его, Рэнди задала вопрос Куни:

— У Джоан Соренсон были такие же ожоги? Там же, на запястьях и коленках, где кандалы соприкасались с телом?

— Да,— ответила Куни.— И что с того?

— Что вам пришло на ум? — нетерпеливо спросил Рогофф.

Рэнди, переведя взгляд на полицейского, промолвила:

— Джоан Соренсон была калекой, у нее не действовали ноги, да и вообще тело ниже пояса. Так зачем же убийце понадобилось сковывать ее колени?

Рогофф, немного подумав, покачал головой и вопросительно посмотрел на Куни. Та, пожав плечами, изрекла:

— Действительно, интересное наблюдение. Но только вот что оно доказывает?

Рэнди, не ответив, устремила глаза на обезображенное тело. Еще совсем недавно это была привлекательная женщина.

Фотограф продолжал съемку с разных ракурсов. Кандалы зловеще поблескивали. Рэнди, набравшись храбрости, прикоснулась к ним и почувствовала холод отполированного серебра.

Ночь была наполнена звуками и запахами.

Уилли слепо несся по залитым дождевой водой улицам и темным докам, по мрачным аллеям и ухоженным паркам; он перепрыгивал через низкие бордюры и довольно высокие изгороди. Где он находится и куда направляется, его не волновало: главное — оказаться подальше от дома и от темной фигуры в окне.

Один раз Уилли чуть не остановила высокая бетонная стена, простиравшаяся направо и налево насколько хватало глаз. Первые три прыжка через нее не увенчались успехом, но после четвертого Уилли уцепился-таки передними лапами за верхний край стены и, что было мочи оттолкнувшись от вертикальной поверхности задними, перекатился на противоположную сторону. Упав во влажную траву, перевернулся через голову, немедленно вскочил и припустил дальше.

К счастью, на улицах почти не попадалось машин, и лишь раз, когда Уилли пересекал широкое шоссе, откуда ни возьмись появился грузовик и ослепил его фарами. Уилли, застыв посреди дороги, на мгновение увидел за ветровым стеклом перекошенное ужасом лицо водителя. Шофер дал гудок и ударил по тормозам, грузовик на мокром асфальте занесло и чуть не выбросило на обочину. Уилли сорвался с места и стрелой бросился прочь.

Примерно через час непрерывного бега он оказался в пригороде, где вдоль улиц тянулись одно- и двухэтажные дома, а у обочин стояли потрепанные автомобили. Единственными источниками освещения здесь были редкие уличные фонари

да бледная луна, иной раз проглядывающая в прорехи облаков. Уилли улавливал запах собак и, слыша время от времени их дикий неистовый лай, понимал, что и они его тоже учуяли. Иногда неистовствовавшие собаки будили своих владельцев и соседей, и тогда в домах зажигался свет и открывались двери, но Уилли к тому времени оказывался уже далеко.

Наконец, когда лапы Уилли были готовы отвалиться от усталости, а язык ни в какую не желал помещаться во рту, он пересек полотно железной дороги, взобрался по крутой насыпи и остановился перед проволочной изгородью футов десяти высотой. За изгородью виднелись обширный пустой двор и приземистое кирпичное строение без окон. За годы запах крови порядком выветрился, но чуткие ноздри Уилли сразу же уловили недоброе. Он немедленно понял, куда его занесло.

Да, то была почти два года как брошенная скотобойня. Уилли опустился на землю возле изгороди; несмотря на густой мех, его пробрала дрожь.

Наконец Уилли обнаружил, что на нем все еще надеты трусы. Он вспомнил лицо водителя грузовика и тотчас представил себе смятение, охватившее бедолагу при виде огромного мохнатого, с горящими глазами существа в трусах. Уилли вдруг разобрал смех, да такой, что, будь у него для этого приспособлено горло, он непременно рассмеялся бы во всю мочь.

Немного успокоившись, Уилли изогнулся и, вцепившись зубами в резинку трусов, рванул. Трусы треснули, и Уилли, изворачиваясь всем телом, стянул с себя лохмотья. Затем он вновь лег, и, пока его тело отдыхало, навостренные уши и чуткий нос улавливали шум проезжающих вдалеке машин и лай собак, запахи отработанного дизельного топлива и холодного металла. Но самым сильным раздражителем для Уилли был дух крови и смерти, исходивший со скотобойни. Дух этот пробудил в Уилли звериный голод. Однако его заглушало куда более острое и сильное чувство — всепожирающий животный страх.

До рассвета оставалось всего часа два-три, а податься Уилли было некуда. Ведь вернуться домой, не зная, убрался ли оттуда страшный темный гость, который принес с собой серебро, Уилли опасался; не мог он пойти и на работу в банк,

поскольку был абсолютно голым. Надо бы укрыться у надежного друга.

На ум пришел «Черный камень» и замерший у камина Джонатан Хармон. Да, наверное, за крепкими стенами поместья сейчас безопасно... Одна за другой в памяти начали возникать подробности: артритные руки, сжимающие трость со зловещим золотым набалдашником; разглагольствования о железе и крови; огненные блики, пляшущие в безжизненных голубых глазах Стивена. Из горла Уилли непроизвольно вырвалось рычание, и он отчетливо понял, что «Черный камень» — убежище не для него.

Джоан была мертва, а с другими подобными себе Уилли был едва знаком, да и не желал знакомиться ближе.

Итак, нравится ему это или нет, оставалась только Рэнди.

Уилли медленно, устало поднялся. Со стороны скотобойни налетел особенно сильный порыв ветра. Ноздри Уилли затрепетали, и он, запрокинув голову, издал громкий протяжный вой. Вой этот прокатился по округе, а затем его поглотил холодный мрак. Уилли помчался к дому Рэнди.

В сумерках, когда рассвет еще только занимался, а уличные фонари были уже погашены, Рогофф остановил свой старенький черный «форд» перед одноэтажным шестиквартирным домом, где жила Рэнди. Рэнди открыла дверцу автомобиля, а Рогофф заглушил двигатель и, повернувшись к ней, сказал:

— Все же хотелось бы знать имя вашего нанимателя. Я не настаиваю на том, чтобы вы его назвали прямо сейчас. Сначала выспитесь, а потом уж решайте.

— А вы не забыли, что я адвокат? — спросила Рэнди.

Рогофф устало улыбнулся.

— Просматривая по вашему совету старые дела в архиве, я не поленился и ознакомился с бумагами, касающимися лично вас. Оказалось, вы никогда и не учились на юриста, не говоря уже о получении диплома адвоката.

— Неужели? — Рэнди одарила Рогоффа ответной улыбкой.

— Именно.

— Ну не училась, и что с того? — Рэнди пожала плечами.— Знаете, я действительно высплюсь, а завтра мы поговорим.—

Она вышла из машины, захлопнула дверцу и вдруг спросила через опущенное окошко: — Рогофф, а как вас зовут?

— Майк,— ответил тот.

— До завтра, Майк.

Он рассеянно кивнул, завел машину и покатил прочь. Рэнди поднялась по ступенькам крыльца, подошла к своей двери, достала из сумочки ключи.

— Рэнди! — послышалось где-то рядом.

Она оглянулась и, никого не увидев, спросила:

— Кто здесь?

— Я, Уилли,— прозвучал на этот раз более громкий, уверенный голос.

— Ты где?

— Да здесь я, здесь, за мусорным баком.

Рэнди перегнулась через перила и увидела дрожащего от утреннего холода Уилли.

— Да ты голый! — удивилась она.

— Сегодня ночью кто-то пытался меня убить в моем собственном доме. Я насилу ноги унес, а вот моя одежда за мной не поспела. Я жду тебя уже больше часа и промерз как собака. Где тебя носило?!

— Произошло еще одно убийство. Судя по почерку — убийца тот же.

— Господи,— пробормотал Уилли.— Кто убит?

— Ее звали Зоуи Андерс.

— Черт, черт, черт!!! — В глазах Уилли читался дикий страх, но он все же спросил: — А что с Эми?

— С ее сестрой? — Уилли кивнул, и Рэнди сказала: — У нее сильный нервный шок, но, думаю, она оправится.— Рэнди немного помолчала.— Так ты, оказывается, знал и Зоуи. Знал так же, как Соренсон?

— Нет, не как Джоан.— Уилли выглядел вконец измученным и опустошенным.— Ты позволишь мне войти?

Рэнди, кивнув, открыла дверь, Уилли немедленно взбежал на крыльцо и заскочил в квартиру. Казалось, из благодарности он готов лизать Рэнди руки.

Боксерские трусы и майка бывшего супруга Рэнди оказались Уилли велики, ее собственный розовый халатик — мал, но зато как нельзя кстати пришелся горячий кофе. Несколько глотков возродили в усталом, измотанном Уилли радость жизни, а уж когда на столе появилась дымящаяся тарелка с яичницей и ломтями жареного бекона, он и вовсе словно перенесся на блаженные острова.

— У меня тут родились кое-какие соображения,— промолвила Рэнди, садясь напротив.

— Великолепно! — прочавкал Уилли.— Я имею в виду яичницу с беконом. И то, что ты надумала, тоже, наверное, под стать этому блюду. Но, господи, до чего же я, оказывается, голоден! — Он воткнул вилку в бекон, поднес его ко рту и с жадностью откусил.— Замечательно! Просто бесподобно!

— Я тебе скажу сейчас кое-что. Тебя я знаю давно, и, в общем-то, сказать мне это, кроме тебя, некому. Ты, конечно, будешь смеяться, но...— Рэнди нахмурилась.— Учти, Уилли, если рассмеешься, то опять очутишься без халата и трусов на улице.

— Я не засмеюсь,— пообещал Уилли, вдруг замерев и забыв о беконе.

Рэнди глубоко вздохнула и внимательно посмотрела ему в глаза, а Уилли подумал, что глаза у нее очень красивые.

— Я полагаю, что моего отца убил волк-оборотень,— не моргая, сообщила Рэнди.

— О господи! — пробормотал Уилли. Ему было вовсе не до смеха.— Я... я... я...

Грудь Уилли сдавила огромная невидимая анаконда, и он, опрокинув стул, вскочил из-за стола и опрометью бросился в ванную. Там он заперся и до отказа выкрутил кран горячей воды; ванная комната начала понемногу наполняться паром. Пар, конечно, не ингалятор, но и он способен снять приступ удушья.

Когда Уилли вновь обрел способность дышать, оказалось, что он стоит на коленях, а халат, трусы и майка на нем такие мокрые, будто он в них только что выкупался. Уилли на четвереньках прополз по кафельному полу, вытянув руку, закрыл горячую воду и нетвердо поднялся на ноги. Зеркало над раковиной запотело. Уилли вытер его полотенцем и полюбовался собой. Лицо оказалось багрово-красным, опухшим, на лбу блестели капельки пота. Уилли попытался вытереться, но от пара полотенце намокло так же, как и все остальное в ванной.

Было слышно, как по гостиной ходит Рэнди и как открываются и закрываются ящики буфета. Мужская гордость не позволяла Уилли предстать перед молодой женщиной в таком жалком виде. Он оперся рукой о стену, решив побыть некоторое время здесь и немного прийти в себя.

— Ты выходишь? — послышался из-за двери голос Рэнди.

— Да,— пробормотал Уилли, но так слабо, что она его вряд ли услышала.

Он поправил майку и халат, глубоко вздохнул, отпер дверь и вышел в коридор.

Рэнди вновь сидела за столом. Уилли, заняв свое прежнее место, сказал:

— Извини, у меня был приступ астмы.

— Я поняла,— промолвила она.— Наверное, это — последствия стресса?

— Наверное.

— Доедай яичницу, пока она окончательно не остыла.

— Да, конечно.— Уилли взял вилку.

Ощущение было таким же, как вчера, когда он, позабыв, что не выключил плиту, ухватился за ручку сковородки. Уилли вскрикнул и отшвырнул от себя вилку. Вилка, несколько раз стукнувшись о стол, замерла перед Рэнди. Уилли принялся дуть на покрасневшие пальцы, а Рэнди, не спуская с него глаз, очень спокойно взяла вилку и поднесла ее к своим губам.

— Пока ты парился в ванной, я достала приборы из буфета,— призналась она.— Предметы — из чистого серебра; вместе с другой кухонной утварью они достались мне в наследство от бабки.

Боль в пальцах была почти нестерпимой.

— О господи! — взмолился Уилли.— Достань скорее масло. Растительное, животное, любое, толь...

Уилли осекся на полуслове, увидев, что Рэнди подняла над столом правую руку, и в руке этой зажат револьвер.

— Слушай меня внимательно, Уилли. Твои обожженные пальцы — самое последнее, о чем тебе стоит беспокоиться. Я понимаю, какую боль ты испытываешь, и потому даю целых две минуты, чтобы собраться с мыслями и убедить меня, почему мне не следует прямо сейчас, не сходя с места, вышибить мозги из твоей башки.

Рэнди сняла револьвер с предохранителя, и металлический щелчок прозвучал как оглушительный удар грома.

Уилли застыл с открытым ртом. Видок у него был жалкий, словно у вымокшей под дождем тряпичной куклы. Рэнди на секунду показалось, что на него накатывает новый приступ астмы. Рэнди не испытывала ни гнева, ни страха, ни нервной лихорадки. Однако при всем спокойствии она сомневалась, что у нее хватит духу выстрелить в Уилли, пусть даже он и не человек, а волк-оборотень.

К счастью, Уилли избавил ее от такого выбора.

— Ты не хочешь стрелять в меня,— сказал он на удивление ровно, даже с вызовом.— Ведь убивать своих друзей — дурной тон, а ты неплохо воспитана. Кроме того, выстрелив в меня, ты проделаешь дыру в своем собственном халате.

— Ничего, переживу. Тем более что этот халат мне никогда не нравился. Я вообще не люблю розового.

— Если ты горишь желанием прикончить меня, то воспользуйся лучше вилкой,— предложил Уилли.

— Так ты признаешь, что ты — волк-оборотень?

— Не оборотень, а человек, страдающий ликантропией.— Уилли, глядя на Рэнди исподлобья, подул на обожженные пальцы, а затем продолжал: — Ликантропия — это такое же не зависящее от меня состояние тела, как астма или, положим, боли в спине. Ведь астма — не преступление? И кроме того, я не убивал твоего отца. Я вообще никого в жизни не убивал. Правда, однажды я съел половину застрявшей в яме коровы. Но разве ты вправе винить меня за это? — В его голосе послышалось раздражение.— Если уж ты вознамерилась

непременно прикончить меня, так стреляй быстрей. И, кстати, откуда у тебя пистолет? Я думал, что частные детективы носят пистолеты только в телесериалах.

— Это не пистолет, а револьвер. Он принадлежал моему отцу и был с ним до последней минуты его жизни.

— Пусть даже это и револьвер, но он, судя по всему, не очень помог твоему отцу,— произнес Уилли мягко.— Не так ли?

Рэнди, подумав секунду, спросила:

— Что случится, если я нажму на спусковой крючок?

— Я попытаюсь изменить свое тело. Вряд ли я успею это сделать, но все же попробую. Две-три пули, выпущенные с такого близкого расстояния в голову, пока я в человеческом облике, скорее всего, прикончат меня. Но если ты ранишь меня, а я успею измениться, то тебе несдобровать.

— В ночь убийства мой отец разрядил барабан этого самого револьвера,— задумчиво проговорила Рэнди.

Уилли, взглянув на свой указательный палец, воскликнул:

— Проклятье! Уже волдырь вздулся!

Рэнди положила револьвер на стол, сбегала в кухню и вернулась с начатой пачкой сливочного масла. Уилли принял масло с благодарностью и тут же занялся врачеванием своей обожженной руки. Рэнди, посмотрев в окно, заметила:

— А ведь на дворе позднее утро, солнце поднялось уже высоко. Я полагала, что оборотни превращаются в волков только по ночам, при полной луне.

— Не оборотни, а ликантропы,— еще раз поправил ее Уилли.— Полную луну и прочий бред выдумали голливудские сценаристы, а если ты заглянешь в древние книги, то убедишься, что для нас не имеет значения, день на дворе или ночь, полная ли луна, только-только нарождающаяся или вовсе никакой.— Он взял чашку и допил совсем остывший кофе.— А собственно, к чему, Рэнди, я все это тебе рассказал? Послушай моего доброго совета, забудь все, что произошло сегодняшним утром.

— Почему? — срывающимся от волнения голосом спросила Рэнди.— И что со мной произойдет, если я ничего не забуду? Ты разорвешь мне горло? И, кстати, следует ли мне

забыть также о Джоан Соренсон и о Зоуи Андерс? А как мне поступить с воспоминаниями о Рое Хелендере и других пропавших детях? И еще я, по-твоему, обязана позабыть то, что случилось с моим отцом? — Рэнди, немного помолчав, добавила уже почти спокойно: — Что происходит, Уилли? Ты пришел ко мне за помощью, а сейчас, судя по всему, мое содействие тебе особенно необходимо.

Уилли, пристыженно опустив голову, сказал:

— Даже не знаю, чего мне сейчас больше хочется: расцеловать тебя или отшлепать по заднему месту. Да, ты права, тебе известно уже чертовски много.— Он поднялся.— Вызови такси, я поеду домой переоденусь, а то в этих мокрых тряпках недолго и простудиться. У тебя, между прочим, не найдется пальто или плаща на часок?

— Возьми в шкафу,— предложила Рэнди.— И учти, мы едем вместе.

Пластиковый плащ оказался велик, но зато скрыл мокрый розовый халатик, и Уилли, затянув потуже пояс, приобрел почти мужественный вид. Рэнди достала из буфета и сунула за ремень джинсов массивный серебряный нож, каким ее бабушка, скорее всего, разделывала рождественскую индейку. Уилли, посмотрев на нож, содрогнулся, а затем сказал:

— Отличная идея, но на всякий случай прихвати с собой и револьвер.

Пока Рэнди расплачивалась с водителем, Уилли вышел из такси и осмотрел входную дверь, затем решил обойти вокруг дома.

День выдался облачным, ветреным, река поблескивала сталью, а ее волны с плеском разбивались о сваи пирса. Рэнди, немного не дойдя до входной двери, остановилась и проводила глазами такси. Через несколько минут вернулся Уилли.

— Удивительное дело,— озадаченно произнес он.— Задняя дверь нетронута, а та, которой я пользуюсь каждый день, заперта... В машине у меня, конечно, есть запасной комплект ключей, но парадная дверь заперта не только на замки, но и на засов, а отодвинуть его можно только изнутри. Так как же преступник вчера проник в мой дом?!

Рэнди с любопытством оглядела кирпичные стены пивоварни. С ее точки зрения, они выглядели очень прочными, а окна начинались только в двадцати футах от земли, на втором этаже. Пятясь, она отошла на несколько шагов от дома.

— Там окно разбито,— заметила Рэнди.

— Это я его разбил, когда спасался бегством,— сказал Уилли.

Рэнди уже заметила осколки на земле, что подтвердило истинность слов Уилли.

— Знаешь, меня сейчас в основном волнует не то, как в твой дом попал убийца, а то, как туда попадем мы. Давай перевернем бочку для дождевой воды и откатим ее на несколько футов левее, затем на нее встану я, а ты, взобравшись мне на плечи, наверняка дотянешься до разбитого окна.

Уилли, немного подумав, спросил:

— А что, если он все еще в доме?

— Кто он? — поинтересовалась Рэнди.

— Тот, кто ночью вломился ко мне. Если бы я не выпрыгнул через окно, то на мне бы уже не было кожи, а сейчас стоит такая погода, что я и в ней-то мерзну.— Уилли с сомнением посмотрел на разбитое окно, на бочку, затем опять на окно.— Но не торчать же нам здесь целый день. Знаешь, у меня появилась идея получше твоей. Помоги мне, пожалуйста, перевернуть бочку и откатить ее немного от стены.

Не вполне понимая, что затеял ее друг, Рэнди все же взялась ему помогать. Когда бочка оказалась в нескольких метрах от стены и как раз под разбитым окном, Уилли, расстегивая пояс плаща, попросил:

— Отвернись.

Рэнди отвернулась и вскоре услышала, как плащ упал на землю, а затем последовали мягкие пошлепывания, похожие на шаги собаки. Рэнди повернула голову. Оказалось, что Уилли отошел на несколько десятков футов назад, а теперь, стремительно набирая скорость, несется к бочке. Выглядел он не очень пропорционально сложенным волком — клочковатый серо-коричневый мех, зад слегка тяжеловат, а лапы несколько тонковаты, да и бежал он неловко, без той пластики, какой обладают вольные хищники.

Не добежав до Рэнди с дюжину футов, Уилли прыгнул, затем, оттолкнувшись задними лапами от торца бочки, взвился в воздух и, описав крутую дугу, угодил прямехонько в окно.

Рэнди не торопясь прошла по дорожке и поднялась на крыльцо. Через несколько минут загремели замки и засовы, а чуть позже перед ней отворилась тяжелая стальная дверь.

— Заходи,— голосом радушного хозяина предложил Уилли, успевший облачиться в клетчатый фланелевый халат.— Не опасайся, ночного визитера и след простыл. А я поставил на плиту чайник.

— Не иначе как убийца проник сюда через канализацию,— поделился своей догадкой Уилли.— Другого пути я просто не вижу.

Рэнди внимательно рассмотрела раскуроченную дверь, остатки которой валялись на полу спальни, затем встала перед ней на колени и провела пальцем по длинной зазубренной щепке.

— Твой ночной гость был силен. Взгляни на эти борозды в дереве. Такие сделаешь только когтями или, может, очень острым ножом, но никак не кулаком. И сюда еще посмотри.— Рэнди указала на медную ручку, валявшуюся рядом с дверью.

Уилли нагнулся, желая поднять предмет, но Рэнди остановила его, схватив за руку.

— Не прикасайся, а только смотри.

Уилли, встав на одно колено, разглядел на ручке зазубрины и глубокие царапины.

— Повреждения нанесены чем-то острым и очень твердым,— заметила Рэнди, поднимаясь на ноги.— Откуда раздались первые звуки, которые ты услышал ночью?

Уилли, немного подумав, ответил:

— Никак не соображу. Вроде бы с противоположного от лестницы конца коридора.

Рэнди, пройдя по коридору, убедилась, что все двери закрыты. Затем, вернувшись, она осмотрела балясины перил и пошла вдоль коридора обратно, открывая и закрывая двери по сторонам.

— Уилли, подойди сюда,— позвала она, распахивая четвертую дверь.

Уилли быстро приблизился. Дверная ручка с наружной стороны выглядела нормально, а изнутри имела такие же царапины, как и в спальне.

— Но это же туалет! — воскликнул Уилли в ужасе.— Неужели убийца и вправду просочился ко мне через канализацию?

— Убийца, скорее всего, действительно вышел из этой двери, а вот насчет канализации пока ничего не известно,— заметила Рэнди, внимательно оглядывая небольшое помещение.

Комната эта мало изменилась с тех времен, когда двухэтажный дом был действующей пивоварней, а на втором его этаже располагались конторы. Смотреть здесь, в общем-то, было особенно не на что: два унитаза, два писсуара, две раковины, над ними — медная полочка с туалетными принадлежностями, еще выше на стене — большое прямоугольное зеркало в раме. И никакого окна, пусть даже крошечного.

Послышался свист закипевшего чайника, и друзья прошли в гостиную.

— Джоан Соренсон погибла за запертой дверью, и Зоуи была убита почти бесшумно, так что ничего не услышала спавшая в соседней комнате сестра,— задумчиво произнесла Рэнди.

— Чертов маньяк приходит, куда ему захочется и когда ему захочется,— пробормотал Уилли. От этой мысли по спине его побежали мурашки, и, вздрогнув, он оглянулся назад. Конечно же, кроме Рэнди, он никого не увидел.

— Не согласна с тобой,— заявила Рэнди.— В квартирах Соренсон и Андерс действительно не обнаружено никаких следов взлома, будто убийца появился там по мановению волшебной палочки, но в твоем доме его остановила самая обычная дверь, запертая на ключ.

— Не остановила, а лишь слегка задержала,— поправил ее Уилли, наполняя заварочный чайник. Руки его слегка подрагивали.

— А как, по-твоему, убийце удалось настичь именно ту из сестер Андерс, которую он наметил в жертву? — спросила как бы невзначай Рэнди.

Уилли замер с чайником в руке:

— Что ты имеешь в виду?

— Как что? Сестры-близнецы были похожи как две капли воды — не различить. Расположение их спален преступник вряд ли знал. Так вот, был ли какой-то внутренний признак, позволивший убийце безошибочно выбрать одну из девушек, даже не разбудив другую. Иными словами, убил ли он оборотня?

— И да, и нет,— с неохотой ответил Уилли.— Дело в том, что обе сестры страдали ликантропией. А как ты догадалась, что убийца преследует именно ликантропов?

— По серебряным кандалам, которые оставили ожоги на теле Зоуи.— В голове Рэнди один за другим стали складываться куски головоломки, и она принялась излагать Уилли свою гипотезу: — И Джоан Соренсон тоже была оборотнем. И калекой... Но только как человек, а после трансформации ее тело действовало исправно. Поэтому-то преступник сковал ей не только руки, но и ноги. Непонятно все же, почему убийца расправился лишь с одной сестрой Андерс.— Рэнди в недоумении посмотрела на Уилли.— А ты уверен, что они обе были оборотнями?

— Ликантропами,— в очередной раз поправил Уилли.— Да, уверен. Когда они перевоплощались в волков, то различить их становилось еще труднее. По крайней мере, в человеческом обличье они носили разную одежду: Эми отдавала предпочтение белым тканям, а Зоуи вечно рядилась в кожу и замшу.

На кофейном столике стоял стеклянный поднос с самыми разными пилюлями: от головной боли, астмы и прочих недугов. Уилли зачерпнул пригоршню таблеток, забросил их в рот и проглотил, не запивая.

— Послушай, Уилли,— сказала Рэнди,— по-моему, сейчас самое время выложить все карты на стол.

Уилли сразу понял, к чему она клонит.

— Рэнди, дорогая, если бы я знал, кто убил твоего отца, то давным-давно сказал бы тебе. Поверь, мне это неизвестно. И, прошу меня простить, я вообще мало задумывался над этой историей.

— Не увиливай от ответа, Уилли. Моего отца убил оборотень, а ты тоже относишься к этому племени и потому не можешь оставаться в полном неведении.

— Замени слово «оборотень» на слово «еврей», «диабетик» или «лысый» и подумай, что получится. Ведь ты же не считаешь, что один лысый посвящен во все тайны другого на том лишь основании, что у обоих не хватает волос на голове? Так и с оборотнями. Да, твоего отца, скорее всего, убил оборотень, свидетельством тому — пустой пистолет и растерзанное тело, но раз ты это поняла, то постарайся уяснить и другое: просто оборотень и оборотень, который совершил убийство,— не одно и то же.

— А как много таких, как ты? — спросила Рэнди недоверчиво.

— Провалиться мне на этом месте, если знаю. Ты что же думаешь, мы сбиваемся в стаю, как только взойдет полная луна? Конечно, я всех ликантропов не знаю, мне известно лишь, что чистокровных осталось совсем немного. Однако полукровок вроде меня и незаконнорожденных отпрысков древних родов в городе наберется порядком. Надо учесть, что трансформировать свое тело может не каждый из нас. И еще я слышал о тех, кто, однажды превратившись в волка, не смог потом вернуть себе человеческий облик. К тому же ликантропия не всем достается по наследству, иные ее обретают, ну как Джоан.

— А разве Джоан отличалась от тебя и тебе подобных? — удивилась Рэнди.

Уилли тяжело вздохнул.

— Ну ты же смотрела кино и знаешь: укушенный оборотнем сам со временем становится оборотнем.— Рэнди кивнула, и Уилли продолжал: — Так вот, такое действительно случается, хотя и нечасто, особенно в наше время. Сейчас укушенный немедленно несется в больницу, там ему тщательно промывают рану, делают укол от бешенства, вводят в организм пенициллин и еще черт знает какие медикаменты, и укус проходит без последствий.

Уилли, замолчав, вгляделся в прекрасные глаза Рэнди; его охватили сомнения: сможет ли эта женщина понять его?

— Джоан была такой красивой, такой молодой, что мое сердце обливалось кровью, когда я видел ее в инвалидной коляске. Однажды она призналась мне, что очень сожалеет о том, что ей уже не дано познать радость любви. Ведь в аварию она попала, будучи девственницей. Помнится, тем вечером мы с ней изрядно выпили, она расплакалась, и... Ну, в общем, я рассказал ей о себе и о своих способностях. Она, конечно, не поверила ни единому слову, и тогда у нее на глазах я превратился в волка и укусил ее за ногу. Боли в ноге она не почувствовала, хотя зубы вошли глубоко: потом мне пришлось лечить ее раны. Конечно, никаких лекарств и вакцин я не использовал. Через несколько дней у Джоан началась лихорадка, а нога почернела и распухла. Я уже начал опасаться за жизнь девушки, но вскоре жар спал. У Джоан началась новая жизнь, правда, я после того случая дал себе зарок никогда впредь не проделывать подобных экспериментов.

— Так вы с Джоан были не просто друзьями,— сообразила Рэнди.— Вы были любовниками.

— Верно,— подтвердил Уилли,— когда она превращалась в волка.

— А в человеческом обличье она так и осталась калекой,— сказала Рэнди.

— Да, так и осталась калекой.

— Уилли, а тебе нравится быть оборотнем?

— Ликантропом.— Уилли молча осмотрел свои пальцы с явными следами ожогов, затем, вздохнув, заговорил: — Раза два, когда меня особенно сильно скручивал приступ астмы, моя способность спасала мне жизнь. И еще, когда я нахожусь в обличье волка, то почти любые, даже самые серьезные раны и болезни излечиваются с фантастической скоростью. Нравится ли мне быть таким, каков я есть? Наверное, не больше и не меньше, чем тебе — быть женщиной.

Рэнди пересекла гостиную и, остановившись у окна, вгляделась в гладь реки.

— За последние дни я узнала такое, что голова идет кругом,— призналась она.— Мой друг, которого я знаю многие годы, оказывается оборотнем. К тому же оборотнями, которым место только в кино да в книгах, кишит весь город. И еще. Кто-то или что-то убивает их и сдирает с них кожу. Волнует ли меня это? А почему это вообще должно меня волновать? — Рэнди провела рукой по волосам.— Но раз существуют оборотни, то совершенно ясно, что Рой Хелендер не убивал детей. Мой отец знал это и продолжал следствие. Потому-то истинный убийца заманил его ночью на скотобойню и растерзал... Но затем я снова смотрю на тебя.— Она отвернулась от окна и посмотрела Уилли в глаза.— И, черт возьми, я вижу перед собой прежнего друга!

Казалось, Рэнди готова расплакаться. Этого еще не хватало Уилли.

— Помнишь,— поспешно сказал он,— вначале ты отказывалась работать в моем отделе потому, что считала всех сборщиков долгов негодяями? Но потом ты поняла, что была не права.

— Помню,— призналась Рэнди.

— Так вот, то же и с ликантропами. Да, мы превращаемся в волков, в хищников, но это не значит, что, «облачившись» в шкуру, мы начинаем жаждать крови, да еще человечьей. Внутри-то мы прежние. А если среди нас есть убийца, то это — закоренелый преступник, наклонности которого не зависят от его ипостаси.

Рэнди отошла от окна и села за стол.

— Бездоказательно, хотя и логично.

— Знаешь, я не только умен, но еще и хорош в постели,— заметил Уилли.

На лице Рэнди промелькнула тень улыбки.

— Не мели попусту языком,— посоветовала она.— Лучше выкладывай все, что тебе известно об убийцах.

— Джонатан рассказывал мне древнюю легенду,— немного подумав, признался Уилли.

— Какой Джонатан?

— Тот самый Джонатан Хармон, которому принадлежат «Курьер», «Черный камень», скотобойня и еще полгорода в придачу.

— Так он тоже ликантроп? — изумилась Рэнди.

— Не «тоже». Он — прямой наследник древнего рода, и, кроме того, он — вожак стаи.

— А способность эта передается по наследству?

Уилли сразу понял, куда она клонит.

— Да,— подтвердил он,— но...

— У Стивена Хармона нездоровая психика,— перебила Уилли Рэнди.— В газетах об этом, естественно, ничего не сообщают, но слухами земля полнится. Например, о том, что у Стивена бывают приступы ничем не спровоцированной агрессии. Говорят также, что в «Черный камень» частенько наведываются психиатры.

Уилли со вздохом кивнул.

— Верно, Стивен не в своем уме. Ты видела его руки? На них же места живого нет, сплошные ожоги от прикосновения к серебру. Я лично однажды был свидетелем того, как он держал в руке серебряный подсвечник, а от пальцев его валил дым.— Уилли поежился.— Да, Стивен — псих, псих буйный, и сил у него хватит на то, чтобы оторвать у человека руку, а затем забить его этой же рукой до смерти. Но при всем этом, Рэнди, я убежден, что твоего отца он не убивал.

— Что ж, может, тебе виднее.

— Кроме того, Джоан и Зоуи убил тоже не он.

— А откуда тебе это известно?

— Вспомни, Рэнди, что женщины были не просто убиты, но и освежеваны.

— И что это значит?

— Видишь ли, о волках-перевертышах часто говорят, что они меняют шкуру, и это не просто оборот речи. Странные легенды утверждают, что вся сила перевоплощения заключена в коже и что, сняв ее с еще живого оборотня и надев на себя, простой смертный тоже приобретет способность превращаться в волка.

— И это правда?

— Правда или нет, но в эту легенду кто-то верит.

— Кто же, по-твоему?

— Кто-то, кто много размышлял об оборотнях. Кто-то, чей рассудок серьезно поврежден. Кто-то, кто однажды видел оборотня и считает его источником всех своих бед. Кто-то, кто ненавидит это племя и в то же время снедаем жгучей завистью к сильным и почти неуязвимым созданиям.

— Рой Хелендер! — вырвалось у Рэнди.

— Скорее всего, но у нас нет доказательств, как нет и самого Роя.

— Я полночи гадала, где находится его секретное убежище, но так ничего и не придумала. Можно, конечно, наудачу прочесать парки и окраины города, но прежде я предпочла бы услышать старинные легенды из уст самого Джонатана, а также собственными глазами увидеть его сынка, Стивена.— Рэнди поднялась.— Собирайся, Уилли. Мы нанесем визит в «Черный камень».

Уилли с самого начала боялся, что она выкинет что-нибудь подобное.

— О господи,— пробормотал он и, схватив со стеклянного подноса еще пригоршню пилюль, отправил их в рот.— Послушай, Хармоны — это не семейка Адамсов, с подобными лучше встречаться в кино, а не наяву.

— Вот и хорошо, что у меня появилась такая возможность,— упрямо произнесла Рэнди, и Уилли понял, что переубедить ее не удастся.

Когда они добрались до Курьерской площади, вновь зарядил дождь. Уилли остался в машине, а Рэнди зашла в оружейный магазин. Вернувшись минут через двадцать, она обнаружила, что Уилли заснул, опустив голову на руль. Постучав в стекло, Рэнди вывела его из забытья. Уилли, резко дернув головой, открыл глаза и несколько секунд моргал, приходя в себя. Затем, окончательно проснувшись, отпер дверцу со стороны пассажирского сиденья. Рэнди села в машину.

— Ну как? — поинтересовался Уилли.

— Серебряных пуль, конечно, не нашлось, но владелец лавки взялся изготовить их на заказ. У него есть крошечная мастерская где-то на окраине. Если верить его словам, он готов исполнить любую прихоть коллекционера.

— Что-то голос у тебя нерадостный,— заметил Уилли.

— А чему радоваться? Ведь серебряные пули обойдутся мне в кругленькую сумму и, кроме того, готовы будут только через две недели. И это за двойную цену — вначале речь шла вообще о месяце.— Рэнди повернула голову и стала рассеянно глядеть через окошко на бегущие по асфальту потоки воды и на подхваченную ими добычу — сигаретные окурки, обертки от конфет, обрывки вчерашних газет.

— Две недели? — недоверчиво переспросил Уилли, заводя двигатель.— Вряд ли кто-то из нас проживет так долго. Но, может, это к лучшему. Ведь само сочетание слов «серебряные пули» вызывает у меня не лучшие эмоции.

Рэнди достала револьвер отца, откинула барабан и убедилась, что там находятся все шесть патронов.

Уилли, наблюдая за ней краем глаза, заметил:

— Пули оборотню не повредят, но его может убить другой оборотень.

— Ликантроп,— поправила его Рэнди.

Уилли едва заметно улыбнулся и стал похож на того, прежнего Уилли, с которым несколько лет назад Рэнди делила офис.

Вскоре «кадиллак», поднимая фонтаны брызг, свернул на Тринадцатую улицу. Рэнди и Уилли ощутили нервную дрожь. Издалека, на фоне темного утеса, Рэнди заметила кабину канатной дороги, а затем — красные и синие вспышки полицейских мигалок.

Уилли, увидев ту же картину, ударил по тормозам. «Кадиллак» понесло на припаркованный у обочины грузовик, но Уилли сумел резко выкрутить руль влево, а затем благополучно затормозить. На лбу Уилли выступили капельки пота, но Рэнди сомневалась, что виной тому — едва не случившаяся авария.

— О господи,— пробормотал Уилли, судорожно нащупывая в кармане ингалятор.— Неужели теперь и Хармон?!

— Подожди здесь, а я выясню, что случилось,— сказала Рэнди, выходя из машины.

На улице хлестал настоящий ливень. Рэнди подняла воротник плаща и, не замечая, что шлепает прямо по лужам, направилась к тупику в конце Тринадцатой улицы. Там уже стояли фургончик коронера и три полицейские легковушки, а вскоре, лязгнув железом, прибыл еще и вагончик канатной дороги. Первым из него вышел Рогофф, за ним последовали Куни, полицейский фотограф и двое в форме. В руках они несли черный пластиковый мешок.

— Ты? — удивился Рогофф, заметив Рэнди.

— Я,— согласилась та, смахивая со лба липкие волосы.— А убийца изменил свой почерк. Остальных он убивал по ночам.

Пластиковый мешок с телом был мокрым и скользким, и несли его полицейские с явным усилием. Рогофф, взяв Рэнди под руку, отвел женщину в сторону.

— Тебе, детка, не следует смотреть на этот труп,— предостерег он.

— Почему? Он еще страшнее, чем бедняжка Зоуи Андерс? И кто там в мешке, Рогофф? Отец или сын?

— Ни тот и ни другой.— Рогофф посмотрел через плечо на вершину утеса, и Рэнди, проследив за его взглядом, обернулась туда же. С этой точки не было видно «Черного камня», одну лишь высокую проволочную ограду.— На этот раз счастье отвернулось от убийцы,— констатировал Рогофф.— Его загрызли собаки. Куни предполагает, что одежда преступника жутко пахла кровью, потому собаки разорвали его на куски.— Рогофф положил руку на плечо Рэнди.

— Нет,— обронила она, чувствуя озноб и головокружение.

— Да,— твердо сказал он.— Все кончено, и поверь мне на слово, тебе лучше не заглядывать в мешок.

Рэнди отстранилась от Рогоффа.

Полицейские грузили черный сверток в фургончик, а Сильвия Куни, вынимая изо рта даже под дождем дымившуюся сигару, давала им указания.

Рогофф попытался снова коснуться руки Рэнди, но она, вдруг сорвавшись с места, понеслась к фургончику.

— Эй! — закричала ей Куни.— Ты куда?

Мешок с телом почти полностью скрылся за дверцами машины. Рэнди резко рванула застежку-молнию. Ее руку пытал-

ся схватить полицейский. Безуспешно. Оттолкнув его, Рэнди расстегнула молнию до конца. Труп был изуродован почти до неузнаваемости и к тому же залит кровью. Рэнди, силясь разглядеть его, попыталась немного приподнять тело. Полицейские вцепились в нее с двух сторон и оттащили от фургона.

— Нет! — закричала она, слепо, неистово отбиваясь.— Во что он одет?! Покажите мне, во что он одет!!!

Руки держали Рэнди крепко. Когда истерика кончилась, женщина увидела перед собой Рогоффа и с рыданиями бросилась к нему на грудь.

Она не заметила, как подошел Уилли, не заметила, как он проводил ее в «кадиллак», как усадил в машину, как, достав из отделения для перчаток флакончик с успокоительным, сунул ей в рот таблетку. Таблетку она проглотила, а затем, уставясь в пустоту, замерла. Уилли все повторял и повторял:

— Успокойся, Рэнди. Это был не твой отец.

Наконец, немного придя в себя, она пробормотала:

— Это был Рой Хелендер. И надета на нем была кожа Джоан Соренсон.

По понятным причинам вечер старинных легенд в исполнении Джонатана Хармона пришлось отложить. Уилли повез обессилевшую подругу домой.

Ключ от входной двери нашелся у Рэнди в кармане джинсов. Уилли помог женщине добраться до спальни, уложил в постель и принялся раздевать ее. Вдруг что-то со звоном выпало из вороха одежды, которую держал Уилли. Он перевел взгляд себе под ноги: на ковре поблескивал серебряный нож.

Уилли прошел в гостиную, смешал в стакане джин с тоником и уселся в свое любимое кресло, обитое красным бархатом. Прошлой ночью он почти не спал и неплохо было бы вздремнуть, но Уилли был слишком возбужден: убийцей оказался Рой Хелендер, и теперь он мертв. Все кончено, отныне Уилли в безопасности.

Вдруг ему вспомнилось, как накануне под чьими-то ударами трещала дверь спальни. Сомнительно, чтобы она рухнула под ударами того тщедушного парня, чей труп, объеденный

собаками, Уилли видел в тупике на Тринадцатой улице. Объеденный собаками?! Какие, к черту, собаки! Конечно же, с заявившимся в «Черный камень» убийцей расправился сам Джонатан. Но по сравнению с тем, что сделали с Джоан и Зоуи, это преступление не казалось Уилли столь ужасающим. «Кто-то охотится на охотников»,— так, кажется, говорил Джонатан.

Уилли снял телефонную трубку и набрал номер «Черного камня».

— Алло,— послышался равнодушный безжизненный голос.

— Привет, Стивен.— Уилли намеревался попросить к телефону Джонатана, но вместо этого неожиданно для себя спросил: — А ты видел, как твой отец расправился с тем парнем, что незваным заявился к вам?

Тишина на том конце провода продолжалась, казалось, вечно. Наконец Стивен заговорил:

— Джонатан не убивал его. Это сделал я. Разделаться с придурком было плевым делом. Я почуял его, когда он еще шел по лесу, а он меня даже не заметил. Я, обойдя его, набросился сзади, сразу же повалил на землю и откусил ухо. Он оказался слабаком. Потом он превратился в человека, и я...

— Алло, кто это? — параллельную трубку взял Джонатан.

Уилли дал отбой. Перезвонить он всегда успеет. А Джонатан пусть поломает голову, с кем откровенничал его сын.

— «Потом он превратился в человека»,— повторил Уилли вслух.

Неужели Роя Хелендера прикончил не Джонатан, а Стивен? Мог ли Стивен это сделать?

— Проклятье! — вырвалось у побледневшего Уилли.

Где-то вдалеке настырно трезвонил телефон.

Рэнди, беспокойно заворочавшись, пробормотала:

— На нем была кожа Джоан Соренсон.

Снова зазвонил телефон.

Рэнди села в кровати. В комнате было темно и холодно, а в голове шумело.

Где она и что, черт возьми, происходит?

Опять прозвенел телефон, и на этот раз ожил автоответчик:

«Вы соединились с "ААА. Сыскным Агентством Уэйд", с вами говорит руководительница агентства Рэнди Уэйд. Сейчас я не могу лично подойти к телефону, но если вы оставите свое сообщение, то я перезвоню вам».

Рэнди, схватив трубку, закричала:

— Я слушаю. Кто это? И сколько сейчас времени?

— Это дядюшка Джо,— донеслось из трубки.— Рогофф рассказал мне, что с тобой случилось там, на Тринадцатой улице. Я очень беспокоюсь о твоем здоровье, Рэнди. Звоню тебе без перерыва вот уже несколько часов.

— Часов? — Рэнди взглянула на светящееся цифровое табло. Было начало первого.— Я спала... Всего лишь спала.

Тут Рэнди вдруг вспомнилось, как она и Уилли направлялись в «Черный камень», но доехали лишь до Тринадцатой улицы, а там... Там она увидела мертвого Роя Хелендера и кожу Джоан Соренсон на нем.

— Рэнди, как ты себя чувствуешь? У тебя голос какой-то не твой. Да ответь хоть что-нибудь!

Рэнди провела ладонью по волосам.

— У меня все нормально. Я только... Только спала.

— Хотелось бы верить,— с сомнением промолвил Эркухарт.

Рэнди предположила, что, должно быть, ее привез домой и уложил в постель Уилли. Но где же он сам?

— Ты меня слышишь?! — донесся до женщины обеспокоенный голос Эркухарта.

— Извини,— пробормотала она.— Я еще не совсем проснулась. Повтори, что ты сказал.

— Нам необходимо срочно увидеться,— произнес Джо с нажимом в голосе.— Я прочитал все, что касается Роя Хелендера и его жертв, тут, по-моему, не сходятся концы с концами. Ты была права, девочка: похоже, смерть твоего отца связана с последними событиями.— Он с секунду поколебался.— Не знаю, как тебе и сказать. Понимаешь, все эти годы я желал тебе только самого лучшего, но... но не был до конца откровенен с тобой.

Внезапно сонливость Рэнди как рукой сняло.

— Говори, говори,— торопила она.

— Это не телефонный разговор. Мне необходимо видеть твое лицо. К тому же надо кое-что показать тебе. Я заеду за тобой и отвезу на место. Пятнадцати минут на сборы хватит?

— Хватит и десяти.

Рэнди повесила трубку, соскочила с постели и, открыв дверь спальни, крикнула:

— Уилли! Уилли!

Ответа не последовало. Тогда Рэнди включила свет и, как была босиком, прошла по коридору в гостиную, надеясь обнаружить Уилли спящим на софе, но его не оказалось и там.

Руки ее были какими-то сухими и шершавыми; с недоумением взглянув на них, Рэнди обнаружила, что они покрыты засохшей кровью. К горлу подкатил неприятный вязкий комок. Она прошла в ванную комнату. Там на полу валялись ее джинсы в таких же коричнево-ржавых пятнах крови. Рэнди включила горячую воду, сбросила белье и встала под душ. Минут через пять ее тело запылало, наверное, так же, как пылала рука Уилли после ожога. Рэнди вытерлась, прошла в спальню и, отыскав в шкафу свежие фланелевую рубашку и пару джинсов, быстро оделась. Причесываться она не стала, решив, что все равно волосы намочит дождь, но в карман джинсов сунула револьвер отца, а за ремень — серебряный нож.

Поднимая с пола нож, она заметила на ковре лист бумаги. Должно быть, он упал с тумбочки.

Рэнди нагнулась. Это была записка Уилли:

«Мне нужно срочно уйти, а ты так сладко спишь, что будить тебя я не стану. Не выходи из дома и ни с кем не говори. Я разобрался, что Рой Хелендер не пытался убить Хармонов или одного из них. Страшный секрет проклятого семейства больше для меня не секрет, но нужно еще выяснить, как Стивен...»

Раздался звонок в дверь, и дочитать Рэнди не успела.

Уилли тяжело опустился на землю. До вершины утеса оставалась еще треть пути, а у него уже так неистово стучало сердце, что каждый удар отдавался болью в груди, а исцарапанные в кровь руки отчаянно ныли. Из кабинки канатной дороги утес почему-то не казался столь крутым.

Конечно, Уилли мог, превратившись в волка, одолеть подъем всего лишь в несколько десятков прыжков, но у него в голове занозой засели слова Стивена: «Я почуял его, когда он еще шел по лесу». Все верно, шансов на успех у Уилли будет больше, если он явится в человеческом обличье.

Уилли, задрав голову, оценил расстояние до вершины утеса. Взбираться еще порядком. Тогда он, вдохнув облачко лекарства из ингалятора, стиснул зубы и продолжил подъем.

Оставляя позади один пустынный квартал за другим, черный длинный автомобиль несся сквозь ночь. На Эркухарте были надеты черная с красными полосами кожаная куртка, темно-коричневый свитер и мешковатые штаны. Лишь форменная фуражка напоминала о том, что он полицейский.

— Ты ужасно выглядишь,— заметила Рэнди.

— А чувствую я себя и того хуже.— Он крутанул руль, и автомобиль, свернув на дорогу, что шла вдоль реки, покатил к утесу.— Я стар, Рэнди. Стар, как и наш поганый городишко.

— Куда мы направляемся? — спросила Рэнди.

Время было позднее, других машин на дороге почти не попадалось, река слева казалась черной бездной, а моросящий дождь превращал свет дорожных фонарей в радужные шары.

— На скотобойню,— ответил Эркухарт.— Туда, где все началось.

В машине работал обогреватель, но Рэнди вдруг стало смертельно холодно. Она сунула руку за полу плаща и нащупала удобную, словно созданную по ее заказу, ручку серебряного ножа.

— Ладно,— сказала она и положила нож на сиденье между собой и Эркухартом.

Тот, коротко взглянув на нож, поинтересовался:

— Что это?

— Серебряный нож,— пояснила она.— Возьми его.

Он окинул Рэнди непонимающим взглядом и, вновь переведя глаза на дорогу, спросил:

— Что?

— Ты отлично меня слышал,— сказала она.— Возьми нож в руку.

Эркухарт посмотрел в ее лицо, затем — на дорогу, затем — опять в ее лицо и опять на дорогу, но к ножу даже не притронулся.

— Я не шучу,— настаивала Рэнди, все более отодвигаясь от Эркухарта. Он опять посмотрел на нее и увидел нацеленный ему между глаз револьвер.— Возьми нож в руку,— настойчиво повторила Рэнди.

Эркухарт, побледнев, попытался что-то возразить, но Рэнди категорично помотала головой. Тогда Эркухарт, сняв с руля правую руку, взял нож.

— Вот,— показал он,— нож у меня в руке. Что дальше?

Рэнди, вновь сев на середину сиденья и откинувшись на спинку, с облегчением проговорила:

— Положи его обратно.

Эркухарт бросил на спутницу еще один недоуменный взгляд, но не проронил ни слова.

Ночь была холодной и темной. Уилли отдыхал на вершине утеса в кустах, вслушиваясь в шелест ударяющихся о листву дождевых капель. Изредка ему мерещились чьи-то мягкие шаги позади, а однажды послышался низкий протяжный вой где-то справа, но, скорее всего, все эти звуки были лишь плодом его разыгравшегося воображения.

Когда дыхание вновь восстановилось, Уилли, держась кустов, начал огибать Новый дом. Во всем доме горело лишь несколько окон, и Уилли надеялся, что оба Хармона уже спят. Двигался Уилли медленно, крадучись, стараясь не шуметь; после каждого шага, остановившись, напряженно оглядывался. Покажись кто-нибудь поблизости, Уилли немедленно превратится в волка. «Теперь в волчьей шкуре ему будет легче»,— решил Уилли.

Вторая кожа Уилли — плащ — так промокла, что стала тяжелой, словно свинец; в ботинках при каждом шаге хлюпало.

Обогнув Новый дом, Уилли направился через лес параллельно дороге. Вскоре поворот дороги скрылся за домом, и Уилли, перебежав на противоположную сторону, углубился в чащу. Двигался он теперь уже более быстро и открыто. «А не здесь ли Стивен напал на беднягу Роя Хелендера? — пронзила его внезапная мысль.— Наверняка это случилось где-то поблизости, и уж точно в этом вековом лесу с деревьями в несколько обхватов, с густым подлеском и с влажным мхом под ногами».

По мере того как Уилли удалялся от Нового дома, лес становился гуще, деревья — выше, а их кроны все сильнее смыкались над головой, почти не оставляя просветов. Стало еще темнее, сверху перестали падать даже редкие капли дождя, и Уилли на мгновение показалось, что он ненароком забрался в пещеру, куда со времен сотворения мира не проникал ни единый солнечный луч.

Но минут через десять деревья вдруг расступились. Уилли, вновь почувствовав на лице влагу дождя и ток свежего воздуха, поднял голову. Впереди возвышалась темная стена со слепыми глазами черных окон.

У Уилли перехватило дыхание. Выхватив из кармана ингалятор, он сунул его раструб в рот и надавил на кнопку — раз, другой, третий.

Наконец дыхание восстановилось, и он смог оглядеться. Никого.

Уилли зашагал ко входу в Старый дом, башня которого, как он уже не сомневался, служила Рою Хелендеру тайным убежищем.

Огромные двустворчатые ворота, вряд ли хоть раз открывавшиеся последние два года, теперь были распахнуты настежь. Эркухарт без колебаний въехал во двор и остановил машину рядом с приземистым кирпичным зданием скотобойни.

Рэнди вышла из машины; ее мгновенно пробрала дрожь.

— Здесь? — спросила она.— Здесь ты и нашел моего отца?

Эркухарт не спеша обвел взглядом огромный захламленный двор с подъездными железнодорожными путями и загоном, по которому обреченные коровы безропотно брели к забойщику, а тот поджидал их в забрызганном кровью кожаном фартуке с кувалдой в руке.

— Да, здесь,— подтвердил Джо, не глядя в сторону Рэнди.

Надолго воцарилась тишина. Лишь однажды вдалеке ухнул филин, а может, то было завывание ветра.

— Ты веришь в духов? — спросила Рэнди.

— В духов? — не понял Эркухарт.— В каких духов?

Рэнди, поежившись, пояснила:

— Мне кажется, Джо, что я чувствую его присутствие. Будто он все еще здесь и сейчас наблюдает за мной.

Эркухарт повернулся к Рэнди. Лицо его было мокрым, то ли от дождя, то ли от слез, а может, и от того и от другого.

— Я заботился о тебе,— сказал Эркухарт.— Как и просил твой отец, я заботился о тебе и желал тебе только хорошего.

Вдалеке под чьими-то колесами заскрипел гравий, и Рэнди увидела за изгородью свет фар приближающейся машины.

— Вы с отцом очень похожи,— произнес Эркухарт устало.— Оба упрямцы, каких поискать. А я... я заботился о тебе. Ведь так? Ты была мне как родная. Так почему же ты, черт тебя дери, не послушала меня?

Внезапно Рэнди многое стало понятно, но почему-то она не удивилась, словно уже многие годы знала правду об Эркухарте.

— Той злосчастной ночью был лишь один телефонный звонок,— уверенно сказала она.— Это ты звонил моему отцу, и это ты просил тебя прикрыть, а не он себя.

Эркухарт кивнул. На секунду его осветили фары приближающейся машины, и Рэнди заметила, что подбородок его дрожит.

— Посмотри в «бардачке»,— сказал он чуть погодя.

Рэнди села на край сиденья и открыла отделение для перчаток. Там оказались флакон с аспирином, манометр, атлас дорог и картонная коробка с патронами. Рэнди открыла коробку и высыпала на раскрытую ладонь несколько штук. В туск-

лом свете приборов они холодно блеснули. Рэнди, оставив коробку на сиденье, вышла из машины, захлопнула дверцу и недоуменно сказала:

— Это же мои серебряные пули. Я не ожидала, что их изготовят так быстро.

— Эти заказал себе Фрэнк восемнадцать лет назад,— пояснил Джо.— Я забрал их в оружейной лавке уже после похорон. Вы с ним, как я уже сказал, два сапога — пара.

Во двор скотобойни въехал автомобиль и остановился метрах в десяти. Яркий свет фар заставил Рэнди заслонить глаза рукой.

— Я просил тебя не ввязываться в это дело,— услышала она наполненный мукой голос Эркухарта.— Я предупреждал тебя! Разве ты не поняла? Им принадлежит весь город!

— Он прав, тебе следовало прислушаться к доброму совету,— приближаясь, промолвил Рогофф.

Уилли, вытянутой правой рукой постоянно касаясь стены, шел мелкими шажками по длинному темному коридору. Шум дождя не проникал за толстые стены Старого дома, и Уилли были слышны лишь гулкое эхо его шагов да учащенные удары собственного сердца.

Наконец Уилли оказался в башне перед широкой винтовой лестницей. Тусклый свет падал откуда-то сверху. Немного переведя дух, он начал подъем. Вначале он считал ступеньки, но после двухсотой сбился. За время пути ему не раз хотелось превратиться в волка, но Уилли мужественно подавлял это желание.

Достигнув верхней площадки башни, он сел на последнюю ступеньку и привалился спиной к стене, давая отдых непослушным ноющим ногам. Дышалось Уилли тяжело, он привычно сунул руку в карман, но ингалятора там не оказалось. Должно быть, обронил в лесу. Паника едва не захлестнула его душной волной, но Уилли сумел справиться с ней, убедив себя, что помощи все равно ждать неоткуда.

Слегка отдышавшись и уняв дрожь в руках, Уилли поднялся и прошел на обзорную площадку. Здесь смердило кровью,

мочой и еще чем-то резким, неприятным, отчего становилось не по себе. Крыши над площадкой не было, и Уилли, подняв голову, понял, что, пока он совершал восхождение, дождь прекратился, а ветер, разогнав облака, обнажил тусклую, бледно-розовую луну.

Уилли опустил голову. По периметру обзорной площадки стояли высокие, забрызганные засохшей кровью зеркала, они отражали небо и друг друга, так что в каждом светила луна, а за нею — еще луна, и еще луна, и так до бесконечности.

Уилли повернулся вокруг своей оси, и вслед за ним в зеркалах повернулись с десяток Уилли.

Посреди площадки находился каменный столб, в него были вбиты крючья, ветер колыхал растянутую на них кожу, и в призрачном лунном свете казалось, что кожа эта превращается то в женщину, то в волка.

И вдруг до Уилли явственно донеслись шаги по лестнице.

— Ты допустила ошибку, заказав серебряные пули,— сказал Рогофф.— Такую же ошибку в свое время допустил твой отец. Стая защищает свои интересы и потому отслеживает все подобные заказы.

Рэнди почувствовала облегчение: слава богу, что это все-таки не Уилли. И хорошо, что она прихватила серебряные пули.

— Даже если патроны все еще годятся для стрельбы, зарядить ими револьвер ты не успеешь,— будто прочитав ее мысли, заметил Рогофф.

— Патроны тебе не понадобятся,— заверил ее Эркухарт.— Рогофф всего лишь поговорит с тобой. И вообще, они дали мне слово, детка, что никому не причинят вреда.

Рэнди раскрыла ладонь. Патроны высыпались на землю, а сама она повернулась к Эркухарту.

— А ведь ты был лучшим другом моего отца. Он считал тебя самым храбрым, самым мужественным полицейским во всем отделении.

— У меня не оставалось выбора,— пробормотал Эркухарт.— Ведь у меня семья, дети. Мне твердо обещали, что если осудят Роя Хелендера, то дети больше пропадать не будут, а если

я продолжу копать это дело, то на очереди окажутся мои дочери.

— Мы убиваем исключительно в целях самозащиты,— сказал Рогофф.— Не скрою, человеческая плоть особенно вкусна, но употреблять ее слишком рискованно.

— А как же дети? — спросила Рэнди.— Их вы убивали, тоже защищая себя?

— Это было давно,— философски изрек Рогофф.

Джо стоял, понурив голову, он был сломлен. Вдруг Рэнди поняла, что сломался он годы назад, ведь после гибели ее отца он ни разу не ходил на охоту.

— Детей убивал Хармон-младший,— произнес Джо подавленно.— У него всегда было не в порядке с головой: детей он убивал и пожирал. Джонатан Хармон признался, что это ужасно, но арестовать сына он все же не позволит. Он заверил меня, что уже управляет... управляет аппетитами Стивена и что если мы закроем дело, то больше дети пропадать не будут. Свое слово он сдержал: Стивена вылечили, и убийства прекратились.

Рэнди понимала, что ей следовало бы ненавидеть Эркухарта, но она испытывала к нему лишь жалость. Ведь за восемнадцать лет он так ничего толком и не понял.

— Джо,— сказала она,— Хармон лжет. Стивен детей не убивал.

— Нет, убивал,— упрямо возразил Эркухарт.— Он не в своем уме. А остальные... С ними можно договориться, уж поверь мне.

— Так же, как с ними договорился ты? — спросила Рэнди.— И как Барри Шумахер?

Эркухарт кивнул.

— Да. Они — такие же, как мы, и среди них, как и среди нас, обычных людей, попадаются сумасшедшие. И не стоит винить их в том, что они защищают свою жизнь, ведь так? Взгляни на Майка. Он хотя и из их породы, но полицейский отменный.

— Да,— заметила Рэнди,— полицейский он превосходный, но через минуту-другую превратится в волка и вцепится мне в горло.

— Рэнди, милая, послушай,— взмолился Эркухарт.— Ты вправе уйти отсюда, и тебя никто не тронет. Я возьму тебя в полицию, и ты будешь работать с нами, помогать нам... поддерживать в городе мир и порядок. Твой отец мертв, и его уже не вернешь, а Хелендер получил по заслугам. Ведь он убивал их и снимал с них живьем кожу. Стивен болен, серьезно болен, и он был болен всегда, но...

Рогофф наблюдал за реакцией Рэнди, прищурив глаза.

— Он так ничего и не понял,— сказала Рогоффу Рэнди и вновь повернулась к Джо.— Стивен болен сильнее, чем ты себе представляешь. Ему кое-чего недостает. Кое-чего, что есть у всех его предков. Андерсы и Рочмонды, Фламбо и Хармоны — четыре древних рода. Каждый в этих семьях был оборотнем, каждый вступал в брак лишь с себе подобным, и так — столетия, поколение за поколением. А знаешь, к чему ведут браки между близкими родственниками? К вырождению, вот к чему! Так и появился сумасшедший Стивен. Но детей он не убивал. Рой Хелендер собственными глазами видел, как его сестру унес волк, а Стивен быть этим волком не мог. Ведь от предков он унаследовал волчий аппетит, нечеловеческую силу, боязнь серебра, но и только. Последний наследник по прямой обделен самым главным — он не способен превращаться в волка!

— Она права,— спокойно заметил Рогофф.

— Джо, ты никогда не задумывался, почему ни разу не были найдены останки тел? — спросила Рэнди.— Да потому, что Стивен не убивал детей; их убивал Джонатан и уносил в «Черный камень».

— У старика была дурацкая идея, что если скормить Стивену достаточно много человечины, тот станет полноценным оборотнем,— пояснил Рогофф.

— Идея, судя по всему, не принесла плодов,— заключила Рэнди и, достав из кармана записку Уилли, пробежала ее глазами, а затем выронила. Все, о чем она догадалась или узнала за последние несколько минут, было в этой записке. Прочитай она послание друга до встречи с Джо, не угодила бы в столь скверную историю.

— Да, теория старика Джонатана не подтвердилась,— согласился Рогофф,— но Стивен вошел во вкус. Вообще, по себе знаю, что, однажды вкусив человечины, потом трудно остановиться.

Рогофф задумчиво посмотрел на Рэнди, будто что-то взвешивая, а затем начал...

...изменяться. Немедленно в его легкие хлынул холодный живительный воздух, а кости и мышцы, запылав огнем, стали, точно разогретый воск в умелых руках, менять форму.

Вскоре слух и обоняние его обострились; ночь оказалась наполненной свистом ветра и шорохом падающих с листьев и веток дождевых капель, шелестом крыльев летучих мышей и шумом городских автомобилей. И еще чьими-то неторопливыми шагами на лестнице и тяжелым духом, исходящим волнами от того, кто поднимался сюда. В духе этом угадывались запахи лосьона после бритья, давно не мытого тела, пота и крови.

Уилли, не отрывая глаз от дверного проема, попятился; из горла его вырвалось тихое, но грозное рычание, а длинные желтые зубы предупреждающе обнажились.

В дверном проеме появился Стивен, его холодные голубые глаза встретились с горящими красными глазами Уилли, и определить, в чьих меньше человеческого, казалось невозможным. Стивен был обнажен, движения его — медленны и неточны, отчего Уилли вначале решил, что Стивен не ведает, что творит. Однако в следующую минуту Уилли убедился в обратном — парень, улыбнувшись, потянулся к висящей на крючьях шкуре...

Уилли, не размышляя, прыгнул.

Он ударил Стивена грудью в грудь, и тот, не выпуская из рук кожи Зоуи, упал. На секунду открылось незащищенное горло придурка, но Уилли заколебался и потерял инициативу. Стивен схватил обеими руками переднюю лапу Уилли и переломил, словно сухую палку. На мгновение от боли Уилли лишился сознания, а в себя пришел уже в воздухе, после того как Стивен, не вставая с пола, поднял его над собой и

отшвырнул. Уилли врезался в зеркало. Зеркало разлетелось на острые, словно кинжалы, осколки, один из которых впился Уилли в бок.

Уилли по инерции перекатился со спины на живот, осколок разломился и глубоко вонзился в его тело. Уилли жалобно взвизгнул, а Стивен на противоположном конце комнаты поднялся на ноги.

Уилли тоже встал. Осколок в боку при каждом движении давал о себе знать такой резкой болью, что Уилли плохо владел собственным телом.

Стивен накинул на себя кожу Зоуи, и на секунду Уилли испугался, что сейчас этот торговец шкурами из рода торговцев шкурами изменится, и тогда уже он, Уилли, станет легкой добычей, а чуть позже — и безжизненным куском мяса.

К счастью, Стивен так и остался Стивеном, и Уилли, открыв пасть, пошел на него, но, как выяснилось чуть позже, слишком медленно. Стивен ударом ноги под ребро сшиб Уилли с лап, а затем этой же ногой придавил к полу. Уилли попытался высвободиться, но Стивен был очень силен. Внезапно Уилли вспомнилась картина из детства: придавленная к земле собачонка с оторванными лапами.

И тогда Уилли, сложившись пополам, со всей силы впился зубами в икру Стивена.

В пасть хлынула горячая кровь и, проникнув в горло, словно наркотик, придала сил. Стивен отпрыгнул назад, а Уилли, немедленно вскочив, бросился на него и укусил снова, на этот раз глубже, сильнее. Тяжелым, гулким колоколом в голове отдался удар Стивена, но Уилли уже поверил в себя. Внезапно он совершенно четко понял, что способен разорвать Стивена на куски, и принялся снова и снова кусать его, отрывая от тела куски плоти и упиваясь льющейся в гортань горячей кровью.

И затем, словно издалека, донесся тоненький мальчишеский голос Стивена:

— Нет, папа, не надо! Пожалуйста, не кусай меня! Не кусай меня больше, папа!!!

Уилли на секунду замер, а затем отступил назад.

Стивен, всхлипывая, сел на пол. Он был весь в крови, на бедрах, икрах, плечах и руках виднелись глубокие раны, на правой руке недоставало трех пальцев.

И вдруг Уилли испугался.

Он не понял почему. Ведь Стивен был сломлен, и Уилли мог в любую секунду перегрызть ему горло или оставить в живых, но это уже не имело значения. Что-то было не так, ужасно не так. Уилли показалось, что вдруг ударил лютый мороз, и каждый волосок на его теле встал дыбом. Что же, черт возьми, происходит?!

Уилли едва слышно завыл и, не спуская настороженных глаз со Стивена, медленно попятился к двери. Стивен захихикал.

— Ты вызвал его,— загнусавил он.— Вызвал, забрызгав свежей кровью зеркала. Ты снова вызвал его.

Комната и все в ней как будто пришло в движение, закрутилось, закачалось; из зеркал забил ослепительный лунный свет. А может быть, то была уже не луна.

Уилли вгляделся в зеркала.

В них уже не было отражений: ни Уилли, ни Стивена, ни луны,— а за окровавленными блестящими поверхностями клубился густой серебристый туман.

И что-то в этом тумане двигалось, перебегало от зеркала к зеркалу, стремясь поскорее вырваться наружу.

Уилли на миг увидел это ЧТО-ТО, затем потерял из виду, затем вновь увидел. Это ЧТО-ТО было сразу и перед ним, и позади, и сбоку. Оно представлялось Уилли то зловонной змеей с крупной влажной чешуей, то человеком с бездонными дырами вместо глаз и блестящими серебряными ножами вместо пальцев, то закутанной в саван фигурой без лица. Оно постоянно менялось, и каждая новая форма становилась темнее и ужаснее предыдущей. Оно было кошмаром, ожившим в комнате смеха; оно было охотником, охотящимся в ночи на охотников.

И оно рвалось наружу.

— Свежеватель! — окликнул его Стивен.

Поверхность зеркал вздыбилась и пошла волнами, словно океан в бурю; серебристый туман стал рассеиваться, и Уилли

с ужасом осознал: с каждой секундой существо в зеркалах видится все яснее, все четче. К тому же оно, без сомнения, видит Уилли; очень скоро туман полностью испарится, зеркала превратятся в двери, и из них выйдет Свежеватель...

...выползать из одежды. Глаза его на черной, как уголь, морде горели янтарем, обнаженные клыки сверкали точно кинжалы из слоновой кости. Он был немного меньше, чем Уилли в обличье волка, но мех у него был гуще и темнее.

Волк не торопясь пошел на нее, и Рэнди попятилась, но, упершись спиной в дверцу автомобиля, вынуждена была остановиться. В ее руке был зажат серебряный нож, но сейчас он казался детской игрушкой.

Волк приготовился к прыжку, а Рэнди — к схватке. Тут между ними встал Эркухарт.

— Нет,— произнес он на удивление твердо.— Ты обещал мне, что только поговоришь с ней.

Волк предостерегающе зарычал.

Эркухарт молниеносно выхватил пистолет и, держа его двумя трясущимися руками, направил на волка.

— Стой где стоишь! — закричал он.— Рэнди не успела зарядить револьвер серебряными пулями, но зато у меня на это было целых восемнадцать лет. Я по-прежнему начальник полиции этого проклятого городишки, и я объявляю тебя арестованным.

Рэнди незаметно отперла машину.

Волк на секунду застыл, устремив горящие глаза на Джо, и Рэнди показалось, что блеф должен сработать. Но через секунду волк, запрокинув голову, завыл, и от лица Рэнди мгновенно отхлынула краска. Этот вой Рэнди узнала немедленно, поскольку слышала его во сне сотни раз и отлично понимала его значение. Это первобытное чувство было, наверное, унаследовано ею от предков, живших в пещерах и в страхе разбегавшихся перед стаей волков.

Рэнди распахнула дверцу машины и едва успела занести правую ногу, как волк прыгнул.

Раздались подряд два выстрела, затем волк сшиб грудью Эркухарта и прижал к дверце машины. Рэнди уже влезла на

сиденье, но не успела подтянуть левую ногу. Удар в дверцу был таким сильным, что ногу Рэнди пронзила страшная боль, она даже слышала, как затрещала кость. Эркухарт выстрелил еще раз; несколько позже раздался его крик.

Нога Рэнди оказалась словно в капкане, который к тому же продолжал сжиматься все сильнее под ударами неистовой схватки. Джо кричал, а боковое окошко, словно каплями дождя, покрывалось брызгами его крови. Голова Рэнди раскалывалась от боли, ей даже показалось, что она вот-вот лишится чувств, но все же, упершись плечом, она смогла приоткрыть дверцу и втащить сломанную ногу в салон машины. Последовавший немедленно удар захлопнул дверцу, а Рэнди, поспешно заперев ее на замок, в изнеможении рухнула на руль.

Крики Джо стихли, но не стих лязг зубов и неистовое рычание. Рэнди вдруг вспомнились слова Рогоффа: «...однажды вкусив человечины, трудно потом остановиться».

Рэнди вытащила револьвер, откинула барабан и трясущейся рукой извлекла из него патроны. Затем, нащупав на сиденье картонную коробку, открыла ее и достала пригоршню патронов с серебряными пулями.

Снаружи воцарилась подозрительная тишина. Рэнди подняла голову.

На капоте машины сидел волк.

Уилли изменился.

Изменился он чисто инстинктивно, сам не зная почему. Вместе с человеческим обликом пришла нестерпимая боль. Засевшее под ребрами, совсем рядом с легкими, стекло заставляло согнуться пополам; ныла искалеченная рука.

После трансформации Уилли обнаружил, что туман почти рассеялся, а ближайшее зеркало пульсирует, словно живое.

Стивен сидел, привалившись спиной к стене, и самозабвенно слизывал кровь с пальцев.

— Смена ипостаси тебе не поможет,— сказал он безразличным тоном.— Свежевателю плевать, в человеческом ты облике или в волчьем. Уж если он был вызван, то шкуру получит обязательно.

Слезы боли застилали Уилли глаза, но все же он снова увидел в зеркале позади Стивена черную, отливающую серебром фигуру, рвущуюся наружу.

Уилли с трудом поднялся на ноги, и боль чугунным колоколом отозвалась в голове. Уилли, помогая здоровой рукой, прижал больную к груди и сделал шаг к двери. В босые ступни немедленно впились осколки. Уилли посмотрел под ноги: весь пол был усеян острыми кусками зеркала.

В голове Уилли вдруг прояснилось, и он поспешно оглядел комнату, считая про себя. Шесть, семь, восемь, девять... Десятое разбито, следовательно, осталось всего девять зеркал.

Уилли, чуть разбежавшись, налетел на ближайшее. Зеркало с радующим душу звоном разлетелось на тысячи частей, и Уилли принялся, словно таран, налетать на зеркала, круша одно за другим. Вскоре от собственной крови ему стало скользко ступать, а глаза заволокла багровая дымка боли. Разбивая очередное зеркало, он упал и глубоко поранил лицо. Моргая, поднялся и отер здоровой рукой кровь с глаз. Под ногами валялся его собственный, пропитанный кровью и усыпанный блестящими осколками плащ, чуть дальше стоял Стивен, а за ним было зеркало. Или дверь?

— Одно ты пропустил,— отрешенно сообщил Стивен.

Что-то твердое ударило Уилли под ребра, и он повалился. Не глядя, сунул руку во внутренний карман плаща и ощутил холод металла.

— Свежеватель пришел за тобой,— опять послышался блеклый голос Стивена.

Кровь заливала глаза, лишая Уилли зрения, но чувствовать он еще мог. Ориентируясь на голос, он выбросил вперед руку, и зажатый в ней «Мистер Ножницы» пронзил живот Стивена. Тот беспомощно повалился назад.

Последнее, что услышал Уилли, были крик и звон разбитого стекла.

Как ни пыталась Рэнди взять себя в руки, ее одолевал страх. Это был даже больше чем просто страх.

С морды волка на капот стекали кровь и слюна, а глаза, пылающие красным огнем, неотрывно смотрели на Рэнди.

Она попыталась засунуть в барабан револьвера патрон с серебряной пулей, но выронила его, и тот упал на пол машины. Немедленно она стала вставлять другой.

Волк медленно попятился, соскочил с капота и скрылся из виду. Рэнди посмотрела вокруг, но машину облепила тьма. Рэнди подняла глаза на зеркальце заднего вида, но в нем мерцал какой-то серебристый туман.

Где же волк?

Рэнди поежилась.

И вдруг она увидела его. Он, набирая скорость, стремительно несся к автомобилю.

Рэнди, сконцентрировав все внимание на револьвере, вложила в барабан патрон, взяла тремя пальцами другой, но волк, запрыгнув на капот, ударился грудью в лобовое стекло. Стекло пошло трещинами. Волк, оскалившись, отбежал на этот раз совсем недалеко от машины, снова запрыгнул на капот и снова нанес удар в стекло. Затем еще раз повторил то же самое. И еще раз. От каждого удара Рэнди подбрасывало на сиденье, а стекло покрывалось все новыми трещинами.

Кое-как, улучив момент, она все же сунула в барабан второй патрон и взялась за третий. Волк вновь обрушился на стекло. Рэнди зарядила подряд третий и четвертый патроны и защелкнула барабан. В ту же секунду стекло, рухнув под очередным ударом, влетело в салон машины.

Револьвер выпал из рук Рэнди; грудь придавило молочно-белое от тысячи трещин, но все же не разбившееся противоударное стекло. Затем стекло отлетело в сторону, а перед самым лицом Рэнди возникла перепачканная кровью морда с горящими красным огнем глазами.

Волк распахнул пасть, на Рэнди пахнуло горячим зловонием.

— Негодяй! — закричала на волка Рэнди.

Вдруг по шее волка скользнуло что-то острое, отливающее серебром.

Рэнди не поняла, что же произошло, не понял этого и волк, но красный огонь в его глазах потух, а ему на смену пришли боль и страх. Вновь у шеи волка блеснули серебряные ножи,

и пасть зверя наполнилась кровавой пеной. Затем волк задрожал всем телом, и какая-то сила сбросила его с машины. Запахло паленым. Волк взвыл, потом заорал, почти как человек.

Рэнди, превозмогая боль, отперла дверцу автомобиля и, навалившись на нее плечом, оттолкнула тело Джо Эркухарта. Уже выбираясь из машины, она обернулась.

Черная рука с длинными и острыми серебряными лезвиями затягивала волка в зеркальце заднего обзора. Тело волка вибрировало, а морда его все больше походила на человеческое лицо.

Рэнди подняла с пола машины револьвер, сняла его с предохранителя и, приставив ствол к голове волка, четыре раза нажала на спусковой крючок. Затем она выбралась из машины, но стоило ей ступить на раненую ногу, как все тело отозвалось дикой болью. Рэнди повалилась на колени.

Издалека донесся вой сирен.

— ...каким-то животным,— сказала она.

Сухопарый детектив средних лет, окинув Рэнди равнодушным взглядом, захлопнул записную книжку и спросил:

— Это все, что вы имеете сообщить? Что начальника полиции Эркухарта сожрало какое-то животное?

Ей хотелось ответить резкостью, но все тело так болело, особенно левая нога, на которую был наложен гипс, что сил у Рэнди хватило лишь на то, чтобы едва слышно пробормотать:

— А чего вы от меня добиваетесь? Я видела только огромное животное, похожее на волка.

Детектив, с сомнением покачав головой, изрек:

— Отлично. Значит, говорите, что шеф был убит каким-то похожим на волка животным. Но тогда где же Рогофф? Его машина стояла во дворе скотобойни, его кровью залит весь салон автомобиля шефа, а вы несете... Где, черт возьми, Рогофф?

Рэнди, устало закрыв глаза, сказала:

— Понятия не имею.

— Ладно, я еще вернусь.— Детектив поднялся.

Хлопнула дверь, а Рэнди осталась лежать с закрытыми глазами, надеясь, что сон все же придет к ней.

— Он не вернется,— послышался рядом мягкий голос.— Уж об этом мы позаботимся.

Рэнди открыла глаза. У ее кровати стоял одетый во все черное старик с седыми волосами до плеч; в руках он держал трость с золотым набалдашником в виде головы волка.

— Меня зовут Джонатан Хармон,— представился он.

— Я видела ваши фотографии в газетах и знаю, кто вы. Вы — ликантроп.

— Нет, я — оборотень,— поправил ее старик.

— Уилли... Что случилось с Уилли?

— Стивен мертв,— проговорил Джонатан Хармон.

— Туда ему и дорога! — воскликнула Рэнди.— Ведь это он вместе с Роем убивал и сдирал кожу с ликантропов. Стивен ненавидел всех своих родственников, потому что они могли трансформироваться, а он нет. Но как только ваш сын заполучил кожу, Хелендер стал ему уже обузой. Ведь так?

— Не скажу, чтобы я был особенно опечален его гибелью. Ведь достойным наследником рода Стивен не стал.— Джонатан подошел к окну и, отдернув занавеску, заметил: — А когда-то наш город был великим городом крови и железа, но теперь его до основания разъела гниль.

— Наш чертов город,— промолвила Рэнди.— А все-таки, что произошло с Уилли?

— Жалко Зоуи, но Свежеватель, коли однажды его потревожили, следует от зеркала к зеркалу и останавливается, лишь заполучив шкуру. Ему прекрасно известен наш запах, но, к счастью, удаляться от ворот в свой мир он может лишь на несколько десятков метров. Не представляю, как вашему другу-полукровке удалось улизнуть от Свежевателя дважды... на беду Зоуи и Майку.— Джонатан, резко повернувшись, оглядел Рэнди.— Но вам вряд ли стоит рассчитывать на столь счастливое стечение обстоятельств. Знайте же, что вами уже всерьез занялась стая. Отныне доктор, который пропишет вам лекарство, аптекарь, который это лекарство приготовит, мальчонка-посыльный, который это лекарство доставит, в общем, любой может оказаться одним из стаи. Запомните, что мы своих врагов не забываем и не прощаем, мисс Уэйд. Вам следовало бы это знать заранее, впрочем, как и вашему отцу.

— Так это вы были на скотобойне в ту ночь, когда мой отец...— Голос Рэнди сорвался.

Джонатан кивнул.

— Ваш отец, надо отдать ему должное, был отменным стрелком. Все шесть пуль из его револьвера угодили прямо в меня. Так я получил то, что называю теперь своими боевыми ранениями. Рентгеновские снимки до сих пор показывают эти пули, но мой личный врач не отличается излишним любопытством.

— Я убью вас! — воскликнула Рэнди.

— Вряд ли.— Джонатан наклонился над кроватью.— Возможно, как-нибудь ночью я сам заявлюсь к вам. У вас будет возможность убедиться, что хотя шерсть у меня и бела как снег, зато и размерами, и силой я значительно превосхожу полукровок вроде Майка и Уилли. Все-таки чистая кровь есть чистая кровь. Перед смертью вы убедитесь в том, что я — тот самый кошмар, который преследовал людей от сотворения мира.— Джонатан, растянув губы в полуулыбке-полуоскале, повернулся и зашагал из палаты, но у самой двери приостановился и добавил: — Приятных вам сновидений, мисс Уэйд.

Понятно, что сон не шел к Рэнди, даже когда опустилась ночь. Рэнди лежала в полутьме, устремив глаза в потолок, и ей было так одиноко, как никогда в жизни. Уилли, ее друг Уилли, был, скорее всего, мертв! Глаза Рэнди наполнились слезами.

Плакала она долго, вспоминая Уилли, Джоан Соренсон, Джо Эркухарта и, конечно, своего отца, Фрэнка Уэйда. Часа через два слезы иссякли, но Рэнди продолжала едва слышно всхлипывать.

Внезапно дверь приоткрылась, и тьму разрезал острый, как нож, луч света.

— Кто здесь? — прохрипела Рэнди.— Отвечайте, а иначе я буду кричать.

Дверь бесшумно затворилась.

— Тише, или нас услышат,— попросил слегка испуганный голос, принадлежавший, несомненно, молоденькой женщине.— Дежурная сестра сказала, чтобы я приходила завтра, в положенные для посещения часы, но он велел мне немедленно идти к вам, вот я и пробралась сюда тайком.

Посетительница несмело приблизилась к постели. Рэнди включила ночник над головой и увидела симпатичную веснушчатую брюнетку лет двадцати.

— Я Бетси Джуддикер,— прошептала гостья.— Уилли попросил меня передать вам кое-что на словах.

На мгновение сердце Рэнди остановилось, а затем забилось в бешеном темпе.

— Уилли?! — сдавленным голосом переспросила Рэнди.— Говорите же, не молчите!

— Он просил передать какую-то глупость, и я даже...

— Говорите, какими бы глупыми его слова вам ни казались!

— Он просил передать, что сам не может вам позвонить, поскольку опасается, что стая прослушивает линию. Ему пришлось туго, но он жив и совсем скоро поправится. Он на севере, у знакомого ветеринара, который выхаживает его. Понимаю, что это звучит глупо, но Уилли так и сказал: «у ветеринара».

— Продолжайте же,— нетерпеливо попросила Рэнди.

Бетси кивнула.

— По телефону в его голосе звучала боль, и он сказал, что... что его тело так разбито, что изменяться он может пока только на несколько минут, но ветеринар уже извлек из него почти все осколки стекла и вправил ногу. Затем он сказал, что ночью подходил к моему дому и оставил кое-что для вас.— Бетси раскрыла сумочку.— Вот что нашел мой сынишка рядом с почтовым ящиком.

Бетси подала Рэнди узкий осколок зеркала длиной с палец.

— Спасибо,— поблагодарила Рэнди, беря в руку холодное, точно ледышка, стекло.

— Осторожно, оно острое,— предостерегла Бетси.— Уилли сказал еще кое-что совсем непонятное, однако он настаивал, что это очень важно. Слушайте: там, где он находится, нет ни единого зеркала, но в «Черном камне» их было превеликое множество.

Рэнди, проведя пальцем по краю зеркального осколка, уверенно кивнула, хотя сама поняла пока далеко не все из того, что рассказала ей Бетси.

— Ой, да вы порезались! — воскликнула та.— А ведь я вас предупреждала.

Тупиковый вариант

Свернув с автострады на двухрядный серпантин, машина запетляла среди склонов, густо поросших сосняком, и увенчанных снеговыми шапками вершин. Стремительно чередовались подъемы и спуски; в эти минуты сердце, словно на «американских горках», ухало вниз, и закладывало уши. Под ясным, пронзительно синим небом мелькали быстрые потоки и искрящиеся на солнце водопады. Однако красоты пейзажа нисколько не улучшили настроения Питера. Продолжая хмуриться, он целиком сосредоточился на дороге и дал волю водительским рефлексам.

Горы поднимались все выше, приемник работал с помехами. На поворотах звук ненадолго усиливался, потом вновь замирал и наконец исчез совсем. Кэти до упора прокрутила ручку настройки, вернулась по шкале назад, но, так и не сумев найти ни одной станции, раздраженно щелкнула выключателем.

— Ну, будем играть в молчанку?

Питер и не глядя на жену знал, что она на взводе. Резкость и сарказм давно вытеснили из ее голоса нежные интонации. Сейчас она искала ссоры.

С самого начала все пошло вкривь и вкось — он чуть не силком заставил Кэти поехать; а тут еще это радио. Но, разумеется, она обозлена не поездкой, а тем, что так промахнулась, выйдя за него замуж. В периоды обострения самоедства Питер даже не осуждал ее скандальность. Он и впрямь

© Перевод П. Полякова.

оказался незавидным мужем — несостоявшийся писатель, неудавшийся журналист, незадачливый коммерсант... Вечно подавлен и хмур — такой на любого нагонит тоску. Разве что в пикировках еще на что-то годится — можно сказать, хорош. Потому-то, видимо, Кэти так часто и пытается спровоцировать скандал. Когда запал иссякает, кто-нибудь из двоих, если не оба, обычно пускает слезу, потом они, как правило, предаются любви, и жизнь на час-другой становится сносной. А больше между ними практически ничего не осталось.

Но сегодня Питеру не хотелось вступать в перепалку — он не чувствовал в себе достаточно сил, да и мысли были далеко.

— О чем же ты хочешь поговорить? — спросил он, не отвлекаясь от шоссе и постаравшись придать голосу побольше дружелюбия.

— Ну хотя бы о той развеселой компании, куда ты меня тащишь.

— Я ведь сказал тебе: это мои товарищи по шахматной команде из Северо-Западного.

— С каких пор шахматы стали командной игрой? — иронически поинтересовалась Кэти.— Вы что, выбирали ходы большинством голосов?

— Да нет, командный шахматный турнир — это просто серия обыкновенных поединков на четырех-пяти досках. Во всяком случае, так они проводились в наших университетских соревнованиях. Никаких консультаций и тому подобного. Побеждает команда, выигравшая наибольшее количество индивидуальных матчей. Смысл здесь, как бы тебе объяснить...

— Не трудись; если я ничего не смыслю в шахматах, это не значит, что я круглая идиотка. Итак, ты со своими тремя дружками входил в сборную Северо-Западного?

— И да и нет,— буркнул Питер.

«Тойота», не приспособленная для крутых подъемов, натужно выла. Питер пожалел, что перед отъездом из Чикаго не удосужился отрегулировать двигатель. Машину следовало вести осторожнее — они забрались уже настолько высоко, что кое-где попадались сползшие на шоссе снежные языки, а иногда дорогу пересекали блестящие полосы льда.

— И да и нет? — хмыкнула Кэти.— Как прикажешь это понимать?

— Раньше Северо-Западный был сплошным шахматным клубом. Мы проводили множество турниров — местные соревнования, первенства штата и даже страны. Иногда приходилось состязаться сразу с несколькими противниками, поэтому состав сборной частично менялся: один игрок мог участвовать, другой — нет, если, например, сдавал экзамены или только что отыграл и выдохся,— все учитывалось. Наша четверка называлась второй сборной. На этой неделе исполняется десять лет с тех пор, как мы участвовали в Североамериканском чемпионате университетских команд. Наш университет был устроителем, и на меня помимо игры легла масса организаторских забот.

— Вторая сборная? Значит, была и первая?

Питер откашлялся и аккуратно вписался в крутой поворот. Одно колесо все-таки задело за уступ, и по днищу забарабанил гравий.

— Каждый университет имел право выставить несколько сборных. Были бы деньги, а желающих сыграть всегда хватало. Четверо лучших входили в главную команду, следующая четверка — во вторую, и так далее.— Питер умолк на секунду и продолжил с оттенком гордости: — Наш национальный чемпионат превзошел размахом и числом участников все предыдущие... Потом этот рекорд, конечно, побили... Но мы установили и другой, он держится до сих пор. Поскольку турнир проводился у нас, а игроков в нашем распоряжении имелось предостаточно, то мы выставили сразу шесть команд! Ни до, ни после ни один университет не выставлял на такие первенства больше четырех сборных.

Он улыбнулся собственным воспоминаниям. Может, это достижение не самое выдающееся, но оно — его, Питера, кровное, родное. И не важно, что оно осталось единственным — миллионы людей живут и умирают, так и не установив ни единого рекорда. Надо бы указать в завещании — пусть так и выбьют на его надгробии: «Здесь покоится Питер К. Нортен, который выставил сразу шесть сборных». Он усмехнулся.

— Что в этом смешного?

— Да нет, ничего.

Кэти не стала уточнять.

— Значит, ты руководил чемпионатом?

— Ну не совсем так. Я был президентом нашего клуба и председателем оргкомитета. Я не руководил турниром как таковым, но составил заявку на его проведение именно у нас, в Эванстоне. Через меня велись все предварительные переговоры и приготовления, я решал, кто где будет играть, распределял игроков по командам и назначал капитанов. Но во время самих соревнований я был уже просто капитаном второй сборной.

Кэти едко рассмеялась.

— Тоже мне деятель, лидер резерва. Весомый титул, а главное — прекрасно вписывается в историю твоей жизни.

Питер чуть не нагрубил в ответ, но сдержался. «Тойота» взяла еще один крутой поворот, и впереди развернулась панорама гор Колорадо, которая, однако, оставила Питера совершенно безучастным.

Немного погодя Кэти опять принялась за свое.

— Почему же ты забросил свои шахматы?

— После колледжа как-то постепенно перестал играть — не то чтобы намеренно, а просто отдалился от той среды, в которой прежде жил, выпал из круга... Лет девять не участвовал ни в одном турнире и, наверное, основательно потерял форму. А раньше играл довольно неплохо.

— Довольно расплывчатая оценка.

— В мою команду входили только игроки первой категории А.

— Вот как... И что это означает?

— А то, что, согласно американской квалификационной системе, наш уровень значительно превышал уровень громадного большинства шахматистов, допускаемых к соревнованиям,— проворчал Питер.— Между прочим, самодовольные любители — ну знаешь, те, что сидят по барам да кофейням и с умным видом разбирают партии знаменитостей,— классным игрокам в подметки не годятся. После категории А идут по нисходящей B, C, D и E, а выше — уже только эксперты, мастера и гроссмейстеры, но таких совсем немного.

— Ах, только-то и всего?

— Да.

— Так бы сразу и сказал, а то: «первая категория, первая категория». Стоит ли хвалиться, если ты не то что до мастера — даже до эксперта не дотянул.

Он посмотрел на жену. Кэти сидела, удобно положив затылок на подголовник; на лице играла довольная ухмылка. Питер вдруг разозлился.

— Стерва.

— Не отвлекайся, ты за рулем! — с готовностью огрызнулась Кэти.

На следующем повороте он резко крутанул баранку и посильнее вдавил педаль газа. Машина рванулась вперед. Кэти терпеть не могла быстрой езды.

— Черт меня дернул взять тебя с собой. Слова не скажешь по-человечески.

Она захихикала.

— Мой муж — выдающаяся личность. Третьеразрядный шахматист университетской команды юниоров. Жаль только, водитель никудышный.

— Заткнешься ты или нет? — прорычал Питер.— Если не понимаешь, о чем речь, сиди да помалкивай. Может, наша команда и называлась второй сборной, но это была хорошая команда. Мы завершили турнир с результатом, которого никто от нас не ожидал,— всего на пол-очка отстали от первой сборной, причем едва не нанесли поражение чемпиону.

— Потрясающе! И как это вам удалось?

Питер уже пожалел о своих словах. Он дорожил этим воспоминанием почти так же, как своим маленьким глупым рекордом. Он-то знал, насколько близок был успех, но Кэти этого никогда не понять, для нее все его неудачи одинаковы. Ему не следовало упоминать о той игре.

— Ну же, дорогой, поведай мне о великой почти победе,— не унималась Кэти,— я вся внимание.

Слишком поздно, сообразил Питер, теперь она не отвяжется. Будет приставать и язвить, пока он не сдастся. Лучше уж покончить с этим сразу.

— Ладно,— со вздохом начал он,— только придержи пока свой ядовитый язычок. На этой неделе минет десять лет с того дня. Чтобы не наносить ущерба занятиям, национальное первенство всегда приурочивали к рождественским каникулам. В тот раз соревновались в восемь кругов, по два круга в день. Наши команды играли слабовато. Первая сборная заняла седьмое место.

— Ты был во второй, милый.

Питер поморщился.

— Верно. Но старались мы изо всех сил и под конец одержали две блестящие победы. В результате к последнему кругу создалось довольно запутанное положение. Чикагский университет, набрав шесть очков и потеряв всего одно, единолично возглавлял турнирную таблицу. Чикагцы приехали в ранге прошлогодних чемпионов и намеревались отстоять свое звание. Среди прочих они обыграли и нашу первую сборную. Им в затылок дышали три команды, имевшие по пять с половиной против полутора очков: Беркли, Массачусетс и кто-то еще — я уже не помню, да это и не важно. Главное, все они уже встречались с Чикаго. Потом шли сразу несколько команд с пятью очками, в том числе и обе сильнейшие сборные нашего Северо-Западного. В последнем круге против Чикаго должна была выступать какая-нибудь из наших шести команд, а поскольку первая сборная с Чикаго уже играла, то эта честь досталась второй. Все считали, что победа у чикагцев в кармане. Мы и в самом деле не представляли для них серьезной угрозы. Решив сохранить титул, они выступали в сильнейшем составе — если не ошибаюсь, три мастера и один эксперт. В рейтинге каждый из нас уступал им не одну сотню баллов. По идее, чикагцы должны были уложить нас на обе лопатки. Однако этого не произошло. Почему-то Северо-Западный всегда был для Чикаго неудобным соперником, победа над нами никогда не доставалась легко. Собственно, пока я учился, команды наших университетов считались сильнейшими на Среднем Западе, так что отношение к нам было особое, и хотя чикагцы традиционно были все же сильнее, мы всегда давали им жару. Впрочем, это не помешало мне сдружиться с их капитаном

Хэлом Уинслоу. Состязались мы часто — и в матчах за кубок Чикагской межуниверситетской лиги, и на первенство штата, в региональных и несколько раз в национальных турнирах. В большинстве встреч Чикаго победил — в большинстве, но не во всех. Однажды мы отобрали у них титул чемпионов города, потом крупно разгромили еще несколько раз, а в том, рождественском чемпионате десятилетней давности нам оставалось полшага до самой крупной из побед.

Питер поднял руку с двумя пальцами, выставленными вверх в форме буквы V, снова опустил ее на руль и помрачнел.

— Продолжай, продолжай,— поощрила Кэти.— Я, затаив дыхание, жду развязки.

Питер проигнорировал насмешку жены.

— Спустя час после начала матча половина участников турнира сгрудилась вокруг наших столов. Все видели, что чикагцы попали в трудное положение. Мы добились явного преимущества на двух досках и выравняли позицию на двух остальных. Я играл за третьей против Хэла Уинслоу. Продолжение не сулило ничего интересного, и он согласился на ничью. За четвертой доской сидел Экс, соперник начал теснить его...

— Экс?

— Эдвард Колин Стюарт — все звали его Эксом. Большой оригинал... Скоро ты с ним познакомишься. Так вот, он сделал несколько неточных ходов и постепенно попал в безнадежное положение.

— Проиграл?

— Да.

— Не очень-то понятно, что ты подразумевал, говоря о беспримерном успехе,— заметила Кэти.— Впрочем, у каждого свой взгляд на то, что следует считать триумфом...

— Экс проиграл,— продолжал Питер,— но на второй доске дела шли получше. Дельмарио делал со своим противником что хотел. Парень еще немного подергался, но Стив в конце концов дожал его и заработал очко. Счет сравнялся и стал полтора на полтора при одной еще неоконченной партии. И в ней — невероятно, но факт — наш игрок тоже имел преимущество! За первую доску мы посадили Брюса Банниша. Фор-

менный индюк, но шахматист неплохой. Играл он за счет своей поразительной, прямо-таки фотографической памяти на уровне той же категории А. Дебюты все помнил вдоль и поперек. А в соперники ему достался Великий Роби.— Тут Питер кривовато усмехнулся.— Мастер Робинсон Весселер, великий и в прямом, и в переносном смысле. Весил сотни четыре фунтов и притом был чертовски силен в шахматах. Сядет, бывало, перед доской, сложит руки на пузе, скосит свои заплывшие глазки на фигуры, да так и застынет до конца партии. Шевелился, только делая ходы; одним своим видом мог сокрушить соперника, не говоря уже о мастерстве. Банниша он должен был разделать под орех — рейтинг-то на четыреста баллов выше! — но не тут-то было. Благодаря своей феноменальной памяти Банниш обставил его в дебюте, разыграв малоизвестный вариант сицилианской защиты, и теперь теснил по всем направлениям. Невероятно сложная атака! Острая и позиционно, и тактически; другой такой я не видел. Контратакуя на ферзевом фланге, Весселер создал там некоторый перевес, но по сравнению с угрозой Банниша на королевском фланге тот перевес ничего не значил. В общем, все уже решили — выигрышная позиция.

— Выходит, вы чуть не стали чемпионами?

— Нет. Да мы и не рассчитывали, тут у нас шансов не было. Выиграв матч, мы сравнялись бы с Чикаго и прочими, кто набрал по шесть очков из восьми возможных, а чемпионом стала бы одна из команд, набравших шесть с половиной,— либо Беркли, либо Массачусетс. А мы просто хотели победить. Мы жаждали этой небывалой победы. Ведь команда Чикагского университета считалась сильнейшей в стране, а мы не были лучшими даже в своем колледже. Обыграй мы их — то-то была бы сенсация... Оставалось совсем чуть-чуть.

— И чем все кончилось?

— Банниш продул,— скорчив кислую мину, ответил Питер.— Откровенно сдал партию. В ней наступил критический момент; нужно было пожертвовать коня... Ты знаешь, что такое жертва в шахматах? Это когда игрок сознательно отдает материал, то есть пешку или фигуру, получая взамен позиционное или игровое преимущество. Так вот, после двойной

жертвы белых у Весселера совершенно оголялся королевский фланг, и Баннишу открывалась возможность острейшей атаки. Но ему не хватило смелости. Он зачем-то начал сдерживать контратаку на ферзевом фланге, в конце концов сделал неуверенный ход и потерял темп. Весселер усилил давление, перебросив на ферзевый фланг еще одну фигуру, а Банниш, вместо того чтобы развивать преимущество на королевском, продолжал обороняться. Вскоре преимущество растаяло, атака захлебнулась, и Весселер, конечно, додавил противника.

Даже сейчас, через десять лет, рассказывая о той партии, Питер почувствовал горечь разочарования.

— В общем, мы проиграли два с половиной на полтора, а Чикаго остался чемпионом. Сам Весселер потом признался, что проиграл бы, возьми Банниш пешку конем. Эх, проклятье!

— Ничего особенного. Вы проиграли, просто-напросто проиграли, вот и все.

— Еще чуть-чуть, и выиграли бы.

— Чуть-чуть не считается,— проворковала Кэти.— Либо выиграли, либо нет. Оказывается, ты уже тогда был неудачником, дорогой. Знать бы об этом раньше...

— Не я, черт побери, а Банниш! — возмутился Питер.— И кстати, это было вполне в его духе. Несмотря на свою первую категорию и знаменитую память, как командный игрок он не стоил ничего. Ты себе не представляешь, сколько он продул партий, играя за сборную. Лишь только противник усиливал натиск — все, сливай воду: Банниш непременно пасовал. Но та партия с Весселером... Меня до сих пор трясет. Я его чуть не убил. И при этом еще вечно корчил из себя невесть что, высокомерный засранец.

Кэти развеселилась.

— Как приятно быть званым в гости к высокомерному засранцу!

— Ну, все-таки столько лет прошло. Может, он изменился. А хоть бы и нет — он нынче мультимиллионер. Король электроники. Кроме того, мне хочется повидать Экса со Стивом; Банниш сказал, что они обязательно будут.

— Чудесно! — воскликнула Кэти.— Нельзя упускать такого случая. Мне выпала редкая честь — провести четыре дня в компании засранца-миллионера и трех неудачников. Вперед!

Питер сжал челюсти и вдавил педаль акселератора. Дорога пошла под уклон. «Тойота» клюнула носом и, все громче дребезжа, помчалась вниз. «Ну вот, теперь только вниз да вниз,— подумал Питер.— Прямо как моя треклятая жизнь».

Им все-таки пришлось преодолеть еще четыре мили подъема по частной подъездной дороге, прежде чем впереди показалась цель путешествия. Десять лет скитаний по дешевым квартирам не дали потускнеть мечте о собственном доме, и сейчас Питер с одного взгляда определил, что лицезреет образец недвижимого имущества стоимостью в три миллиона. Трехэтажный особняк на горе, построенный из местного камня и натурального дерева, казался неотъемлемой частью ландшафта. Особенно эффектно смотрелись окна, застекленные дымчатыми стеклами-«хамелеонами». Пожалуй, только огромная оранжерея немного нарушала общий романтический стиль.

Под домом размещался гараж на четыре машины, врезанный в склон горы. Для «тойоты» нашлось последнее свободное место между новеньким серебристым «кадиллаком», очевидно хозяйским, и явно ему не принадлежавшим древним, обшарпанным «жуком-фольксвагеном». Когда Питер вынимал ключ из замка зажигания, свет вдруг померк. Кэти обернулась — величественный горный пейзаж закрыли автоматически сработавшие ворота гаража. Створки сомкнулись с громким металлическим лязгом.

— О нашем приезде уже знают,— констатировала она.

— Доставай чемоданы,— проворчал Питер.

Найдя в глубине гаража лифт, они вошли в кабину, и Питер ткнул в верхнюю из двух кнопок. Кабина поднялась, дверцы вновь открылись, и гости очутились в обширном зале под сводчатой застекленной крышей. Питер скептически воззрился на буйную комнатную зелень, толстые бурые ковры, роскошную деревянную обшивку стен и книжные полки, забитые томами в кожаных переплетах. Довершали интерьер огром-

ный камин и Эдвард Колин Стюарт, который, услышав шум лифта, поднялся из кресла в противоположном конце гостиной.

— О, Экс! — заулыбался Питер и поставил чемоданы на пол.

Эдвард К. Стюарт бодро двинулся навстречу вновь прибывшим. Друзья обменялись рукопожатием.

— Привет, Питер.

— Будь я проклят, да ты ни капельки не изменился!

Все тот же стройный крепыш, с нисколько не поредевшей светло-песочной шевелюрой и пышными стрельчатыми усами. Экс и одевался так же, как десятилетие назад,— джинсы и черный жилет поверх приталенной бордовой сорочки. Энергичный, собранный, опрятный.

— Ни черта не изменился,— повторил Питер.

— К сожалению,— ответил Экс.— По-моему, людям положено со временем меняться.— Взгляд его синих глаз был по-прежнему непроницаем. Он повернулся к спутнице Питера и представился: — Э. К. Стюарт.

— О, пардон,— спохватился Питер.— Кэти, моя жена.

— Рада познакомиться,— сказала она, с улыбкой подавая руку.

— А где Стив? — спросил Питер.— Я чуть не врезался в его «фольксваген» от удивления, увидев в гараже этот драндулет. Сколько он на нем ездит? Лет пятнадцать или больше?

— Немного меньше. Он где-то поблизости. Вероятно, дегустирует напитки.

Искривившийся уголок Эксова рта сказал Питеру гораздо больше, чем сама фраза.

— А Банниш?

— Еще не появлялся. Вероятно, ждал вашего приезда. А вы не хотите забросить вещи в свои комнаты?

— Ничего не выйдет, раз хозяин отсутствует,— сухо заметила Кэти.

— Ах да, вы же еще не знакомы с чудесами Баннишленда.— Экс показал на камин.— Взгляните туда.

Питер точно помнил, как, оглядывая гостиную, обратил внимание на картину, нечто вроде сюрреалистического пейза-

жа, висевшую над каминной полкой. Картина бесследно исчезла. На ее месте чернел большой прямоугольный экран, на котором полыхали малиновые строки:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПИТЕР.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КЭТИ.
ВАШИ АПАРТАМЕНТЫ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ,
ПЕРВАЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО.
ПОЖАЛУЙСТА, РАСПОЛАГАЙТЕСЬ
И БУДЬТЕ КАК ДОМА.

Питер повернулся, вопросительно взглянув на Стюарта.

— Схема включения наверняка связана с лифтом,— пояснил Экс.— Меня встретили таким же манером. Брюсик ведь у нас гений. Я уже успел малость осмотреться — дом битком набит всевозможными электронными игрушками.— Он пожал плечами: это, мол, в порядке вещей.— Почему бы вам действительно не распаковать чемоданы, а потом не вернуться сюда. Я покамест никуда не собираюсь.

И правда, комнаты они отыскали без особого труда. Хозяин предоставил в их распоряжение настоящий номер «люкс» с собственной гостиной; громадная, выложенная кафелем ванная размерами напоминала небольшой крытый дворик с бассейном и паровым отоплением. В гостиной тоже имелся камин, а над ним, как и внизу,— абстрактная живопись. Кэти прикрыла дверь в коридор, изображение на картине тут же потускнело, и на его месте возникло новое послание:

НАДЕЮСЬ, ВАМ ЗДЕСЬ ПОНРАВИТСЯ.

— А он душка, этот твой Банниш,— резюмировала Кэти, присев в спальне на краешек кровати.— Здорово придумал. Хочется верить, что эти экраны, или как они там называются, не двусторонние. В мои намерения не входило выступление со стриптизом перед какими бы то ни было телесоглядатаями.

Питер поморщился.

— Не удивлюсь, если весь дом начинен «жучками». Банниш всегда отличался странностями.

— Неужели?

— К нему трудно было относиться с симпатией,— задумчиво проговорил Питер.— Он постоянно похвалялся своим шахматным дарованием, кичился остроумием и вообще ловкостью. Правда, это редко кого вводило в заблуждение. В смысле учебы он, кажется, успевал, но семи пядей во лбу не был. Экс обожал устраивать всякие дурацкие розыгрыши и мистификации, и, разумеется, Банниш стал его любимой жертвой. Сколько раз мы над ним потешались — не счесть. И внешность у него была самая для этого подходящая: пухлый, низенький, толстощекий, словно бурундук; стрижка ежиком — словом, уморительная. Помню, на курсах подготовки офицеров запаса все носили мешковатую униформу, но никто не выглядел нелепее Банниша. И девушкам свиданий он никогда не назначал.

— Гомик?

— Навряд ли. Скорее бесполый.— Питер обвел взглядом комнату и покачал головой.— Не представляю, как ему удалось так высоко взлететь — не кому-нибудь, а ему.— Вздохнув, он открыл чемодан и начал выкладывать вещи.— Ладно бы, Дельмарио выбился в люди — я бы не удивился. Они ведь оба технари, но Стив — личность поярче. Все, и я в том числе, считали его восходящей звездой, а Банниша — надутой посредственностью.

— Он тебя одурачил.— Кэти сладко потянулась.— Разумеется, не он один, но он, видимо, первый, правда?

— Хватит, надоело,— сказал Питер и повесил в платяной шкаф оставшуюся рубашку.— Пойдем вниз, поболтаем с Эксом.

Но едва они вышли из люкса, как чей-то голос окликнул:

— Пит?

Питер оглянулся. Стоя в дверном проеме темного холла, ему улыбался некто смутно знакомый.

— Не узнал меня, Питер?

— Стив? — недоверчиво произнес он.

— Он самый, кто же еще? — Дельмарио шагнул на свет, притворил за собой дверь, но продолжал держаться за дверную ручку.— А это небось твоя половина, я угадал?

— Да,— ответил Питер.— Кэти, рекомендую: Стив Дельмарио.

Стив подался вперед, грубовато потряс руку Кэти и фамильярно хлопнул Питера по спине. Питер поймал себя на том, что слишком откровенно разглядывает бывшего однокашника. И было отчего забыться: изменения во внешности Дельмарио поражали больше, чем неизменность Экса. Встреть Питер старого приятеля на улице, он ни за что бы его не узнал.

Прежний Стив жил двумя страстями — шахматами и электроникой. Превыше всего ставил турнирные баталии, а в остальное время ничем, кроме паяльника и микросхем, не интересовался. Был он тогда сухопар, долговяз, носил очки в массивной черной оправе с сильными, бутылочного цвета линзами, гасившими одержимость необычайно сосредоточенного взгляда. В промежутках между стрижками, при которых он собственноручно себя оболванивал, будущий гений отпускал длинные нечесаные космы.

С тем же небрежением относился он и к одежде. Гардероб его почти целиком составляли шикарные — некогда — шмотки от Армии спасения: пузырящиеся на коленях коричневые брюки с отворотами; рубашки, преклонный возраст которых выдавали потертые воротнички, да бесформенная серая кофта на «молнии». Стив как вырядился однажды в это тряпье, так и щеголял в нем везде и всюду, дав Эксу повод сравнить его с последним человеком, уцелевшим после ядерной катастрофы. Потом до конца семестра все в клубе так и звали Стива «последним человеком на Земле». Дельмарио сносил эти насмешки благодушно. Впрочем, они были довольно беззлобными, поскольку его причуды не вызывали ни в ком неприязни.

Однако годы обошлись с ним жестоко. Массивные очки с бутылочными линзами остались теми же, равно как и неряшливость в костюме, сейчас состоявшем из белой рубашки с коротким рукавом, выцветшего шерстяного жилета, застегнутого на все пуговицы, с тремя фломастерами в кармане, потрепанных брюк в рубчик и разношенных мягких шлепанцев,— но в остальном Стив разительно переменился. Он прибавил

фунтов пятьдесят, обрюзг и, похоже, страдал одышкой; на месте жестких черных патл краснела пятнистая плешь, обрамленная сальными прядями за ушами да редкими клочками на затылке; глаза, утратившие лихорадочный блеск, подернулись туманной дымкой. Все это неприятно поразило и расстроило Питера, но сильнее всего шокировал запах спирта. Хотя Экс намекнул на последнее обстоятельство, как-то не верилось, что Стив Дельмарио стал пьяницей. В колледже он алкоголя в рот не брал, пил разве что пиво, да и то редко.

— Сколько лет, сколько зим. Рад тебя видеть,— приветствовал его Питер, не слишком уверенный в собственной искренности.— Идешь с нами? Экс ждет внизу.

Дельмарио закивал.

— Конечно, конечно.— Он еще раз хлопнул Питера по спине.— Банниш-то не появлялся? Черт, ну и домишко он себе отгрохал, а? А экранчики с посланьицами? Толково придумал, ей-богу. Кто бы мог подумать, что наш Фанни-Банни, наш потешный Банни так далеко пойдет? — Стив хихикнул.— Мне попадались кое-какие его патенты, так, веришь ли, вещицы по-настоящему высший класс. Вот тебе и Фанни-Банни. А ты небось и не слыхал о нем ничего, верно?

На первый этаж помимо лифта вела винтовая лестница. Большая гостиная тонула в волнах симфонической музыки. Питер ее не узнал — сам он всегда тяготел к року. А классикой страстно увлекался Экс, сидевший сейчас с закрытыми глазами в кресле.

— Народ, как насчет жажды? — громко спросил Дельмарио.— Пора промочить горло. Кому чего налить? У Банни тут за лестницей полный бар. Кэти, вы что предпочитаете?

— А выбор есть?

— О таком можно только мечтать.

— Тогда мартини «Бифитер», самый сухой,— заказала Кэти.

Дельмарио кивнул.

— А тебе, Пит?

— Хм.— Он пожал плечами.— Мне, пожалуй, пиво.

Дельмарио скрылся за лестницей, Кэти, высоко подняв брови, взглянула на мужа.

— Какой утонченный вкус.

Питер пропустил выпад мимо ушей и сел подле Э. К. Стюарта. Стереомузыка лилась словно из стен.

— Проклятье, я нигде не вижу аппаратуры. Как ты ее обнаружил?

Приоткрыв глаза, Экс одарил его ехидной улыбочкой.

— Наш телегид выболтал мне секрет.— Он пригладил пальцем ус и кивнул за спинку кресла.— Панель управления встроена в стену позади тебя, динамики замаскированы. Кстати, система компьютеризована и управляется голосом. Я просто назвал вслух альбом, который решил послушать.

— Впечатляюще,— признал Питер и поскреб в затылке.— Слушай, по-моему, Стив когда-то собрал стереомагнитофон, который подчинялся голосовым командам. Было такое?

Подошел Дельмарио с бокалом в руке и запотевшей бутылкой «Хайнекена» в другой.

— Твое пиво.— Отдав Питеру бутылку, он уселся на расписной кофейный столик и приложился к бокалу.— Было дело, сварганил я такой магнитофон,— подтвердил он.— Жаль, грубовато получилось. Помнится, кое-кто долго по этому поводу измывался.

— Ну да, будто бы ты все деньги ухнул на сверхкачественную пленку, а звукосниматель сделал из старой вешалки,— вспомнил Экс.

— Но система-то р...работала,— возразил Дельмарио,— и тоже, как ты выразился, управлялась голосом. Примитив, ясное дело, просто включалась и выключалась, только и всего... К тому же приходилось почти кричать... Я собирался ус... совершенствовать ее после универа...— Он махнул рукой.— Недосуг. Короче, у тутошней установки ничего общего с той бандурой, эт... точно. Действительно вещь.

— Я заметил,— усмехнулся Экс и, приподняв голову, произнес отчетливо и громко: — Достаточно, благодарю.

Сразу наступившая тишина даже слегка испугала Питера. Он молчал, не зная, о чем говорить. Наконец Стюарт повернулся к нему и спросил:

— Питер, как Баннишу удалось тебя заполучить?

Питер озадаченно посмотрел сначала на Стива, потом снова на Экса. Тот оставался совершенно серьезен.

— Заполучить? Ты имеешь в виду наш приезд сюда? Да просто пригласил, а что такое?

— Стиву, например, он оплатил дорогу,— сказал Экс.— А со мной у него не сразу вышло: я отклонил приглашение. Ты ведь знаешь, я Брюса не жаловал. Но он нажал на свои рычаги и заставил меня изменить решение. Я работаю в одном рекламном агентстве; Банниш соблазнил мое начальство выгодной сделкой, и мне велели либо отправляться сюда, либо освободить занимаемое место. Занятно, правда?

— Все говорит за то, что ваш большой друг придает немалое значение этой встрече,— подала реплику Кэти, до сих пор со скучающим видом потягивавшая мартини.

Экс выбрался из кресла.

— Идите все сюда, я хочу кое-что показать.

Кэти первой поднялась с дивана, Питер со Стивом тоже послушно встали и отправились следом за Стюартом в другой конец гостиной. Там, в полутемном углу, обставленном книжными шкафами, стоял великолепный резной столик викторианской эпохи, искусно инкрустированный посередине квадратиками светлой и темной древесины. На них были расставлены фигурки из оникса и слоновой кости — неоконченная шахматная партия.

— Как вам это нравится? — спросил Стюарт.

— Да-а, превосходная работа,— неуверенно заметил Питер. Ему захотелось рассмотреть фигурки поближе, он протянул руку, чтобы взять черного ферзя, и удивленно хмыкнул. Ферзь стоял как влитой.

— Можешь не стараться — бесполезно,— сообщил Экс, когда Питер потянулся к ладье.— Я пробовал. Все фигуры намертво приклеены. Позиция зафиксирована раз и навсегда.

Стив Дельмарио обогнул столик; его глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, растерянно мигнули. Поставив бокал с краю, он опустился в кресло со стороны белых.

— Э... эта позиция...— проговорил он слегка заплетающимся языком,— он...на мне знакома.

Э. К. Стюарт холодно улыбнулся и, пригладив усы, кивнул на доску.

— А ты что скажешь, Питер?

Питер вгляделся повнимательнее и внезапно вспомнил эту расстановку. Да, это она, ведь когда-то он знал ее не хуже собственного отражения в зеркальце для бритья.

— Национальный чемпионат,— пробормотал он.— Критическая позиция партии Банниш—Весселер.

Экс наклонил голову.

— Так я и думал. Не был уверен.

— Ну я-то уверен! — вскричал Дельмарио.— Тоже мне, не уверен! Дьявол, да это ведь та партия, которую Банниш продул. Помнишь, он сыграл королем, когда надо было жертвовать коня. Это стоило нам одного очка и проигрыша. А я в это время... сидя рядом... играл лучшую партию в жизни. Гордился, ликовал... как идиот. Мастера обставил, а что толку? Банни удружил.— Пошатнувшись, Стив презрительно уставился на доску.— Вон ту пешку — конем, пожертвовать слона, и дело в шляпе... Все! Фланг Весселера нараспашку! Потом шах, шах, еще шах... а там не за горами и мат.

— Которого ты так и не обнаружил,— раздался голос неслышно появившегося Брюса Баннища.

Питер вздрогнул, словно взломщик, пойманный за руку в момент присвоения чужого фамильного серебра.

Хозяин дома стоял в нескольких ярдах от сгрудившихся вокруг шахматного столика гостей. Банниш тоже сильно переменился — похудел, постройнел и раздался в плечах, только щеки остались такими же пухлыми. В целом, как заметил Питер, он выглядел куда здоровее прежнего. Каштановый «ежик» превратился в пышную шевелюру, тщательно уложенную по последней моде. Но и в костюме от лучшего портного, и в дымчатых очках в черепаховой оправе Банниш остался Баннишем. Во всяком случае, голос его, скрипучий и резкий, Питер признал не глядя.

Банниш небрежной походкой приблизился к доске.

— Ты несколько недель анализировал эту позицию,— укорил он Дельмарио,— но так и не придумал выигрышного продолжения.

Дельмарио вскипел:

— Я нашел дюжину выигрышных продолжений!

— Как же, как же, помню. Только ни одного надежного. Все твои так называемые матовые комбинации — фантазия чистой воды. Весселер был мастером, он не стал бы играть в твою игру.

Дельмарио состроил надменную мину и, взяв свой бокал, собрался достойно отпарировать, но вовремя встрявший Экс лишил его этой возможности.

— Рад тебя видеть, Брюс,— сказал он, протягивая хозяину руку.— Сколько же мы не виделись?

Банниш повернулся к нему и улыбнулся с нескрываемой иронией.

— Как прикажешь это понимать? Ты ведь прекрасно знаешь, сколько лет прошло, я тоже знаю сколько, и для остальных это не секрет. Так зачем же спрашивать? Может, твой вопрос задан ради миссис Нортен? — Он повернулся на каблуках и поглядел на Кэти.— Вам известно, сколько времени наша команда не собиралась?

Кэти усмехнулась.

— Наслышана.

— Ага.— Банниш снова развернулся всем корпусом, чтобы уставиться в лицо Эксу.— Итак, все мы знаем, следовательно, это одна из твоих шуточек, а посему я не намерен отвечать. Помнится, ты так же вот звонил мне по телефону в три утра и спрашивал, который час, а когда я отвечал, интересовался, за каким дьяволом я названиваю тебе в такую рань.

Экс нахмурился и опустил руку.

— Ладно,— прервал Банниш неловкую паузу,— что толку стоять вокруг этой дурацкой доски. В ногах правды нет. Давайте-ка сядем к камину и потолкуем.— Он сделал общий приглашающий жест.— Прошу.

Когда гости уселись, в комнате вновь повисло молчание. Питер медленно отхлебнул пива. Он испытывал не просто неловкость — в воздухе осязаемо сгущалось напряжение самого злокачественного свойства.

— Ты отлично устроился, Брюс,— заметил он, надеясь разрядить атмосферу.

Банниш благосклонно осмотрелся.

— Да уж. Я, знаете ли, сказочно преуспел. Просто сказочно. Вы не поверите, если я скажу, сколько у меня денег. Ума не приложу, куда их девать.— Хозяин одарил гостей широкой, жизнерадостной улыбкой.— Но что же это я? Опять расхвастался, когда следовало бы расспросить о ваших достижениях, друзья! — Он обратился к Питеру: — Поделись своими успехами, Нортен. Как-никак ты — наш капитан, тебе и начинать.

Питер опустил глаза.

— У меня все в порядке. Держу книжный магазин.

— О, книжный магазин! Это прекрасно! Помнится, ты всегда тяготел к книжному делу. Правда, мне казалось, ты собирался писать книги, а не продавать. Грандиозные были замыслы... Почему ты отказался от литературной карьеры? Разочаровался в беллетристике?

У Питера пересохло во рту.

— М-м... Разные обстоятельства. Не хватало времени на писанину.

Отговорка прозвучала столь неубедительно, что ему вдруг отчаянно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

— Не хватало времени,— повторил Брюс Банниш,— понятно. А жаль. Ты подавал надежды.

— Он и сейчас их подает,— неожиданно вступила в беседу Кэти.— Его послушать — все еще впереди. С тех пор как мы познакомились, он только и делает, что обнадеживает да обещает. Поэтому и писать некогда.

Банниш добродушно рассмеялся.

— У твоей супруги острый язычок — почти такой же, как у Экса в его студенческую бытность. Такая жена — сплошное удовольствие; насколько я помню, ты всегда любил добрую шутку.— Он переключился на Стюарта: — А ты, Экс, до сих пор такой же остряк?

Экс поморщился.

— Теперь я циник.

— Тоже неплохо,— одобрил Банниш и опять повернулся к Кэти.— Не знаю, все ли истории о старине Эксе вам рассказал муж, но некоторые из его проделок были верхом остроумия. Он ведь весельчак, наш Э. К. Стюарт. Однажды, когда наша команда победила в городском чемпионате, он подучил свою подружку позвонить Питеру и проинтервьюировать его, представившись репортершей Ассошиэйтед Пресс. Интервью длилось больше часа, прежде чем до Питера дошло.

Кэти засмеялась.

— Да, временами он туговато соображает.

— О, это еще цветочки. Чаще Экс любил подшучивать надо мной. Я, к вашему сведению, чурался общества и девушек боялся как огня. А за Эксом они табунами ходили, и все — одна шикарнее другой. Вот он, добрая душа, и сжалился надо мной — предложил поделиться, устроив мне свидание с прекрасной незнакомкой, что называется, вслепую. Я обрадовался и в назначенный час, сгорая от нетерпения, был на условленном месте. И она пришла. В темных очках, с тросточкой, которой, сами понимаете, постукивала перед собой по асфальту. Вслепую так вслепую.

Стив Дельмарио затрясся, прыснул и едва не захлебнулся коктейлем.

— Простите... Ох!.. Простите,— прохрипел он, откашливаясь.

Банниш небрежно махнул рукой.

— Гогочи, не стесняйся. Со стороны это и вправду выглядело смешно. На самом-то деле девушка видела не хуже меня. Она занималась в актерской студии и репетировала какую-то пьесу. Но чтобы выяснить это, я потратил целый вечер и выглядел дурак дураком. Впрочем, это только один из розыгрышей, на которые Экс был неистощим.

— Это было давно,— с досадой произнес Стюарт.— Мы были молоды, глупы. Все в прошлом, Брюс.

— Брюс?! — Банниш изобразил удивление.— Это что-то новенькое, Стюарт. Ты и впрямь изменился. Раньше ты звал меня по-другому — ведь это с твоей легкой руки ко мне прилипло имечко Брюсик. Боже, как я его ненавидел! Меня от него тошнило. Сколько раз я просил не называть меня Брюсиком, ты помнишь? Годика через три при встрече ты подошел ко мне и сказал, что, поразмыслив на досуге, вынужден

согласиться: имя Брюсик не очень подходит шахматисту первой категории, совершеннолетнему и к тому же офицеру запаса. Меня так растрогали твои слова, что я запомнил всю речь-целиком, хотя от неожиданности не сразу нашелся с ответом и сказал только: «Ладно, давно пора»,— а ты ухмыльнулся и добавил: да, мол, с Брюсиком покончено навсегда. С этого момента, заявил ты, вы будете звать меня Банни*.

Кэти рассмеялась, Дельмарио поперхнулся и прыснул фонтаном коктейля, Питер же почувствовал только холод в груди. Хотя Банниш произнес свой монолог, задумчиво улыбаясь, тон его оставался более чем желчным. Экс тоже не выказал признаков веселья. Пытаясь придумать какую-нибудь другую тему, Питер глотнул пива и услышал свой поспешный вопрос:

— А кто из вас не бросил игру?

Все посмотрели на него.

— Ик... игру? — переспросил Дельмарио, мигнул осоловевшими глазами и огорченно воззрился на свой пустой бокал.

— Не стесняйся, наливай,— дружески посоветовал хозяин,— ты ведь уже сориентировался, где тут что.— И когда Дельмарио нетвердой походкой двинулся к бару, улыбнулся Питеру.— Ты, конечно, имеешь в виду шахматы.

— Вот именно,— подтвердил Питер, оглядываясь на Экса.— Неужели мы забыли, что это такое? Неужели все бросили это удивительное развлечение с белыми и черными фигурками и двухциферблатными часами?

Экс пожал плечами.

— Я был слишком занят. Рейтинговые партии не играл с окончания колледжа.

Вернулся Стив. В его полном бокале тихонько звякали кубики льда.

— А я играл,— заявил он и, плюхнувшись в кресло, уставился в холодный камин.— Всего пять лет как перестал... Плохие были времена... Я сменил несколько мест работы, жена от меня ушла... Банни обставил меня по всем статьям. Ч-черт. С какой бы идеей я ни сунулся, выяснялось, что он уже по-

* Кролик *(англ.)*.

лучил на нее патент. А я-то ничего другого не умел... Тогда и начал закладывать.— Он ухмыльнулся и отхлебнул коктейль.— Ага, за воротник, разумеется. Как раз тогда. Ну и шахматы бросил. Все полетело кувырком. За доской ничего не соображал, проигрывал всем подряд, даже последним придуркам. Рейтинг свалился до второй категории; разве ж это можно стерпеть? — Он выпил еще и посмотрел на Питера.— Чтоб нормально играть, надо это... ну ты понимаешь... Дьявол, никак слова не подберу... Высокомерие, что ли, самоуверенность и тому подобное. В общем, иметь нечто, скрытое в твоем «я»,— стержень, вот. А у меня этот самый стержень, или как его там, пропал. Был да сплыл. Мне все не везло да не везло... Глядь, а стержня-то и нет. Ну и шахматы тоже... сплыли. Так я их и бросил.— Стив поднес к губам бокал, поколебался и допил залпом. Закрыл глаза, улыбнулся.— Бросил,— повторил он.— Отыгрался. Завязал.— Хихикнув, Дельмарио встал и снова направился к бару.

— А я — играю,— веско произнес Банниш.— Я стал мастером.

Дельмарио споткнулся, застыл на месте и, медленно обернувшись, метнул на хозяина такой откровенно презрительный, злобный взгляд, что казалось, если бы мог — убил бы. Питер заметил, как задрожали его руки.

— Что ж, я рад за тебя, Брюс,— сказал Э. К. Стюарт, вставая. Он хмуро одернул жилет.— Будь счастлив, радуйся жизни, наслаждайся, ради бога, своим мастерством, своими деньгами и своим Баннишлендом. Позвольте откланяться.

— Как, уже? — огорчился Банниш.— Так скоро? У тебя неотложные дела?

— Банниш.— Экс остановился перед ним, посмотрел в упор.— Если тебе нравится играть в свои игры — играй. Со Стивом, с Питером, с кем угодно. Меня все это не занимает. Ты для меня по-прежнему пустое место, а посему я предпочитаю заниматься своими делами, а не торчать здесь, наблюдая, как ты выдавливаешь десятилетний гной. Я доступно выразился?

— Вполне,— ответил Банниш.

— Вот и отлично.— Экс обратился к остальным.— Рад был с вами познакомиться, Кэти. Жаль только, обстановка не слишком способствовала общению. Питер и Стив, если кто-нибудь из вас в ближайшем будущем окажется в Нью-Йорке,— милости прошу в гости. В справочнике есть мой телефон.

— Экс, а может быть...— начал было Питер, уже зная, что все бесполезно. Экс и раньше отличался упрямством.

— До встречи,— перебил Стюарт своего бывшего капитана и не мешкая зашагал к лифту.

Все молча проводили его глазами, подождали, пока створки дверей сомкнутся, а потом Банниш загадочно улыбнулся.

— Ничего, вернется.

— Навряд ли,— отозвался Питер.

Продолжая улыбаться, Банниш поднялся с места. Две глубокие ямочки заиграли на его круглых щеках.

— Вернется, Нортен, вернется. Теперь моя очередь отыгрываться. Скоро Экс поймет.

— Что? — очнулся Дельмарио.

— Не волнуйся, ты тоже скоро поймешь. А пока прошу прощения — пора приниматься за стряпню. Все наверняка изрядно проголодались. Я, знаете ли, отпустил прислугу и сегодня готовлю сам, так что обедать будем в узком кругу, наслаждаясь обществом старых друзей.— Брюс взглянул на массивные швейцарские золотые часы.— Соберемся в столовой, скажем, через часок. К тому времени все будет готово, тогда и поболтаем вволю. О жизни, о шахматах...— И, все так же лучась улыбкой, вышел.

У Кэти блестели глаза.

— Знаешь, все это гораздо занятнее, чем я думала,— сказала она Питеру, когда хозяин удалился.— Такое чувство, словно я перенеслась в пьесу Гарольда Пинтера.

— К... кто такой? — полюбопытствовал Дельмарио, вольготно разваливаясь в кресле.

Питер пропустил его вопрос мимо ушей.

— А мне все это не нравится. Какие, к черту, розыгрыши? Что он задумал?

Ответ не заставил долго себя ждать. Не успела Кэти смешать второй мартини, как снова загудел лифт. Они повернулись, и в комнату ступил сумрачный Экс.

— Где Банниш? — требовательно спросил он.

— Отправился на кухню,— сказал Питер.— А в чем дело? Он намекал на какой-то розыгрыш...

— Ворота гаража не открываются,— сообщил Стюарт.— Машину не вывести, а без нее здесь делать нечего. До ближайшего жилья, должно быть, не меньше полусотни миль.

— А... вот я сейчас пойду и протараню их своей «букашкой»,— расхрабрился Дельмарио.— То-то будет кино!

— Не валяй дурака,— осадил его Экс.— Их только танком прошибешь.— Он хмуро потеребил ус.— Проще выбить спесь из этого индюка. Где тут его чертова кухня?

Питер вздохнул.

— Не знаю. И не связывайся ты с ним, Экс. Я бы не стал. Судя по всему, он с превеликим наслаждением упек бы тебя за решетку. А оскорбление действием — лучшего повода не придумаешь.

— Позвоните в полицию,— предложила Кэти.

Питер обвел помещение взглядом.

— Мне с самого начала что-то показалось странным. А сейчас ты сказала, и я понял: здесь нет телефона.— Все промолчали, переваривая открытие.— И в наших комнатах тоже нет. А у вас?

— Точно! — удивился Стив Дельмарио.— Питер, ты — голова!

— Похоже, нам мат,— проговорил Экс, опустившись на край кресла.

— Верно,— согласился Питер.— Банниш играет с нами в какую-то игру. Шутки шутит.

— Хм! Ты предлагаешь посмеяться вместе?

Питер пожал плечами.

— Пока поедим, а там, глядишь, и выясним, за каким дьяволом мы ему понадобились.

— Э-э, нар...род...— пьяно вмешался Стив.— Надо обставить его, вот что!

Экс недоуменно воззрился на старого друга.

— Что ты несешь?

Дельмарио хитро ухмыльнулся и приложился к бокалу.

— Питер вот говорит, что Банни й...якобы затеял с нами игру, пр...ально? Ну и все путем. Сыграем и поставим нахала на место.— Он прыснул в кулак.— Черт возьми, ребята, это ж Фанни-Банни. Какая разница, во что с ним играть! Может, он и мастер, только, провалиться мне, найдет способ продуть даже в выигрышном эндшпиле. Да вы чего, з...забыли? Решающие партии Банни всегда, абсолютно всегда проигрывал. И эту тоже проиграет.

— Посмотрим,— пробормотал Питер.— Посмотрим.

Захватив с собой вторую бутылку «Хайнекена», он уселся на скамеечке в «патио» и, попивая пиво, наблюдал за Кэти, которая принимала горячую ванну.

— Неземное блаженство,— мурлыкала Кэти, нежась в благоухающей пене.— Я воспаряю к недосягаемым высотам чувственности. Прыгай ко мне.

— Спасибо, не тянет.

— Ты должен купить мне такую же, дорогой.

— Хорошо, но поставим в гостиной. Соседи снизу будут страшно рады.

Глотнув из бутылки, Питер покачал головой.

— О чем задумался, милый?

Он насупился.

— О шахматах.

— Ах! Не может быть.

— Хочешь — верь, хочешь — нет.

— Поделись же сокровенным.

— Жизнь во многом схожа с шахматами,— изрек Питер.

— В самом деле? — Кэти засмеялась.— А я как-то не замечала.

Питер не поддался на провокацию.

— Суть сходства — в свободе выбора. Предпринимая какой-либо шаг на жизненном пути или делая очередной ход в шахматной партии, человек делает выбор, который приведет

к тому или иному продолжению. Это точка ветвления. А сделаешь этот шаг или ход — и оказываешься перед новой развилкой. И только значительно позже видишь, что выбранный вариант совсем не так хорош, как казалось. Иногда и вовсе проигрышный, но выясняется это только под конец.

— Надеюсь, ты повторишь свою речь, когда я вылезу,— проворковала Кэти.— Необходимо записать ее для потомства.

— В универе казалось, что впереди столько дорог, столько, как сказал бы Стив, вариаций функционала под названием «жизнь»... Я, конечно, понимал, что каждому дано прожить лишь одну из всех воображаемых линий, но в те годы любой путь, любое продолжение этой «партии» представлялось теоретически возможным. То я мечтал стать романистом, то знаменитым вашингтонским журналистом, потом уж не знаю — политиком, профессором, да мало ли кем. Мои мечты жили во мне, а я — в них. Воображал, как добьюсь богатства, встречусь с невероятными красавицами, займусь массой интересных вещей и буду жить во множестве райских уголков... Разумеется, большинство моих грез в действительности исключали друг друга, но, пока ни одна из них не реализовалась, я в каком-то смысле обладал всем миром. В точности как за доской перед началом партии: вот они перед тобой — сицилианская защита, французская или, скажем, защита Лопеса — все мыслимое разнообразие вариантов, сосуществующих в мозгу, пока не сделаны первые ходы. Конечная цель — всегда победа, независимо от выбранного дебюта, но путь к ней не единственный...— Он отхлебнул еще.— Но вот часы пущены, число вариантов сокращается с каждым ходом, простора для воображения все меньше, и наконец остается то, что есть,— позиция, созданная наполовину тобой, наполовину противником. А противник этот — судьба. Хорошо ли ты сыграл или проглядел свой шанс и угодил в ловушку — расстановку фигур уже не изменить. Ходы не возвращаются.

Кэти выбралась из ванны и взялась за полотенце. Пар мягко обволакивал ее разгоряченное нагое тело. Питер вдруг осознал, что смотрит на нее с почти забытой за последние годы нежностью. Но тут Кэти заговорила, и очарование пропало.

— Промахнулся ты с карьерой,— энергично вытираясь, констатировала она.— Тебе бы работать в рекламном бюро. Такой талант пропадает! Красноречив, убедителен — прямо ходячее глубокомыслие. А как насчет афоризмов вроде: «Жизнь прожить надо так, чтобы потом не было стыдно...»?

— Хватит! — вспылил Питер.— Оставь свои идиотские подковырки.

Кэти замерла, озабоченно наморщила лоб.

— Ты, часом, не захворал?

Не потрудившись ответить, он перевел взгляд на заснеженные вершины за окном. Гримаса обеспокоенности на лице Кэти мигом сгладилась за ненадобностью.

— Так, у нас очередная депрессия. Не выпить ли тебе еще пивка — может, пожалеешь себя, а к полуночи дойдешь до премиленькой пьяной истерики. В лучших традициях. Не желаешь попробовать?

— Прекрати. Я думаю о матче.

— О каком матче?

— О том, последнем в национальном чемпионате. Против Чикаго. Странно: меня не оставляет ощущение, будто... будто после него-то все и покатилось под уклон. Мы упустили шанс прогреметь на всю лигу, поверить в свои силы, и с той поры все идет наперекосяк. Тупиковая ветвь. Мы выбрали проигрышное продолжение, Кэти, и своими судьбами только доказывали это.

Кэти села на край ванны.

— Вы?

— Ну конечно. Посуди: я провалился как романист, провалился как журналист, а сейчас на грани краха моя книготорговля... О стервозе жене, пожалуй, умолчу. Стив практически спился, у него нет денег даже на поездку сюда. Экс — мелкая сошка рекламного агентства, никакой перспективы роста. В общем, верно ты нас охарактеризовала: неудачники.

Кэти усмехнулась.

— А наш миляга хозяин? Он проигрывал гораздо чаще вас, а потом, похоже, резко пошел в гору.

— Хм-м,— промычал Питер и задумчиво глотнул из горлышка.— Не знаю, не знаю. Банниш весьма богат, признаю.

Только вот в гостиной у него стоит доска с приклеенными фигурами, которая каждый божий день напоминает ему об упущенном когда-то выигрыше. По-моему, это не очень вяжется с образом победителя.

Кэти встала и сняла резиновую шапочку. Длинные каштановые волосы шелковистой волной упали на плечи. Питер вспомнил очаровательную девушку, на которой женился восемь лет назад,— сам он, по ее мнению, был в то время подающим большие надежды беллетристом, завершающим первый роман,— и улыбнулся.

— Ты великолепно выглядишь.

Кэти опять состроила озабоченную гримаску.

— А ты и правда бледен. У тебя нет температуры?

— Нет. Просто немного воспоминаний и множество сожалений.

— А-а,— протянула она и по пути в спальню бросила ему в руки полотенце.— Стоп машина, капитан. Команда собралась в кают-компании, а у юнги от вашей мрачной философии разгулялся аппетит.

Если бы не отвратительная обстановка за столом, обед удался бы на славу. Превосходные толстые ломти в меру прожаренной телятины на ребрышках, с крупным печеным картофелем и горой свежих овощей на гарнир; дорогие марочные вина; три десерта на любой вкус и несколько сортов отменных ликеров к свежепомолотому кофе... Но все это гастрономическое великолепие не смогло разрядить атмосферу и не смягчило гнетущее чувство дискомфорта.

Питеру кусок не лез в горло. Дельмарио основательно набрался уже перед обедом, а за столом, продолжая пить вино как воду, все глубже погружался в прострацию, перемежаемую приступами пьяной болтовни. Под маской ледяной вежливости Э. К. Стюарта угадывалась едва сдерживаемая ярость. И в придачу ко всему Банниш пресекал любую попытку Питера перевести разговор на нейтральную тему.

Добродушно-веселый тон хозяина отнюдь не делал тайным его злорадство. Он настойчиво ворошил прошлое, бередил бы-

лые раны от пустячных обид, всячески раздувал тлеющие угли неприязни. Стоило Нортену привести какой-нибудь безобидный забавный эпизод, как Банниш с улыбочкой припоминал очередную застарелую язву. В конце концов Экс, не выдержав, оборвал его на полуслове.

— Мерзость,— громко и отчетливо произнес он. Это была его первая реплика за все время обеда, не считая фразы «Передай мне, пожалуйста, соль».— Мерзость и еще раз мерзость. Чего ты добиваешься, Банниш? Заманил нас, словно в западню, запер. Зачем? Доказать, что мы поступали с тобой подло? Если так — прекрасно: ты добился своего. Признаю: я подло обращался с тобой. Мне стыдно, виноват. Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa*. И довольно об этом. Все в прошлом.

— В прошлом? — Банниш неприятно улыбнулся.— Но что для тебя значит «в прошлом»? Раньше, когда я служил мишенью твоих шуточек, ты неделями в красках расписывал их направо и налево. Тогда это «в прошлом» не означало финала комедии, не правда ли? Или возьмем мою партию с Весселером. Разве мы забыли о ней, когда она отошла в прошлое? Нет. Вы не позволили мне забыть. Проходила она, если помнишь, в декабре, а вспоминали вы о ней аж до мая, когда я окончил колледж. При каждом удобном случае. О, для меня эта партия так и не стала прошлым. Дельмарио всякий раз, когда мы встречались, почитал своим долгом демонстрировать мне победные продолжения, наш любимый капитан до самого конца не включал меня в основной состав на матчи первенства лиги, а ты, Экс,— ты неизменно приветствовал меня словами: «Ну как, Банни, удалось продуть еще какую-нибудь решающую игру?» Вы напечатали партию в клубной газетенке и даже отправили почтой в «Шахматную жизнь». Несомненно, все это для вас — седая старина. Только у меня, к несчастью, слишком хорошая память; я забываю не так легко. Я помню все. Помню позу Весселера, как он, сложив руки на брюхе, гипнотизировал меня своими поросячьими глазками; помню его манеру осторожно так, большим и указательным пальчиками брать фигуру, делая ход. Помню, как, выйдя в холл размяться и попить шипучки, увидел возле демонстрационной доски Нортена, который обсуждал позицию с Маворой из первой сборной. Знаете, что я тогда услышал? Пит вопил, размахивая руками: «Он продует, как пить дать продует, черт бы его побрал!» Верно, Питер? А Лес, заметив меня за твоей спиной, бросил: «Только проиграй, Банни, и можешь катиться на все четыре стороны!» Тоже был фрукт. Всеобщий любимчик. Я запомнил всех, кто подходил к доске поглазеть на нас с Великим Роби. Нортен с Хэлом Уинслоу, два знаменитых капитана, жарко спорили в уголке. Уинслоу, лохматый и небритый, марал бумагу в своем планшете, пытаясь просчитать исход чемпионата, если мы победим или сведем матч вничью. Я помню, что я испытал, положив на доску своего короля, помню, как Дельмарио пнул стену, а Питер, подойдя ко мне, произнес единственное слово: «Эх!» Ну не правда ли, моя память феноменальна? Я ничего не забыл, особенно ту игру. Если угодно, могу не сходя с места восстановить все ходы.

— Дерь...мовые ходы,— отрезал Стив Дельмарио.— Тебе следовало бы запомнить только один, которого ты не сделал,— конь за пешку. Жертва, и только она, вела к победе. На черта нам глупости, которые ты нав...воротил вместо него... то есть вместо нее...

— Я двинул короля к коню, чтобы защитить ладейную пешку. Перед этим я произвел длинную рокировку, и пешка стояла под боем,— ласково объяснил Банниш.

— Пешки-орешки,— заплетающимся языком забормотал Дельмарио.— Громить надо было, а не трястись за пешки. Отдал бы коня и как нечего делать распотрошил бы этого кита. Вот было бы смеху — Кролик кита придушил. Небось старина Уинслоу потерял бы от потрясения свой планшет. Но ты продул. Продул, защищая какую-то вонючую пешку.

— Так ты и сказал мне в тот же день. А потом не раз повторял.

---

* «По моей вине, по моей вине, по моей величайшей вине» *(лат.)* — формула покаяния из молитвы, произносимой паствой в ходе мессы. *(Примеч. перев.)*

— Послушайте,— вмешался Питер,— какой смысл ворошить старое? Ты же видишь, Брюс: Стив накачался. Он не соображает, что несет.

— Он прекрасно соображает, Нортен.

Банниш презрительно улыбнулся и снял очки. Питер даже испугался, увидев его глаза,— в них горела настоящая ненависть. Правда, с примесью горечи, казавшейся сейчас совершенно лишней.

Близорукий взгляд Банниша скользнул по Кэти, молча наблюдавшей эту сцену, и злобно вперился поочередно в каждого гостя. Владелец горного особняка больше не скрывал ни глубокого отвращения к своим бывшим партнерам по клубу, ни удовольствия от того, как мастерски довел атмосферу до нынешнего накала.

— Все, замяли,— попросил Питер.

— Ну нет! — рявкнул Дельмарио, расхрабрившись от выпитого.— Не замяли и никогда не замнем! Тащи доску, Банни! Я бросаю тебе вызов! Проанализируем все снова, прямо сейчас, во всех подробностях! Покажу тебе наконец, как ты прошляпил выигрыш.

Он вцепился в край стола и попытался встать.

— Сядь, Дельмарио,— повелительно произнес миллионер.— У меня есть идейка пооригинальнее.

Дельмарио пошатнулся, вяло мигнул и плюхнулся на стул. Банниш выдержал паузу и продолжал:

— Впрочем, я изложу ее чуть погодя, а сначала поведаю одну историю. Как правильно заметил Арчи Баркер, месть — лучший способ свести счеты. Но месть не будет полной, если жертва не догадывается о том, что ей мстят. А потому я собираюсь поведать вам кое-что о вашей жизни. Конкретно — как я свел на нет все ваши начинания, разрушил карьеры и разбил мечты.

— Господи, какой бред. Сколько можно! — бросил Экс.

— Да, Стюарт, ты никогда не любил историй,— нравоучительным тоном заметил Банниш.— А знаешь почему? Потому что рассказчик становится на время центром внимания, а ты не терпел, когда внимание переключалось с тебя на другой объект. Сейчас ты вообще не способен быть душой компании. Каково ощущать себя ничтожеством?

Экс скривился, подлил себе кофе.

— Ну, продолжай. Начинай свою сказочку. Все затаили дыхание.

— Разумеется.— Банниш усмехнулся.— Итак, все началось с партии против Весселера. Сразу оговорюсь: в той столь любимой вами позиции я ничего не проглядел! Она не была выигрышной изначально.

Дельмарио громко фыркнул. Банниш и ухом не повел.

— Теперь я это знаю. Тогда не знал. Думал, вы правы. Меня грызло чувство неполноценности. Я забросил все и без конца прокручивал в голове варианты. Вы не поверите, сколько лет эта партия не давала мне покоя. Я потерял сон, она отравила мое существование, превратилась в навязчивую идею. Я хотел только одного — получить еще один шанс и довести ее до победы. С вашей легкой руки я не сомневался, что всего-навсего сделал ошибочный ход и, появись у меня возможность вернуться в тот день и найти корректное продолжение, сумел бы исправить оплошность. Постепенно это стало моей целью. Я стремился к ней пятьдесят лет.

Питер чуть не поперхнулся остывшим кофе.

— Ты, наверное, хотел сказать — пять лет?

— Пятьдесят,— твердо повторил Банниш.

— Ну так и есть — он спятил,— констатировал Экс.

— Нет,— спокойно возразил Банниш.— Наоборот, я — гений. Как вы относитесь к перемещениям во времени?

Питер заскучал.

— Принципиально невозможны. Слишком много непреодолимых парадоксов...

Банниш поднял руку: мол, ясно, можешь не продолжать.

— Ты прав, Нортен, и одновременно не прав. Путешествия во времени возможны, правда, в весьма ограниченном смысле. Однако мне этого хватило. Не стану докучать вам математическими выкладками — все равно не поймете. Проще воспользоваться аналогией.— Он подумал, собираясь с мыслями.— Время... Его считают четвертым измерением. В действитель-

ности же оно принципиально отличается от трех остальных, ведь вдоль него — увы, лишь в одном направлении, от прошлого к будущему — движется не материя, а человеческое сознание. Но есть и сходство. Само по себе время не может куда-либо течь, как не может течь длина или ширина. Просто наш разум перескакивает с одного мгновения на другое подобно материальному телу, перемещающемуся вдоль пространственной оси координат. Это стало моей отправной точкой. Раз сознание может двигаться в одном направлении, что запрещает ему с тем же успехом двигаться в обратном? — рассуждал я. На обдумывание, разработку деталей и воплощение этой идеи у меня ушло пятьдесят лет. Я назвал открытое мною явление «ретроноопроекцией».

Он надменно выпятил губы и продолжал:

— Этим открытием, джентльмены, увенчалась моя первая жизнь, полная неудач, насмешек и нищеты. Я лелеял свою мечту, отдавал ей все силы и перебивался с хлеба на воду. И каждое мгновение этих пятидесяти лет я ненавидел вас — ненавидел тем яростнее, чем большего жизненного успеха добивался каждый из вас. Вы процветали, а я едва сводил концы с концами; вы преуспевали, а на меня один за другим сыпались удары судьбы. Однажды, лет через двадцать после университета, я встретил Нортена. Сытый, респектабельный, вальяжный... Разговаривая со мной, он то и дело отвлекался, чтобы дать очередной автограф, и поглядывал на меня этак покровительственно. Тогда-то я и решил окончательно: уничтожу вас. Всех троих.

Губы Банниша злобно дернулись.

— И мне это удалось. Дальше рассказывать особенно не о чем. В семьдесят один год, собрав свое устройство, я воспользовался им по назначению. Не существует способа перемещать во времени предметы, но разум! Разум — другое дело. Изобретенный мною проектор мог, отправив мой разум назад, в любой выбранный момент жизни, наложить мое зрелое сознание со всеми воспоминаниями на мое же раннее сознание. Правда, больше с собой взять нельзя было ничего.— Банниш улыбнулся и коснулся виска указательным пальцем.—

Зато я прихватил свою фотографическую память. Этого оказалось с лихвой. Я запомнил все, что считал необходимым в новой прошлой жизни, и, перенесясь в юность, получил второй шанс — шанс сделать более удачные ходы. Как видите, я их сделал.

Стив Дельмарио пошевелил бровями, залез рукой под очки и потер глаза.

— А твое это... тело? Как же оно?

— Справедливое любопытство. Процедура ретропроекции убивает потенциального путешественника во времени. Вернее, его телесную оболочку. Временная линия, конечно, продолжается — так, во всяком случае, вытекает из моих уравнений. Я не имел возможности проверить это лично. А изменения в прошлом создают новую, вариантную линию времени.

— Ага.— Дельмарио кивнул.— Альтернативный путь, значит.

Кэти вдруг засмеялась.

— Ну и ну! Просто не верится. Неужели все это происходит со мной? И неужели кто-то воспринимает это за чистую монету?

Э. К. Стюарт, уже давно смотревший в пространство с видом мученика, решившего стоически дослушать до конца любую галиматью, живо откликнулся:

— Согласен. Нет, Брюс, я не столь легковерен, как раньше. Если ты намереваешься разыграть нас, напичкав этой бредятиной, извини — ничего не выйдет.

Банниш повернулся к Нортену.

— Каков вердикт капитана?

— М-м,— осторожно начал Питер.— Честно говоря, Брюс, поверить трудновато. Ты ведь сам признался, что та злосчастная партия стала твоей навязчивой идеей. Полагаю, я буду недалек от истины, если... Короче говоря, лучше бы тебе обратиться к специалисту.

— К какому специалисту?

— Э-э...— Он неловко поерзал на стуле.— К психиатру, что ли. Или к психоаналитику.

Банниш хохотнул.

— О, какой сочувственный тон! Словно тебя и не вышвырнуло в этой линии времени из преуспевающих романистов в книготорговцы.

Питер вздохнул.

— Эх, Брюс, неужели ты сам не понимаешь, сколь жалки твои фантазии? Я согласен: ты достиг большего, чем мы; но тебе этого мало, тебе хочется уязвить нас побольнее. Отсюда и твоя выдумка. Зачем нужно убеждать нас, будто наши неудачи — твоих рук дело? Болезненное воображение плюс нездоровая жажда мести, а по сути — бессмысленный самообман.

— Нет, Нортен! — Банниш сорвался на крик, но тут же усмехнулся.— Придется рассказать все поподробнее, как и было задумано.

— Да пусть выговорится, Питер,— остановил Стюарт собравшегося было возразить экс-капитана.— Глядишь, потешит свой характер, и кончится этот балаган.

— Вот спасибо-то, Экс.— Хозяин обвел взглядом удрученных гостей. Злорадное самодовольство так и выпирало из него: он дождался! Не зря он шел к этому мгновению долгие годы. Наконец Банниш остановил взор на Стиве Дельмарио.— Начну-ка я с тебя. Ибо в действительности как раз с тебя-то я и начал. Справиться с тобой ничего не стоило — ты всегда был глуп и ограничен. В исходной линии жизни ты стал таким же богачом, как я в нынешней. Пока я тратил годы, совершенствуя свой ноопроектор, ты быстро сколотил состояние на электронных играх, а позже занялся более солидными вещами — домашними персональными компьютерами и тому подобным. Тебе не было равных в этой области; ты проявил себя истинным гением, но, на свою беду, ничем другим не интересовался. Вернувшись в прошлое, я попросту занял твое место. Прежде чем воспользоваться проектором, я изучил все твои ранние игрушки, запомнил самые плодотворные идеи и запатентованные изобретения, которые сделали тебя электронным магнатом. Я зафиксировал в памяти даже дни, когда ты представлял свои разработки в патентное бюро. И вот, вооружившись этими знаниями, я с легкостью вышибал из-под

тебя стул всякий раз, когда ты собирался снова на него усесться. Теперь это было проще простого. Признайся, Дельмарио, разве в те давние времена тебя не поражало, что я предвосхищал каждую твою ценную мысль? Этот дом мог бы принадлежать тебе, Дельмарио.

Пока Банниш говорил, Стив все сильнее бледнел; его руки задрожали.

— Будь ты проклят,— прошептал он.— Бог покарает тебя.

— Не поддавайся на его бредни, Стив,— вмешался Экс.— Он все это затеял специально, чтобы попугать нас и вдосталь насладиться, глядя, как мы извиваемся на крючке. Чушь собачья. Его россказни не стоят выеденного яйца.

— Но ведь это правда! — крикнул Дельмарио. Он затравленно поглядел на Банниша, потом на Питера. Глаза за толстыми линзами очков застыли в пьяном отчаянии.— Питер... он сказал, все мои идеи... Он опережал меня, он... Я говорил тебе...

— Да,— с напором ответил Питер.— И Брюс при этом присутствовал. А сейчас просто воспользовался твоей болтливостью.

Дельмарио открыл было рот, но сказать ничего не смог.

— Выпей чего-нибудь,— предложил Банниш.

Дельмарио посмотрел на него так, словно хотел броситься и придушить. Питер напрягся, готовясь вмешаться, но Стив последовал совету: схватил полупустую бутылку и, расплескивая мартини на скатерть, наполнил свой бокал до краев.

— Брюс, ты не заслуживаешь ничего, кроме презрения,— сурово заявил Экс.

Банниш обернулся к нему.

— Не надо громких слов, Стюарт. Так вот, с Дельмарио все было просто; с тобой пришлось повозиться побольше. У Стива-то смысл жизни заключался в работе, и, как только ее отняли, он сразу рухнул. Пяток опоздавших разработок — и изверился; остальное довершила выпивка. Ты оказался орешком покрепче.

— Ох тоска,— скривился рекламный агент.— Похоже, разбор наших биографий еще не закончен.

— Идеи Дельмарио меня озолотили,— невозмутимо продолжал Банниш.— И эти деньги я использовал против тебя. Твое падение получилось не столь впечатляющим и сокрушительным, как падение Дельмарио. Он-то сверзился с заоблачных вершин. Твои же достижения были поскромнее, а в мелкую цель, сам знаешь, попасть труднее. Но я справился. Нажав на кое-какие тайные пружины, я добился отмены серии крупных заказов твоей фирме, которые ты курировал. Впрочем, твои компаньоны (кажется, их звали Фут и Кан) все еще доверяли тебе. Тогда я подсказал другому агентству сманить у вас Аллерда, составителя рекламных проспектов, незадолго до того, как он применил новый, оригинальный метод, положительно отразившийся в прежней линии на финансовом положении и репутации фирмы. Потом, если помнишь, ты тоже ее оставил, чтобы перейти на высокооплачиваемую должность в более престижную, а та возьми да и обанкроться, оставив тебя на бобах. Ну-ну, не стоит благодарности. Я организовал в твоей карьере десятка два таких поворотов. Задумывался ли ты когда-нибудь, Стюарт, сколь неукоснительно ошибочными оказываются все твои шаги? А ведь никто не обвинит тебя в некомпетентности. Отчего же такое невезение?

— Я на судьбу не в обиде.

Банниш осклабился.

— Кроме того, в прошлом году я сыграл с тобой еще одну маленькую шутку. Дамочка пришлась тебе по вкусу. Это я постарался и нашел ее. Молоденькая, смазливая безработная актрисочка, отчаянная — ей ведь было все равно с кем, тем более за такую щедрую плату. Но все-таки ты сам виноват, что подцепил герпес. Я только подстроил ваше знакомство, а уж остальное ты довершил без посторонней помощи. В конце концов, разве не имел я права на реванш за свидание втемную? Да и за многое другое.

Лицо Экса по-прежнему выражало скуку.

— Если ты еще не расстался с надеждой заставить меня разрыдаться — тем хуже для тебя. Значит, ты и впрямь свихнулся. Подумаешь, какая осведомленность! Подрядил десяток шпиков и вдоволь покопался в моем грязном белье.

Банниш покачал головой.

— О, я знал, что великого скептика Стюарта ничем не прошибешь. Нет, он ничего не принимает на веру — а вдруг обведут вокруг пальца! — Хозяин дома прищелкнул языком и повернулся к Питеру.— Что ж, теперь черед нашего бесстрашного вожака. Гордись, Нортен, ты оказался самым трудным противником.

Питер спокойно смотрел ему в глаза.

— Я прочитал твой роман,— многозначительно сообщил Банниш.

— Ложь. Он не издавался.

— Э, нет, еще как издавался — в исходной временной линии! Издавался и переиздавался. Печатался с сокращениями в «подвале» бестселлеров «Таймс». Критика его хвалила.

— Твои байки нелепы и смехотворны,— сказал Питер, хотя ему было не до смеха.

— Назывался, кажется, «Звери в клетке»,— небрежно добавил Банниш.

До этих слов Питер изображал снисходительное внимание, потакая прихоти сумасшедшего. Сейчас его словно подбросило; он услышал, как Кэти шумно втянула воздух и прошептала:

— Этого еще не хватало!

— Питер, что случилось? — Теперь даже Экс выглядел озадаченным.

— Об этой книге никто не знал,— с трудом выдавил Питер.— Откуда он узнал? Проклятье, наверное, мой бывший литагент... Да? Это он разболтал тебе, Брюс?

— Нет.— Банниш безмятежно покачал головой.

— Лжешь, поганец!

— Спокойно, Питер! Стоит ли так расстраиваться?

Питер глянул на Экса.

— Та книга... Понимаешь, я...

— Ты написал книгу с таким названием.

— Вот именно.— Питер с усилием сглотнул. Гнев боролся в нем со смущением.— Да, после универа. Первый мой роман.— Он нервно усмехнулся.— Я думал, что он будет первым,

потому что у меня роилась уйма замыслов... Роман получился солидный, и я считал, что при правильном издательском подходе коммерческий успех обеспечен. Сюжет о цирке. Ты ведь знаешь, я давно преклонялся перед цирком. Видел в нем совершенно особый способ существования, метафору жизни — красочную, но увядающую. Один из отмирающих человеческих институтов. Я подумал, что хорошо бы написать о нем большой роман, и после колледжа целый год кочевал вместе с «Синим шапито» братьев Ринглингов. Работал разносчиком, торговал всякой всячиной в антрактах, а тем временем собирал материал, делал зарисовки... В итоге год ушел на исследования и два заняла собственно книга. Главный герой, начинающий дрессировщик, готовил номер с тиграми, ягуарами и прочими кошками. Наконец, закончив рукопись, я отправил ее почтой своему агенту... А через три недели получил обратно. Я... я...— Горловой спазм не дал ему договорить.

Но Экс все понял и нахмурился.

— Как назывался тот бестселлер?

— «Синий шатер».— Питер сморщился, словно наелся горечи.— Дональда Хастингса Салливэна. Старый писака, который накропал полсотни готических романов и с десяток тривиальных вестернов, все под разными псевдонимами. И вдруг у этого бумагомарателя — такая книга. Это не укладывалось в голове. Кто угодно, только не он. Но гнуснее всего — текст. Нет, он не повторял «Зверей в клетке» слово в слово; мой был на порядок лучше. Но сюжет, фон, эпизоды и даже имена отдельных персонажей — совпадали... Мне стало страшно. Литагент отказался предлагать мой роман издателям, мотивируя тем, что книга, дескать, чересчур похожа на «Синий шатер». И предупредил: даже если я добьюсь публикации, ее сочтут в лучшем случае подражанием, а в худшем — обвинят меня в плагиате, после чего на моей писательской карьере можно будет поставить крест. Три года жизни псу под хвост! Мы разругались; другого агента я так и не нашел. И романов больше не писал. Слишком много я вложил в своего первенца.— Питер резко повернулся и уставился на Банниша.— Я уничтожил рукопись, сжег все копии. Никто, кроме моего агента и Кэти, не знал о ней. Кто рассказал тебе?

— Я читал твой роман,— повторил Банниш.

— Гнусный лжец!!!

Ослепленный яростью, Питер схватил бокал и швырнул его в ухмыляющуюся физиономию. Он хотел стереть эту ухмылку, увидеть, как она растворяется в крови и умирает.

Но Банниш успел пригнуться, и бокал разбился о стену.

— Эй, Питер, полегче! — крикнул Экс, а Дельмарио, сражаясь с алкогольной напастью, замигал по-совиному.

Кэти до белизны суставов стискивала край стола.

— Наш капитан протестует слишком энергично,— посетовал Банниш, вновь демонстрируя ямочки на щеках.— Он знает, что я говорю правду. Я прочел его роман и, чтобы не быть голословным, готов изложить содержание.— Он пожал плечами.— Что, собственно, я и сделал, пересказав его близко к тексту Дональду Х. Салливэну, который по моему заказу написал «Синий шатер». Я мог бы попробовать и сам, но не обладаю литературным даром. А Салли ухватился за свой шанс и получил кругленькую сумму, которую мы поделили по справедливости.

— Сукин сын,— процедил Питер; его ярость уже схлынула, оставив только опустошенность и боль незаслуженного поражения. Его обвели вокруг пальца, и он бессилен что-либо изменить. Питер вдруг осознал, что верит Баннишу, верит каждому слову его бреда...— Значит, это правда... Ты украл мои мысли, мои слова... Ты украл все.

Банниш промолчал.

— И потом — тоже! — догадался Питер.— Когда после «Синего шатра» я подался в журналистику — тоже твоя работа?! Теперь мне понятно, почему тогда все мои информаторы либо неожиданно разъехались, либо отказались от своих слов, и дело выглядело так, будто я состряпал пасквиль. И все эти жареные факты, оказавшиеся пшиком, судебные иски, обвинения в посягательстве на личную жизнь и намеренной диффамации — всякий раз, когда я брался за какую-то злободневную тему... Значит, это не было случайным невезением? Это ты снова вынудил меня сменить профессию... Ты украл мою жизнь.

— Можешь гордиться, Нортен. Ты вынудил меня лишний раз вернуться к исходной точке. Перечеркнув с помощью «Синего шатра» твою литературную карьеру, я неосмотрительно пустил дела на самотек, а ты возьми да и выбейся в знаменитые журналисты. Заработал десяток премий, популярность и прочее. Что-либо предпринимать оказалось поздно, и пришлось мне, чтобы сломать тебя окончательно, проецироваться еще раз.

В голове у Питера шумело.

— Тебя надо убить,— как сквозь туман, услышал он собственный голос.

— Питер! — осадил его Экс.— Послушай. Все это тщательно разработанная мистификация,— настойчиво, словно ребенку, внушал он.— Не будь таким легковерным. Я на этом собаку съел.

Питер долго смотрел ему в глаза.

— Нет, Экс, все это правда. Просто у тебя комплекс недоверчивости со студенческих пор. Отбрось свой страх оказаться одураченным и вдумайся непредвзято. В его истории есть логика. И она объясняет все, что с нами произошло.

Экс хмыкнул и принялся теребить ус.

— Не спорь с капитаном, Стюарт,— наставительно прибавил Банниш.

Питер вскинул голову.

— Почему? Я хочу знать, за что ты нас ненавидишь? За розыгрыши? За насмешки? Не знаю, наверное, мы перегибали палку; в молодости мы не сознаем, насколько жестоки наши забавы, а ты слишком многое воспринимал как личное оскорбление. Но неужели мы заслужили такую месть? Мы все-таки играли в одной команде, были приятелями.

Улыбка Банниша мгновенно стерлась.

— Вы — никогда — не были — моими — приятелями,— отчеканил он.

— Да какой он нам приятель, этот Фанни-Банни! — завопил вдруг Дельмарио.— Он же слабак и трус! Банни, ты слабак и трус! Да к тому же спесивый болван с «ежиком». Кретин, разве только тебя дразнили? А меня — «последним человеком на Земле»? А Пита, а Леса, а всех остальных? Все мы вдоволь

поиздевались друг над другом.— Стив перевел дух и прикончил свой бокал.— Ты и заманил-то нас сюда и держишь на свой слабацкий манер. Каким был, таким остался, кролик проклятый. Мало тебе безнаказанно напакостить — надо покуражиться, довести до всеобщего сведения, что это твоих рук дело. Ты всегда кичился своими успехами; когда же тебе что-то не удавалось, виноват был другой. Например, проигрывал в шахматы лишь потому, что в зале было слишком шумно, или накурено, или мало света — находилась тысяча причин.— Дельмарио с трудом выволокся из-за стола.— Меня тошнит от тебя!.. Ну ладно, допустим. Ты искорежил наши жизни и поставил нас об этом в известность. Великолепно. Ты удовлетворен? А теперь открой гараж — нам пора по домам.

— И я того же мнения,— поддержал Экс.

— Что ж, дело ваше, не смею задерживать. Только куда торопиться? Может, перекинемся в шахматишки в память о прежних временах?

Стив покачнулся, держась за спинку стула, закрыл глаза и пошевелил бровями.

— А-а, мы же еще не проанализировали партию...— вспомнил он о брошенном Баннишу вызове.

Тот аккуратно сложил ладони на столе перед собой и, легонько хлопнув одной о другую, сказал:

— Сделаем лучше. Быть может, вы этого и не знаете, но я патологически справедлив. Никто из вас ни разу не дал мне шанса отыграться — как в прямом, так и в переносном смысле; я же подарю такой шанс каждому. Как ты выразился, Нортен? Я украл ваши жизни? Что ж, дружок, вы получите возможность вернуть их назад. Играем в шахматы. Исходная позиция — та самая. Я займу место Весселера, а вы сыграете за меня. Советуйтесь, обсуждайте ходы — пожалуйста; или сразимся один на один — мне все равно. От вас требуется во что бы то ни стало победить. Выиграете партию, которую я, по вашему мнению, сдал, и я отпущу вас, вернув деньги, собственность, работу — в общем, все, что пожелаете.

— Иди в задницу,— выругался Дельмарио.— Меня не интересуют твои грязные деньги.

Улыбка Банниша стала шире. Взяв очки со стола, он надел их и вкрадчиво вздохнул.

— Ладно, воля ваша... А может, вас устроит другая ставка? Например, право воспользоваться ретроноопроектором, вернуться в прошлое и начать все заново. Предупредить мои козни и прожить свои жизни так, как уготовано судьбой. Только представьте себе! Это лучшая из всех возможностей, которые могли бы появиться у вас в будущем, и почти даром. Всего-то и нужно — довести практически выигранную партию до закономерной победы.

— Победить в выигрышной позиции — одна из самых сложных вещей,— угрюмо возразил Питер.

Он еще не договорил, а мозг уже лихорадочно заработал, оценивая ситуацию с разных сторон. Открывшаяся перспектива сначала привела его в смутное возбуждение и наконец потрясла до глубины души. Неужто это реально? Неужели у него действительно появился шанс собрать осколки своей жизни и склеить из них новую? Вкусить сладость успеха, избежать мучительного брака с Кэти... Умершие надежды воскресли, восстали, словно призраки из могил, и пустились в пляс. У Питера закружилась голова. Он обязан попытаться. Обязан!

Стив опередил его, заорав во всю глотку:

— Я уложу тебя на обе лопатки! Я поставлю тебе мат с завязанными глазами! Одной левой! Давай, Банни! Тащи шахматы, проклятый бахвал!

Банниш хохотнул и встал, упираясь в стол пухлыми кулаками.

— Э, нет, Дельмарио, не сейчас. Тебе не удастся списать проигрыш на пьяный зевок. Я разделаю тебя, когда ты проспишься и протрезвеешь. Играть будем завтра.

Стив яростно передернул плечами.

— Тем хуже для тебя. Завтра так завтра!

Поднявшись к себе, Питер растопил камин, и они с Кэти немного посидели перед огнем.

— Давай уедем отсюда,— сказала она.— Сегодня. Сейчас.

Питер, как раз обнаруживший в верхнем ящике ночного столика небольшой шахматный набор, расставлял критическую позицию партии Банниш—Весселер, намереваясь заняться анализом. Он рассеянно нахмурился и переспросил:

— Уедем?.. Интересно, каким образом? Машина в гараже, а гараж заперт.

— Нужно найти телефон. Где-нибудь он должен быть. Позвоним и попросим чьей-нибудь помощи. В крайнем случае пойдем пешком.

— На дворе декабрь, детка, а здесь горы, и вокруг — ни одной живой души на десятки миль. Идти пешком значит наверняка замерзнуть. Меня как-то не тянет...— Он снова взялся за фигуры, расставил их и попытался сосредоточиться.

— Питер! — раздраженно окликнула Кэти.

Он оторвал взгляд от доски.

— Ну что еще? Не видишь — я занят! — рявкнул он.

— Надо же делать хоть что-нибудь! Банниш — сумасшедший, по нему психушка плачет, а вы пошли у него на поводу.

— Факты за него.

Лицо Кэти смягчилось, в глазах промелькнула печаль.

— Знаю,— тихо вздохнула она.

— Она знает! — взорвался Питер.— Она, видите ли, знает! А ты знаешь, каково испытывать это на собственной шкуре? Но ничего, этот ублюдок заплатит за все! Ответит за все страдания и унижения, которым подверг меня. И между прочим, ты — тоже, вероятно, его рук дело.

У Кэти лишь слегка дрогнули губы, она по-прежнему смотрела прямо перед собой, но печаль и сочувствие разом исчезли, а взамен появилось давно знакомое Питеру хорошо отточенное презрение.

— Он опять раздавит тебя,— холодно бросила Кэти,— но гораздо изощреннее. Сначала обнадежит, заставив почувствовать пьянящую близость удачи. А потом отнимет все. Как ты потом будешь жить?

Опустив глаза, Питер машинально заскользил взглядом по фигурам на доске.

— Да, Банниш к тому и ведет. Но он — безмозглый кретин. Это выигрышная — понимаешь? — выигрышная позиция. Дело только в правильной стратегии. Надо найти верный вариант. И у нас есть три попытки. Стив — первый, а если он

проиграет, мы с Эксом учтем его ошибки. Эту партию я не отдам. Возможно, я проиграл все, что у меня было, но на этот раз отыграюсь. Вот увидишь.

— Что ж, посмотрим,— горько усмехнулась Кэти.— Дурачок.

Питер промолчал и взял конем пешку.

Наутро Кэти отказалась покидать комнаты.

— Можешь сколько влезет играть в свои чертовы шахматы, а я приму ванну и буду читать. Не желаю участвовать в вашем дурацком фарсе.

— Как хочешь.

Питер от души грохнул дверью и в который раз мысленно обозвал жену стервой.

Внизу, в огромной гостиной, Банниш уже расставлял фигуры. Инкрустированный шахматный столик с приклеенными резными фигурами по-прежнему стоял в углу; в любом случае он был хорош только в качестве произведения искусства, но неудобен для серьезной игры. Банниш принес обычный турнирный набор — его они и пустят в дело. На середину комнаты выдвинули простой деревянный стол, на котором раскатали обыкновенную виниловую доску в зеленую и белую клетку. Старенькие фигуры привычной стонтоновской формы, отлитые из белой и черной пластмассы, для устойчивости были снабжены свинцовыми грузиками, заклеенными войлоком.

Банниш быстро, по памяти восстановил роковую позицию, потом подвел стрелки часов с двойным циферблатом.

— Не могу, знаете ли, играть без контроля времени,— с улыбкой объяснил он.— Я поставил стрелки точно так, как они стояли тогда в Эванстоне.

Закончив все приготовления, Банниш окинул поле сражения удовлетворенным взором и уселся на место Весселера, игравшего черными.

— Готов? — спросил он Стива Дельмарио.

Стив уже сидел напротив. Выглядел он не ахти — вялый, бледный, одним словом, с похмелья. Глаза беспокойно бегали, а в руке он держал большой стакан апельсинового сока.

— Угу,— буркнул Дельмарио.— Погнали.

Нажав на кнопку, Банниш запустил его часы. Дельмарио молниеносно схватил белого коня, взял им черную пешку — при этом фигуры негромко стукнулись — и ударил «съеденной» пешкой по кнопке, останавливающей его часы и запускающей часы Банниша.

— Надо же, жертва! — удивился тот и забрал коня.

Стив пожертвовал слоном, забрав еще одну пешку и вынуждая противника взять этого слона королем. Банниш остался невозмутим, но на лице его, обозначая ямочки, заиграла легкая усмешка. За дымчатыми стеклами весело поблескивали маленькие глазки.

Стив подался вперед; его взгляд метнулся вверх-вниз и вправо-влево, словно перепроверяя расположение войска белых и отрядов противника. Потом Дельмарио откинулся назад, заложил ногу за ногу, снова опустил ее и опять склонился над доской. Стараясь справиться с волнением, он подрагивал всем корпусом и непроизвольно потирал руки. Стоя позади него, Питер каждой клеткой ощущал исходившую от Стива волну напряжения. Э. К. Стюарт, хотя и расположился чуть в стороне, в большом удобном кресле, тоже пристально следил за поединком.

Часы тикали, отмеряя отпущенное время. Дельмарио потянулся к ферзю, но вдруг заколебался. Рука зависла в воздухе, пальцы заметно дрожали.

— Что с тобой, Стив? — спросил Банниш.

Он поставил локти на стол и подпер подбородок кистями, сцепленными в замок. Дельмарио поднял глаза, и Банниш встретил его дежурной улыбкой.

— Колеблешься, дружок. Неужели ты не знаешь, что сомнения — прямой путь к проигрышу? Откуда эта внезапная неуверенность? Ты всегда был таким решительным. Вспомни, сколько матов ты продемонстрировал мне той зимой!

Дельмарио нахмурился и яростно кивнул.

— Сейчас, Банни, покажу очередной.— Его пальцы наконец сомкнулись и переставили ферзя по диагонали.— Шах.

— Ого! — прокомментировал Банниш.

Питер изучал новую позицию. Двойная жертва белых уничтожила пешечный заслон перед черным королем, а шах ферзем не оставил ему пути к отступлению.

Банниш двинул короля вперед, в направлении центра доски — навстречу вражескому войску.

Ну вот и все. Гвардия черного короля скопилась на ферзевом фланге, а враг угрожает со всех сторон. Однако Банниша это как будто ничуть не тревожило.

Часы отсчитывали секунды и минуты, а Дельмарио все потягивал сок и беспокойно ерзал. Банниш делано зевнул и язвительно поинтересовался:

— Может быть, ты передумал ставить мат, Дельмарио? Решил подарить мне ничью? Экое великодушие. А в тот день, помнится, ты единственный добился победы. Мастера обставил! Где же твои матовые комбинации?

— Их так много, что я не знаю, какую выбрать,— парировал Стив.— А теперь заткнись, Банни, черт бы тебя побрал. Я думаю.

— О, конечно! Молчу, молчу. Миль пардон,— извинился Банниш.

Прежде чем сделать следующий ход, Дельмарио израсходовал по своим часам десять минут. Он скакнул вторым конем:

— Шах.

Банниш снова продвинул короля вперед.

Дельмарио облизал губы и поставил ферзя на клетку дальше. Опять диагональный шах.

Король черных шагнул в сторону спасительного ферзевого фланга.

Дельмарио порывистым движением послал в бой пешку.

— Шах.

Черному королю пришлось собственноручно прикончить дерзкого рядового, посмевшего угрожать монарху. Банниш взял пешку с такой же безмятежной улыбкой.

Теперь открылась вертикаль, и Дельмарио, недолго думая, занял ее ладьей.

— Шах.

Противник отреагировал немедленно. Одинокий король все дальше углублялся в стан врага!

Белая ладья рванулась вперед и оказалась рядом с черным сюзереном.

— Шах! — звонко объявил Стив.

Питер невольно охнул. Ладья-то не защищена! Неужели зевок? Сейчас она погибнет, и...

Глядя на доску через плечо Стива, он быстро просчитывал ходы. Если Банниш возьмет ладью королем, белые введут в бой вторую ладью, и королю придется отступить. Но тогда можно закрыть ему путь к отступлению, пойдя ферзем, и возникнет угроза неотразимого мата. Тут уж вариантов множество. Несмотря на неоспоримое численное превосходство, черные не смогут им воспользоваться... Так, а если Банниш возьмет ее конем?.. Хм... Он оставит незащищенным вот это поле. Ход ферзем — король отступает — подтягивается белый слон... Да, так мат последует еще быстрее.

Довольный, Дельмарио расслабился, залпом опорожнил стакан и со стуком поставил его на стол.

Банниш передвинул короля вперед и в сторону.

Единственный возможный ход! Питер навис над Стивом, а тот вдруг застыл. Теперь белые окружали короля черных со всех сторон, помощи ему ждать неоткуда; но как его замотовать? Как затянуть эту петлю?

Шах можно поставить тремя различными способами, прикинул Питер. Даже четырьмя. Но нет, шах ладьей не принесет ничего хорошего — король просто отступит, и, продолжая шаховать, белые лишь отгонят его в безопасное место. Слоном? Тоже нет. Ведь Банниш выигрывает две фигуры и не пожалеет качества, обменяв слона на свою ладью. Так, есть еще два шаха ферзем...

Питер не успел сообразить, к чему они приведут. Дельмарио вдруг резко выбросил руку, схватил пешку, стоявшую перед белым королем, и, твердо поставив ее на четвертую горизонталь, хлопнул по головке часов. Затем развалился на стуле и скрестил руки на груди.

— Твой ход, Банни.

Питер вглядывался в позицию. Последним ходом Стив не шаховал, зато отсек путь к отступлению главе войска противника. Теперь угроза шаха ладьей не казалась такой невинной.

Преследуемый король, не успев удрать на защищенные поля, получит мат в три хода. Правда, белые потеряли темп; сейчас ход Банниша, и он может подвести фигуру для защиты. Например, ферзя... Нет, последует шах белым ферзем — король отступит, шах ладьей — и плакал его черный ферзь... Может быть, слона?.. Нет, и тогда тоже шах, а следующим ходом — неизбежный мат.

Чем дольше смотрел Питер на доску, тем очевиднее казался ему проигрыш черных. Банниш может оттянуть его, но отвратить угрозу не сумеет. Победа!

Однако Банниш не выглядел сломленным. Он спокойно взял своего коня и поставил его на шестую горизонталь рядом с конем белых.

— Шах,— негромко произнес он.

Дельмарио вздрогнул и оцепенел. Питер тоже вздрогнул. Э. К. Стюарт вылез из своего кресла, подвинул его поближе, снова сел и начал сосредоточенно ерошить усы.

Этот шах — пустая оттяжка времени, мысленно успокаивал себя Питер. Дельмарио съест коня любой из пешек или просто уйдет из-под шаха. Только вот... Лоб Питера прорезала вертикальная морщина... Если взять слоновой пешкой, то последует шах ферзем, белый король отойдет к ладейной пешке, ферзь бьет ее, а король... Нет, тут добра не жди — белые получают форсированный мат. Взятие коня ладейной пешкой, похоже, приведет к нему еще быстрее. После шаха ферзем по вертикали.

Дельмарио пошел королем вперед.

Банниш вкрадчиво скользнул чернопольным слоном по диагонали: шах.

Единственный ход. Белый король снова идет вперед. Стива, конечно, теснят, но матовая сеть вокруг черного короля пока цела. И все-таки черные продолжают атаковать.

Бросив в прорыв коня, Банниш поставил еще один шах.

Дельмарио заморгал, нервно переступил ногами под столом. Питер увидел, что отвод белого короля повлечет серию шахов с матом в конце... Правда, черный конь под боем и ничем не защищен...

Ладья Дельмарио расправилась с ним без хлопот.

И вот тут-то Банниш ликвидировал ферзем краеугольный камень матовой сети — продвинутую вперед белую пешку. Теперь Дельмарио мог бы съесть черного ферзя белым, но потеряет своего после вилки; затем грядет серия обменов, и Стив останется в эндшпиле с безнадежно скудными силами...

Дельмарио отступил.

Банниш поцокал и, словно дразня противника, скушал ферзем белого коня.

С потерей коня и пешки загнать черного короля Стиву уже не удастся. А если съесть черного ферзя, будет шах, потом связка, потом взятие, ответное взятие, и... белые опять остаются с одной фигурой в эндшпиле. Питер стиснул зубы. Неужели проигрыш? Да нет же, наверняка имеется лучший выход. Позиция чрезвычайно богата вариантами.

Питер замер и, не отводя взгляда от доски, думал, думал, думал...

Стив тоже думал, а часы продолжали тикать. Часы были самые современные, с модным счетчиком ходов. По ним выходило, что Дельмарио, чтобы уложиться в контроль, нужно сделать еще семь ходов за четырнадцать с половиной минут. Цейтнот не цейтнот, а так, маленькое давление на психику.

Но Дельмарио забыл о времени. Он сидел не шевелясь, не видя ничего, кроме шахмат. Потом снял очки и начал методично протирать выпуклые линзы полой рубашки навыпуск. Когда он водрузил очки на место, позиция на доске не улучшилась. Стив уставился в черного короля, словно хотел повалить его силой взгляда, затем попытался встать.

— Мне нужно выпить,— хрипло объявил он.

— Сиди, я принесу! — поспешно выпалил Питер.— Тебе осталось восемь минут.

— Угу,— ответил Стив и снова сел.

Питер сбегал к бару, быстро смешал скрудрайвер* и вернулся. Дельмарио, не отрывая глаз от шахмат, одним глотком ополовинил стакан.

---

* Дословно «отвертка» *(англ.)* — коктейль из водки пополам с апельсиновым соком. *(Примеч. перев.)*

Питер случайно взглянул на Экса. Тот покачал головой и завел глаза к потолку. Он не издал ни звука, но Питер понял: «Забудь».

А Стива все сильнее охватывало возбуждение. Когда на его циферблате осталось три минуты, он поднял руку, задумался и опустил ее обратно. Поерзав на стуле, подобрал ноги под себя и склонился над доской, едва не задевая носом фигуры. А часы все тикали.

Он еще оставался в этой позе, когда Банниш подал голос:

— Дельмарио, твой флажок упал.

Стив поднял голову, заморгал и поджал губы.

— Время,— с усилием произнес он,— мне просто нужно время, и я найду выигрыш. Он должен, должен быть... Еще два-три шаха...

Банниш встал и отодвинул стул.

— Твое время истекло, Дельмарио. Впрочем, это не имеет значения: положение безнадежно. Тебе давно следовало бы сдаться.

— Ни за что! Дьявол, нет тут никакого проигрыша, это у тебя проигрыш!..

Питер прикоснулся к его плечу.

— Не принимай так близко к сердцу, Стив. Мне жаль, но Брюс в данном случае прав. В этой позиции ты проиграл.

— Нет! — кипятился Дельмарио.— Я уверен, я знаю, что тут есть выигрышная комбинация! Нужно только сообразить... догадаться...— Его правая рука, тянувшаяся к фигурам, вдруг затряслась, и он опрокинул обреченного короля.

Банниш продемонстрировал свои ямочки.

— Слушайся капитана, победитель, он врать не будет.— И, отвернувшись от Дельмарио, обратился к мрачному Эксу: — Стюарт, завтра твоя очередь. В тот же час на том же месте.

— А если я не захочу? — надменно поинтересовался Экс.

Банниш пожал плечами.

— Как знаешь. Я приду и в назначенное время запущу часы. По игре или за неявку — результат будет один: ты проиграешь.

— Ну а со мной играть ты собираешься? — полюбопытствовал Питер.

— Тебя, капитан, я приберег на закуску.

Стив совсем расклеился. Он отказывался покинуть гостиную и, не считая вылазок к бару, не отрывался от шахматной доски. Он словно прирос к стулу, проведя в одном положении остаток утра и большую часть дня. При этом лошадиными дозами глушил спиртное и как безумный переставлял фигуры, вновь и вновь разыгрывая злополучную партию. Незадолго до ленча Нортен приготовил и отнес ему два сандвича, которых тот с жадностью проглотил; однако ни успокаивать, ни уговаривать его Питер не стал — сейчас это было бы пустой тратой времени. Он надеялся только на то, что Стив, вливая в себя стакан за стаканом, через часок выключится сам.

Наконец Питер с Эксом решили оставить его и поднялись по винтовой лестнице к апартаментам Нортенов. Питер постучал в дверь.

— Кэти, ты нормально выглядишь? Со мной Экс.

Она открыла. На ней были джинсы и тенниска.

— Я всегда выгляжу нормально,— холодно заметила Кэти.— Ну входите. Чем закончилась партия века?

— Дельмарио сошел с дистанции,— ответил Питер.— Хотя в какой-то момент черные были на волосок от мата, и я уже думал, что Баннишу несдобровать.

Кэти фыркнула.

— Завтра моя очередь,— сообщил Экс.

— Вы собираетесь играть?

Экс кивнул.

— Мне терять нечего.

— У тебя есть шанс,— уверил его Питер.— Сам знаешь, в какой форме сейчас Стив, и то едва не выиграл. Надо бы разобрать его ошибки — где-то он пошел неверно.

Экс пригладил усы и задумчиво проговорил:

— Ход пешкой... Отказавшись от шаха, Стив позволил черным контратаковать.

— Но этим ходом он закрыл их королю последнюю лазейку,— возразил Питер. Оглянувшись, он увидел, как внима-

тельно, скрестив руки на груди, смотрит на них Кэти.— Тебя не затруднит принести из спальни шахматы? — попросил он. Когда она вышла, Питер продолжил: — Я считаю, что к этому моменту Стив уже проигрывал. Ход пешкой, только он создавал в той позиции реальную угрозу; все прочие не сулили ничего, кроме еще нескольких шахов. Так что ошибку надо искать в предыдущих ходах.

— Пожалуй,— немного подумав, согласился Экс.— Стив пытался сразу форсировать, и, может быть, напрасно.

— Скорее всего. Вместо того чтобы запереть его в углу, гнал черт-те куда, а оказалось — в безопасное место. Давай поищем в этом направлении.

— Что ж, попробуем.

Вернулась Кэти с шахматной доской, положила ее на журнальный столик и, поджав ноги, уселась рядом на ковер. Питер расставил фигуры, и они с Эксом углубились в анализ. Вскоре Кэти наскучило наблюдать, она резко поднялась и заявила:

— Вы оба — психи. Пойду раздобуду чего-нибудь съестного.

— Прихвати для нас,— не оборачиваясь, бросил ей вдогонку Питер.— И неплохо бы пива.

Но они едва заметили поднос, который Кэти вскоре поставила на край стола. За доской просидели до глубокой ночи. Никто, кроме Кэти, не составил Баннишу компанию за обедом. Вернувшись, она простонала:

— Боже, какой омерзительный тип! — Слово «омерзительный» прозвучало так, будто ее сейчас вырвет.

Только это и отвлекло Питера от шахмат. Но лишь на несколько секунд.

— А если так? — спросил Экс, перескочив конем в центр, и Питер немедленно вернул взгляд обратно.

— Стюарт решил-таки сыграть! — приветствовал их наутро Банниш.

Экс — свежий, опрятный, чисто выбритый (за исключением, естественно, усов) и тщательно причесанный — деловито кивнул.

— Брюсик, как всегда, проницателен.

Он отхлебнул из стоявшей наготове чашки дымящегося черного кофе. Банниш добродушно посмеивался, но Экс поднял указательный палец.

— С одной оговоркой. Я не верю ни единому твоему слову о пересылке личности в прошлое. А потому, так и быть, сыграем, однако не за право воспользоваться твоим драндулетом времени, а на деньги. Принимаешь?

— Эх,— сокрушенно вздохнул Банниш.— Шутники так недоверчивы... Но, конечно, дело хозяйское. Желаешь просто подзаработать — милости прошу.

— Миллион долларов.

Банниш ухмыльнулся до ушей.

— Фи, какая мелочь. Ну да ладно. Разгромишь меня — уедешь отсюда миллионером. Надеюсь, чеком не побрезгуешь?

— Заверенным — нет.— Экс повернулся к Питеру.— Будь моим свидетелем.

Питер кивнул.

Сегодня они были в гостиной втроем. Кэти по-прежнему игнорировала этот, как она выражалась, шахматный фарс, а Дельмарио отсыпался после вчерашнего.

— Готов? — осведомился Банниш.

— Начали.

Хозяин дома пустил часы. Экс пожертвовал коня, нажал на кнопку. Движения — четкие, экономные. Банниш принял жертву, и его противник, не колеблясь, предложил вторую. Забрав и слона, Банниш аккуратно придавил головку часов.

Экс взъерошил усы и пошел пешкой.

— Ага,— прокомментировал Банниш,— мы ввели усовершенствование. Шаховать отказываемся. Следовательно, в рукаве припасена домашняя заготовка. По-другому у Э. К. Стюарта не бывает. Наш весельчак, непредсказуемый Э. К. Стюарт, острослов и выдумщик.

— Брюсик, доска перед тобой,— хладнокровно напомнил Экс.

Банниш начал изучать позицию, а Питер подошел поближе. Ночью они проигрывали вчерашние ходы и так и эдак;

в конце концов решили, что главная ошибка — шах ферзем, объявленный Дельмарио сразу за двойной жертвой. Правда, оставался соблазн дать шах вторым слоном, но после многочасового бдения этот вариант тоже пришлось отвергнуть. После него просматривалась не одна ловушка и даже потенциальный выигрыш — однако лишь в том случае, если Банниш ответит неточно; в противном случае ловушки не срабатывали. Надежнее было допустить, что Брюс сыграет корректно.

«Тихий» ход пешкой не очень эффектен, зато перспективен. Открывая путь оставшимся белым фигурам, пешка одновременно служит дополнительным заслоном на пути вражеского короля к спасительному ферзевому флангу черных. Теперь угроза нависла над противником отовсюду. Да, Баннишу есть над чем поразмыслить.

Однако электронный магнат не затратил и половины того времени, которое понадобилось бы самому Питеру. Он глядел на доску немногим более минуты, потом уверенно взялся за ферзя и смахнул с доски незащищенную ладейную пешку на ферзевом фланге белых. Подбросил ее на ладони, лениво зевнул и вновь с равнодушным видом развалился на стуле.

По лицу Э. К. Стюарта пробежала легкая тень. Питер тоже ощутил смутное беспокойство. Предыдущий ход должен был насторожить Банниша куда сильнее. А такое демонстративное легкомыслие весьма подозрительно... Вчера они до изнеможения проверяли и перепроверяли каждый вариант, пока не убедились в своей правоте, и Питер отправился спать успокоенный, почти ликуя. Поскольку ответных ходов на выпад пешки у Банниша имелась целая дюжина, а предугадать, какому из них он отдаст предпочтение, было невозможно, они с Эксом проследили до конца все варианты. Во всех случаях партия завершалась выигрышем белых.

Похоже, жизнерадостный Банниш их одурачил. Он и не подумал защищаться, а взял да и слопал другую пешку, не обращая внимания на угрозу. Что-то здесь не так. Неужели они что-нибудь проглядели?

Пока Экс думал над ответным ходом, Питер, чтобы удобнее было следить за игрой, придвинул стул и сел сбоку от стола.

Ерунда, конечно ерунда, успокаивал он себя. Ну, предположим, Банниш, двинув следующим ходом ферзя на первую горизонталь, объявит шах белому королю. Может, если захочет, только что это ему даст? Экс не ослабил свой ферзевый фланг, как Стив вчера, когда лихорадочно искал форсированный мат. Стюарту достаточно уйти королем под защиту своего ферзя, и ферзь черных окажется под боем ладьи. Тогда Баннишу придется отступить назад либо взять еще одну никчемную пешку. А тем временем его король подвергнется сокрушительной атаке по центру.

Чем дальше Питер просчитывал ходы, тем тверже убеждался, что Банниш не в состоянии организовать сколь-нибудь мощную контратаку вроде той, на которой срезался Стив Дельмарио.

Похоже, и Экс пришел к такому же выводу. Раздумывал он долго, но время пока есть.

Невозмутимый Э. К. Стюарт деловито пошел конем, окончательно отрезая черному королю путь к спасению. Впереди замаячил шах ферзем с немедленным матом. Банниш, разумеется, потянет время, съест коня, тогда Экс возьмет его фигуру ладьей и мат не заставит себя ждать. Что ж, пускай потрепыхается.

Банниш улыбнулся сопернику и небрежно толкнул ферзя на первую горизонталь.

— Шах.

Экс по очереди пригладил каждый ус и, хмыкнув, увел короля на вторую. Потом размашисто хлопнул по часам и спокойно объявил:

— Брюсик, готовь чековую книжку.

Питер склонен был согласиться с этим советом. Шах ничего не изменил; мало того — положение черных как будто ухудшилось. Неотвратимая матовая угроза не исчезла, да теперь еще и ферзь стоит на битом поле. Конечно, можно отвести его назад, но с потерей темпа, которого и так не хватает. Короче говоря, Баннишу пора посыпать себе голову пеплом.

Но вместо этого он увидел, как улыбка расплылась на пухлой физиономии хозяина.

— Неужели пора? Ах, Стюарт, на сей раз в лужу сел ты! — И, захихикав, словно десятилетняя девчонка, горизонтальным ходом ферзя смел с доски белую ладью.— Шах!

Питер Нортен давно, очень давно не участвовал в турнирах, но прекрасно помнил то впечатление внезапной катастрофы, когда непредвиденный ход соперника вдруг меняет всю обстановку на доске. Сначала мгновенное замешательство, а потом, по мере осознания последствий,— крепнущее чувство неотвратимого краха, паника и, наконец, глубокая апатия. Мозг по инерции еще перебирает бесполезные контрдоводы, но все тщетно... Нет в шахматах худших мгновений.

Сейчас отчаяние Питера усугублялось стыдом и досадой. У них была целая ночь; как же они упустили из виду, что Баннишу ничего не стоит обменять ферзя на ладью? Жертва, в обычной ситуации немыслимая, но вполне целесообразная при значительном материальном перевесе. И Эксу некуда деться, он вынужден брать проклятого ферзя. Питер с ужасающей отчетливостью понял: если Экс сделает это королем, черные проведут победную комбинацию. Значит, остается только вторая ладья, стоящая на принципиально важной вертикали, где она защищает центрального коня, а потом... Ах мерзавец!

Экс искал альтернативу пятнадцать минут, но безуспешно. Он взял ферзя ладьей. Банниш молниеносно ответил ходом собственной ладьи. Белый конь, лишь недавно занявший ключевую позицию, бесславно испустил дух. Затем черные целенаправленно форсировали скоротечный обмен легкими фигурами, попутно ликвидируя все прямые угрозы белых. Теперь потрепанные армии сократились до минимума, игра перешла в эндшпиль, и вот уже черный король, только что обложенный со всех сторон, превратился в могущественного властелина центральных полей. Ирония судьбы. Экс остался с ферзем и пятью пешками, Банниш — с четырьмя пешками, слоном, конем и ладьей.

Сражение затянулось на несколько часов. Бесстрашный мобильный ферзь непрерывно маневрировал и отчаянно атаковал, стараясь отыграть фигуру или повторением ходов свести партию к ничьей. Однако Банниш и сам знал толк в подобных увертках; заставить его ошибиться не удавалось.

Наконец стало ясно: проигрыш белых — лишь вопрос времени. Экс положил своего короля.

— А я-то думал, мы просчитали все варианты защиты,— отрешенно пробормотал Питер.

— Э, капитан,— весело отозвался Банниш,— в том-то и дело, что любая попытка защититься здесь и впрямь ведет к проигрышу. Фигуры прикрытия либо блокируют пути отхода, либо мешают действиям других. С чего вы решили, что я буду помогать загнать себя под мат? Нет уж, сами шевелите извилинами.

— Завтра,— сурово произнес Питер.— Завтра я расправлюсь с тобой.

Банниш радостно потер руки.

— Ох как я волнуюсь. Скорей бы настал этот долгожданный день.

Вечером опять засиделись допоздна. Разбор происходил в комнате Экса, поскольку Кэти наотрез отказалась еще полдня и полночи наблюдать упражнения в шахматном мазохизме. Когда Питер сообщил ей невеселую новость, она лишь состроила презрительную мину и бросила: «Вас предупреждали». А после патетического добавления насчет того, как трудно жить с мужем, впадающим в маразм, он не выдержал и отвел душу, устроив скандал и хлопнув на прощание дверью.

Стюарт уже разбирал утреннее поражение с очнувшимся Дельмарио. Стив выглядел далеко не лучшим образом — под глазами набрякли мешки, глаза налились нездоровой краснотой,— но явился трезвым и теперь накачивался кофе.

— Как дела? — осведомился Питер, беря стул.

— Дрянные наши дела,— не поднимая головы, отозвался Экс.

— Не просто дрянные, а дерьмовые,— гробовым голосом уточнил Дельмарио.— В конце концов я начинаю подозревать, что эта проклятая жертва не оправдывает себя. Но не могу в это поверить, не могу, хоть тресни. Все так последовательно и логично; здесь непременно должно быть выигрышное продолжение. Будь я проклят, если не сумею его найти.

— Сегодняшний сюрприз важен для целой серии вариантов,— обращаясь к Питеру, заметил Экс.— Не забывай: за позиционное преимущество мы заплатили двумя фигурами. Значит, и Брюсик, как это ни печально, может позволить себе такую же роскошь. Чтобы ликвидировать угрозу, он запросто пожертвует частью материала и все равно останется с перевесом, который в эндшпиле решает все. Мы тут придумали кое-что, но...

— Точно! — думая о своем, перебил его Стив.— Коня отдавать нельзя.

— ...но ничего по-настоящему убедительного,— закончил Экс.

— Послушайте,— тоскливо продолжал Дельмарио.— Вам не приходит в голову, что Фанни-Банни, возможно, прав? Вдруг эта жертва и впрямь бесполезна, и позиция вовсе не была такой уж выигрышной? — Но, судя по интонации, Стив хотел, чтобы его переубедили.

— В твоем предположении есть один существенный изъян...— медленно проговорил Питер.

— Ну? Какой?

— Десять лет назад, победив Банниша, Робинсон Весселер признался, что эту партию он мог проиграть.

Экс тоже задумался.

— В самом деле. Надо же, а я и забыл.

— Весселер был без пяти минут гроссмейстер и слов на ветер не бросал. Выигрыш есть. И я собираюсь найти его.

Дельмарио ударил себя кулаком по колену и завопил:

— Молодчина, Пит! Прочь сомнения, вперед!

— Возвращение блудного супруга! — приветствовала мужа Кэти.— Только напрасно он рассчитывает на упитанного тельца. Ты представляешь, который час?

Она сидела у остывающего камина. Дрова, видно, давно прогорели; от них осталась лишь горстка пепла. В комнате было темно, и огонек сигареты мерцал единственной яркой точкой. Питер вошел улыбаясь, однако, увидев сигарету, насторожился. Раньше Кэти курила много, но несколько лет

назад бросила. Теперь ее тянуло на никотин только в минуты сильного волнения. Обычно это предвещало затяжной скандал.

— Поздно, за полночь. Какая разница? — пробурчал Питер.

Конечно, он немного засиделся с друзьями, но результат стоил бессонной ночи — они нашли то, что искали. Несмотря на усталость, Питер вернулся в приподнятом настроении, и спорить с женой ему совсем не хотелось. Лучше было бы застать ее спящей.

— Забудь о времени, Кэт,— сказал он, стараясь говорить как можно мягче.— Мы наконец добились успеха.

Кэти принялась методично вдавливать окурок в пепельницу.

— В отсутствие хозяина, разумеется. Какого успеха? Придумали какой-нибудь новый ход, который, по вашему мнению, поставит в тупик этого психопата? Неужели ты еще не понял, что ваши находки не стоят ломаного гроша? И вообще вся эта дурацкая комедия.— Видя, что Питер собирается возмутиться, она жестом остановила его.— Будь любезен, выслушай меня до конца. Сейчас почти три; я прождала полночи и желаю высказаться.

— Ах вот как! — разозлился Питер. Саркастический тон жены рассеял остатки его миролюбия.— А тебе никогда не приходило в голову, что я, может быть, не желаю выслушивать? Тогда лучше подумай над этим, а меня оставь в покое. Завтра предстоит трудная игра, и мне необходимо поспать. Я не собираюсь до рассвета внимать твоему визгу. Ясно? Какого дьявола ты вечно рвешься выяснять отношения? Все, что ты можешь сказать, я уже слышал!

— Могу поведать кое-что новенькое о твоем старом приятеле Баннише.

— Сомневаюсь.

— Да? — Кэти гадливо рассмеялась.— Значит, ты заранее знал, что он попытается затащить меня в постель? Или ты узнал об этом попозже?

— Что-о?!

— Сядь! — зловеще приказала Кэти.— Сядь и слушай.

Ее слова подействовали не хуже оплеухи. Потрясенный, Питер послушно сел и застыл, уставясь в пространство.

— А ты? — наконец выдавил он, посмотрев на темный силуэт, смутно обрисовывающий фигуру жены.

— Ты спрашиваешь, согласилась ли я? — язвительно уточнила Кэти.— Питер, до чего ты опустился. Как у тебя язык повернулся спрашивать такое? Неужто я тебе настолько омерзительна? Да я скорее отдалась бы осьминогу, которого, кстати, твой дружок мне больше всего напоминает.— Она мрачно усмехнулась.— Но кем бы он ни был, соблазнитель из него никудышный. Подумать только: всерьез собирался меня купить!

— Тогда зачем ты рассказываешь мне об этом?

— Затем, чтобы вколотить в твои дубовые мозги хоть каплю здравого смысла! Разве ты не понял, что Банниш стремится любым способом бесповоротно тебя сломить? И остальных тоже. Я ему не нужна — он хотел унизить тебя. А вся ваша слабоумная троица пляшет под его дудку. Ты одержим этой ублюдочной партией ничуть не меньше своего дружка.

Оторвавшись от спинки кресла, Кэти подалась вперед. Ее лицо, приблизившись, как будто засветилось в темноте.

— Питер, милый, не играй с ним,— попросила она.— Пожалуйста. Он задавит тебя так же, как твоих друзей.

— У меня иное мнение, милая.— Ласковое слово прозвучало словно ругательство.— Опять ты лезешь со своими пророчествами! Лавры Кассандры спать не дают? Не можешь помочь — помолчи. Я долго терпел, черт возьми! Сносил твои постоянные насмешки, попытки уколоть побольнее и унизить. Ты никогда не верила в меня. Непонятно, какого дьявола ты за меня вышла? Похоже, только затем, чтобы превратить мою жизнь в ад. Так вот: отстань! Оставь меня наконец в покое!!!

Тишина. Взрыв не разрядил напряжения — Питер со злобой представлял, как закипает в Кэти ответная ярость, чтобы в следующую секунду излиться в истеричном крике. Он превратился в комок нервов, ожидая залпа проклятий, и готовился ответить тем же. Потом она вскочит с места, начнет бить что под руку подвернется, Питер попытается удержать ее силой, и начнется такое... В подобных случаях Кэти собой не владела.

Весь дрожа, он закрыл глаза рукой и почувствовал влагу. «Господи, я не хотел этого,— подумал он,— честное слово».

Но Кэти, против ожидания, заговорила на удивление сердечным тоном.

— Дорогой, я вовсе не хотела тебя обидеть. Пожалуйста, успокойся. Ведь я люблю тебя.

Питер остолбенело повторил, будто недоумевая:

— Любишь?

— Пожалуйста, Питер. Если между нами сохранилось хоть что-то хорошее, прошу тебя, наберись терпения на несколько минут.

— Ладно,— буркнул он.

— Знаешь, я верила, очень верила в тебя. Ты наверняка помнишь, как прекрасно все складывалось в наши первые годы, правда? И я ведь помогала тебе, поддерживала, как могла, пока ты сочинял свой роман,— разве нет? Я и прирабатывала, и успевала по дому, и готовила — в общем, позволяла тебе спокойно работать.

— О да! — В его голосе опять зазвучал сарказм, и гнев охватил Питера с новой силой. Кэти не раз донимала его разговорами о том, как на протяжении двух лет фактически содержала их обоих. Но сколько можно? Не его вина, что роман оказался просто грудой испорченной бумаги.— Только без попреков. Я не смог пристроить рукопись, но ты сама слышала, почему это произошло.

— Черт побери, да разве я упрекаю? — вспылила Кэти.— Любое мое слово ты принимаешь в штыки и сразу же становишься в позу обиженного.— Она тряхнула головой, отгоняя раздражение, и снова овладела голосом.— Давай не будем осложнять нашу жизнь, она и без того непростая. Мы долго мучили друг друга, старались бить по больному месту... Пора остановиться. Мы и так не скоро оправимся.

Питер промолчал.

— Я хотела сказать, что верила в тебя не только вначале, но и потом, когда ты уже сжег рукопись... Да, хотя давалось мне это нелегко, поверь. Я не считала твою неудачу литературным провалом, но ты — считал. И ты очень изменился. Поддался отчаянию и, вместо того чтобы, стиснув зубы, начать другую книгу, все бросил.

— Знаю, знаю,— вставил Питер.— Упорства мне недоставало. Слабак. Нытик.

— Прекрати! — гневно крикнула Кэти.— Я этого не говорила! И в мыслях не держала... Когда ты занялся журналистикой, я продолжала верить в тебя. Но опять все пошло вкривь и вкось, тебя увольняли, судили и в конце концов занесли в черные списки. Знакомые нас сторонились. А ты хотя и твердил о своей невиновности, но мысленно уже поставил на себе крест. Перестал мечтать и строить планы, непрестанно жаловался на невезение и хныкал.

— А ты мне ничем не помогала.

— Может быть,— признала Кэти.— Сначала пыталась, но проку от этого не было, и я устала тянуть за двоих. В тебе ничего не осталось от оптимиста, за которого я выходила. Мне было больно вспоминать, как я раньше тобой восхищалась, а уважения ты заслуживал все меньше и меньше. О твоем самолюбии и говорить не приходится. Ты испытывал такое отвращение к собственной персоне, что временами я боялась суицида.

— Ну и каково резюме, милая Кэти?

Она ответила не сразу.

— Питер, несмотря ни на что, я ведь не ушла от тебя. Ты же знаешь: могла, даже собиралась это сделать. Но осталась. Подавила жалость к себе и осталась. Тебе это ни о чем не говорит?

— Еще как говорит. Что ты мазохистка. Или садистка,— брякнул Питер.

Кэти не выдержала и разрыдалась. Питер сидел не шевелясь и ждал конца спектакля. Наконец Кэти выплакалась и тихо сказала:

— Будь ты проклят.

— А только что объяснялась в любви. Ты уж разберись в своих чувствах.

— Осел! Черствый, безмозглый чурбан! Неужели до тебя еще не дошло?

— Что именно? — теряя терпение, повысил голос Питер.— Ты требовала тебя выслушать — я выслушал и не узнал ничего нового. Старая песня на новый лад. Все то же перечисление моих грехов и недостатков, жалобы на то, что я не оправдал надежд...

— Да пойми же наконец, Питер! Последние дни все изменили. Забудь на минуту о ненависти, отбрось отвращение к нам обоим и пойми: мы получили шанс! Надо им воспользоваться.

— Не вижу никаких перемен. Этот шанс — завтрашняя игра, и ты отлично понимаешь, что она для меня значит. Но тебе на меня наплевать; тебе все равно, выиграю я или проиграю. Мало того, ты мне все уши прожужжала, твердя, что я продую партию, да еще заставляешь меня спорить, когда мне надо выспаться. Такое впечатление, будто ты намеренно способствуешь моему поражению. Что же изменилось? Как была ты стервой, так ею и осталась.

— Ох Питер, Питер. Я объясню тебе, что изменилось. До самого приезда сюда мы оба считали тебя неудачником, а оказалось, что это не так! Ты действительно был совершенно ни при чем. Причина твоих злосчастий — Брюс Банниш. Это же в корне меняет дело! Он не оставлял тебе шансов и теперь хочет лишить последнего. Но за этот последний шанс тебе не нужно сражаться — он у тебя уже есть! Ты узнал, что талантлив и можешь писать хорошие книги,— значит, психологический барьер неверия в себя рухнул. Что мешает нам уехать и вместе начать все сначала? Ты напишешь новый роман, пьесу — все, что захочешь. Твой талант никуда не делся. Мы опять можем мечтать, верить в будущее и любить друг друга, понимаешь? Баннишу не терпелось довести свою месть до конца, а вместо этого он добился обратного — отныне ты свободен!

Питер боялся пошевелиться, до боли в пальцах стискивая подлокотники. Слова Кэти медленно проникали в сознание, и темнота отступала, словно за окнами забрезжил рассвет.

Господи, неужели все так просто? Проклятый Банниш и вправду заразил их своей одержимостью. А он настолько зациклился на шахматах, что ни разу не задумался об этом. «Я действительно был совершенно ни при чем,— мысленно повторял Питер и удивлялся.— Мое невезение было совершенно ни при чем».

— Как все просто,— чуть слышно прошептал он.

— Что ты сказал, Питер? — тревожно спросила Кэти.

Услышав в голосе жены тревогу, он понял и нечто большее — ее любовь. Сколько их на свете, пронеслось у него в голове, тех, кто обещает и клянется, строит воздушные замки и мечтает о счастье, но при первых признаках немилости судьбы хлопает дверью. Кэти осталась. Осталась, невзирая на жестокие неудачи, на его срывы и депрессии, на несправедливые упреки и бесконечные ссоры, на беспросветность и безденежье.

Питер медленно выбрался из кресла. Ему было очень трудно выразить нахлынувшие чувства словами.

— Кэти,— сказал он,— я тоже люблю тебя.— И беззвучно заплакал.

Утром Питер и Кэти спустились в гостиную позже всех. Проснувшись, они вместе приняли душ, и Питер оделся с особой тщательностью. Почему-то ему хотелось выглядеть как можно лучше — наверное, потому, что сегодня начиналась новая жизнь. Выходя из комнаты, они взялись за руки.

Банниш уже сидел перед доской, и часы тикали. Соратники тоже были в сборе: Экс в своем кресле терпеливо подпирал ладонью подбородок, Дельмарио шагал из угла в угол.

— Питер, скорей,— заторопил он, увидев чету Нортенов на винтовой лестнице.— Часы уже пущены; ты потерял целых пять минут.

Питер улыбнулся.

— Расслабься, Стив, все будет в порядке.

Он пересек гостиную и присел на свое место со стороны белых фигур. Жена остановилась у него за спиной. «Кэти сегодня восхитительна»,— подумал Питер.

— Твой ход, капитан,— с иронической улыбкой напомнил Банниш.

— Я знаю,— ответил Питер, даже не взглянув на доску. Часы отсчитывали его время.— А скажи, Брюс, почему ты возненавидел меня? Я долго думал, но разумного объяснения так и не нашел. А мне хотелось бы знать. Я еще могу понять твою неприязнь к Стиву — он имел дерзость выиграть, когда ты проиграл, и потом непрестанно поминал это тебе. А Экс изводил жестокими шутками. Но чем провинился я?

Банниш как будто смутился, но ненадолго. Его губы скривились словно для плевка.

— Ты? Да ты — хуже всех.

Питер искренне удивился.

— Даже так?

— Великий капитан великой сборной,— процедил Банниш.— В тот день ты пальцем не пошевелил ради победы. Быстренько устроил гроссмейстерскую ничью со старым дружком Уинслоу, даже не попытавшись обострить игру. Ты всегда выбирал себе удобных противников, и остальные тебя ничуть не заботили. Команда проиграла, а ты — чистенький, хотя и принес ей всего пол-очка. Козлом отпущения стал я. Но это еще не все. Ну-ка, Нортен, ответь, почему ты посадил за первую доску именно меня? Рейтинг у всех нас был примерно одинаковый; так чем же я заслужил такую честь — играть первую скрипку?

Питер немного подумал, припоминая, какими соображениями он руководствовался десять лет назад.

— Брюс, ты всегда проигрывал ответственные партии. Поэтому, когда команда-соперница выставляла тяжелую артиллерию, то есть мастера, который с высокой вероятностью мог разгромить любого из наших, имело смысл посадить против него тебя. Тем самым мы экономили силы, добиваясь побед за другими досками. С точки зрения интересов команды в целом этот подход вполне разумен.

— Иными словами, меня заведомо списывали со счетов. Не потому ли я проигрывал? Ты полагал, что мой проигрыш Весселеру позволит вам обставить других, и отдал меня на заклание.

— Приблизительно так,— смутился Питер.— Извини.

— Извини! — передразнил Банниш.— Запрограммировал мое поражение, а потом им же и попрекал. Простыми извинениями тут не отделаешься. Ну а сам ты в тот день играл не в шахматы, а совсем в другую игру. Вы с Хэлом Уинслоу из Чикагского университета развлекались ею много лет, а игроки ваших команд служили вам разменной монетой. Я же в данном случае сыграл роль жертвенной пешки. Обыкновенный гамбит. Только он тебе не помог. Уинслоу обставил тебя по всем статьям. Так что продул-то не я, а ты.

— Твоя правда. Теперь я это понимаю, когда ты так хорошо все объяснил. Я продул, и ты наказал за это всю команду.

— Сейчас ты продуешь снова,— пообещал Банниш и кивнул на клетчатый театр военных действий.— Время не ждет. Ходи.

Питер равнодушно глянул на доску и отвернулся.

— Мы вчера полночи анализировали и обнаружили новый интересный вариант — ординарная жертва вместо двойной. Я беру пешку конем, но слона не отдаю, а сразу нападаю ферзем — такова идея. Выглядит заманчиво, но наверняка с изъяном, верно?

Банниш внимательно посмотрел ему в глаза.

— Ходи, и сам узнаешь.

— Не хочу.

— Пит! — ошарашенно воскликнул Дельмарио.— Ты в своем уме?! Ты должен сбить спесь с этого индюка!

— Ничего не выйдет, Стив.

Повисла тягостная тишина. Наконец Банниш не выдержал.

— Ты трус, Нортен! Трус, слабак и неудачник! Доигрывай партию!

— Процесс игры меня больше не волнует. Тебе достаточно сказать, что вариант ошибочен. Я поверю.

Банниш возмущенно крякнул, потом не стерпел и ответил сварливо:

— Ошибочен, ошибочен. Я предложил бы контржертву — ладью — и снял этим угрозу мата. А через несколько ходов ладья отыгрывается.

— Все варианты ошибочны, не так ли? — полуутвердительно произнес Питер.

Банниш только криво усмехнулся. Питер кивнул.

— Я так и думал. Мы заблуждались. Белые в этой позиции вообще не могут выиграть. Ты не упустил победу — у тебя ее не было в принципе. Было лишь обманчивое позиционное преимущество.

— Наконец-то я слышу здравую мысль,— похвалил Банниш.— Да, я просчитал на компьютерах каждый вариант, каждый ход, затратив целую вечность. Я ведь прожил не три и даже не четыре жизни. Сначала семьдесят лет, потом пятьдесят... Да понимаете ли вы, что это такое — вновь и вновь возвращаться?! Я проверял одну идею за другой... всегда выбирая точкой отсчета тот самый день в Эвансгоне. Я проигрывал любые, даже самые дикие комбинации. Но Великий Роби неизменно побеждал. У белых здесь нет ни единого шанса.

— А как же Весселер? — запротестовал сбитый с толку Дельмарио.— Ведь он сказал, что проигрывал!

Банниш глянул на него с нескрываемым презрением.

— Он рассчитывал на легкую победу, а я заставил его изрядно попотеть. Его признание — просто маленькая месть. Этот добряк умел подсластить горечь поражения.— Банниш ухмыльнулся.— Но ничего, о нем я тоже позаботился.

Э. К. Стюарт встал и одернул жилет.

— Финита ля комедиа, Брюсик. Будь добр, позволь нам покинуть Баннишленд.

— Тебя я больше не задерживаю,— отрезал Банниш.— Этого алкаша тоже. А вот Питер...— К его лицу вновь приклеилась улыбка.— Наш доблестный капитан, смекнув, что все продолжения заводят в тупик, в каком-то смысле почти выиграл, и я решил сделать тебе подарок, Нортен, роскошный подарок. Можешь воспользоваться моим ретропроектором!

— Премного благодарен, но я не приму твой подарок.

Банниш выпучил глазки.

— Что значит «не примешь»? Ты не понял, какой шанс тебе предлагают? Ты перейдешь на альтернативную ветвь семейства временных кривых и станешь победителем!

— Ну да, а в этой жизни брошу жену рядом со своим трупом. И порадую тебя, навсегда избавив от своей персоны. Все это здорово смахивает на самоубийство. Нет уж. Пожалуй, я еще раз попытаю счастья в настоящем и будущем. Вместе с Кэти.

Банниш захлопнул отвисшую челюсть.

— Какое тебе до нее дело? Она все равно тебя презирает. Ей будет лучше, если ты исчезнешь из ее жизни. Она получит страховку, а ты найдешь себе другую женщину, которая по-настоящему полюбит тебя.

Кэти положила руку Питеру на плечо.

— Я сама позабочусь о нем.

Питер накрыл ее руку ладонью.

— В таком случае ты тоже дура! — закричал Банниш.— Твой муж — ничтожество и навсегда останется ничтожеством! Уж я постараюсь...

Питер встал.

— Думаю, тебе не удастся нам больше навредить. Любому из нас.— Он посмотрел на друзей.— Как считаешь, Экс? Что скажешь, Стив?

Стюарт задумчиво склонил голову, разгладил двумя пальцами усы и сдержанно улыбнулся:

— Ты прав.

Дельмарио сидел какой-то обалделый. Внезапно лицо его просветлело, и он хлопнул себя по лбу.

— Ах ты, Брюсик-Кролик... Ты ж небось не сможешь украсть идеи, которые я еще не родил... По крайней мере на этой временной кривой.— Стив облегченно хохотнул, подошел к шахматам и остановил часы.— Шах и мат! — объявил он.— Шах и мат!!!

Примерно две недели спустя Кэти негромко стукнула утром в дверь кабинета.

— Секундочку! — крикнул Питер. Допечатав фразу, он отключил пишущую машинку и крутанулся на винтовом стуле.— Входи!

Кэти открыла дверь и с улыбкой сообщила:

— Я приготовила на ленч тунцовый салат. Если, конечно, ты проголодаешься настолько, что соблаговолишь оторвать свой зад... Как продвигается?

— Неплохо. Если так пойдет и дальше, сегодня закончу вторую главу.— Тут он заметил в руке у жены газету.— Что-нибудь интересное?

Она протянула газету, сложенную полосой некрологов вверх. Питер прочитал:

«Вчера в своем особняке в Колорадо обнаружен мертвым электронный магнат Брюс Банниш. Тело опутывали провода с датчиками, подсоединенные к аппарату неизвестного назначения, который, по-видимому, и убил своего владельца электрическим током».

Он вздохнул.

— Как ты считаешь, Банниш решил снова?..— спросила Кэти.

Питер отложил некролог.

— Скотина. Несчастный выродок. Он так и не понял.

— Чего?

Питер погладил ее руку.

— Он опять выбрал тупиковый вариант.

Известие о гибели Банниша навело Питера Нортена на невеселые мысли, но после ленча он вернулся за письменный стол и вскоре обо всем забыл.

Стеклянный цветок

Давным-давно, в дни расцвета моей настоящей юности, один юноша в знак своей любви преподнес мне стеклянный цветок.

Необыкновенный был, чудесный паренек, я любила его, хотя, признаюсь, уже давно забыла его имя. И цветок, который он подарил, был тоже чудесный. На пластмассово-стальных мирах, где я провела свои жизни, древнее искусство стеклодувов утрачено и забыто, но неизвестный художник, создавший мой цветок, владел им в совершенстве. У моего цветка длинный, грациозно изогнутый стебель, выдутый целиком из тончайшего стекла, и на хрупкой этой опоре взрывается бутон величиной с кулак, совсем как живой. Хрусталь навеки запечатлел все вплоть до мельчайших подробностей. Из раскрытого бутона, тесня друг друга, торопливо лезут большие и малые лепестки и застывают в прозрачном буйстве красок. Их венчает корона из шести совершенно непохожих друг на друга широких листьев в капельках росы и с сеткой прожилок. Как будто какой-нибудь чародей, прогуливаясь по саду и поддавшись минутной прихоти, превратил один особенно крупный и прекрасный цветок в стекло.

Цветку не хватает только настоящей жизни.

Я храню его без малого двести лет, хотя давно покинула и юношу, и мир, где получила от него этот дар. Все многочисленные мои жизни я не расставалась с цветком. Мне нравилось ставить его в вазе полированного дерева на подоконник. Иногда листья и лепестки, поймав луч солнца, на мгновение

© Перевод Т. Черезовой под редакцией П. Полякова.

вспыхивали разноцветным огнем, а иногда преломляли свет, разбрасывая по полу размытые осколки радуги. Бывало, ближе к закату, когда на мир опускались сумерки, цветок, казалось, вовсе растворялся в воздухе, и я сидела, глядя на пустую вазу. Но утром цветок возвращался. Он никогда не обманывал моих ожиданий.

Стеклянный цветок был невероятно хрупким, но с ним ни разу ничего не случилось. Я хорошо о нем заботилась — возможно, лучше, чем заботилась о чем-то или ком-то другом. Он пережил десять моих возлюбленных и столько планет и друзей, что устанешь вспоминать. В молодости он радовал меня на Эше, и Эрикане, и Шамдизаре, а потом на Надежде Негодяя и Бродяге, и еще позже, когда я старела, на Дэм Таллиане, и Лилит, и Гулливере. Когда же я наконец распрощалась с человечеством, и канули в прошлое мои жизни на планетах людей, и я снова стала молодой, стеклянный цветок остался со мной.

Вот и сейчас в моем замке на столбах, в моем доме боли и нового рождения, где разыгрываются состязания разума, среди смрадных болот Кроандхенни, вдали от людей, не считая пропащих душ, что залетают к нам, он тоже здесь, мой стеклянный цветок.

В день, когда прилетел Клерономас.

— Иоахим Клерономас,— сказала я.

— Да.

Существуют киборги и киборги. Сколько планет, столько и разных культур, разных систем ценностей и уровней технологии. Есть киборги органические наполовину, другие чуть больше или чуть меньше. Некоторых выдает одна только металлическая рука, а вся остальная их кибернетика хитроумно запрятана под кожу. Бывают киборги, обтянутые синтетической кожей, которую не отличишь от человеческой, хотя что же тут особенного, если знать, насколько разная кожа у тысяч существ на тысячах планет? Некоторые из киборгов скрывают металл в плоти, другие — наоборот.

У человека, назвавшегося Клерономасом, плоти как таковой не было совсем. Он называл себя человеком, а в легендах,

которыми обросло его имя, считался киборгом, мне же больше напоминал робота. Его организм почти сплошь состоял из неорганики, такого даже андроидом можно назвать с натяжкой.

Он был наг, насколько может быть нагим металл и пластик. Грудь черная, словно гагат, и блестящая — то ли она была из металлического сплава, то ли из гладкой пластмассы, не могу сказать; конечности отформованы из прозрачного пластала, только пальцы стальные. Под псевдокожей виднелись темные штыри дюралевых костей, силовые тяжи и флексоры, заменявшие мышцы и сухожилия, микродвигатели и сенсокомпьютеры. Вверх и вниз по нейросистеме пробегали замысловатые световые узоры. Когда он сжимал правый кулак, из костяшек пальцев выступали длинные серебристые когти.

Кристаллические глаза-линзы плавали в каком-то фосфоресцирующем геле, которым были наполнены металлические глазницы. Глаза как будто лишены зрачков — в них тлел красный огонь, отчего взгляд киборга казался угрожающим и непреклонным.

— Моя внешность завораживает? — спросил он.

Голос звучал удивительно естественно — глубокий и полный жизни, без металлических ноток, которые испортили бы человечность интонации.

— Клерономас,— произнесла я.— Имя действительно завораживает. Давным-давно на свете жил человек с таким именем, легендарный киборг. Ты, конечно, знаешь об этом. Из Разведки Клерономаса. Основатель Академии человеческих знаний на Авалоне. Он твой предок? Может быть, в твоей семье металл передается по наследству?

— Нет,— ответил киборг,— это я и есть. Я Иоахим Клерономас.

Я улыбнулась.

— А я — Иисус Христос. Не желаете ли познакомиться с моими апостолами?

— Вы не верите мне, Мудрая?

— Клерономас умер на Авалоне тысячу лет тому назад.

— Нет,— возразил киборг,— он стоит перед вами.

— Киборг,— сказала я,— здесь Кроандхенни. Ты не прилетел бы сюда, если бы не жаждал перерождения, если бы не жаждал в состязании разума обрести новую жизнь. Послушай. В Игре ума ложь облетит с тебя, как шелуха. Твоя плоть, и твой металл, и твои иллюзии — мы возьмем все, и останется только твое естество, столь обнаженное и одинокое, что тебе и не снилось. Так что не отнимай мое время. Это самое ценное, что у меня есть. Это самое ценное, что есть у всех нас. Кто ты, киборг?

— Клерономас,— ответил он. Не слышалась ли в его тоне насмешка? Не знаю. Его лицо не создано для улыбки.

— А у вас есть имя? — спросил он меня.

— Оно у меня не одно,— ответила я.

— Какое вы предпочитаете?

— Мои игроки называют меня Мудрая.

— Это прозвание, а не имя.

Я улыбнулась.

— Так ты немало путешествовал. Как и настоящий Клерономас. Хорошо. Мое детское имя Сириан. Наверное, к нему я привыкла сильнее всего. Я носила его первые пятьдесят лет, пока не переселилась на Дэм Таллиан, чтобы научиться мудрости. Там я и получила новое имя.

— Сириан,— повторил он.— И других не было?

— Не было.

— На какой же планете вы родились?

— На Эше.

— Сириан с Эша,— произнес он.— Сколько вам лет?

— В обычном летосчислении?

— Конечно.

Я пожала плечами.

— Скоро двести. Я потеряла счет годам.

— Вы похожи на девочку-подростка, только-только входящую в зрелость.

— Я старше моего тела,— сказала я.

— Я тоже. Проклятие киборгов, Мудрая, заключается в том, что детали можно заменять.

— Так ты бессмертен? — бросила я вызов.

— В примитивном смысле да.

— Непонятно...— Я не скрыла удивления.— Ты явился ко мне на Кроандхенни, где есть Нечто, чтобы участвовать в Игре ума. Почему? Это место, куда прилетают умирающие в надежде выиграть жизнь. Мы редко видим бессмертных.

— Я ищу другой награды,— ответил киборг.

— Вот как? Какой же?

— Смерти в жизни. Жизни в смерти.

— Они противоположны,— сказала я.— Они враги.

— Нет,— сказал киборг.— Они одно и то же.

Шестьсот лет назад по обычному летосчислению некое существо, называемое в предании Белым, приземлилось среди кроандхенни на звездном корабле, первом корабле, который они увидели. Если верить кроандхеннийскому фольклору, Белый не был ни одним из тех существ, что я встречала или о которых слышала, хотя путешествовала я немало. Это меня не удивляет.

Тысяча планет человека (может, их больше раза в два, а может, и меньше, никому неведомо), рассеянные империи финдаев и дамушей, гверны, и нор-талуши, и прочие разумные, о которых нам известно, все эти земли, и звезды, и колонии, гордо раскинувшиеся на многие световые годы черных пространств, известные только волкринам, вся наша крошечная вселенная, все это, вместе взятое,— лишь островок света в бескрайнем океане тумана и мифов, что постепенно теряется во тьме невежества. И все это в крошечной галактике, до самых дальних окраин которой мы никогда не доберемся, даже если просуществуем миллиарды лет. В конце концов, как ни старайся, как ни лезь из кожи вон, необъятные пространства победят нас. Я уверена.

Но меня победить трудно. И я горжусь этим, это последнее, что у меня осталось. Не слишком много перед лицом вечности, но все-таки кое-что. Когда придет конец, я встречу его с яростью.

Тут мы с Белым похожи. Хотя он и не нашего поля ягода, а откуда-то из тумана, еще не рассеянного нашим жалким светом. Каким бы ни было это существо, какой бы груз истории и эволюции ни несло в своих генах, мы все равно родня.

Мы две злые непоседливые поденки, перелетавшие от звезды к звезде, потому что, единственные из собратьев, сознавали, как короток наш день. И оба мы нашли нечто вроде своей судьбы в болотах Кроандхенни.

Белый прилетел сюда совсем один, посадил свой маленький корабль (я видела останки корабля: игрушка, пустяковина, но совершенно непривычные обводы корпуса вызывают трепет) и, обследовав планету, нашел на ней нечто искусственное.

Нечто гораздо старше самого Белого и гораздо более странное.

НЕЧТО.

Какими странными приборами пользовался Белый, какими чуждыми нам знаниями обладал, какой инстинкт подсказал ему войти? Теперь этого уже не узнать, да это и не важно. Белый узнал, узнал то, о чем так и не догадались местные ученые, он узнал назначение Нечто, понял, как его использовать. Впервые за... тысячу лет? Миллион? Впервые с незапамятных времен была сыграна Игра ума. И Белый изменился, вышел из Нечто совершенно иным. Он стал первым. Первым властителем умов. Первым господином жизни и смерти. Первым властелином боли. Первым властелином жизни. Не важно, как это назвать — титулы рождаются, присваиваются, отбрасываются и забываются.

Какой бы ни была я сейчас, Белый стал таким первый.

Пожелай киборг познакомиться с моими апостолами, я бы его не разочаровала. Я созвала их, когда он ушел.

— Новый игрок назвался Клерономасом,— объявила я.— Я хочу знать, кто он такой и чего добивается. Выясните это.

Я видела их алчность и страх. Апостолы — инструмент полезный, но верностью не отличаются. Я собрала вокруг себя двенадцать Иуд, и каждый из них жаждет наградить меня поцелуем.

— Можно провести полное сканирование,— предложил доктор Лаймен, с улыбкой льстеца глядя на меня водянистыми близорукими глазками.

— А на обследование интерфейса он согласится? — спросил Дейш Грин-9, мой собственный киберслуга. Его правая

рука, обожженная солнцем, сжалась в кулак, а из левой, вдруг раскрывшейся, словно серебряный бутон, высунулись, как змееныши из гнезда, гибкие металлические щупальца. Под тяжело нависшими бровями Дейша на месте глаз красовалась пластина зеркального стекла. Улыбка так и ослепляла металлическим блеском хромированных зубов.

— Выясним,— пообещала я.

Себастьян Кейл, эмбрион-макроцефал, плавал в аквариуме. Его слепые глаза уставились на меня сквозь зеленоватую жидкость, пузырьки газа отрывались от бледного обнаженного тела и всплывали к поверхности.

«Он лжец,— прозвучало у меня в голове.— Я узнаю для вас правду, Мудрая».

— Хорошо,— ответила я.

Тр-кн-нр, мой мысленемой финдай, запел высоким пронзительным голосом на пределе слышимости. Он возвышался над всеми, словно человечек с детского рисунка, трехметровый человечек с лишними суставами в самых неожиданных местах. Он сгибал конечности под невообразимыми углами и весь был собран из старых разрозненных костей, словно обугленных неведомым пламенем. Но его кристаллические глаза под бугристым лбом лихорадочно горели, а из вертикальной безгубой ротовой щели стекали струйки пахучей черной жидкости. Он пел о боли, и крике, и нервах, пылающих огнем, о раскрытых тайнах и о правде, что дымится и сочится кровью, словно рана.

— Нет, он киборг,— сказала я.— Если он и чувствует боль, то только если хочет этого. Он может отключить свои рецепторы и забыть о тебе, изгнанник, и твоя песня станет молчанием.

Нейрошлюха Шайалла Лотен смиренно улыбнулась:

— Значит, я тоже осталась без работы, Мудрая?

— Не уверена,— призналась я.— Половых признаков я не видела, но если в нем осталось хоть что-то органическое, то и центр удовольствия мог сохраниться. Он утверждает, что был мужчиной. Инстинкты могут еще действовать. Выясни это.

Она кивнула. Тело у нее было мягкое и белое как снег, иногда такое же холодное, если ей требовался холод, а иногда раскаленное добела, если она этого желала.

Предвкушая грядущие забавы, она улыбнулась алыми подвижными губами. Ее костюм на глазах изменил форму и цвет, а длинные накрашенные ногти замерцали искорками.

— Наркотики? — спросила Брейдже, биомедик, генный инженер и отравительница. Она сидела, размышляя, и жевала транк собственного изобретения. Ее расплывшееся, податливое тело напоминало о болоте за стеной.— Веритал? Агонин? Экстазил?

— Сомневаюсь,— ответила я.

— Болезнь,— продолжала она.— Мантракс или гангрена. Вялотекущая чума... А у нас лекарство.— И она захихикала.

— Нет,— отрезала я.

Остальные тоже высказались. У всех нашлось что предложить, свой способ выяснить то, что мне хотелось знать, каждый хотел быть полезным, добиться моей благосклонности. Таковы мои апостолы. Я слушала их, позволив себе увлечься их разноголосицей, взвешивала, обдумывала, приказывала и наконец отправила их прочь — всех, кроме одного.

Хар Дориан подарит мне тот поцелуй, когда придет время. Не нужно быть мудрейшей, чтобы знать эту истину.

Остальным что-то от меня нужно. Получив это, они исчезнут. У Хара давно есть то, что он хотел, и все же он возвращается, и возвращается, и возвращается в мой мир и в мою постель. Не любовь влечет его назад, и не красота моего юного тела, и не богатство, что он получает. Его планы гораздо грандиознее.

— Он летел с тобой от самой Лилит,— сказала я.— Кто он?

— Игрок,— ответил Дориан, вызывающе и криво усмехнувшись.

Дориан ошеломляюще красив, подтянут, строен, хорошо сложен и самонадеян. Он излучает грубоватую чувственность тридцатилетнего, переполненного здоровьем, силой и гормонами мужчины. Волосы у него светлые, длинные и нечесаные. Подбородок решительный и гладкий, нос прямой, глаза здорового ярко-синего цвета. Но в глубине этих глаз живет какая-то застарелая навязчивая идея — застарелая, циничная и опасная.

— Дориан,— предостерегла я его,— не морочь мне голову. Он не просто игрок.

Хар Дориан встал, лениво потянулся, зевнул и ухмыльнулся.

— Он тот, за кого себя выдает. Клерономас.

Мораль — нечто вроде тесноватого платья, если, конечно, оно надето, но пространствам, разделяющим звезды, свойственно распускать ее ткань, раздергивать на яркие ниточки, бывшие линии общего рисунка. Франт с Бродяги выглядит на Катэдее деревенщиной, имирец на Вессе исходит по́том, вессиец на Имире промерзает до костей, а сполохи изменчивых узоров, заменяющие платье фелланейцам, на десятке планет спровоцируют скандал, изнасилование или убийство. Так и мораль. Понятие добра не больший абсолют, чем форма лацканов; решение отнять жизнь у разумного существа оказывается не мучительнее решения прилюдно обнажить груди.

Есть миры, где меня сочли бы чудовищем. Мне это давно безразлично. Я прилетела на Кроандхенни, имея собственное представление о моде, и мне нет дела до чужих эстетических воззрений.

Хар Дориан называет себя работорговцем и тем напоминает мне, что мы действительно торгуем человеческим телом. Он может звать себя, как ему заблагорассудится, меня подобное определение оскорбляет. Работорговец продает свой живой товар в рабство и в услужение, лишает свободы передвижения и права распоряжаться собственным временем, а они очень дорого ценятся. У меня иной подход. Я просто краду. Хар со своими людьми привозят мне обитателей перенаселенных городов Лилит, суровых гор и холодных пустынь эм-Таллшана, жителей хибар у чумных каналов Весса, завсегдатаев космодромных баров на Фелланоре, Симеранте и Шрайке — всех, кого только смогут. Он привозит их ко мне, а я обманываю и отпускаю на свободу.

Многие отказываются уходить.

Они теснятся за стенами моего замка в построенном ими городе, задабривают меня, выкрикивая мое имя, когда я прохожу мимо, и молят о милости. Я оставила им свободу, воз-

можность улететь и время, а они бессмысленно растрачивают их в надежде получить обратно то единственное, что я отняла.

Я краду их тела. Души они теряют сами.

Впрочем, я, пожалуй, чересчур строга к себе, называя себя воровкой. Жертвы обмана, поставляемые Харом, пусть поневоле, но участвуют в состязании. Другим за ту же честь приходится платить, и немало. Первых мы называем призами, других — игроками, но, когда приходит боль и начинается Игра ума, мы все равны: у нас нет ни богатства, ни здоровья, ни положения в обществе, и вооружены мы лишь собственной волей и силой разума. И лишь от нас самих зависит, кто победит, а кто потерпит поражение, кто будет жить, а кто умрет.

Я даю им шанс. Некоторые даже побеждали. Правда, очень немногие, но много ли на свете грабителей, дающих своим жертвам такой шанс?

Стальные Ангелы, чья область обитания расположена далеко от Кроандхенни, по другую сторону Галактики, внушают своим детям, будто сила — единственная добродетель, а слабость — единственный грех, и утверждают, будто в пользу этой истины свидетельствует сама Вселенная. Тут уж не поспоришь. Согласно их морали я имею полное право распоряжаться телами, которые отнимаю, потому что я сильнее, а следовательно, лучше и правдивее рожденных в этой плоти.

Маленькая девочка, с рождения владевшая моим теперешним телом, к сожалению, не была Стальным Ангелом.

— А с малышом-то будет трое,— произнесла я.— Пусть даже он и сделан из металла и пластмассы и сам себя зовет легендой.

Раннар вопросительно уставился на меня. Он путешествовал меньше, чем я, и аллюзия на мою полузабытую юность на планете, которой он и в глаза не видел, ему совершенно недоступна. На его длинном кислом лице отразилось вежливое недоумение.

— У нас три игрока,— терпеливо объяснила я ему.— Можно начинать состязание.

Вот это Раннару было понятно.

— О да, конечно. Сейчас же займусь этим, Мудрая.

Первым был Креймур Делун. Древнее, почти столь же древнее, как я, существо, хотя всю свою жизнь он прожил в одном маленьком теле. Неудивительно, что оно так износилось. Тело у него безволосое и морщинистое, страдает одышкой, а глаза подслеповаты — словом, пародия на живой организм. Плоть его набита пластмассовыми и металлическими имплантами, день и ночь они выкладываются на полную мощность, продлевая жизнь своего хозяина. Вряд ли их хватит надолго, но Креймур Делун решил, что пожил вдоволь, и прилетел на Кроандхенни, чтобы, заплатив за новую плоть, начать все сначала. Он ждал уже почти целый год по обычному летосчислению.

У Ризен Джей случай был потяжелее. Ей не было еще и пятидесяти, и здоровье вполне приличное, хотя на теле кое-где имелись шрамы. Ризен заскучала. Она вкусила всех удовольствий, доступных на Лилит, а Лилит предлагает немало удовольствий. Она отведала всех яств, испытала все наркотики, занималась любовью с мужчинами, женщинами, животными и представителями чуждых рас, рисковала жизнью, катаясь на горных лыжах, дразнила пит-драконов и сражалась в воздушных поединках, столь популярных среди головизионных болельщиков. И вот она решила, что новое тело, быть может мужское, или плоть какого-нибудь экзотического существа (такие у нас тоже изредка попадаются) — это как раз то, чего ей недостает.

А Иоахим Клерономас стал третьим.

Игра ума — состязание семерых: участвуют три игрока, три приза и я.

Раннар подал мне толстую папку с фотографиями и сведениями о призах, доставленных на кораблях Хара Дориана — «Веселом Фениксе», «Второй Попытке», «Новой Сделке» и «Лакомом Кусочке» (Хар не лишен своеобразного юмора висельника). Дворецкий стоял за моей спиной, почтительный и услужливый, а я переворачивала страницы и выбирала.

— Вот уж лакомый кусочек,— заметил он, увидев изображение стройной девушки-вессийки с испуганными желтыми глазами (возможно, признак гибридных генов).— Этот сильный и здоровый,— сообщил он потом, когда я рассматривала

фото мускулистого зеленоглазого юноши с черной косой до пояса. Я не обращала на него внимания. Я никогда не обращаю внимания на дворецкого.

— Вот этот,— сказала я, вынимая из папки карточку паренька, стройного, как кинжал, с татуированной красноватой кожей. Хар купил его у властей на Шрайке, где мальчика осудили за убийство сверстника. Обитатели большинства планет считают Хара Дориана, печально знаменитого контрабандиста, налетчика и работорговца, воплощением зла; родители пугают им непослушных детей. Но на Шрайке он уважаемый гражданин, поскольку, очищая тюрьмы от подонков, оказывает обществу огромную услугу.

— Эта.— Я отложила вторую фотографию, с которой на меня пустыми зелеными глазами смотрела молодая толстуха лет тридцати. С Симеранта, значилось в сведениях о ней. Хар со своими подручными залез в анабиозный холодильник для умственно отсталых и прихватил оттуда несколько молодых, здоровых и привлекательных тел. Это, правда, толстое и рыхлое, но оно похорошеет, когда им начнет управлять нормальный мозг. Прошлая его обладательница отравилась экстазилом.

— И вот это,— закончила я. Третья фотография запечатлела слетка гверна, мрачное, злобное на вид создание с ярко-фиолетовыми надглазьями и гигантскими перепончатыми крыльями. Кожистые перепонки радужно лоснились. Этот — для Ризен Джей, которая решила попробовать чужого тела. Если сможет его выиграть.

— Прекрасный выбор, Мудрая,— одобрил Раннар.

Он всегда одобряет. Он прилетел на Кроандхенни изуродованным: его застигли в постели с дочерью нанимателя и подвергли ритуальному обезображиванию. Ему было нечем заплатить за Игру, но два игрока уже почти год ждали третьего, и один из них умирал от мантракса, так что когда Раннар предложил мне десять лет верной службы в счет недостающей суммы, я согласилась.

Иногда я жалею об этом. Я чувствую на себе его взгляд, ощущаю, как он мысленно срывает броню моих одежд и, как

пиявка, вцепляется в мои маленькие, наливающиеся груди. Девочка, с которой его застали, была только чуть моложе, чем то тело, что я сейчас ношу.

Мой замок возведен из обсидиана.

К северу отсюда — далеко на севере, на дымных полярных пустошах, где на лиловом небе полыхает вечное зарево,— на земле лежит, как простые камни, черное вулканическое стекло. Тысячам кроандхеннийских рудокопов понадобилось десять лет, чтобы найти нужное количество камня и притащить его в эти болота через сотни безжизненных километров. Сотням ремесленников понадобилось еще шесть лет, чтобы напилить и отполировать его, а затем сложить темную сверкающую мозаику, ставшую моим домом. Я считаю, что их труды не пропали даром.

Мой замок стоит на шести грубо отесанных колоннах, высоко над смрадом и сыростью кроандхеннийских топей, мерцающих разноцветными болотными огнями, и призраки огней бродят в черном стекле. Мой замок сияет. Он суров, страшен и прекрасен, он высится над окружающими трущобами. Там в плавучих камышовых хижинах, в домишках из гнилых ветвей, в конурах на шатких деревянных опорах ютятся проигравшие, и отверженные, и обездоленные.

Обсидиан мне по душе, я вижу в нем символ этого дома боли и возрождения. Жизнь зарождается в огне страсти, как обсидиан в вулканическом огне. Чистая истина света иногда прорывается сквозь его черноту, красота смутно просвечивает сквозь тьму, и, как сама жизнь, он страшно хрупок, и края его могут быть чрезвычайно острыми.

Внутри моего замка — бесчисленные комнаты. Некоторые обшиты местным благоуханным деревом, обиты шкурами и устланы пушистыми коврами, некоторые оставлены голыми и черными — церемониальные залы, где темные отражения проникают сквозь стеклянные стены, а шаги звенят по стеклянному полу. В самом центре замка стоит обсидиановая башня с куполом, закованная в сталь. Под куполом находится одна-единственная зала.

Я приказала построить замок вместо старого и обшарпанного здания, перенести Нечто в залу башни.

Именно тут проходит состязание.

Мои апартаменты расположены у основания башни. Этот выбор тоже не случаен: никто не может родиться заново, минуя меня.

Когда Альта-к-Нар, мой апостол-ученый, пришла ко мне со своим докладом, я завтракала в постели плодами сливочного дерева, сырой рыбой и крепким черным кофе, а подле меня лениво и нахально растянулся Хар Дориан.

Она стояла в ногах моего ложа, согбенная болезнями, с вечной гримасой отвращения на длинном лице, под кожей вздувшиеся черви-вены, и непривычно тихим голосом бубнила о том, что откопала в прошлом Клерономаса.

— Его полное имя Иоахим Шарль Клерономас. Он родился на Новой Александрии, колонии первого поколения, всего в семидесяти световых годах от Старой Земли. Сведения о его рождении, детстве и отрочестве отрывочны и противоречивы. В наиболее распространенных легендах говорится, что его мать была офицером боевого корабля Тринадцатого флота, которым командовал Стивен Кобальт Нордстар. Клерономас встречался с нею всего дважды. Его выносила приемная мать и вырастил отец, младший ученый библиотеки на Новой Александрии. На мой взгляд, это слишком исчерпывающе объясняет, почему в Клерономасе объединились традиции воинов и ученых, а потому достоверность истории весьма сомнительна.

Более достоверны сведения о более позднем периоде. В юном возрасте он пошел в армию, успел повоевать в последние дни Тысячелетней войны. Сначала служил на Семнадцатом флоте системотехником на рейдере класса «пронзительный», отличился в космическом бою у Эльдорадо и Артурия и в рейде на Хранг Друун, после чего был произведен в кадеты и начал офицерскую подготовку. К тому времени как Семнадцатый флот перевели со старой базы на Фенрисе в столицу небольшого сектора Авалон, Клерономас еще несколько раз отличился и дослужился до второго помощника капитана корабля-охотника «Ганнибал». Но во время рейда на Хруун Четырнадцатый оборонявшиеся хранги нанесли «Ганнибалу» сильные повреждения, и корабль в конце концов пришлось бросить. Подбитый противником рейдер, спасший команду, упал на планету, и все, кто был на борту, погибли. Уцелел только Клерономас. Другой рейдер подобрал его, но Клерономас был едва жив и так ужасно изуродован, что его тотчас запихнули в криостат и доставили на базу. Но ресурсы Авалона были ограниченны, а потребности велики, так что до раненого руки дошли не сразу. Он пробыл в заморозке много лет.

Тем временем все приходило в упадок. Вообще-то упадок продолжался всю его жизнь, правда, связь в прежней Федеративной империи была столь неразвита, что об упадке никто толком не знал. Но всего за десять лет произошло восстание на Торе, полный разгром Пятнадцатого флота и попытка Старой Земли отстранить Стивена Кобальта Нордстара от командования Тринадцатым флотом, что неизбежно привело к отделению Ньюхолма и большинства других колоний первого поколения, уничтожению Нордстаром Веллингтона, гражданской войне, суверенитету колоний, потере планет, четвертой волне освоения, возникновению легенды об адском флоте и, в конце концов, к блокаде Старой Земли и прекращению коммерческих полетов на время жизни целого поколения. А то и дольше, гораздо дольше, во всяком случае на некоторых из отдаленных планет, которые скатились едва ли не к варварству или на них развились странные культуры.

Приграничный Авалон испытал упадок на себе, когда Раджин Тобер, командовавший Семнадцатым флотом, отказался подчиняться гражданским властям и увел свои корабли глубоко в Вуаль Грешницы, чтобы основать собственную империю. Единственными военными кораблями в том секторе остались развалюхи Пятого флота, в последний раз принимавшие бой чуть ли не семь столетий тому назад, когда Авалон был отдаленным театром военных действий против хрангов. Около десяти кораблей основного класса и тридцать с небольшим вспомогательного оставались на орбите Авалона, однако большинство из них нуждалось в капитальном ремонте и все функционально устарели. Но они были единственной защи-

той планеты, и посему Авалон решил их восстановить и переоборудовать. В поисках экипажей для этих музейных экспонатов авалонцы вспомнили о криогенных хранилищах, и началось размораживание всех ветеранов, включая Иоахима Клерономаса. Он получил обширные повреждения, но Авалону было не до жира. Клерономас стал скорее машиной, чем человеком. Киборгом.

Подавшись вперед, я прервала повествование Альмы:

— Есть ли его изображения того периода?

— Да. И до операции, и после. Он был рослым мужчиной с иссиня-черной кожей, тяжелым выпуклым подбородком, серыми глазами. Волосы длинные, натуральный блондин. Подбородок и нижнюю часть лица заменили металлическим протезом, не осталось ни рта, ни носа. Питался он внутривенно. Изувеченный глаз заменили кристаллодатчиком с диапазоном принимаемого излучения от инфракрасного до ультрафиолетового. Правая рука и вся правая часть грудной клетки были киберизованы; использовалась нержавейка и пластмасса с дюралевым каркасом. Треть внутренних органов тоже стала искусственной. И конечно, в него встроили компьютер. С самого начала Клерономас отказался от косметических штучек и выглядел таким, каким был на самом деле.

Я усмехнулась.

— Но более мясистым, чем наш новый гость?

— Верно,— ответил мой апостол-ученый.— Продолжение его истории известно лучше. Среди разбуженных оказалось мало офицеров. Клерономасу дали под командование корабль, небольшой курьер. Так он прослужил десять лет, одновременно занимаясь историей и антропологией, которыми страстно увлекся. Клерономас поднимался все выше и выше по служебной лестнице, а тем временем Авалон, ожидая подкрепления, которое так и не прибыло, строил все больше собственных кораблей.

Наконец гражданское правительство осмелилось рискнуть несколькими кораблями и узнать, как обстоят дела у остального человечества. Шесть развалюх Пятого флота переоборудовали под экспедиционные корабли и отправили в разведку, поручив Клерономасу один из них. Два экспедиционных корабля погибли, три других вернулись через два года с минимумом сведений о близлежащих системах; на основании этих данных авалонцы решили возобновить сообщение с соседями. Клерономас считался пропавшим без вести.

Однако он не пропал. Когда скромные цели экспедиции были достигнуты, он решил не возвращаться на Авалон, а, подгоняемый любопытством, увидеть следующую звезду, и потом следующую, и снова следующую. Он уводил свой корабль все дальше и дальше. Мятежи, дезертирство, опасности — Клерономас справился со всеми трудностями. Будучи киборгом, он мог рассчитывать на длинную жизнь. О нем слагали легенды, и он все больше «обрастал» металлом. Говорят, на Ирисе, узнав о матричных кристаллах и встроив себе первый из своих металломатричных компьютеров, он на несколько порядков усилил свой интеллект. Эти байки недалеки от истины: Клерономас был одержим не только жаждой, но и сохранностью знаний. После подобных самоусовершенствований он мог уже не опасаться что-нибудь забыть.

Когда он наконец вернулся на Авалон, там прошло больше ста лет по обычному летосчислению. Из команды, улетевшей вместе с ним, не осталось никого; корабль привели потомки первого экипажа и те, кого набрали на других планетах. Экспедиция обследовала четыреста сорок девять планет и без счета астероидов, комет и спутников. Информация, добытая Клерономасом, легла в основу базы данных Академии человеческих знаний, а образцы инфокристаллов, подключенные к уже имевшимся системам, став хранилищами знаний, в конце концов превратились в грандиозный Искусственный интеллект Академии, в знаменитые кристаллобашни Авалона. Вскоре возобновилось широкомасштабное межзвездное сообщение, и междуцарствие завершилось. Сам Клерономас стал первым директором Академии и оставался на своем посту до самой смерти, которая наступила на сорок втором году Искусственного интеллекта, то есть через сорок два года по земному летосчислению после возвращения экспедиции.

Я рассмеялась.

— Превосходно. Значит, наш — мошенник. Умер по крайней мере семьсот лет назад.— Я взглянула на Хара Дориана,

чьи длинные кудри разметались по подушке.— Сдаешь, Хар. Он тебя провел.

Хар проглотил кусок медового хлеба и ухмыльнулся.

— Как скажете, Мудрая.— Он ничуть не смутился.— Убить его?

— Нет,— сказала я.— Он игрок. В состязании разумов не смошенничаешь. Пусть играет.

Несколько дней спустя, когда план Игры был составлен, я пригласила киборга к себе в кабинет — огромную комнату, устланную темно-алым ковром, где возле окна, из которого открывается вид на стены замка и болота вокруг них, живет мой стеклянный цветок.

Лицо киборга ничего не выражало. Ну конечно, конечно.

— Игра назначена,— объявила ему я.— Через четыре дня.

— Я рад.

— Хочешь посмотреть на призы?

Я вызвала изображения на экран. Он мельком взглянул на них.

— Мне сказали,— продолжала я,— что в последние дни ты много бродил. По моему замку и за его стенами, по городу и болотам.

— Верно,— ответил он.— Я не нуждаюсь в сне, а знания — мое хобби, моя страсть. Мне хотелось посмотреть, что это за место.

Я спросила с улыбкой:

— Ну и что же это за место, киборг?

Он в силу понятных причин не мог ни улыбаться, ни хмуриться. Голос звучал ровно и вежливо:

— Мерзкое. Место краха и отчаяния.

— Место вечной, неумирающей надежды,— парировала я.

— Место душевных и телесных недугов.

— Место, где больные исцеляются.

— И здоровые заболевают,— добавил киборг.— Место смерти.

— Место жизни,— не сдавалась я.— Разве ты приехал сюда не за жизнью?

— И за смертью,— ответил он.— Я же сказал: это одно и то же.

Я подалась вперед.

— А я сказала, что это совершенно разные вещи. Ты резок в суждениях, киборг. От машины можно ждать отсутствия гибкости, но при чем здесь сантименты и мораль?

— Машина — только мое тело,— сказал он.

Я взяла со стола папку.

— У меня другие сведения. Где же твоя мораль, когда ты лжешь? Да еще столь откровенно? Я получила несколько интересных докладов от своих апостолов. Ты был на удивление покладист.

— Если хочешь участвовать в состязании разумов, нельзя сердить госпожу боли.

Я улыбнулась.

— Не так-то легко меня рассердить.— Я полистала доклады.— Доктор Лаймен полностью тебя просканировал и выяснил, что ты — хитроумная конструкция, изготовленная исключительно из металла и пластмассы. В тебе совсем нет органики, киборг. Или лучше называть тебя «робот»? Интересно, способны ли компьютеры участвовать в состязании разумов? Впрочем, скоро мы это узнаем. Я вижу, у тебя их три. Маленький, в том, что у тебя вместо черепа, отвечает за моторику, сенсорное восприятие и внутренний контроль. Второй, куда мощнее первого, в нижней части туловища, и кристаллическая матрица в груди.— Я оторвала взгляд от бумаги.— Это твое сердце, киборг?

— Мой ум,— ответил он.— Спросите доктора Лаймена, он расскажет вам о других подобных случаях. Что такое человеческий ум? Воспоминания. Воспоминания — это данные. Характер, личность, воля индивидуума? Это программа. И данные, и программу можно записать на кристаллическую матрицу компьютера.

— И запечатлеть душу в кристалле? Ты веришь в душу?

— А вы?

— Не могу не верить. Я хозяйка состязания. Положение обязывает.— Я вернулась к отчетам.— Дейш Грин-девять обсле-

довал твой интерфейс. Он отмечает, что у тебя сверхсложная система взаимодействия органов, проводимость цепей намного превосходит проводимость нервных волокон, а значит, и скорость мышления гораздо выше. В твоей библиотеке материалов несравнимо больше, чем мог бы хранить мозг человека, даже заполнив весь свой объем памяти; и, наконец, ум и память, заложенные в кристаллическую матрицу, принадлежали Иоахиму Клерономасу. В этом мой апостол клянется.

Киборг не ответил. Вероятно, улыбнулся бы, если бы умел.

— С другой стороны,— продолжала я,— мой исследователь Альта-к-Нар уверяет, что Клерономас умер семьсот лет тому назад. Кому верить?

— Кому хотите,— равнодушно ответил он.

— Я могла бы задержать тебя здесь и запросить на Авалоне подтверждение,— ухмыльнулась я.— Подождешь шестьдесят один год, киборг?

— Столько, сколько нужно,— ответил он.

— Шайалла говорит, что ты абсолютно асексуален.

— Я утратил сексуальность с того самого дня, когда меня переделали. Мой интерес к этой стороне жизни продержался еще несколько веков, но наконец пропал. При желании я могу воспользоваться всем диапазоном эротических переживаний тех дней, когда носил органическую плоть. Они свежи, как в день их закладки в память компьютера. Заключенные в кристалле, воспоминания не блекнут, не то что в человеческой памяти. Они на месте и ждут, когда их вызовут. Но уже несколько столетий я не испытывал желания вызывать их.

Я была заинтригована.

— Так ты не умеешь забывать!

— Я могу стереть воспоминание или приказать себе не вспоминать.

— Если ты окажешься в числе победителей нашей Игры, то снова обретешь сексуальность.

— Знаю. Это будет занятно. Быть может, я даже захочу вернуться к своим старинным воспоминаниям.

— О! — Я пришла в восторг.— Ты вернешься к ним и тотчас забудешь — и так снова и снова. Проигрыш дает не меньше острых ощущений, чем выигрыш.

— Проигрыш и выигрыш. Жизнь и смерть. Я же сказал вам, Сириан, они неразделимы.

— Позволь не согласиться,— возразила я. Это противоречило всему, во что я верила, чем я была. Его повторная ложь вызвала у меня раздражение.— Брейдже говорит, что на тебя не действуют лекарства и возбудители болезней. Ничего странного. Но тебя можно сломать. Несколько моих апостолов предлагали тебя убить. Стоило лишь приказать... Похоже, мои инопланетяне особенно кровожадны.

— У меня нет крови,— сказал он.

Ирония, или мне просто показалось?

— Тебе достаточно и смазки,— сухо заметила я.— Тр-кнну хотелось бы проверить твои болевые ощущения. АанТерг Луночет, мой птенчик-гверн, предложил сбросить тебя с большой высоты.

— Это тягчайшее преступление закона гнезда.

— И да и нет. Гверн, рожденный в гнезде, пришел бы в ужас при мысли о таком надругательстве над идеей полета. Но здесь лоснящимися крыльями хлопает полусумасшедший с Нового Рима. Здесь ведь Кроандхенни. Мы не то, чем кажемся.

— Похоже.

— Джонас тоже предложил тебя уничтожить — не столь красиво, зато не менее эффективно. Он мой старший апостол, искалечен неуправляемыми гормонами. Курирует передовые военные технологии и руководит службой безопасности.

— Очевидно, вы отвергли эти предложения,— сказал киборг.

Я прислонилась к спинке кресла.

— Очевидно. Хотя я всегда оставляю за собой право передумать.

— Я игрок,— сказал он.— Я дал взятку Хару Дориану и подкупил таможенников порта Кроандхенни, ваш дворецкий получает щедрые чаевые, да и вы получили свое. На Лилит и Симеранте, на Шрайке и везде, где наслышаны об этом мрачном замке и его полумистической хозяйке, говорят, что играете вы честно.

— Неправда, киборг. Иногда я справедлива. Когда хочу.

— Вы и других игроков запугиваете?

— Нет,— призналась я,— ты исключение.

Наконец мы подошли к главному. Я перелистала послания своих апостолов и достала последнее.

— По крайней мере с одним из моих апостолов ты не знаком, но он знает тебя, киборг, и гораздо лучше, чем ты себе можешь представить.

Киборг не ответил.

— Мой домашний телепат,— сказала я.— Себастьян Кейл. Он слепой урод, и я держу его в большой банке, но он бывает полезен. Он проникает сквозь стены. Он проник в кристаллы твоего разума и прощупал двоичные рефлексы твоего «я».

Я протянула бумагу, чтобы киборг ее прочитал.

«Лабиринты одержимого сознания. Стальной призрак. Правда во лжи, жизнь в смерти и смерть в жизни. Он отнимет у вас все, если сможет. Уничтожить немедленно».

— Вы пренебрегли советом,— заметил киборг.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты — загадка, которую я собираюсь разгадать во время Игры ума. Потому что ты — вызов, а меня давно не вызывали на бой. Потому что ты смеешь судить и мечтаешь уничтожить меня, а на это давно никто не отваживался.

Обсидиан — зеркало темное и кривое, но меня оно устраивает. Всю жизнь мы принимаем свое отражение как должное, пока не наступает час, когда наш взгляд вместо знакомых черт натыкается на незнакомца. Вы не догадываетесь, что такое ужас, пока впервые на вас не взглянет пристально этот незнакомец, а вы не поднимете руку, и не прикоснетесь к незнакомой щеке, и не почувствуете испуганное легкое и холодное прикосновение к своей коже.

Я уже была незнакомкой, когда больше ста лет тому назад прилетела на Кроандхенни. Я знала свое лицо — мне ли было его не знать, ведь я обладала им почти девяносто лет. То было лицо суровой, сильной женщины с глубокими морщинами вокруг серых глаз, привыкших щуриться на чужое солнце, большим ртом и неправильно сросшимся после перелома носом, в обрамлении вечно растрепанных каштановых волос.

Удобное лицо, я сильно к нему привязалась. Но я его где-то потеряла — может, однажды на Гулливере, где была очень занята и могла не заметить этого. К тому времени, когда я попала на Лилит, зеркало показывало первую незнакомку — древнюю морщинистую старуху. Ее серые слезящиеся глаза начали мутнеть, сквозь жидкие седые космы просвечивал розовый череп, нижняя губа дрожала, нос испещрили красные прожилки, а под подбородком тряслись две дряблые складки кожи. Моя кожа всегда была упругой и здоровой. Но зеркало показывало не все. Старуха источала миазмы болезни, невидимое кислое облако окутывало ее, словно запах дешевых духов — старую потаскуху, словно приманка для смерти.

Я не знала эту больную старуху, и ее общество мне не понравилось. Говорят, на Авалоне, Ньюхолме и Прометее старость и болезни приходят медленно. Легенда гласит, будто в сверкающих ульях Старой Земли люди не ведают, что такое смерть. Но Авалон, Ньюхолм и Прометей были далеко, а Земля за семью печатями и потеряна для нас навсегда, я же осталась на Лилит наедине с незнакомкой. И тогда я покинула сферу обитания человека, опустившись в душные сумерки Кроандхенни, где, по слухам, можно было пережить второе рождение. Я хотела вновь увидеть в зеркале старого друга, которого потеряла.

Вместо него я увидела новых незнакомцев.

Первым был сам властитель боли, властелин разума, повелитель жизни и смерти. До моего появления он правил здесь дольше сорока земных лет. Он был кроандхенни, местная тварь — картофелеобразная туша с опухшими глазами и пятнистой сине-зеленой кожей, этакая пародия на жабу с тонкими ручками о двух локтях. У него были три длинные вертикальные пасти, напоминавшие черные раны. Разглядывая чудовище, я почти осязаемо почувствовала слабость этого куска сала, смердевшего тухлым яйцом, а вот кроандхеннийские гвардейцы были подтянуты и мускулисты. Но чтобы свергнуть властелина разума, надо стать им самому. Когда мы состязались в Игре ума, я отняла его жизнь и проснулась в этом мерзком теле.

Человеческому мозгу нелегко привыкнуть к чужой плоти. На целые сутки я потерялась в гадком обрубке, разбираясь в образах, звуках и запахах, бессмысленных, как кошмарный сон. Я отчаянно старалась выкарабкаться, овладеть новым телом и выжила. Победа духа над плотью. Когда подоспело новое состязание, я закончила его в теле, которое выбрала сама.

Она была женщиной. Тридцати девяти лет, если верить ей на слово, здоровая, некрасивая, но физически сильная. Профессиональный игрок, она прилетела на Кроандхенни сыграть в главную игру Вселенной. У нее были длинные темно-рыжие волосы и аквамариновые глаза, цветом вызывавшие в памяти моря Гулливера. Для Игры ее силы и навыков оказалось недостаточно. В те давние дни Хар Дориан с работорговым флотом у меня еще не появился, на Кроандхенни редко появлялись люди. Выбор был невелик. Я взяла ее.

Вечером я снова посмотрела в зеркало. Там по-прежнему отражалась незнакомка: слишком длинные волосы, глаза не те, прямой, как лезвие, нос и невыразительный, непривычный к улыбке рот.

Через сколько-то лет, когда это тело начало харкать кровью от какой-то заразы, подхваченной в болотах Кроандхенни, я построила башню из черного обсидиана, чтобы встречать в ней каждого нового незнакомца. Годы бегут быстрее, чем мне хотелось бы, пока башня остается закрытой и недоступной, но всегда наступает день, когда я снова сюда прихожу, и тогда мои слуги взбираются по лестнице и полируют черные зеркала, а когда Игра ума заканчивается, я поднимаюсь наверх одна, раздеваюсь и медленно танцую с изображениями остальных.

Высокие угловатые скулы и темные глаза, глубоко утопленные в глазницах. Лицо сердечком, окруженное ореолом непокорных черных волос, большие бледные груди с коричневыми сосками.

Поджарая, с напряженными мышцами под маслянистой красноватой кожей, длинные острые ногти, узкий острый подбородок, жесткие темные волосы, подстриженные в виде гребешка вдоль головы и ниспадающие до лопаток, и горячий дух похоти меж бедер. Моих бедер? Люди тысячи планет отличаются тысячами черт.

Массивная шишковатая голова, глядевшая на мир с высоты трехметрового роста, борода и шевелюра, превратившиеся в яркую, словно червонное золото, львиную гриву, каждая мышца и сухожилие — эталон мощи, широкая плоская грудь с бесполезными красными сосками, странность длинного мягкого члена. Слишком странным он был для меня и оставался вялым целый год, пока носила я то тело, а башня за это время открывалась дважды.

Лицо, похожее на столь памятное мне. Но действительно ли я так хорошо его помню? Столетие рассыпалось в пыль, а я не храню изображений своих прежних лиц. От далекой юности остался только стеклянный цветок. У этой были короткие каштановые волосы, улыбчивые губы, серо-зеленые глаза. Шея, пожалуй, длинновата, а груди маловаты. Похожа, похожа, но тоже начала стареть, и в один прекрасный день я увидела, что по замку вместе со мной опять гуляет незнакомка.

А теперь одержимое дитя. В зеркалах она похожа на дочь грез, дочь, которую, будь я прекраснее, чем была, могла бы родить. Хар привез мне ее, самую прекрасную девочку, в подарок, в уплату долга за то, что некогда я сделала его, старого, дряхлого и покрытого шрамами, молодым и сильным.

Она не старше одиннадцати-двенадцати. В худеньком неловком теле пробуждается грация, наливаются юные грудки, и год назад пришла первая кровь. Водопад гладких серебристо-золотых волос струится почти до земли. На миниатюрном личике — огромные глаза, они глубокого фиолетового цвета. Лицо словно вылепленное. Ее, конечно, специально вырастили такой: генетическое программирование, превратив толстосумов Лилит и Фелланоры в ослепительных красавцев, озолотило магнатов Шрайка.

Когда Хар привез мне девочку, ей не исполнилось еще и семи, но разум ее уже померк, она превратилась в скулящее животное, остатки сознания агонизировали в темной камере черепа. Хар сказал, что такой ее и купил. Она была дочерью казненного за политический террор главаря фелланейских гангстеров. Его близкие, друзья и слуги были убиты или превращены в безмозглых кукол для утех победивших врагов. Так утверждает Хар. И я ему верю.

Она моложе и красивее, чем я, даже в свою невозвратную первую молодость на Эше, где безымянный юноша подарил мне стеклянный цветок. Я надеюсь носить эту дивную плоть столько же лет, сколько носила мое родное тело. И, как знать, возможно, в один прекрасный день я увижу в зеркале свое лицо.

Я пропускала их через себя одного за другим — через свою мудрость к новому рождению; по крайней мере им хотелось в это верить.

Высоко над топями, заперевшись в башне, я готовилась к ним в зале перемен. Мое Нечто выглядит не слишком внушительно: большая грубо обработанная чаша из какого-то неизвестного ковкого сплава темно-серого цвета и тепловатого на ощупь. По краю чаши через равные промежутки сделано шесть ниш. Это сиденья — жесткие, тесные, неудобные, рассчитанные явно не на людей, но все-таки сиденья. Со дна чаши поднимается узкая колонна, вверху колонна расширяется и раскрывается, словно бутон, образуя подобие блюдца, на котором должен восседать... титул выбирайте по вкусу. Господин Боли, властитель Разума, повелитель Жизни, дарующий и отнимающий, катализатор, хозяин. Все это — я, последнее звено в цепочке, восходящей к Белому и, вероятно, к стародавним временам, к создателям, к неизвестным, что изготовили эту машину на заре далеких веков.

Зал в башне несколько театрален, но это моих рук дело. Округлые стены и сводчатый потолок изготовлены из тысяч кусочков обсидиана. Некоторые кусочки такие тонкие, что сквозь них пробиваются серые лучи солнца Кроандхенни. Другие потолще и почти непрозрачные. Цвет у всех кусочков один, но тысяча оттенков, и, если приглядеться, можно увидеть грандиозную мозаику жизни и смерти, грез и кошмаров, боли и экстаза, пресыщенности и опустошенности, всего и ничего — они сливаются, перетекают друг в друга снова и снова, по кругу без конца, словно уроборос — змея, пожирающая собственный хвост. Каждый кусочек уникален, хрупок и остр как бритва, и каждый — часть огромной картины, огромной, черной и эфемерной.

Я разделась, отдала одежду Раннару. Блюдце открыто сверху, но глубокое. Я забралась в него и приняла позу лотоса — самую удобную, учитывая форму Нечто и сложение человека. Внутренние стенки бутона покрылись влагой. Капли черно-красной жидкости выступали на сером металле, наливались, тяжелели, потом лопались и струйками крови стекали по гладким изогнутым стенкам на дно. Там, где жидкость соприкасалась с моим обнаженным телом, кожа загорелась огнем. Поток становился быстрее и обильнее, пламя ползло вверх по телу, пока я не погрузилась в него наполовину.

— Вводи,— приказала я Раннару. Сколько раз это повторялось? Я сбилась со счета.

Сначала привели призы. Хар Дориан вошел с татуированным парнишкой.

— Сюда,— небрежно бросил он ему, указывая на сиденье и похотливо улыбаясь мне.

Молодой убийца и отпетый негодяй отшатнулся от провожатого, потом обреченно занял указанное место. Брейдже, мой биомедик, привела женщину. Обе были под стать друг дружке — бледные, толстые, рыхлые. Брейдже хихикнула, закрепляя кандалы на щиколотках покорной подопечной. Третий, слеток, сопротивлялся, извиваясь и громко хлопая огромными бесполезными крыльями. Разъяренный гигант Джонас с подручными запихнули его в нишу. Гверн издал высокий пронзительный свист, от которого заложило уши. Хар Дориан ухмыльнулся.

Креймура Делуна внесли его прислужники.

— Туда,— указала я, и они неловко усадили его на предназначенное место. Запавшие узкие глазки старика метались в глазницах, словно крошечные хищные зверьки, губы причмокивали, словно новое рождение уже свершилось и он искал материнскую грудь. Он был полуслепой и не видел мозаики; зал казался ему просто темной комнатой с черными стеклянными стенами.

Со скучающим видом вошла Ризен Джей, скользнула взглядом по мозаике и более заинтересованно осмотрела ниши, исследуя призы, как мясник — туши. Дольше всего ее взгляд задержался на слетке; попытки существа вырваться, его не-

прикрытый страх, то, как он свистел, и шипел, и сверкал яркими яростными глазами, как будто доставляло Ризен Джей огромное удовольствие. Она протянула руку и отскочила, засмеявшись, когда слеток щелкнул зубами. Наконец усевшись, она лениво расслабилась в ожидании Игры.

Клерономас был последним.

Он сразу разглядел мозаику, остановился. Его кристаллические глаза медленно обвели комнату, задерживаясь на некоторых деталях. Он так долго осматривался, что Ризен Джей не выдержала и рявкнула, чтобы он садился. Киборг повернул к ней непроницаемое лицо.

— Заткнись! — велела я.

Клерономас не спеша осмотрел купол и только после этого уселся в последней свободной нише так, словно выбрал ее сам.

Я приказала очистить зал. Раннар поклонился и знаком велел удалиться остальным — Джонасу, Брейдже и прочим. Хар Дориан вышел последним, махнув мне на прощание рукой. Что означал его жест? Пожелание удачи? Возможно. Я услышала, как Раннар запирает двери.

— Ну? — произнесла Ризен Джей.

Взглядом я заставила ее замолчать.

— Вы сидите в Смертельной Осаде.— Я всегда начинаю этими словами, которых никто не понимает. Но в этот раз... Может, Клерономас их понял. Я наблюдала за маской его лица и уловила в кристаллических глазах какое-то движение, попытку разгадать смысл.— Состязание разумов — игра без правил,— продолжала я,— однако после ее окончания, когда вы снова окажетесь в моем замке, все будет, как я говорила. Тот из вас, кто попал сюда не по собственному желанию и проявит достаточно воли, чтобы сохранить тело, которое носит, получит его навсегда. Я дарю его. Призы играют не больше одного раза. Держитесь за свою плоть, и, когда игра закончится, Хар Дориан отвезет вас на ту планету, где он вас нашел, и отпустит с тысячей стандартов.

Тот из игроков, кто сегодня обретет второе рождение, по окончании игры восстанет в новой плоти. Помните: ваша победа или поражение зависит только от вас самих, и избавьте меня от сетований и упреков. Недовольный результатом, конечно же, имеет право на повторную попытку. Если сумеет за нее заплатить.

И последнее. Всем вам будет больно. Так больно, как вы и представить себе не можете.

С этими словами я начала Игру.

Снова...

Что можно сказать о боли?

Словами ее не передать, они лишь тень боли. Настоящая же, жестокая, острая боль не похожа ни на что. Когда нам больно по-настоящему, действительность отдаляется и меркнет, превращаясь в призрачное, смутное воспоминание, в пустую бессмыслицу. И все наши идеалы, мечты, привязанности, страхи и мысли становятся совершенно неважными. Мы остаемся один на один с болью, и она — единственная сила в нашей Вселенной. И если боль сильна и нескончаема, то все, что составляет нашу человеческую сущность, растворяется в ее огне, и сложный, гордый компьютер — человеческий мозг способен на одну-единственную мысль: «Хватит, ради бога, хватит!!!»

И если боль в конце концов действительно уходит, то уже очень скоро даже те, кто ее испытал, не могут ее объяснить, не могут вспомнить, насколько ужасна она в действительности, не могут описать ее так, чтобы хоть мало-мальски отразить недавние ощущения.

Во время состязания разумов болевые муки несравнимы ни с какими другими, что мне доводилось испытывать.

Игроков затягивает в болевое поле. Оно не вредит телу, не оставляет следов, шрамов, никаких признаков того, что боль была. Оно воздействует непосредственно на мозг и вызывает мучения, которые человек бессилен передать словами. Сколько это длится? Вопрос для специалистов по теории относительности. Долю микросекунды и целую вечность.

Мудрецы Дэм Таллиана, мастерски владеющие своим разумом и телом, учат послушников изолировать боль, отстраняться от нее, отталкивать ее прочь и побеждать. Когда я впервые играла в Игру ума, я давно уже звалась Мудрой. Я пускалась на все освоенные хитрости и уловки, на которые привыкла

полагаться. Они оказались совершенно бесполезными. Эта боль не касалась тела, не бежала по рецепторам и синапсам, она просто затапливала мозг, затапливала неудержимо, не оставляя даже крохотной частички разуму, чтобы думать, анализировать или медитировать. Боль становилась сознанием, а сознание — болью. От нее нельзя было абстрагироваться, и больше не существовало прохладного прибежища мысли, куда можно было бы спрятаться.

Болевое поле беспредельно и бесконечно, и от этой нескончаемой, немыслимой муки есть только одно избавление. Боль — мой мрачный властелин. Мой враг, моя любовь. И я снова, еще раз, думая только о том, как оборвать боль, бросилась в ее черные объятия.

И она прошла.

В просторной гулкой долине за пределами жизни я дожидалась остальных.

Из тумана возникают расплывчатые тени. Четыре, пять... Мы кого-нибудь потеряли? Меня бы это не удивило. В трех Играх из четырех один из игроков обязательно находит свою истину в смерти и больше уже ничего не ищет. А на этот раз? Нет. Я вижу шестую тень, вот и она вышла из клубящегося тумана. Все в сборе. Я еще раз осматриваюсь и пересчитываю: ...три, четыре, пять, шесть, семь... и я сама. Восемь.

Восемь?

Что-то тут не так, совсем не так! Я сбита с толку, у меня кружится голова. Рядом кто-то кричит. Это маленькая девочка с милым личиком, на ней платье пастельных тонов и блестящие украшения. Она не понимает, как попала сюда. У нее по-детски растерянный и слишком доверчивый взгляд. Боль вырвала ее из царства экстазиловых грез и перенесла в неведомую страну страха.

Я поднимаю маленькую сильную руку, смотрю на смуглые толстые пальцы (на большом мозоль), на плоские, коротко остриженные ногти и привычным движением сжимаю руку в кулак. В ней появляется зеркало моей железной воли и живого серебра желаний. Я вижу в его сверкающих глубинах женское лицо. Лицо волевое, строгое; вокруг глаз, часто щурившихся от света чужих солнц,— сеть морщинок. У женщины пухлые, довольно благородно очерченные губы, сломанный, криво сросшийся нос и вечно растрепанные короткие каштановые волосы. Уютное лицо. Сейчас я черпаю в нем силу.

Зеркало тает, превращается в дым. Земля, небо, все нечеткое, все в мареве. Смазливая маленькая девочка зовет папу. Кто-то смотрит на меня растерянно. Вот некрасивый молодой брюнет с цветными прядями в прямых волосах, зачесанных назад по гулливерской моде столетней давности. Тело у него рыхлое, но во взгляде читается жесткость, напомнившая мне Хара Дориана. Ризен Джей поражена, испугана, но это та же, знакомая Ризен Джей; можно говорить о ней что угодно, но одного у нее не отнять — она прекрасно знает, что собой представляет. Может быть, ей этого достаточно. Рядом возвышается гверн, он крупнее, чем раньше, его тело маслянисто блестит. Гверн, словно демон, расправляет крылья, и туман распадается на длинные серые ленты. В состязании гверн без кандалов. Ризен Джей пристально вглядывается в его силуэт и отступает. Отступает и другой игрок, худенькое бледное тело которого покрыто разноцветной татуировкой, а лицо — просто серое пятно без воли и характера. Девочка продолжает кричать. Я отворачиваюсь, предоставляя их самим себе, и смотрю на последнего игрока.

Это крупный мужчина с эбеновой кожей и синеватыми тенями на выпуклых мышцах. Он обнажен. Подбородок у него угловатый и тяжелый, сильно выдающийся вперед. Лицо обрамляют длинные волосы, падающие ниже плеч, белые и словно хрустящие, как свежие простыни, белые, как нетронутый снег на планете, куда не ступала нога человека. Под моим взглядом его темный толстый член оживает, наливается, встает. Мужчина улыбается и произносит:

— Мудрая.

Вдруг оказывается, что я тоже голая.

Я хмурюсь, и вот на мне уже богатые доспехи — пластины позолоченного дюраля с филигранью отвращающих рун, под мышкой старинный шлем с ярким плюмажем.

— Иоахим Клерономас,— отвечаю я.

Его член все растет, набухает и превращается в исполинский толстый жезл, крепко прижатый к поджарому животу. Я прикрываю его вместе с Клерономасом черным мундиром, как на старинной иллюстрации — с сине-зеленым шаром Старой Земли на правом рукаве и двумя серебряными галактиками на вороте.

— Нет,— с улыбкой протестует он,— у меня такого высокого чина никогда не было.— Знак галактики заменяет шестизвездный круг.— И почти всю свою жизнь, Мудрая, я предпочитал Земле Авалон.— Его мундир становится попроще и удобнее: обыкновенный серо-зеленый комбинезон с черным поясом и карманчиком, набитым карандашами. Серебряный кружок звезд остается.— Вот так.

— Неправда,— говорю я,— не так.— Я сказала, и остался только мундир. Плоть под тканью превращается в серебристый металл, и передо мной уже ряженая кукла с блестящей кастрюлей вместо головы. Но только на секунду. Потом мужчина возвращается, печально хмурясь.

— Жестокая,— говорит он мне. Его твердый член топорщит ткань ниже пояса.

За спиной мужчины восьмой силуэт, призрак, которого здесь не должно быть, фантом. Он что-то тихо шепчет, словно сухие листья шелестят на холодном осеннем ветру.

Он худой и темный, этот незваный гость; чтобы увидеть его, надо очень пристально вглядываться. Он намного мельче Клерономаса и кажется старым и хилым, хотя плоть его настолько туманна и невесома, что это может быть иллюзией. Видение, сгусток тумана, эхо, бледная тень, но глаза его блестят и горят, а взгляд затравленный. Он протягивает руки. Прозрачная кожа туго обтягивает старые серые кости фаланг.

Я неуверенно отступаю. В состязании разумов легчайшее прикосновение может обернуться тяжелейшими последствиями.

Сзади слышны крики, жуткие стоны не то экстаза, не то страха. Я оглядываюсь.

Игра началась всерьез. Игроки ищут добычу. Креймур Делун, молодой, полный жизни и куда более мускулистый, чем несколько мгновений назад, стоит с пылающим мечом, замахиваясь на татуированного паренька. Коленопреклоненный юноша кричит и пытается закрыться руками, но сверкающий клинок Делуна легко проходит сквозь серую призрачную плоть и вонзается в яркую татуировку. Он отсекает ее, кромсает удар за ударом, и она летит к туманному небу — сияющий образ жизни, освобожденный от серой кожи, на которой был запечатлен. Когда она проплывает мимо Делуна, он хватает ее и проглатывает целиком. Из ноздрей, изо рта Делуна вырываются клубы дыма. Паренек кричит и извивается. Скоро от него останется только тень.

Слеток поднялся в воздух. Он кружит над нами, кричит тонким пронзительным голосом и громко хлопает крыльями.

Похоже, Ризен Джей передумала. Она стоит над скулящей девочкой, которая с каждой минутой уменьшается. Джей меняет ее. Девочка стареет, толстеет, а глаза все такие же испуганные, но туповатые. Куда бы она ни повернулась, перед ней появляются зеркала и дразнят ее толстыми влажными губами. Плоть ее все раздувается и раздувается, разрывая истрепавшиеся одежды, по подбородку девочки течет слюна. Она с плачем вытирает ее, но струйки текут все быстрее, и слюна становится розовой от крови. Девочка превращается в жирное, отталкивающее чудовище.

— Это ты,— говорит зеркало.— Не отворачивайся. Посмотри на себя. Ты не маленькая девочка. Смотри, смотри, смотри. Ну не милашка ли? Ну не прелесть? Смотри, смотри на себя!

Ризен Джей с довольной ухмылкой скрещивает руки на груди.

Клерономас глядит на меня с холодным осуждением. На мои глаза ложится полоска черной ткани. Я моргаю, сбрасывая пелену, и гневно смотрю на него.

— Я не слепая,— говорю я.— Но это не мой бой.

Толстуха раздулась, словно грузовоз, бледная и рыхлая, как тесто. Она нага и чудовищно огромна, и каждый взгляд Джей делает ее еще уродливее. Огромные белые груди вспухают на лице, на руках, на ляжках уродины, а внизу живота вырастает толстый зеленый член. Член загибается вниз, входит ей между ног. Опухоли расцветают на ее коже, словно темные цветы. А вокруг зеркала́, они вспыхивают и гаснут, беспощад-

но искажают и выпячивают, отражая все уродливые фантазии, которые навязывает противнице Джей. Жирная туша почти потеряла человеческий облик. Изо рта, достигшего размеров моей головы, безгубого и кровоточащего, рвутся вопли адской муки. Плоть чудовища дрожит и дымится.

Киборг поднимает палец. Все зеркала взрываются.

Туман полон кинжалов, осколки серебристого стекла разлетаются во все стороны. Один летит в меня, и я заставляю его исчезнуть. Но другие... другие меняют траекторию, собираются в воздушную флотилию и, словно крошечные ракеты, атакуют Ризен Джей. Они пронзают ее, и кровь сочится из тысячи ран, из глаз, из груди, из открытого рта. Чудовище вновь превращается в плачущую девочку.

— Моралист,— говорю я Клерономасу.

Не обращая на меня внимания, он поворачивается к Крейму Делуну и его жертве. Татуировки с новой силой вспыхивают на коже паренька, в руке появляется пламенеющий меч. Испуганный Делун отшатывается. Паренек прикасается к своей коже, беззвучно чертыхается, неуверенно встает.

— Альтруист,— говорю я.— Защитник слабых.

Клерономас поворачивается ко мне.

— Я против избиений.

— Может, ты приберегаешь их для себя, киборг? Если нет, тогда поспеши отрастить крылья, пока твой приз не улетел.

Я хохочу. Его лицо остается холодным.

— Мой приз передо мной.

— Так я и думала,— отвечаю я, надевая шлем. Мои доспехи сверкают золотом, мой меч — луч света.

Мои доспехи уже черные, как деготь, а узоры на них, черные по черному — пауки и змеи, черепа и лица, искаженные болью. Мой прямой серебряный меч превращается в обсидиан и обрастает уродливыми шипами и крючьями. Он умеет разыгрывать драму, проклятый киборг.

— Нет,— возражаю я,— не буду я воплощением зла.— Я снова в золоте и серебре, и плюмаж у меня синий с красным.— Сам надевай эти доспехи, если они тебе так нравятся.

Черные и уродливые, доспехи стоят передо мной, пустой шлем ухмыляется, словно череп. Клерономас отсылает его прочь.

— Мне не нужны декорации,— отвечает он. Бледно-серый призрак колышется рядом, дергает его за руку. «Кто это?» — опять удивляюсь я мысленно, но не теряюсь.

— Прекрасно. Тогда отбросим иносказания.

Мои доспехи исчезли.

Я протягиваю обнаженную руку, в которой ничего нет.

— Прикоснись ко мне,— предлагаю я.— Прикоснись ко мне, киборг.

Его рука тянется ко мне, и по длинным темным пальцам растекается металл.

В Игре ума в большей степени, чем в жизни, образ и метафора — это все.

Она идет вне времени, на бесконечной, окутанной туманом равнине. Над нами холодное небо, под ногами зыбкая почва, но даже и они — иллюзии. Все это мои декорации, пусть неземные, сюрреальные, но в них участники могут разыгрывать свои примитивные драмы власти и бессилия, порабощения и покорности, смерти и нового рождения, изнасилования и насилия над разумом. Без меня, без моего видения и видения всех остальных властителей боли в течение тысячелетий состязующимся было бы не на что опереться, не было бы тверди под ногами, да и самих ног, чтобы по ней ступать. Реальность не дала бы им и малой толики надежды, даваемой пустынным ландшафтом, который создаю для них я. Реальность — это невыносимый хаос вне пространства и времени, лишенный материи и энергии, без измерений, а потому пугающе бесконечный и давяще тесный, ужасающе вечный и до боли краткий. И она, эта реальность, стала ловушкой для игроков, семь личностей пойманы, застыли в телепатическом мгновении в такой опасной близости друг к другу, что большинство не выдерживает. Потому они отступают, и первое, что мы создаем здесь, где мы боги (а может быть, дьяволы или и то и другое одновременно),— это тела, которыми обладали там. Мы ищем убежища под защитой плоти и пытаемся упорядочить хаос.

Кровь солоновата на вкус, но крови нет, есть только иллюзия. В чаше холодный и горький напиток, но чаши нет, есть только образ. Открытые раны кровоточат, но ран нет, как нет

и тела, которое можно ранить, есть только метафора, символ, трюк. Все эфемерно, и все может ранить, убить, повергнуть в окончательное безумие.

Чтобы выжить, игрок должен владеть собой, быть стойким, уравновешенным, безжалостным. Он должен распознавать образы и символы и обладать достаточной интуицией. Он должен суметь найти слабину противника и тщательно скрывать собственные фобии. Правила просты. Верить всему и не верить ничему. Крепко держаться за себя и за свой рассудок.

Даже когда убивают, это неважно до тех пор, пока он не поверит в собственную гибель.

В долине иллюзий, где все эти чересчур гибкие тела кружатся в скучном танце, который я видела уже тысячу раз, создают мечи, делают обманные выпады и, словно обезумевшие жонглеры, швыряют друг в друга зеркала и чудовищ, самое страшное — обыкновенное прикосновение.

Символика ясна, смысл однозначен. Плоть за плоть. Без иносказаний, без защиты, без масок. Личность за личность. Когда мы касаемся друг друга, рушатся стены.

Даже время в Игре ума иллюзорно — оно течет так быстро или так медленно, как мы того желаем. Я Сириан, говорю я себе, рожденная на Эше и немало повидавшая, я Мудрая с Дэм Таллиана, владелица обсидианового замка, правительница Кроандхенни, властительница разума, повелительница боли, госпожа жизни, цельная, бессмертная и неуязвимая. Входи в меня.

Его пальцы прохладны и жестки.

Я уже не раз играла в эту Игру, я стискивала пальцы других, считавших себя сильнее. Мне многое открылось в их умах, их душах. В серых мрачных туннелях я читала письмена застарелых рубцов. Зыбучие пески чужих комплексов затягивали мои ноги. Я ощущала смрад их страха, видела огромных распухших чудищ, обитавших в осязаемой живой тьме. Меня обжигал жар похоти, которой нет названия. Я срывала одежды с немых заскорузлых тайн. А потом отнимала все и становилась другой, жила чужой жизнью, пила прохладный напиток чужих знаний, рылась в чужих воспоминаниях. Я рождалась десятки раз, припадала к десяткам сосцов, десятки раз теряла невинность, и девичью, и отроческую.

Клерономас оказался другим.

Я стояла в огромной пещере, полной огней, со стенами, полом и потолком из прозрачного хрусталя, а вокруг меня поднимались шпили и конусы, изгибались ярко-красные ленты, жесткие и холодные на ощупь, но живые, мерцавшие искрами его души. Волшебный хрустальный город в пещере. Я прикоснулась к ближайшему выступу, и меня затопило воспоминание, такое же ясное, определенное и четкое, как в тот день, когда оно здесь запечатлелось. Я огляделась и посмотрела на все новыми глазами, увидев стройный порядок там, где раньше видела лишь красоту хаоса. Чистота. У меня захватило дух.

Я искала уязвимое место, дверь к разлагающейся плоти, луже крови, плахе, к чему-то постыдному и грязному и не находила ничего, ничего, кроме совершенства, только чистый хрусталь, красный, светящийся изнутри, растущий, меняющийся, но вечный. Я снова прикоснулась к нему, обхватив рукой колонну, поднимавшуюся передо мной наподобие сталагмита. Я владела знанием. Я двигалась, прикасаясь, пробуя. Везде цвели стеклянные цветы, фантастические алые бутоны, хрупкие и прекрасные. Я взяла один и поднесла к лицу, но не ощутила аромата. Совершенство пугало. Где слабина? Где скрытая трещина этого бриллианта, чтобы расколоть его с маху?

Здесь, в его душе, не чувствовалось тления.

Не было места смерти.

Не было ничего живого.

Мне было здесь хорошо.

И тут явился призрак, бледный, тощий и дряхлый. Его босые ноги, ступая по сверкающим кристаллам пола, вздымали тонкие ленты дыма, и я почуяла запах паленого мяса. Я улыбнулась. В хрустальном лабиринте обитал призрак, но каждое прикосновение означало боль и разрушение. Стена пещеры проглядывала сквозь его эфемерную плоть. Я приказала ему подойти. Он подошел ко мне, и я раскрыла ему объятия, и вошла в него, и овладела им.

Я сидела на балконе самой высокой башни моего замка и пила кофе с бренди. Болота пропали, вместо них виднелись горы, твердые, холодные и чистые. Они стояли вокруг бело-голубой стеной, и ветер поднимал с вершины самого высокого пика перья снежных кристаллов. Ветер пронизывал меня, но я почти не чувствовала холода. Я одна, я всем довольна, кофе вкусный, а смерть очень далеко.

Он вышел на балкон и уселся на парапет, приняв небрежную, нахальную, самоуверенную позу.

— Я знаю тебя,— сказал он. Это было самой страшной угрозой.

Но я не испугалась.

— Я тебя тоже,— ответила я.— Позвать твоего призрака?

— Он и сам скоро явится. Он никогда не оставляет меня.

— Да,— согласилась я. Я неспешно попивала кофе, заставляя его ждать. Наконец сказала: — Я сильнее тебя и могу выиграть, киборг. Напрасно ты бросил мне вызов.

Он ничего не ответил.

Я поставила опустевшую чашку, провела над нею рукой и улыбнулась. Мой стеклянный цветок распустился, расправив прозрачные лепестки. На стол легла неровная радуга.

Он нахмурился. По цветку поползли краски. Цветок увял, и радуга исчезла.

— Ненастоящий,— прокомментировал он.— Стеклянный цветок мертв.

Я подняла розу, показала сломанный стебель.

— Этот цветок умирает.— В моих руках он снова стал стеклянным.— Стеклянный цветок живет вечно.

Киборг снова превратил стекло в живое растение. Надо отдать ему должное, он упрям.

— Даже умирая, он живет.

— Посмотри, сколько в нем изъянов,— предложила я.— Вот здесь лист обглодал вредитель. Здесь лепесток сформировался неправильно. Вот эти темные пятна — грибковая гниль, а здесь стебель надломлен ветром. Смотри.— Я оторвала самый большой и красивый лепесток и пустила его по ветру.— Красота не защищает. Жизнь крайне уязвима. И в конце концов заканчивается смертью.

Цветок в моей руке почернел, съежился и начал гнить. В один миг в нем расплодились черви, из стебля потекла зловонная темная жижа, а потом цветок превратился в пыль. Я сдула пылинки и выдернула у киборга из-за уха новый цветок. Стеклянный.

— Стекло твердое,— возразил он.— И холодное.

— Тепло — продукт распада,— напомнила я.— Сводный брат энтропии.

Может, он и ответил бы, но мы были уже не одни. Из-за зубчатой стены, подтянувшись на немощных бледно-серых руках, вылез призрак. На чистом камне остались кровавые пятна. Призрак безмолвно уставился на нас, полупрозрачное видение в белом. Клерономас отвел взгляд.

— Кто он? — спросила я.

Киборг не отвечал.

— Ты хоть имя-то его помнишь? — спросила я, но ответом мне было молчание, и я расхохоталась.— Киборг, ты осудил меня, отверг мою мораль, нашел мои поступки подозрительными, но кем бы я ни была, по сравнению с тобой я ангел. Я краду чужие тела. Ты украл чужой разум. Ведь так?

— Я не хотел.

— Иоахим Клерономас, как все и говорили, умер на Авалоне семьсот лет назад. Может, он и заменил некоторые части тела на стальные и пластмассовые, но у него оставалась и живая плоть, а значит, наступило время, когда клетки погибли. Тонкая прямая на экране и пустая металлическая оболочка. Конец легенды. Что с ним тогда сделали? Вытащили мозги и похоронили под громадным памятником? Несомненно.— Кофе был крепкий и сладкий, он здесь никогда не стынет, потому что я не позволяю.— Но машину не похоронили, верно? Разве можно зарыть такой дорогой и сложный кибернетический механизм, библиотечный компьютер, полный всевозможных сведений, кристаллическую матрицу застывших воспоминаний? Он был слишком ценным, чтобы его просто выбросить. И достойные ученые Авалона подключили его к главной системе Академии, правда? Сколько столетий прошло, прежде чем один из них решил снова использовать тело киборга и отсрочить собственную смерть?

— Меньше одного,— ответил киборг.— Меньше пятидесяти земных лет.

— Ему следовало тебя стереть,— сказала я.— Но зачем? В конечном итоге ведь это его мозг должен был управлять машиной. Зачем лишать себя доступа к удивительным знаниям, ради чего уничтожать воспоминания? Зачем, если можно самому ими наслаждаться? Насколько приятнее обладать двойной мудростью, приобретенной другим, вспоминать места, где никогда не был, и людей, с которыми никогда не встречался? — Пожав плечами, я посмотрела на призрака.— Несчастный глупец! Если бы ты сыграл в Игру ума раньше, ты понял бы это уже тогда.

Что такое разум, как не воспоминания? Что такое мы сами, наконец? Только то, чем сами себя считаем.

Доверь свои воспоминания алмазу или куску протухшего мяса — таков выбор. Со временем плоть совсем отомрет и уступит место металлу. Лишь алмазные воспоминания выживают и могут жить вечно. От плоти ничего не остается, и отзвуки утраченных воспоминаний оставят легкие царапины на кристалле.

— Он забыл, кем был,— сказал киборг.— Или, вернее, забыл я. Я начал думать... он начал думать, что был мною.— Он посмотрел на меня, и мы встретились взглядами. Его глаза из красного хрусталя, и за ними я увидела свет. Его кожа заблестела, на глазах становясь серебряной. На этот раз он справился сам.— Ты тоже не без слабостей.— Он указал пальцем на мою руку, в которой я держала чашку.

Рука почернела, покрылась трупными пятнами. Запах разложения ударил мне в ноздри. Мясо отслаивалось, обнажая белую кость. Смерть неотвратимо ползла вверх по моей руке. Наверное, я должна была испытать ужас. Но почувствовала только отвращение.

— Нет,— сказала я. Рука снова стала целой и здоровой.— Нет,— повторила я и теперь уже сама превратилась в металл, ярко-серебристый и неумирающий. Глаза мои стали опалами, платиновые волосы переплелись со стеклянными цветами. Я увидела свое отражение в полированном гагате его груди. Я была прекрасна. Может быть, и он увидел свое отражение в моем хроме, потому что отвернулся.

Он казался таким сильным, но на Кроандхенни, в моем обсидиановом замке, в этом доме боли и нового рождения, где проходит состязание, все слишком иллюзорно.

— Киборг,— сказала я ему,— ты проиграл.

— Другие игроки...— начал он.

— Нет.— Я указала на призрака.— Он встанет между тобой и жертвой, которую ты выберешь. Твой призрак. Твоя вина. Он не позволит тебе. Ты не позволишь себе.

Киборг избегал моего взгляда.

— Да,— согласился он, и голос его задребезжал металлическими нотами отчаяния.

— Ты будешь жить вечно.

— Нет. Я буду существовать вечно, а это совсем другое, Мудрая. Я могу назвать точную температуру любой среды, но я не чувствую тепла или холода. Я вижу в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, могу заставить свои датчики пересчитать все поры на твоей коже, но я слеп, потому что не вижу твоей красоты. Я хочу жизни, настоящей жизни, с неумолимо растущим в ней семенем смерти, которое только и дарит ей смысл.

— Хорошо,— сказала я, удовлетворенная.

Он опять посмотрел на меня. В металлической сверкающей тюрьме жили поблекшие, усталые человеческие глаза.

— Хорошо?

— Я сама определяю смысл своей жизни, киборг, и жизнь — это враг смерти, а не ее источник. Поздравляю. Ты выиграл. И я тоже.

Я встала, протянула руку и, утопив ее в холодной черной груди, вырвала его кристаллическое сердце. Я подняла сердце над головой, и оно засияло — все ярче и ярче, и алые лучи ярко высветили холодные мрачные выси моего разума.

Я открыла глаза.

Нет, не так. Я переключила сенсоры, и зал перемен предстал передо мной четко и ясно, как никогда. Моя обсидиановая мозаика, черная по черному, переливалась сотнями оттенков, ни разу не повторяя тонкого искусного узора. Я сидела в нише на краю чаши. В центральном блюдце женщина-девочка зашевелилась и распахнула огромные фиолетовые глаза.

Открылась дверь, и они подошли к ней — внимательный Раннар, равнодушный, пытавшийся скрыть любопытство Хар Дориан и Брейдже, с хихиканием вводившая игрокам стимуляторы.

— Нет,— сказала я им. Мой голос прозвучал слишком низко, слишком по-мужски.— Нет, я здесь,— повторила я, изменив тембр.

Их взгляды обжигали, словно удары кнута.

В состязании разумов всегда бывают выигравшие и проигравшие.

Возможно, вмешательство киборга как-то повлияло на расклад, а может быть, и нет. Может, Игра все равно окончилась бы именно так. Креймур Делун мертв — вчера вечером его тело отдали трясине. Но толстая юная потребительница экстазила теперь смотрит осмысленно. Она села на диету и занялась физическими упражнениями, и когда Хар Дориан отправится в рейд, он отвезет ее в поместье Делуна на Гулливере.

Ризен Джей жалуется, что ее обманули. Мне кажется, она останется здесь, у стен замка, в городе проклятых. Несомненно, это излечит ее от скуки. Гверн пытается заговорить и разрисовывает свои крылья сложными узорами. Татуированный парнишка бросился со стены замка через несколько часов после возвращения и разбился об острые обсидиановые шипы далеко внизу. Падая, он до последней секунды взмахивал руками. Крылья и яростный взгляд — отнюдь не признак силы.

Новоиспеченная властительница разума начала свое правление. Она повелела приступить к строительству нового замка — здания из живого дерева с фундаментом, глубоко утопленным в болото, и стенами, увитыми лианами, цветами и другими живыми растениями.

— Разведутся насекомые,— предостерегла я,— паразиты, жалящие мухи и древоточцы. А в фундаменте грибки и гниль в стенах. Тебе придется спать под москитной сеткой. И постоянно убивать, день и ночь. Твой деревянный дворец будет плавать в испражнениях и останках миллионов крошечных тварей. Ты станешь причиной миллионов смертей, и через несколько лет призраки миллионов насекомых будут по ночам заполнять твои залы.

— Тем не менее,— возразила она,— я построю живой и теплый дом, а твой был холодным и мертвым.

Наверное, каждому свои символы.

И свои страхи.

— Сотри его,— посоветовала она.— Очисти кристаллы, иначе со временем он поглотит тебя и ты станешь еще одним призраком — узником машины.

— Стереть? — Я рассмеялась бы, если бы голосовые связки были рассчитаны на смех. Я вижу ее насквозь. Ее душа вся отражается на этом нежном личике. Я могу пересчитать все поры ее кожи и зафиксировать любую вспышку неуверенности в этих фиолетовых глазах.— Ты хочешь сказать: «Сотри себя!» Кристалл — дом для нас обоих, дитя. Кроме того, я его не боюсь. Ты не поняла главного. Клерономас был кристаллическим, призрак — органикой, так что исход был предрешен. У меня все иначе. Я — такой же кристалл, как и он, и так же вечна.

— Мудрая...— начинает она.

— Неверно,— поправляю ее я.

— Ну тогда Сириан, если тебе так хочется.

— Снова неверно. Зови меня Клерономасом.

Кем только ни побывала я за свою долгую жизнь, но вот легендой быть еще не доводилось. В этом что-то есть.

Маленькая девочка смотрит на меня.

— Клерономас — это я,— говорит она высоким удивленным голоском.

— Да,— соглашаюсь я.— И нет. Сегодня мы обе — Клерономас. Мы прожили одну и ту же жизнь, сохранили те же воспоминания. Но с этого дня наши пути расходятся. Я — сталь и кристалл, ты — детская плоть. Ты говорила, что хочешь жизни. Бери ее, она твоя — и все, что с ней связано. Твое тело молодо и здорово, оно только начинает расцветать, перед тобой долгие, богатые событиями годы. Сегодня ты еще считаешь себя Клерономасом. А завтра?

Завтра ты снова научишься страсти, и раздвинешь свои ножки Хару Дориану, и будешь вскрикивать и содрогаться,

когда он доведет тебя до оргазма. Завтра ты родишь детей в крови и боли и будешь смотреть, как они растут и стареют, как рожают собственных детей и умирают. Завтра ты проедешь через топи, и обездоленные будут бросать тебе дары, проклинать тебя и превозносить, они будут на тебя молиться. Завтра прибудут новые игроки, умоляя о теле, о новом рождении, о единственном шансе, корабли Хара Дориана приземлятся с новыми призами, и все твои принципы будут снова и снова перепроверяться и формироваться заново. Завтра Хар, или Джонас, или Себастьян Кейл решат, что ждали достаточно, ты вкусишь медовое предательство их поцелуя и, возможно, победишь, а возможно, нет. Никакой уверенности. Но вот что я обещаю тебе наверняка. В один прекрасный день после долгих лет жизни (правда, когда они пройдут, то уже не покажутся долгими) в тебе начнет расти смерть. Семя уже посеяно. Возможно, в этих маленьких сладостных грудках, которые Раннару так хочется поцеловать, поселится болезнь; возможно, во сне твое горло перережет тонкая проволока или внезапная солнечная вспышка выжжет всю эту планету. Но смерть придет, и раньше, чем ты думаешь.

— Я знаю. Пусть будет так,— сказала она и улыбнулась. Кажется, она не кривит душой.— Жизнь и смерть. Я долго существовала без них, М... Клерономас.

— Ты уже начинаешь забывать,— заметила я.— Каждый день ты будешь утрачивать все больше воспоминаний. Сегодня помним мы обе. Мы помним хрустальные пещеры Эриса и первый корабль, на котором служили, помним морщинки на лице отца. Мы помним, что сказал Томас Чанг, когда команда решила не возвращаться на Авалон, и слова, которые он произнес, умирая. Мы помним последнюю женщину, с которой занимались любовью, ее тело и запах, вкус ее грудей и как она стонала от наших ласк. Она умерла восемьсот лет назад, но она живет в нашей памяти. И умирает в твоей, ведь правда? Сегодня ты Клерономас. Но я — тоже он, и я Сириан с Эша, и маленькая частица меня — это все еще наш призрак, бедняга. Но когда наступит завтра, я сохраню себя такой, какая есть, а ты... ты будешь властелином разума, а может, сексорабыней в каком-нибудь благовонном борделе на Симеранге или ученым на Авалоне, но в любом случае не тем, что ты сейчас.

Она поняла. Она приняла это.

— Значит, ты будешь вечно играть в Игру ума,— сказала она,— и я никогда не умру.

— Ты умрешь, обязательно умрешь. Бессмертен Клерономас.

— И Сириан с Эша.

— Да.

— И чем ты собираешься заняться? — спросила она.

Я подошла к окну. Здесь на подоконнике стоит стеклянный цветок в простой деревянной вазе. Его лепестки преломляют свет. Я посмотрела на ослепительное солнце Кроандхенни, горящее в ясном полуденном небе. Теперь я могла смотреть прямо на него, могла задержать взгляд на солнечных пятнах и пылающих языках протуберанцев. Я слегка перенастроила кристаллические линзы моих глаз, и пустое небо расцвело звездами. Такого обилия звезд я до сих пор не видела, не представляла себе.

— Чем собираюсь заняться? — переспросила я, глядя на таинственные звездные россыпи, видимые мне одной. Они напоминали мою обсидиановую мозаику.— Там миры, которых я еще не видела,— сказала я своей сестре-близняшке, отцу, дочери, врагу, зеркальному отражению... кем бы она ни была.— Есть вещи, которых я пока не знаю, и звезды, которых я даже сейчас не вижу. Чем буду заниматься... Всем. Для начала — всем.

Пока я говорила, в открытое окно влетело толстое полосатое насекомое. Шесть прозрачных крылышек разбивали воздух так быстро, что человеческому глазу уследить за ними было просто невозможно, а я могла бы сосчитать все их взмахи. Насекомое на секунду опустилось на стеклянный цветок и, не найдя ни нектара, ни пыльцы, улетело восвояси. Я проводила его взглядом; удаляясь, маленькое смертное существо все уменьшалось и уменьшалось, а когда я наконец напрягла свое зрение до предела, затерялось среди болот и звезд.

Межевой рыцарь

ПОВЕСТЬ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ

Весенние дожди умягчили почву, и Дунку нетрудно было копать могилу. Он выбрал место на западном склоне небольшого холма — старик всегда любил смотреть на закат. «Вот и еще день прошел,— говорил он, вздыхая,— а завтрашний еще неизвестно что принесет, верно, Дунк?»

Один из завтрашних дней принес дождь, промочивший их до костей, а следующий — порывистый сырой ветер, а следующий за ним — холод. На четвертый день старик сильно ослабел, чтобы держаться в седле, и скоро его не стало. Не прошло и нескольких дней, как он, покачиваясь в седле, пел старую песню о турнире в Гуллтауне, только вместо «Гуллтаун» спел «Эшфорд». «В Эшфорде славный будет турнир, хей-хо, хей-хо»,— грустно вспоминал Дунк, копая могилу.

Вырыв достаточно глубокую яму, он поднял старика на руки и уложил туда. Покойник был маленький и тощий — без кольчуги, шлема и пояса с мечом он весил не больше мешка с сухими листьями. Дунк же вымахал невероятно высоким для своего возраста — нескладный ширококостный парень шестнадцати или семнадцати лет (никто не знал толком, сколько ему). Ростом он был ближе к семи футам, чем к шести, и этот костяк только начинал еще одеваться плотью. Старик часто хвалил его силу. Старик не скупился на похвалы — больше ведь у него ничего не было.

© Перевод Н. Виленской.

Дунк постоял немного над могилой. В воздухе снова пахло влагой, и он знал, что нужно засыпать старика, пока не пошел дождь, но ему тяжко было бросать землю на это усталое старое лицо. «Септона бы сюда, он бы прочел молитву — но нет никого, кроме меня». Старик обучил Дунка всему, что знал сам о мечах, щитах и копьях, а вот что касается слов...

— Я бы оставил тебе меч, но он заржавеет в земле,— сказал наконец Дунк виновато.— Мне думается, боги дадут тебе новый. Жаль, что ты умер, сьер.— Он помолчал, думая, что бы еще сказать. Дунк не знал целиком ни одной молитвы — старик набожностью не отличался.— Ты был истинный рыцарь и никогда не бил меня без причины,— наконец выпалил парень,— кроме того раза в Мэйденпуле. Это трактирный мальчишка съел пирог вдовы, а не я, я ведь говорил. Но теперь это уже не важно. Да хранят тебя боги, сьер.— Дунк бросил в яму горсть земли и стал кидать во весь мах, не глядя на то, что лежит на дне. Он прожил долгую жизнь, думал Дунк. Ему было ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти, а многие ли могут сказать это о себе? И ему довелось увидеть еще одну весну.

Уже вечерело, когда Дунк покормил лошадей. Их было три: две кобылы и Гром, боевой конь, которым старик пользовался только на турнирах и битвах. Большой бурый жеребец был уже не так силен и скор, как раньше, но глаза его еще сверкали и дух не угас — из всего имущества Дунка он представлял собой самую большую ценность. Если я продам Грома и старую Каштанку, у меня наберется достаточно серебра, чтобы... подумал Дунк и нахмурился. Единственной известной ему жизнью была жизнь межевого рыцаря, который кочует от замка к замку, нанимается на службу то к одному барону, то к другому, сражается за своего господина и ест за его столом, пока война не кончится, а потом отправляется дальше. Время от времени, хотя и не столь часто, случаются турниры, а в голодные зимы межевые рыцари порой и разбоем промышляют, хотя старик никогда этого не делал.

«Я мог бы найти другого межевого рыцаря, чтобы ходить за его лошадьми и чистить ему кольчугу,— думал Дунк,— или

отправиться в город вроде Ланниспорта или Королевской Гавани и поступить в городскую стражу, или...»

Пожитки старика он собрал в кучу под дубом. В кошельке содержалось три серебряных стага, девятнадцать медных грошей и обрезанный по краям золотой; главное достояние старика, как и у большинства межевых рыцарей, заключалось в лошадях и оружии. К Дунку перешла кольчуга, с которой он счищал ржавчину не менее тысячи раз. Унаследовал он также железный шлем с широким щитком для носа, пояс из потрескавшейся бурой кожи и длинный меч в ножнах из дерева и кожи. Еще кинжал, бритву и точильный брусок, поножи и латный воротник, восьмифутовое боевое копье из точеного ясеня с железным наконечником — и, наконец, дубовый щит с истертым железным ободом, с гербом сьера Арлана из Пеннитри: крылатая чаша, серебряная на буром.

Дунк взял в руки пояс, не сводя глаз со щита. Пояс рассчитан на тощие бедра старика и будет ему мал, как и кольчуга. Дунк прикрепил ножны к пеньковой веревке, обвязал ее вокруг пояса и вынул меч.

Хороший клинок, прямой и тяжелый, из доброй, кованной в замке стали, деревянная рукоять обмотана мягкой кожей, головка эфеса из гладко отшлифованного черного камня. Без финтифлюшек, но Дунку по руке, и он знал, как этот меч остер, поскольку перед сном постоянно точил его и смазывал. Он подходит мне не хуже, чем старику, думал Дунк, а на Эшфордском лугу будет турнир.

У Легконогой ход был мягче, чем у старой Каштанки, но Дунк все-таки порядком устал, когда добрался до гостиницы — высокого оштукатуренного деревянного здания у ручья. Теплый желтый свет, льющийся из окон, так манил, что он просто не смог проехать мимо. У меня есть три серебряные монеты, сказал он себе, на это можно хорошо поужинать, а эля выпить — сколько влезет.

Когда он спешился, из ручья вылез голый мальчишка и завернулся в грубый коричневый плащ.

— Ты кто, конюх? — спросил его Дунк. Мальчишка был лет восьми-девяти на вид, бледный и тощий, с ногами по щи-

колотку в прибрежном иле и совершенно лысой головой.— Надо обтереть кобылу, на которой я ехал, и задать овса всем троим. Сделаешь?

— Если захочу,— нахально ответствовал мальчик.

— Ты это брось,— нахмурился Дунк.— Я рыцарь и могу проучить тебя за наглость.

— Что-то не похож ты на рыцаря.

— Разве все рыцари похожи друг на друга?

— Нет, но и на тебя они не похожи. У тебя вон и меч на веревке висит.

— Ничего, держится — и ладно. Займись-ка моими лошадьми. Получишь медяк, если хорошо сделаешь свое дело, и тычок в ухо, если нет.— Дунк не стал дожидаться ответа, а повернулся и прошел в дверь.

Он думал, что в этот час харчевня будет полным-полна, но она пустовала.

Молодой дворянчик в красивом камчатном плаще похрапывал за одним из столов, уронив голову в лужу вина. Кроме него, здесь не было ни души. Дунк нерешительно огляделся, но тут из кухни появилась коренастая женщина и сказала:

— Можете сесть, где пожелаете. Что вам подать — эля или еды?

— И того и другого.— Дунк сел у окна, подальше от спящего.

— Есть вкусный барашек, зажаренный с травами, и утки — их мой сын настрелял. Что прикажете принести?

Дунк уже с полгода не ел в харчевнях.

— И то и другое.

— Ну что ж, вы достаточно большой, чтобы управиться с тем и другим,— засмеялась женщина. Она нацедила кружку эля и принесла ему.— Комнату на ночь не желаете?

— Нет.— Дунк очень хотел бы поспать под крышей, на мягком соломенном тюфяке, но деньги приходилось беречь. Ничего, и на земле отлично выспится.— Вот поем, попью и поеду в Эшфорд. Далеко ли до него?

— День пути. Как будет развилка у погорелой мельницы, поезжайте на север. Как там мой мальчишка — смотрит за вашими лошадьми или опять сбежал?

— Нет, он на месте. Маловато у вас гостей, как я погляжу.

— Половина города отправилась на турнир. Мои бы тоже туда подались, кабы я позволила. Когда меня не станет, гостиница перейдет к ним — однако мальчишке все бы с солдатами болтаться, а девчонка вздыхает да хихикает, как только мимо пройдет рыцарь. Хоть убейте, не пойму. Рыцари устроены так же, как все прочие мужчины, и не вижу, почему участие в турнире должно повышать цену на яйца.— Хозяйка окинула любопытным взглядом Дунка: меч и щит говорили ей одно, веревочный пояс и грубый камзол совсем другое.— А вы никак тоже на турнир путь держите?

Дунк хлебнул эля, прежде чем ответить. Тот был сочного орехового цвета и густой — как раз ему по вкусу.

— Да. Хочу одержать на нем победу.

— Вон оно как,— с умеренной учтивостью отозвалась женщина.

Дворянчик поднял голову над столом. Его лицо под шапкой спутанных песочных волос имело желтый, нездоровый оттенок, подбородок зарос светлой щетиной. Юноша вытер рот и сказал Дунку:

— Я видел тебя во сне.— Дрожащий указательный палец нацелился на Дунка.— Держись от меня подальше, слышишь? Как можно дальше.

— Ваша милость? — с недоумением откликнулся Дунк.

— Не обращайте внимания, сьер,— вмешалась хозяйка.— Он только и знает, что пить да толковать о своих снах. Сейчас принесу вам поесть.

— Поесть? — с великим отвращением повторил дворянчик и поднялся на ноги, пошатываясь и придерживаясь за стол, чтобы не упасть.— Меня сейчас стошнит,— объявил он. На его камзоле запеклись красные винные пятна.— Мне нужна женщина, но здесь их нет. Все ушли в Эшфорд. Боги, я должен выпить еще.— Он нетвердой походкой вышел из зала, и Дунк услышал, как он поднимается по лестнице, напевая что-то себе под нос.

Экий оболтус, подумал Дунк. Но с чего он взял, что меня знает? Дунк размышлял об этом, попивая свой эль.

Он в жизни еще не ел такого вкусного барашка, а утка была еще лучше — ее зажарили с вишнями и лимоном, и она не казалась такой уж жирной. Кроме мяса хозяйка подала горошек в масле и овсяный хлеб только что из печи. Вот что значит быть рыцарем, сказал себе Дунк, обгладывая последнюю кость. Хорошая еда, эль и никаких затрещин. Он выпил вторую кружку, пока ел, третью, чтобы запить ужин, и четвертую, потому что никто ему в этом не препятствовал. Когда он расплатился с женщиной серебряной монетой, то получил еще взамен пригоршню медяков.

Когда он вышел наружу, уже совсем стемнело. Живот его наполнился, а в кошельке немного полегчало, но Дунк отправился на конюшню в преотличном настроении. Внезапно там заржал конь.

— Тихо, парень,— произнес мальчишеский голос, и Дунк, нахмурясь, ускорил шаг.

Мальчишка-конюх сидел на Громе в доспехах старого рыцаря. Кольчуга была длиннее, чем он весь, а шлем пришлось сдвинуть на затылок, чтобы он не налезал на глаза. Мальчик был весь поглощен своей игрой и имел крайне нелепый вид. Дунк со смехом остановился на пороге.

Мальчик, увидев его, покраснел и спрыгнул наземь.

— Ваша милость, я не хотел...

— Воришка,— с напускной суровостью сказал Дунк.— Снимай кольчугу и скажи спасибо, что Гром не огрел тебя копытом по глупой голове. Он боевой конь, а не пони для детских забав.

Мальчишка снял шлем, бросил его на солому и заявил с прежней дерзостью:

— Я могу на нем ездить не хуже тебя.

— Замолчи и перестань дерзить. Быстро снимай кольчугу. Что это взбрело тебе в голову?

— Как же я смогу ответить, если буду молчать? — Мальчишка вылез из кольчуги, как ящерица.

— Если я спрашиваю, можешь открыть рот. Стряхни с кольчуги пыль и положи туда, где взял. Шлем тоже. Ты покормил лошадей, как я велел? И вытер Легконогую?

— Да.— Мальчик стряхивал с кольчуги солому.— Вы ведь в Эшфорд едете, сьер? Возьмите меня с собой.

Хозяйка гостиницы не зря беспокоилась.

— А что скажет твоя мать?

— Мать? — сморщился мальчик.— Ничего не скажет — она умерла.

Дунк удивился: разве малец — не хозяйский сын? Наверное, просто работник. Голова слегка кружилась от эля.

— Ты сирота, что ли? — спросил он.

— А ты?

— Был когда-то.

Да, правда — пока старик не взял его к себе.

— Я могу быть твоим оруженосцем.

— Оруженосец мне ни к чему,— сказал Дунк.

— Каждому рыцарю нужен оруженосец — а уж тебе тем более.

Дунк замахнулся.

— Сдается мне, что ты все-таки получишь по уху. Насыпь мне овса в мешок.

— Я еду в Эшфорд — один.

Если мальчуган и испугался, то не подал виду. Еще миг он постоял с вызывающим видом, скрестив руки, потом повернулся и пошел за овсом.

У Дунка отлегло от сердца. Жаль, что нельзя... но тут ему хорошо живется, куда лучше, чем в оруженосцах у межевого рыцаря. Дунк оказал бы ему дурную услугу, взяв его с собой.

Чувствовалось, однако, что мальчик сильно разочарован. Дунк, сев на Легконогую и взяв за повод Грома, решил приободрить его немного.

— На, парень, держи.— Дунк бросил медную монетку, но мальчик даже не попытался поймать ее, и она упала в грязь между его босыми ногами.

Ничего, поднимет, когда я уеду, решил Дунк и послал кобылу вперед, ведя за собой двух других лошадей. Луна ярко освещала деревья, и безоблачное небо было усеяно звездами. Даже выехав на дорогу, Дунк все еще чувствовал спиной угрюмый взгляд маленького конюха.

Тени уже начали удлиняться, когда Дунк остановился на краю широкого Эшфордского луга. На травяном поле уже стояло больше полусотни шатров, больших и малых, квадратных и круглых, парусиновых и шелковых; но все они были яркие, и длинные флаги колыхались на срединных шестах. Луг пестрел красками, словно полевыми цветами: винно-красными и желтыми, как солнце, бесчисленными оттенками зелени и синевы, густо-черными, серыми и пурпурными.

Старик служил кое с кем из этих рыцарей, других Дунк знал по рассказам, которые слышишь в тавернах и у костров. Хотя искусством чтения и письма Дунк так и не овладел, в геральдике старик натаскивал его беспощадно, даже и в дороге. Соловьи — это герб лорда Карона с Пограничья, столь же искусного в игре на большой арфе, как и в обращении с копьем. Олень в короне — это сьер Лионель Баратеон, Смеющийся Вихрь. Дунк разглядел также охотника рода Тарли, пурпурную молнию Дондарриона, красное яблоко Фоссовеев. Вот лев Ланнистеров, золотой на багряном поле, вот темно-зеленая морская черепаха Эстермонтов плывет по бледно-зеленому фону. Бурый шатер с вздыбленным красным жеребцом мог принадлежать только сьеру Ото Бракену, которого прозвали Браненским Зверем, когда он три года назад убил лорда Квентина Блэквуда на турнире в Королевской Гавани. Дунк слышал, что сьер Ото нанес своим затупленным топором такой удар, что расколол и забрало, и лицо лорда Блэквуда. Здесь присутствовали и блэквудские знамена — на западном краю луга, подальше от сьера Ото. Марбранд, Маллистер, Каргиль, Вестелинг, Сван, Муллендор, Хайтавер, Флорент, Фрей, Пенроз, Стокворт, Дарри, Паррен, Вильд — казалось, каждый знатный дом запада и юга прислал в Эшфорд хотя бы одного рыцаря, чтобы поклониться королеве турнира и преломить копье в ее честь.

Но как бы красивы ни были эти шатры, Дунк знал, что ему среди них места нет. Поношенный шерстяной плащ — вот и все, чем он располагает для ночлега. Лорды и рыцари обедают каплунами и молочными поросятами, а у Дунка только и есть, что кусок жесткой, жилистой солонины. Он хорошо знал, что, остановившись на этом веселом поле, вдоволь

хлебнет и молчаливого презрения, и открытых насмешек. Будут, возможно, и такие, которые проявят к нему доброту, но это в некотором роде еще хуже.

Межевой рыцарь не должен ронять своего достоинства. Без него он не больше чем наемник.

«Я должен заслужить свое место среди них. Если я буду сражаться хорошо, кто-нибудь из лордов может взять меня к себе на службу. Тогда я окажусь в благородном обществе, каждый день буду есть благородное мясо в трапезном замке и ставить на турнирах собственный шатер. Но сначала я должен проявить себя в деле».

Дунк неохотно повернулся спиной к турнирному полю и увел своих лошадей в лес.

В окрестностях большого луга, в доброй полумиле от города и замка, он нашел место, где излучина ручья образовала глубокую заводь. Весенняя травка, зеленая, что твой рыцарский стяг, была мягкой на ощупь. Красивое место, и оно никем не занято. Вот тут и будет мой шатер, решил Дунк,— с кровлей из листьев, зеленее, чем знамена Тиррелов и Эстермонтов.

Обиходив первым делом лошадей, он разделся и вошел в пруд, чтобы смыть дорожную пыль. «Истинный рыцарь должен быть чист и телом и душой»,— говаривал старик, и они мылись с головы до пят каждую луну, невзирая на то, дурно от них пахло или нет. Теперь, став рыцарем, Дунк поклялся всегда придерживаться этого правила.

Он посидел голый под вязом, обсыхая и наслаждаясь весенним теплом. В тростнике лениво порхали стрекозы. Их еще называют дракончиками, хотя на драконов они ничуть не похожи. Не то чтобы Дунк хоть раз в жизни видел драконов — а вот старик видел. Дунк раз сто слышал от сьера Арлана историю о том, как маленьким мальчиком дед повез его в Королевскую Гавань, и там-то они видели последнего дракона за год до того, как тот издох. Это была самка, маленькая, зеленая и чахлая, с поникшими крыльями. Ни одно ее яйцо так и не проклюнулось. «Говорили, будто ее отравил король Аэгон,— рассказывал старик.— Третий Аэгон — не отец короля Даэрона, а тот, которого прозвали Пагубой Драконов или Аэгоном Неудачливым. Он боялся драконов, потому что

видел, как змей его дяди пожрал свою собственную мать. После смерти последнего дракона лето стало короче, а зима длиннее и суровее».

Солнце зашло за деревья, и стало холодать. У Дунка по коже побежали мурашки. Он выбил камзол и штаны о ствол вяза и оделся. Завтра он поищет распорядителя игр и запишется, а вечером он должен заняться другими делами, если надеется участвовать в турнире.

Ему не надо было смотреть в пруд — он и так знал, что не слишком похож на рыцаря, поэтому он повесил щит Арлана за спину, чтобы виден был девиз, спутал лошадей, пустив их пастись на густой зеленой траве под вязом, и пешком зашагал к турнирному полю.

В обычные времена луг служил местом гуляний для жителей города Эшфорда, что стоял за рекой, но сейчас он преобразился. За одну ночь здесь вырос другой, шелковый город, больше и красивее каменного. Дюжины торговцев поставили свои палатки по краю поля — здесь продавались сладости и фрукты, пояса и башмаки, кожи и ленты, посуда и драгоценные камни, пряности, перья и прочие товары. Жонглеры, кукольники и фокусники бродили в толпе, показывая свое искусство, тут же толклись шлюхи и карманники. Дунк бдительно придерживал свой кошелек.

Он уловил запах шипящих на огне колбас, и у него потекли слюнки. За грош он купил одну колбаску и рог эля, чтобы ее запить. Жуя, он смотрел, как раскрашенный деревянный рыцарь бьется с раскрашенным деревянным драконом. На кукольницу, водившую дракона, смотреть было не менее приятно: высокая, тоненькая, с оливковой кожей и черными волосами дорнийки. Вся точно копье, и грудей почти не видно — но Дунку нравилось ее лицо и то, как ловко она заставляет дракона скакать взад-вперед. Он бросил бы девушке медную монетку, будь у него лишняя — но сейчас ему был нужен каждый грош.

Он надеялся, что среди торговцев есть и оружейники. И верно — один тироши с раздвоенной синей бородой продавал

нарядные шлемы в виде разных птиц и зверей, украшенные золотом и серебром. Один кузнец предлагал дешевые клинки, у другого сталь была лучше, но Дунку нужен был не меч.

Потребный ему товар он нашел в самом конце ряда — на столе перед торговцем лежала тонкая кольчужная рубаха и пара перчаток с раструбами.

Дунк осмотрел все это и заметил:

— Хорошая работа.

— Лучше не найдете,— заверил кузнец, коротышка не более пяти футов ростом, но в плечах и в груди такой же широкий, как Дунк. Чернобородый, с огромными ручищами, он держался без всякого подобострастия.

— Мне нужны доспехи для турнира,— сказал Дунк.— Хорошая кольчуга сверху донизу, поножи, воротник и шлем.— Полушлем старика был ему впору, но один носовой щиток не мог защитить лицо как следует.

Оружейник смерил Дунка взглядом.

— У вас большой рост, но я одевал рыцарей и побольше.— Он вышел из-за прилавка.— Станьте-ка на колени, я измерю ширину плеч. А заодно и шею.— Дунк опустился на колени, и оружейник завязанным в узлы ремешком снял нужные мерки, бурча что-то при этом.— Теперь поднимите руку. Нет, правую. Можете встать.— Обмеры ляжки, икры и талии вызвали дальнейшее бурчание.— У меня есть в повозке то, что вам подойдет. Без всяких там золотых и серебряных финтифлюшек, но сталь хорошая, прочная. Я делаю шлемы, похожие на шлемы, а не на свиней с крыльями да на заморские фрукты,— но мой защитит вас лучше, если вам угодят копьем в лицо.

— Того-то мне и надо. Сколько?

— Восемьсот стагов. Я нынче добрый.

— Восемьсот?! — Это было больше, чем Дунк ожидал.— Я... я могу предложить вам старые доспехи, поменьше... полушлем, кольчугу...

— Железный Пейт продает только то, что делает сам, но металл может мне пригодиться. Если они не слишком ржавые, я одену вас за шестьсот.

Дунк охотно попросил бы Пейта поверить ему доспехи в долг, но он чувствовал, что подобная просьба благоприятного отклика не вызовет. Из своих странствий со стариком он знал, что торговцы крайне недоверчиво относятся к межевым рыцарям, некоторые из которых были немногим лучше разбойников.

— Я дам вам два стага вперед,— сказал Дунк,— а доспехи и остальные деньги принесу завтра.

Пейт пристально посмотрел на него.

— За два стага я придержу для вас доспехи один день — а после продам их другому.

Дунк выудил монеты из кошелька и положил в мозолистую ладонь оружейника.

— Вы получите все. Я намерен стать победителем турнира.

— Да ну? — Пейт попробовал на зуб одну из монет.— А все остальные, выходит, съехались лишь для того, чтобы покричать тебе «ура»?

Луна поднялась уже довольно высоко, когда Дунк направил свои стопы обратно к вязу. Эшфордский луг позади был ярко освещен факелами. Там звучали песни и смех, но Дунку было не до веселья. Он мог придумать только один способ добыть деньги. И если он потерпит поражение...

— Одна победа — вот все, что мне нужно,— сказал он вслух.— Не так уж это и много.

Старик, правда, даже и на это никогда не надеялся. Сьер Арлан ни разу не ломал копья с тех пор, как принц Драгонстонский спешил его на турнире в Приюте Бурь много лет назад. «Не каждый может похвалиться тем, что сломал семь копий в схватке с первейшим рыцарем Семи королевств,— говорил старик.— На лучшее я уже не способен — значит, незачем и пытаться».

Дунк подозревал, что причиной тут скорее возраст, нежели принц Драгонстонский, но не смел высказать это вслух. Старик берег свою гордость до последнего дня. «Но он всегда говорил, что я скор и силен,— твердил себе Дунк,— и то, что было верным для него, не закон для меня».

Он шел по тропке через высокую траву, перебирая в уме свои возможности, как вдруг увидел сквозь кусты огонек костра. Это еще что такое? Дунк, не раздумывая, выхватил меч и бросился вперед.

С ревом и бранью он выбежал на поляну — и остановился как вкопанный.

— Ты! Что ты тут делаешь?

— Рыбу жарю,— ответил нахальный мальчишка, сидящий у костра.— Хочешь?

— Но как ты сюда попал? Украл лошадь?

— Приехал в повозке человека, который привез барашков к столу лорда Эшфорда.

— Так пойди поищи себе обратную повозку. Ты мне здесь не нужен.

— Никуда я не пойду. Надоела мне эта гостиница.

— Довольно с меня твоей наглости. Сейчас перекину тебя через седло и отвезу домой.

— Тебе пришлось бы ехать до самой Королевской Гавани. Пропустишь турнир.

Королевская Гавань... На миг Дунку показалось, что мальчишка смеется над ним, но не мог же тот знать, что и Дунк оттуда родом. Еще один бедолага из Блошиной Ямы — и кто упрекнет его за то, что он захотел выбраться оттуда?

Дунк почувствовал себя глупо, стоя с мечом в руке над восьмилетним сиротой. Он убрал клинок и свирепо глянул на мальчишку, давая понять, что никаких глупостей не потерпит. Надо бы задать паршивцу хорошую трепку — но малец имел такой жалкий вид, что у Дунка рука не поднималась побить его. Огонь весело трещал, обложенный камнями, лошади были вычищены, одежда сохла над костром на ветке вяза.

— Что это тут за тряпки?

— Я их постирал. И вычистил коней, и развел костер, и поймал эту рыбу. Я бы и шатер поставил, да не нашел его.

— Вот мой шатер.— Дунк указал вверх, где простиралась крона вяза.

— Это просто дерево,— хмыкнул мальчуган.

— Истинный рыцарь в ином шатре не нуждается. Уж лучше спать под звездами, чем в пропахшей дымом палатке.

— А если дождь пойдет?

— Дерево защитит меня.

— Они протекают, деревья-то.

— Верно,— засмеялся Дунк.— По правде сказать, мне не на что приобрести шатер. Ты бы перевернул свою рыбу, иначе она подгорит с одной стороны и останется сырой с другой. Повара из тебя никогда не выйдет.

— Выйдет, если я захочу,— возразил мальчишка, но рыбу перевернул.

— Что это у тебя с головой? — спросил Дунк.

— Лекари обрили меня.— И мальчик, вдруг засмущавшись, натянул на голову капюшон своего темно-бурого плаща.

Дунк слышал, что так иногда делают от вшей или некоторых болезней.

— Стало быть, ты болел?

— Нет. Как тебя зовут?

— Дунк.

Мальчишка залился хохотом, точно в жизни не слыхал ничего смешнее.

— Дунк! Сьер Дунк? Это имя не для рыцаря. Может, это уменьшительное от «Дункан»?

— Может, и так.

Старик все время звал его Дунком, а свою прошлую жизнь он помнил не слишком хорошо.

— Пожалуй. Сьер Дункан из...— У Дунка не было родового имени, не было дома. Сьер Арлан подобрал его в закоулках Блошиной Ямы, и он не знал ни отца, ни матери. Как же назваться? «Сьер Дункан из Блошиной Ямы» звучит не слишком по-рыцарски. Можно сказать, что он из Пеннитри, но что, если его спросят, где это? Сам Дунк никогда не бывал в Пеннитри, а старик о доме почти не рассказывал. Дунк нахмурился и выпалил: — Сьер Дункан Высокий.— Никто не станет оспаривать, что он высок, и это достойное имя.

Но маленький нахал, видимо, был иного мнения.

— Никогда не слышал о сьере Дункане Высоком.

— Ты что, знаешь всех рыцарей в Семи королевствах?

— Хороших знаю.

— Я не хуже других. После турнира все в этом убедятся. Ну а тебя как звать, воришка?

Мальчик помедлил и сказал:

— Эг*.

Дунк не стал смеяться. Голова у мальчишки и правда как яйцо. Дети бывают жестоки, да и взрослые тоже.

— Эг, мне следовало бы всыпать тебе как следует и отправить назад, но у меня и оруженосца нет, не только шатра. Если поклянешься делать то, что я велю, я разрешу тебе послужить мне на турнире — а там видно будет. Если я решу, что ты чего-то стоишь, то буду кормить тебя и одевать. Одежда, правда, будет домотканая, а есть мы будем соленую рыбу и говядину да изредка оленину, когда лесника поблизости не окажется, но голода можешь не опасаться. И я обещаю не бить тебя без причины.

— Да, ваша милость,— улыбнулся Эг.

— Сьер,— поправил Дунк.— Я всего лишь межевой рыцарь.— Хотелось бы ему знать, смотрит на него сейчас старик или нет.

«Я обучу его боевому искусству, как ты учил меня, сьер. Парень он вроде смышленый — глядишь, и из него получится рыцарь».

Рыба оказалась все-таки малость сыровата внутри, и Эг вынул из нее не все кости, однако она была неизмеримо вкуснее жесткой солонины.

Эг скоро уснул у догорающего огня. Дунк лег на спину, заложив свои большие руки под голову и глядя в ночное небо. С турнирного поля в полумиле от него слышалась далекая музыка. Вверху мерцали тысячи звезд. Вот одна из них ярко-зеленой чертой пересекла небо и пропала.

«Упавшая звезда приносит удачу тем, кто ее видит,— пришло в голову Дунку.— Но все остальные сейчас в шатрах, и над ними шелк, а не звездное небо. Стало быть, вся удача достанется мне одному».

---

* От англ. egg — яйцо.

Утром его разбудило пение петуха. Эг еще спал, свернувшись под вторым по нарядности плащом старика. Не сбежал, выходит, ночью — и то хорошо.

Дунк ткнул его ногой.

— Поднимайся, дело есть.— Мальчишка довольно быстро сел и протер глаза.— Помоги мне оседлать Легконогую.

— А завтрак как же?

— Поедим солонины, как управимся.

— Уж лучше я съем лошадь... сьер.

— Отведаешь моего кулака, если не будешь делать, что велят. Доставай скребницы — они в седельной сумке. Да, в этой самой.

Вместе они расчесали гнедую шерсть Легконогой и водрузили ей на спину лучшее седло сьера Арлана. Дунк заметил, что Эг работает на совесть, когда хочет.

— Думаю, меня не будет почти весь день,— сказал он мальчику, садясь на лошадь.— Останешься здесь и приберешься в лагере. Да смотри, чтобы *другие* ворюги не совали сюда нос.

— Может, оставите мне меч, чтобы я отгонял их? — Синие глаза Эга, очень темные, почти лиловые, из-за бритой головы казались необычайно большими.

— Довольно будет и ножа. И будь на месте, когда я вернусь, слышишь? Если украдешь что-нибудь и сбежишь, я сыщу тебя с собаками.

— Так ведь у вас нет собак.

— Ничего, для такого случая достану.— Дунк обратил Легконогую к лугу и поехал легкой рысью, надеясь, что его угроза заставит мальчишку вести себя прилично. В лагере осталось все, чем Дунк владел в этом мире, кроме одежды на нем, лошади под ним и старых доспехов в мешке.

«Дурак я, что так доверился мальчишке — но ведь старик тоже поверил мне,— размышлял Дунк.— Не иначе как сама Матерь послала парня ко мне, чтобы я мог уплатить свой долг».

Пересекая поле, он услышал стук молотков со стороны реки — плотники ставили там барьеры для турнира и воздвигали большой павильон для зрителей. На лугу прибавилось несколько шатров, а рыцари, прибывшие ранее, отсыпались после

ночной попойки или закусывали у костров. Пахло дымом и ветчиной.

К северу от луга протекала река Кокльсвент, приток могучего Мандора. За бродом располагались город и замок. Дунк, путешествуя со стариком, повидал много рыночных городов, и этот казался красивее многих других: побеленные дома под соломенными крышами смотрели очень приветливо. Когда Дунк был поменьше, он все, бывало, думал, каково это — жить в таком месте: спать каждую ночь под крышей и каждый раз просыпаться в тех же стенах. «Может, скоро я и узнаю, что это за жизнь. И Эг тоже». Все может статься. На свете и не такое бывает.

Эшфордский замок имел вид треугольника с округлыми башнями тридцатифутовой вышины на каждом углу и зубчатыми стенами между ними. Над ним реяли оранжевые флаги с белым знаком солнца и шеврона, девизом владельца замка. Стражники в оранжево-белых камзолах стояли с алебардами у ворот — видно было, что им больше по душе шутить с хорошенькими молочницами, чем не пускать кого-то. Дунк остановился перед бородатым коротышкой — судя по всему, капитаном — и спросил, где найти распорядителя турнира.

— Это Пламмер, здешний управляющий. Я покажу где.

Во дворе конюх принял у Дунка лошадь. Дунк закинул потертый щит сьера Арлана за плечо и прошел за капитаном в зубчатую башенку. Крутые каменные ступени вывели их на стену.

— Хочешь записать своего господина? — спросил капитан.

— Я сам себе господин.

— Вон как? — Дунку показалось, что капитан ухмыляется.— Вот в эту дверь. Я должен вернуться на свой пост.

Управляющий сидел за столом и писал что-то на листе пергамента — узколицый, с редкими седеющими волосами. Он поднял голову и спросил:

— Чего тебе?

Дунк прикрыл за собой дверь.

— Это вы — Пламмер-управитель? Я пришел, чтобы записаться на турнир.

— На турнир моего лорда принимаются только рыцари,— поджал губы Пламмер.— Вы рыцарь?

Дунк кивнул, боясь, не покраснели ли у него уши.

— Полагаю, у вас и имя есть?

— Дунк.— Ах, угораздило же ляпнуть такое! — Сьер Дункан. Высокий.

— Откуда же вы будете, сьер Дункан Высокий?

— Ниоткуда. Я служил оруженосцем у сьера Арлана из Пеннитри с пяти или шести лет. Вот его щит. Он ехал на турнир, но простудился и умер, и я приехал вместо него. Перед смертью он посвятил меня в рыцари вот этим самым мечом.— Дунк вынул меч и положил на поцарапанный стол. Распорядитель удостоил клинок лишь самым беглым взглядом.

— Да, я вижу, что это меч. Но я никогда не слыхал и о сьере Арлане из Пеннитри. Вы говорите, что были его оруженосцем?

— Он всегда хотел, чтобы я стал рыцарем. Умирая, он попросил подать ему меч, велел мне стать на колени, коснуться сперва моего правого плеча, затем левого, произнес нужные слова и сказал, что теперь я рыцарь.

— Гм-м.— Пламмер потер себе нос.— Это верно, что каждый рыцарь может посвятить в рыцари другого человека — правда, обычно этому предшествует исповедь у священника и бдение. Присутствовали ли при этом какие-нибудь свидетели?

— Только щегол на ветке. Но я помню то, что говорил старик. Он обязал меня быть истинным рыцарем, чтить семерых богов, защищать слабых и невинных, преданно служить моему господину и сражаться за свою страну. Я поклялся во всем этом.

— Не сомневаюсь.— Дунк не мог не заметить, что Пламмер ни разу не назвал его сьером.— Мне нужно посоветоваться с лордом Эшфордом. Быть может, кто-то из славных рыцарей, собравшихся здесь, знал вашего покойного господина?

— Мне помнится, я видел знамя Дондаррионов — пурпурную молнию на черном поле.

— Да, это знамя сьера Манфреда.

— Сьер Арлан служил у его отца в Донре три года назад. Может быть, сьер Манфред вспомнит меня.

— Советую вам поговорить с ним. Если он согласится поручиться за вас, приведите его сюда завтра, в это же время.

— Как вам будет угодно.— Дунк пошел к двери.

— Сьер Дункан,— позвал его Пламмер, и он обернулся.

— Вам известно, что побежденный на турнире отдает победителю оружие, доспехи и коня и должен заплатить за все это выкуп?

— Известно.

— А можете ли вы заплатить такой выкуп?

Теперь уши у Дунка уж точно покраснели.

— Мне платить не придется.— Он молился, чтобы это было правдой. «Все, что мне нужно,— это одна победа. Если я выиграю свой первый бой, то получу доспехи и коня побежденного или его золото, а тогда уж пусть и меня побеждают».

Он медленно сошел вниз — ему не хотелось делать то, что он задумал. Во дворе он поймал за шиворот одного из конюхов.

— Мне нужен главный конюший лорда Эшфорда.

— Сейчас отыщу его.

В конюшнях царили полумрак и прохлада. Чей-то норовистый серый жеребец попытался куснуть Дунка, а Легконогая тихонько заржала и ткнулась носом в его протянутую руку.

— Умница моя.— Старик говорил, что рыцарь не должен слишком привязываться к лошади, ибо далеко не одной суждено погибнуть под ним, но сам не слишком придерживался этого правила. Часто на глазах у Дунка он тратил последний грош на яблоко для старой Каштанки или овес для Легконогой и Грома. На Легконогой сьер Арлан проделал многие тысячи миль по всем Семи королевствам. Дунку казалось, что он предает своего старого друга, но что ему оставалось? Каштанка стара, и за нее много не выручишь, а Гром нужен ему для турнира.

Шло время, а главный конюший все не появлялся. Между тем на стене зазвучали трубы и во дворе поднялся крик. Дунк

подвел Легконогую к дверям посмотреть, что там творится. Большой отряд рыцарей и конных лучников въезжал в ворота — их было не меньше сотни, и Дунк никогда еще не видывал таких великолепных коней. Какой-то важный господин приехал, подумал Дунк, и поймал пробегавшего мимо конюха.

— Кто они такие?

— Вы что, знамен не видите? — огрызнулся мальчишка, вывернулся и убежал. Знамена... Как раз в этот миг ветер развернул черный шелковый стяг на длинном древке, и трехглавый дракон дома Таргариенов словно расправил крылья, выдыхая алое пламя. Знамя держал высокий рыцарь в чешуйчатой, белой с золотом броне, и белоснежный плащ ниспадал с его плеч. Двое других всадников тоже были в белом с головы до ног. Королевские гвардейцы и флаг королевский. Вот и лорд Эшфорд с сыновьями выбегает из дверей замка, тут же и дочь, королева турнира, маленькая, с желтыми волосами и круглым розовым личиком. Не такая уж и красавица — кукольница была лучше.

— Брось-ка эту клячу, парень, и займись моей лошадью.

Какой-то всадник спешился перед конюшней, и Дунк понял, что тот обращается к нему.

— Я не конюх, ваша милость.

— Что, недостаточно умен для такой должности? — На всаднике был черный плащ с алой атласной каймой, а одежда внизу переливалась красным, желтым и золотым, как пламя. Среднего роста, но стройный, как клинок, он казался ровесником Дунка. Серебристо-золотые локоны обрамляли точеное, властное лицо: высокий лоб, четкие скулы, прямой нос, бледная, безупречно чистая кожа, густо-лиловые глаза.— Если ты не способен управиться с лошадью, принеси мне вина и приведи бабенку посмазливее.

— Простите, ваша милость, но я не слуга. Я имею честь быть рыцарем.

— Печальные же времена переживает рыцарство.— Но тут подоспели конюхи, и принц отдал им поводья своей кобылы, великолепной гнедой чистокровки. О Дунке он и думать забыл. Тот с большим облегчением улизнул обратно в конюшню. Он и среди рыцарских шатров чувствовал себя достаточно неловко — недоставало еще с принцами беседовать.

В том, что этот красавчик принц, Дунк нимало не сомневался. В Таргариенах течет кровь погибшей Валирии, что далеко за морями, и их сразу можно узнать по серебристо-золотым волосам и лиловым глазам. Принц Баэлор, конечно, гораздо старше, но этот юнец вполне мог быть одним из его сыновей: Валарром, которого часто зовут «молодым принцем» в отличие от отца, или Матарисом, «совсем молодым принцем», как пошутил однажды дурак лорда Свана. Были и другие принцы, кузены Валарра и Матариса. У доброго короля Даэрона четверо взрослых сыновей, и у троих есть свои сыновья. Некоторое время назад династия королей-драконов едва не вымерла, но похоже, что Даэрон со своими сынами обеспечил ей вечное благополучие.

— Эй, это ты меня спрашивал? — Главный конюший лорда Эшфорда казался еще краснее из-за своего оранжевого камзола и говорил отрывисто.— В чем дело? Мне недосуг...

— Хочу продать вот эту кобылку,— молвил Дунк поспешно.— Хорошая лошадка, крепкая на ногу...

— Говорю тебе — мне недосуг.— Конюший едва удостоил Легконогую взглядом.— Лорду Эшфорду такие не надобны. Сведи ее в город — может, Хенли даст тебе пару серебряных монет.— И он отвернулся.

— Спасибо, ваша милость,— сказал Дунк, прежде чем тот ушел.— Скажите, это король приехал?

— Хвала богам, нет,— засмеялся конюший.— Довольно с нас нашествия принцев. Где я возьму стойла для стольких коней? А корм? — Он зашагал прочь, покрикивая на конюхов.

Дунк вышел из конюшни. Принцев лорд Эшфорд пригласил в дом, но двое гвардейцев в белом еще мешкали во дворе, разговаривая с капитаном стражи.

Дунк остановился перед ними.

— Господа, я сьер Дункан Высокий.

— Привет вам, сьер Дункан,— сказал один из рыцарей.— Я сьер Роланд Крейкхол, а это мой побратим, сьер Доннел из Дускенделя.

Семеро королевских гвардейцев были лучшими воинами Семи королевств, уступая разве что самому наследному принцу, Баэлору Сломи Копье.

— Вы намерены участвовать в турнире? — с беспокойством спросил Дунк.

— Не подобает нам выступать против тех, кого мы присягали защищать,— ответил сьер Доннел, рыжеголовый и рыжебородый.

— Принц Валарр выступает как защитник леди Эшфорд,— пояснил сьер Роланд,— а двое его кузенов намерены выступить на противной стороне. Мы, остальные, будем только смотреть.

Дунк с облегчением поблагодарил белых рыцарей за любезность и выехал за ворота замка, пока к нему не прицепился еще какой-нибудь принц. Уж эти мне принцы, думал он, направляя кобылу к городу. Валарр — старший сын принца Баэлора, второй на очереди к Железному Трону, но что-то непохоже, чтобы он перенял от отца его знаменитое мастерство в битве на мечах и копьях. О прочих таргариенских принцах Дунк знал и того меньше. «Что я буду делать, если придется выехать против принца? И разрешат ли мне бросить вызов столь высокородной особе?» Дунк и этого не знал. Старик часто говаривал, что он темен, как погреб, и сейчас Дунк это ощущал как нельзя сильнее.

Хенли Легконогая приглянулась — но только до того мига, когда Дунк заявил, что хочет ее продать. Тогда он отыскал в ней множество изъянов и предложил цену: триста серебром. Дунк сказал, что согласен на три тысячи. После жарких споров и ругани сошлись на семистах пятидесяти. Это было ближе к начальной цене Хенли, чем к цене Дунка, и парень чувствовал себя проигравшим этот бой, но лошадник уперся, и оставалось только сдаться. Спор начался сызнова, когда Дунк заявил, что седло в стоимость лошади не входит, а Хенли — что входит.

Наконец и об этом договорились. Хенли пошел за деньгами, а Дунк потрепал гриву Легконогой и велел ей не унывать.

— Если одержу победу, вернусь и выкуплю тебя — обещаю.— Он не сомневался, что все изъяны кобылы завтра же исчезнут и цена ее возрастет вдвое против нынешней.

Лошадник дал ему три золотых, а остальные отсчитал серебром. Дунк попробовал золотую монету на зуб и улыбнулся. Он никогда этого прежде не делал, да и золота в руках не держал. Золотые назывались «драконами», потому что с одной стороны на них был вытиснен трехглавый дракон Таргариенов, а с другой — изображение короля. На двух монетах Хенли был портрет короля Даэрона, третья же, старая и порядком потертая, изображала другого человека. Его имя значилось тут же над головой, но Дунк не мог прочесть буквы. Монета была обрезана по краям, и он указал на это Хенли. Лошадник поворчал, однако добавил еще несколько серебряных монет и пригоршню медяков, чтобы восполнить разницу. Дунк отдал часть меди обратно и сказал, кивнув на Легконогую:

— Это для нее. Пусть ей вечером дадут овса. И яблоко.

Со щитом на руке и мешком, полным старых доспехов, на плече Дунк зашагал по солнечным улицам Эшфорда. Непривычная тяжесть кошелька на боку вселяла в него пьянящее чувство, смешанное с беспокойством. Старик никогда не давал ему в руки больше пары монет. На эти деньги он мог бы прожить целый год. Ну а потом что — Грома продавать? Эта дорожка ведет к попрошайничеству либо разбою. Такой случай больше не повторится — надо рискнуть.

Когда Дунк перешел через брод на южный берег Кокльсвента, утро подошло к концу и на турнирном поле царило оживление. Вино и колбасы шли нарасхват, ученый медведь плясал под выклики своего хозяина: «Медведь, медведь, подходите посмотреть!», жонглеры представляли, деревянные куклы сражались.

Дунк остановился поглядеть, как убивают дракона. Когда кукольный рыцарь снес чудовищу голову и красные опилки посыпались на траву, Дунк засмеялся и бросил девушке два гроша, сказав: «Один за вчерашнее». Она ловко поймала монеты и улыбнулась ему самой милой улыбкой на свете.

Это она просто так улыбается или за деньги? У Дунка никогда еще не было девушки, и он их побаивался. Как-то три года назад старик, получив расчет за полугодовую службу у слепого лорда Флорента, заявил, что сведет Дунка в бордель, где его сделают мужчиной. Но он сказал это спьяну, а когда протрезвел, то все позабыл, Дунк же постеснялся ему напомнить. Притом парню не слишком хотелось иметь дело со шлюхой. Он мечтал если уж не о благородной девице, которая полагалась бы ему как рыцарю, то хотя бы о такой, которой понравился бы он сам, а не его серебро.

— Не желаете ли разделить со мной рог эля? — спросил он у кукольницы, которая запихивала кровавые опилки обратно в дракона.— Или съесть колбаску? Я пробовал вчера — они вкусные, свиные.

— Благодарю, ваша милость, но у нас опять начинается представление.— Девушка убежала к злой толстой дорнийке, водившей кукольного рыцаря, а Дунк остался стоять дурак дураком. Но ему понравилось, как она бегает. Красивая девушка и высокая. Чтобы поцеловаться с такой, на колени становиться не надо. Целоваться Дунк умел. Одна девушка из таверны научила его в Ланниспорте год назад, но она была так мала, что пришлось ей для этого сесть на стол. От этого воспоминания у Дунка запылали уши. Ну не дурак ли он? Ему надо думать о турнире, а не о поцелуях.

Плотники лорда Эшфорда уже белили деревянные барьеры, через которые будут прыгать всадники. Дунк немного понаблюдал за их работой. Пять дорожек располагались с севера на юг, чтобы никому из участников солнце не светило в глаза. На восточной стороне поля ставили трехъярусный павильон под оранжевым навесом, который защитит лордов и дам от солнца и дождя. Зрители будут сидеть на скамейках, но в середине видны четыре стула с высокими спинками: для лорда Эшфорда, королевы турнира и приехавших в гости принцев.

Тут же на восточном краю поставили столб-кинтану, и с дюжину рыцарей упражнялись, стараясь попасть копьем в подвешенный на нем щит. Дунк посмотрел на Бракенского Зверя и на лорда Карона с Пограничья. «Я держусь в седле не так хорошо, как они»,— с тревогой подумал он.

В других местах пешие рыцари нападали друг на друга с деревянными мечами, а их оруженосцы стояли тут же, выкрикивая забористые советы. Крепкий юноша пытался сдержать натиск мускулистого рыцаря, гибкого и проворного, как дикий кот. У обоих на щитах было красное яблоко Фоссовеев, но щит юноши противник скоро разнес в щепки.

— Это яблочко еще не созрело,— присовокупил победитель, рубанув младшего по шлему. Побежденный Фоссовей был весь в крови и синяках, другой же почти и не запыхался. Подняв забрало, победитель увидел Дунка и позвал:

— Эй, вы там. Ну да, вы. Рыцарь Крылатой Чаши. Что это у вас — длинный меч?

— Он мой по праву,— вызывающе ответил Дунк.— Я сьер Дункан Высокий.

— А я сьер Стеффон Фоссовей. Не хотите ли сразиться со мной, сьер Дункан Высокий? Неплохо бы для разнообразия скрестить мечи с кем-нибудь другим. Мой кузен еще не дозрел, как видите.

— Соглашайтесь, сьер Дункан,— подзадорил побитый Фоссовей, снимая шлем.— Я, может, и не дозрел, зато мой кузен прогнил до сердцевины. Выбейте-ка из него семечки.

Дунк покачал головой. На что ему мешаться в ссору между этими дворянами?

— Благодарю вас, сьер, но меня ждут дела.— Неуютно это — носить при себе такие деньги. Чем раньше он расплатится с Железным Пейтом и заберет доспехи, тем лучше.

Сьер Стеффон посмотрел на него с презрением.

— Межевого рыцаря ждут дела.— Он посмотрел по сторонам и наметил себе другого противника.— Сьер Гранс, давайте сразимся. Я уже изучил наизусть все убогие приемы моего кузена, а сьеру Дункану надо срочно вернуться на межу. Пойдемте же.

Дунк удалился, красный до ушей. У него самого в запасе было не так много приемов, убогих или нет, и он ни с кем не хотел вступать в бой до турнира. Старик всегда говорил, что чем лучше ты знаешь своего противника, тем проще его одолеть. Такие рыцари, как сьер Стеффон, мигом подмечают чу-

жие слабости. Дунк был силен и проворен, имел большой вес и длинные руки, но не льстил себе надеждой, что может сравниться с другими в мастерстве. Сьер Арлан обучил его всему, что знал сам, но старик даже смолоду не входил в число первых бойцов. Прославленные рыцари не скитаются от одной межи к другой и не умирают на большой дороге. Со мной будет по-иному, поклялся про себя Дунк. Я докажу вам всем, что я не просто межевой рыцарь.

— Сьер Дункан,— воскликнул молодой Фоссовей, догнав его.— Мне не следовало уговаривать вас сразиться с моим кузеном. Я рассердился, что он так важничает, а вы такой большой — вот я и подумал... короче, я был не прав. Вы ведь без доспехов. Он мог бы сломать вам руку или колено. Он любит наносить людям увечья в учебных боях, чтобы потом, на турнире, они оказались слабее его.

— Вам он, однако, ничего не сломал.

— Да, но мы ведь родня, хотя он принадлежит к старшей ветви яблони, о чем неустанно мне напоминает. Меня зовут Раймун Фоссовей.

— Рад знакомству. Вы с кузеном оба участвуете в турнире?

— Только он. Я бы тоже хотел, но я пока только оруженосец. Кузен обещал посвятить меня в рыцари, но утверждает, что я еще не дозрел до этого.— У Раймуна были широкое лицо, вздернутый нос, короткие всклокоченные волосы, но улыбка искупала все изъяны.— А вот вы, я думаю, непременно выйдете на бой. В чей щит вы намерены ударить?

— Мне все равно,— ответил Дунк подобающим образом, хотя ему было далеко не все равно.— Я вступлю в состязание только на третий день.

— Да, к тому времени защитники начнут выходить из строя. Что ж, пусть улыбнется вам Воитель, сьер.

— И вам тоже.— «Он до сих пор оруженосец, а я лезу в рыцари. Кто же из нас дурак?» Серебро в кошельке Дунка позвякивало на каждом шагу, но он знал, что может потерять его в один миг. Даже турнирные правила против него — едва ли ему повезет встретить неопытного или слабого противника.

Турнир мог проводиться на дюжину разных ладов в зависимости от воли лорда-устроителя. Можно устроить потешный бой между двумя отрядами рыцарей или общую свалку, где победителем считается последний, кто устоит на ногах. Можно также провести ряд поединков, где противники подбираются либо по жребию, либо хозяином игр.

Лорд Эшфорд объявил этот турнир в честь тринадцатых именин своей дочери. Девица будет сидеть рядом с отцом, как Королева Любви и Красоты. Пять рыцарей будут выступать как ее защитники. Все остальные могут вызывать их на бой, но всякий, кто победит защитника, становится защитником сам, пока не уступит место другому бойцу. К концу третьего дня состязаний пятеро действующих защитников решат, удержит ли королева турнира свой титул или же он перейдет к другой.

Дунк, глядя на травяное поле и пустые места для зрителей, взвешивал свои возможности. Одна победа — больше ему не нужно. Тогда он сможет объявить себя одним из победителей Эшфордского турнира, хотя бы пробыл таковым только час. Старик дожил чуть ли не до шестидесяти лет, а победителем не бывал ни разу. На одну победу надеяться можно, только бы боги были милостивы. Дунк вспомнил все песни, которые слышал: о слепом Симеоне Звездоглазом, благородном Сервине Зеркальный Щит, принце Аэмоне, Рыцаре-Драконе, о сьере Риаме Редиуне и Флориане-Дураке. Все они побеждали гораздо более сильных врагов. Но все они были герои и благородные мужи, кроме Флориана. «А кто такой я? Дунк из Блошиной Ямы? Или сьер Дункан Высокий?» Скоро он это узнает. Дунк тряхнул мешком с доспехами и направился к торговым рядам искать Железного Пейта.

Эг в лагере потрудился на славу. Дунк остался доволен тем, что его оруженосец не сбежал.

— Ну как, хорошую цену вам дали за кобылу? — спросил мальчик.

— Почем ты знаешь, что я ее продал?

— Вы уехали верхом, а возвращаетесь пешком — но если бы у вас ее украли, вы были бы здорово сердиты.

— Мне хватило, чтобы купить вот это.— Дунк достал новые доспехи.— Рыцарь должен уметь отличать хорошую сталь от

плохой. Смотри сюда: это хорошая работа. Кольчуга двойная, каждое звено сцепляется с двумя другими, видишь? Такая защищает лучше, чем одинарная. А шлем Пейт сделал круглый. Меч или топор отскочат от него, а плоский могли бы разрубить.— Дунк надел шлем на себя.— Ну как?

— У него нет забрала,— заметил Эг.

— Зато есть щели для глаз. Забрало — самое слабое место.— Железный Пейт тоже так сказал.— Знал бы ты, сколько рыцарей получили стрелу в глаз, когда подняли забрало, чтобы глотнуть свежего воздуха!!

— И гребня нет. Он совсем простой.

— Мне такой и нужен.— Дунк снял шлем.— Видишь, как блестит? Поддерживать этот блеск — твое дело. А кольчугу ты умеешь чистить?

— Это делают в бочке с песком, но у нас нет бочки. А шатер вы заодно не купили, сьер?

— Я не настолько много выручил.— Парень чересчур нахален — надо выбить из него для его же блага. Но Дунк знал, что не сделает этого. Дерзость ему нравилась — он и сам хотел бы быть посмелее. «Мой оруженосец не только храбрее, но и умнее меня».— Ты хорошо поработал, Эг. Завтра я возьму тебя с собой. Посмотришь на турнирное поле. Купим овса лошадям, а себе свежего хлеба. Может, и сыру прихватим, если найдем хороший.

— Но в замок мне не надо будет идти?

— Почему бы и нет? В будущем я сам намерен поселиться в замке и надеюсь перед концом заслужить себе место выше солонки.

Мальчик промолчал. Боится, видно, заходить в господский дом, решил Дунк. Иного от него и ждать не приходится. Ну ничего, с годами пройдет. Дунк снова стал любоваться своими доспехами, гадая, надолго ли сохранит их.

Сьер Манфред был худощавый человек с кислым лицом. Он носил черный камзол с пурпурной молнией Дондарриона, но Дунк и без того бы узнал его по гриве золотисто-рыжих волос.

— Сьер Арлан служил лорду, вашему отцу, когда тот с лордом Кароном выкуривал Короля-Стервятника из Красных гор, сьер,— сказал Дунк, преклонив колено.— Я был тогда мальчишкой, но уже выполнял обязанности оруженосца. Сьер Арлан из Пеннитри.

— Не помню такого. И тебя тоже, мальчик,— нахмурился сьер Манфред.

Дунк показал ему щит старика:

— Вот его девиз — крылатая чаша.

— Лорд, мой отец, повел тогда в горы восемьсот рыцарей и около четырех тысяч пехоты. Не могу же я помнить их всех вместе с их щитами. Может, ты и был тогда с нами, но...— *Сьер Манфред пожал плечами.*

Дунк на миг онемел. «Старик был ранен на службе у твоего отца — как же ты его не помнишь?»

— Меня не допустят на турнир, если другой лорд или рыцарь не поручится за меня.

— Что мне до этого? Довольно, сьер, я уже уделил вам достаточно времени.

Если он вернется в замок без лорда Манфреда, все пропало. Дунк посмотрел на пурпурную молнию, вышитую на черном шерстяном камзоле сьера Манфреда, и сказал:

— Я помню, как ваш отец рассказывал в лагере о происхождении вашего родового герба. В одну грозовую ночь, когда ваш предок вез послание через дорнийские земли, стрела убила его коня, и он свалился наземь. Из мрака вышли двое дорнийцев в кольчугах и высоких шлемах, его же меч сломался при падении. Ваш предок подумал уже, что он обречен, но, когда враги приблизились, чтобы прикончить его, пурпурная молния ударила с неба и поразила дорнийцев в их броне прямо на месте. Вовремя доставленное послание помогло Грозному Королю одержать победу над Дорном, и в награду он пожаловал гонцу дворянство. Став первым лордом Дондарриона, воин поместил на своем гербе раздвоенную пурпурную молнию, а полем стало черное звездное небо.

Если Дунк полагал, что эта история поразит сьера Манфреда, он горько заблуждался.

— Каждый кухонный мальчишка и конюх, когда-либо служивший у моего отца, знает это предание. Знакомство с ним еще не делает вас рыцарем. Ступайте прочь, сьер.

С тяжелым сердцем вернулся Дунк в замок Эшфорда. Как убедить Пламмера допустить его на турнир? Но в башенке распорядителя не оказалось. Часовой сказал Дунку, что Пламмер, должно быть, в большом зале.

— Может, я здесь подожду? — сказал Дунк.— Долго ли он там пробудет?

— Откуда мне знать? Поступайте, как хотите.

Большой зал был не столь уж большим — впрочем, и замок был невелик. Дунк вошел туда через боковую дверь и сразу увидел распорядителя. Тот стоял с лордом Эшфордом и еще полудюжиной человек в дальнем углу зала. Дунк направился к ним вдоль гобеленов с вытканными на них цветами и фруктами.

— ...Говорил бы по-другому, будь это твои сыновья, бьюсь об заклад,— сердито произнес мужчина с прямыми волосами и квадратной бородой — такими светлыми, что они казались белыми в полумраке, но Дунк, подойдя ближе, разглядел, что на самом деле волосы серебристые с золотым отливом.

— Даэрон не в первый раз такое выкидывает,— ответил другой, которого заслонял от Дунка Пламмер.— Не надо было посылать его на турнир. Он здесь не более уместен, чем Аэрис или Раэгель.

— Ты хочешь сказать, что он скорее оседлает шлюху, чем коня,— сказал первый. Плотный, могучего сложения принц — это был явно принц — носил кожаный панцирь с серебряными заклепками под тяжелым черным плащом, подбитым горностаем. Серебристая борода не могла прикрыть целиком оспин на лице.— Нет нужды напоминать мне о недостатках моего сына, брат. Ему всего восемнадцать, и он еще может исправиться. И он исправится, клянусь богами, а если нет, то расстанется с жизнью.

— Не валяй дурака. Даэрон такой, каков он есть, но в нем все же течет наша с тобой кровь. Я не сомневаюсь, что сьер Роланд отыщет его, а заодно и Аэгона.

— Да только турнир к тому времени кончится.

— Здесь Аэрион — и он лучше орудует копьем, чем Даэрон, если тебя только турнир волнует.

Теперь Дунк видел того, кто говорил. Тот сидел на высоком стуле, с пергаментными листами в руке. Лорд Эшфорд стоял за его плечом. Даже сидя, этот человек казался на голову выше остальных — это подтверждалось длиной его вытянутых рук. В коротко остриженных темных волосах проглядывала проседь, крепкий подбородок был чисто выбрит. Нос у него явно был сломан, и не один раз. Несмотря на простую одежду — облегающий зеленый камзол, бурый плащ и потертые сапоги,— от него веяло властью и уверенностью.

Дунк смекнул, что ему, пожалуй, не следует слушать, о чем тут говорят. Лучше убраться отсюда и зайти попозже, подумал он, но опоздал. Принц с серебристой бородой его заметил.

— Кто ты и как смеешь врываться сюда? — резко осведомился он.

— Это тот рыцарь, которого ждет наш добрый управитель,— вмешался сидящий, улыбаясь Дунку так, словно знал о его присутствии с самого начала.— Скорее это мы с тобой, брат, вторглись сюда, а не он. Подойдите, сьер.

Дунк двинулся вперед, не зная, чего ожидать дальше. Он взглянул на Пламмера, но помощи не дождался. Узколицый управитель, напористый вчера, молча глядел в пол.

— Любезные лорды,— сказал Дунк,— я просил сьера Манфреда Дондарриона поручиться за меня, но он отказывается, говоря, что не знает меня. И все же сьер Арлан служил у него, клянусь. У меня остались щит и меч старого рыцаря, и...

— Щит и меч еще не делают рыцарем,— заявил лорд Эшфорд, крупный и лысый, с круглым красным лицом.— Пламмер говорил мне о вас. Даже если эти вещи принадлежат сьеру Арлану из Пеннитри, очень может статься, что вы нашли его мертвым и присвоили их. Быть может, вы имеете еще что-то в подтверждение своих слов — какую-нибудь грамоту или...

— Я помню сьера Арлана из Пеннитри,— сказал человек на стуле.— Насколько я знаю, он никогда не побеждал на турнирах, но всегда сражался с честью.

Шестнадцать лет назад в Королевской Гавани он повалил в общей стычке лорда Стокворта и бастарда Харренхальского, а еще раньше в Ланниспорте спешил самого Седого Льва. Тогда, правда, этот лев еще не был сед.

— Да, он мне об этом много раз рассказывал,— сказал Дунк.

Сидящий пристально посмотрел на него.

— Тогда вы должны знать настоящее имя Седого Льва.

В голове у Дунка образовалась полная пустота. Ведь старик же тысячу раз говорил... лев, лев, как же его звать? Дунк был близок к отчаянию, и тут его осенило.

— Сьер Дамон Ланнистер! Седой Лев! Теперь он — лорд Кастерли-Рок.

— Верно,— приветливо сказал высокий, тряхнув своими бумагами,— и завтра он выходит на поле.

— Как ты можешь помнить какого-то межевого рыцаря, который когда-то случайно спешил Дамона Ланнистера? — нахмурился принц с серебристой бородой.

— Я взял за правило знать о моих противниках все.

— Как это тебя угораздило выбрать себе в противники межевого рыцаря?

— Это было девять лет назад, в Приюте Бурь. Лорд Баратеон устроил турнир в честь рождения внука, и мне в первом поединке по жребию достался сьер Арлан. Мы сломали четыре копья, прежде чем я наконец спешил его.

— Семь копий,— поправил Дунк,— и он тогда сражался с принцем Драгонстонским.— И тут до него дошло. Дунк-чурбан, темный, как погреб, явственно послышалось ему.

— Так оно и было,— ласково улыбнулся принц со сломанным носом.— Истории с годами приукрашиваются. Не думайте плохо о своем наставнике, но боюсь, что сломали мы все-таки четыре копья.

Хорошо, что в зале стоял полумрак — Дунк чувствовал, как горят у него уши.

— Ваша милость.— Нет, не так.— Ваше высочество... Конечно, их было четыре, и я вовсе не хотел...— Дунк упал на колени и склонил голову.— Старик, сьер Арлан, всегда говорил, что я темен, как погреб, и туп, как зубр.

— Вы и сильны, как зубр, судя по виду,— сказал Баэлор Сломи Копье.— Ничего страшного не случилось. Встаньте, сьер.

Дунк встал, думая о том, должен ли он держать голову склоненной или, может, смотреть прямо на принца. «Я говорю с Баэлором Таргариеном, принцем Драгонстонским, Рукой Короля и наследником Железного Трона Аэгона Завоевателя».

О чем может межевой рыцарь говорить с такой персоной?

— Я... я помню, вы вернули ему коня и доспехи, не взяв выкупа,— промямлил Дунк.— Старик... сьер Арлан говорил, что вы душа рыцарства и что когда-нибудь Семь королевств расцветут в ваших руках.

— Я молюсь, чтобы это случилось как можно позже.

— О, конечно.— Дунк ужаснулся и чуть было не ляпнул, что вовсе не желал смерти королю, но вовремя остановился.— Прошу прощения, ваша милость... то есть ваше высочество.

Дунк с запозданием сообразил, что сребробородый называл принца Баэлора братом. «Значит, он тоже из рода дракона, чтоб мне пусто было, дураку». Это, конечно же, принц Маэкар, младший из четырех сыновей короля Даэрона. Принц Аэрис — книжник, а принц Раэгель хвор, и с головой у него неладно. Никто из них двоих не поехал бы в такую даль ради турнира, а вот Маэкар, говорят, воин хоть куда, хотя и уступает старшему брату.

— Вы хотите участвовать в турнире, так? — спросил принц Баэлор.— Решение зависит от хозяина игр, но я не вижу причин вам отказывать.

— Как будет угодно вашему высочеству,— склонил голову распорядитель. Дунк забормотал слова благодарности, но принц Маэкар махнул на него рукой:

— Отлично, сьер, мы понимаем, как вы благодарны принцу. А теперь ступайте.

— Простите моего благородного брата, сьер,— сказал принц Баэлор.— Два его сына пропали, не доехав сюда, и он за них опасается.

— Ручьи и реки вздулись из-за весенних дождей,— сказал Дунк.— Быть может, принцы просто задержались в пути.

— Без советов межевого рыцаря я уж как-нибудь обойдусь,— заявил Маэкар брату.

— Вы можете идти, сьер,— доброжелательно произнес принц Баэлор.

— Да, ваша милость.— Дунк повернулся, чтобы уйти, но принц окликнул его:

— Еще одно, сьер. Вы ведь не родственник сьеру Арлану?

— Да... то есть нет, не родственник.

Принц указал на потертый щит с изображением крылатой чаши.

— По закону только сын, рожденный в браке, может унаследовать рыцарский герб. Вам нужно придумать себе новый девиз, сьер, свой собственный.

— Хорошо. Примите мою благодарность и за это, ваше высочество. Я буду сражаться храбро, вот увидите.

«Храбро, как Баэлор Сломи Копье», как часто говорил старик.

Виноторговцы и колбасники бойко отпускали свой товар, и продажные женщины открыто таскались между палатками. Среди них попадались и миловидные, особенно одна рыженькая. Дунк не мог не глазеть на ее груди, которые трепетали под сорочкой. В кошельке еще осталось немало серебра, и он думал: «Я мог бы иметь ее. Купить ее за звонкую монету. Мог бы отвести ее в свой лагерь и пробыть с ней всю ночь, если б захотел». Он ни разу еще не был с женщиной, и очень возможно, что его убьют в первом же бою. Турниры — дело опасное... впрочем, и шлюхи тоже, старик его об этом предостерегал. Девка может ограбить его, пока он будет спать... и что тогда делать? В итоге, когда рыжая оглянулась через плечо, Дунк потряс головой и зашагал прочь.

Эга он нашел около кукольников — тот сидел на земле, поджав ноги и натянув капюшон на свою плешивую голову. Мальчишка не захотел идти в замок — Дунк приписал это робости. Парнишка, конечно, стесняется лордов и дам, не говоря уж о принцах. Дунк тоже был таким в детстве. Мир за

пределами Блошиной Ямы казался ему столь же пугающим, сколь и притягательным. Со временем Эг освоится, а пока что Дунк счел за лучшее дать ему несколько медных монет и предоставить развлекаться в свое удовольствие. Не тащить же парня в замок насильно.

Сегодня кукольники представляли сказку о Флориане и Жонкиль. Толстая дорнийка водила Флориана в его разномастных доспехах, а высокая девушка — Жонкиль.

— Никакой ты не рыцарь,— говорила она, а кукла открывала и закрывала рот в лад ее словам.— Я тебя знаю — ты Флориан-Дурак.

— Так и есть, госпожа моя,— отвечал Флориан, преклонив колени.— Свет еще не видал такого дурака — и такого славного рыцаря.

— Как — и дурак, и рыцарь? Никогда о таком не слыхивала.

— Прекрасная госпожа, все мужчины и дураки, и рыцари, когда дело касается женщин.

Представление было хорошее, грустное и веселое вместе. В конце произошел отменный бой на мечах, и кукольный великан был сделан на славу. Доиграв сказку, толстуха стала обходить зрителей, собирая монеты, а девушка — убирать кукол. Дунк, прихватив Эга, подошел к ней.

— Ваша милость,— сказала она с мимолетной улыбкой.

Она была на голову ниже Дунка, но все-таки выше всех девушек, которых он встречал до сих пор.

— Хорошая работа,— выпалил Эг.— Мне нравится, как вы их водите — Жонкиль, и дракона, и других. Куклы, которых я видел в прошлом году, уж очень дергались, а ваши движутся плавно.

— Спасибо,— вежливо ответила девушка.

— И куклы у вас хорошие,— добавил Дунк.— Особенно дракон — страшный зверюга. Вы их сами делаете?

— Да. Дядя выстругивает их, а я раскрашиваю.

— А мой щит не раскрасите? Деньги у меня есть.— Дунк снял щит с плеча и повернул к девушке.— Мне надо нарисовать что-нибудь поверх этой чаши.

— Что же вы хотите нарисовать?

Дунк об этом еще не думал. Если не чаша, то что? В голове было пусто. Эх ты, Дунк, темный, как погреб.

— Н-не знаю,— промямлил он, и уши у него запылали.— Я вам, наверно, кажусь полным дураком?

— Все мужчины дураки, и все они рыцари,— улыбнулась она.

— А какие краски у вас есть? — спросил он, надеясь, что это наведет его на мысль.

— Я могу смешивать их и получать любые цвета.

Бурый щит старика всегда казался Дунку унылым.

— Пусть поле будет как закат,— сказал он внезапно. Старик любил закаты.— А девиз...

— Вяз,— подсказал Эг.— Большой вяз... и падучая звезда над ним. Сможете нарисовать все это?

Девушка кивнула:

— Оставьте мне щит. Ночью я его раскрашу, а утром верну вам.

Дунк отдал ей щит.

— Меня зовут сьер Дункан Высокий.

— А меня Тансель,— засмеялась она.— Тансель Длинная, как дразнят меня мальчишки.

— Вовсе вы не длинная,— выпалил Дунк.— Вы как раз подходите...— Тут он спохватился и побагровел.

— Для чего? — спросила Тансель, склонив голову набок.

— Чтобы кукол водить.

Настал первый день турнира, ясный и солнечный. Дунк накупил целый мешок провизии, и они славно позавтракали гусиными яйцами, поджаренным хлебом и ветчиной, но Дунк еще во время стряпни обнаружил, что есть не хочет. Живот у него затвердел, как доска, хотя он и не собирался сражаться сегодня. Право первого вызова принадлежит высокородным, прославленным рыцарям — лордам, их сыновьям и победителям прошлых турниров.

Эг за едой все время болтал, обсуждая достоинства тех и других бойцов. Он не соврал, сказав, что знает всех рыцарей в Семи королевствах. Дунку казалось унизительным слушать столь внимательно какого-то жалкого оборвыша, но сведения

Эга могли пригодиться ему при столкновении с одним из этих рыцарей.

Луг был полон народу, и все старались протолкаться вперед, чтобы лучше видеть. Дунк умел работать локтями не хуже других, а ростом был повыше очень многих, поэтому ему удалось пробиться к пригорку в шести ярдах от изгороди. Эг пожаловался, что видит одни зады, и Дунк посадил его себе на плечи. Павильон по ту сторону поля заполнялся высокородными лордами и дамами наряду с толикой богатых горожан и парой десятков рыцарей, решивших не выходить сегодня на поле. Принца Маэкара не было видно, но Дунк сразу узнал принца Баэлора рядом с лордом Эшфордом. Золотые застежки его плаща и легкая корона сверкали на солнце, но, если не считать этого, он был одет гораздо проще большинства лордов. Он даже на Таргариена не похож со своими темными волосами, подумал Дунк и поделился своей мыслью с Эгом.

— Говорят, он пошел в свою мать, дорнийскую принцессу,— ответил мальчик.

Пятеро защитников поставили свои шатры на северном конце ристалища, у самой реки. На двух оранжевых, что были поменьше остальных, висели щиты с белым знаком солнца и шеврона — они принадлежали сыновьям лорда Эшфорда Эндроу и Роберту, братьям королевы турнира. Дунк никогда не слышал, чтобы их особенно хвалили — скорее всего, они выйдут из строя первыми.

Рядом с оранжевыми стоял намного более высокий темно-зеленый шатер с золотой розой Хайгарденов — она же была изображена на зеленом щите у входа.

— Это Лео Тирелл, лорд Хайгарден,— сказал Эг.

— Без тебя знаю,— раздраженно бросил Дунк.— Мы со стариком служили у Хайгарденов, когда ты еще не родился.— Дунк и сам плохо помнил тот год, но сьер Арлан часто говорил о Лео Длинном Шипе, как его иногда называли,— несравненном бойце, несмотря на седину в волосах.— Должно быть, это сам лорд Лео у палатки — тот стройный рыцарь с седой бородой, в зеленом с золотом наряде.

— Да,— подтвердил Эг.— Я как-то видел его в Королевской Гавани. С ним вам лучше не выходить на бой, сьер.

— Тебя не спросили.

Четвертый шатер был сшит из бубновых тузов, красных и белых вперемешку. Дунк не знал, чьи это цвета, но Эг сообщил, что они принадлежат рыцарю из Арринской долины, по имени сьер Хамфри Хардинг.

— Он вышел победителем из свалки на Мэйденпулском турнире прошлого года, сьер, а на ристалище победил сьера Доннела из Дускендаля и лордов Аррина и Ройса.

Последний павильон принадлежал принцу Валарру. Он был из черного шелка, и заостренные алые вымпелы свисали с его кровли, как языки пламени. На черном лаковом щите красовался трехглавый дракон дома Таргариенов. Рядом стоял один из королевских рыцарей, блистая белыми доспехами на черном фоне шатра.

Дунку хотелось бы знать, осмелится ли кто-нибудь из рыцарей коснуться копьем щита с драконом. Валарр как-никак внук короля и сын Баэлора Сломи Копье.

Дунку недолго пришлось беспокоиться. Затрубили рога, вызывая охотников сразиться и подавая знак защитникам королевы выйти на поле. Толпа взволнованно загудела, когда противники показались один за другим на южном конце ристалища. Герольды поочередно выкликали имена каждого из рыцарей. Те останавливались перед павильоном, чтобы склонить копья, воздавая честь лорду Эшфорду, принцу Баэлору и королеве, а затем ехали в северный конец поля, чтобы выбрать себе соперника. Седой Лев из Кастерли-Рок ударил в щит лорда Тирелла, а его златокудрый наследник сьер Тибольт Ланнистер вызвал старшего сына лорда Эшфорда. Лорд Тулли из Риверрана выбрал расписанный бубнами щит сьера Хамфри Хардинга. Сьер Абеляр Хайтавер коснулся щита Валарра, а младшего Эшфорда вызвал сьер Лионель Баратеон по прозвищу Смеющийся Вихрь.

Затем рыцари-охотники снова отъехали в южный конец поля, чтобы там дождаться своих противников: сьер Абеляр в цветах серебра и дыма, с каменной башней, увенчанной пламенем, на щите; двое Ланнистеров в багряном, с золотом льва Кастерли-Рока; Смеющийся Вихрь в золотой парче, с черным оленем на груди и щите и железными оленьими рогами на

шлеме; лорд Тулли в красно-синем полосатом плаще с застежками в виде серебряных форелей. Они подняли вверх свои двенадцатифутовые копья, и вымпелы заполоскались на ветру.

На северном конце поля оруженосцы подвели защитникам коней в ярко разукрашенной броне. Рыцари надели шлемы и взяли в руки копья и щиты, не уступая великолепием своим соперникам. Эшфорды щеголяли оранжевыми шелками, сьер Хамфри — красно-белыми бубнами, белый конь лорда Лео был покрыт зеленой атласной попоной с узором из золотых роз. Конь Валарра Таргариена, молодого принца, был черен как ночь, в цвет доспехам, копью, щиту и попоне. На шлеме у всадника распростер крылья трехглавый дракон, покрытый ярко-красной эмалью; такой же смотрел с блестящего черного щита. Каждый из защитников имел на руке повязку из оранжевого шелка — знак служения королеве.

Защитники выехали на позицию, и Эшфордский луг затих. Затем протрубил рог, и тишина в тот же миг сменилась гомоном. Десять пар позолоченных шпор вонзились в бока скакунов, тысячи голосов завопили разом, сорок кованых копыт взрыли траву, десять копий опустились. Поле словно содрогнулось, и пять пар рыцарей сшиблись под оглушительный треск дерева и стали. Еще миг — и все противники разъехались, повернув на другой заход. Лорд Тулли пошатнулся, но удержался в седле. Зрители, увидев, что все десять копий сломаны, разразились одобрительным ревом. Это был добрый знак для начала турнира и свидетельство высокого мастерства участников.

Оруженосцы подали рыцарям новые копья взамен сломанных, и шпоры снова вонзились в конские бока. Дунку показалось, что земля дрогнула у него под ногами. Эг наверху вопил во всю глотку и размахивал тощими ручонками. Молодой принц промчался рядом с ними. Дунк видел, как черное копье Валарра ткнулось в сторожевую башню на щите противника, соскользнуло и задело грудь, а копье сьера Абеляра разбилось о панцирь принца. Серый жеребец в серой с серебром попоне при столкновении взвился на дыбы, и сьер Абеляр Хайватер, потеряв стремена, грянулся наземь.

Лорд Тулли тоже упал, сбитый сьером Хамфри Хардингом, но тут же вскочил и выхватил меч, а сьер Хамфри отбросил оставшееся целым копье и сошел с коня, чтобы продолжать бой пешим. Сьер Абеляр упал не столь успешно. Оруженосец подбежал, снял с него шлем, позвал на помощь, и двое служителей, взяв оглушенного рыцаря под руки, повели его обратно к шатру. Шесть рыцарей, оставшихся в седле, повернули на третий заход. Копья хрустнули снова, и на сей раз лорд Лео Тирелл нацелился столь удачно, что сбил шлем с головы Седого Льва. Лорд Кастерли-Рок, оставшись с открытым лицом, поднял руки и спешился, сдавшись сопернику. Сьер Хамфри тем временем тоже вынудил лорда Тулли сдаться, проявив с мечом не меньшее мастерство, чем с копьем.

Тибольт Ланнистер и Эндроу Эшфорд сшибались еще трижды, пока сьер Эндроу не проиграл бой, упустив разом щит и стремена. Младший Эшфорд продержался еще дольше, сломав не менее девяти копий о Смеющегося Вихря. На десятый раз оба вылетели из седла, но продолжили бой с палицей против меча.

Сьер Роберт Эшфорд под ударами палицы вскоре признал себя побежденным, но его отец при этом не выказал ни малейшего неудовольствия. Хотя оба сына лорда Эшфорда и выбыли из числа защитников, они проявили себя достойно в борьбе с лучшими рыцарями Семи королевств.

«Но я должен проявить себя еще лучше,— подумал Дунк при виде того, как победитель и побежденный, обнявшись, вместе уходят с поля.— Мне недостаточно сразиться храбро и с честью проиграть. Я должен выиграть хотя бы первый бой, иначе я потеряю все».

Сьер Тибольт Ланнистер и Смеющийся Вихрь заняли места среди защитников, заменив побежденных ими рыцарей. Оранжевые шатры уже разбирались. Молодой принц отдыхал на походном стуле перед своей черной палаткой, сняв шлем. В его темных, как у отца, волосах сверкала серебряная прядь. Слуга поднес ему кубок, и принц выпил глоток. Если он умен — это вода, подумал Дунк, если нет — вино. Пока непонятно, то ли принц унаследовал все же толику боевой мощи своего отца, то ли ему просто достался слабый противник.

Трубы возвестили о появлении на поле еще трех охотников. Герольды выкликнули: «Сьер Пиэрс из дома Каронов, владетелей Пограничья». На щите этот рыцарь носил серебряную арфу, на камзоле же были вышиты соловьи.

«Сьер Джосет Маллистер из Сигарда». В крылатом шлеме и с серебряным орлом на индиговом щите. «Сьер Гавен Сван, владетель Стонхельма на Мысе Гнева». В гербе этого рыцаря сражались два лебедя, черный и белый, а его плащ, доспехи и убранство коня также представляли собой смешение черного и белого, вплоть до полос на ножнах и копье.

Лорд Карон, арфист, певец и прославленный воин, коснулся копьем розы лорда Тирелла. Сьер Джосет ударил в бубновый щит сьера Хамфри Хардинга, а черно-белый рыцарь, лорд Гавен Сван, вызвал черного принца, охраняемого белым стражем. Дунк потер подбородок. Лорду Гавену лет еще больше, чем старику, а старика уже нет в живых.

— Эг, кто самый слабый из рыцарей-охотников? — спросил он мальчишку у себя на плечах, который, похоже, знал все на свете.

— Лорд Гавен,— тут же ответил Эг.— Противник Валарра.

— Принца Валарра,— поправил Дунк.— Оруженосец должен выражаться учтиво.

Трое охотников заняли свои места, а трое защитников сели на коней. Зрители в толпе заключали пари и громко подбадривали тех, на кого ставили, но Дунк смотрел только на принца. На первом заходе он нанес по щиту лорда Гавена скользящий удар, как и в случае со сьером Абеляром Хайтавером, только теперь тупой наконечник копья ушел мимо, в воздух, лорд Гавен же попал принцу прямо в грудь, и тот с трудом удержался в седле.

На второй раз принц направил копье влево, целя противнику в грудь, но попал в плечо. Тем не менее старый рыцарь выронил копье, замахал рукой, стараясь удержать равновесие, и упал. Молодой принц соскочил с седла, выхватывая меч, но упавший остановил его выразительным жестом, поднял забрало и прокричал:

— Я сдаюсь, ваше высочество. Это был славный удар.

— Славный удар! Славный удар! — подхватили лорды в павильоне для зрителей, а Валарр, опустившись на колени, помог седовласому рыцарю встать.

— Никакой он не славный,— заявил Эг.

— Молчи, не то отправишься снова в лагерь.

Сьера Джосета Маллистера между тем унесли с поля без чувств, а рыцарь арфы и рыцарь розы колошматили друг друга затупленными топорами к восторгу ревущей толпы. Дунк так засмотрелся на Валарра Таргариена, что почти не замечал этого. «Он неплохой боец, но не более того. С ним я мог бы сладить,— говорил себе Дунк.— По милости богов я мог бы даже спешить его, а в пешем бою мой вес и сила решили бы дело».

— Бей его! — вопил Эг, ерзая на плечах у Дунка.— Бей его! Вот так! Давай! — Похоже, он подбадривал лорда Карона. Арфист играл музыку особого рода, звеня сталью о сталь и шаг за шагом тесня лорда Лео. Толпа разделилась надвое, и приветственные крики смешивались с руганью. Щепки и краска летели со щита лорда Лео — лорд Пиэрс сшибал лепестки с его золотой розы один за другим, и наконец щит раскололся. Но при этом топор лорда Карона на миг завяз в дереве и лорд Лео рубанул по его рукояти, раздробив ее в каком-нибудь футе от руки противника. Отбросив разбитый щит, лорд Лео перешел в наступление, и рыцарь арфы сдался, припав на одно колено.

Все утро и большую часть дня турнир шел тем же порядком: охотники выезжали на поле по два и по три, а то и по пять раз. Трубы трубили, герольды выкликали имена, толпа ревела, копья ломались, как прутья, и мечи звенели о шлемы и кольчуги. Зрелищем наслаждались все — и лорды, и простолюдины. Сьер Хамфри Хардинг и сьер Хамфри Бисбери, храбрый молодой рыцарь в черных с желтым цветах и с тремя ульями на щите, сломали не меньше дюжины копий в славном бою, который после стали называть «битвой двух Хамфри».

Сьер Тибольт Ланнистер, спешенный сьером Джоном Пенрозом, сломал при падении меч, но одержал победу, действуя одним щитом, и остался в рядах защитников. Одноглазый сьер Робин Раслинг, поседелый в боях рыцарь с бородой цвета соли с перцем, потерял шлем при первом столкновении с лордом Лео, но отказался сдаться. Они сшибались еще три раза, и ветер развевал волосы сьера Робина, а острые обломки копий так и свистели вокруг его лица — это было тем примечательнее, что сьер Робин, по словам Эга, лишился глаза как раз от такого вот обломка не далее как пять лет назад. Лео Тирелл был слишком благороден, чтобы целить копьем в незащищенную голову противника, но Дунка все же поразила отвага (или глупость) Раслинга. В конце концов лорд Хайгарден ударил в панцирь сьера Робина над самым сердцем, и тот кубарем вылетел из седла.

Сьер Лионель Баратеон тоже одержал несколько значительных побед. Если противник был слабее его, он разражался смехом, как только тот касался его щита, и продолжал смеяться, садясь на коня, бросаясь в атаку и вышибая другого из седла. Если противник носил фигурный шлем, сьер Лионель норовил сбить этот шлем и швырнуть в толпу. Гребни на шлемах бывали из резного дерева или тонко выделанной кожи, позолоченные, покрытые эмалью, а порой даже из чистого серебра, поэтому пострадавшие рыцари не одобряли такой привычки, зато простой люд радовался напропалую. Со временем сьера Лионеля стали вызывать только рыцари в простых шлемах. Но как громко ни смеялся он над побежденными, Дунк склонялся к мысли, что героем дня должен стать сьер Хамфри Хардинг, поборовший четырнадцать вполне достойных рыцарей.

А молодой принц посиживал себе около черного шатра, попивая из серебряного кубка и время от времени садясь в седло, чтобы победить какого-нибудь рыцаря поплоше. Он одержал девять побед, но Дунку казалось, что все они подстроены. Он бьет стариков и недавних оруженосцев да еще высокородных, но малоискусных лордов. По-настоящему опасные противники проезжают мимо его щита, словно в упор его не видят.

Ближе к вечеру фанфары возвестили о появлении на поле нового охотника.

Он выехал на большом рыжем коне, и сквозь прорези в его черной броне мелькали желтые, багряные и оранжевые цвета. Когда он остановился, чтобы отсалютовать павильону, Дунк

через поднятое забрало увидел его лицо и узнал принца, с которым встретился на конюшне лорда Эшфорда.

Эг стиснул ногами шею Дунка.

— Прекрати,— рявкнул тот, разведя их в стороны.— Ты что, удушить меня хочешь?

— Принц Аэрион Огненный,— объявил герольд,— из Красного замка в Королевской Гавани, сын Маэкара, принца Сам-мерхальского, из дома Таргариенов, внук Даэрона Доброго, короля вандалов, ройнаров и первых людей, правителя Семи королевств.

У Аэриона на щите тоже был трехглавый дракон, но в гораздо более ярких тонах, чем у Валарра: одна голова оранжевая, другая желтая, третья красная, и все они выдыхали золотое пламя. Камзол на принце был цвета огня и дыма, а вороненый шлем венчали языки красного эмалевого пламени.

Очень быстро, почти небрежно склонив копье перед принцем Баэлором, он поскакал к северному концу поля, пронесся мимо шатров лорда Лео и Смеющегося Вихря и придержал коня лишь у шатра принца Валарра. Валарр встал, выпрямившись, у своего щита, и Дунк был почти уверен, что Аэрион вызовет его... но тот со смехом проехал мимо и стукнул копьем прямо в бубны сьера Хамфри Хардинга.

— Выходи, маленький рыцарь,— пропел принц громким, звучным голосом,— настала пора сразиться с драконом.

Сьер Хамфри чопорно склонил голову в ответ и уже не смотрел на принца, садясь на коня, застегивая шлем и принимая копье и щит. Зрители притихли, когда оба рыцаря разъехались по местам. Дунк услышал лязг — это принц Аэрион опустил забрало. Пропел рог.

Сьер Хамфри тронулся с места медленно, набирая скорость, но принц сильно пришпорил своего рыжего скакуна и ринулся вперед. Эг снова напряг ноги и заорал:

— Убей его, вот он, убей его, убей! — Дунк не совсем понимал, которому рыцарю он кричит.

Перелетев через барьер, принц опустил свое копье с золотым наконечником, раскрашенное в красные, оранжевые и желтые полосы. Слишком низко, прикинул Дунк. Так он вместо всадника попадет в коня. Надо бы приподнять копье.

Но тут Дунк с растущим ужасом стал понимать, что принц не намерен этого делать. «Неужели он...»

В последний миг скакун сьера Хамфри отпрянул от летящего навстречу острия, но было слишком поздно. Копье Аэриона пронзило коня над самым краем доспехов, прикрывающих грудь, и вышло из холки со струей яркой крови. Лошадь с пронзительным ржанием рухнула на бок, разломав на куски деревянный барьер. Сьер Хамфри хотел соскочить, но его нога застряла в стремени, и все услышали его крик, когда ее зажало между конем и изгородью.

На Эшфордском лугу поднялся крик. Люди бросились на помощь сьеру Хамфри, но конь в агонии бил копытами, не давая никому подойти. Аэрион, ускакавший в конец поля, галопом вернулся обратно. Он тоже кричал, но Дунк не разбирал слов из-за почти человеческих воплей умирающей лошади. Соскочив с седла, Аэрион вынул меч и приблизился к поверженному противнику. Его собственные оруженосцы вместе с оруженосцем сьера Хамфри пытались оттащить его прочь. Эг съежился на плечах Дунка.

— Сними меня. Несчастный конь... сними меня.

Дунку и самому было тошно. «Что бы я делал, если бы такое случилось с Громом?» Стражник с топором прикончил коня, прекратив его мучения. Дунк повернулся и стал проталкиваться назад. Выбравшись на открытое место, он поставил Эга на землю. Капюшон свалился у мальчугана с головы, и глаза покраснели.

— Да, зрелище жуткое,— сказал Дунк,— но оруженосец должен быть стойким. На турнирах тебе и не такое придется увидеть. Всякие случаи бывают.

— Это не случай,— дрожащими губами проговорил Эг.— Аэрион сделал это нарочно. Ты сам видел.

Дунк нахмурился. Ему тоже так показалось, но не хотелось думать, что рыцарь может быть способен на подобную низость — особенно рыцарь из рода дракона.

— Я видел только, как желторотый юнец неверно наклонил кольцо,— упрямо сказал он,— и больше не желаю об этом слушать. Думаю, сегодня состязаний больше не будет. Пошли.

Дунк не ошибся. Когда суматоха на поле улеглась, солнце опустилось совсем низко, и лорд Эшфорд объявил, что первый день турнира окончен.

Вечерние тени поползли через луг, и в торговом ряду зажглись факелы.

Дунк купил рог эля себе и половину рога мальчугану, чтобы взбодрить его немного. Они прогулялись под залихватский мотив, исполняемый флейтами и барабанами, и посмотрели кукольное представление о Нимерии, королеве-воительнице, имевшей десять тысяч кораблей. Кораблей у кукольников было всегда два, однако морской бой они изобразили на славу. Дунку хотелось спросить Тансель, раскрасила ли она его щит, но она была занята. Подожду, пока они не закончат представлять, решил он. Может, она тогда захочет выпить со мной.

— Сьер Дункан,— позвал кто-то сзади. И опять: — Сьер Дункан.— Дунк не сразу понял, что зовут его.— Я видел вас в толпе народа с мальчишкой на плечах,— с улыбкой сказал Раймун Фоссовей.— Вас двоих трудно было не заметить.

— Мальчик — мой оруженосец. Эг, это Раймун Фоссовей.— Дунк вытолкнул Эга вперед, но тот потупился и чуть слышно промямлил что-то.

— Очень приятно, юноша,— весело сказал Раймун.— Отчего вы не пошли смотреть на галерею, сьер Дункан? Там привечают всех рыцарей.

Дунку среди слуг и простолюдинов было в самый раз — с лордами, дамами и состоятельными рыцарями он чувствовал бы себя куда хуже.

— Последний поединок мне не хотелось бы наблюдать со слишком близкого расстояния.

— Мне тоже,— скорчил гримасу Раймун.— Лорд Эшфорд объявил сьера Хамфри победителем и вручил ему коня принца Аэриона, но рыцарь больше не сможет сражаться — нога у него сломана в двух местах. Принц Баэлор послал к нему своего личного лекаря.

— Заменят ли сьера Хамфри новым защитником?

— Лорд Эшфорд хотел оказать эту честь лорду Карону или другому сьеру Хамфри, который столь храбро сражался с

Хардингом, но принц Баэлор заявил, что не годится убирать с поля щит и шатер сьера Хамфри при таких обстоятельствах. Видимо, турнир будет продолжаться с четырьмя защитниками вместо пяти.

Четверо защитников, Лео Тирелл, Лионель Баратеон, Тибольт Ланнистер и принц Валарр. В первый день Дунк насмотрелся на них достаточно, чтобы понять, как мало у него вероятности победить первых трех. Остается только...

Но не может же межевой рыцарь вызвать принца. Валарр — второй на очереди наследник Железного Трона. Он сын Баэлора Сломи Копье, в нем течет кровь Аэгона Завоевателя, Молодого Дракона и принца Аэмона, Драконова Рыцаря — а Дунка старик подобрал около горшечной лавки в Блошиной Яме.

У Дунка даже голова разболелась от этих мыслей.

— А кого намерен вызвать ваш кузен? — спросил он Раймуна.

— Сьера Тибольта, скорее всего. У них равные силы. Однако кузен пристально следит за каждым поединком. Если завтра кто-то будет ранен или выкажет признаки усталости, Стиффон мигом ударит его в щит, можете быть уверены. Его нельзя обвинить в избытке благородства.— И Раймун беззлобно засмеялся, желая смягчить свои язвительные слова.— Не хотите ли распить со мной чашу вина, сьер Дункан?

— Сожалею, но у меня здесь дело.— Дунку не хотелось принимать угощение, на которое он не мог ответить.

— Я мог бы подождать и забрать ваш щит, когда представление кончится, сьер,— предложил Эг.— Они потом будут показывать про Симеона Звездоглазого, и бой с драконом тоже будет.

— Вот ваше дело и улажено, а вино ждет, притом арборское, не какое-нибудь. Теперь-то вы мне не откажете? — настаивал Раймун.

Дунк не сумел придумать другого предлога и последовал за ним, оставив Эга смотреть представление. Флаг с яблоком Фоссовеев развевался над шатром из золотистой ткани, где жил Раймун вместе с кузеном. Позади на костре двое слуг жарили козленка с медом и травами.

— Вот и ужин поспевает,— заметил Раймун, придержав для Дунка входное полотнище. Жаровня с углями приятно согревала шатер. Раймун наполнил две чаши вина.— Говорят, что принц Аэрион в ярости оттого, что лорд Эшфорд отдал его коня сьеру Хамфри,— но бьюсь об заклад, что так решил дядя нашего принца.— Он подал чашу Дунку.

— Принц Баэлор — человек чести.

— Не то что племянник, верно? — засмеялся Раймун.— Не смотрите с такой тревогой, сьер Дункан, мы здесь одни. Ни для кого не секрет, что Аэрион — дрянной малый. Хвала богам, что ему вряд ли доведется нами править.

— Вы думаете, что он убил коня намеренно?

— Можно ли в этом сомневаться? Будь принц Маэкар здесь, он вел бы себя по-другому. При отце Аэрион, если верить слухам, само благородство и сама добродетель, но когда отца нет...

— Да, я заметил, что место принца Маэкара пустует.

— Он уехал на поиски своих сыновей вместе со сьером Роландом Крейкхолом, королевским рыцарем. Разнесся слух, что в округе бесчинствуют разбойники, но мне думается, что принц напился, как всегда.

Вино было славное — Дунк такого еще не пробовал. Он посмаковал его, проглотил и спросил:

— О каком принце вы говорите?

— О наследнике Маэкара. Его зовут Даэроном, в честь короля, а за спиной у отца кличут Даэроном-Пьяницей. Младший сын тоже с ним. Они покинули Саммерхол вместе, но до Эшфорда так и не доехали.— Раймун допил свою чашу и отставил ее.— Бедный Маэкар.

— Бедный? Это королевский-то сын?

— *Четвертый* сын — не такой храбрый, как принц Баэлор, не такой умный, как принц Аэрис, не такой мягкосердечный, как принц Раэгель. И как он должен страдать, сравнивая своих сыновей с их двоюродными братьями. Даэрон глуп, Аэрион жесток и тщеславен, третий столь безнадежен, что его отдали в Цитадель учиться на лекаря, а самый младший...

— Сьер! Сьер Дункан! — Эг, задыхаясь, ворвался в шатер. Капюшон свалился у него с головы, и большие темные глаза сверкали при свете жаровни.— Бегите скорее! Он ее обижает!

Дунк в растерянности вскочил на ноги:

— Кто кого обижает?

— Аэрион! Девушку-кукольницу! Скорее! — И Эг метнулся обратно.

Дунк устремился за ним, но Раймун удержал его за руку.

— Сьер Дункан,— сказал он.— Аэрион — принц крови. Будьте осторожны.

Дунк знал, что это хороший совет. Старик сказал бы то же самое, да что толку. Дунк вырвался от Раймуна и выскочил из шатра. Близ торгового ряда слышались крики. Эг едва виднелся впереди, и Дунк побежал за ним. У мальчика ноги были короткие, а у Дунка длинные, и он быстро преодолел разрыв.

Около кукольников собрался народ. Дунк растолкал зевак, не обращая внимания на ругань. Стражник в королевском мундире заступил ему дорогу, но Дунк так пихнул его в грудь, что тот шлепнулся задом в грязь.

Ширма кукольников валялась на боку. Толстая дорнийка плакала, сидя на земле. Один стражник держал в руках кукол, изображающих Флориана и Жонкиль, другой поджигал их факелом. Еще трое выбрасывали кукол из сундуков и топтали ногами. Повсюду валялись части дракона — голова, крыло, разломанный натрое хвост. Посреди всего этого стоял принц Аэрион, очень красивый в своем красном бархатном камзоле с длинными манжетами, и обеими руками выкручивал руку Тансель. Девушка на коленях молила его о пощаде, но он не слушал. Вот он зажал в кулак один из ее пальцев. Дунк только смотрел, не веря своим глазам. Потом раздался треск, и Тансель закричала.

Один из людей Аэриона попытался схватить Дунка и отлетел прочь. Дунк в три прыжка оказался рядом с принцем, сгреб его за плечо и повернул к себе. Он забыл и о мече, и о кинжале, забыл все, чему учил его старик. Дунк кулаком сбил принца с ног и двинул его ногой в живот. Аэрион схватился за нож, но Дунк наступил ему на руку и пнул еще раз, прямо

в рот. Дунк мог бы запинать принца до смерти, но тут на него насели стражники. Двое повисли на руках, третий лупил Дунка по спине. Как только Дунк стряхнул одного, на его место явились двое других.

Наконец Дунка повалили, прижав ему руки и ноги. Аэрион поднялся с земли и ощупал разбитый рот.

— Ты расшатал мне зуб,— объявил он.— За это мы выбьем тебе все твои.— Он откинул волосы с глаз.— А ты мне как будто знаком.

— Вы приняли меня за конюха.

— Да, помню.— Аэрион улыбнулся кровавыми губами.— Ты отказался заняться моей лошадью. За что ты так глупо отдал свою жизнь? За эту потаскушку? — Тансель скорчилась на земле, прижимая к груди пострадавшую руку. Принц ткнул ее в бок сапогом.— Она того не стоит, изменница. Дракон не должен терпеть поражение.

Он сумасшедший, подумал Дунк, однако он принц и намерен убить меня. Дунк прочел бы молитву, если бы помнил хоть одну до конца, но времени на это не было. Времени не оставалось даже на то, чтобы испугаться как следует.

— Вам нечего сказать? — продолжал Аэрион.— Скучно с вами, сьер.— Он снова ощупал свой рот.— Возьми молоток и выбей ему все зубы, Вейт,— а потом взрежь ему брюхо и покажи, какого цвета у него требуха.

— Нет! — вскричал мальчишеский голос.— Не трогай его!

О боги, это мальчишка, храбрый дурачок мальчишка. Дунк рванулся, но стражники держали крепко.

— Придержи язык, парень. Беги отсюда, пока цел!

— Еще чего.— Эг подошел поближе.— Кто меня тронет, ответит перед моим отцом. И перед дядей. Вейт, Йоркель, вы меня знаете. Отпустите его.

Руки, державшие Дунка, мало-помалу разжались. Он не понимал, что происходит. Стражники пятились от него прочь, а один даже стал на колени. Толпа раздалась, пропустив Раймуна Фоссовея, в кольчуге и шлеме, с мечом на боку. Его кузен сьер Стеффон, идущий следом, уже обнажил клинок, и рыцарей сопровождало с полдюжины вооруженных людей со знаком красного яблока на груди.

Принц Аэрион даже не посмотрел на них.

— Наглый маленький проныра,— сказал он, сплюнув кровью под ноги мальчику.— Что такое с твоими волосами?

— Я их сбрил, братец. Не хочу быть похожим на тебя.

Второй день турнира выдался ненастным, с запада дул резкий ветер. В такой день и народу соберется меньше, размышлял Дунк. Им было бы легче найти место поближе к загородке, чтобы посмотреть на турнир вблизи, Эг мог бы сесть на изгородь, а Дунк стоял бы сзади.

Но нет, Эг будет сидеть в павильоне, разодетый в шелк и меха, Дунк же будет любоваться четырьмя стенами башни, куда заключили его люди лорда Эшфорда. Здесь было окно, но смотрело оно не в ту сторону. Однако Дунк, как только взошло солнце, все же устроился на подоконнике и стал глядеть на город, поле и лес. У него забрали веревочный пояс вместе с мечом и кинжалом и все его серебро. Он надеялся, что Эг или Раймун позаботятся о Громе и Каштанке.

— Эг,— прошептал Дунк себе под нос. Его оруженосец, оборвыш, подобранный на улицах Королевской Гавани. Можно ли рыцарю быть таким дураком? Дунк-чурбан, темный, как погреб, и тупой, как зубр.

Ему не разрешили поговорить с Эгом после того, как стража лорда Эшфорда забрала их всех с луга. Ни с кем не дали поговорить: ни с Раймуном, ни с Тансель, ни с самим лордом Эшфордом. Кто знает, увидит ли он кого-то из них снова. Похоже на то, что его вознамерились держать здесь взаперти до самой смерти. Ну а ты чего ждал? — горько спрашивал себя Дунк. Не надо было сшибать с ног принца и бить его ногой по лицу.

Под этим серым небом наряды родовитых дворян и знаменитых рыцарей покажутся не столь великолепными, как вчера. Стальные шлемы с отделкой из золота и серебра уже не будут блистать на солнце. И все-таки Дунк жалел, что не увидит турнира. Для межевых рыцарей в простых кольчугах, на конях без брони, такой день как раз хорош.

Зато слышать он по крайней мере мог. Трубили рога герольдов, и рев толпы время от времени говорил ему о том,

что кто-то упал, или встал, или совершил нечто выдающееся. Слышался также стук копыт, а порой лязг мечей или треск сломанного копья. Дунк морщился при этом звуке: это напоминало ему об Аэрионе, сломавшем палец Тансель. Были и другие звуки, поближе: шаги за дверью, конский топот во дворе, голоса на стенах замка. Иногда они заглушали шум турнира — возможно, и к лучшему.

«Межевой рыцарь — это самый настоящий рыцарь и есть,— сказал ему когда-то старик.— Другие рыцари служат лордам, которые их содержат или жалуют их землей, а мы служим кому хотим, делу, в которое верим. Каждый рыцарь дает обет защищать слабых и невинных, но мы, сдается мне, исполняем его лучше других». Странная штука память. Дунк совсем позабыл эти слова — да и сам старик, скорее всего, тоже.

Утро перешло в день, и шум турнира стал слабее. Потом башню наполнили сумерки, а Дунк все сидел у окна, стараясь не думать о пустом желудке.

Но вот послышались шаги и звяканье ключей. Дунк встал, и дверь открылась. Вошли двое стражников, один с масляной лампой. Следом слуга тащил поднос с едой. Замыкал шествие Эг.

— Оставьте лампу, поднос и уходите,— приказал он.

Все послушно удалились, оставив, однако, тяжелую дверь приоткрытой. Запах съестного напомнил Дунку, как он проголодался. Здесь был горячий хлеб и мед, миска гороховой похлебки и вертел с жареным мясом и луком. Дунк сел перед подносом, разломил хлеб и запихнул кусок в рот.

— Ножа нет,— заметил он.— Они, видимо, боятся, что я зарежу тебя?

— Мне они этого не говорят.— На Эге был черный облегающий камзольчик с длинными, подбитыми красным атласом рукавами и вышитым на груди трехглавым драконом Таргариенов.— Дядя сказал, что я должен смиренно просить у тебя прощения за свой обман.

— Дядя — это принц Баэлор?

— Я не хотел тебе врать,— с несчастным видом сказал мальчик.

— Однако соврал. Взять хотя бы твое имя. Никогда не слыхивал о принце Эге.

— Это сокращенное от Аэгона. Так меня звал брат Аэрион. Теперь он в цитадели, учится на лекаря. Даэрон тоже иногда зовет меня Эгом, и сестры.

Дунк взял вертел и впился зубами в мясо. Козлятина с какими-то чудодейственными, незнакомыми ему специями. Жир потек по подбородку.

— Ну конечно, Аэгон. Как тот, Дракон. Сколько Аэгонов были королями?

— Четверо.

Дунк прожевал и отломил себе хлеба.

— Зачем ты это сделал? Хотел подшутить над глупым межевым рыцарем?

— Нет.— Глаза мальчика наполнились слезами, но он мужественно удержал их.— Я должен был служить оруженосцем Даэрону. Он самый старший из моих братьев. Я выучил все, что полагается знать хорошему оруженосцу, но Даэрон — не слишком хороший рыцарь. Он не хотел сражаться на турнире, поэтому мы, выехав из Саммерхола, оторвались от эскорта, но назад не вернулись. Он поехал дальше на Эшфорд, думая, что там нас не будут искать. Это он обрил мне голову. Он ведь знал, что отец пошлет за нами людей. У Даэрона волосы обыкновенные, темно-русые, а у меня — такие же, как у отца и Аэриона.

— Кровь дракона. Серебристо-золотые волосы и лиловые глаза — это всем известно.— «Темен ты, Дунк, как погреб».

— Ну да. Вот Даэрон меня и обрил. Он хотел, чтобы мы скрывались, пока турнир не кончится. А потом ты принял меня за конюха, ну и...— Эг опустил глаза.— Мне очень хотелось стать оруженосцем. У Даэрона или у кого-то другого, мне все равно. Я сожалею, сьер. Правда сожалею.

Дунк задумчиво посмотрел на него. Он знал, что это такое, когда хочешь чего-то так сильно, что готов лгать напропалую.

— Я думал, ты такой же, как я. Может, так оно и есть — только по другой причине.

— Мы ведь правда оба из Королевской Гавани,— с надеждой сказал мальчик.

Дунк не удержался от смеха.

— Да, только ты с вершины Аэгенского холма, а я снизу.

— Не такое уж это большое расстояние, сьер.

Дунк набил рот жареным луком.

— Как же мне теперь тебя называть — ваша милость или ваше высочество?

— Только при дворе — а в другое время зови меня Эгом, если хочешь... сьер.

— Что со мной сделают, Эг?

— Мой дядя хочет тебя видеть. Когда покушаете, сьер.

Дунк отодвинул поднос и встал:

— Я уже поел. Одного принца я уже пнул в лицо, незачем заставлять ждать другого.

Лорд Эшфорд предоставил свои покои принцу Баэлору. Туда-то Эг — нет, Аэгон, надо привыкать — и препроводил Дунка. Баэлор читал при свете восковой свечи, и Дунк опустился перед ним на колени.

— Встаньте,— сказал принц.— Хотите вина?

— Как будет угодно вашему высочеству.

— Налей сьеру Дункану сладкого дорнийского, Аэгон,— распорядился Баэлор.— Да не пролей на него — ты и так уже много ему навредил.

— Он не прольет, ваше высочество,— вступился Дунк.— Он хороший мальчик и славный оруженосец. Я знаю, он не хотел причинить мне вред.

— Не обязательно хотеть — довольно и того, что он это сделал. Аэгон должен был прийти ко мне, когда увидел, что его брат вытворяет с теми кукольниками. А он побежал к вам, и ничего хорошего из этого не вышло. На вашем месте, сьер, я, возможно, поступил бы так же... но я принц, а не межевой рыцарь. Не стоит бить королевского внука, каким бы праведным ни был ваш гнев.

Дунк угрюмо кивнул. Эг подал ему серебряный кубок, полный до краев, и он отпил большой глоток.

— Ненавижу Аэриона,— с жаром произнес Эг.— Мне поневоле пришлось бежать к сьеру Дункану, дядя,— замок слишком далеко.

— Аэрион — твой брат,— твердо сказал принц,— а септоны учат, что мы должны любить наших братьев. Оставь нас теперь, Аэгон, я хочу поговорить со сьером Дунканом наедине.

Мальчик поставил штоф с вином и церемонно поклонился:

— Как угодно вашему высочеству.— Он вышел и тихо прикрыл дверь за собой.

Принц Баэлор пристально посмотрел Дунку в глаза:

— Сьер Дункан, позвольте спросить вас, насколько вы хороший рыцарь? Насколько искусно владеете оружием?

Дунк не знал, что ему сказать.

— Сьер Арлан научил меня владеть мечом и щитом, а также попадать копьем в кольца и щиты на кинтанах.

Баэлора, видимо, не совсем удовлетворил этот ответ.

— Мой брат Маэкар вернулся в замок несколько часов назад. Своего наследника он нашел пьяным в некой гостинице, в одном дне езды к югу отсюда. Маэкар никогда бы в этом не сознался, если бы не надеялся втайне, что его сыновья на турнире перещеголяют моих. Вместо этого они оба его опозорили, но что ему остается делать? Родная кровь. Маэкар сердит, ему нужно на кого-то излить свой гнев, и он выбрал вас.

— Меня? — сокрушенно отозвался Дунк.

— Аэрион уже успел напеть отцу в уши. И Даэрон тоже хорош. Чтобы оправдать собственную трусость, он сказал отцу, что будто Аэгона похитил какой-то здоровенный рыцарь-разбойник. Боюсь, что он имел в виду вас. По словам Даэрона, он все эти дни разыскивал похитителя, чтобы вернуть брата.

— Но Эг должен сказать им правду, то есть Аэгон.

— Эг-то скажет, в этом я не сомневаюсь — но он уже один раз солгал, в чем вы имели возможность убедиться. Которому из сыновей поверит мой брат? Что до кукольников, то Аэрион представил их чуть ли не изменниками. Дракон — эмблема королевского дома, и представлять, как его убивают, как из него сыплются красные опилки... все это, конечно, совер-

шенно невинно, но весьма неразумно. Аэрион выдает это за подспудные намеки на дом Таргариенов, за подстрекательство к бунту, и Маэкар, скорее всего, согласится с сыном. Брат раздражителен по натуре и все свои надежды возлагает на Аэриона, поскольку Даэрон горько его разочаровал.— Принц отпил глоток вина и отставил кубок.— Но поверит мой брат или не поверит, одно остается бесспорным. Вы подняли руку на отпрыска дракона, и за это вас следует судить, приговорить и покарать.

— Покарать? — Дунку очень не понравилось это слово.

— Аэрион потребует вашей головы, с зубами или без оных. Ее он не получит, это я вам обещаю, но в суде над вами я ему отказать не могу. Поскольку мой августейший отец находится за сотни лиг отсюда, судьями будем мы с братом, а также лорд Эшфорд, ибо это его владения, и лорд Тирелл из Хайгардена, как его вассал. В последний раз человека, которого судили за нанесение побоев члену королевского дома, приговорили к отсечению преступной руки.

— Так мне отрубят руку? — в ужасе вскрикнул Дунк.

— И ступню тоже. Вы ведь и ногой его ударили, верно?

Дунк онемел.

— Я, конечно, приложу все усилия, чтобы склонить суд к милосердию. Я Рука Короля и наследник трона, так что мое слово имеет некоторый вес. Но и слово моего брата тоже — вот в чем опасность.

— Я... ваше высочество, я...

«Никакая это не измена, а просто деревянный дракон, и никакого намека на королевский дом в нем никогда не содержалось»,— хотел сказать Дунк, но слова не шли на язык. Он никогда не отличался красноречием.

— Однако есть и другой выбор,— сказал принц Баэлор.— Не знаю уж, что для вас лучше, но позволю напомнить вам, что любой рыцарь, обвиненный в преступлении, вправе требовать испытания поединком. Поэтому я снова спрашиваю вас, сьер Дункан Высокий, насколько вы хороший рыцарь? Если по правде?

— Битва семерых,— с улыбкой произнес принц Аэрион.— Полагаю, я в своем праве.

Принц Баэлор хмуро забарабанил пальцами по столу, лорд Эшфорд слева от него медленно кивнул, а принц Маэкар спросил сына:

— Но почему? Ты боишься встретиться с этим межевым рыцарем один на один и предоставить богам рассудить вас?

— Боюсь? Это его-то? Полно, отец. Просто я подумал о моем возлюбленном брате. Сьер Дункан причинил вред и Даэрону, который также вправе требовать его крови. В испытании семерых мы могли бы оба сразиться с обидчиком.

— Обо мне не хлопочи, брат,— пробормотал Даэрон Таргариен. Вид у старшего сына Маэкара был еще хуже, чем когда Дунк видел его в гостинице. Теперь он, видимо, протрезвел, и на черно-красном камзоле не было винных пятен, но его глаза налились кровью, и лоб блестел от испарины.— Я охотно ограничусь зрелищем того, как ты убьешь негодяя.

— Ты слишком добр, дорогой брат,— все так же с улыбкой ответил Аэрион,— но я проявил себялюбие, лишив тебя права доказать на деле правдивость твоих слов. Я настаиваю на испытании семерых.

— Ваше высочество, господа судьи,— растерянно обратился Дунк к сидящим на помосте,— я не понимаю. Что это за испытание семерых?

Принц Баэлор беспокойно шевельнулся на стуле.

— Разновидность испытания поединком, старинная и редко применяемая ныне. Она пришла к нам через узкое море с андалами и их семью богами. Во всяком единоборстве обвинитель и обвиняемый просят богов рассудить их. Андалы верили, что если с той и другой стороны сразятся семь бойцов, боги будут более милостивы и уж верно вынесут справедливый приговор.

— Может статься, они просто были охотники до драки,— с язвительной улыбкой вставил сьер Лео Тирелл.— Однако сьер Аэрион в своем праве. Семеро так семеро.

— Так я должен сражаться против семерых? — в отчаянии спросил Дунк.

— Не в одиночку, сьер,— нетерпеливо бросил Маэкар.— Не разыгрывайте дурака, это вам не поможет. Вы сразитесь всемером против семерых. Вам нужно найти еще шесть рыцарей, которые будут биться на вашей стороне.

Шесть рыцарей. С тем же успехом с него могли потребовать собрать шесть тысяч. У него нет ни братьев, ни кузенов, ни старых друзей, которые сразились бы с ним бок о бок. Разве согласятся шестеро незнакомых людей поддержать межевого рыцаря против двух принцев, рискуя при этом жизнью?

— Ваше высочество, господа судьи — а что, если никто не захочет выйти на поле вместе со мной?

Маэкар Таргариен смерил Дунка холодным взглядом.

— Если дело ваше правое, сторонники найдутся. Если же вы не сумеете собрать таковых, то лишь потому, что виновны,— это как будто ясно.

Дунк никогда еще не чувствовал себя таким одиноким, как в тот миг, когда вышел из ворот Эшфордского замка и решетка со скрежетом закрылась за ним. Шел легкий дождь, мягкий, как роса, но Дунка от него пробирала дрожь. За рекой светились яркими красками те немногие шатры, где еще горел огонь. Время, по расчету Дунка, перевалило за полночь. Через несколько часов придет рассвет — а с ним и смерть.

Ему вернули меч и серебро, но Дунк перешел через брод в самом мрачном настроении. Может, они думают, что он сядет на коня и сбежит? Он мог бы, если б захотел. На этом его рыцарству, конечно, настал бы конец — он превратился бы в человека вне закона и в результате какой-нибудь лорд схватил бы его и отсек ему голову. Лучше уж умереть рыцарем, чем жить отверженным, твердил себе Дунк. Мокрый до колен, он побрел через пустое турнирное поле. В большинстве шатров было темно — их хозяева давно спали,— но кое-где еще горели свечи. Из одной палатки слышались тихие стоны и вскрикивания. А вот ему, видно, суждено умереть, так и не познав женщины.

Потом фыркнула лошадь — и Дунк почему-то сразу понял, что это Гром. Он пустился бегом — и точно. Гром вместе

с Каштанкой стояли привязанные у круглого шатра, откуда шел мягкий золотистый свет. Намокший флаг вяло свисал с шеста, но Дунк все-таки различил на нем темный круг фоссовеевского яблока. Это было как надежда.

— Испытание боем,— тяжело выговорил Раймун.— Помилуй нас боги, Дункан, но ведь это острые копья, булавы, боевые топоры... и мечи не будут затуплены, понимаешь?

— Раймун Боязливый,— с насмешкой произнес его кузен сьер Стеффон. Его желтый плащ скрепляла застежка в виде яблока из золота и гранатов.— Можешь не опасаться, кузен,— это поединок рыцарей, а ты не рыцарь, стало быть, твоей шкуре ничего не грозит. Ничего, сьер Дункан, один Фоссовей у вас уже есть — притом спелый. Я видел, как Аэрион поступил с кукольниками, и стою за вас.

— Я тоже,— сердито бросил Раймун.— Я хотел только...

— Кто еще будет сражаться за нас, сьер Дункан? — перебил Стеффон.

Дунк беспомощно развел руками:

— Я больше никого здесь не знаю. Кроме разве что сьера Манфреда Дондарриона — но он не захотел даже поручиться за меня, а жизнью и подавно рисковать не станет.

Сьера Стеффона это не слишком обеспокоило.

— Тогда нам нужны еще пятеро бойцов. К счастью, друзей у меня гораздо больше. Лео Длинный Шип, Смеющийся Вихрь, лорд Карон, Ланнистеры, сьер Ото Бракен... ага, и еще Блэквуды, хотя Блэквуд и Бракен сроду не сражались на одной стороне. Пойду потолкую с ними.

— Они не обрадуются, если ты их разбудишь,— возразил Раймун.

— Вот и хорошо. Чем больше они обозлятся, тем лучше будут биться. Можете положиться на меня, сьер Дункан. Кузен, если я не вернусь до рассвета, возьми мои доспехи и позаботься, чтобы Гнева оседлали и одели в броню. Встретимся на месте для рыцарей-охотников. Думаю, этот день надолго запомнят,— засмеялся Стеффон и вышел прочь почти веселый.

С Раймуном дело обстояло по-иному.

— Пять рыцарей,— молвил он мрачно, когда кузен ушел.— Не хотелось бы лишать тебя надежды, Дункан, но...

— Если твой кузен сможет привести тех, о ком говорил...

— Лео Длинного Шипа? Бракенского Зверя? Смеющегося Вихря? — Раймун встал.— Он-то их знает, не сомневаюсь, но я не столь уверен в том, что кто-то из них знает его. Стеффон видит в этом случай прославиться, но речь-то идет о твоей жизни. Лучше бы ты сам поискал себе сторонников. Я тебе помогу. Пусть у тебя лучше будет избыток бойцов, чем недостача.— Тут снаружи раздался шорох.— Кто идет? — окликнул Раймун, и в шатер нырнул мальчик, а за ним — худощавый мужчина в промокшем черном плаще.

— Эг? — Дунк поднялся на ноги.— Что ты тут делаешь?

— Я ведь твой оруженосец. Должен же кто-то помочь вам вооружиться, сьер.

— А знает ли принц, твой отец, что ты ушел из замка?

— Помилуй нас боги — надеюсь, что нет,— сказал Даэрон Таргариен, расстегнув плащ и сбросив его с худых плеч.

— Вы? Рехнулись вы, что ли, раз вздумали прийти сюда? — Дунк выхватил нож.— Ткнуть бы вам в живот, и вся недолга.

— Возможно, так было бы лучше,— согласился Даэрон.— Но я предпочел бы чашу вина. Поглядите на мои руки.— Он вытянул одну вперед — она дрожала.

Дунк гневно шагнул к нему.

— Плевать мне на ваши руки. Вы меня оболгали.

— Надо же мне было сказать что-то, когда отец спросил, куда подевался мой младший брат.— Принц сел, не обращая внимания на Дунка и его нож.— По правде говоря, я даже не знал, что Эг сбежал. На дне моей чаши его не было, а поскольку я никуда больше не смотрел...— Даэрон вздохнул.

— Сьер, мой отец намерен присоединиться к семи обвинителям,— вмешался Эг.— Я умолял его не делать этого, но он не послушал. Сказал, что это единственный способ обелить честь Аэриона и Даэрона.

— Я никого не просил защищать мою честь,— уныло молвил Даэрон.— По мне, так пусть ее забирает кто угодно. Но

делать нечего. Скажу сразу, сьер Дункан: меня вы можете не бояться. Единственное, что я люблю еще меньше лошади,— это меч. Они такие тяжелые и ужасно острые. Во время первой атаки я постараюсь выказать храбрость, но потом... можете стукнуть меня как следует по шлему. Так, чтобы зазвенело, но не слишком громко — понимаете? Мои братья превосходят меня во всем — в бою, в танцах, в учености, но никто из них не сможет так красиво повалиться без чувств в грязь.

Дунк смотрел на него во все глаза, подозревая, что принц над ним насмехается.

— Зачем вы пришли сюда?

— Предостеречь о том, что вас ожидает. Мой отец приказал королевским рыцарям участвовать в бою.

— Королевским рыцарям? — ужаснулся Дунк.

— Да — тем троим, что находятся здесь. Благодарение богам, остальных четырех дядя Баэлор оставил в Королевской Гавани у короля, нашего деда.

— Сьер Роланд Крейкхол, сьер Доннел из Дускенделя, сьер Виллем Вильд,— перечислил Эг.

— У них нет выбора,— пояснил Даэрон.— Они поклялись защищать короля и его семью, а мы с братьями в нее входим, помоги нам боги.

Дунк сосчитал по пальцам:

— Получается шесть. Кто же седьмой?

— Аэрион найдет кого-нибудь,— пожал плечами Даэрон.— Если надо будет, то и за деньги. Золота у него хватает.

— А на вашей стороне кто? — спросил Эг.

— Кузен Раймуна, сьер Стеффон.

— И все? — поморщился Даэрон.

— Сьер Стеффон пошел договариваться со своими друзьями.

— Я могу достать людей,— сказал Эг.— Рыцарей. Правда могу.

— Эг, я буду драться с твоими братьями,— напомнил Дунк.

— Ну, Даэрону ничего не будет. Он ведь сказал, что упадет сам. А уж Аэрион... когда я был маленький, он приходил по ночам ко мне в спальню и тыкал меня ножом между ног.

Говорил, что у него слишком много братьев и когда-нибудь он сделает из меня сестричку — тогда он сможет жениться на мне. И это он бросил моего котенка в колодец. Сказал, будто не он, но это ложь.

— Эг правду говорит,— устало пожал плечами Даэрон.— Аэрион — настоящее чудовище. Считает себя драконом в человеческом образе. Потому он так и накинулся на этих кукольников. Жаль, что он не родился Фоссовеем — тогда он считал бы себя яблоком и всем было бы намного легче.— Даэрон, нагнувшись, поднял свой плащ и отряхнул его от влаги.— Надо пробраться обратно в замок, пока отец не хватился, почему я так долго точу меч, но прежде я хотел бы перемолвиться с вами словом наедине, сьер Дункан. Выйдем?

Дунк посмотрел на принца с подозрением и убрал кинжал в ножны.

— Как будет угодно вашему высочеству. Мне все равно нужно забрать свой щит.

— А мы с Эгом пойдем собирать рыцарей,— объявил Раймун.

Даэрон завязал плащ вокруг шеи и натянул капюшон. Дунк вышел за ним под моросящий дождь, и они двинулись к повозкам торговцев.

— Я видел вас во сне,— сказал принц.

— Вы уже говорили. В гостинице.

— Вот как? Ну что ж. Мои сны не такие, как у вас, сьер Дункан. Мои сбываются. Они пугают меня. Как и вы. Мне снились вы и мертвый дракон — здоровенный змей, с крыльями такими широкими, что они могли бы покрыть этот луг. Он рухнул на вас — однако вы были живы, а он мертв.

— Я убил его?

— Этого я не могу сказать — однако вы были там оба. Когда-то мы, Таргариены, повелевали драконами. Теперь их больше нет, но мы остались. Мне все равно, умру я сегодня или нет. Одни боги знают почему, но мне все равно. Однако вы уж сделайте мне одолжение и убейте лучше моего брата Аэриона.

— Я тоже готов умереть,— сказал Дунк.

— Ну, я-то вас убивать не стану, сьер. Кроме того, я откажусь от своего обвинения, но это не поможет, ибо Аэрион от своего не откажется.— Даэрон вздохнул.— Быть может, я уже убил вас — своей ложью. Если так, то простите. Я все равно обречен попасть в ад — в такой, где не дают вина.— Он содрогнулся, и они с Дунком расстались под легким прохладным дождем.

Торговцы поставили свои повозки на западном краю луга, у рощи, где росли береза и ясень. Дунк стоял под деревьями и беспомощно озирался, глядя на пустое место, где недавно стоял фургон кукольников. Уехали. Этого он и боялся. «Я бы тоже уехал, не будь я таким тупицей». Как же ему быть теперь без щита? Деньги еще есть — можно купить новый, если у кого-то найдется щит на продажу...

— Сьер Дункан,— позвал кто-то из мрака, и Дунк, оглянувшись, увидел Железного Пейта с фонарем. Оружейник накинул короткий кожаный плащ прямо на голое тело. Его широкая грудь и могучие руки поросли густыми черными волосами.

— Если вы за щитом, то она оставила его у меня.— Он смерил Дунка взглядом.— Руки-ноги на месте — я сосчитал. Стало быть, будет поединок?

— Семеро против семерых. А вы откуда знаете?

— Вас, конечно, могли расцеловать и сделать лордом, но я подумал, что вряд ли такое случится. А если бы приговор был другой, вы бы недосчитались пары конечностей. Пойдемте со мной.

Фургон Пейта легко было отличить по мечу и наковальне, нарисованными сбоку. Дунк вслед за Пейтом вошел внутрь. Оружейник повесил фонарь на крюк, скинул плащ и натянул через голову холщовую рубаху. Потом откинул от стены доску на петлях, служившую столом, и сказал, кивнув на низкий табурет:

— Садитесь.

Дунк сел.

— Куда она уехала?

— В Дорн. Ее дядя умный человек. С глаз долой — из сердца вон. А останешься — глядишь, дракон и припомнит. Потом, он не хотел, чтобы она видела, как вы умрете.— Пейт прошел в дальний конец повозки, порылся там в темноте и достал щит.— Его обод был из старой дешевой стали, хрупкой и проржавевшей. Я сделал вам новый, вдвое толще, да и сзади щит укрепил. Теперь он будет тяжелее, зато крепче. А девушка его расписала.

Она сделала это даже лучше, чем Дунк надеялся. Яркие краски заката даже при свете фонаря радовали глаз, а дерево вышло высоким, стройным и очень внушительным. Падающая звезда прочертила яркий след по дубовому небу. И все же Дунк, взяв щит в руки, подумал, что выбрал себе плохую эмблему. Звезда-то падает — что же это за девиз? Не суждена ли ему такая участь?

А закат предвещает ночь.

— Надо было оставить чашу,— посетовал Дунк.— У нее хотя бы крылья были, а сьер Арлан говорил, что она наполнена верой, дружескими чувствами и другими хорошими вещами. Прямо надгробие какое-то, а не щит.

— Но я-то живой,— заметил Пейт.— Видите, как зелены его листья? Такие бывают только летом. Мне доводилось видеть щиты с черепами, волками и воронами, даже с повешенными и с кровавыми головами. Однако служили они исправно, вот и ваш послужит. Знаете старую присказку? «Дуб и железо, храните меня...»

— «...От смерти и адова огня»,— закончил Дунк. Он совсем позабыл этот стишок, которому научил его старик.— Сколько хотите за новый обод и все остальное?

— С вас-то? — Пейт почесал бороду.— Давайте грош.

Дождь почти перестал, когда на востоке занялся рассвет, но он успел сделать свое дело. Люди лорда Эшфорда убрали барьеры, и турнирное поле представляло собой сплошную бурую топь из грязи и вывороченной травы. Туман стлался по земле белыми змейками, когда Дунк направился обратно к ристалищу. Железный Пейт пошел с ним.

Павильон понемногу заполнялся. Лорды и дамы кутались в плащи на утреннем холоде. Простой народ тоже собирался — вдоль изгороди стояло уже несколько сот человек. «Сколько народу пришло поглазеть, как я умираю»,— подумал Дунк,— но оказался не прав. Какая-то женщина пожелала ему удачи. Старик вышел вперед, чтобы пожать ему руку, и сказал: «Пусть боги придадут вам сил, сьер». Нищенствующий монах в потрепанной бурой рясе благословил его меч, девушка поцеловала в щеку. «Они все за меня».

— Почему? — спросил Дунк Пейта.— Что я для них?

— Рыцарь, который помнит свои обеты,— ответил кузнец.

Раймуна они нашли на южном конце поля — он ждал там с конями своего кузена и Дунка. Гром беспокойно переминался под тяжестью подбрадника, намордника и кольчужной попоны. Пейт осмотрел конские доспехи и похвалил их, хотя и не он их ковал. Дунк был благодарен тому, кто ссудил ему эту броню.

Потом он увидел остальных: одноглазого воина с бородой цвета соли с перцем и молодого рыцаря в полосатом черно-желтом камзоле и с ульями на щите. Робин Раслинг и Хамфри Бисбери, с изумлением узнал их Дунк. И сьер Хамфри Хардинг тоже. Хардинг сидел на рыжем коне Аэриона, облаченном теперь в красно-белые бубны нового хозяина.

— Сьеры, я ваш должник,— сказал Дунк.

— Это Аэрион наш должник,— ответил сьер Хамфри Хардинг,— и мы получим свой долг сполна.

— Я слышал, у вас нога сломана.

— Верно, сломана. Ходить мне нельзя, но коли я могу сидеть на коне, то и драться могу.

Раймун отвел Дунка в сторону.

— Я надеялся, что Хардинг захочет еще повидаться с Аэрионом,— так оно и вышло. А другой Хамфри, как оказалось, его шурин. Эг привлек сьера Робина, которого знает по другим турнирам. Так что вас теперь пятеро.

— Нет, шестеро,— удивленно произнес Дунк. К ним шел еще один рыцарь, и оруженосец вел за ним коня.— Смеющийся Вихрь! — Сьер Лионель, на голову выше Раймуна, почти с Дунка ростом, явился в парчовом камзоле с коронован-

ным оленем Баратеонов на нем, а под мышкой нес свой рогатый шлем. Дунк поймал его руку.— Сьер Лионель, не могу выразить, как я благодарен вам за то, что пришли,— и сьеру Стеффону за то, что привел вас.

— Сьер Стеффон? — удивился рыцарь.— Ко мне пришел оруженосец — мальчик, Аэгон. Мой парень хотел его прогнать, но тот прошмыгнул у него между ног и опрокинул штоф с вином мне на голову.— Сьер Лионель рассмеялся.— Известно ли вам, что битвы семерых не назначали уже сто лет? Не могу упустить случая сразиться с королевскими рыцарями и расквасить нос принцу Маэкару в придачу.

— Шесть,— радостно сказал Дунк Раймуну, когда сьер Лионель присоединился к остальным.— Уверен, твой кузен приведет последнего.

Толпа взревела, и на северном конце показались из речного тумана рыцари. Первыми ехали трое королевских гвардейцев, похожие на призраков в своей белой эмалевой броне и длинных белых плащах. Даже щиты у них были белые, пустые и чистые, как свежевыпавший снег. За ними следовали принц Маэкар и его сыновья. Аэрион сидел на сером в яблоках коне, сквозь броню которого сквозили оранжево-красные цвета. Гнедой конь его брата, чуть пониже ростом, был одет в черную с золотом чешую. На шлеме у Даэрона трепетал зеленый шелковый плюмаж. Но наиболее грозным выглядел их отец. На его плечах, на шлеме и на спине торчал гребень из черных драконьих зубов, а у седла висела огромная, утыканная шипами булава — самое смертоносное оружие, какое Дунк когда-либо видел.

— Да ведь их только шесть,— внезапно воскликнул Раймун.

Верно, убедился Дунк. Трое черных рыцарей и трое белых. У них тоже недостает одного. Возможно ли, чтобы Аэрион не нашел седьмого? И как же быть теперь — сражаться вшестером против шести?

К озадаченному Дунку подбежал Эг:

— Сьер, пора надевать доспехи.

— Хорошо, оруженосец. Приступим.

Железный Пейт пришел на подмогу. Кольчуга, воротник, наголенники, перчатки, чепец, щиток, прикрывающий пах,—

Дунка облекли в сталь, трижды проверив каждую застежку. Сьер Лионель точил меч о брусок, оба Хамфри тихо переговаривались, сьер Робин молился, а Раймун расхаживал взад-вперед, недоумевая, куда подевался его кузен.

Дунк был совсем готов, когда наконец появился сьер Стеффон.

— Раймун,— позвал он,— мою кольчугу, будь любезен.— На нем был стеганый камзол, какой надевают под доспехи.

— Сьер Стеффон,— сказал Дунк,— а что же ваши друзья? Нам нужен еще один рыцарь.

— Боюсь, что вам нужны еще два,— сказал Стеффон.

Раймун застегивал на нем кольчугу.

— То есть как — два? — не понял Дунк.

Стеффон надел перчатку из тонкой стали, сгибая и разгибая пальцы.

— Я насчитал пятерых.— Раймун застегнул на нем пояс с мечом.— Бисбери, Раслинг, Хардинг, Баратеон и вы.

— Вы шестой.

— Нет, седьмой,— улыбнулся Стеффон,— только для другой стороны. Я буду сражаться за принца Аэриона.

Раймун, собравшийся подать кузену шлем, остановился как вкопанный.

— Нет.

— Думаю, сьер Дункан меня поймет,— пожал плечами Стеффон.— Долг обязывает меня повиноваться принцу.

— Ты сказал Дункану, что он может положиться на тебя,— побледнел Раймун.

— Разве? — Стеффон взял шлем у него из рук.— Что ж, тогда я, несомненно, говорил искренне. Подай мне коня.

— Сам возьми. Если ты думаешь, что я буду тебе помогать, ты столь же туп, сколь и низок.

— Низок? Придержи язык, Раймун. Мы с тобой — яблочки с одного дерева, и ты мой оруженосец. Или ты забыл свою клятву?

— А ты, часом, не забыл свои рыцарские обеты?

— К концу дня я стану из рыцаря лордом. Лорд Фоссовей! Мне нравится, как это звучит.— Улыбаясь, он натянул вторую перчатку и зашагал к своему коню. Другие защитники прово-

жали его презрительными взглядами, и никто не попытался остановить.

Дунк, глядя, как сьер Стеффон ведет коня в другой конец поля, сжал кулаки. В горле так пересохло, что Дунк не мог говорить. Впрочем, разве такого проймешь словами?

— Посвяти меня в рыцари.— Раймун взял Дунка за плечо и повернул к себе.— Я займу место моего кузена. Посвятите меня в рыцари, сьер Дункан.— Он преклонил колено.

Дунк нерешительно взялся за рукоять меча.

— Лучше не надо, Раймун.

— Надо. Без меня вас будет только пятеро.

— Парень прав,— сказал сьер Лионель.— Сделайте это, сьер Дункан. Любой рыцарь может посвятить в рыцари кого угодно.

— Ты сомневаешься в моем мужестве? — спросил Раймун.

— Нет, дело не в этом, но...

В тумане протрубили фанфары. Подбежал Эг:

— Сьер, лорд Эшфорд зовет вас.

Смеющийся Вихрь нетерпеливо тряхнул головой.

— Ступайте, сьер Дункан. Я сам посвящу оруженосца Раймуна в рыцари.— Он вынул меч из ножен и отодвинул Дунка в сторону.— Раймун из дома Фоссовеев,— начал он торжественно, коснувшись клинком правого плеча оруженосца,— именем Воителя обязую тебя быть храбрым.— Меч лег на левое плечо.— Именем Отца обязую тебя быть справедливым.— Снова на правое.— Именем Матери обязую тебя защищать юных и невинных.— Левое плечо.— Именем Девы обязую тебя защищать всех женщин...

Дунк ушел, испытывая облегчение, смешанное с чувством вины. И все-таки одного не хватает, подумал он, когда Эг подвел ему Грома. Где же его взять? Он медленно поехал к павильону, где стоял в ожидании лорд Эшфорд. С северного конца поля навстречу Дунку выехал Аэрион.

— Сьер Дункан,— весело сказал принц,— у вас, как я вижу, только пять бойцов?

— Шесть. Сьер Линнель посвящает в рыцари Раймуна Фоссовея. Мы будем драться вшестером против вас семи.

Дунк знал, что победы одерживались и не при таком превосходстве противника. Но лорд Эшфорд покачал головой:

— Нет, сьер, это не разрешается. Если вы не можете найти себе еще одного рыцаря, вы должны признать себя виновным в совершенных вами преступлениях.

Виновным. «Я виновен в том, что повредил ему зуб, и за это должен умереть».

— Дайте мне еще минуту, ваша милость.

— Хорошо.

Дунк медленно поехал вдоль изгороди. Павильон был битком набит рыцарями.

— Господа,— обратился к ним Дунк,— не помнит ли кто-нибудь из вас сьера Арлана из Пеннитри? Я был его оруженосцем. Мы служили многим из вас. Мы ели за вашим столом и жили в ваших замках.— Дунк увидел Манфреда Дондарриона — тот сидел на самом верху.— Сьер Арлан получил рану на службе у лорда, вашего отца.— Рыцарь, не глядя на него, беседовал с сидящей рядом дамой. Дунк проехал дальше.— Лорд Ланнистер, сьер Арлан спешил вас однажды на турнире.— Седой Лев разглядывал свои руки в перчатках, не поднимая глаз.— Он был хорошим человеком и научил меня быть рыцарем. Эта наука касалась не только меча и копья, но и чести. Рыцарь должен защищать невинных, говорил он. Это самое я и сделал. Мне нужен еще один рыцарь, чтобы сразиться за меня. Один-единственный. Лорд Карон? Сван?

Карон шепнул что-то на ухо Свану, и тот рассмеялся.

Дунк остановился перед сьером Ото Бракеном и понизил голос:

— Сьер Ото, все знают, какой вы славный воин. Прошу вас, сразитесь за нас, во имя всех старых и новых богов. Ведь правда на моей стороне.

— Возможно.— Бракенский Зверь снизошел хотя бы до ответа.— Но это твоя забота, не моя. Я тебя не знаю, мальчик.

Дунк в тоске повернул Грома и стал гарцевать перед этими равнодушными людьми. Отчаяние побудило его крикнуть:

— НЕУЖЕЛИ СРЕДИ ВАС НЕТ НИ ОДНОГО ИСТИННОГО РЫЦАРЯ?

Молчание было ему ответом.

Принц Аэрион в отдалении засмеялся и заявил:

— Дракона посрамить нельзя.

Тогда послышался чей-то голос:

— Я буду сражаться за сьера Дункана.

Из тумана возник черный конь с черным всадником. Дунк увидел дракона на щите и красный эмалевый гребень шлема с тремя ревущими головами. «Молодой принц. Милосердные боги, неужели это он?»

Лорд Эшфорд допустил ту же ошибку.

— Принц Валарр?

— Нет.— Черный рыцарь поднял забрало.— Я не собирался участвовать в Эшфордском турнире, ваша милость, поэтому не взял с собой доспехов. Мой сын любезно ссудил мне свои.— В улыбке принца Баэлора сквозила печаль.

Обвинители пришли в замешательство, и принц Маэкар послал своего коня вперед.

— Брат, в своем ли ты уме? — Он наставил одетый в кольчугу палец на Дунка.— Этот человек напал на моего сына.

— Этот человек защищал слабых, как подобает истинному рыцарю. Пусть боги решают, прав он или виноват.— Баэлор повернул черного Валаррова коня и поехал рысью в южный конец поля.

Дунк на Громе поравнялся с ним, и прочие защитники собрались вокруг: Робин Раслинг и Лионель и оба Хамфри. Все хорошие воины, но достаточно ли они хороши?

— А где Раймун?

— Сьер Раймун, будьте любезны.— Фоссовей подъехал в шлеме с перьями, с угрюмой улыбкой на лице.— Прошу прощения, сьер. Мне пришлось внести небольшие изменения в свой герб, чтобы меня не принимали за моего бесчестного кузена.— Он показал всем свой блестящий золотой щит — яблоко Фоссовеев осталось на нем, но из красного стало зеленым.— Боюсь, что я еще не дозрел... но лучше быть зеленым, чем червивым, верно?

Сьер Лионель рассмеялся, Дунк тоже не сдержал усмешки, и даже принц Баэлор как будто одобрил эту мысль.

Септон лорда Эшфорда стал перед павильоном и воздел ввысь свой кристалл, призывая к молитве.

— Послушайте меня все,— тихо сказал Баэлор.— В первую атаку обвинители пойдут с боевыми копьями — ясеневыми, восемь футов длиной. Древки у них укреплены, а наконечники такие острые, что на скаку способны пробить любые доспехи.

— Мы будем вооружены так же,— заметил Хамфри Бисбери.

Септон между тем молил Семерых воззреть на этот бой, разрешить спор и даровать победу правым.

— Нет,— возразил Баэлор.— Мы возьмем турнирные копья.

— Но ведь они сразу ломаются — их такими и делают,— сказал Раймун.

— Помимо этого, в них двенадцать футов длины. Если мы ударим первыми, противники нас уже не коснутся. Цельтесь в шлем или в грудь. На турнире считается почетным сломать копье о щит противника, но здесь это может привести к гибели. Если мы сумеем спешить их, а сами останемся в седлах, преимущество будет за нами. В случае если сьер Дункан будет убит, будет считаться, что боги осудили его и сражение остановится. Если оба его обвинителя будут убиты или возьмут свои обвинения назад, произойдет то же самое. При всяком ином обороте событий все семеро бойцов с той или другой стороны должны погибнуть или сдаться, чтобы бой прекратился.

— Принц Даэрон не станет драться,— сказал Дунк.

— Боец из него в любом случае неважный,— засмеялся сьер Лионель.— Зато на их стороне трое Белых Мечей.

— Мой брат совершил ошибку, приказав королевским рыцарям сражаться за своего сына,— спокойно заметил Баэлор.— Присяга запрещает им причинять вред принцу крови — а я, к счастью, отношусь к таковым. Не допускайте ко мне остальных, а с королевскими рыцарями я управлюсь.

— Но рыцарский ли это поступок, мой принц? — спросил Лионель Баратеон.

Септон как раз завершил молитву.

— Пусть боги судят, рыцарский он или нет.

———

Глубокая, полная ожидания тишина опустилась на Эшфордский луг.

На расстоянии восьмидесяти ярдов серый жеребец Аэриона в нетерпении рыл копытом мокрую землю. Гром по сравнению с ним казался спокойным. Он был постарше, побывал в полусотне битв и знал, что от него требуется. Эг подал Дунку щит:

— Да пребудут с вами боги, сьер.

Вяз и падающая звезда придали Дунку отваги. Он продел левую руку в крепление и стиснул пальцы. «Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня». Железный Пейт подал копье, но Эг настоял на том, чтобы самому вложить его в руку Дунка.

Остальные защитники тоже вооружились копьями и растянулись в длинную линию. Принц Баэлор стал справа от Дунка, сьер Лионель — слева, но Дунк в свою узкую глазную щель мог видеть только то, что перед ним. Исчез и павильон, и простой народ, толпящийся за изгородью,— остались только грязное поле, бледный туман, город с замком на севере да Аэрион на сером коне, с языками пламени на шлеме и драконом на щите. Вот оруженосец подал принцу боевое копье длиной восемь футов и черное как ночь. «Он пронзит им мое сердце, если сможет».

Протрубил рог.

Все пришло в движение, только Дунк на миг замер, как муха в янтаре. Панический страх прошил его насквозь. «Я все забыл,— подумал он в смятении.— Я все забыл, сейчас я опозорюсь и проиграю бой».

Его спас Гром. Большой бурый жеребец знал, что нужно делать, даже если его всадник этого не знал. Гром пустился вперед медленной рысью. Дунк, вспомнив уроки старика, тронул коня шпорами, взял копье наперевес и прикрыл щитом левую часть тела. Щит он держал под углом, чтобы отражать удары. «Дуб и железо, храните меня от смерти и адова огня».

Шум толпы стал глухим, как далекий прибой. Гром перешел в галоп, и у Дунка лязгали зубы. Он стиснул коня ногами, слившись с ним воедино. «Я — это Гром, а Гром — это

я, мы одно существо, мы едины». Воздух внутри шлема успел уже так нагреться, что стало трудно дышать.

Будь это турнир, противник приближался бы слева, и Дунку полагалось направить копье поперек шеи Грома. Под таким углом оно вернее сломается от удара. Но нынче игра шла не на жизнь, а на смерть. На поле не было барьеров, и кони неудержимо неслись навстречу друг другу. Вороной принца Баэлора шел куда быстрее Грома, и Дунк увидел в свою щель, как принц вынесся вперед. Других он скорее чувствовал, чем видел. Это ничего. Главное сейчас — Аэрион.

Дунк видел, как приближается дракон. Комья грязи летели из-под копыт его скакуна, и ноздри серого раздувались. Черное копье все еще смотрело вверх. Рыцарь, который держит копье отвесно и опускает его в самый последний миг, рискует направить его слишком низко, говорил Дунку старик. Сам Дунк нацелился острием принцу в грудь. «Мое копье — часть моей руки,— говорил он себе.— Это мой палец, деревянный палец. Все, что мне нужно,— это коснуться врага своим длинным деревянным пальцем».

Он старался не смотреть на острие черного копья Аэриона, которое с каждым шагом делалось все больше. Смотри только на дракона, твердил он себе. Вот он, дракон, на щите — красные крылья и золотое пламя. Нет, не туда — смотри в место, куда хочешь ударить, напомнил себе Дунк, но его копье уже отклонилось от цели. Дунк попытался поправить его, но опоздал. Острие ударило в щит Аэриона меж двух драконьих голов, попав в язык нарисованного пламени. Раздался глухой треск, Гром содрогнулся от столкновения, и в следующий миг что-то со страшной силой двинуло Дунка в бок. Кони столкнулись, лязгнув броней, и копье вылетело из руки Дунка. Он промчался мимо врага, цепляясь за седло в отчаянном усилии удержаться. Гром поскользнулся в грязи, и его задние ноги поехали куда-то. Они скользили, крутились, и наконец жеребец хлопнулся крупом наземь.

— Вставай! — взревел Дунк, вонзив в него шпоры.— Вставай, Гром! — И старый боевой конь каким-то образом снова утвердился на ногах.

Дунк чувствовал острую боль под ребром, и левую руку тянуло вниз. Копье Аэриона пробило и дуб, и шерсть, и сталь: из бока торчал трехфутовый обломок ясеневого древка. Дунк ухватил его правой рукой чуть выше наконечника, стиснул зубы и дернул что есть мочи. Сквозь кольца кольчуги хлынула кровь, окрасив камзол. Мир завертелся колесом, и Дунк чуть не упал. Сквозь дымку боли он слышал голоса, зовущие его по имени. От красивого щита не было больше никакого толку. Дунк отбросил прочь и вяз, и падающую звезду, и сломанное копье. Он вытащил меч, но боль не давала размахнуться как следует.

Развернув Грома кругом, он попытался разглядеть, что происходит на поле. Сьер Хамфри Хардинг, как видно раненый, вцепился в шею коня. Другой сьер Хамфри лежал неподвижно в кровавой грязи, и сломанное копье торчало у него из паха. Принц Баэлор промчался мимо, все еще с копьем, и вышиб одного королевского рыцаря из седла. Другого белого рыцаря и Маэкара спешили еще раньше. Третий бился на мечах со сьером Робином.

Но где же Аэрион? Топот копыт позади заставил Дунка резко повернуть голову. Гром взвился на дыбы и беспомощно забил копытами, когда серый жеребец Аэриона врезался в него на полном скаку.

На этот раз усидеть было невозможно. Меч выпал из руки Дунка, и земля устремилась ему навстречу. Он грохнулся так, что кости задребезжали, и его прошила боль, такая сильная, что он заплакал. Он мог только лежать и больше ничего. Во рту стало солоно от крови. Дунк-чурбан вздумал податься в рыцари. Он знал, что должен встать, иначе ему конец. Со стонами Дунк приподнялся на четвереньки. Ни дышать, ни видеть он не мог — глазную щель залепило грязью. Вслепую поднявшись на ноги, он соскреб грязь пальцем в кольчужной перчатке.

Он увидел летящего на него дракона и булаву на цепи — а после его голова разбилась на кусочки.

Он открыл глаза и понял, что снова лежит, растянувшись на спине. Вся грязь со шлема осыпалась, но теперь один глаз залепило кровью. Вверху не было ничего, кроме серого неба.

Лицо саднило, и сырой металл холодил щеки и виски. Он разбил мне голову, и я умираю... А еще хуже то, что вместе со мной погибнут Раймун, принц Баэлор и остальные. Я подвел их, я никакой не боец, я даже не межевой рыцарь. Я ничто. Он вспомнил похвальбу принца Даэрона — никто, мол, не может валяться без чувств в грязи так, как я. Видел бы он Дунка-чурбана! Стыд был еще хуже боли.

Над Дунком навис дракон.

С тремя головами и крыльями яркими, как огонь,— желто-красно-оранжевыми. Дракон смеялся.

— Жив еще, межевой рыцарь? — спрашивал он.— Проси пощады и признай свою вину — тогда я, быть может, ограничусь рукой и ногой. Да, еще зубы — но что такое зубы? Такой, как ты, годами может жить на гороховой похлебке. Не хочешь? Тогда отведай вот этого.— Утыканный шипами шар взвился в небо и обрушился на голову Дунка, как упавшая звезда.

Но Дунк откатился в сторону.

Он не знал, откуда у него взялись силы, но откуда-то взялись. Он подкатился под ноги Аэриону, обхватил одетой в сталь рукой ляжки принца, повалил его в грязь и навалился сверху. Пусть-ка помашет теперь своей проклятой булавой. Принц попытался двинуть Дунка по голове краем своего щита, но шлем выдержал удар. Аэрион был силен, но Дунк был сильнее, выше и тяжелее. Он ухватился за щит обеими руками и крутанул так, что крепления порвались. Тогда Дунк стал долбить принца щитом по шлему снова и снова. Эмалевое пламя разлетелось вдребезги. Щит был толще, чем у Дунка,— крепкий дуб, окованный железом. Принц уже лишился своих огненных языков, а Дунк еще только вошел во вкус.

Аэрион выпустил ставшую бесполезной булаву и схватился за кинжал на бедре. Он вынул его из ножен, но Дунк стукнул принца щитом по руке, и кинжал выпал в грязь.

Принц мог бы победить сьера Дункана Высокого, но не Дунка из Блошиной Ямы. Старый рыцарь обучил Дунка приемам конного боя и фехтованию, но драться так, как теперь, Дунк научился еще раньше, в темных переулках у городских виноделен. Он продолжал бить щитом и сшиб забрало со шлема Аэриона.

Забрало — самое слабое место, как верно сказал Железный Пейт. Принц почти уже не боролся, и его лиловые глаза были полны ужаса. Дунк испытал внезапное искушение схватить один глаз и сжать его, как виноградину, между двумя стальными пальцами — но это было бы не по-рыцарски.

— СДАВАЙСЯ! — заорал он.

— Сдаюсь,— прошептал дракон, едва шевеля бледными губами. Дунк заморгал, не сразу поверив своим ушам. Стало быть, все? Он повертел головой из стороны в сторону, все еще плохо видя из-за удара, повредившего левую сторону его лица. Принц Маэкар с булавой пытался пробиться к сыну. Баэлор Сломи Копье сдерживал его.

Дунк, шатаясь, поднялся на ноги и потянул за собой принца Аэриона. Оборвал застежки своего шлема и отбросил его прочь. На него тут же хлынули картины и звуки: рычание, ругань, крики толпы. Один конь визжал, другой скакал по полю без седока. Повсюду сталь лязгала о сталь. Раймун с кузеном, оба пешие, вовсю рубились перед павильоном. От щитов с яблоками, красным и зеленым, летели щепки. Один из королевских рыцарей уносил с поля своего раненого собрата. Они были похожи, как близнецы, в своих белых доспехах и белых плащах. Третий белый рыцарь упал, и Смеющийся Вихрь примкнул к Баэлору против принца Маэкара. Булава, топор и меч лязгали о щиты и шлемы попеременно. Маэкар получал три удара на один свой, и Дунк видел, что он скоро выдохнется. «Надо положить этому конец, пока еще кого-нибудь не убили».

Аэрион внезапно нагнулся за своей булавой, но Дунк лягнул его, повалил ничком наземь, а после ухватил за ногу и поволок через поле. Доехав таким манером до павильона, где сидел лорд Эшфорд, Огненный Принц стал черен, как чушка. Дунк поставил его на ноги и встряхнул, закидав грязью лорда Эшфорда и королеву турнира.

— Скажи ему!

Аэрион Яркое Пламя выплюнул грязь и траву изо рта.

— Я отказываюсь от своего обвинения.

После Дунк не мог вспомнить, ушел он с поля сам или ему помогли. У него болело все — одно больше, другое меньше. Неужто я теперь и вправду рыцарь? — думал он при этом. И победитель к тому же?

Эг помог ему снять поножи и воротник. Были тут и Раймун, и Железный Пейт — Дунк плохо различал их. Он только чувствовал их пальцы и слышал голоса.

— Поглядите, что он сделал с моими доспехами,— жаловался Пейт.— Все помятые, поцарапанные. Ну мне-то что? Я свое получил. А вот кольчугу с него придется срезать.

— Раймон,— поспешно произнес Дунк, схватив друга за руку,— как там остальные? Кто-нибудь погиб?

— Бисбери. Его убил Доннел из Дускенделя при первой атаке. Второй сьер Хамфри тоже тяжело ранен. Остальные отделались синяками — кроме тебя, конечно.

— А обвинители?

— Сьера Виллема Вильда унесли с поля без памяти, а я, кажется, сломал моему кузену пару ребер. Надеюсь, во всяком случае.

— А принц Даэрон? Он жив?

— Когда сьер Робин сбил его с коня, он остался лежать там, где упал. Может быть, у него нога сломана — на нее наступил его собственный конь.

Дунк, несмотря на туман в голове, испытал огромное облегчение.

— Значит, его сон о мертвом драконе не сбылся. Если только Аэрион не умер — но ведь он жив?

— Жив, ты ведь пощадил его,— сказал Эг.— Не помнишь разве?

— Как сказать.— Воспоминания о битве тоже заволокло туманом.— Мне то кажется, что я пьян, то делается так больно, будто я умираю.

Его уложили на спину и совещались над ним, а он смотрел в хмурое серое небо. Ему казалось, что теперь все еще утро. Он не знал, сколько времени продолжался бой.

— Боги, как глубоко вдавилась кольчуга в тело,— сказал Раймун.— Это же адские муки...

— Дать ему выпить и полить кольчугу кипящим маслом,— предложил кто-то.— Так лекари делают.

— Вином,— поправил чей-то звенящий металлом голос.— Не маслом, это его убьет, а кипящим вином. Я пришлю к нему мейстера Йормвеля, когда тот закончит с моим братом.

Над Дунком стоял черный рыцарь в помятых, поцарапанных черных доспехах. Принц Баэлор. Алый дракон на его шлеме лишился головы, обоих крыльев и большей части хвоста.

— Ваше высочество,— сказал Дунк,— я хочу служить вам. Вам одному.

— Хорошо.— Черный рыцарь оперся на плечи Раймуна.— Мне нужны хорошие рыцари, сьер Дункан. И стране тоже.— Голос принца звучал как-то невнятно, точно он прикусил язык.

Дунк очень устал, и его одолевал сон.

— Я ваш,— пробормотал он.

Принц повел головой из стороны в сторону.

— Сьер Раймун... мой шлем, будьте так добры. Забрало... оно треснуло, а пальцы у меня как деревянные.

— Сию минуту, ваше высочество.— Раймун взялся за шлем принца обеими руками и крякнул.— Помоги-ка, мастер Пейт.

Железный Пейт подтащил скамейку, с которой садились на коня.

— Слева на затылке вмятина, ваше высочество, и шлем вклинился в воротник. Хорошая сталь, коли она выдержала такой удар.

— Братнина булава, скорее всего,— проговорил Баэлор.— Он очень силен.— Принц поморщился.— Какое-то странное чувство...

— Сейчас, ваше высочество.— Пейт снял покореженный шлем.— О боги. О боги, будьте милостивы к нам...

Дунк видел, как из шлема выпало что-то красное и мокрое, и кто-то испустил страшный, тонкий крик. На сером небе качался высокий-высокий принц в черных доспехах и только с одной половиной черепа. На месте другой виднелась красная кровь, белая кость и что-то еще, голубовато-серое и мягкое. Странное недоуменное выражение набежало на лицо

Баэлора, как облако набегает на солнце. Он поднял руку и легонько, двумя пальцами, потрогал затылок. А потом упал.

Дунк подхватил его. Потом ему говорили, что он сказал принцу:

— Вставай.— Словно Грому.— Вставай, вставай.— Но Дунк этого не помнил, а принц не встал.

Баэлор из дома Таргариенов, принц Драгонстонский, Рука Короля, Защитник Державы, наследник Железного Трона Семи королевств Вестероса, был сожжен во дворе Эшфордского замка на северном берегу реки Кокльсвент. Другие знатные семьи зарывают своих покойников в сырую землю или топят в холодном зеленом море — но Таргариены ведут свой род от дракона, и их хоронят в огне.

Он был первейшим рыцарем своего времени, и многие настаивали на том, что он должен отправиться в вечность одетый в кольчугу и панцирь, с мечом в руке. Но король распорядился по-иному — Даэрон II был человек мирный. Дунк, доковыляв до погребального ложа, увидел Баэлора в черном бархатном камзоле с алым трехглавым драконом, вышитым на груди, с тяжелой золотой цепью на шее. Меч в ножнах лежал сбоку, но шлем на принца все-таки надели — легкий золотой шлем с поднятым забралом, чтобы все могли видеть его лицо.

Валарр, молодой принц, стоял в ногах. Он был чуть пониже, постройнее, покрасивее своего отца и еще не обзавелся сломанным носом, придававшим Баэлору не столько величие, сколько человечность. Каштановые волосы Валарра пересекала яркая серебристо-золотая прядь. Она напомнила Дунку об Аэрионе — но это, пожалуй, зря. Волосы у Эга, отрастая, делались такими же, как у брата, а Эг для принца довольно славный парнишка.

Когда Дунк стал неуклюже выражать свои соболезнования, пересыпая их словами благодарности, принц Валарр прищурил на него холодные голубые глаза.

— Отцу было всего тридцать девять лет. Он должен был стать великим королем, самым великим после Аэгона Драко-

на. Почему же боги взяли его, а вас оставили? Ступайте отсюда, сьер Дункан. Ступайте.

Не найдя слов, Дунк захромал из замка в свой лагерь у зеленого пруда. Ему нечего было ответить Валарру, да и себе самому тоже. Мейстеры и кипящее вино сделали свое дело — рана заживала, не гноясь, хотя между левой рукой и соском должен был остаться большой бугристый шрам. Дунк не мог смотреть на рану, не думая при этом о Баэлоре. «Он спас меня сначала мечом, а потом советом, хотя сам уже тогда был не жилец». Нет смысла в мире, если прославленный принц погибает, а межевой рыцарь остается жить. Дунк сел под вязом, уныло глядя в землю.

Когда однажды к вечеру в лагерь явились четверо стражников в королевских мундирах, Дунк проникся уверенностью, что они пришли его убить. Слишком слабый и усталый, чтобы хвататься за меч, он сидел спиной к вязу и ждал.

— Наш принц желал бы поговорить с вами наедине.

— Принц? — насторожился Дунк.— Который?

— Вот этот,— ответил Маэкар Таргариен, выйдя из-за вяза.

Дунк медленно поднялся на ноги. «Чего еще ему надо от меня?»

Маэкар сделал знак, и стражники исчезли столь же внезапно, как и появились. Окинув Дунка пристальным взглядом, принц отошел и стал у пруда, глядя на свое отражение.

— Аэриона я отправил в Лис,— отрывисто сообщил он.— Быть может, несколько лет в Вольных Городах изменят его к лучшему.

Дунк никогда не бывал в Вольных Городах и потому не знал, что сказать. Он был рад, что Аэрион уехал из Семи королевств, и надеялся, что принц никогда не вернется, но отцу о сыне так говорить не полагается. Дунк промолчал, а принц Маэкар обернулся к нему лицом.

— Люди, конечно, будут говорить, что я убил своего брата намеренно. Боги видят, что это ложь, но пересуды будут преследовать меня до смертного часа. И я не сомневаюсь, что это моя палица нанесла ему смертельный удар. Кроме меня, он сражался только с королевскими рыцарями, а им присяга дозволяет только защищаться. Значит, это был я. Странно,

но я даже не помню удара, которым проломил ему череп. Что это — милость или проклятие? Должно быть, и то и другое.

Принц посмотрел на Дунка так, словно ждал ответа.

— Не знаю, что сказать, ваше высочество.— Дунку, пожалуй, следовало бы возненавидеть принца Маэкара, но он почему-то сочувствовал этому человеку.— Да, палицу держали вы, но погиб принц Баэлор из-за меня. Значит, и я его убийца — не меньше, чем вы.

— Да,— признал принц.— Вас тоже будут преследовать пересуды. Король стар. Когда он умрет, Валарр взойдет на Железный Трон вместо своего отца. И каждый раз, когда будет проиграна битва или случится неурожай, дурачье будет говорить: «Баэлор такого не допустил бы, но межевой рыцарь убил его».

Дунк знал, что это правда.

— Если бы я не вышел на бой, вы отрубили бы мне руку. И ступню. Иногда я, сидя здесь под вязом, смотрю на свою ногу и спрашиваю себя: не мог бы я обойтись без нее? Разве стоит моя нога жизни принца? И оба Хамфри тоже были славные мужи.

Сьер Хамфри Хардинг скончался от ран прошлой ночью.

— Что же отвечает вам ваше дерево?

— Если оно и говорит что-то, то я не слышу. Но старик, сьер Арлан, каждый вечер повторял: «Что-то принесет нам завтрашний день?» Он не знал этого — и мы тоже не знаем. Может, настанет такой день, когда эта нога мне пригодится? Может, она и королевствам понадобится — больше даже, чем жизнь принца?

Маэкар, поразмыслив, стиснул челюсти под серебристой бородой, делавшей его лицо квадратным.

— Черта с два,— бросил он наконец.— В королевствах столько же межевых рыцарей, сколько и межей, и у всех у них ноги на месте.

— Не найдется ли у вашего высочества ответа получше?

Маэкар нахмурился.

— Быть может, боги любят жестоко подшутить над нами. А может, их вовсе нет, богов. Может, все это ничего не значит. Я спросил бы верховного септона, но в последний раз,

когда я был у него, он сказал, что промысел богов человеку недоступен. Может, ему следовало бы поспать под каким-нибудь деревом.— Маэкар скорчил гримасу.— Мой младший сын, похоже, привязался к вам, сьер. Ему уже время поступить в оруженосцы, но он сказал, что будет служить только вам и больше никому. Он непослушный мальчишка, как вы сами могли заметить. Согласны вы взять его к себе?

— Я? — Дунк открыл рот, закрыл и снова открыл.— Эг... то есть Аэгон, он, конечно, хороший парнишка, и я понимаю, что для меня это честь, но... ведь я только межевой рыцарь.

— Это можно поправить. Аэгон вернется в мой замок в Саммерхоле. Там и для вас найдется место, если захотите. Вы поступите ко мне на службу, принесете присягу, и Аэгон станет вашим оруженосцем. Вы будете учить его, а мой учитель фехтования придаст блеск вам самим. Не сомневаюсь, что ваш сьер Арлан сделал для вас все, что мог, но вам еще есть чему поучиться.

— Я знаю, ваше высочество.— Дунк посмотрел на траву, на тростник, на высокий вяз, на солнечную рябь пруда. Над водой снова кружила стрекоза — быть может, та самая. Ну так что же, Дунк? Стрекозы или драконы? Еще несколько дней назад он знал бы, что ответить. Это было все, о чем он мечтал, но теперь мечта, став осуществимой, почему-то пугала его.— Перед самой смертью принца Баэлора я поклялся, что буду служить ему.

— Весьма смело с вашей стороны. И что же он ответил?

— Что стране нужны смелые рыцари.

— Это верно. Ну и что же?

— Я возьму в оруженосцы вашего сына, но не в Саммерхоле. Год-другой по крайней мере нас там не увидят. На мой взгляд, он довольно пожил в замке. Я возьму его только в том случае, если он отправится со мной в дорогу. Он будет ездить на моей лошади,— Дунк кивнул на старую Кащтанку,— носить мой старый плащ, точить мой меч и чистить мою кольчугу. Мы будем ночевать в гостиницах и на конюшнях, а временами в замке какого-нибудь богатого рыцаря или мелкого лорда — да и под открытым небом, когда придется.

Маэкар посмотрел на него недоверчиво.

— Уж не повредились ли вы умом после суда? Аэгон — принц крови, потомок дракона. Принцы не созданы для того, чтобы спать в канавах и есть жесткую солонину. Вы хотите сказать еще что-то, но боитесь? Выкладывайте смело, сьер.

— Бьюсь об заклад, что Даэрон никогда не спал в канаве,— очень тихо сказал Дунк,— Аэрион всю жизнь ел только самое свежее, нежное и сочное мясо.

Маэкар Таргариен, принц Саммерхольский, посмотрел на Дунка из Блошиной Ямы долгим взглядом, медленно двигая челюстями под серебристой бородой, а затем повернулся и пошел прочь, не сказав ни слова. Дунк услышал, как он уехал со своими людьми, и единственным звуком стал гул крылышек стрекозы, летающей над водой.

Мальчик явился на следующее утро, как только взошло солнце,— в старых сапогах, бурых штанах, буром шерстяном камзоле и поношенном дорожном плаще.

— Отец сказал, что я поступаю к тебе на службу.

— На службу к вам, сьер,— поправил Дунк.— Для начала можешь оседлать лошадей. Каштанка твоя — обращайся с ней хорошо. И не смей садиться на Грома без моего разрешения.

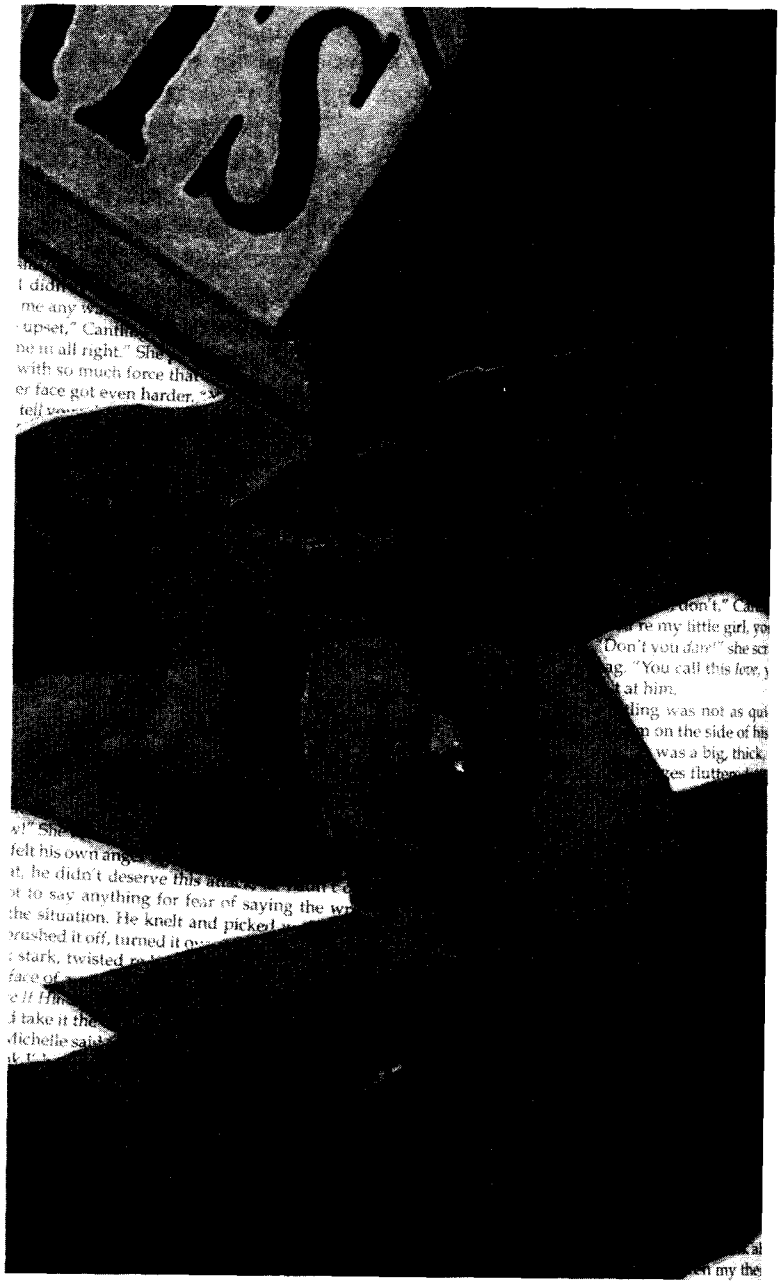
Эг пошел за седлами.

— А куда мы едем, сьер?

Дунк подумал немного.

— Я никогда не бывал за Красными горами. Не хочешь ли отправиться в Дорн?

— Я слыхал, там хорошие кукольники,— с усмешкой ответил Эг.

Портреты его детей

Бандероль эту Ричард Кантлинг обнаружил как-то вечером на исходе октября, когда вышел на свою обычную прогулку. Бандероль была прислонена к стене у входной двери. Он рассердился — ведь он уже не раз просил почтальона обязательно звонить, когда почтовые отправления не пролезали в щель ящика, но тот упрямо оставлял бандероли и посылки на крыльце, откуда их спокойно мог унести любой прохожий. Хотя справедливости ради следует упомянуть, что дом Кантлинга стоял особняком, примостившись над речным обрывом в самом конце тупичка, да и от посторонних глаз его надежно заслоняли деревья. Тем не менее ветер, дождь или снег могли нанести оставленным пакетам непоправимый ущерб.

Однако досада тут же рассеялась. Форма бандероли, аккуратно обвернутой в плотную бумагу и аккуратно запечатанной сургучом, говорила сама за себя. Явно картина, а начертать зеленым фломастером его адрес такими жирными печатными буквами могла только Мишель. Итак, еще один автопортрет. Наверное, ее мучает раскаяние.

Он даже себе не признался, до какой степени удивлен. Ему всегда было свойственно упрямство. Обиды он таил годами, даже десятилетиями, и свои ошибки признавал с величайшим трудом. И Мишель, его единственный ребенок, казалось, унаследовала его склад характера. И он не ждал от нее такого жеста. Такого... ну... милого.

© Перевод И. Гуровой.

Он прислонил трость к косяку и поспешил с бандеролью в дом, где ее можно было развернуть, не опасаясь никаких порывов сырого октябрьского ветра. Высотой она была около трех футов и оказалась неожиданно тяжелой. Он неловко поднял ее, ногой захлопнул за собой дверь и, пошатываясь, побрел через длинный холл в кабинет. Коричневые занавески были плотно задернуты, в кабинете царила темнота и затхло пахло пылью. Он поставил бандероль, нашаривая выключатель.

В кабинет он почти не заглядывал с того самого дня, когда Мишель в ярости выбежала вон. Ее автопортрет все еще висел над широкой серой каминной полкой. Камин давно требовалось вычистить, а рядом на стеллаже в беспорядке высились его романы, переплетенные в прекрасную темную кожу. Кантлинг взглянул на портрет, и в нем всколыхнулся прежний гнев, тут же сменившись тоскливым чувством. Как, как она могла? Портрет был по-настоящему хорош и нравился ему больше изломанных абстракций, которые Мишель писала для себя, или банальных книжных обложек, изготовляющихся на заказ ради денег. Ей было двадцать, когда она написала этот автопортрет в подарок ему ко дню рождения. Он им так дорожил! Ни одна фотография не запечатлела ее настолько похоже — и не просто черты лица, угловатые скулы, голубые глаза и спутанные пепельные волосы. Но внутреннюю ее сущность. Она выглядела такой юной, не тронутой жизнью, доверчивой! А улыбка была улыбкой Хелен в день их свадьбы. Он много раз говорил Мишель, как ему нравится эта улыбка.

Ну и естественно, она начала с улыбки. Старинным кинжалом из его коллекции четырьмя свирепыми ударами выкромсала рот. Потом вырезала большие голубые глаза, словно стараясь ослепить изображение. Когда он вбежал следом за ней, она уже превращала портрет в лохмотья широкими ударами наотмашь. Кантлинг не мог забыть этой минуты. Чудовищно... И поступить так с собственным творением... Он был не в силах понять. Пытался представить, как уродует какую-нибудь из своих книг. Пытался проанализировать причины... И не сумел. Нечто немыслимое, невообразимое.

Погубленный портрет все еще висел на прежнем месте. Из упрямства он его не снял, но смотреть на него был не в силах. И потому перестал пользоваться кабинетом. Это его не стеснило. Старый дом был очень обширен, и комнат было куда больше, чем могло ему потребоваться в его одиночестве. Дом построили сто лет тому назад, когда Перрот был процветающим речным портом, и, по местному преданию, в нем жили поколения пароходных капитанов. Бесспорно, в его готической архитектуре и пряничной изукрашенности таилось что-то от пароходов тех дней, когда они бороздили реку во всей славе. А из окон третьего этажа с балкончика, опоясывавшего чердачную башенку, открывался чудесный вид на Миссисипи. После случившегося Кантлинг перенес свой письменный стол и пишущую машинку в одну из запертых спален и обосновался там, решив, что кабинет останется в своем нынешнем виде, пока Мишель не вернется просить прощения.

Однако он не ожидал, что это произойдет так скоро и примет такую форму. Всхлипывания в телефонной трубке — да, но не еще один портрет. Однако так было приятнее, с какой-то личной теплотой. И жест, заглаживающий вину. Первый шаг к примирению. Ричард Кантлинг прекрасно знал, что сделать такой шаг не способен, как бы ни терзало его одиночество. А он чувствовал себя очень одиноким — к чему себя обманывать? Он расстался с нью-йоркскими друзьями, когда переехал в этот речной городок в Айове, а здесь не завязал дружбы ни с кем. Ничего нового в этом не было. Душевной распахнутостью он не отличался. Тайная стеснительность стояла между ним и теми немногими друзьями, которых он сумел найти. И между ним и его семьей. Хелен часто упрекала его за то, что персонажи, им созданные, ему дороже живых людей — обвинение, которое лет с четырнадцати подхватила и Мишель. Хелен тоже исчезла из его жизни. Десять лет назад они развелись, а пять лет назад она умерла. Мишель, какие бы выходки она себе ни позволяла, была единственным, что у него осталось. Ему ее очень не хватало. Не хватало даже стычек с ней.

Разрывая грубую оберточную бумагу, он думал о Мишель. Конечно, он ей позвонит и скажет, как хорош новый порт-

рет, как он ему понравился. Скажет, что скучает без нее, пригласит приехать на День благодарения. Да, именно так. Ни слова об их ссоре — начинать все заново он не хочет, а уступать по-хорошему ему несвойственно, как и Мишель. Фамильная черта — эта упрямая воинственная гордость, столь прирожденная, как угловатые скулы и квадратный подбородок. Кантлинговское наследие.

Старинная рама — деревянная, резная, очень тяжелая. Совершенно в его вкусе. К викторианскому интерьеру она подойдет много лучше, чем тонкая рамка того портрета. Кантлинг сдернул бумагу, торопясь увидеть произведение своей дочери. Ей теперь почти тридцать... Или уже за тридцать? Он никогда не помнил точно ее возраста и забывал про ее дни рождения. Но в любом случае художница она теперь много лучше, чем в двадцать лет. И новый автопортрет должен быть чем-то выдающимся. Он снял последнюю обертку и повернул его к себе.

В первую секунду он подумал, что это прекрасное произведение, возможно, самое лучшее из всего, что написано Мишель Кантлинг.

Затем с некоторым опозданием восхищение исчезло, сменилось гневом. Это была не она, не Мишель. И значит, не замена портрета, который она так непростительно искромсала. Это было... что-то другое.

Кто-то другой.

Лицо, которого он никогда прежде не видел. Но лицо, которое он узнал сразу, словно смотрел на него тысячи раз. Да-да.

Мужчина на портрете был молод. Лет двадцати или даже моложе, хотя его каштановые кудри заметно тронула седина. Непокорные волосы, растрепанные, словно он только что встал с постели, падающие на глаза, на зеленые глаза с какой-то ленцой, искрящиеся тайным смехом. Угловатые скулы Кантлингов, но линия подбородка совсем другая, чужеродная. Сардоническая улыбка под широким плоским носом, а в позе — веселая наглость. Линялые холщовые штаны, драный свитер «Добрый парень», в руке — полусъеденная сырая луковица. Фоном служила кирпичная стена, испещренная граффити.

Его создал Кантлинг.

Эдвард Донахью. Хью, так его называли друзья и сверстники, другие персонажи первого романа Ричарда Кантлинга «Болтаясь на углу». Хью был главным действующим лицом. Многоопытный, острый на язык, слишком умный себе во вред. Кантлинг смотрел на портрет, и ему казалось, что он знает его полжизни. По-своему, так оно и было. И знал его, и лелеял по-особому — как писатель способен лелеять свои создания.

Мишель уловила его сущность. Кантлинг смотрел на портрет и вспоминал все — все события, над которыми он терзался так давно, всех людей, которых сотворил с такой любовью. Он вспомнил Джоко, и Каракатицу, и Нэнси, и пиццерию Риччи, где развивалась значительная часть действия его книги (она живо рисовалась в его воображении), и заварушку с Артуром и мотоциклом, и кульминационную драку в пиццерии. И Хью. Особенно Хью. Злится, дурачится, болтается на углу, взрослеет. «А пошли на... если шуток не понимаете!» — говорил он. Много раз. Это была заключительная строка романа.

Несколько секунд Ричард Кантлинг ощущал, как в нем поднимается огромная волна нежности, словно только что встретил старого друга после долгой разлуки.

И тут, словно спохватившись, он вспомнил все безобразные слова, которые они с Мишель обрушивали друг на друга в тот вечер,— и внезапно все встало на свои места. Лицо Кантлинга окаменело.

— Стерва,— сказал он вслух и повернулся в ярости, захлестнутый беспомощностью, потому что не на ком было сорвать злость.— Стерва,— повторил он, захлопывая за собой дверь кабинета.

— Стерва! — назвал он ее тогда.

Она обернулась, сжимая в руке кинжал. Глаза у нее опухли и покраснели от слез. В руке она держала улыбку. Смяла ее и швырнула в него.

— Получай, сволочь! Тебе нравится эта чертова улыбка, так на же!

Комок отскочил от его щеки. Он покраснел.

— Ты прямо как твоя мать,— сказал он.— Она тоже всегда ломала и портила вещи.

— Ты ей давал для этого достаточно оснований, верно?

Кантлинг эти слова пропустил мимо ушей.

— Что с тобой творится, черт побери? Какого черта ты думаешь добиться с помощью этой дурацкой мелодраматичной выходки? Скверная мелодрама, и ничего больше. Кем, черт побери, ты себя воображаешь? Героиней Теннесси Уильямса? Хватит, Мишель! Да помести я подобную сцену в мой роман, меня бы высмеяли!

— Так это же не твой проклятый роман! — закричала она.— Это подлинная жизнь. Моя жизнь. Я живой человек, слышишь, сволочь, а не персонаж в идиотской книжонке! — Она мгновенно обернулась, вскинула кинжал — и кромсала, кромсала...

Кантлинг скрестил руки на груди, неподвижно следя за ней.

— Надеюсь, ты извлекаешь удовольствие из этого бессмысленного упражнения.

— Извлекаю, и еще какое! — огрызнулась Мишель.

— Отлично. Мне было бы жаль, если бы это оказалось впустую. Весьма поучительно, знаешь ли. Ты ведь режешь свое собственное лицо. Вот уж не думал, что ты настолько себя ненавидишь.

— Если и так, мы-то знаем, кто внушил мне эту ненависть, верно? — Она кончила, обернулась к нему и бросила кинжал на пол. Ее снова душили слезы, она тяжело дышала.— Я уезжаю. Сволочь. Надеюсь, ты тут будешь жутко счастлив, очень надеюсь.

— Я ничем не заслужил подобного,— сказал Кантлинг неловко. Не совсем извинение, не мостик, открывающий путь к взаимопониманию, просто максимум, на что он был способен. Ричард Кантлинг никогда не умел просить прощения.

— Ты заслужил чего-нибудь в тысячу раз хуже! — закричала Мишель. Она была такой хорошенькой, а выглядела уродливо. Какая чушь, будто гнев придает людям красоту! Банальное клише, и к тому же сплошная ложь. Кантлинг обрадовался, что ни разу им не воспользовался.

— Ты считаешься моим отцом,— сказала Мишель.— Считается, что ты меня любишь. Ты считаешься моим отцом, а ты... ты меня изнасиловал, сволочь!

Кантлинг всегда спал чутко. Ночью он проснулся и сел на постели, весь дрожа, чувствуя что-то неладное.

В спальне было темно и тихо. Так что же разбудило его? Шум? Кантлинг остро реагировал на всякие звуки. Он слез с кровати и вдел ноги в шлепанцы. Огонь в камине, у которого он сидел перед тем, как лечь спать, давно догорел, и в комнате было прохладно. Он нащупал халат, висевший на спинке широкой старинной кровати, надел его, затянул пояс и тихонько подошел к двери. Она, случалось, скрипела, и потому он отворил ее очень медленно, очень осторожно и прислушался.

Внизу кто-то был. Он услышал, как они там ходят.

У него похолодело под ложечкой. Здесь, наверху, у него не было пистолета, не было никакого оружия. Он не верил в такие предосторожности. К тому же считалось, что ему ничто не угрожает. Это ведь не Нью-Йорк. Считалось, что в старомодном Перроте, штат Айова, он в полной безопасности. И вот кто-то забрался в его дом, чего ни разу не случилось за все годы его жизни на Манхэттене. Так что же ему делать, черт побери?

Полиция! Надо запереть дверь и вызвать полицию. Он вернулся к кровати и протянул руку к телефонной трубке.

Телефон внезапно зазвонил.

Ричард Кантлинг уставился на аппарат. У него было два номера. Один — деловой, подсоединенный к автоответчику, и личный, не значившийся в телефонных справочниках. Его он давал только самым близким друзьям. Горели две сигнальные лампочки. Значит, звонят по личному номеру. Он поколебался, потом взял трубку.

— Алло!

— Самолично он! — произнес голос.— Не дрейфь, папаша. Ты же собрался звякнуть легавым, а? А это всего-навсего я. Спускайся, потолкуем.

У Кантлинга перехватило дыхание. Голос он слышал впервые, но знал его, знал!

— Кто говорит? — спросил он.

— Дурацкий вопрос,— сказал голос четко.— Будто сам не знаешь.

Он знал, но все-таки спросил еще раз:

— Кто?

— Не кто, а Хью. (Эту реплику написал Кантлинг.)

— Ты не реален.

— Вот и парочка критиков то же утверждала. Помнится, тогда это тебя шибко уело.

— Ты не реален,— повторил Кантлинг.

— Ну ты даешь! — сказал Хью.— Если я не реален, так по твоей вине. Не заедайся, о'кей? Накинь что-нибудь на задницу и валяй сюда. Посидим, поговорим.— Он повесил трубку.

Лампочки на аппарате погасли. Ричард Кантлинг оглушенно присел на край кровати. Как это понять? Сон? Нет, он не спит. Что же делать?

Он спустился вниз.

Хью растопил камин в гостиной и, уютно развалившись в большом кожаном кресле Кантлинга, пил из горлышка «Пабст блю риббон». Он лениво улыбнулся входящему Кантлингу.

— А вот и он! Ну чего нос повесил? Пивка хочешь?

— Кто вы, черт побери? — почти крикнул Кантлинг, остановившись.

— Так мы это уже прожевали. Не нуди. Бери бутылку и припаркуй свою задницу у огонька.

— Актер! — сказал Кантлинг.— Проклятый актеришка. Вас Мишель подослала.

— Актер! — Хью ухмыльнулся.— Хреновина! Ты бы в свой романчик всадил такую фигню? Да никогда, дружище. А кто другой напиши такое в журнальчике или в книжке, так ты бы ему всю его фиговую печенку выел.

Кантлинг медленно прошел по комнате, не спуская глаз с парня, развалившегося в его кресле. Нет, это был не актер. Это был Хью, мальчишка из его романа, лицо на портрете.

Все еще пристально его разглядывая, Кантлинг опустился в мягкое, пухлое кресло.

— Нелепость! — сказал он.— Что-то из Диккенса.

Хью захохотал.

— Нет, старик, это не фиговая «Рождественская песнь», и я тебе не дух прошлого Рождества.

Кантлинг нахмурился. Кто бы это ни был, а реплика была не в его характере.

— Неверно! — сказал он резко.— Хью не читал Диккенса. Комиксы — да, но не Диккенса.

— А я фильм видел, папаша,— ответил Хью и отхлебнул из бутылки.

— Почему ты называешь меня папашей? — сказал Кантлинг.— Это тоже неверно. Чистейший анахронизм. Хью был уличным мальчишкой, а не битником.

— Это ты мне говоришь? Будто я не знаю, или что! — усмехнулся он.— На хрена. А как мне тебя еще называть? — Он запустил пальцы в волосы, отбрасывая их со лба.— Как ни крути, я же твой хреновый первенец!

Она хотела назвать будущего ребенка Эдвардом, если родится мальчик.

— Не говори глупостей, Хелен,— ответил он.

— Я думала, тебе нравится имя Эдвард,— сказала она.

Почему, собственно, она торчит в кабинете? Он же работает! Вернее, пытается работать. Он ведь просил ее не входить в кабинет, пока он сидит за машинкой. В первые дни их брака Хелен считалась с его просьбой, но с тех пор, как она забеременела, все пошло прахом.

— Да, мне нравится имя Эдвард,— сказал он ей, стараясь говорить спокойно. Он не терпел, когда его отвлекали.— Мне очень нравится имя Эдвард. Я обожаю чертово имя Эдвард. Вот почему я дал его главному герою. Эдвард — это его имя. Эдвард Донахью. Вот почему мы не можем назвать младенца так. Я уже использовал это имя. Сколько раз я должен объяснять?

— Но в книге ты его ни разу Эдвардом не назвал,— возразила она.

— Ты опять читала рукопись? — Кантлинг нахмурился.— Черт побери, Хелен, я же тебе сто раз говорил, чтобы ты не трогала рукопись, пока она не кончена!

Но она не позволила себя отвлечь.

— Ты же ни разу его Эдвардом не назвал,— повторила она.

— Да,— ответил он.— Совершенно верно. Я не называю его Эдвардом, я называю его Хью, потому что он уличный мальчишка, потому что это его уличная кличка и он не терпит, чтобы его называли Эдвардом. Но это все равно его имя, понимаешь? Эдвард — его имя. Оно ему не нравится, но это его хреновое имя, и в финале он говорил, что его имя — Эдвард, и это чертовски важный момент. Поэтому мы не можем назвать ребенка Эдвардом, так как он уже назван Эдвардом, и мне надоел этот разговор. Если родится мальчик, можем назвать его Лоренсом в честь моего деда.

— Но я не хочу, чтобы его звали Лоренсом,— прохныкала она.— Так старомодно! И ведь его будут звать Ларри, а я это имя терпеть не могу. Почему ты не назвал Лоренсом своего персонажа?

— Потому что его имя Эдвард.

— Я ношу нашего ребенка. На-ше-го,— сказала она и положила руку на вздутый живот, словно Кантлинг нуждался в напоминании.

Ему надоело спорить. Ему надоело обсуждать. Ему надоело, что его отвлекают от работы.

— И давно ты носишь ребенка? — спросил он, откидываясь в кресле.

— Ты знаешь,— ответила Хелен с недоумением.— Уже семь месяцев. С неделей.

Кантлинг наклонился вперед и хлопнул ладонью по стопке напечатанных листов рядом с машинкой.

— Ну а я вот этого ребенка ношу уже три чертовых года. Это четвертый хреновый вариант — и последний. Он был назван Эдвардом в первом варианте, и во втором, и в третьем варианте — и останется, черт побери, Эдвардом, когда чертова книга выйдет. Он был Эдвардом целые годы до той блаженной памяти даты, когда ты решила устроить мне сюрприз, не приняла мер и в результате забеременела.

— Это нечестно,— сказала она жалобно.— Он просто персонаж. А это наш ребенок.

— Нечестно? Хочешь, чтобы было по-честному? Ладно. Пусть по-честному. Наш первенец получит имя Эдвард. Это по-честному?

Хелен просветлела. Она робко улыбнулась.

Но он поднял ладонь и продолжал, не дав ей ничего сказать:

— Конечно, по моим расчетам, я кончу эту чертову штуку через месяц, если ты не будешь все время меня отрывать. А тебе осталось ждать подольше. Но честнее я ничего предложить не могу. Разрешись до того, как я напечатаю «КОНЕЦ», и получай своего Эдварда. Или мой ребенок,— он снова хлопнул ладонью по рукописи,— будет первенцем!

— Ты не можешь...— начала она.

Кантлинг забарабанил по клавишам машинки.

— Мой первенец,— сказал Ричард Кантлинг.

— Он самый,— ответил Хью, приветственно взмахнул бутылкой и сказал: — За отцов и сыновей! — Долгим глотком допил пиво и швырнул бутылку через комнату в камин, где она разлетелась стеклянными брызгами.

— Это сон,— сказал Кантлинг.

Хью ехидно хмыкнул.

— Послушай, старик, не крути! Я же тут.— Он вскочил на ноги.— Блудный сын вернулся! — Он отвесил насмешливый поклон.— Так где же хреновый упитанный телец и прочая фигня? Хоть бы пиццу заказал!

— Хорошо, я подыграю,— сказал Кантлинг.— Чего ты от меня хочешь?

Хью ухмыльнулся.

— Кто? Я? Хрен его знает. Я-то ведь никогда не знал, чего хочу, как тебе известно.— Никто во всем хреновом романе не знал, чего он хочет.

— В этом был весь смысл,— сказал Кантлинг.

— Усек,— ответил Хью.— Что я, идиот, что ли? Сынок Дикки Кантлинга никак не идиот, верно? — Он двинулся к кухне.— В холодильнике есть еще пиво. Хочешь бутылочку?

— Пожалуй,— сказал Кантлинг.— Ведь не каждый день мой старший сын меня навещает. «Дос эквис» с ломтиком лимона, будь так добр.

— Пьешь теперь всякую дрянь с клевыми этикетками, а? Фигня. Как насчет «Пильза»? Было время, когда ты сосал «Пильз» не хуже всех прочих.— Он скрылся за кухонной дверью. Вернулся он с двумя открытыми бутылками «Дос эквис», всунув пальцы в их горлышки, а в левой руке сжимая сырую луковицу. Бутылки позвякивали друг о друга. Одну он протянул Кантлингу.— Бери! Я вот тоже решил приложиться к культуре.

— А лимон? — спросил Кантлинг.

— За своим хреновым лимоном сам сбегай,— ответил Хью.— Лишишь меня содержания или как? — Он ухмыльнулся, подкинул луковицу и отгрыз порядочный кусок.— Лук! — сказал он.— Это я, папаша, тебе припомню! Мало того что должен жрать сырой лук, так, фигня, ты подстроил, что мне это дерьмо даже не нравится. Так прямо и написал в чертовой книжке.

— Совершенно верно,— сказал Кантлинг.— Лук несет двойную функцию. На одном уровне ты его ел, просто чтобы показать, какой ты крутой. Никто еще из ребят в «Риччи» этого не мог, и ты так зарабатывал авторитет. Но на более глубоком уровне, вгрызаясь в луковицу, ты символически провозглашал свою жадность к жизни, свою тягу к ней всей целиком — к горькому и жгучему, а не только к сладкому.

Хью откусил еще кусок.

— Фигня! — буркнул он.— Надо бы тебя заставить сгрызть луковицу, посмотреть, как тебе понравится.

Кантлинг отпил пива.

— Я был молод. Это же моя первая книга. Тогда мне этот штрих казался очень удачным.

— Жри его сырым,— сказал Хью и доел луковицу.

Ричард Кантлинг решил, что эта уютная семейная сцена слишком затянулась.

— Знаешь, Хью, кем бы ты ни был,— сказал он,— ты совсем не то, чего я ждал.

— А чего ты ждал, старик?

Кантлинг пожал плечами.

— Я создал тебя своей мыслью, а не своей спермой, и потому в тебе от меня гораздо больше, чем могло бы оказаться в любом порождении моей плоти. Ты — это я.

— Э-эй! — буркнул Хью.— Невиновен, ваша милость. Я тобой и за миллион не стану!

— У тебя нет выбора. Твоя история возникла из моих подростковых лет. С первыми романами всегда так. «Риччи» — это «Помпеи-пицца» в Нью-Йорке. Твои друзья были моими друзьями, а ты был мной.

— Да неужто? — отозвался Хью с ухмылкой.

Ричард Кантлинг кивнул. Хью расхохотался.

— Как бы не так, папаша!

— То есть как? — окрысился Кантлинг.

— Ты живешь в дерьмовых выдумках, старик, чуешь? Может, тебе и нравится сочинять, будто ты был похож на меня, да только это фигня с любой стороны. Я в «Риччи» был заводилой. А ты в «Помпее» был очкариком и жался у игрового автомата. Меня ты заставил трахаться до опупения в шестнадцать, а сам голые сиськи увидал, когда тебе за двадцать было, в этом твоем занюханном колледже. Ты неделями пыхтел над шуточками, которыми меня заставлял сыпать направо и налево. А сумасшедшие номера, которые я откалывал в книжке? Что-то проделывал Немчура, что-то проделывал Джо, а что-то никто не проделывал, но ты-то никогда ничего из этого не делал, так что не смеши меня!

Кантлинг чуть покраснел.

— Я писал роман. Да, в юности я был немножко отчужденным, но...

— Чокнутым,— сказал Хью.— Чего вилять-то?

— Я не был чокнутым,— отрезал Кантлинг, которого это задело.— «Болтаясь на углу» — правдивая вещь. И нужен был герой, занимающий более центральное место, чем когда-то я. Искусство черпает из жизни, но организуя ее, оформляя, конструируя. Он не может просто ее воспроизводить. Именно это я и делал.

— Не-а! Делал ты вот что: высасывал Немчуру, и Джо, и всех остальных. Прикарманивал их жизнь, старик, и всю честь приписал себе. Даже втемяшил себе в башку психованную

мыслишку, будто я построен на тебе, и так долго это думал, что поверил. Ты пиявка, папаша. Ты чертов вор!

Ричард Кантлинг задыхался от ярости.

— Вон отсюда! — крикнул он.

Хью встал и потянулся.

— У меня сердце, мать его, разрывается. Что же ты, папаша? Выгоняешь малютку-сына за дверь на холод? Что, не так? Пока я сидел в твоей чертовой книжке, когда ты командовал всем, что я говорил и делал, я тебе нравился, так? А вот теперь, настоящий, я тебе не слишком по вкусу, верно? В этом вся твоя беда. Настоящая жизнь тебе всегда нравилась куда меньше книг.

— Жизнь мне нравится, заруби себе на носу! — отрезал Кантлинг.

Хью улыбнулся. Он стоял, как стоял, но вдруг весь как-то поблек, утратил плотность.

— Н-да? — сказал он, и его голос прозвучал слабее, чем раньше.

— Да! — заявил Кантлинг.

Хью таял на глазах. Его тело лишилось всех красок, он выглядел почти прозрачным.

— Старик, а ты докажи! — сказал он.— Пойди в кухню и откромсай кусок от этой твоей фиговой луковицы жизни.— Он встряхнул волосами, засмеялся и все смеялся, смеялся, смеялся, пока не исчез.

Ричард Кантлинг еще долго смотрел на то место, где он стоял, а потом устало побрел наверх спать.

Утром он приготовил себе солидный завтрак: апельсиновый сок, кофе, английские тартинки, густо намазанные маслом и смородинным джемом, омлет с сыром, шесть толстых ломтиков грудинки. Стряпня и поглощение пищи должны были его отвлечь. Но не отвлекли. Он все время думал о Хью. Сон. Ну конечно, бредовый сон. Стеклянные осколки в камине и пустые бутылки на полу гостиной сначала поставили его в тупик, но затем он нашел им объяснение: пьяное помрачение сознания, лунатизм, решил он. Стресс от мыслей о продолжающейся ссоре с Мишель, вызванный портретом, кото-

рый она ему прислала. Надо бы с кем-нибудь посоветоваться — с врачом... с психологом...

После завтрака Кантлинг прошел прямо в кабинет, чтобы теперь же найти разрешение проблемы. Изуродованный портрет Мишель все еще висел над камином. Гноящаяся рана, подумал он. Она воспалилась, и пришло время избавиться от нее.

Кантлинг затопил камин, а когда огонь разгорелся, снял погубленный портрет, разобрал металлическую рамку — он был бережливым человеком — и сжег рваный обезображенный холст. Глядя на жирный дым, он ощутил себя очистившимся.

Теперь на очереди был портрет Хью. Кантлинг повернулся и посмотрел на него. В сущности, отличная вещь. Она уловила характер. Конечно, его можно тоже сжечь, но тогда он присоединится к губительным играм Мишель. Нельзя уничтожать произведения искусства. Свой след он оставил в этом мире, созидая, а не разрушая, и слишком стар, чтобы измениться. Портрет Хью был задуман как жестокий упрек, но Кантлинг решил назло дочери отпраздновать его получение. Он его повесит, повесит на самом видном месте. Он уже знает, где.

Наверху лестница завершалась длинной площадкой, огороженной резными перилами над холлом прямо напротив входа. Длина площадки была пятнадцать футов, и на задней стене ничего не висело. Получится прекрасная портретная галерея, подумал Кантлинг. Человек, входящий в дом, сразу увидит Хью, а поднимаясь на второй этаж, пройдет совсем рядом с ним. Он взял молоток, гвозди и повесил Хью на почетном месте. Когда Мишель придет мириться, она тут же его увидит и, уж конечно, сделает вывод, что Кантлинг не уловил суть ее подарка. Не забыть поблагодарить ее как можно горячее.

Настроение Ричарда Кантлинга заметно улучшилось. Вчерашний разговор превращался в приятное воспоминание. Он выбросил его из головы и до конца дня писал письма своему агенту и издателю. Под вечер, приятно подустав, он с удовольствием выпил чашку кофе с кремовым пирожным, припрятанным в морозильнике. Потом отправился на свою еже-

дневную прогулку и добрых полтора часа бродил над речными обрывами, освежаемый прохладным ветром.

Когда он вернулся, на крыльце его поджидала большая квадратная бандероль.

Он прислонился к стулу и откинулся на кожаную спинку своего кресла, чтобы получше рассмотреть. Ему было немножко не по себе. Портрет обладал несомненной силой. Он почувствовал шевеление в паху, брюки стали неприятно тесными.

Портрет был... ну... откровенно эротичным.

Она лежала в кровати — большой старинной кровати, точь-в-точь как его собственная. Она была совсем голой и, лежа на боку, глядела через плечо. Вы видели гладкую линию ее позвоночника, изгиб правой груди. Большой, упругой и очень красивой груди с напряженным соском в бледно-розовом кружке. Она притягивала к подбородку смятую простыню, прятавшую, впрочем, очень мало. Волосы у нее были медно-золотыми, глаза — зелеными, а улыбка — дразнящей. Юная нежная кожа чуть порозовела, точно после жарких объятий. В центре правой ягодицы был вытатуирован крохотный символ мира. Она, несомненно, была совсем юной — Ричард Кантлинг прекрасно знал, насколько юной. Ей едва исполнилось восемнадцать. Девочка-женщина, запечатленная в божественном промежутке между невинностью и опытом, когда секс — чудесная увлекательнейшая новая игрушка. О да. Он знал о ней очень много. Он знал ее близко-близко.

Сисси.

Он повесил ее портрет рядом с портретом Хью.

Кантлинг назвал этот роман «Увядшие цветы». Его издатель предпочел «Черные розы» — более интригующе, объяснил он, более романтично и зазывно. Кантлинг возражал, отстаивая художественность образа, но был вынужден уступить. Потом, когда роман попал в списки бестселлеров, у него хватило честности признать, что он ошибался. Брайену он тогда послал бутылку его любимого вина.

Этот роман по счету был четвертым и знаменовал его последний шанс. «Болтаясь на углу» получил прекрасные отзывы и разошелся очень недурно, однако следующие две книги критики разнесли вдребезги, а читатели не заметили. Надо было найти что-то новое, и он нашел. «Черные розы» вызвали споры. Одни критики пришли в восторг, другие прониклись к роману омерзением, однако он раскупался, раскупался, раскупался и вышел в мягкой обложке, что в совокупности с продажей прав на экранизацию (снят фильм так и не был) впервые избавило его от финансовых забот. Наконец-то они получили возможность внести аванс за дом, отдать Мишель в частную школу и поставить ей на зубы дорогостоящие пластинки. Остальные деньги Кантлинг вложил как сумел выгоднее. Он гордился «Черными розами» и радовался успеху романа, который создал ему репутацию.

Хелен яростно возненавидела роман.

В тот день, когда он исчез с последнего места в списке бестселлеров, она не сумела скрыть злорадства.

— Я знала, что там ему не удержаться! — сказала она.

Кантлинг сердито бросил газету.

— Он там удерживался очень долго! Какая муха тебя укусила? Когда мы еле сводили концы с концами, тебе это не слишком нравилось. Девочке нужны пластинки на зубы, девочке нужна школа получше, девочке не следует каждый день питаться чертовыми бутербродами с арахисовым маслом и студнем. Ну теперь все это уже позади, а ты злишься еще больше. Похвали меня хоть немного. Разве тебе нравилось быть женой неудачника?

— Мне не нравится быть женой порнографа,— окрысилась Хелен.

— А пошла ты! — сказал Кантлинг.

Она ехидно ему улыбнулась.

— Было бы на что! Ты меня неделями не замечаешь. Тебе больше нравится трахаться со своей Сисси.

— Ты что, с ума сошла? — Кантлинг уставился на нее.— Это же персонаж в моем романе, и все.

— Иди к черту! — в бешенстве крикнула Хелен.— Говоришь со мной как с идиоткой. По-твоему, я не умею читать? По-твоему, я ничего не понимаю? Я прочла твою дерьмовую книжку. И я не дура. Марша, жена, тупая невежественная за-

нудная Марша, жующая жвачку мышка Марша, эта корова, эта язва, эта зубная боль — это же я! По-твоему, у меня соображения не хватает? Так хватает! И у всех моих подруг тоже хватает. Они все меня ужасно жалеют. Ты меня любишь ровно столько, сколько Ричардсон любил Маршу! Ах, Сисси просто персонаж в романе! Как бы не так! Как бы не так! — Хелен заплакала.— Ты в нее влюблен, чтоб тебя черт побрал! Она твоя маленькая онанистичная мечта. Если бы она сейчас сюда вошла, ты меня сразу бы бросил, как Ричардсон бросил добрую старую Маршу. Скажешь, нет? Вот попробуй сказать нет!

Кантлинг смотрел на жену, не веря глазам.

— Я не верю! Ты ревнуешь к персонажу в моей книге. Ты ревнуешь к женщине, которой никогда не существовало.

— Она существует у тебя в голове, а для тебя это важнее всего. Конечно, твою книжонку раскупали нарасхват. Ты думаешь, из-за твоего мастерства? Только из-за секса, только из-за него!

— Секс составляет важную часть жизни,— объявил Кантлинг.— Для искусства это вполне законная тема. Ты хочешь, чтобы я задергивал занавес всякий раз, когда мои персонажи ложатся в постель? Ты этого хочешь? Умение принять сексуальность как она есть — это тема «Черных роз». Естественно, она требовала откровенности в выражении. Не будь ты такой отпетой ханжой, ты бы сама это поняла.

— Я не ханжа! — вскрикнула Хелен.— Не смей называть меня так.— Она схватила тарелку с остатками завтрака и швырнула в него. Он уклонился, и тарелка разбилась о стену.— Если мне не нравится твоя грязная книжонка, это еще не значит, что я ханжа.

— Роман тут ни при чем,— отрезал Кантлинг. Он скрестил руки на груди, но в голосе сохранял спокойствие.— Ты ханжа в том, что делаешь в постели. Или следует сказать: чего не делаешь? — Он улыбнулся.

Лицо Хелен стало красным, свекольно-красным, подумал было Кантлинг, но тут же отверг это определение. Старо и избито.

— Ну да. Зато она — уж она все делает, верно? — Голос у нее был как разъедающая кислота.— Сисси, твоя маленькая Сисси. Она наколет себе сексуальную татуировку на заднице, если ты ее попросишь, так? И будет заниматься этим под открытым небом, будет заниматься этим где ни попадя, когда вокруг полно людей. Она будет носить белье, которое ничего не прячет,— что может быть веселее? Она всегда готова, и у нее на животе ни единой складочки, и у нее груди восемнадцатилетней, и навсегда останутся такими, верно? Так как мне тягаться с такой? Как? Как?!

Гнев Ричарда Кантлинга был холодным, управляемым, саркастичным.

Он встал и нежно улыбнулся ее ярости.

— Перечти роман,— сказал он.— Сделай выписки.

Он внезапно проснулся в темноте от прикосновения шелковистой кожи к его ноге.

На задней спинке кровати устроилась Сисси, завернутая в алую атласную простыню. Длинная стройная нога шарила под одеялом. Сисси шаловливо улыбнулась ему и продолжала свою игру.

— Привет, папуля! — сказала она.

Этого Кантлинг и боялся. Про это он думал накануне весь вечер, из-за этого долго не мог уснуть. Он отдернул ногу и с трудом сел на постели. Сисси надула губы.

— Ты что, не хочешь поиграть? — спросила она.

— Я,— сказал он,— не верю. Это не может быть реальностью.

— Ну и что? Все равно очень здорово!

— Чего добивается Мишель, черт побери! Как она это устраивает?

Сисси пожала плечами, простыня чуть-чуть соскользнула, и из ее складок выглянула безупречная восемнадцатилетняя грудь с розовым соском.

— У тебя все еще груди восемнадцатилетней девочки,— тупо пробормотал Кантлинг.— И у тебя они всегда будут такими.

— А как же! — Сисси засмеялась.— Можешь попользоваться, папуля, если хочешь. На спор: ты для них такое придумаешь!

— Перестань называть меня папулей,— буркнул Кантлинг.

— Но ты же мой папуля,— произнесла Сисси детским голоском.

— Прекрати,— потребовал Кантлинг.

— Почему? Тебе хочется, папуля. Хочется поиграть со своей дочуркой, правда? — Она подмигнула.— Сладок разврат, а инцест — во сто крат. Совместные игры в семье укрепляют семью.— Она кивнула на кровать.— Обожаю старинные ложа. Папуля, хочешь меня связать? Вот здорово будет!

— Нет,— сказал Кантлинг, сбросил одеяло, слез с кровати, вдел ноги в шлепанцы и надел халат. Эрегированный член пульсировал и дергался. Надо уйти. Уйти подальше от Сисси, не то... Додумывать он не хотел и нагнулся к камину.

— Здорово! — сказала Сисси, следя, как он разжигает растопку.— Огонь — это жутко романтично.

Кантлинг обернулся к ней.

— Но почему ты? — спросил он, пытаясь сохранять спокойствие.— Главное действующее лицо «Черных роз» Ричардсон, а вовсе не ты. И почему понадобилось сразу перепрыгнуть к моей четвертой книге? Почему не кто-то из «Семейного древа» или «Дождя»?

— Из этой жвачки? Там никого настоящего нет. А Ричардсон тебе ведь совсем ни к чему, правда? Со мной куда веселее! — Она выпрямилась, простыня упала на пол, по мягким складкам заскользили огненные блики. Тело Сисси было нежным, прелестным, юным. Она выпутала ногу из простыни и пошла к нему, шлепая босыми ногами по полу.

— Сисси, прекрати! — рявкнул Кантлинг.

— Я же не кусаюсь! — сказала Сисси и хихикнула.— Ну разве ты сам попросишь! Может, мне связать тебя, а? — Она прильнула к нему и откинула голову в ожидании поцелуя.

— Пусти! — сказал он растерянно. Ощущение от ее рук было таким сладким! Она прижалась к нему всем телом, и это было так сладко! Ричард Кантлинг уже давно не обнимал женщины — подумать страшно, как давно... А такой женщиной, как Сисси, он вообще не обладал ни разу. Никогда. Ни разу в жизни. И ему было страшно.

— Не могу,— сказал он.— Не могу. И не хочу.

Сисси сунула руки под его халат. Ее пальцы забрались к нему в трусы и ласково сжались.

— Врун! — сказала она.— Ты меня хочешь. И всегда хотел. На спор: ты, когда сочинял сексуальные сцены, бросал машинку и дрочил.

— Нет,— сказал Кантлинг.— Никогда.

— Ах никогда? — Она надула губы, а ее пальцы скользили вверх-вниз, вверх-вниз...— На спор: тебе все равно хотелось. На спор: он у тебя каждый раз вставал, когда ты меня описывал.

— Я...— начал он и не сумел выговорить «нет!».— Сисси, ну пожалуйста!

— Ну пожалуйста! — повторила она шепотом, а ее пальцы продолжали двигаться.— Да пожалуйста! — Она сдернула с него трусы на пол.

— Вот, пожалуйста! — сказала она, развязала пояс халата и помогла ему высвободиться из рукавов.— Пожалуйста.— Ее пальцы скользнули вверх по его боку, поиграли с его сосками. Она придвинулась ближе, и ее груди защекотали ему кожу.— Пожалуйста,— сказала она и, откинув голову, посмотрела на него. Между ее губами зазывно высунулся язычок.

Ричард Кантлинг застонал и обнял ее дрожащими руками.

Она была совсем непохожей на женщин, какими ему доводилось обладать прежде. Ее прикосновение жгло огнем, нежило, как шелк, било электрическим током, а потаенные местечки ее тела казались слаще меда.

Утром ее уже не было.

Кантлинг проснулся поздно — таким измученным, что не смог приготовить себе завтрак. Одевшись, он побрел в город в маленькое кафе на первом этаже затейливого кирпичного здания, построенного у подножия обрыва сто лет назад, и за кофе с черничными оладьями попробовал разобраться в происходящем.

Полнейшая бессмыслица. Этого просто не могло быть. Но ведь было! Попытки отрицать ничего не меняли. Кантлинг отправил в рот кусок оладьи, но ощутил только вкус страха. Он боялся за свой рассудок. Он боялся, потому что не понимал и не хотел понимать. А в глубине таился еще более острый страх.

Ричард Кантлинг боялся того, что его еще ожидало. Он написал девять романов.

Его мысли обратились к Мишель. Можно позвонить ей, упросить, чтобы она прекратила, пока он не сошел с ума. Она же его дочь, его плоть и кровь, непременно выслушает его. Ведь она его дочь. Конечно же. И он ее тоже любит, чтобы она там ни думала. Свои недостатки Кантлинг знал наперед. Недаром он столько раз анализировал себя под разными личинами на страницах своих книг. Да, он неимоверно упрям, своеволен, тверд. Несгибаем, даже беспощаден. Но он все-таки, безусловно, порядочный человек. Мишель... Она унаследовала свою меру его отрицательных качеств, она безумно зла на него — ненависть ведь так близка к любви,— но, разумеется, она не хочет причинить ему непоправимый вред.

Да, можно позвонить Мишель, попросить, чтобы она перестала... Но перестанет ли она? В тот день, в тот жуткий день она сказала, что не простит никогда. Никогда! Но не могла же она серьезно так думать! Она же его единственное дитя. Во всяком случае, единственное дитя его плоти.

Кантлинг оттолкнул пустую тарелку и откинулся на спинку стула. Губы его сурово сжались. Умолять о прощении? Но в конце концов, с какой стати? Что он такого сделал? Ну почему они не хотят понять? Хелен так ничего и не поняла, и Мишель оказалась не менее слепой, чем ее мать. Писатель обязан жить для своего творчества. Ну что он сделал такого страшного? За что ему просить прощения? Нет! Не он должен звонить Мишель, а она ему!

К черту! Он не даст вывести себя из равновесия. Он прав. Не права она. Так пусть и позвонит, если ищет примирения. Ей его не запугать. Да и чего ему, в сущности, бояться? Пусть присылает портреты — сколько их напишет. А он будет развешивать их по стенам, гордо выставлять на всеобщее обозрение (как-никак это дань уважения его творчеству!). Если же чертова мазня будет оживать по ночам и шляться по его дому, так на здоровье! Их визиты будут недурным развлечением. Кантлинг улыбнулся. Сисси его развлекла. И как! Где-то в душе у него даже пряталась надежда, что она навестит его еще раз. И даже Хью... Нахальный парень, но, в сущности, хороший. Просто любит давать волю языку.

Да, теперь, когда он хорошенько обдумал ситуацию, нельзя отрицать, что в чем-то она опьяняюще интересна. Ему представилась уникальная привилегия. Скотт Фицджеральд ни разу не участвовал в сказочных вечеринках, которые закатывал Гэтсби, Конан Дойл не беседовал запросто с Холмсом и Ватсоном, в реальной жизни Набоков не обладал Лолитой. А что бы они сказали, откройся им такие возможности?

Чем больше Кантлинг размышлял, тем легче становилось у него на душе. Можно будет сыграть в шахматы с Сергеем Тедеренко, циничным сутенером-эмигрантом из «Проходной пешки», поспорить о политике с Френком Корвином, профсоюзным вожаком из «Трудных времен», пофлиртовать с красавицей Бет Мак-Кензи, сплясать с сумасшедшей старушкой мисс Агги и соблазнить близняшек Дангизер, осуществляя единственную сексуальную фантазию, для которой не годилась Сисси. Да, верно,— какого же черта он испугался? Они же все его творения, его персонажи, его друзья и близкие.

Правда, следовало подумать и о последней книге. Кантлинг нахмурился. Эта мысль его смутила. Впрочем, Мишель его дочь, она любит его и, конечно, не зайдет так далеко. Разумеется, нет! Решительно выкинув эту мысль из головы, он расплатился с официантом.

Он ожидал его. Можно сказать, предвкушал. И действительно, когда, разрумяненный ветром, ощущая нетерпеливое биение сердца, он вернулся с вечерней прогулки, у двери его приветствовал знакомый прямоугольник в оберточной бумаге. Ричард Кантлинг бережно внес бандероль в дом, сварил кофе и только тогда развернул портрет, нарочно продлевая

ожидание, чтобы смаковать решительную минуту, упиться мыслью о том, как ловко он сумел превратить жестокий план Мишель в источник радости.

Он выпил кофе, снова наполнил чашку, допил ее. Бандероль он прислонил к стене напротив и теперь затеял игру с собой, стараясь отгадать, чей это портрет. Сисси упомянула что-то о нереальности персонажей «Семейного древа» и «Дождя», и Кантлинг мысленно обозревал труды своей жизни, стараясь определить, какие персонажи наиболее реальны. Размышления были приятными, но ни к какому твердому выводу он не пришел и, отставив чашку, взялся за бандероль. А, так вот кто!

Барри Лейтон.

И этот портрет был великолепен. Лейтон сидел в редакции, упираясь локтем в металлический футляр старенькой пишущей машинки. Мятый коричневый костюм, белая рубашка с расстегнутым воротом прилипала к потной коже. Не единожды сломанный нос занимает чуть не половину широкого лица — некрасивого, но чем-то располагающего. Сонные глаза. Лейтон был грузен, брыласт и заметно лысоват. Он отказался от курения, но не от сигарет: из уголка его рта торчал незажженный «кэмел». «Только не закуривай чертову штуку и можешь ничего не опасаться!» — не раз повторял он в романе Кантлинга «Подпись под заметкой».

Успеха книга не имела. Это был гнетущий рассказ о последней неделе старой солидной газеты, для которой настали тяжелые дни. Но книга отнюдь этим не исчерпывалась. Кантлинга интересовали люди, а не газеты, и разоренная газета стала у него символом разоренных человеческих жизней. Его издатель советовал ввести в сюжет динамичную увлекательную интригу — пусть Лейтон и все остальные обнаружат какой-нибудь сенсационный материал, сулящий газете спасительный триумф, но Кантлинг уперся. Он хотел рассказать о маленьких людях, неумолимо сокрушаемых временем и возрастом, о неизбежности одиночества и поражения. Он создал роман такой же серый и сухой, как газетная бумага. Чем очень гордился.

Романа никто не стал читать.

Кантлинг взял портрет и пошел наверх повесить его рядом с портретами Хью и Сисси. Ночь обещала быть очень интересной, решил он. В отличие от этих двоих Лейтон далеко не молод. Ровесник ему. Очень умный, очень зрелый человек. Конечно, есть в Лейтоне и озлобленная горечь, как прекрасно знал Кантлинг. Тоска от того, что жизнь, вопреки всем ожиданиям, принесла так мало, что все его заметки и статьи забывались на другой же день после напечатания. Тем не менее репортер сумел сохранить чувство юмора и отгонял демонов с помощью всего лишь незакуренной сигареты «кэмел» и остроумных сарказмов. Кантлинг восхищался им и с радостью предвкушал предстоящий разговор. Он решил, что ложиться спать вообще не стоит. Сварит полный кофейник, припасет бутылку «Сигрэма» и будет дожидаться.

Шел первый час ночи, когда Кантлинг, углубившись в переплетенный в кожу экземпляр «Подписей под заметкой», услышал позвякивание кубиков льда на кухне.

— Позаботься о себе сам, Барри! — крикнул он.

Из кухонной двери вышел Лейтон со стопкой в руке.

— Уже позаботился,— сказал он, поглядел на Кантлинга из-под набрякших век и насмешливо крякнул.— Ты выглядишь до того старым, словно мне в отцы годишься. Вот уж не думал, что кто-то способен выглядеть таким старым!

Кантлинг закрыл книгу и отложил ее.

— Садись,— пригласил он.— Помнится, у тебя болят ноги.

— Да уж, ноги у меня всегда болят,— отозвался Лейтон, опустился в кресло и отпил виски.— А-ах! — вздохнул он.— Так-то лучше.

Кантлинг постучал пальцем по кожаному переплету.

— Моя восьмая книга,— сказал он.— Мишель перескочила через три романа. А жаль. Кое с кем там я бы с удовольствием повидался.

— Может, она торопится перейти к делу? — заметил Лейтон.

— А в чем дело-то?

Лейтон пожал плечами.

— Не знаю, черт дери. Я же только газетчик: кто, что, где, когда, почему и как. Романист у нас ты. Вот и объясни, в чем дело.

— В девятом романе,— предположил Кантлинг.— В последнем.

— Совсем последнем? — спросил Лейтон.

— Конечно нет. В последнем по времени. А я уже приступаю к следующему.

— Согласно моим источникам, это не так.— Лейтон улыбнулся.

— А? И что же утверждают твои источники?

— Что ты старик и ждешь смерти,— сказал Лейтон.— И что умрешь совсем один.

— Мне пятьдесят два,— веско произнес Кантлинг.— Какой же я старик?

— Стариком становишься, едва перестаешь задувать разом все свечи на своем именинном пироге,— сухо сказал Лейтон.— Хелен была моложе тебя, а умерла пять лет назад. Все дело в сознании, Кантлинг. Видывал я юных старцев и стареньких подростков. А у тебя старческие пятна в мозгу появились раньше, чем волосы в паху.

— Это несправедливо,— возразил Кантлинг.

Лейтон отхлебнул «Сигрэма».

— Справедливо? — сказал он.— Ты слишком стар, чтобы верить в справедливость, Кантлинг. Молодежь любит жить. Старики сидят и наблюдают, как живут другие. Ты родился стариком. Ты старик, а не живец...— Он нахмурился.— Не живец! Ну и словоупотребление! Впрочем, живец все-таки лучше, чем писец. А ты только и делал, что пописывал. Может, ты просто мочевой пузырь.

— Ты заврался, Барри,— сказал Кантлинг.— Я писатель. И всегда был писателем. В этом моя жизнь. Писатели наблюдают жизнь, они повествуют о жизни. По определению. И тебе следовало бы это знать.

— А я и знаю,— ответил Лейтон.— Я же репортер, не забывай. И потратил много долгих серых лет, рассказывая истории других людей. А своей истории у меня нет. Ты это знаешь, Кантлинг. Вспомни, что ты сделал со мной в «Подписи»! «Курьер» дает дуба, я решаю написать мемуары, и что получается?

Кантлинг не забыл.

— Сознание у тебя блокируется. Ты заново переписываешь свои старые репортажи — двадцатилетней давности, тридцатилетней давности. У тебя невероятная память. Ты способен вспомнить всех, о ком писал,— даты, мельчайшие подробности, их слова. Ты способен слово в слово повторить первую заметку, которая вышла под твоей подписью, но ты не можешь вспомнить имя первой девушки, с которой спал, не можешь вспомнить телефон бывшей жены, не можешь... не можешь...— Его голос прервался.

— Не могу вспомнить день рождения моей дочери,— договорил Лейтон.— Откуда ты почерпнул эти бредовые идеи, Кантлинг?

Кантлинг молчал.

— Может, из жизни? — мягко заметил Лейтон.— Я был хорошим репортером. Вот и все, что ты сумел сказать обо мне. Ты... ну, может, ты хороший писатель. Пусть судят критики, а я просто газетчик, у которого болят ноги. Но даже если ты хороший писатель, пусть даже великий, все равно ты паршивый муж и никудышный отец.

— Нет! — возразил Кантлинг. Но так вяло.

Лейтон повертел стопку в пальцах, кубики льда зазвякали и застучали.

— Когда Хелен ушла от тебя? — спросил он.

— Не по... лет десять назад примерно. Я как раз работал над окончательным вариантом «Проходной пешки».

— А когда развод был окончательно утвержден?

— Ну, через год. Мы попытались восстановить наш брак, но ничего не вышло. Помнится, Мишель училась в школе. Я писал «Трудные времена».

— А ее спектакль в третьем классе помнишь?

— Тот, на который я не попал?

— «Тот, на который...» Ну прямо как Никсон: «Этот раз, когда я соврал?» Спектакль, в котором Мишель играла главную роль, Кантлинг.

— Но что я мог поделать? — вздохнул Кантлинг.— Я очень хотел приехать. Но мне присудили премию. Нельзя же не присутствовать на банкете Национальной литературной лиги. Просто нельзя.

— Ну разумеется,— сказал Лейтон.— А когда умерла Хелен?

— Я тогда писал «Подпись под заметкой».

— Интересная у тебя система датировки. Тебе бы составить собственный календарь.— Он отхлебнул виски.

— Ну хорошо,— сказал Кантлинг.— Я не собираюсь оспаривать, что моя работа для меня важна. Может быть, и чересчур. Не знаю. Да, творчество занимало в моей жизни превалирующее место. Но я порядочный человек, Лейтон, и всегда делал все, что мог. И все было не так, как ты намекаешь. Мы с Хелен прожили немало счастливых лет. Мы ведь когда-то любили друг друга. И Мишель... Я любил Мишель. Когда она была маленькой, я писал всякую всячину. Говорящие зверьки, космические пираты, забавные стишки. Писал в свободные минуты и читал ей, когда укладывал ее спать. Их я создавал только для Мишель. Из любви.

— Угу! — Лейтон сардонически усмехнулся.— Тебе и в голову не приходило их публиковать.

Кантлинг болезненно поморщился.

— Это... твой намек... это передержка. Мишель мои истории так нравились, что мне подумалось, а не понравятся ли они другим детишкам. Подумалось и все. И никаких попыток опубликовать их я не делал.

— Так-таки и не делал?

Кантлинг засмеялся.

— Послушай, Берт ведь был не просто моим агентом, но еще и другом. И у него самого была дочка. Ну я и показал ему мои детские истории. Один-единственный раз.

— Нет, я не беременна! — пропищал Лейтон.— Я дала ему только один раз. Один-единственный раз!

— И они ему даже не понравились,— добавил Кантлинг.

— Какая жалость! — сказал Лейтон.

— Ты мажешь меня дегтем, а я ни в чем не виновен. Конечно, я не был образцово-показательным отцом, но и людоедом тоже не был. Сколько раз я менял ей пеленки! До «Черных роз» Хелен приходилось работать, и я каждый день сидел с малышкой от девяти до пяти.

— Как ты злился, когда она плакала и отрывала тебя от машинки!

— Да,— сказал Кантлинг.— Да, я не терпел, когда меня отвлекали, и всегда не терпел, будь то Хелен, Мишель, моя мать или сосед по комнате в колледже. Когда я пишу, я не люблю, чтобы меня отвлекали. Тоже мне хреновый грех! И я такой уж бесчеловечный? Когда она плакала, я шел к ней. Да, мне это не нравилось, да, я это ненавидел, но я же шел!

— В тех случаях, когда слышал, что она плачет,— сказал Лейтон.— Когда не барахтался в постели с Сисси, не плясал с мисс Агги, не колошматил штрейбрехеров с Фрэнком Корвином, когда в голове у тебя не звенели их голоса, да, тогда порой слышал, а услышав, шел к ней. Поздравляю, Кантлинг.

— Я научил ее читать,— сказал Кантлинг.— Я читал ей «Остров сокровищ», и «Ветер в ивах», и «Хоббита», и «Тома Сойера», и еще много чего.

— Во всяком случае, все книги, которые тебе самому хотелось перечесть,— сказал Лейтон.— А читать по-настоящему ее научила Хелен, с помощью «Дика и Джейн».

— Не выношу «Дика и Джейн»,— завопил Кантлинг.

— Ну и что из этого следует?

— Ты не понимаешь, о чем говоришь,— объявил Ричард Кантлинг.— Тебя там не было. А Мишель была. Она любила меня, она все еще меня любит. Стоило ей ушибиться, оцарапать коленку, расквасить нос, она бежала ко мне, а не к Хелен! Прибегала вся в слезах, а я обнимал ее, утирал ей глаза и говорил... я говорил ей...— Он не мог продолжать, сам с трудом удерживая слезы, чувствуя, как они щиплют глаза.

— Я знаю, что ты ей говорил,— печально и сочувственно сказал Барри Лейтон.

— И она помнила,— сказал Кантлинг.— Она помнила все эти годы. Опеку над ней получила Хелен, они уехали, я редко с ней виделся, но Мишель помнила, а когда выросла, а Хе-

лен умерла и Мишель решила жить самостоятельно, и когда с ней случилась беда, то я... я...

— Да,— сказал Лейтон,— я знаю.

Позвонили ему из полиции. Женщина-полицейский Джойс Бреннан, так ее звали. Этого имени он не забудет никогда.

— Мистер Кантлинг? — спросила она.

— Да?

— Мистер Ричард Кантлинг?

— Да,— сказал он.— Ричард Кантлинг, писатель.— К странным телефонным звонкам он успел привыкнуть.— Чем могу служить?

Она назвалась.

— Вам необходимо приехать в больницу,— сказала она.— Ваша дочь, мистер Кантлинг. Боюсь, она подверглась нападению.

Он не терпел уклончивости, не терпел эвфемизмов. Персонажи Кантлинга никогда не уходили в мир иной, они умирали, они никогда не пускали ветер, они пердели. И дочь Ричарда Кантлинга...

— Нападению? — повторил он.— Вы имеете в виду, что ее избили или что ее изнасиловали?

В трубке было тихо. Наконец Джойс Бреннан ответила.

— Изнасиловали,— сказала она.— Ее изнасиловали, мистер Кантлинг.

— Еду,— сказал он.

На самом деле ее насиловали много раз и зверски. Мишель упрямством не уступала Хелен и самому Кантлингу. Она отказывалась брать его деньги, отказывалась слушать его советы, отказывалась от помощи, которую он предлагал ей в расчете на свои издательские связи. Нет, она всего добьется сама. Она устроилась официанткой в кофейне Гринвич-Виллидж и жила в большом, полном сквозняков чердаке старого склада у доков. Это был страшный район, опасный район, и Кантлинг не уставал повторять ей это, но Мишель ничего не желала слушать. Она даже не позволила ему заплатить за установку надежных запоров и сигнализации. И произошло страшное. Насильник вломился к ней в пятницу еще до рассвета. Мишель была одна. Он сорвал телефон со стены и держал пленницей до вечера понедельника, когда официант в кафе, обеспокоенный ее долгим отсутствием, не пришел узнать, в чем дело. Насильник сбежал по пожарной лестнице.

Когда Кантлинга допустили к ней, ее лицо было одним сплошным синяком. Все ее тело было испещрено ожогами сигарет, три ребра сломаны. Состояние ее было даже не истерикой. Она кричала, когда до нее дотрагивались — врачи или сестры, значения не имело, она кричала, едва они подходили к ней. Но Кантлингу она позволила сесть на край кровати и обнять ее. Она плакала часами, плакала, когда у нее уже не осталось слез. Один раз она позвала его, всхлипнула «папочка» и захлебнулась рыданием. Единственное слово, которое она произнесла. Казалось, она утратила дар речи. В конце концов ей сделали укол, чтобы она заснула.

Мишель пробыла в больнице две недели в состоянии глубокого шока. Истерическое возбуждение угасло, и она стала кроткой, так что сестры могли взбить ей подушки и водить в ванную. Но она по-прежнему не хотела и не могла говорить. Психолог предупредил Кантлинга, что, возможно, речь к ней не вернется.

— Я с этим не смирюсь,— ответил он и настоял, чтобы Мишель выписали, а сам решил, что им обоим надо убраться подальше из этого мерзкого, адского города. Он вспомнил, что ей всегда нравились старинные скрипучие дома, что она любила воду — моря, реки, озера. Кантлинг обратился в агентства по продаже недвижимости, осмотрел большой дом на побережье в штате Мэн и наконец остановил свой выбор на овеянном романтикой речных судов старинном готическом здании высоко на обрывах Перрота в Айове.

Мало-помалу наступило выздоровление.

Она словно превратилась в маленькую девочку, любопытную, непоседливую, полную взрывчатой энергии. Она не говорила, но все исследовала, ходила повсюду. Весной проводила часы на чердачном балкончике, следя, как внизу плывут по Миссисипи огромные баржи. Каждый вечер они гуляли вдвоем над обрывами, и она держалась за его руку. И однажды она, внезапно обернувшись, порывисто поцеловала его в

щеку, сказала: «Я люблю тебя, папочка» — и убежала от него, а Кантлинг смотрел ей вслед и видел прелестную раненую женщину двадцати пяти лет — и длинноногую шаловливую девочку, которой она была прежде.

В этот день плотина рухнула. Мишель заговорила. Сначала простыми детскими фразочками, полными детских страхов и детской наивности. Однако она стремительно взрослела и вскоре уже беседовала с ним о политике, о книгах, об искусстве. Во время вечерних прогулок они вели чудесные разговоры. Но про то, что с ней произошло, она не говорила ничего. Ни разу. Ни единого слова.

Через полгода она хлопотала на кухне, писала письма друзьям в Нью-Йорк, убирала, творила чудеса в саду. Через восемь месяцев она снова взялась за кисти. Это было полезно для нее: теперь она, казалось, расцветала с каждым днем, становилась все светлее. Ричард Кантлинг не понимал абстракций своей дочери, он предпочитал реалистическое искусство, и поэтому больше всего ему нравился автопортрет, который она написала для него, кончая школу живописи. Тем не менее он улавливал боль в этих новых ее полотнах, чувствовал, что таким образом она ищет очищения, старается выдавить гной их глубокой внутренней раны, и от всего сердца одобрял ее занятие. Процесс творчества не раз проливал бальзам на его собственные раны. Он даже отчасти завидовал ей. Ричард Кантлинг не написал ни слова в течение трех с лишним лет. Сокрушающий коммерческий провал «Подписи под заметкой», его лучшего романа, парализовал и обессилил его. Он надеялся, что перемена обстановки воскресит не только Мишель, но и его. Эта надежда оказалась тщетной. Но по крайней мере Мишель вернулась к жизни.

А потом, поздно вечером, когда Кантлинг уже лег, его дверь открылась, в спальню вошла Мишель и села на кровать. Она была босая, в фланелевом халатике, испещренном крохотными розовыми цветочками.

— Папочка,— сказала она невнятно.

Кантлинга разбудил скрип двери. Он сел на постели и улыбнулся дочери.

— Привет! — сказал он.— А ты пила!

Мишель кивнула.

— Я возвращаюсь,— сказала она.— И набиралась храбрости, чтобы сказать тебе.

— Возвращаешься? — переспросил Кантлинг.— Но не в Нью-Йорк же? Ты шутишь!

— Я должна,— сказала она.— Не волнуйся. Мне лучше.

— Останься. Останься со мной, Мишель. Нью-Йорк не подходит для жизни.

— Я не хочу возвращаться. Мне страшно. Но я должна. Там мои друзья. Там моя работа. И там моя жизнь, папочка. Мой приятель Джимми... Ты помнишь Джимми? Он главный художник маленького издательства, выпускающего книги в бумажных обложках, и он обещает мне работу — заказы на обложки. Он написал. Мне больше не придется обслуживать столики.

— Я не верю своим ушам,— сказал Ричард Кантлинг.— Как ты можешь вернуться в этот проклятый город после того, что с тобой там произошло?

— Потому-то я и должна вернуться,— не отступала Мишель.— Этот тип, то, что он сделал... сделал со мной...— Ее голос прервался, она судорожно вздохнула и овладела собой.— Если я не вернусь, получится, что он выгнал меня оттуда, отобрал у меня мою жизнь — моих друзей, мое творчество, ну все. Я не могу позволить ему это, не могу допустить, чтобы он меня так запугал. Я должна вернуться и взять то, что принадлежит мне, доказать, что я не боюсь.

Ричард Кантлинг беспомощно смотрел на дочь. Протянул руку, нежно погладил длинные шелковистые волосы. Наконец-то она сказала что-то, укладывающееся в его собственные понятия. Он бы поступил точно так же — тут у него не было сомнений.

— Я понимаю,— сказал он.— Без тебя здесь будет очень одиноко, но я понимаю. По-настоящему.

— Мне страшно,— сказала Мишель.— Я купила билет на самолет. На завтра.

— Так скоро?

— Я не хочу откладывать, пока не струсила совсем,— ответила она.— По-моему, мне еще никогда не было так страшно. Даже тогда... когда это происходило. Нелепо, правда?

— Нет,— ответил Кантлинг.— Вовсе нет.

— Папочка, обними меня,— сказала Мишель и прильнула к нему. Он крепко обнял ее и почувствовал, что ее сотрясает дрожь.

— Ты вся дрожишь,— сказал он.

Она крепче вцепилась в него.

— Помнишь, когда я была совсем маленькая, меня мучили кошмары и я с ревом прибегала ночью к вам в спальню и забиралась в кровать между тобой и мамой.

Кантлинг улыбнулся.

— Конечно помню,— сказал он.

— Я хочу остаться тут на ночь,— сказала Мишель, еще крепче прижимаясь к нему.— Завтра я уже буду там одна. А сейчас я не хочу оставаться одна. Можно, папочка?

Кантлинг осторожно высвободился из ее рук и посмотрел ей в глаза.

— Ты уверена?

Она кивнула — быстро, застенчиво, еле заметно. Как ребенок.

Он откинул одеяло, и Мишель пристроилась рядом с ним.

— Не уходи! — сказала она.— Даже в ванную. Хорошо? Побудь со мной.

— Я здесь,— сказал он, обнял ее, и Мишель свернулась калачиком под одеялом, положив голову ему на плечо. Так они лежали очень долго. Он ощущал, как ее сердце бьется у его груди. Звук был такой убаюкивающий, что Кантлинг начал задремывать.

— Папочка? — шепнула она ему в плечо.

— Что, Мишель? — Он открыл глаза.

— Папочка, я должна избавиться от этого. Оно во мне, и это яд. Я не хочу увезти его с собой. Я должна от него избавиться.

Кантлинг, не отвечая, медленно и нежно поглаживал ее по волосам.

— Помнишь, когда я маленькая падала или мне попадало в драке, я вся в слезах бежала к тебе и показывала, где бобо. Когда мне бывало больно, я говорила тогда, что у меня бо-бо.

— Я помню,— сказал Кантлинг.

— Ты... ты всегда обнимал меня и говорил: «Покажи, где тебе больно», и я показывала, и ты целовал это место и прогонял боль, помнишь? Покажи мне, где больно?

Кантлинг кивнул.

— Да,— сказал он негромко.

Мишель тихо заплакала. Он почувствовал, как от ее слез намокает на груди пижама.

— Я не могу увезти это с собой, папочка. Я хочу показать тебе, где больно. Ну пожалуйста. Пожалуйста!

Он поцеловал ее макушку.

— Давай.

Она начала прерывающимся шепотом — с самого начала.

Когда за окнами рассвело, она все еще говорила. Они не сомкнули глаз. Она много плакала, раза два пронзительно вскрикнула и дрожала под одеялом. Ричард Кантлинг держал ее в объятиях все время. Не разжимая рук ни на секунду. Она показала ему, где ей больно.

Барри Лейтон вздохнул.

— Это было самое лучшее, что ты сделал за свою жизнь,— сказал он.— Несравненно лучшее. И если бы ты, достигнув этого, удовольствовался той минутой и остановился там и тогда, все было бы прекрасно.— Он покачал головой.— Ты никогда не умел вовремя поставить точку, Кантлинг.

— Но почему? — настойчиво спросил Кантлинг.— Ты хороший человек, Барри Лейтон, так объясни мне. Почему это произошло? Почему?

Репортер пожал плечами. Он уже начинал таять.

— Это словцо всегда было самым трудным,— сказал он устало.— Дай мне материал для заметки, и я скажу тебе, кто, и что, и когда, и где, и даже как. Но вот почему... Эх, Кантлинг! Ты романист, и «почему» — твоя область, а не моя. Я ведь даже не отвечу, почему дважды два — четыре.

Его улыбка, как улыбка Чеширского кота, еще долго дрожала в воздухе, когда он сам исчез. Ричард Кантлинг сидел, уставившись на пустое кресло, на оставленную стопку, и следил, как медленно тают пропитавшиеся виски ледяные кубики.

Он не помнил, как уснул. Ночь он провел в кресле и проснулся замерзший, испытывая ломоту во всем затекшем теле. Сны его были тяжелыми, бесформенными, полными страха. Он проспал — миновала уже половина дня. Словно в тумане, он приготовил себе безвкусный завтрак. Казалось, он отделился от своего тела, каждое движение было медлительным и неуклюжим. Когда кофе закипал, он налил чашку, взял ее и выронил. Она разлетелась в куски. Кантлинг тупо следил, как горячие бурые струйки растекаются по ложбинкам между плитками пола. Энергии подобрать осколки и вытереть пол у него не хватило. Он взял другую чашку, налил кофе, кое-как сделал несколько глотков.

Грудинка казалась слишком соленой, яйца толком не поджарились. Кантлинг с отвращением отодвинул тарелку, не съев и половины, и выпил еще черного горького кофе. Он чувствовал себя словно после тяжелого похмелья, но знал, что виной тому не алкоголь.

«Сегодня!» — подумал он. Сегодня все кончится, так или иначе. Она не отступится. «Подпись под заметкой» была его восьмым романом. Предпоследним. Сегодня прибудет последний портрет. Персонаж из его девятого романа. И тогда все кончится.

Или только начнется?

Как сильно Мишель его ненавидит? Насколько дурно он поступил с ней? Рука Кантлинга задрожала, кофе выплеснулся, обжигая ему пальцы. Он вскрикнул. Боль была такой невыразимой... Ожог. Ему представились тлеющие сигареты — их кончики точно красные глазки. Его затошнило. Он бросился в ванную и еле успел припасть к унитазу, как его завтрак извергся наружу. Потом он долго лежав, приткнувшись к холодящему фаянсу, не в силах встать. У него мучительно кружилась голова. Ему вообразилось, что кто-то подкрался к нему

сзади, ухватил за волосы, ткнул лицом в воду и спустил ее. Снова, снова, все время смеясь, смеясь, твердя: грязный, грязный, я тебя вымою, ты такой грязный; спуская и спуская воду, так что она захлестывала унитаз, заполняла вместе со рвотой его рот и ноздри, и он уже не мог дышать, и мир утонул в темноте, и все уже кончилось. Тут его голову вздернули, со смехом, со смехом, пока он глотал воздух, а потом снова в унитаз, снова вода, вода, вода, вода и вода. Но только у него в воображении. С ним никого не было. Он был в доме один.

Кантлинг принудил себя встать. В зеркале он увидел свое землистое старое лицо, взлохмаченные грязные волосы. А позади, ухмыляясь над его плечом, было другое лицо. Мужское, бледное и осунувшееся. Разделенные на пробор посередине, зачесанные назад черные волосы. За маленькими черными очками из стороны в сторону метались глаза цвета грязного льда — метались непрерывно, отчаянно, как дикие зверьки в ловушке. Они бы выжгли себе веки, эти глаза, лишь бы освободиться. Кантлинг заморгал, и глаза исчезли вместе с лицом. Он открыл кран холодной воды, подставил под струю сложенные горстью ладони и обдал свое лицо. На щеках и подбородке он ощутил колючую щетину. Надо бы побриться. Но на это нет времени, это не важно, а ему необходимо... необходимо...

Необходимо что-то сделать. Выбраться отсюда. Уехать подальше, уехать в такое место, где он будет в безопасности. Где его дети не смогут его отыскать.

Но он знал, что такого безопасного места не существует.

Надо добраться до Мишель, поговорить с ней, объяснить... умолять ее. Она его любила. Она простит его, обязательно, как же иначе? Она положит конец, она объяснит ему, что надо сделать.

Кантлинг стремглав бросился в гостиную, схватил телефонную трубку. Но не сумел вспомнить номера Мишель. Порылся, нашел свою адресную книжку, лихорадочно перелистал. Вот, вот! Он нажал кнопки.

Четыре гудка, потом кто-то снял трубку.

— Мишель...— начал он.

— Привет,— сказала она.— Говорит Мишель Кантлинг, но меня сейчас нет дома. Если вы назовете себя и свой телефон, когда услышите гудок, я вам позвоню. Но только если вы не хотите, чтобы я что-нибудь купила.

Раздался гудок.

— Мишель, ты слушаешь? — сказал Кантлинг.— Я ведь знаю: ты прячешься за этой машиной, если не хочешь разговаривать. Это я. Пожалуйста, возьми трубку. Ну пожалуйста!

Ничего.

— Так позвони мне,— сказал он. В спешке слова сталкивались, накладывались друг на друга, так ему хотелось выразить все.— Я, ты, не надо, пожалуйста, дай мне объяснить, я же не хотел, ну пожалуйста...— Сигнал отбоя и длинные гудки. Кантлинг уставился на телефон и медленно положил трубку. Она позвонит ему. Должна позвонить. Она его дочь, они любили друг друга, она обязана дать ему шанс объяснить.

Конечно, он и прежде пытался объяснить.

Звонок на его двери был старомодным — в филенке торчал латунный ключ: его поворачивали, и внутри раздавалось громкое нетерпеливое дребезжание. И кто-то яростно вертел его — вертел, вертел, вертел... Кантлинг бросился к двери в полном недоумении. Он всегда с трудом заводил друзей, а теперь, когда окостенел в своих привычках, и вовсе разучился сходиться с людьми. Друзей в Перроте у него не было — так, несколько знакомых, и никто из них не явился бы столь неожиданно и не вертел бы звонок с такой неукротимой решимостью.

Он снял цепочку и распахнул дверь, вырвав звонок из пальцев Мишель.

Она была в перетянутом поясом дождевике, вязаной лыжной шапочке и шарфе в тон. Ветер безжалостно трепал концы шарфа и выбившиеся из-под шапочки прядки волос. На ней были модные сапожки, через плечо перекинут ремень большой кожаной сумки. Она выглядела прекрасно. Прошел почти год с тех пор, как Кантлинг видел ее в последний раз,— почти год назад, когда ездил в Нью-Йорк на Рождество. Прошло уже два года, как она снова поселилась там.

— Мишель! — сказал Кантлинг.— Я никак... Настоящий сюрприз. Из Нью-Йорка в такую даль, и ты даже мне не сообщила, что едешь...

— Нет! — отрезала она. В ее голосе, в ее глазах было что-то неладное.— Я не хотела тебя предупреждать, подлец. Ты же меня не предупредил.

— Ты расстроена,— сказал Кантлинг.— Входи же и поговорим.

— Я войду! — Она оттолкнула его, вошла и захлопнула за собой дверь с такой силой, что звонок снова задребезжал. Лицо ее выглядело даже более жестким, чем там, на ветру.— Хочешь знать, зачем я приехала? Я приехала сказать, что я о тебе думаю. А потом повернусь и уйду — уйду из этого дома и из твоей гнусной жизни, как тогда мама. Она была умна, не то что я! Я-то по дурости верила, будто ты меня любишь. Как чокнутая думала, будто я тебе дорога.

— Мишель, не надо! — сказал Кантлинг.— Ты не понимаешь. Я действительно люблю тебя. Ты моя дочурка, ты...

— Не смей! — Она всунула руку в сумку.— Ты называешь вот это любовью, грязный подонок?

Она выхватила что-то и швырнула в него.

Кантлинг утратил былую подвижность. Он пытался уклониться, но не успел, и книга больно задела его шею. Мишель швырнула ее изо всех сил, а это был тяжелый том в твердом переплете, не в бумажной обложке. Шелестя раскрывшимися страницами, книга упала на ковер.

С суперобложки на Кантлинга уставился его собственный портрет.

— Ты совсем как твоя мать,— сказал он, потирая ушибленную шею.— Она тоже постоянно чем-то швырялась. Только у тебя это получается более метко.— Он криво улыбнулся.

— Меня не интересуют твои шутки,— сказала Мишель.— Я никогда тебя не прощу. Никогда. Ни за что. Я просто хочу понять, как ты мог так поступить со мной, вот и все. И ты мне скажешь. Сейчас же.

— Я...— сказал Кантлинг и беспомощно развел руками.— Послушай, я... Ты сейчас перевозбуждена, так, может быть,

выпьем кофе, подождем, чтобы ты немного успокоилась, а потом поговорим. Я не хочу, чтобы мы кричали друг на друга.

— Мне плевать, чего ты хочешь! — вскрикнула Мишель.— Я хочу, чтобы мы поговорили прямо сейчас! — И она отшвырнула ногой упавшую книгу.

Ричард Кантлинг почувствовал, как в нем закипает гнев. Какое право она имеет так вопить на него? Он не заслужил такого нападения, он ничего не сделал. Он пытался промолчать, чтобы не сказать лишнего, не усугубить... Он опустился на колени и поднял свою книгу. Машинально обтер ее, поворачивая почти с нежностью. В глаза ему ударил заголовок: изломанные красные буквы на черном фоне, искаженное лицо миловидной девушки, рот, разинутый в вопле. «Покажи мне, где больно».

— Я боялся, что ты воспримешь ее неверно,— сказал Кантлинг.

— Неверно?! — По лицу Мишель скользнуло недоумение.— Ты что, думал, она мне понравится?

— Я... я не был уверен,— сказал Кантлинг.— Надеялся, что... То есть я не был уверен, как ты отнесешься к этому, а потому решил, что будет лучше не упоминать, над чем я работаю, пока... ну...

— Пока эту блевотину не выставят в витринах книжных магазинов,— договорила Мишель.

Кантлинг перелистнул титульную страницу.

— Взгляни,— сказал он, протягивая книгу.— Я посвятил ее тебе.

Он показал ей.

«Мишель, познавшей эту боль».

Мишель сильным ударом выбила книгу из его рук.

— Подонок,— сказала она.— По-твоему, это что-то меняет? По-твоему, вонючее посвящение оправдывает то, что ты сделал? Оправдания этому нет. Я никогда тебя не прощу.

Кантлинг попятился, отступил перед ее гневом.

— Я ничего такого не сделал,— упрямо сказал он.— Я написал книгу. Роман. Какое же это преступление?

— Ты мой отец! — крикнула она.— Ты знал... ты знал, подонок, что мне невыносимо было говорить об этом, о том,

что произошло. Ни с моими любовниками, ни с моими друзьями, ни даже с моим врагом. Я не могу. Просто не могу. Даже думать об этом не могу. Ты же знал. Я рассказала тебе, тебе одному, потому что ты был мой папочка, и я верила тебе, и мне необходимо было освободиться, и я тебе рассказала, самое скрытное, только между нами, и ты знал, и что ты сделал? Записал в чертовой книге и опубликовал, чтобы читали миллионы людей! Будь ты проклят! Ты так с самого начала и задумал, подонок? Да? В ту ночь, когда ты меня обнимал, ты запоминал каждое слово?

— Я...— сказал Кантлинг.— Нет, я ничего не запоминал, а просто, ну, запомнил. Ты неверно воспринимаешь, Мишель. Книга вовсе не о том, что произошло с тобой. Да, толчком послужил тот случай, он был исходной точкой, но это роман, я многое изменил. Это литература.

— Ну да, папочка, ты все изменил! Не Мишель Кантлинг, а Николь Митчелл, модельерша, а не художница, и еще она порядочная дура, верно? Это тоже изменение, или ты считаешь, что я дура, раз жила там, дура, что впустила его? Да, это роман. И просто совпадение, что он о девушке, которую заперли, насиловали, пытали, запугивали, снова насиловали,— и что у тебя есть дочь, которую заперли, насиловали, пытали, запугивали, снова пытали. Просто хреновое совпадение!

— Ты не понимаешь,— беспомощно сказал Кантлинг.

— Нет, это ты не понимаешь. Ты не понимаешь, каково это. Твой лучший роман за долгие годы, так? Бестселлер номер один. Номером первым ты же ни разу не был, верно? Даже в списки не попадал с «Трудных времен»... или с «Черных роз»? А почему бы и нет? Почему бы не стать номером первым — ведь это не занудь про закрывшуюся газету, это же про изнасилование. Ого-го, что может быть забористее? Полно секса, насилия, пыток, траханья и жути, и это же на самом деле было, ага! — Ее губы искривились и задрожали.— Самое страшное, что случилось со мной. Немыслимые кошмары. Я до сих пор иногда просыпаюсь от собственного крика, но мне становилось лучше, все отодвигалось. А теперь это во всех книжных магазинах выставлено на самом видном мес-

те, и все мои друзья знают, и все знают, и на вечеринках ко мне подходят незнакомые люди и выражают сочувствие.— Она подавила рыдание. Ее гнев грозил вот-вот перейти в слезы.— И я беру книгу, твою паршивую, хреновую книгу — и это там все целиком, черным по белому, все записано. Ты такой хороший писатель, папочка, до хрена хороший, и все у тебя так ярко и живо. Книга, от которой невозможно оторваться. Ну я-то оторвалась, но что толку? Это же все там, и останется там навсегда, верно? Каждый день кто-нибудь на земле возьмет твою книгу, начнет ее читать, и меня опять будут насиловать. Вот что ты сделал. Ты завершил то, что сделал он, папочка. Ты осквернил меня, взял без моего согласия, совсем как он. Ты меня изнасиловал. Ты мой отец — и ты изнасиловал меня!

— Ты несправедлива,— возразил Кантлинг.— Я не хотел причинить боль. Книга... Николь умна и сильна. А он чудовище. Пользуется разными именами, потому что у страха тысячи имен, но только одно лицо, понимаешь? Он не просто человек, он мрак, обретший плоть, бессмысленное насилие, подстерегающее всех нас, боги, которые играют нами, как мухами, он символ всего...

— Он человек, который изнасиловал меня! Он не символ!

Она закричала так громко, что Ричард Кантлинг отступил, ошеломленный ее яростью.

— Нет,— сказал он,— не человек, а персонаж. Он... Мишель, я понимаю, тебе больно, но то, что ты перенесла... Люди должны знать об этом, размышлять, это же часть жизни. Рассказывать о жизни, искать в ней смысл — вот дело литературы, мое дело. Кто-то должен был рассказать твою историю. Я старался сделать ее правдивой, старался исполнить...

Лицо его дочери, раскрасневшееся, мокрое от слез, на мгновение стало свирепым, неузнаваемым, нечеловеческим и вдруг обрело странное спокойствие.

— Одно ты сделал правильно,— сказала она.— У Николь нет отца. Когда я была маленькой, я приходила к тебе в слезах, и мой папочка говорил: «Покажи мне, где больно», и это было особенным, таким личным. Но в книге у Николь нет отца, и это говорит он, ты отдал это ему, и он говорит: «Покажи мне, где больно», все время говорит. Ты такой иронический. Ты такой умный. То, как он это говорит, делает его таким реальным! Даже более реальным, чем он был на самом деле. И когда ты писал это, ты был прав. Именно это говорит чудовище. Покажи мне, где болит. Это присловие чудовища. У Николь нет отца, он умер, и это тоже правильно. У меня нет отца. Нет.

— Не смей так говорить со мной! — сказал Ричард Кантлинг. Он испытывал ужас, он испытывал стыд, но они приняли форму гнева.— Я этого не потерплю, что бы ты там ни перенесла. Я твой отец.

— Нет,— сказала Мишель, оскалясь в сумасшедшей усмешке и пятясь от него.— Нет, у меня нет отца, а у тебя нет детей. Разве что в твоих чертовых книгах. Вот твои дети, твои единственные дети. Твои книги, твои чертовы, твои хреновые книги — вот твои дети, вот твои дети, вот твои дети! — Она повернулась, пробежала мимо него через холл и остановилась перед дверью в кабинет. Кантлинг испугался того, что она могла натворить, и побежал за ней.

Когда он вбежал в кабинет, Мишель уже нашла кинжал и пустила его в ход.

Ричард Кантлинг сидел перед безмолвным телефоном и слушал, как напольные часы отсчитывают минуты приближения мрака.

Он позвонил Мишель в три часа, в четыре, в пять. Отвечал автомат, каждый раз отвечал автомат ее зафиксированным голосом. Его записываемые мольбы становились все отчаяннее. Снаружи темнело. Света было все меньше.

Кантлинг не услышал ни шагов на крыльце, ни металлического дребезжания своего старомодного звонка. День был беззвучным, как могила. Но когда наступил вечер, он твердо знал, что поджидает его за дверью. Большая квадратная бандероль, завернутая в плотную бумагу, адресованная таким знакомым почерком. А внутри — портрет.

Он не понял, не понял по-настоящему. И поэтому она растолковывает ему.

Тикали часы. Темнота сгущалась. Дом словно преисполнился ощущением того, что притаилось за дверью. Из часа в час страх Кантлинга рос. Он сидел в кресле, поджав ноги, апатично полуоткрыв рот, и думал, и вспоминал. Слышал жестокий смех. Видел тускло тлеющие кончики сигарет в сумраке, движущиеся, описывающие круги. Ощущал их жгучие поцелуйчики на своей коже. Ощущал вкус мочи, крови, слез. Испытывал насилие, испытывал поругание — всякое, какое только есть. Его руки, его голос, его лицо, его лицо, его лицо. У персонажа был десяток имен, но страх имел только одно лицо. Младший из всех его детей. Его младенец. Его чудовищный младенец.

Он так долго был творчески парализован, думал Кантлинг. Если бы только ему удалось заставить ее понять. Это же своего рода импотенция — утрата способности писать. Он был писателем, но это ушло в прошлое. Он был мужем, но его жена умерла. Он был отцом, но она пришла в себя и вернулась в Нью-Йорк. Она оставила его одиночеству, но в ту последнюю ночь, пока он крепко обнимал ее, она рассказала ему свою историю, она показала ему, где болит, она отдала ему всю эту боль. А что ему было делать с ней?

Потом он не мог забыть. Он думал об этом постоянно. Он начал в уме переформировывать, начал подыскивать слова, сцены, символы, которые придали бы ей смысл. Это было ужасно и омерзительно, но это была жизнь, мощная кровоточащая жизнь — вода для мельницы Кантлинга, именно то, что ему требовалось. Она показала ему, где было больно, а он может показать им всем. Нет, он сопротивлялся. Он пытался противостоять. Начал рассказ, написал очерк, докончил несколько критических заметок. Но то возвращалось. Настигало его каждую ночь. Не позволяло отвергнуть.

И он написал роман.

— Виновен,— сказал Кантлинг в темной комнате. И когда он произнес это слово, то обрел странное успокоение, прогнавшее ужас. Он признал правду. Он сделал это. И примет кару. Так будет только справедливо.

Ричард Кантлинг встал и направился к входной двери.

Бандероль была прислонена к стене.

Он, не разворачивая, внес ее в дом и поднялся по лестнице. Он повесит его рядом с остальными — рядом с Хью, и Сисси, и Барри Лейтоном — да, как в портретной галерее. Он сходил за молотком, тщательно измерил, вбил гвоздь. И только тогда развернул портрет и посмотрел на лицо, до этой секунды скрытое бумагой.

Никакой другой художник не изображал ее с такой верностью — не просто черты лица, угловатые скулы, голубые глаза, спутанные пепельные волосы, но внутреннюю сущность. Она выглядела такой юной, не тронутой жизнью, доверчивой, и еще он видел в ней силу, мужество, упорство. Но больше всего ему понравилась ее улыбка. Прелестная улыбка, улыбка, озарявшая все лицо. Улыбка эта словно напомнила ему кого-то, с кем он был когда-то знаком. Но вот кого, он вспомнить не мог.

Ричард Кантлинг испытал неясное краткое облегчение, тут же сменившееся даже еще более сильным чувством утраты — утраты настолько страшной, невозвратимой и абсолютной, что перед ней были бессильны слова, которым он поклонялся.

Затем это чувство исчезло.

Кантлинг отступил на шаг, скрестил руки и вгляделся в четыре портрета. Чудесная работа. Глядя на них, он почти ощущал их присутствие в доме.

Хью, его первенец, мальчик, каким он мечтал сам быть.

Сисси, его истинная любовь.

Барри Лейтон, его умудренное опытом, усталое второе «я».

Николь, дочь, которой у него никогда не было.

Его люди. Его персонажи. Его дети.

Неделю спустя пришла еще одна бандероль, заметно меньше тех. Внутри картонной коробки лежали экземпляры его четырех романов, счет и вежливая записка художника с вопросом, не будет ли еще заказов.

Ричард Кантлинг ответил, что не будет, и уплатил по счету чеком.

Содержание

Часть первая

Вкус Тафа

Зверь для Норна 15
(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)

Хранители 47
(Перевод О. Колесникова)

Часть вторая

Песнь голливудской сирены

Сумеречная зона. Дорога, по которой никто не путешествует 117
(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)

Порталы 141
(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)

Часть третья

Тасуя дикие карты

Черепашьи игры 221
(Перевод И. Тетериной)

Из дневника Ксавье Десмонда 281
(Перевод И. Тетериной)

Часть четвертая

Борьба человеческого сердца с самим собой

В осаде 367
(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)

Шесть серебряных пуль 405
(Перевод А. Жаворонкова)

Тупиковый вариант 501
(Перевод П. Полякова)

Стеклянный цветок 573
(Перевод Т. Черезовой под редакцией П. Полякова)

Межевой рыцарь. Повесть Семи королевств 619
(Перевод Н. Виленской)

Портреты его детей 703
(Перевод И. Гуровой)

Джордж Р. Р.

МАРТИН

George R. R. Martin

ISBN 978-5-699-24775-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА